

Российская академия наук
Государственный университет гуманитарных наук
Научно-образовательный центр по истории

Н. В. Александрова, И. А. Ладынин, А.А. Немировский, В. М. Яковлев

Древний ВОСТОК

Учебное пособие для вузов

А с т р е л ь

Российская академия наук
Государственный университет гуманитарных наук
Научно-образовательный центр по истории

Н.В. Александрова, И.А. Ладынин,
А.А. Немировский, В.М. Яковлев

Древний Восток

Учебное пособие
для вузов

Руководитель проекта —
академик РАН
А.О. Чубарьян

АСТ • Астрель
Москва

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
Д 73

Ответственный редактор проекта —
доктор исторических наук, профессор В.П. БУДАНОВА

Оформление обложки —
дизайн-группа «Дикобраз»

Д73 Древний Восток: учеб. пособие для вузов / Российская академия наук; Государственный университет гуманитарных наук; Научно-образовательный центр по истории; Н.В. Александрова, И.А. Ладынин, А.А. Немировский, В.М. Яковлев; рук. проекта А.О. Чубарьян. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 654,[2] с.

ISBN 978-5-17-045827-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-17872-6 (ООО «Издательство Астрель»)

Учебное пособие «Древний Восток» посвящено становлению, развитию и особенностям первых в мире цивилизаций, история которых начинается с IV тысячелетия до нашей эры.

Пособие состоит из 7 глав: «Древний Египет», «Древняя Месопотамия», «Малая Азия и Закавказье в древности», «Восточное Средиземноморье и Аравия», «Древний Иран», «Древняя Индия» и «Древний Китай».

Каждая глава имеет четкую структуру, облегчающую поиск нужного материала. Приводятся объяснения основных исторических терминов и понятий изучаемого периода.

Авторы книги — ведущие специалисты Института всеобщей истории РАН, Института востоковедения РАН, преподаватели Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета.

Для студентов высших учебных заведений, преподавателей и всех, интересующихся историей.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

Подписано в печать 20.07.2007 г. Формат 60x90¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,0. Тираж 3 000 экз. Заказ № 7029.

ISBN 978-5-17-045827-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-17872-6 (ООО «Издательство Астрель»)

© Н.В. Александрова, И.А. Ладынин,
А.А. Немировский, В.М. Яковлев, 2007
© ООО «Издательство Астрель», 2007

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ (В.П. Буданова).....	18
ГЛАВА I	
ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ (И.А. Ладынин)	26
Становление цивилизации и ее открытие наукой	26
Природные условия Египта	26
Специфические черты древнеегипетской цивилизации	30
<i>Древнеегипетский календарь</i>	31
<i>Египет в картине мира его древних обитателей</i>	32
Источники по истории Древнего Египта	35
<i>Египет в представлениях греческих авторов</i>	35
Дешифровка иероглифов и изучение древнеегипетского языка ..	38
Изучение Древнего Египта.....	41
<i>Периодизация истории и хронология Древнего Египта</i>	45
ЕГИПЕТ РАННЕГО ЦАРСТВА (до рубежа XXIX—XXVIII вв. до н.э.).....	46
Доисторический Египет (до середины IV тысячелетия до н.э.) ..	46
Возникновение ранних государств в долине Нила (вторая половина IV тысячелетия до н.э.).....	48
Общественная структура додинастического Египта	52
Объединение Египта при Менесе	54
Раннее царство (середина XXXI — рубеж XXIX— XXVIII вв. до н.э.).....	56
«Цари-Хоры» и «цари-Сеты»: распад и воссоединение Египта при II династии	58
<i>Древнейшие контакты Египта с внешним миром</i>	59
Египет Древнего царства	59
От Джосера до Снофру: III—IV династии.....	59
<i>Снофру — «владыка маат»</i>	62
<i>Деятельность Мечена и судьбы египетской общины</i>	63
<i>«Эпос о Менесе»: народная традиция против официального историописания</i>	64

IV династия: строители «великих пирамид»	64
V и VI династии.....	65
Царская власть в Египте в середине III тысячелетия до н.э. ...	67
«Поучение Птахотепа».....	68
Рядовые египтяне Древнего царства — работники царя и вельмож	69
Погребальная практика египтян III тысячелетия до н.э.	71
«Мир-двойник» гробниц Древнего царства.....	73
«Тексты пирамид».....	75
Религия и мифология Древнего царства	76
Упадок царской власти и конец Древнего царства	78
Египет I Переходного периода (XXII—XXI вв. до н.э.)	79
«Земля перевернулась подобно гончарному кругу»: экологическая и социальная катастрофа	79
Простые египтяне перед лицом катастрофы	82
<i>Бедствия страны и сомнения в религиозной истине</i>	84
<i>Царь и его ответственность перед богом</i>	85
Изменения в египетской религии в I Переходный период.....	86
<i>Суд Осириса</i>	88
Объединение Египта под властью Фив. XI династия.....	89
Среднее царство (конец XXI — начало XVII в. до н.э.).....	91
XII династия (1776—1794 гг. до н.э.).....	91
<i>Завоевание Нубии и контакты с Азией</i>	93
Аменемхет III — упрочение центральной власти.....	94
Древнеегипетское общество в эпоху Среднего царства. «Система смотров».....	95
<i>«Царские люди» и их роль в экономике Среднего царства</i> ..	97
Литература и религия Египта в эпоху Среднего царства	98
<i>«Тексты саркофагов» и гробницы Среднего царства</i>	100
Время XIII—XIV династий (около 1793 г. — начало XVII в. до н.э.)	102
Египет II Переходного периода	103
Гиксосское владычество (первая половина XVII — середина XVI в. до н.э.)	103
<i>Загадка о гиппопотамах</i>	105
XVII династия.....	105
<i>Гиксосы: характер завоевания ими Египта</i> <i>и интерпретация их обозначения</i>	106

Египет Нового царства. Эпоха XVIII династии (середина XVI — XIV вв. до н.э.)	107
Хатшепсут: женщина на престоле Египта	109
Решающая фаза войн Египта с Митанни (1468 — около 1410 г. до н.э.)	110
Египет в годы «амарнского мирового порядка». Аменхотеп III	112
Перемены в общественном сознании египтян в начале Нового царства (вторая половина XVI—XV в. до н.э.)	114
Аменхотеп IV (Эхнатон). Египет в годы «амарнской реформы» (1365—1348 гг. до н.э.)	118
<i>Атон — личный бог царя и источник абсолютной истины</i>	119
12-й год Эхнатона: гонение на традиционные культы	121
<i>Крах «амарнского мирового порядка»</i>	123
Постамарнское время (1348—1334 гг. до н.э.)	124
<i>Царствование Хоремхеба</i>	125
Последствия амарнской эпохи во внутренней жизни и мировоззрении Египта	126
Эпоха Рамессидов: XIX и XX династии (конец XIV — начало XI в. до н.э.)	128
Воцарение XIX династии. Начало хетто-египетского противостояния (1334—1290 гг. до н.э.)	128
<i>Династическая история Египта при первых Рамессидах: реальность и мифология</i>	129
Рамсес II (1290—1224 гг. до н.э.). Решающая фаза войн Египта с Хеттским царством	130
Первая волна нашествия «народов моря».	
Конец XIX династии	133
Вторая волна нашествия «народов моря» и Рамсес III	134
<i>«Большой папирус Харрис»</i>	135
Древнеегипетское общество в эпоху Нового царства	136
Древнеегипетская религия и культура в эпоху Нового царства	138
<i>Миф об Осирисе в литературном преломлении</i>	139
<i>Изучение заупокойных текстов и религии Нового царства</i>	140
Конец Нового царства	141
Египет Позднего времени (XI в. до н.э. — 332 г. до н.э.) ..	142
Начало III Переходного периода	142
Египет при ливийских царях (945 г. — вторая половина VIII в. до н.э.)	144
<i>Первое столкновение с Ассирией и децентрализация Египта</i>	144
Нубийское завоевание Египта. XXIV (саисская) и XXV (нубийская) династии	145

Подчинение Египта Ассирией. «Додекархия».....	147
«Саисское возрождение».....	148
<i>«Первый Армагеддон». Египет и Нововавилонское царство</i>	149
Филэллин Амасис (Яхмос II): «египетский Брежнев».....	150
Египетское общество и перемены в его мировоззрении в I тысячелетии до н.э.	152
<i>Перемены в религиозном мировоззрении позднего Египта..</i>	154
<i>Перемены в представлениях египтян Позднего времени о царской власти.....</i>	156
<i>Египетские поучения Позднего времени: представление о благочестии</i>	160
Последние века египетской цивилизации	161
Египет в составе державы Ахеменидов.....	161
Египет в IV в. до н.э.....	163
Египетские религиозные концепции середины I тысячелетия до н.э.	166
<i>Фиванская космогония «огдоады»</i>	168
Второе персидское владычество (343—332 гг. до н.э.).	-
Завоевание Египта Александром Македонским	169

ГЛАВА II

ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ (А.А. Немировский).....

Природа и население	171
<i>Ассирийцы и вавилоняне</i>	177
<i>От понятия «Шумер и Аккад» к понятию «Месопотамия».</i>	178
Периодизация истории Месопотамии.....	179
Месопотамия общин и городов-государств (VI тысячелетие — XXIV в. до н.э.).....	181
Заселение Месопотамии. Убейдцы-субареи.....	181
<i>Шумерская загадка</i>	182
Начало эпохи Урук. Ниппурский номовый союз.....	183
<i>«Колониальная система» эпохи Урук</i>	185
«Великий потоп»: мифы и реальность.....	186
<i>На пути к шумеро-аккадскому симбиозу.</i>	
<i>Культура Джемдет-Наср.....</i>	187
«Они писали на глине».....	188

Раннединастический период Шумера. Расцвет и закат номовых городов-государств	191
Социальная структура Шумера и рост рабовладения.....	193
Власть и правитель в городах Шумера.....	193
Возвышение и низвержение Киша.....	195
Гильгамеш и гегемония Урука.....	197
I династия Ура.....	198
<i>Лугальаннемунду — забытый покоритель мира</i>	199
«Вселенная» шумеров.....	200
<i>Эблаиты и сутии</i>	201
<i>От Армянского нагорья до Инда</i>	202
<i>Народы Иранского нагорья</i>	203
Месопотамия в конце III тысячелетия до н.э.	204
Лагаш Лугальанды и Умма Лугальзагеси.....	204
Держава Саргона Аккадского.....	205
Нарам-Суэн и падение аккадского могущества.....	208
<i>Гудеа — прислужник кутиев</i>	209
III династия Ура: бюрократизация государства.....	209
Крах Ура и закат Шумера и Аккада.....	211
Старовавилонский период (ок. 2000—1595 гг. до н.э.)	212
Общественный строй в Двуречье первой половины II тысячелетия до н.э.	212
I династия Иссина.....	216
Господство амореев в Двуречье.....	217
Взлет и распад державы Шамши-Адада.....	219
Создание державы Хаммурапи.....	221
<i>Хаммурапи, справедливый государь</i>	223
Вавилонское общество времен Хаммурапи.....	225
<i>Законы Хаммурапи</i>	226
Вавилония при наследниках Хаммурапи. Нашествие касситов... ..	229
Средневавилонский период (XVI—XII вв. до н.э.)	231
Общественный строй Касситской Вавилонии.....	231
Внешняя политика Касситской Вавилонии.....	233
<i>Кадашман-Эллиль I и Египет: безуспешное сватовство</i>	235
Ассиро-вавилонские войны и падение касситской династии ..	236
Мировоззрение и культура Древней Месопотамии	237
Магико-мифологическая картина мира и ее основы.....	238
<i>Теория мифологического мышления</i>	240

<i>Рациональная природа древней картины мира</i>	242
<i>Человеческая личность на древнем Ближнем Востоке</i>	243
<i>«Религия» и этика на древнем Ближнем Востоке. Понимание добра и зла</i>	244
Вселенная, ее силы и судьбы	245
<i>Судьба человека в мире богов</i>	247
Влияние богов на земную жизнь людей	249
<i>Месопотамский взгляд на жизнь: рациональный социализированный гедонизм</i>	252
Представления о царской власти	257
Ритуал и царь	258
<i>«Мандат на правление» и смена царей</i>	260
Культура Древней Месопотамии	262
Грамота и школы	262
Развитие научных познаний	263
<i>Вавилонский календарь и рождение астрологии</i>	264
<i>Математика и практика</i>	265
<i>Медицина и знахарство</i>	265
<i>Зодчество и скульптура Двуречья</i>	266
Пантеон богов Двуречья	267
Некоторые мифы	268
<i>«Энума Элиш»</i>	269
«Эпос о Гильгамеше» и мировоззрение жителей Месопотамии ..	271
<i>Смысл человеческой жизни в «Эпосе о Гильгамеше»</i>	273
<i>Вавилонские «теодицеи»</i>	277
<i>«Диалог господина и раба»</i>	278
Ассирия — «мировая держава» Месопотамии	282
Город-государство Ашшур: предыстория империи	283
Становление империи: от Ашшур-убаллита до Адад-нерари ..	286
Первое великодержавие Ассирии	289
Войны с Вавилонией и крах завоеваний Ассирии	291
<i>Реванш Вавилонии</i>	292
Второе возвышение Среднеассирийской державы (конец XII — середина XI в. до н.э.)	293
Нашествие арамеев. Ассирия на переломе эпох	294
Ассирийский общественный строй	295
<i>Специфические черты Ассирийского государства</i>	298
Первое возвышение Новоассирийской державы (IX — начало VIII в. до н.э.)	300
Походы Ашшурнацирапала II	300
Салманасар III: борьба за империю	301
<i>Женщина у власти: правление Семирамиды</i>	302

Тиглатпаласар III — преобразователь империи	302
<i>Военная реформа Тиглатпаласара III</i>	303
<i>Завоевания Тиглатпаласара III</i>	305
Преемники Тиглатпаласара	307
<i>Разгром Урарту Саргоном II</i>	308
<i>Ассирия и Вавилон: неразрешимая проблема взаимоотношений</i>	309
Правление Синаххериба	309
Асархаддон: смена курса	311
<i>Походы Асархаддона: от Мидии до Египта</i>	312
Ашшурбанапал: грамотей на престоле	313
Ассирия в правление Ашшурбанапала: колосс на глиняных ногах	316
<i>Культура Ассирии</i>	317
Нововавилонское царство	318
Переднеазиатский геополитический переворот конца VII в. до н.э.	318
Скифский разгром Ассирии и возвышение Вавилона	319
«Мировая война» за ассирийское наследство	320
<i>Причины крушения Ассирийской державы</i>	322
Общественный строй Вавилонии в VII—VI вв. до н.э.	323
Вавилон и Египет в борьбе за Левант	325
<i>Вавилония Навуходоносора</i>	326
Преемники Навуходоносора	327
Падение Халдейской Вавилонии	328
Вавилон при халдейской династии	330
ГЛАВА III	
МАЛАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬ	
В ДРЕВНОСТИ (А.А. Немировский)	333
Анатолия и Армянское нагорье в древности	334
Хеттское царство	337
Складывание народности и государства	337
<i>Народ умман-манда и появление индоевропейцев в Азии</i>	338
<i>Этноним «хетты» — условность, созданная учеными</i>	339
Страна Хатти и царство Канеса	339
<i>Каниш как первый центр международной торговли</i>	340

Держава Анитты.....	341
Древнехеттская держава. Общество и государство.....	342
Хаттусили I и его преемники.....	343
Новохеттский период. Общественный строй и система управления хеттов.....	345
Новохеттское великодержавие. Узурпатор Суппилулиума и расширение границ.....	348
<i>Сватовство рождает войну</i>	350
Хеттское царство при потомках Суппилулиумы.....	350
<i>Соседи хеттов на западе: царства Арцава и Илион</i>	353
Борьба хеттов с ахейцами и «Троянская война».....	354
<i>Хеттское «царство амазонок»</i>	356
Великое переселение балкано-эгейских народов на Восток и гибель Хеттского царства.....	356
Мировоззрение и культура хеттов	359
Хеттская мифология.....	359
Хеттская литература и этика.....	362
<i>Царь и подданные у хеттов</i>	364
Малая Азия в I тысячелетии до н.э.	367
Фригийцы и Фригийское царство.....	367
Лидийское царство.....	368
Хурритский мир II—I тысячелетий до н.э.	370
Возвышение и могущество Митанни.....	372
Общество и власть в Митанни.....	373
Хетто-митаннийские войны и падение Митанни.....	375
Урарту — от племенного союза к военной державе.....	376
Урартские завоевания.....	377
Древнейшее армянское царство.....	378

ГЛАВА IV

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

И АРАВИЯ (А.А. Немировский)..... 380

Территория и население..... 380

Каин и Шет: кочевники против горожан..... 383

Древнейшая история Восточного Средиземноморья..... 384

Миграции семитских племен..... 384

Раннее государство Эбла..... 385

Восточное Средиземноморье во II тысячелетии до н.э.	386
Ямхад и объединение гиксосов.	386
Этнополитическая карта Леванта в XVI—XII вв. до н.э.	387
Геополитический переворот XII—XI вв. до н.э.	388
<i>Город-государство Угарит.</i>	389
Восточное Средиземноморье в первой половине I тысячелетия до н.э.	390
Финикийская колонизация	390
Тиро-Сидонское царство.	391
<i>Дамасское царство.</i>	392
Древнейшая история евреев.	393
Возникновение Израильского царства	394
Израиль эпохи первого Храма	395
<i>Древнееврейское общество.</i>	396
Социально-религиозная борьба в Израиле: путь к теоцентризму.	397
<i>Ветхозаветные пророки и рождение Абсолютного Бога</i>	399
Восточное Средиземноморье — «яблоко раздора» для великих держав.	399
Культура и религия Восточного Средиземноморья.	401
Финикия: письменность и мифология	401
От исконных древнееврейских представлений к теоцентризму.	402
<i>Древнееврейская литература и Ветхий Завет</i>	404
Аравия в I тысячелетии до н.э.	406
Расселение арабов	406
Саба и государство юга Аравии.	407
 ГЛАВА V	
ДРЕВНИЙ ИРАН (А.А. Немировский).	409
Природа и население	409
Элам — древнейшая цивилизация Ирана	411
Иранская «ойкумена» и внешняя политика Элама	412
Шутрукиды и их наследники.	413
<i>Пришествие ариев и гибель древнеиранской цивилизации.</i>	415
Древние арии и их переселения на юг Евразии.	415
Переселение ариев в первой половине II тысячелетия до н.э.	416
Вторая волна миграций ариев: расселение ираноязычных племен.	417
Общество и культура древних ариев	419

Иран и Мидия в I тысячелетии до н.э.	420
Ранние государства мидян и «авестийских ариев»	420
Киммерийцы и скифы.....	422
Рождение Мидийского царства	423
Взлет Мидийского царства при Киаксаре.....	423
«Мировая» держава Ахеменидов	425
Персия на взлете: экспансия и династические смуты	426
<i>Кир — создатель империи</i>	428
Реформы Дария I: упорядочение финансов и администрации.	429
Держава Ахеменидов при преемниках Дария.....	430
<i>Судьба «мировой державы» Азии после Ахеменидов</i>	432
Культура и мировоззрение Древнего Ирана. Зороастризм	433
<i>«Авеста»</i>	435
ГЛАВА VI	
ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ (Н.В. Александрова)	436
Древняя цивилизация в долине Инда	436
Градостроительство протоиндийской цивилизации	437
Хозяйство и торговля.....	438
Общество индской цивилизации.....	440
Истоки и судьба индской цивилизации.....	441
<i>Мохенджо-Даро — крупнейший город протоиндийской цивилизации</i>	442
<i>Протоиндийская письменность</i>	443
<i>Хараппское искусство: люди и божества</i>	444
Ведийская эпоха в Индии	445
Хозяйство и общество индоариев	446
Раджи и первые царства индоариев.....	448
Варны	449
Дваждырожденные: брахманы, кшатрии и вайшьи.....	449
<i>Ашрамы</i>	451
Шудры и «неприкасаемые»	451
Ведийская литература Древней Индии	452
«Ригведа».....	452
<i>Брахманы (тексты)</i>	454
<i>Упанишады</i>	454
<i>Брахманские сутры</i>	455

Эпическая литература Древней Индии. «Махабхарата».....	456
«Бхагавадгита»	458
«Рамаяна»	458
Пураны.....	459
Ведийская религия	459
Ведийские боги: Индра, Варуна, Агни.....	461
Сома	463
Демоны и духи ведийской Индии	463
Культ предков	464
Человек и космос в ведийской религии.....	464
Карма и дхарма	465
Гуру и риши.....	465
Индия в магадхско-маурийский («буддийский») период	466
Правители Магадхи	468
Государственный строй Индии эпохи Маурьев.....	469
Военные силы Индии эпохи Маурьев.....	470
Держава Маурьев: от Чандрагупты Маурья до Ашоки (конец IV—II в. до н.э.)	471
Ашока — мудрый правитель.....	472
Мегасфен.....	473
Паталипутра. Архитектура и искусство в маурийский период	474
Религиозные искания эпохи Маурьев: на путях постижения истины	475
Ранний буддизм	475
Будда.....	476
«Четыре благородные истины» и философские основы буддизма.....	478
Буддийские монахи	479
Буддийские секты раннего периода.....	481
Ступа.....	482
Джайнизм	482
Вардхамана — последний тиртханкара	484
Дигамбары и шветамбары	484
Адживики	484
Индия в период поздней древности (II в. до н.э. — V в. н.э.)	485
Индо-греческие царства. Вторжение сакских племен и парфян...	486
Кушаны в Индии.....	488
Кушанский царь Канишка и его ступа в Пурушануре.....	488

Династия Гуптов и ее расцвет при Чандрагупте II.....	489
<i>Фа-сянь и Сюань-цзан:</i>	
<i>Индия глазами китайских паломников</i>	490
Частная жизнь и быт древних индийцев.....	491
Классическая санскритская литература.....	492
<i>Бхаса у истоков драматургии</i>	493
<i>Калидаса — поэт любви</i>	493
Буддизм в период II в. до н.э. — V в. н.э.	494
Хинаяна, или тхеравада.....	495
Махаяна.....	496
<i>Бодхисаттва — идеал сострадания</i>	497
<i>Нагарджуна. Философская школа мадхьямака</i>	498
Буддийская литература Древней Индии и Палийский канон..	499
<i>Джатаки</i>	501
« <i>Дхаммапада</i> ».....	501
<i>Поэт Ашвагхоша</i>	502
Искусство буддизма на рубеже эпох.....	502
<i>Рельефы Бхархута</i>	503
<i>Буддийские ступы из Санчи</i>	503
<i>Скульптура Гандхары</i>	504
Индуизм	505
Вишну — Кришна: аватары и спасение мира.....	507
Грозный бог Шива.....	508
Брахма. Космология индуизма.....	508
<i>Локапалы и низшие духи: якши и наги</i>	509
<i>Царь обезьян Хануман</i>	510
« <i>Шесть даршан</i> ».....	510
ГЛАВА VII	
ДРЕВНИЙ КИТАЙ (В.М. Яковлев)	511
Неолитический период: культуры Яншао и Луншань.....	513
Категории и реалии китайской культуры: письменность.....	514
<i>Древнейший календарь</i>	516
Культ предков и Шанди.....	517
<i>Гадания</i>	518
<i>Бронзовые сосуды</i>	519
<i>Надписи на бронзе</i>	519

Ранний период китайской истории, отраженный в преданиях	520
Эра пяти добродетельных императоров.....	520
<i>Династия Ся согласно легендам</i>	521
Племена и этногенез китайцев.....	522
Хозяйство и общество раннего периода китайской истории.....	523
Эпоха Ся: правление Юя.....	524
<i>Экономическая география государства Ся</i>	525
Упрочение династии Ся и централизация власти.....	526
Эпоха Шан-Инь	527
Смена столиц и борьба династии Шан за «место под солнцем».....	529
Занятия и ремесла в Китае эпохи Шан-Инь.....	531
Социальное неравенство: байсин и минь.....	533
Династия Чжоу	534
Западное Чжоу.....	535
<i>Титулы ван и хуанди</i>	537
<i>Вэнь-ван</i>	538
<i>Система фэнцзянь</i>	538
Хозяйство и налогообложение.....	539
Социальная иерархия.....	540
Военные конфликты и походы.....	540
Эпоха Чуньцю.....	542
Круговращение власти в Чжоу: ваны в борьбе за власть.....	543
<i>Племена и народности</i>	545
Общественное производство и торговля.....	546
Социальное расслоение.....	547
<i>Летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени»)</i>	548
<i>«Пять гегемонов»</i>	549
<i>«Мандат Неба»</i>	549
Философские школы эпохи Чуньцю	550
Конфуцианство.....	550
<i>Конфуций</i>	511
<i>Канонические книги</i>	553
<i>Мэн-цзы (Мэн Кэ)</i>	554
Даосизм.....	555
<i>Лао-цзы</i>	557
Моизм.....	557

Период Чжаньго, или «Сражающихся царств»	558
«Сражающиеся царства»: территории и границы	560
Краткая летопись междоусобиц «Сражающихся царств» и экспансия Цинь	562
Общественное производство и изменения в социальной структуре. Реформы Шан Яна	566
Легизм	567
<i>Гунсунь Лун</i>	568
Империя Цинь	568
<i>Великая Китайская стена</i>	569
<i>Сожжение книг</i>	570
<i>Восстание Чэнь Шэна и У Гуана</i>	571
Оппозиция царства Чу и возвышение Лю Бана	571
Империя Хань	573
Ранняя Хань. Правление Гао-цзу (Лю Бана)	575
Преемники Лю Бана: смертельная борьба за власть	575
«Сюнну»	577
Правление императора У-ди и борьба с кочевыми племенами ...	578
Правление Чжао-ди	581
Правление Сюань-ди и дробление удельных княжеств в I в. до н.э.	583
<i>Великий шелковый путь</i>	584
Внешние отношения. Усиление племен «цянов»	585
«Мягкие» правления Юань-ди и Чэн-ди	587
<i>Культ и обряды</i>	588
Хозяйство и государственный аппарат Западной Хань	589
Последние правители династии Западной Хань	590
Философская и историческая мысль эпохи Ранней Хань ..	591
Дун Чжун-шу	591
<i>Инь и ян</i>	592
«Пять начал»	592
<i>Бай-ди</i>	593
Сыма Цянь	594
Ян Сюн	594
Бань Гу	595
Ван Чун	595
Закат Западной Хань и гражданская война	596
Ван Ман	596
Реформы Ван Мана	599

Внешние отношения в правление Ван Мана	600
Восстание «Красных бровей»	601
Лю Бо-шэн	603
Падение Ван Мана	604
Правление Гэнши-ди и его падение	604
Поражение «Красных бровей» и окончание гражданской войны ..	606
Правление Гуан У-ди. Начало Поздней Хань	607
Китай и сопредельные народы в правление Гуан У-ди	609
<i>Восстание лаквьетов</i>	611
«Спокойные десятилетия»	611
Положение бюрократии и ее функционирование	611
<i>Водные пути</i>	613
Возвышение Доу Сяня. Падение рода Доу	614
Воцарение Ань-ди. Регентство вдовствующей императрицы Дэн ..	615
Хань и «сюнну»: извечный спор	616
Образование и экзамены для чиновников в I—II вв. н.э.	617
<i>Чжан Хэн</i>	618
От Шунь-ди до Хуань-ди: «расцвет» фаворитизма и клановость	619
Власть и бюрократия при Шунь-ди и Хуань-ди	620
<i>Цуй Ши и Лю Тао: призывы к благоразумию и справедливости</i>	623
<i>Чэнь Фань: сановник в борьбе за экономию и справедливость</i>	624
<i>Массовые выступления</i>	625
Правление Лин-ди и ослабление династии: борьба евнухов и сановников империи	626
<i>Нарастание волнений некитайских народностей</i>	627
Восстание «Желтых повязок» и гибель Поздней Хань	628
Регенство императрицы Хэ. Истребление евнухов и действия Юань Шао и Дун Чжо	630
Оппозиция диктату Дун Чжо	632
Период многовластия. Усиление Цао Цао	634
Конец империи Хань	637
Литература	639

ВВЕДЕНИЕ

История Древнего мира как часть мировой истории началась на Востоке. Именно здесь сложился человек современного типа, зародились первые цивилизации, были созданы культурные и политические ценности, вошедшие в сокровищницу мировой культуры. Именно на Древнем Востоке в результате постепенного накопления материальных и духовных ресурсов был впервые создан приспособленный к человеку мир, в котором закладывались основы бытия, совершенствующие и развивающие самого человека.

Определение места Древнего Востока в мировой истории, его вклада в цивилизационное развитие, знакомство с его социально-политическими, экономическими и культурными структурами, с основными фактами, событиями и явлениями древневосточного мира — главное содержание настоящего учебного пособия. Изложенный в нем материал соответствует современному уровню развития исторической науки, учитывает основные требования к повышению уровня преподавания и подготовки специалистов с высшим образованием.

История Древнего Востока является составной частью общего курса истории Древнего мира и изучается, как правило, на первом курсе. Эта дисциплина призвана не только дать студентам системные научные знания, но и сформировать новое, адекватное реальности мировоззрение, толерантность и гуманизм.

Авторы поставили своей задачей показать взаимодействие человека с природой, охарактеризовать экономическое развитие древних обществ, различные формы социального и политического строя, становление идей и институтов, раскрыть на конкретном материале позитивный след в истории каждого из народов древности, мужество, благородство, мудрость человека древневосточного мира.

Именно с этой целью в учебном пособии реализован цивилизационный подход. Категория «цивилизация» используется авторами в значении этапа истории человечества, связанного со всем многообразием его жизни в условиях рукотворной среды обитания, а также как обозначение оп-

ределенной стадии развития общества, сменяющей первобытность. Цивилизационный подход предполагает отказ от жесткого детермизма, т.е. представления об определяющем значении какой-либо одной стороны жизни общества, и акцентирует внимание на тесной взаимосвязи экономической, политической и духовной сфер. Подобный подход к истории Древнего Востока даёт возможность увидеть, каким образом происходило становление принципиально нового этапа всемирной истории, каковы признаки первых цивилизаций, как в древности начиналось «единство» истории, ее всемирность, как различные формы диалога цивилизаций и культур влияли на системность исторических подъемов и кризисов, и поразмышлять, почему в жизни цивилизаций так недолговечны эпохи расцвета и так долговременны периоды кризиса.

Древним Востоком принято называть огромную территорию от Северо-Западной Африки до Тихого океана, от Сахары до Индийского океана и до Великой степи. В этой обширной географической зоне в основном субтропического климата с очень жарким, сухим летом и мягкой зимой, где бассейны рек с плодородными аллювиальными долинами перемежались с каменистыми пустынями, обширными плоскогорьями и горными хребтами, в эпоху «неолитической революции» были созданы предпосылки для становления первых цивилизаций.

Разразившийся в канун «неолитической революции» экологический кризис изменил климатические условия обитаемой части суши, растительный и животный мир, ускорил переход от присваивающего, потребляющего и, следовательно, неприбыльного хозяйства к производящему, рационально организованному, приносящему значительный прибавочный продукт, что сыграло поистине революционную роль в истории Древнего Востока. С выделением земледелия, скотоводства, а впоследствии ремесла в отдельные виды трудовой деятельности перед человеком открылись новые возможности и перспективы оседлого быта с гарантированным удовлетворением витальных потребностей, что кардинально изменило его образ жизни. Стабильное существование сопровождалось демографическим «взрывом», усилением миграционных процессов, быстрым освоением пригодных для земледелия территорий. По мере увеличения плотности населения нарастала борьба за плодородные земли, за территории с богаты-

ми природными ресурсами. Первые шаги древневосточных цивилизаций сопровождалась многочисленными войнами, нарастающей хаотичностью и неупорядоченностью сложно пульсирующего мира, растворявшего человека в своей бесструктурности. С переходом от присваивающего хозяйства к производящему слабела зависимость человека от природы и возрастала роль отношений внутри человеческого коллектива и организации труда в нем, так как это прямо влияло на выживание человека.

Один из знаковых признаков становления новых цивилизаций — возникновение частной собственности и денежного обращения. Древний Восток преодолел уравнилительное распределение, что создавало экономический интерес человека к приумножению собственности, прежде всего для себя, для своей семьи, включало мотивационные механизмы, которые побуждали его лучше трудиться, находить более эффективные способы возделывания земель, выращивания скота, изготовления ремесленных изделий, строительства домов и сооружений, регулярно приносящих доход. Все это, как и обмен продуктами, в сочетании с поиском выгоды, накоплением богатств в конечном итоге многократно наращивало темпы прогресса. Появление института частной собственности и владения имуществом, включая землю, вело к концентрации богатств в руках одних и потере их у других. Шло социальное расслоение прежде единой первобытной общины, появление богатых и бедных. Верхушка общины, сосредоточив в своих руках право распоряжения лучшими землями, стадами, захваченным у противника богатством и пленными, закрепила это имущество за собой. Мелкие частные собственники — земледельцы, скотоводы, ремесленники — присваивали часть имущества, ранее находившегося в их личном пользовании. В той или иной мере они пользовались и общинной собственностью (выпасы для скота, страховые запасы семян и др.). Объектом собственности был и сам человек, ибо рабский труд также приносил доход. Однако рабовладение не стало экономической основой и ведущим признаком древневосточных цивилизаций.

В ходе «неолитической революции» окончательно оформилась потестарная (властная) структура (вожди, жрецы), впоследствии ставшая основой института *государства*. Появление публичной власти в лице царя, придворных, военна-

чальников, судей и др. включало механизм внутреннего регулирования социальных отношений и конфликтов, а также внешней защиты, опираясь на нормы права. Отметим также то, что законодательство в целом демонстрировало высокий уровень понимания места человека в государстве, степень и формы его отношений с государством, государственными институтами и членами общества. Нормы права (Законы Хаммурапи и др.), являясь демонстрацией государственной власти, выражали и основы принятой в обществе морали.

Оседлый образ жизни привел к увеличению средних размеров общины, к образованию территориальной общины, которая, теряя родовой характер, стала организацией соседей, живущих на определенной территории. В тоге рост общины, которая включала отдельные домохозяйства, большие семьи и семейные общины, привел сначала к появлению больших поселений, а затем и *городов*. Первые в истории человечества города стали возникать в Южной Месопотамии уже в V тысячелетии до н.э. Появление городов как административно-хозяйственных, военных и культурно-религиозных центров, как мест концентрации материальных и интеллектуальных ресурсов какого-либо региона Древнего Востока стало одним из важнейших признаков цивилизационного развития.

Быстрый рост численности населения, его высокая плотность в отдельных областях, развитие ремесел и строительства, появление административных центров зарождающихся государств, необходимость их укрепления привели к так называемой «городской революции» — созданию обширной сети городов. С ростом городов и концентрацией населения в них развернулись строительство и ремесла, активизировался обмен, шло формирование разносторонней городской культуры. *Монументальным строительством* дворцов, храмов, пирамид для усопших древневосточные цивилизации демонстрировали возможности и потенциал своего развития. Так закладывались основы одной из ярких традиций, сохранившихся до нашего времени, — демонстрировать свое величие в памятниках монументальной архитектуры, которые олицетворяли, становясь символом, ту или иную цивилизацию.

Однако высшим «достижением» древневосточных цивилизаций стал сам человек и его беспрецедентный интеллектуальный прорыв в будущее — изобретение *письменности*, ставшее второй, после появления членораздельной речи, ин-

формационной революцией. Открылась возможность не только накапливать и приумножать жизненный опыт, но и передавать накопленное последующим поколениям. Возникшая к рубежу IV—III тысячелетий до н.э. клинопись уже во второй половине II тысячелетия до н.э. стала на Ближнем Востоке средством международного общения. Письменность имела огромное самостоятельное значение в развитии абстракции, была одним из самых мощных инструментов ее развития. Все ранние письменности восходили к *слову* как выражению сущности вещей, из которых состоял мир. С рождением первых цивилизаций знание стало заключаться в слово, а нахождение нужных слов превратилось в процесс познания, который продолжается вплоть до наших дней. Изобретение письменности стало, таким образом, одним из ярких свидетельств материальных и интеллектуальных возможностей цивилизаций Древнего Востока.

Становление и развитие Древнего Востока имеет ряд характерных особенностей. Создание производящей экономики и появление частной собственности усложняли социальную структуру, разделяя родовое общество на прослойки, различавшиеся богатством, знатностью и влиянием на сородичей. В результате стали складываться отношения *эксплуатации* как отчуждения рабочего времени и продуктов труда одними членами общества у других. У некоторой части общества появилась возможность жить за счет эксплуатации. В странах Древнего Востока шло постепенное формирование трех основных *классов*: рабов (рабы-чужеземцы, рабы-должники) и работников рабского типа, ведущих свое хозяйство, мелких производителей (свободные и зависимые земледельцы, ремесленники) и господствующего класса (земледельческая и служилая знать, жречество, богатая верхушка селян и горожан). Эти классы состояли из различных слоев, отношение к которым определялась юридическим и бытовым положением человека, его имущественной состоятельностью и сословной принадлежностью. *Сословность* определялась по правовому и престижному положению. По степени свободы и формальной независимости от других выделялись полноправные и неполноправные граждане, а также рабы. Эта довольно сложная классовая и социальная структура отражала высокий уровень развития древневосточного общества в сравнении с первобытным.

Важная особенность истории Древнего Востока — наличие *общины*, которая сохраняла коллективистские формы жизни, несмотря на имущественную и социальную дифференциацию, на интенсивное развитие отношений частной эксплуатации. В ряде стран с общиной сочеталась *восточная деспотия* — режим абсолютной, неограниченной власти царя. Восточная деспотия либо разрушала общину, либо подчиняла общинные структуры, превращая их в низшие органы администрации, либо ограничивалась верховным контролем над общиной. Наряду с деспотией, политический строй Древнего Востока был представлен номовой монархией, ограниченной коллективными общинными институтами, и олигархической («аристократической») республикой.

Пояс древних цивилизаций включает цивилизации Египта, Месопотамии, Малой Азии и Закавказья, Восточного Средиземноморья и Аравии, Ирана, Индии и Китая. Относительно *хронологических* рамок истории древневосточных цивилизаций нет полного единства. В значительной степени это объясняется тем, что становление и гибель цивилизации нельзя точно приурочить к строго определенному времени. С известной степенью условности начальным периодом развития древних цивилизаций можно считать IV тысячелетие до н.э., а завершением их истории для Ближнего Востока — IV в. до н.э., для Южной и Восточной Азии — III—V вв. н.э. В истории Древнего Востока выделяют три эпохи, различающиеся по социально-экономическому облику (периодизация Г.А. Меликишвили). *Первая* эпоха (конец IV—III тысячелетие до н.э.) отмечена формированием и доминированием крупных централизованных государств. В трех регионах — Египте, Южной Месопотамии, Индии — складывались первые в мире цивилизации, утверждались ранние номовые государства. На их периферии, в Северной Месопотамии, Анатолии, Восточном Средиземноморье, Иране, Средней Азии шел процесс формирования протогородских центров и номовых государств. *Вторая* эпоха (II — начало I тысячелетия до н.э.) характеризуется доминированием мелких хозяйств, охваченных государственной эксплуатацией. На этом этапе сложились первичный очаг цивилизации в Китае, новый центр в Индии в долине реки Ганг, сеть номовых государств в Восточном Средиземноморье. В Малой Азии и Северной Месопотамии сформировались Хеттская, Митаннийская, затем Фригийс-

кая и Урартская державы. Первенства на всем Ближнем Востоке достигло Ассирийское царство. На рубежах Восточного Средиземноморья стали складываться объединения и союзы племен (гиксосское, древнееврейское, арамейские), перераставшие в ранние государства. *Третья* эпоха (середина I тысячелетия до н.э. — середина I тысячелетия н.э.) ознаменована подъемом товарно-денежных отношений и ростом крупной частной собственности. На этом этапе обширные пространства Ближнего и Среднего Востока были ввергнуты в новый передел мира, завершившийся созданием государства Ахеменидов (рубеж VI—V вв. до н.э.). В I тысячелетии до н.э. сложился непрерывный пояс классовых, высокоорганизованных и активно взаимодействующих обществ — от Атлантического до Тихого океана, — которые ко II в. н.э. вошли в состав четырех великих цивилизаций — Римской, Парфянской, Кушанской и Ханьского Китая. Завершилась третья эпоха Великим переселением народов (IV—VI вв.), которое затронуло Восток не меньше, чем Запад.

В учебном пособии предложена современная, апробированная в высшей школе последовательность изложения материала, который структурно разделен на 7 глав. Внутреннее информационное пространство каждой главы представляет собой трехуровневую конкретизацию исторического материала, состоящего из тестов-блоков. Каждый из таких текстов имеет самостоятельное смысловое содержание и логическую завершенность. Все тексты-блоки связаны по принципу — от общего к частному. Сначала дается общий очерк того или иного исторического периода или явления, потом идет рассказ о связанных с ним отдельных событиях, которые далее конкретизируются на уровне исторических портретов, сюжетов о произведениях искусства, предметах материальной культуры и пр. Каждый из таких текстов, при всей их взаимосвязи, имеет самостоятельную содержательную и логическую завершенность. Такое структурно-логическое построение материала реализует некоторые элементы программированного обучения и придает пособию многоцелевой и многофункциональный характер. Пособие сочетает в себе возможности традиционного издания подобного рода, дающего целостную историческую картину, дополняющего и конкретизирующего материал учебника, и своеобразного пособия-справочника, позволяющего оперативно выбрать и

использовать в учебном процессе необходимые материалы по истории Древнего Востока.

Учебное пособие предназначено для преподавателей и студентов вузов гуманитарного профиля. Оно может быть полезным учителям учреждений среднего образования. Доступный язык изложения, сжатый, «клиповый» текст и структура пособия дают возможность старшим школьникам, учащимся колледжей и лицеев дополнить свои знания по истории Древнего Востока.

Пособие подготовлено ведущими специалистами Института всеобщей истории РАН, Института востоковедения РАН, преподавателями Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета.

*В.П. Буданова,
доктор исторических наук,
профессор*

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

СТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕЕ ОТКРЫТИЕ НАУКОЙ

Природные условия Египта

Согласно древнегреческому историку Геродоту из Галикарнасса, посетившему Египет в середине V в. до н.э., «вся страна, наводняемая и орошаемая Нилом, принадлежит Египту, и все люди, живущие ниже Элефантины и пьющие нильскую воду, — египтяне». Иными словами, в древности Египтом называлась долина Нила — вытянутая с юга на север полоса земли на северо-востоке Африки, которую великая река во время своих ежегодных разливов затопляла, обеспечивая ее плодородие. Упомянутая Геродотом Элефантина — крайний город на юге Египта: выше по течению реки (т.е. южнее) от него находится первый порог Нила, бывший границей Египта и Нубии.

К северу от Элефантины долина Нила на большем ее протяжении очень узка (от 4 до 20 км в ширину); эта ее часть получила наименование *Верхний Египет*. Ниже по течению (севернее) от древней столицы Египта г. Мемфис течение Нила разветвляется на несколько рукавов, образующих так называемую *Дельту* (название, данное древними греками,

потому что на карте эти рукава напоминали перевернутую букву греческого алфавита), — плодородное и значительно более широкое, чем долина Нила, пространство, на котором в древности особенное развитие получило скотоводство; долина Нила в районе Мемфиса и Дельта вместе часто называются *Нижний Египет*.

В наше время Дельта образована двумя рукавами (устьями) Нила — Розеттским (западным) и Дамиэттским (восточным); в разные периоды древности их число колебалось от пяти до семи (античные авторы приводят разное их количество и названия). Устья Нила впадают в Средиземное море, побережье которого в древности представляло собой болотистую область, малопригодную для жизни; и города, и сельские поселения начинались ближе к центру Дельты.

С Красным морем Египет соединяла пересохшая речная долина Вади-Хаммамат, шедшая от г. Коптос в Верхнем Египте к району современного Косейра (егип. Гасуу) на морском побережье, где находилась важная морская гавань. На побережье Средиземного моря, из-за его необжитости, гаваней не было; здесь морские порты египтян были, как и обычные поселения, отнесены в глубь Дельты. Именно таким образом в середине I тысячелетия до н.э. возникает важная древнегреческая торговая колония в Египте Навкратис; лишь в начале эпохи эллинизма, во время завоевания Египта Александром Македонским, непосредственно на морском побережье, недалеко от впадения в море Канопского устья Нила, основывается укрепленный пункт, ставший затем крупнейшим торговым центром и резиденцией царей эллинистического Египта — Александрия Египетская. Характерно, что и египтяне, и люди Античности воспринимали этот город как своего рода «нарост» на территории Египта, а не его органическую часть, именуя его, в частности, «Александрия при Египте».

С обеих сторон долину и Дельту Нила окаймляли пустыни (Ливийская на западе, Аравийская на востоке); восточная часть Дельты граничила с Суэцким перешейком, соединяющим Африку с Азией; кроме того, от Восточной Дельты ответвлялась еще одна пересохшая долина Вади-Тумилат, шедшая в направлении Синайского полуострова. С запада к долине Нила в ее средней части примыкает обширный Фаюмский оазис; еще несколько оазисов (Сива, Бахрия, Дахла,

Харга) лежат значительно дальше, в глуби Ливийской пустыни, и соединяются с Египтом караванными путями.

Как видно, Египет — очень компактная страна с четкими естественными границами, отделяющими ее от остального мира. Относительная изоляция Египта обеспечивалась не только его границами, которые отнюдь не были непреодолимыми (например, Восточная Дельта всегда была своего рода «контактной зоной», обеспечивавшей взаимодействие Египта с его азиатскими соседями), но прежде всего тем, что вблизи от них на большем протяжении древней истории обитали народы, уступавшие египтянам по своей численности и уровню своего развития и не представлявшие для них угрозы. Благодаря этому вторжения в Египет были очень редки и ни разу не привели к смене преобладавшего в его населении этноса (египтян — народа, образующего особую группу в составе афразийской, или семито-хамитской языковой семьи).

В древности Египет был исключительно богатой страной. Основой его богатства и процветания явились обеспечивавшие высокое плодородие почвы разливы Нила, которые египтяне поставили себе на службу с помощью системы ирригации. Они происходят ежегодно благодаря таянию снегов и весенним дождям у истоков Нила (рек Голубой Нил и Атбара) на Эфиопском нагорье. В Египте начало Половодья (особого сезона египетского календаря, связанного с циклом сельскохозяйственных работ) приходилось на середину июля: нильская вода заливала поля и удерживалась там при помощи системы дамб, причем в это время на почву оседал удобрявший ее ил (аллювий), состоящий главным образом из минеральных частиц, принесенных течением от истоков Нила в Эфиопии (меньшую роль в формировании аллювия играли органические остатки, попадавшие в речную воду из другого истока Нила — реки Белый Нил в Центральной Африке).

Интересно, что, по мнению некоторых исследователей, способность Нила откладывать на почву аллювий проявлялась не всегда или, по крайней мере, не на всей территории Египта: до VIII—VII тысячелетий до н.э. течение Нила у его устьев, впадавших в Средиземное море, было быстрее, чем сейчас, ил не успевал осесть на почву, и Дельта была не плодородным пространством, а пустынным районом, покрытым дюнами. Лишь позднее, с изменением уровня моря и скорости речного течения,

сформировалась плодородная почва Дельты, превратившая ее в важный сельскохозяйственный район.

Дождей в Египте практически не бывает; поэтому на большей части возделываемых земель их «пропитка» водой разлива в сезон Половодья (один из трех, на которые делился египетский календарный год) была единственным источником орошения. К ноябрю разлив спадал, речная вода спускалась с полей в реку, и начинались сельскохозяйственные работы (сезон Выходов). К марту (началу сезона Сухости) с полей собирался богатый урожай, многократно превышавший по своему объему высеянное в землю зерно. Египтяне сеяли ячмень, пшеницу, эммер (или полбу), выращивали лен, разводили финиковые пальмы и сикоморы. Были развиты скотоводство (особенно в Дельте) и разведение птицы. Большую роль в быте египтян играл обильно растущий по всей долине Нила папирус.

Будучи благодатным краем для развития сельского хозяйства, Египет был, однако, чрезвычайно беден месторождениями металлов, лесом, особенно крупных пород дерева, и даже камнем. Уже с древнейших времен за всеми этими материалами приходилось снаряжать специальные экспедиции, и, соответственно, сформировались определенные направления внешней экспансии Египта. Наименее важным из них было западное: за исключением районов, лежавших сравнительно недалеко от возделываемой территории и дававших Египту шкуры пустынных животных и минеральные соли (например, так называемый Вади-Нагрун к юго-западу от Дельты), а также более отдаленных оазисов, служивших перевалочными пунктами на караванных тропах (так, через оазис Харга проходил удобный путь в обход Нильских порогов в Нубию), в Ливийской пустыне для египтян не находилось ничего важного.

Различные сырьевые (в особенности рудные) месторождения разрабатывались в Аравийской пустыне к востоку от долины Нила, на Синайском полуострове и в Нубии; последняя страна была богата золотом. Важными материалами, которые также приходилось доставлять из-за пределов Египта (из Нубии и гораздо более отдаленной страны Пунт — вероятно, в районе современного Сомали, куда плыли по Красному морю), являлись ладан и иные виды благовоний, использовавшиеся в религиозных ритуалах для установления контакта с божествами. По этим причинам и Синайский полуостров,

и Нубия с очень раннего времени становятся «сырьевыми придатками» Египта, прочно закрепленными за ним (даже теряя все остальные азиатские владения, Египет неизменно сохраняет свое присутствие на Синае).

Если Синайский полуостров был населен подвижными и сравнительно малочисленными кочевыми племенами, то в Нубии проживало оседлое земледельческое население, которое уже в III тысячелетии до н.э. достигло стадии формирования собственной государственности. Однако неравенство Египта и Нубии, предопределявшее подчиненное положение последней вплоть до рубежа II—I тысячелетий до н.э., состояло в разнице природных условий этих двух стран. В Нубии, отделенной от Египта порогами Нила, река не отлагала аллювия на почву, и поэтому ее плодородие было чрезвычайно низким; соответственно, государственность возникла там не только позднее, чем в Египте, но и принимала значительно более слабые формы (что особенно важно, она не опиралась на обширную бюрократию, обеспечивавшую функционирование ирригационной системы).

Лишь в I тысячелетии до н.э., с переходом от бронзового к железному веку, «отставание» Нубии от Египта было в какой-то мере скомпенсировано и там возникло единое государство, сумевшее даже на некоторое время подчинить себе Египет (при этом оно опиралось на культурно-религиозную традицию, занесенную египтянами в Нубию во II тысячелетии до н.э.). В Азии, помимо Синайского полуострова, зоной постоянного присутствия египтян, также испытывавшей их культурное влияние, был район города Библ в Финикии: эта страна интересовала египтян прежде всего как источник ценной древесины — кедра, в изобилии росшего тогда на горных склонах Ливана.

Специфические черты древнеегипетской цивилизации

Возвращаясь к природным условиям и географическим особенностям долины Нила и подводя некоторый итог, можно выделить две фундаментальные черты, оказавшие влияние на весь ход истории Египта.

Во-первых, это территориальная компактность страны и одновременно высокая степень естественной централизации,

связанная с наличием на большей ее части только одного русла реки, служившей к тому же единственным источником орошения. Возможность и необходимость создания на этой естественной базе единой ирригационной системы предопределяли раннее возникновение объединяющего всю страну государства, аппарат которого и возвышающаяся над ним фигура царя становятся со временем самыми мощными из всех наличествующих в обществе сил.

Сообразно своей объективно высокой роли, это государство очень быстро (уже ко второй четверти III тысячелетия до н.э.) не только поставило в зависимость от себя, но и растворило в своей структуре все исходно независимые от него объединения людей — унаследованные от поздней первобытности сельские общины, родовые и клановые структуры. При этом государство естественным образом (не из альтруизма, но из объективной необходимости обеспечивать достаточное для общественной стабильности благополучие людей) взяло на себя материальное и моральное попечение, ранее осуществлявшееся этими объединениями по отношению к своим членам; однако само исчезновение этих сообществ (прежде всего сельской общины, способной, при натуральном характере своего хозяйства и жесткой солидарности ее членов, пережить практически любой кризис) предопределило сравнительно высокую уязвимость египетского общества в целом к потрясениям государственной структуры.

Во-вторых, это скудость природных ресурсов Египта, не имеющих отношения к сельскому хозяйству, и его острая зависимость от их поступления извне. Соответственно, когда возможность такого поступления прекращалась либо возникали государства, располагавшие значительно большими ресурсами, нежели Египет, и способные перекрыть доступ к ним (прежде всего крупные межрегиональные державы Передней Азии I тысячелетия до н.э.), египетское государство начинало испытывать непреодолимые трудности в своей не только внешне-, но и внутривосточной деятельности.

Древнеегипетский календарь

Исходно именно к циклу разливов Нила у египтян была привязана календарная система; по-видимому, продолжительность исчислявшегося таким образом года основательно

колебалась (от 350 до 415 дней), но на заре египетской истории это еще не имело большого значения. Позднее, когда потребность в точном летосчислении возросла, египтяне заметили, что наступление в Египте нильского разлива совпадает с летним появлением перед рассветом на окрашенном лучами еще не взошедшего солнца горизонте звезды Сириус (егип. *Сопдет*, греч. *Сотис* — звезда, связанная в представлениях египтян с богиней Исидой; данное явление называется в астрономии «гелиакальный восход Сириуса»). Именно день, когда наблюдалось это явление, — 17 июля — считался египтянами идеальным Новым годом.

В реальности, поскольку египтяне не знали високоса и каждый год состоял из 365 дней, календарный Новый год отставал у них в течение каждых четырех лет от «астрономического», определяемого по гелиакальному восходу Сириуса, на одни сутки. Накопление этой погрешности «гасило» ее на протяжении 1460 лет (так называемый «цикл Сотиса»), за которые она достигала целого года, и календарный и астрономический дни Нового года вновь совпадали. По сведениям античных авторов, уже в эпоху, когда Египет стал частью Римской империи, такое совпадение произошло в 139 г. н.э., причем известный и в то время цикл в 1460 лет получил название «эры Менофреса».

Понятно, что подобная система летосчисления должна была начать свой отсчет от момента одного из более ранних совпадений календарного Нового года с гелиакальным восходом Сириуса. Египтологи начала XX в. (например, крупнейший исследователь древности и историк-теоретик Эд. Мейер) считали, что она возникла в 4142 г. до н.э.; однако в конце XX в. известный отечественный египтолог О.Д. Берлев твердо доказал, что имя «Менофрес» — это искаженное прозвище египетского царя, основателя III династии Джосера, и, соответственно, введение календаря, связанного с Сириусом, должно было иметь место при нем (ок. 2781 г. до н.э.).

Египет в картине мира его древних обитателей

С цветом аллювиальной (образованной наносами ила) почвы Египта связано одно из названий этой страны в древности — *Кемет* («Черная [земля]», в отличие от *Джешерет* —

«Красной [земли]» сопредельных пустынь). Другим распространенным названием Египта было «Обе Земли» (*тауи* — Верхний и Нижний Египет; «парность» этих двух частей страны играла в представлениях египтян большую роль) или просто «страна» (*та* — «речная долина», опять же в отличие от окаймляющих ее непригодных для земледелия «нагорий» — *хасут*), часто — «Страна возлюбленная» (*Та мери*; наше современное название «Египет» — греч. *Айгюптос* — восходит к одному из египетских названий г. Мемфис — *Хет-ка-Птах*, т.е. «Подворье духа [бога] Птаха»).

Уже по этим названиям видно, что древние египтяне считали свою страну, по сути дела, единственным в мире местом, пригодным для нормальной (оседлой и изобильной) жизни, и резко отличали ее от «искаженного мира» сопредельных с ним земель, где мало воды и люди вынуждены охотиться и кочевать со скотом, а не заниматься земледелием, где «небо сумеречно даже днем» из-за скрывающих его деревьев, а реки текут в «неправильном» по сравнению с Нилом направлении. (В середине II тысячелетия до н.э. египтяне дошли в Азии до Евфрата и сразу назвали его «Перевернутой водой» (егип. *Му кед*), поскольку, будучи не менее полноводным, чем Нил, он тек не с юга на север, а скорее в противоположную сторону.)

Соответственно этим представлениям, египтяне сделали вывод, что их благодатная страна специально создана богами для того, чтобы на ее территории совершалось служение им: в этом смысл ее обозначения «Страна возлюбленная», а также характерного представления о «наследии Геба», согласно которому этот бог в свое время составил завещание своим преемникам на египетском престоле, отказав «две трети» египетской земли царям Египта (т.е., собственно, всю египетскую землю в сезоны Половодья и Сухости, когда она не дает плодов и в то же время об уходе за ней надо заботиться) и «треть» земли его богам (т.е. всю землю в плодородную пору Всходов). Тем самым боги Египта, укорененные в этой уникальной стране, воспринимались как создатели и хозяева всего мира, а служение им обретало универсальное значение, значит и власть осуществлявших его царей также должна была быть универсальной.

Стоит заметить, что в представлениях египтян «Земля» в целом, включающая как «Страну возлюбленную», так и окру-

жающие ее «нагорья», была одной из трех основных частей мироздания, на которые оно разделилось через некоторое время после его сотворения по воле осуществившего этот великий акт бога солнца Ра. Две другие части мироздания представляли собой служащее обиталищем богов «Небо» (егип. *лет*) и «Загробный мир» (егип. *д[у]ат*; позднее, в некоторых случаях, прежде всего в представлениях, связанных с богом Осирисом, *сехут иару* — «поля тростника» или *сехут хетел* — «поля довольства»). Хотя эти части и сообщались с земным миром, но все же были прочно от него отграничены и существовали по совершенно особым законам. Их обитателями выступали, соответственно, наделенные вечной жизнью «усопшие» (егип. *аху*, букв. «светлые», т.е. обладающие очень важной для них по египетским представлениям способностью видеть) и «боги» (егип. *нечеру*). Как и в любой архаической культуре, «боги» являлись персонификациями действующих в мире сил, заведомо превышающих человеческие: от солнечных света и тепла до болезнетворной силы эпидемий, а также сил, применяемых в магической практике.

Божества в своем собственном мире, «небе», существовали в некоей особой, не доступной человеческому восприятию форме; по некоторым косвенным признакам можно только догадываться, что в современных физических категориях эта форма ассоциировалась бы не с веществом, а скорее с энергией. Божества были способны посещать земной мир, обретая в нем вещественную форму живого существа или предмета, например, статуи. Они мыслились как совершенно зависимые от воли божества средства его проявления, называвшиеся по-египетски «хему» (букв. «слуга»), традиционный египтологический перевод этого слова как «Величество» связан с его частым употреблением по отношению к египетскому царю, личность которого также служила проявлением божественного начала, связанного с его исключительной во всем земном мире властью.

Мир, с которым отождествляли свое существование египтяне, по их представлениям имел не только четко определенное начало (момент его творения), но и конец во времени: судя по одному фрагменту «Книги мертвых», сложившейся в эпоху Нового царства (к середине II тысячелетия до н.э.), этот конец должен был состоять в превращении всех живых существ и предметов в мертвую однородную материю.

Единственными живыми существами в ней остались бы принявшие обличье змей бог-творец Ра-Атум и Осирис. Трудно сказать, предстояло ли мирозданию, с точки зрения египтян, переживать новые циклы творения и существования. Судя по тому, что этот вопрос не получил в их религиозных текстах никакого развития, он не особенно интересовал египтян как неактуальный для их земной и даже загробной жизни. Напротив, условия этой заключительной и неизбежной фазы существования каждого человека интересовали египтян настолько, что уже к концу III тысячелетия до н.э. появляются целые комплексы текстов, связанные с бытием человека в загробном мире, а к середине II тысячелетия до н.э. изучение потустороннего мира (причем в буквальном смысле этого слова) вступает в фазу тщательного вычерчивания его схем, дополняемых изображениями населявших его существ.

Источники по истории Древнего Египта

Первые известия о египетской и других восточных цивилизациях появились у обитателей Европы еще до становления античной цивилизации, во II тысячелетии до н.э. Собственно говоря, Египет и другие страны Востока были своего рода фоном и в то же время кладезем важных культурных достижений для развития античных государств Греции. Неудивительно, что уже в эпоху греческой архаики в творчестве логографов (авторов, ставивших перед собой задачу комплексного описания истории, географии и культуры отдельных регионов Эллады и Средиземноморья) Египет занимает важное место (в частности, о нем пишут такие авторы VI—V вв. до н.э., как Гекатей Милетский и Гелланик Лесбосский).

Египет в представлениях греческих авторов

На середину V в. до н.э. приходится создание Геродотом Галикарнасским своей «Истории в девяти книгах», главной темой которой стал пик давнего, с его точки зрения, противостояния Азии и Европы в эпоху Греко-персидских войн. Исходя из общей задачи историка, перед Геродотом встала необходимость описать возвышение Персии до уровня державы, объединившей весь ближне- и средневосточный мир, в том числе последовательность завоеваний персидских ца-

рей. Доведя магистральную линию своего повествования до вступления на персидский престол царя Камбиса и завоевания им Египта, Геродот останавливается и делает обширный экскурс в географию, историю и культуру этой страны.

Подробность этого экскурса, известного как «египетский логос» Геродота (вся II книга его «Истории»), оправдывается заявлением греческого автора о давнем и глубоком родстве греческой и египетской цивилизаций (последняя тем самым занимает в ряду других культур Востока совершенно уникальное место). Основой для создания этого описания Египта послужили в меньшей степени труды известных Геродоту логографов и в несравненно большей — его собственные наблюдения и рассказы египтян, собранные им во время поездки в их страну около 40-х годов V в. до н.э. Геродот старался передать такие рассказы максимально точно, но сам оговорил, что не может быть уверен в их полной достоверности. Так, зафиксированный им очерк египетской истории содержит очень характерные искажения: он изобилует ошибками, подчас грубыми, в том, что касается истории Египта до середины VII в. до н.э. Так, он помещает царствование Рампсинита (Рамсеса II) до строительства великих пирамид в Гизе. Но начиная с этого времени события правления XXVI династии фараонов из города Саис, с прямыми «наследниками» которой Геродот и общался, излагаются довольно точно. Нет сомнения, что имеющиеся в труде Геродота искажения и ошибки исходят не от него, а именно от его египетских информаторов, которые не знали историю своей страны на «профессиональном» (в нашем понимании) уровне.

Довольно много свидетельств об истории Египта (правда, скорее косвенных) содержится в произведениях греческих авторов IV в. до н.э. (например, афинских ораторов) — современников последнего этапа его независимости. В 332 г. до н.э., после завоевания Александром Македонским, Египет становился частью античного культурно-исторического круга эпохи эллинизма. В самом Египте, прежде всего в его новой столице Александрии, славящейся как культурный центр всего Средиземноморья, работают многие греческие писатели и историки, первым из которых был Гекатей Абдерский (конец IV в. до н.э.), создавший еще одно комплексное описание Египта.

Как считается, именно оно легло в основу посвященной Египту I книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) — своего рода сводного очерка истории практически всех известных к тому времени людям Античности стран мира. В I — начале II в. н.э. ценные сведения о религии Древнего Египта фиксируют в трактате «Об Исиде и Осирисе» греческий автор Плутарх Херонейский и в книге XI своего художественного произведения «Метаморфозы, или Золотой осел» римский писатель Апулей из Мадавра. Появление этих сведений в их трудах связано с интересом к египетской религии как основе культа «благих богов» Сараписа и Исиды, распространившегося по всему Средиземноморью с эпохи эллинизма; однако об источниках трактата Плутарха стоит сказать немного подробнее.

Трактат Плутарха «Об Исиде и Осирисе» содержит единственное на весь корпус письменных источников по Древнему Египту связное изложение мифа об этих ключевых фигурах египетской религии I тысячелетия до н.э. С высокой вероятностью оно восходит к так называемой «Священной книге», по-видимому, очерку египетской мифологии, написанному в начале III в. до н.э. на греческом языке египетским жрецом Манефоном Севеннитским (как считал отечественный египтолог В.В. Струве, греческая форма имени «Манефон» происходит к егип. *Мер-не-Джехути* — «любимый Тотом», т.е. египетским богом мудрости). Тогда же этот автор создал (также на греческом языке) сводный очерк истории Древнего Египта.

За исключением отдельных фрагментов, сохранных в точных цитатах писавшим по-гречески еврейским автором I в. н.э. Иосифом Флавием (его интересовали прежде всего «точки соприкосновения» истории Египта и евреев), от труда Манефона остался только перечень египетских царей с указаниями продолжительности их правлений и скупыми комментариями (этот перечень сохранили хронографы — раннехристианские авторы, собиравшие всевозможные сведения о продолжительности всемирной истории из более ранних произведений и сопоставлявшие их с библейской священной историей).

Плохая степень сохранности труда Манефона привела некоторых исследователей к мнению, что он и сводился к перечню египетских царей; однако против этого говорят как

цитаты Иосифа Флавия, так и стойкая репутация повествовательного исторического произведения, укрепившаяся за трудом Манефона в древности. Современные египтологи до сих пор используют введенное Манефоном деление последовательности египетских царей на 30 династий и всей египетской истории — на несколько крупных периодов (хотя с существенными коррективами). Будучи написаны уже после завоевания Александром Египта и на греческом языке (к этому времени хорошо известном в среде местной египетской элиты), произведения Манефона были призваны показать новым хозяевам страны величие ее исконной истории и культуры и вместе с тем вписать правление Александра и новой македонской династии Птолемеев в единую последовательность царских домов, правивших Египтом с глубокой древности.

Дешифровка иероглифов и изучение древнеегипетского языка

Сведения античных (как видно, прежде всего грекоязычных) авторов о Древнем Египте были основой европейских представлений о нем вплоть до начала XIX в., когда была дешифрована египетская иероглифическая письменность. Ее памятники ни разу не стали объектом изучения со стороны античных авторов (за понятным исключением Манефона), а после становления в Египте христианства иероглифы были забыты и там. Хотя в IV в. н.э., на закате собственно египетской культуры, появляется трактат Гореполлона «Иероглифика», в котором произвольные толкования знаков египетской письменности соседствуют со вполне правильными. Отдельные же, порой очень яркие, воспоминания о прошлом своей страны встречались и у египетских христианских (коптских), и у арабских авторов.

Назовем лишь некоторые иероглифические письменные памятники, наиболее значительные по охвату в них исторической информации. Это летопись на «Палермском камне» — описание важнейших событий истории Египта на протяжении первой половины III тысячелетия до н.э. (I—V династии), привязанное, как и в труде Манефона, к отдельным царствованиям с датировками их по годам. Нельзя не упомянуть названный по месту его хранения «Туринский

царский список» — перечень практически всех правителей Египта с указанием продолжительности их пребывания у власти на протяжении III — первой половины II тысячелетия до н.э. (I—XVIII династии). Большое значение имеют два царских списка из храма Осириса в Абидосе и список из частной гробницы в некрополе Саккара близ Мемфиса, охватывающие примерно тот же временной промежуток, что и «Туринский список».

Стоит заметить, что все эти списки, за исключением «Палермского камня», датирующегося серединой III тысячелетия до н.э. (конец V династии), относятся ко времени начала XIX династии (Новое царство; рубеж XIV—XIII вв. до н.э.). О причинах такого внимания египтян к своей истории именно в это время еще будет сказано; отметим здесь, что эти источники не только служат ценным дополнением к труду Манефона при изучении истории и хронологии Древнего Египта современными исследователями, но вместе с данными Манефона свидетельствуют о практике в Древнем Египте специализированного изучения прошлого своей страны, значительно более подробного, чем полные хронологических неувязок сведения информаторов Геродота. Очевидно, эти документы вышли из греческой среды.

В связи с древнеегипетскими источниками скажем несколько слов и об истории письменности и языка, на которых они были записаны. Письменность в Древнем Египте возникла во второй половине IV тысячелетия до н.э., как и повсюду на Древнем Востоке из того, что в обществе, усложнившемся на этапе образования государства, появилась потребность фиксировать информацию, которая уже не умещалась просто в памяти людей, отвечавших за различные сферы хозяйства и администрации. При этом в течение длительного времени письменность существовала параллельно с пиктографией — способом фиксации того или иного сообщения при помощи изображения, «расшифровываемого» по принципу ребуса.

Самым знаменитым примером ранних египетских пиктограмм является изображение на так называемой «палетке Нармера» — большой каменной пластине для растирания минеральной краски, которая является памятником, прославляющим правителя эпохи объединения Египта. На ее лицевой стороне изображен царь, заносающий булаву над по-

верженным противником; выше него помещено изображение сокола, сжимающего в лапе веревку с привязанной к ней головой врага и восседающего при этом на шести стеблях лотоса (или, возможно, папируса), произрастающих на полосе земли. Смысл этой пиктограммы может быть передан следующим образом: «Царь (изображенный в виде сокола) захватил 6 тысяч пленных (если растение, на котором восседает сокол, — лотос, побег которого передает число 1000) либо «Область Папируса» (если это растение — папирус)». Как видно, даже в понимании пиктограммы Нармера нет уверенности, и тем более она не передает какой-либо конкретной фразы, которую на древнеегипетском языке можно было бы записать только с использованием фонетических знаков. Но письмо, состоящее из таких знаков, зарождается уже в эпоху Нармера и окончательно оформляется к первой половине III тысячелетия до н.э., к периоду Древнего царства.

В своем развитом виде древнеегипетская письменность состояла из знаков, передающих от одного до четырех согласных звуков (гласные, как во многих других афразийских, или семито-хамитских, языках не выписывались), и знаков, передающих различные понятия вне прямой зависимости от звучания соответствующих им слов, т.е. с помощью рисунка. Такие знаки могли употребляться либо как так называемые детерминативы, или «определители», уточняющие чтение слов, написанных фонетическими знаками, либо самостоятельно, как идеограммы — смысловые знаки, передающие определенное слово (так, изображение солнечного диска с чертой под ним или рядом с ним — указание, что данный знак является идеограммой, — читалось *pa*, т.е. «солнце»). Когда письменность, основанная на этом принципе, сложилась, в египетской культуре появилось само понятие «текста», т.е. последовательности знаков, которая может быть прочитана определенным однозначным образом.

Уже в III тысячелетии до н.э. сформировались два типа древнеегипетского письма: собственно иероглифика, т.е. система чисто рисуночных знаков, которыми делались монументальные надписи на стенах построек и иных памятниках из камня, и так называемая иератика, т.е. система знаков, измененных по сравнению со своими рисуночными прототипами в связи с тем, что ими писали на иных материалах, пригодных для записи текстов и их хранения в быту, — па-

пирусе (особых листах, изготовленных из стеблей одноименного нильского растения) или остраконах (глиняных черепках или осколках камня). Эти две системы письма использовались для записи текстов на языке, грамматика и отчасти лексика которого с течением времени менялись: если язык Древнего царства и язык I Переходного периода — Среднего царства (среднеегипетский язык) достаточно близки, то новоегипетский язык, на котором стали говорить еще с середины II тысячелетия до н.э., а писать с эпохи Эхнатона, сильно отличается от них по своему строю.

В I тысячелетии до н.э., когда на основе новоегипетского формируется так называемый демотический язык, для записи текстов на нем (прежде всего документов, но также и литературных произведений этого времени) складывается и особое письмо — так называемая демотика (букв. «народное письмо»), состоящее из особенно модифицированных (и для современных исследователей трудночитаемых) знаков. При этом среднеегипетский язык (а вместе с ним иероглифика и иератика как типы письма), уйдя из живой речи, сохраняет (подобно латыни в эпоху европейского Средневековья) значение языка классической литературы, некоторых официальных надписей и религиозных текстов в течение не только всего II, но и I тысячелетия до н.э. Наконец, когда уже в первые века нашей эры в Египет проникает христианство, для записи связанных с ним текстов на основе греческого алфавита создается так называемое коптское письмо.

Изучение Древнего Египта

Интерес к памятникам древнеегипетской культуры, знакомство с которыми было явно неполным без дешифровки иероглифической письменности, начался в Европе с эпохи Возрождения. Прежде всего с XVI в. пробуждается новый интерес к трактату Горуполлона; в XVII в. неудачную попытку дешифровки иероглифики на основе толкований этого трактата и собственного знания коптского языка — языка египетских христианских текстов, представляющего собой позднейшую фазу развития языка древних египтян, — предпринял иезуитский ученый А. Кирхер. В середине XVIII в. датский ученый и собиратель восточных древностей К. Нибур сделал совершенно верное наблюдение, что число египетских иерог-

лифических знаков сравнительно невелико и, соответственно, они не могут истолковываться исходя из того, что каждый из них обозначает отдельное слово или понятие.

Однако возможность для решающего шага в дешифровке египетской иероглифики появилась лишь с 1799 г., когда во время египетского похода Наполеона Бонапарта ученые, сопровождавшие французскую армию, обратили внимание на найденную в районе г. Розетта каменную плиту с надписью, выполненной египетской иероглификой («рисуночным» письмом, применявшимся в надписях на памятниках), так называемым демотическим письмом (скорописью, использовавшейся, как выяснилось позднее, для текстов на древнеегипетском языке I тысячелетия до н.э. — начала н.э.) и на древнегреческом языке.

Как сразу выяснилось, древнегреческая надпись представляла собой декрет особого съезда («синода») египетских жрецов в честь воцарения представителя македонской династии в начале II в. до н.э. Птолемея V Эпифана; ее явная идентичность с двумя другими надписями дала надежную основу для их дешифровки. Существенные шаги в установлении значений фонетических знаков демотического текста Розеттского камня сделали на рубеже XVIII—XIX вв. шведский востоковед Д. Окерблад и британский — Т. Юнг.

С 1808 г. изучением Розеттского камня занимается французский исследователь Ж.-Ф. Шампольон (1790—1832), который устанавливает соотношение между иероглификой и демотикой, делает вывод о наличии между ними еще одной промежуточной формы письма, иератики, и к 1822 г. приходит к уверенному чтению собственных имен, записанных всеми видами египетской письменности, представленными на Розеттском камне. К концу своей жизни Шампольон окончательно установил структуру древнеегипетской письменности, сумел определить на основе знания коптского языка огромное число переданных ею значений отдельных слов, составил грамматику древнеегипетского языка и фактически открыл возможность чтения любого выполненного на нем текста.

В середине XIX в. происходит бурное накопление массива древнеегипетских памятников, известных европейской науке; вслед за научной экспедицией, описавшей многие из них еще во время египетского похода Наполеона, важными этапами на этом пути стали экспедиция в Египет и Судан немецкого

египтолога К.-Ф. Лепсиуса (40-е годы XIX в.), создание музея Булак (будущего Каирского музея) и Службы древностей Египта О. Мариеттом (1821—1881) и многообразная деятельность археолога, исследователя политической истории, культуры и религии Египта Г. Масперо (1846—1916); чуть раньше аналогичную комплексную работу, заложившую основу немецкой египтологии, провел Г. Бругш (1827—1894). На рубеже XIX—XX вв. основы современного научного изучения древнеегипетского языка закладывают ученые «берлинской школы» А. Эрман (1854—1937), К. Зетэ (1869—1934), Х. Грапов (1885—1967) и Г. Мёллер (1876—1921): их важнейшим делом стало создание фундаментального многотомного «Словаря египетского языка».

Большую роль в этой работе и в целом в изучении древнеегипетского языка и литературных текстов сыграл британский исследователь А.Х. Гардинер (1879—1963). Важнейшими археологическими открытиями конца XIX — начала XX в. стали памятники додинастического этапа истории Египта (до рубежа IV—III тысячелетий до н.э.), обнаруженные Ж. де Морганом, Дж. Квибеллом и У.М. Флиндерсом Питри (1853—1942) — крупнейшим археологом этого этапа развития египтологии, — и открытая Г. Картером в 1922 г. гробница Тутанхамона (единственного царского погребения, дошедшего до современных исследователей не разграбленным).

С 10-х годов XX в. начинается археологическое изучение памятников на территории Судана (Древней Нубии), находившейся в эпоху фараонов под политическим и культурным влиянием Египта. В связи со строительством в 60-е годы XX в. на юге Египта высотной Асуанской плотины по инициативе ЮНЕСКО была предпринята масштабная международная кампания по исследованию и частичному спасению от затопления памятников египетской Нубии (самым известным среди комплексов, перенесенных в ходе нее на новое место, был храм Рамсеса II в Абу-Симбеле).

В России интерес к Древнему Египту проявился сразу после открытия Шампольона; так, в 30-е годы XIX в. путешествовал по Египту и опубликовал свои наблюдения, в том числе попытки прочтения некоторых царских имен, описания и датировки памятников, А.С. Норов. Еще в 1826 г. закладывается основа египетской коллекции петербургского Эрмитажа; в начале 30-х годов на фоне интереса к египетской древности

приобретаются знаменитые сфинксы, установленные в Петербурге на набережной Невы перед Академией художеств.

Подлинным основоположником российской научной египтологии стал В.С. Голенищев (1856—1947), который издал ряд папирусов Эрмитажа с литературными текстами, внес важный вклад в изучение древнеегипетского языка и в ходе многолетних частных поездок собрал большую коллекцию египетских памятников (проданная в 1909 г. Российскому государству, она стала основой собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина). Будучи выдающимся ученым, Голенищев тем не менее вплоть до своего отъезда из России в 1915 г. (во Францию, а затем в Египет) не занимался преподаванием и не оставил в нашей стране своих прямых учеников.

Создание российской школы египтологии стало делом Б.А. Тураева (1868—1920), работавшего в Санкт-Петербургском университете. Ему принадлежат двухтомная «История древнего Востока» — первый в российской науке опыт обобщения материала по древним цивилизациям Египта, Передней Азии и Ирана, а также исследования по египетской религии, коптским и эфиопским христианским текстам, издания египетских памятников. В советское время главным продолжателем его дела стал В.В. Струве (1889—1965), занимавшийся историей Египта Позднего времени (включая эллинистический период), трудом Манефона и связанными с ним хронологическими проблемами, социально-экономическим строем Древнего Египта (в 1933 г. им был сделан вывод о господстве в Египте и в целом на Древнем Востоке рабовладельческого способа производства).

Работы по обществу и культуре Древнего Египта, значимые не только для российской, но и для мировой науки, принадлежат петербургским исследователям Ю.Я. Перепелкину (1903—1982), Е.С. Богословскому (1941—1990) и в особенности О.Д. Берлеву (1933—2000). Труды этих ученых были нацелены на то, чтобы путем исчерпывающего анализа всех доступных источников установить важнейшие черты функционирования египетского общества и видения древними египтянами мира в использовавшихся ими самими понятиях. В настоящее время данная работа продолжается применительно к религии и мировоззрению египтян III тысячелетия до н.э. А.О. Большаковым, хранителем египетской коллекции Государственного Эрмитажа.

Периодизация истории и хронология Древнего Египта

Современные египтологи продолжают использовать в периодизации истории Древнего Египта последовательность правления 30 династий египетских царей, введенное еще Манефоном. Первый царь в этом ряду, Менес (или Мина), правил около XXXI в. до н.э., и в исторической реальности его уже нет сомнений. Тем не менее, судя по всему, Менес в действительности лишь завершил объединение Египта, начатое его предшественниками. Манефон выделял в истории Египта три крупных периода, соответствующих трем частям («томосам») его труда: 1) с I по XI династию (от Менеса до нового объединения Египта после так называемого I Переходного периода: XXX — начало XX в. до н.э.); 2) с XII по XIX династию (вплоть до вторжения в Египет «народов моря» и эры междоусобиц, финал которой, по Манефону, был синхронен с падением Трои: XX — конец XIII в. до н.э.) и 3) с XX по XXX династию (до второго завоевания Египта персами и низложения ими последнего собственно египетского царя Нектанеба II: XII в. до н.э. — 343—341 гг. до н.э.).

В каждую династию Манефон объединял ряд царей, не обязательно связанных кровным родством, но, как правило, имевших резиденцию в одном и том же городе и, главное, передававших власть друг другу непрерывно, без длительных периодов смут. Деление истории Египта на продолжительные периоды было также воспринято современными египтологами у Манефона, но с существенными поправками: в ней выделяются Раннее царство (XXXI—XXIX вв. до н.э.; I—II династии), Древнее (XXVIII — начало XXII в. до н.э.; III—VIII династии), Среднее (конец XXI—XVIII вв. до н.э.; XI—XIII династии), Новое (XVI — начало XI в. до н.э.; XVIII—XX династии) царства. Каждое из них — это период правления ряда царских домов, не прерывавшийся распадом единого государства. Кроме того, выделяется так называемое Позднее время (XXI—XXX династии, включая ряд владевших Египтом чужеземных царских домов).

Между Древним и Средним, а также Средним и Новым царствами пролегают I и II Переходные периоды (соответственно XXII—XXI в. до н.э.: IX — начало XI династии; и конец XVIII — начало XVI в. до н.э.: XIV—XVII династии) — эпохи, на протяжении которых в Египте распадалось единое госу-

дарство; помимо этого, на основании все того же критерия, в III Переходный период выделяется эпоха XXI—XXV династий (начало XI — середина VII в. до н.э.).

История Египта до его объединения Менесом делится на ряд периодов по археологическим критериям; кроме того, IV тысячелетие до н.э. (эра зарождения и становления государств в долине Нила) в целом обозначается как «додинастическое время» (с его делением на Первый и Второй додинастические периоды и объединением ряда правителей — предшественников Менеса — в так называемую «0-ю» династию).

На сегодняшний день датировки отдельных событий истории Египта династического времени установлены для III тысячелетия до н.э. с точностью примерно до 50 лет, для последующего времени — с точностью, как правило, до одного-двух годов; применительно к событиям I тысячелетия до н.э., отразившимся, помимо египетских источников, также в ближневосточных клинописных текстах, Библии, античных и других источниках, эта точность часто бывает абсолютной. При этом в современной египтологии существуют три системы датировок событий второй половины II тысячелетия до н.э., имеющие каждая свои обоснования и различающиеся одна от другой примерно на 20 лет каждая (например, сообразно им, вступление на престол величайшего царя XIX династии Рамсеса II может датироваться 1304, 1290 либо 1279/1276 гг. до н. э.

ЕГИПЕТ РАННЕГО ЦАРСТВА (ДО РУБЕЖА XXIX—XXVIII вв. до н.э.)

Доисторический Египет (до середины IV тысячелетия до н.э.)

Земледелие и скотоводство зарождаются на территории Египта около X—IX тысячелетий до н.э. Возможно, эти занятия, а также используемые в них виды растений и животных проникают сюда из Восточного Средиземноморья: археологическая культура Хелуана — первая культура производящего хозяйства в Египте — считается ответвлением натуфийской культуры с центром в Сирии и на юго-востоке Малой Азии. В это время и позднее, вплоть до V тысячелетия до н.э., климат Египта был более влажным, чем в историческую эпоху: у Нила имелись

притоки, в его долине водились крупные животные и росли деревья, почва Египта увлажнялась дождями. Соответственно, хозяйство тогдашних обитателей Египта еще не полностью зависело от разливов Нила и не было ирригационным; наряду с земледелием, сохраняли свою роль в качестве основных, а не вспомогательных занятий охота и рыбная ловля.

Трудно сказать, к какой этнической группе принадлежали обитатели Египта этого времени: носители натуфийской культуры с наибольшей вероятностью входили в так называемую «ностратическую общность», еще в XIV—XIII тысячелетиях до н.э. обретавшуюся в Центральной и Восточной Малой Азии (ее дальнейший распад породил общности, разбившиеся далее в целый ряд языковых семей, включая индоевропейскую). Однако связь культуры Хелуана с натуфийской совершенно не обязательно означает миграцию носителей последней из Азии в Африку.

В VI—V тысячелетиях до н.э. климат Египта и вообще Северной Африки становится суше (начинается первая за время существования у человечества производящего хозяйства эпоха аридизации — наступления более засушливого климата). В частности, Сахара, где в IX—VIII тысячелетиях до н.э. обитала общность людей, ставшая основой всех народов афразийской (семито-хамитской) семьи, начинает превращаться из саванны в пустыню. Распад этой общности из-за невозможности сохранения в условиях аридизации ее прежнего образа жизни, скотоводства с развитым подсобным земледелием, привел к появлению на территории Египта (вероятно, в V тысячелетии до н.э.) предков египтян исторической эпохи. Облик их хорошо известен по многочисленным изображениям на памятниках Древнего Египта. Египтяне отличались стройным телосложением, смуглой кожей (более светлыми тонами изображались женщины, возможно, избегавшие загара). В классификации человеческих рас египтяне принадлежат к европеоидам.

Заселял этот народ долину Нила, по-видимому, с запада, с территории будущей Ливийской пустыни (позднее на их место пришли племена собственно ливийцев, также принадлежавших к афразийской семье, причем они были еще ближе к исконно европеоидному облику афразийцев, нежели более смуглые египтяне). В V тысячелетии до н.э. неолитические поселения появляются сначала в Фаюмском оазисе, а затем перебираются к долине Нила (в районах совр. Меримде-Бени-Саламе на юге

Дельты, а позднее Тасы и Бадари в Среднем Египте). Таким образом, в Египте с этого времени и вплоть до возникновения единого государства в конце IV тысячелетия до н.э. прослеживается последовательность археологических культур, непрерывность и внутренняя взаимосвязь которых и позволяет с уверенностью отождествить уже обитателей Фаюмского оазиса V тысячелетия до н.э. с афразийцами-египтянами.

В то же время земли к югу от Египта заселялись предками нубийцев — народами кушитской группы афразийской семьи: они принадлежали к другой части исходной афразийской общности, которая мигрировала из района прародины на юг (к озеру Чад, где осели и ассимилировали местных негроидов афразийцы-чадцы), а затем на восток, где кушиты отделились от ушедших в Азию через Баб-эль-Мандебский пролив семитов и, миновав Эфиопское нагорье, расселились в верхнем течении Нила. Понятно, что за время длительных миграций через просторы Африки кушиты, в отличие от египтян и тем более ливийцев, восприняли целый ряд расовых черт негроидов, которые и сохраняют до сих пор.

На рубеже V—IV тысячелетий до н.э. пересыхание притоков Нила заставило египтян окончательно спуститься в самую его долину, а сокращение осадков — начать создание системы речной ирригации, которая в целом складывается в так называемый Первый додинастический период, или время археологической культуры Амра/Нагада I; первая половина IV тысячелетия до н.э. На протяжении этого времени египтяне, очевидно, жили достаточно многочисленными сельскими общинами, которые, благодаря успехам в освоении ирригационной техники, становились все более зажиточными. В этих общинах уже имелись освобожденные от труда в полях профессиональные ремесленники, которые давно освоили производство керамической посуды и теперь изготавливали мелкие орудия (иглы, рыболовную снасть) из меди. Однако серьезного имущественного расслоения в обществе этого времени еще не прослеживалось.

Возникновение ранних государств в долине Нила (вторая половина IV тысячелетия до н.э.)

Мощный скачок в развитии древнеегипетского общества происходит с началом Второго додинастического периода (ок. XXXVI—XXXI вв. до н.э.; время археологических куль-

тур Герзе/Нагада II и Семайна/Нагада III). Поселения людей этого времени укрупняются, достигая уже размеров ранних городов (городища Иераконполя — егип. *Нехен*, совр. Ком эль-Ахмар; Нагады — древн. Коптос и др.). Погребения начинают различаться по богатству помещаемого в них инвентаря, что ясно указывает на выделение в обществе имущественной элиты. На некоторых предметах обнаруживаются знаки, которые позднее встречаются в древнеегипетской иероглифике; следовательно, внутренняя жизнь общества настолько усложнилась, что потребовала фиксации определенной информации с помощью письма.

Многие находки этого периода (цилиндрические печати, керамические сосуды с так называемыми «волнистыми ручками», изображения особого типа ладей) имеют столь четкие аналогии в археологических комплексах Азии, что наводили некоторых исследователей на мысль о завоевании Египта вторгнувшимся с Востока более развитым народом (или «династической расой», якобы создавшей египетское государство). В действительности, эти аналогии объясняются интенсивными торговыми контактами и обменом опытом между Египтом, Восточным Средиземноморьем и вообще Азией. В основе их лежала элементарная нехватка в долине Нила многих необходимых материалов (примером того, насколько далеко заходили такие контакты, служат обнаруженные в Египте предметы из среднеазиатского лазурита). Кроме того, наличие в инвентаре Месопотамии и Египта предгосударственного времени сходных предметов объясняется попросту независимым параллельным (конвергентным) их появлением.

Многие признаки в памятниках Второго додинастического периода, такие как размеры поселений, различия в качестве погребений, вероятное зарождение письменности, указывают на то, что уже к его началу египетское общество достигло уровня ранней государственности — этапа, на котором, ввиду усложнения общественной структуры, возникает потребность в особой обширной прослойке людей, профессионально занятой делами управления.

Первые государства обозначаются современными исследователями термином «номы», взятым как раз из описаний Древнего Египта греческими авторами. Как известно по примерам многих ранних обществ, номы были невелики

по своим размерам и возникали из объединений общин, которые вели на компактной территории совместную хозяйственную деятельность и тяготели к общему культурному центру, одновременно служившему местом хранения общих запасов, размещения ремесленных мастерских и местным рынком. Именно такую роль должны были выполнять крупные поселения Второго додинастического периода. Потребность общин в объединении в номовые государства в Египте (как и в других странах Востока с ирригационной экономикой) возникла столь рано благодаря их совместному труду по созданию оросительных систем: именно этой деятельностью начинает руководить складывающаяся государственная власть.

В историческое время Верхний Египет делился на 22, а Нижний — на 20 небольших провинций-номов (егип. *сепат*). Управителей таких провинций, нередко передававших свои полномочия по наследству, исследователи обозначают греческим термином «номарх». Каждый ном был самодостаточен в хозяйственном отношении, имел собственную систему культа и при ослаблении центральной власти мог обрести самостоятельность.

Считается, что номы исторической эры восходят к древнейшим государствам Второго додинастического периода. Вряд ли это может быть иначе, тем более что священные символы номов («штанарты») встречаются в изображениях на памятниках конца этого периода. Однако, из-за отсутствия относящихся к его событиям письменных источников или преданий, современных или хотя бы более поздних, никаких более подробных сведений о внутреннем устройстве и истории номовых государств Египта у нас пока нет (в отличие, к примеру, от Месопотамии).

Долгое время считалось, что в результате войн между номами долины Нила и Дельты на протяжении Второго додинастического периода образовались два крупных государства — Верхнеегипетское, со столицей в городе Иераконполь (егип. *Нехен*), и Нижнеегипетское, со столицей в городе Бутто (егип. *Пе-Ден*, вероятно, совр. Телль эль-Фараин); оба эти города уже в историческое время считались древнейшими религиозными центрами. Затем, уже к концу IV тысячелетия до н.э. верхнеегипетские цари завоевали Дельту Нила и объединили страну.

Новые археологические исследования показали, что путь к объединению Египта был более сложным. По-видимому, ко второй половине IV тысячелетия до н.э. в Верхнем Египте насчитывалось несколько сравнительно крупных государств, состоявших из более чем одного нома каждое. Примерно к XXXIII в. до н.э. сильнейшими из них и поглотившими остальные оказались три царства. Центром одного из них, объединявшего центральную и среднюю часть Верхнего Египта, был *Тинис*; его правители принимали имена, связывавшие их с почитавшимся в образе сокола и олицетворявшим небо и солнечный диск богом *Хором*, и погребались вблизи будущего важного религиозного центра г. Абидос. В городе Иераконполе (юг Верхнего Египта) также имел значение культ Хора, а правители носили белую корону бутылкообразной формы и помещали рядом со своими изображениями знак розетки. Наконец, в *Нагаде* (район будущих городов Коптос и Омбос, выше района Тиниса по течению Нила) чтился бог *Сет* — мифологический противник Хора, а в комплексах Нагады Второго додинастического периода найдено древнейшее изображение красной короны в форме плетеной корзины, которая становится в дальнейшем парной белой короне.

Иераконпольское царство старалось подчинить себе граничившие с ним с юга области Нубии, а Тинисское — области Нижнего Египта; при этом они поддерживали между собой более тесные сношения, нежели с разделявшим их государством Нагады (вероятно, в обход него, по караванным путям за пределами долины Нила). Какие государственные образования существовали в это время в Нижнем Египте, трудно определить из-за скудости археологических данных; однако вероятно, что интерес для верхнеегипетских правителей представляли прежде всего области вдоль двух основных русел Дельты, дававших выход к морским торговым путям Средиземноморья (центром одной из этих областей на западе Дельты действительно мог быть г. Буто).

Высказывалось предположение, что в Верхнем Египте, где речная долина была узкой, а ирригационные системы на уровне отдельных номов, а затем и их союзов были теснейшим образом взаимозависимы, естественные условия с самого начала порождали авторитарную власть правителей и высокие темпы объединения всего региона. Напротив, в

Нижнем Египте, где само наличие нескольких рукавов Нила обуславливало хозяйственную децентрализацию, в додинастическое время так и не сложилось ни сильной царской власти, ни единого государства.

Общественная структура додинастического Египта

Правителей Тиниса и Иераконполя, которые принимали имена, связанными с богом Хором и известные по надписям на ряде памятников этого времени, современные исследователи условно объединяют в так называемую «0-ю» династию; эти имена, судя по всему, предполагали, что носившие их правители являются земными проявлениями этого небесного божества, и при этом нередко включали в себя обозначение какого-нибудь свирепого животного или агрессивный эпитет (например, Хор-Хват, Хор-Змея). Цари, изображенные на памятниках Верхнего Египта, одерживают или празднуют военные победы либо совершают важные ритуалы, например, прокладывая первую борозды в начале сельскохозяйственных работ на навершии булавы иераконпольского царя по имени «Скорпион».

Постепенно сцены военного триумфа правителей вытесняют с изображений распространенные ранее сюжеты коллективной охоты или сражений с участием целого войска. По совокупности этих признаков можно судить, что цари конца Второго додинастического периода в Египте — это правители-военачальники, не ограниченные в своей власти со стороны общинных и номовых органов управления (советов старейшин и собраний полноправных общинников-воинов). Исходя из общих закономерностей развития номовых государств, власть в них на заре их существования должна была бы принадлежать как раз таким структурам. Однако в Верхнем Египте политическое развитие и объединение, которые шли особенно интенсивно, этот начальный общинный этап очень быстро сменился единоличной властью военачальников, подчинивших себе номовые органы управления. При этом правители приобрели помимо военных полномочий также и функции верховных жрецов — вершителей ритуала и руководителей государственно-храмовых хозяйств, направлявших экономическую жизнь своих государств. Власть свою они явно

передавали по наследству, а ее связь с ритуалом, посредством которого устанавливался жизненно необходимый контакт с богами (прежде всего с Хором), привела к ее сакрализации и зарождению царского культа.

Следует сказать, что именно отношение к культу Хора стало, похоже, важнейшим критерием для выделения в структуре общества объединяющегося Египта нескольких социальных слоев. В более позднее время в памятниках и текстах религиозного характера встречаются термины *нат* («знать» с оттенком привилегированного положения в религиозной сфере), *рехит* («народ» — слово писалось с характерным символом птицы с переломанными крыльями и предполагало ущемленность этой категории в отношении благ, обеспечиваемых религией) и *хенмемет* («солнечный народ» — в мифологических текстах спутники бога солнца в его ладье, совершающей плавание по небу). Слово *нат* при этом встречается также в составе обозначения *репат*, или *ирипат* (букв. «уста знати», либо «относящийся к знати») — по сути дела, единственного египетского термина власти, который предполагает, что она не принадлежит человеку неотъемлемо, а предоставлена ему какой-то группой людей. Судя по всему, в своем первоначальном значении термин *нат* должен был обозначать полноправное свободное население государства (очевидно, по аналогии с другими ранними обществами), которое, под знаменем своего исконного культа Хора, вело успешные завоевания и в итоге объединило страну (т.е. подданных Тинисского царства); *рехит* — обитателей присоединяемых к нему областей, которые, по крайней мере на первых порах, не получали равноправия с его первоначальными подданными (прежде всего доступа к чужим для них культам). Термин же *хенмемет*, согласно истолкованию отечественного египтолога О.Д. Берлева, относился к дружинникам — ближнему окружению царя, которое сопровождало его подобно мифологическим спутникам бога солнца (в IV — начале III тысячелетия до н.э. — Хора, изображавшегося, кстати, и в виде плывущего в ладье по небу сокола), т.е. к людям, которые были связаны с государством и его культурами через особу правителя даже независимо от их исконной принадлежности к *нат* или *рехит*. Заметим, что подобная стратификация общества, переживающего пору классового образования и становления государственности, не является ис-

ключительной чертой Египта: не случайно интерпретаторы терминов *пат* и *рехит* первым делом вспомнили о терминах Ранней Римской республики: «патриции» и «плебеи».

Более поздняя мифологическая традиция о борьбе Хора и Сета и победе первого над вторым, а также совмещение белой и красной корон в символах власти царей единого Египта, при том что «первенство» в этом соединенном венце явно отдавалось первой из них, наводят на мысль о противостоянии союза Тиниса и Иераконполя с Нагадой, которое окончилось поражением последней (уже царь «Скорпион» в изображениях на навершии своей булавы совмещает символы власти Иераконполя и Нагады). По-видимому, следующим этапом стало объединение Тиниса и Нагады и образование прочного единого государства в границах всего Верхнего Египта; это, судя по всему, произошло около XXXI в. до н.э. при тинисском царе **Нармере** (егип. «Свирепый Сом»), который в изображениях на своих памятниках удерживает символы власти уже всех прежних верхнеегипетских государств. После этого объединения Нармер мог с новыми силами обратиться к завоеванию Дельты (откуда привел много пленных и скота) и лежавших к западу от нее ливийских областей. Об этом рассказывают триумфальные сцены и пиктографические записи знаменитой монументальной «палетки Нармера».

Объединение Египта при Менесе

Победоносные войны в Нижнем Египте вел не только правитель Нармер, но и некоторые его предшественники из «0-й» династии. Однако основателем I общеегипетской династии (и, стало быть, подлинным объединителем страны) сами египтяне считали сына Нармера Менеса (или Аха — егип. «Воитель»; ок. второй половины XXXI в. до н.э.). Именно Менес (в другой передаче этого имени — Мина) построил в стратегически важном пункте на границе Верхнего и Нижнего Египта, из которого было удобно контролировать обе части отныне объединенной страны, укрепленный город Мемфис (егип. *Инеб-хедж* — «Белая стена», позднее *Мен-нефер* — букв. «Благое пребывание», в связи с сооружением рядом с этим городом пирамиды царя VI династии Пепи I; отсюда произошло и греческое обозначение этого города; совр. Мит-Рахинэ). Туда начали сселять окрестных жителей.

Хотя область Тиниса, откуда Менес был родом, сохраняла свое значение (там, в некрополе Абидоса, Менес и его преемники по традиции сооружали свои гробницы), похоже, что настоящий центр страны переместился именно в Мемфис. К западу от него, в районе современного Саккара, возникает некрополь, который ряд исследователей считал даже царским; однако в наше время большинство египтологов полагают, что при Менесе и его преемниках в Саккара погребали высокопоставленных представителей столичной знати.

Согласно преданию, сохраненному Манефоном и некоторыми античными авторами, Менес много воевал за пределами Египта (памятники его времени действительно говорят о его войнах в Нубии), а в конце жизни был похищен богом, принявшим облик гиппопотама. Предания о Менесе очень похожи на эпическую традицию, обычно возникающую в общинной среде. Особенно характерно, что в них, вопреки установкам более поздней официальной идеологии царской власти, правитель-герой не предстает сверхъестественным существом: он уязвим для опасности — даже от погнавшихся за ним собственных охотничьих собак, — а его похищение божеством не тождественно обожествлению, которого царь удостоивался после смерти автоматически, а выглядит именно как воздаяние выдающемуся по своим делам, но обычному по своему естеству человеку. Это служит важным показателем того, что в эпоху объединения Египта сельская община существовала, хотя, скорее всего, уже находилась под контролем государства.

Прочное объединение долины и Дельты Нила уже в конце IV тысячелетия до н.э. позволяет назвать Египет самым ранним государством на Древнем Востоке и в истории человечества в целом, объединившим в своем составе целый регион. Надо заметить, что уже при Менесе насильственный, военный характер объединения страны, что подчеркивалось «агрессивными» «Хоровыми именами» правителей, стал, очевидно, рассматриваться как помеха упрочению единства государства, которое мыслилось только при том условии, если недавним побежденным в ходе объединительных войн переставали напоминать об их ущемленном положении. Поэтому уже само личное имя Менеса, под которым он вошел в анналы истории, сопрягалось с новым царским титулом «*Обеих Владычиц*», по-видимому, отождествлявшим царя, наподобие

«Хорова имени», с двумя богинями культовых центров Верхнего и Нижнего Египта: Нехбет, чтившейся в облике самки коршуна в городе Энхаб на противоположном от Иераконполя берегу Нила, и Уаджит в виде змеи-урея (особого оберега, помещавшегося над челом царя на его головных уборах) из города Буто.

РАННЕЕ ЦАРСТВО (СЕРЕДИНА XXXI — РУБЕЖ XXIX — XXVIII вв. до н.э.)

Эпоха I—II династий, цари которых, как и Менес, происходили из области Тиниса, называется Ранним царством. Цари I династии продолжили начатую Менесом линию, и после правления одного из его преемников с «Хоровым именем» Джет («Змея»; оно известно прежде всего по его начертанию на великолепной стеле, хранящейся сейчас в Лувре) перестают использовать в именах «агрессивную» титулатуру. Один из правителей с «Хоровым именем» Ден величает себя именем «Обеих Владычиц» Хасты (букв. «Два нагорья»). Это имя опять же символизировало единство Египта в пределах, очерченных пустынными и возвышенными пространствами, окаймляющими долину Нила с обеих сторон. Помимо этого, при нем впервые засвидетельствован титул, который традиционно переводится как «Царь Верхнего и Нижнего Египта» и состоит из производных от названий символов двух частей страны — долины и Дельты Нила (*несу[т]-бити* — букв. «принадлежащий тростнику и пчеле»). Кроме того, в египетской иероглифике слово «бог» часто пишется при помощи изображения сокола, т.е. Хора, восседающего на «штандарте», который входил в символику каждого нома; номовые же боги нередко носят имя Хор в сочетании с тем или иным дополнительным эпитетом. По мысли немецкого египтолога Х. Кееса, эти черты могут указывать на прошедшую очень рано (вероятно, как раз при I династии) религиозную реформу, в ходе которой номовые боги были сопоставлены с богом правящей династии и единого государства Хором, что обеспечило централизацию всех местных культов под контролем царя.

В летописи «Палермского камня» упоминается повторяющийся при царях I—II династий каждые два года церемо-

ниал «следования Хора». Судя по всему, это был регулярный объезд царем всей страны, связанный с недавней самостоятельностью ее частей. Как считают исследователи, объезд сопровождался сбором дани (что-то вроде древнерусского полюдья) и посещением царем особых «подворий богов», сооружавшихся как места почитания сразу целого ряда номовых божеств.

Сведения по политическому устройству Египта в эту эпоху дают археологические находки из гробниц царей и вельмож в Абидосе и в Саккара (например, «казначей царя Нижнего Египта» Хемака, жившего в середине эпохи I династии). Гробницы возводились из сырцового кирпича с использованием каменной облицовки и имели плоскую форму, напоминая типичную для позднейшего арабского Египта глинобитную скамью — мастабу (под этим названием гробницы такой формы и известны в науке).

На протяжении Раннего царства складываются как единый в пределах всего Египта государственный аппарат с солидным штатом чиновников (многочисленные оттиски их должностных печатей обнаруживаются при раскопках), так и обслуживающее его хозяйство (земли, принадлежавшие непосредственно государству и обрабатываемые зависимыми от него работниками, по-видимому, главным образом из числа жителей областей, завоеванных в ходе объединения страны Тинисским царским домом). Египетские предания сообщают о масштабных ирригационных работах, предпринятых при Менесе в районе Мемфиса, а летопись «Палермского камня» (середина III тысячелетия до н.э.) — о «копке прудов» в Нижнем Египте, на которую государством был мобилизован «народ всякий». Эффективность этих ирригационных мероприятий возростала благодаря централизованному руководству ими в масштабах всего Египта; при этом естественным образом возростала зависимость от государства общин, пользовавшихся организуемой сверху системой орошения. Нужно заметить, что в эпоху Раннего царства уже была хорошо известна обработка меди, однако отливка из нее по-настоящему крупных предметов (например, статуй) считалась исключительным делом, а каменные орудия труда (к этому времени изготавливавшиеся виртуозно) были распространены ничуть не меньше медных.

«Цари-Хоры» и «цари-Сеты»: распад и воссоединение Египта при II династии

Около второй половины XXIX в. до н.э. в Египте воцаряется II династия. Первые ее правители решили обосноваться в Мемфисе насовсем: в Саккара переносится царский некрополь (комплекс погребений), а историк Манефон связывает именно с Нижним Египтом религиозную деятельность основателя II династии Боемоса (егип. *Баунечер*, или *Хетепсехемуи*), который якобы установил культы быков Аписа в Мемфисе и Мневиса в Гелиополе (на юго-востоке Дельты). Утвердившиеся в Нижнем Египте цари продолжали отождествлять себя с богом Хором; однако к середине правления II династии (ок. середины XXVIII в. до н.э.) Египет постигают потрясения. Царь Сехемиб («Сильный сердцем»), носивший это имя в честь Хора, меняет его на «Периибсен» («Удалой сердцем их»), отождествляя себя с мифологическим врагом Хора богом Сетом. Памятники его царствования, включая гробницу, располагаются в Абидосе, ставшем основной резиденцией царя; иначе говоря, он владел Верхним Египтом.

На севере, в Нижнем Египте, продолжала править ветвь II династии, видимо, по-прежнему чтившая Хора и в дальнейшем признанная законной в египетской исторической традиции (согласно сведениям Манефона именно при ее представителе Неферхересе, или Неферкара, Нил 11 дней «тек медом», т.е. боги явно благоволили его царствованию). Таким образом, страна распалась на две части, видимо, по причине как борьбы властных амбиций внутри II династии, так и стремления обитателей Дельты Нила вернуть былую независимость. Возможно, именно в это время Нижний Египет был воспринят как политико-географическое единство, противостоящее Верхнему Египту. Соответственно, дуальность территориальной структуры Египта, впервые намеченная еще в имени одного из царей I династии Хасты, была осмыслена в фундаментальном для египетской картины мира понятии «Обе Земли» — *тауи*.

В течение некоторого времени «цари-Хоры» и «цари-Сеты» мирились с самостоятельностью друг друга и поддерживали между собой сравнительно благожелательные отношения (некоторые предметы с «Сетовыми именами» царей Верхнего Египта были найдены в районе Саккара и, судя по всему,

попали туда в результате торгового обмена между двумя частями страны). Восстановить единство страны военным путем решил царь Верхнего Египта, вновь принявший «Хорово имя» Хасехем («Воссиявший жезлом»). Запись на основании его статуи свидетельствует о войне в Нижнем Египте, в ходе которой были истреблены (или уведены в плен) 47 209 человек; после этого царь характерным образом изменил свое имя на Хасехемуи («Воссиявший обоими жезлами») в честь сразу двух богов — Хора и Сета. Хасехемуи считается последним царем II династии; после этой необычайно кровопролитной по тем временам войны за воссоединение страны Египет вступает в новый период Древнего царства.

Древнейшие контакты Египта с внешним миром

При I—II династиях египтяне поддерживают активные и разнообразные контакты с внешним миром. Египетские каменные сосуды того времени обнаруживаются по всему Восточному Средиземноморью; египтяне ввозят из Финикии и Сирии крупные породы дерева (прежде всего знаменитый ливанский кедр), доставляют с Синайского полуострова медную руду, малахит и бирюзу. При царе I династии Семерхете в Вади-Магхара на Синае впервые появляется рельеф, прославляющий победу этого царя над местными племенами.

Идет освоение торговых путей Ливийской и Аравийской пустынь, в том числе пути к Красному морю по долине Вади-Хаммамат, где обнаружено начертание имени царя I династии Джета. Сохраняется контроль Египта над Северной Нубией, установленный еще накануне воцарения I династии. Несколько царей той же династии (Атотис, Ден, Каа) вели на азиатских рубежах, возможно, непосредственно к востоку от Суэца или на Синае, войны, доставлявшие Египту пленников.

ЕГИПЕТ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

От Джосера до Снофру: III—IV династии

Первым значительным правителем III династии, заложившим основы государственности Древнего царства (XXVIII — рубеж XXIII—XXII вв. до н.э.) — самой блестящей, по мне-

нию самих египтян, эпохи их истории, — был Джосер (ок. начала XXVIII в. до н.э.). При нем местопребывание двора и царский некрополь окончательно перемешаются в Мемфис. Об усилении царской власти свидетельствует введенный Джосером новый элемент титулатуры царя, предполагавший, что его тело, подобно плоти богов, сотворено из золота, — так называемое «золотое имя». У Джосера оно выглядело как «Солнце в золоте», что, кстати, свидетельствует о наличии уже в это время важнейшего в дальнейшем развитии царского культа представления о связи царя с солнечным диском. Показательно и «Хорово имя» Джосера — Нечерихет (букв. «Божественный плотью [своей]»).

Гробница Джосера была сооружена в районе Саккара его придворным архитектором и главным советником Имхотепом. Мы помним, что уже цари II династии возводили в этом месте к западу от Мемфиса свои погребения, однако гробница Джосера превосходила любое из них. В отличие от более ранних мастаб она была возведена из камня (известняка) и представляла собой первую в истории Египта пирамиду пока еще ступенчатой формы, состоявшую как бы из шести мастаб, поставленных одна на другую, и достигшую в высоту 60 м. Вокруг пирамиды Джосера был возведен целый комплекс культовых построек, редких по своей простоте и изяществу: считается, что в значительной мере этот комплекс был посвящен ритуалу обновления жизненных сил царя по миновании значительной части его правления (в норме 30 лет, хотя этот срок мог быть и меньше) — *хеп-седу*.

Имхотеп был не только талантливым архитектором, но и разносторонним ученым и опытным государственным деятелем, которому к тому же пришлось решать необычайно трудные задачи, связанные с выводом Египта из бедствия — семилетней засухи, вызвавшей снижение уровня нильского разлива. Согласно тексту, дошедшему от эпохи Птолемеев (II в. до н.э.), но, несомненно, передающему воспоминания куда более давнего времени, Джосер обратился к Имхотепу с вопросом, какое божество вызывает разлив Нила и, стало быть, ответственно за снижение его уровня; справившись со священными текстами, Имхотеп сообщил ему, что это бог Хнум, чтимый на крайнем юге Египта в Элефантине. Далее этот бог явился во сне самому Джосеру, и тот в итоге якобы повелел предоставить его святилищу доходы от обшир-

ной области к югу от Элефантины, через которую проходили контакты с Нубией.

Как раз в конце этого тяжелого периода засухи, длившегося с 11-го по 17-й годы правления Джосера, было замечено, что предвестием нового разлива Нила является гелиакальный восход Сириуса — 17 июля; именно с этого времени в Египте при содействии того же Имхотепа вводится система летосчисления, привязанная к восходу Сириуса (стало быть, именно на 18-й год царствования Джосера, в который завершилась засуха, падает начало первого «цикла Сотиса» — 2781 г. до н.э.). Мудрость Имхотепа сделала его одной из самых известных фигур египетской истории и привела в итоге к его обожествлению (древние греки сопоставляли с ним своего бога врачевания Асклепия).

Об истории Египта в период правления III династии после Джосера, ввиду скудости письменных данных, известно очень мало. Судя по всему, при преемниках Джосера завершилось формирование отлаженного и жестко подчиненного царской власти аппарата централизованного государства в Египте. Цари III династии, вслед за Джосером, воздвигают к западу от Мемфиса свои пирамиды (то ступенчатой, то почти правильной геометрической формы); кроме того, есть сведения о строительстве по всей стране святилищ, связанных с культом царя. Прекращаются церемонии «следования Хора», и ни о каких следах самостоятельности государств додинастического периода уже не идет и речи. Номархи превратились хотя и в высокопоставленных, но полностью зависимых от царя чиновников, которые успевали на протяжении своей карьеры побывать наместниками нескольких номов в разных частях Египта.

IV династия начинается с царствования Снофру (ок. конца XXVII — начала XXVI в. до н.э.), запомнившегося египтянам в качестве мудрого и доброго правителя. Снофру воевал в Нубии и на Синайском полуострове, где в районе современного Вади-Магхара сохранились рельефные изображения, прославляющие его победы. Вообще при III—IV династиях египтяне стремятся прочно подчинить себе этот район, богатый месторождениями меди, причем позднее его местным божеством стал считаться как раз Снофру. На восточной границе Дельты им создается система укреплений, названная «Дом Снофру». Снофру долго выбирал место своего погребения и соорудил на

протяжении своего царствования целых три пирамиды: возможно, начатую его предшественником Хуни в современном Медуме и две собственных пирамиды в современном Дахшуре (границы одной из них изломлены под углом посередине; вторая же имеет совершенно правильную геометрическую форму).

Снофру — «владыка маат»

Существенно, что «Хорово имя» и имя «Обеих Владычиц» у Снофру звучат как Небмаат — «Владыка маат». *Маат* (букв. «правда, праведность» в противоположность *исефет* — «злу, лжи») — это фундаментальное мировоззренческое понятие египтян, обозначающее состояние гармоничной нормы и равновесия во взаимосвязи природных сил и явлений и отношениях между людьми. Важнейшим условием поддержания этой гармонии во всем мироздании является служение богам на созданной ими специально для этой цели земле Египта; при прекращении в египетских храмах отправления ритуала боги не только перестают приходить на помощь людям в Египте и по всему миру, но и неупорядоченностью действия своих собственных космических сил начинают вредить самим себе и друг другу. Египет и мир впадают при этом в так называемое «время болезни».

Ритуал в каждом из храмов Египта совершается от имени царя-фараона (теоретически — им лично, почему он и изображается повсеместно приносящим жертвы и совершающим ритуальные действия перед богами), причем для того чтобы он приносил результат, царь, подобно богам, наделен способностью адекватно постигать взаимосвязи, лежащие в основе *маат*, и, стало быть, совершать соответствующие ей действия — «творить *маат*» (собственно говоря, благодаря этой способности власть царя и мыслится божественной, а его особа становится объектом культа). Считалось, что максимальной эта способность царя была в момент его вступления на престол; по мере его старения она ослабевает (а в мире, соответственно, накапливаются явления, противоположные *маат* и соответствующие *исефет*), однако ее восстановлению содействует обряд «хлеб-седа». Понятно, что своего минимума данная способность достигает у царя в глубокой старости, и на этом этапе к торжеству *маат* мир возвращается благодаря вступлению на престол после его смерти преемника. Приня-

тые Снофру титулы можно считать первым в египетской традиции четким свидетельством существования этих представлений о царе и его роли в мироздании: не случайно в дальнейшем Снофру воспринимался как идеальный правитель, способность которого к творению *маат* была неоспорима.

Деятельность Мечена и судьбы египетской общины

Как показывает жизнеописание чиновника конца III — начала IV династии (конец XXVII — начало XXVI в. до н.э.) Мечена, записанное на стенах его гробницы, важной частью его обязанностей в качестве номарха было увеличение числа принадлежавших государству хозяйственных угодий («дворов» и «селений»). С этой целью Мечен, в частности, скупал землю у независимых от государства сельских общин. Везде на Древнем Востоке наличие у общины достаточного для пропитания своих членов массива земли в полной собственности являлось главным условием самого ее существования; поэтому, продавая участки своей земли, община подрывала, если не полностью разрушала, собственные устои. Членам общин, и без того находившимся под государственным контролем (об этом говорит их обозначение в надписи Мечена термином *несутиу* — «царские [люди]»), после утраты своих земельных участков оставалось только влиться в число полностью зависимых от власти работников государственных хозяйств.

То, что общины в принципе шли на такие сделки, свидетельствуют о давлении на них государства, которое, по-видимому, целенаправленно стремилось к полной ликвидации такого рода относительно независимых от него объединений людей. К тому же принадлежность к общине накладывала на человека ряд обязательств перед ней, священных в понимании того времени; и для государства была крайне нежелательна ситуация, при которой эти обязательства могли бы вступить в противоречие с долгом того или иного человека как подданного. Самым радикальным способом устранения самой возможности подобных противоречий становилась ликвидация общины и тем самым превращение службы человека в качестве земледельца, ремесленника государственного хозяйства или чиновника в единственный признак, определяющий его общественный статус. Проведение египетским

государством в начале Древнего царства такой политики не подтверждается прямыми указаниями источников, однако очень походит на правду по совокупности имеющихся у нас данных и по аналогиям из истории других стран Древнего Востока (например, Месопотамии эпохи аккадской династии или Китая I тысячелетия до н.э.). При этом очень раннее объединение долины и Дельты Нила под властью государства, мощь которого усиливалась узостью его естественных границ, сделало возможной, по-видимому, полную ликвидацию в Египте сельской общины (после времени Мечена у нас вообще нет сведений о ее существовании).

«Эпос о Менесе»: народная традиция против официального историописания

Характерно, что предания о Менесе, возникшие, как сказано, именно в общинной среде, дошли до нас в передаче Манефона и античных авторов, ориентировавшихся, несомненно, на подлинную египетскую традицию, однако они начисто отсутствуют в иероглифической письменной фиксации. Такая ситуация очень показательна для политики египетского государства: для него было важно, чтобы в официальных текстах и памятниках у образа ныне живущего царя не имелось никаких «конкурентов», тем более превосходящих его в славе, как это всегда свойственно героям эпического прошлого. Именно поэтому эпос о Менесе не запечатлевается в письменных произведениях, порождаемых тесно связанной с государством средой писцов. Что же касается бытования преданий о Менесе в народе, государство, вероятно, считало борьбу с этим не особо опасным для него явлением обременительным для себя делом и попусту стеснительным для своих подданных; поэтому данные элементы архаического эпоса и смогли просуществовать в устной традиции вплоть до того времени, когда были записаны уже на греческом языке.

IV династия: строители «великих пирамид»

Возведение грандиозных пирамид становится главным делом египетского государства при нескольких преемниках Снофру. Первый из них — **Хуфу** (греч. Хеопс) — возвел в районе современной Гизы (теперь западная часть Каира) самую

большую из египетских пирамид, высотой около 147 м. Пирамида его сына Хафра (Хефрен), выстроенная там же, чуть ниже (143 м), но зрительно кажется выше благодаря своему положению на возвышенности. Наконец, последняя из пирамид Гизы, возведенная сыном Хафра Менкаура (Микерином) достигает в высоту всего лишь 66 м. Эти пирамиды строились из известняка и облицовывались гранитными плитами, сохранившимися сейчас лишь на вершине пирамиды Хафра; вблизи них возводились малые пирамиды родичей царей и гробницы вельмож. Согласно Геродоту, к их строительству привлекалось в порядке повинности все население Египта; скорее всего, подобным же образом возводились и погребения царей III династии, однако ясно, что именно строительство «великих пирамид» в Гизе потребовало особенной концентрации труда и напряжения ресурсов страны.

Правление IV династии было временем максимальной централизации египетского государства и общества под властью царя-фараона. По преданию, Хуфу и Хафра закрыли все египетские храмы и вообще вели себя высокомерно по отношению к богам. Возможно, подобные сведения косвенно отражают произошедшие при этих царях изменения в религиозной жизни — введение нового общегосударственного культа верховного бога солнца Ра. Похоже, что Хуфу отождествлял себя с этим богом; его преемники стали принимать особый титул «сын Ра» и имена, включавшие имя бога солнца (например, Хафра — «Воссиевает он, Ра»). Вероятно, в это время представление о роли верховного владыки в поддержании *маат* посредством ритуала дополнилось идеей о том, что к подобной деятельности способен только обладатель уникального статуса «царя Верхнего и Нижнего Египта» (в дальнейшем именно этот титул сопрягается с именем, включающим имя бога солнца), рожденного от этого бога — высшего правителя мира, также наделенного царским статусом, — избранной им смертной женщиной. Именно эта идея становится теперь первостепенной в системе обоснования власти правителя; представления о его тождестве с Хором.

V и VI династии

Согласно египетскому литературному произведению начала II тысячелетия до н.э., так называемым сказкам папируса Весткар, уже при Хуфу бог Ра решил положить начало

новой династии и удостоил близости с собой женщину не из царского рода — жену простого жреца Ра по имени Реджедет. Реджедет родила троих сыновей бога Ра, имена которых близки к именам первых царей V династии. Об этом царю Хуфу возвещает явившийся ко двору по приглашению одного из его сыновей мудрец и волшебник Джеди. Конец памятника не сохранился; однако, судя по всему, сыновья Реджедет спасаются от преследований Хуфу и его преемников и в итоге последовательно вступают на престол.

Второй и третий цари V династии Сахура и Нефериркара (ок. первой половины XXV в. до н.э.) действительно были братьями — сыновьями некоей Хенткауз, очевидно, состоявшей в родстве с IV династией; по-видимому, в этой смене царского дома сыграли свою роль и династическая борьба, и недовольство слишком крутым правлением строителей «великих пирамид». Вполне вероятно, что и легенда об их рождении от солнца женщиной, не принадлежавшей к царскому дому, — это более поздняя реплика реального обоснования перехода к ним власти от IV династии (само представление о том, что божество по своему произволу избирает женщину, которая родит будущего царя, позволяла обосновать правомерность любой узурпации, исходя из того, что ее успех выявляет действительное происхождение совершившего ее правителя от солнца). То, что легенда возводит происхождение V династии к семейству жреца бога Ра, очень характерно в связи с религиозной политикой ее представителей, направленной на возвышение культа именно этого бога.

Центром почитания Ра и связанных с ним божеств (Эннеады — «Девятки») становится г. Гелиополь (греч. «город солнца»; егип. *Иуну*; отсюда др.-евр. *Он*) на юго-востоке Дельты; именно гелиопольские храмы получают при V династии особенно богатые пожалования всевозможных угодий, отразившиеся в составленной в это время летописи «Палермского камня». Цари V династии продолжают возводить пирамиды (хотя они и не идут ни в какое сравнение с великими пирамидами Гизы); однако, помимо этого, почти каждый из них возводит особое святилище солнца. Последний царь V династии, Унас, впервые поместил внутри своей пирамиды запись обширного комплекса ритуальных формул, связанных с обретением царем посмертного существования, — так называемые «Тексты пирамид.»

V династия поддерживала довольно активные связи с внешним миром: египтяне сохраняли свое присутствие на Синае и в Нубии, воевали в Ливии, поддерживали торговые сношения с Восточным Средиземноморьем; в конце правления династии, при царе Исеси, некий Баурджед совершил плавание в дальнюю страну Пунт (возможно, на побережье Красного моря в районе совр. Сомали), откуда вернулся с добычей. Однако особенно целеустремленной и агрессивной внешняя политика Египта становится при VI династии (ок. конца XXIV — начала XXII в. до н.э.). Цари этого времени посылают своих военачальников сражаться не только в Ливии и на Синае, но и в Южной Палестине. В Финикии опорным пунктом Египта становится город Библ (егип. Кебен), правители которого принимают египетские титулы и чтут египетских богов; делается попытка (правда, похоже, не слишком успешная) заложить для плаваний в Пунт особую морскую базу на побережье Синайского полуострова. Оазисы Ливийской пустыни также становятся опорными пунктами, позволяющими египтянам поддерживать караванное сообщение в обход Нильских порогов с Нубией. Особая роль в поддержании связей с Нубией принадлежала номархам Элефантины на крайнем юге Египта: их надписи рассказывают об экспедициях, приведших к подчинению ряда областей вплоть до третьего порога Нила. Нубия служила для Египта источником многих ценных материалов, в том числе золота. При этом подчинение чужеземных стран строилось на основе не насаждения там постоянной египетской администрации, а скорее признания их местными правителями вассальной зависимости от Египта.

Царская власть в Египте в середине III тысячелетия до н.э.

Основой египетского общества в пору расцвета Древнего царства можно без сомнения назвать царскую власть. Фигура царя находилась на недостижимой высоте не только для рядовых египтян, но и для его ближайшего окружения (один из высокопоставленных сановников специально отмечает в биографической надписи в своей гробнице, что ему было дозволено поцеловать не землю перед царским престолом, а ногу царя). Это было связано с представле-

нием о роли царя в поддержании *маат* посредством ритуалов и вытекающей из этого сакрализацией его власти и личности. В то же время столь исключительное положение царя имело прочную основу в самой структуре египетского общества. С исчезновением общины (скорее всего, не позднее начала правления IV династии) в Египте не осталось земли вне владений государства; соответственно, в личной зависимости от царя так или иначе находились все жители страны.

Теоретически все действия, связанные с функционированием государства, исходили непосредственно от царя; поскольку с государством в Египте было связано буквально все, каждый египтянин при исполнении своих служебных обязанностей мог рассматриваться как своего рода зависимое проявление личности царя (егип. *хему* — слово, означающее, среди прочего, «слуга»). Следствием этого стало своеобразное мировоззрение египтян Древнего царства, в котором главным критерием их самооценки был успех в продвижении по службе (и в особенности личная похвала царя за выполнение того или иного задания). Так, номархи Элефантины Хуэфхор и Пиопинахт, описывая в надписях на стенах своих гробниц экспедиции в Нубию, ни разу не упоминают о проявлениях ими самими или их спутниками личной храбрости, обходят стороной собственные яркие впечатления от далеких стран — все то, что должно было составлять и, несомненно, составляло для них психологическую ценность участия в подобных предприятиях; единственное, на чем они делают акцент, — это практическая польза их экспедиций (прежде всего привезенная добыча) и их оценка царем.

«Поучение Птахотепа»

Тексты писцовых поучений (произведений особого жанра, сложившегося в среде образованного чиновничества и отражавшего его мировоззрение) придают ведущее значение сдержанности в проявлении чувств, приличествующей служилому человеку независимо от того, сколь высокое место в государственном аппарате он занимает. Согласно самому пространному из этих текстов — «Поучению Птахотепа», составленному от имени верховного сановника царя V династии

Исеси, — его адресат должен быть послушен и почтителен к вышестоящим, доброжелателен и готов прийти на помощь подчиненным и просителям, не должен ни перед кем превозноситься своей ученостью, сколь велика бы она ни была. Подобный идеальный чиновник все свои помыслы должен сосредоточить именно на достижении успеха по службе: собственно говоря, именно этому призваны содействовать повторяющиеся в поучении рекомендации насчет личной скромности и бесконфликтности в отношениях с людьми.

Личная жизнь такого человека должна протекать исключительно в семье, создаваемой и ради плотских радостей, и ради продолжения рода; женщина в такой семье выступает как вполне равное мужчине создание, с мнением и интересами которого необходимо считаться; однако внесемейная романтическая любовь заслуживает решительного неодобрения как иррациональное чувство, из-за которого многие люди пренебрегли своей пользой и успехом в служебных делах. Определенная эмоциональная стертость «героев» автобиографий и поучений эпохи Древнего царства связана не только с сосредоточенностью их составителей на служебной карьере, но и с тем, что проявление ярких черт в их характере привело бы к акценту на их личных качествах, неуместному в условиях, когда главное и постоянное внимание всех обитателей страны было сосредоточено на ее сакральном правителе.

Рядовые египтяне Древнего царства — работники царя и вельмож

Большинство населения Египта составляли работники крупных сельскохозяйственных угодий и ремесленных мастерских. Те из них, кто был занят в полеводстве, были сведены в рабочие отряды, аккордно выполнявшие те или иные виды работы (пахоту, сев, жатву, обмолот зерна) на больших участках земли. Своей собственной земли они не имели, и возмещением за труд служил натуральный паек (денежного обращения и соответствующей ему оплаты труда в Египте Древнего царства не было). Покинуть место своей работы по собственной воле такие работники не могли; следовательно, с точки зрения формы эксплуатации, которой они подвергались, они были рабами (хотя сам этот термин к ним не при-

менялся). Настоящих рабов, обозначаемых соответствующим словом (егип. *бак*) и считавшихся собственностью конкретных хозяев, было очень немного.

Натуральное жалование за свой труд получали и чиновники низшего и среднего уровня; когда-то, в эпоху Раннего царства, такую оплату (причем не только «сухим пайком», но и в виде приготовленной пищи) выдавали даже высшим сановникам. Однако к середине III тысячелетия до н.э. главным способом обеспечения последних стало выделение в их постоянное держание из состава государственного хозяйства крупных поместий, включавших по несколько угодий, обслуживавшие их ремесленные мастерские и даже обеспечивающий обмен между ними рынок. Такие поместья передавались по наследству (чаще всего вместе с должностью их владельца) и считались столь важной частью быта вельмож, что подробно изображались на рельефах их гробниц: сам их статус, вместе с обслуживающими работниками, обозначался термином «принадлежащий плоти» (егип. *ни джет*) того или иного вельможи.

В то же время должностное держание вельможи оставалось под высшим контролем государства и, видимо, могло быть у него отобрано вместе с должностью. Помимо этого, вельможи могли располагать и некоторой личной собственностью, однако основой их богатства оставалось все же должностное держание. Крупные хозяйства такого же типа, что и у вельмож, находились также во владении храмов и в непосредственном распоряжении государства; при этом работники всех подобных хозяйств, независимо от того, кому непосредственно они служили, могли быть мобилизованы в порядке повинности на работы, проводимые государством, например, по строительству ирригационных сооружений.

Несмотря на, казалось бы, тотальный контроль государства за жизнью общества, египтяне не только не тяготились им, но и связывали с государством (и прежде всего с особой царя) свое благополучие. Даже рядовые работники хозяйств вельмож на рельефах их гробниц выглядят вполне довольными своей судьбой: во время работы они поют и обмениваются шутками при встречах на рынке. На протяжении примерно полутысячелетней эпохи Древнего царства египтяне, в отличие от всех известных им соседних племен, жили в стабильном обществе, не знавшем голода и войн. Несмотря

на какие бы то ни было имущественные и иерархические различия между собой, они могли ощущать себя равными перед колоссальной фигурой своего сакрального правителя. Все это побуждало египтян вполне искренне считать свое общественное устройство идеальным, созданным богами и находящимся под их прямой защитой.

Погребальная практика египтян III тысячелетия до н.э.

Практика снабжения погребений инвентарем, необходимым усопшему после смерти, складывается у египтян, как и у всех народов мира, задолго до возникновения государства, еще в эпоху первобытности. Но уже в додинастическое время в погребальной обрядности египтян начинают проявляться специфические черты, получившие развитие в дальнейшие эпохи. Прежде всего, это особая консервация тела, легшая в основу технологии мумификации (со временем главой этого искусства становится бог Анубис в облике шакала). Кроме того, российские исследователи Р.Б. Либина и А.О. Большаков недавно предложили новую интерпретацию обычая додинастического времени и начала Раннего царства помещать в погребения так называемые палетки — большие художественно оформленные каменные пластины, служившие для растирания краски. Как известно, эта краска предназначалась для косметических целей (чтобы подводить ею глаза): с наибольшей вероятностью ее использование должно было обеспечить усопшему сохранение после смерти важнейшей способности живого человека — зрения.

Уже в эпоху Раннего царства в монументальных гробницах типа мастаб намечается дифференциация помещений: погребальная камера, где находился саркофаг с телом покойного, размещалась в подземной части, в то время как наземные камеры были предназначены для хранения утвари и всевозможных припасов. На западной, а затем на восточной стороне мастабы располагалось специальное место для совершения жертвоприношений усопшему, позднее трансформировавшееся в особую часовню. Жертвоприношения совершались перед заупокойной стелой — изображением покойного с записью его имени и важнейших титулов, призванным сохранить после смерти то, что составляло его индивидуальность.

Несколько позже той же цели стало служить размещение в сердабе гробницы — особом, практически герметическом помещении (за исключением прорези для глаз, через которую усопший мог «видеть») — статуи, изображавшей ее владельца в расцвете сил — не слишком молодым и не слишком старым и без признаков каких-либо увечий или болезней, если только они не были присущи ему с самого рождения. Стены гробницы начинают оформлять многочисленными рельефными (иногда раскрашенными) изображениями всего того материального достатка, который сопутствовал владельцу гробницы при жизни: в основном это были сцены работ в обеспечивавшем этот достаток обширном хозяйстве, которым покойный был наделен по воле царя. Как правило, эти сцены размещаются на стене в несколько регистров: к ним примыкает изображение сидящего владельца гробницы во всю высоту стены с подписью, поясняющей, что он «смотрит» на совершение для его «двойника» (егип. *ка*) тех или иных работ; в самих этих работах, как выясняется опять же из подписей к соответствующим сценам, действуют также «двойники» изображенных людей (так, в сцене наказания палками одного из работников подвергаемый избиению вопит: «Ведь мой *ка* хорош? Что я сделал?», — а наказывающий его приговаривает: «Добрая награда для твоего *ка!*»).

Известно, что именно «двойника» покойного изображала и статуя в сердабе гробницы. При этом в гробницах никогда не находили эпизодов реальной жизни ее владельца. Ее описанию придается большое значение, но оно фиксируется исключительно посредством текста, в автобиографических надписях. Отсутствуют изображения взаимодействия усопшего после смерти с богами (боги в эпоху Древнего царства не присутствуют в гробницах вообще), не оформляются рисунками погребальные камеры. Здесь изображений избегают до такой степени, что специально «увечат» — например, вырисовывают частично или с отсеченной головой — иероглифические знаки, передающие живых существ. Еще одним важным компонентом оформления гробницы была надпись, фиксирующая принесение царем как главным вершителем ритуала, наделенным сакральностью, и богами Анубисом или Осирисом заупокойных жертв умершему, причем прочтение этой надписи вслух любым посетителем гробницы обеспечивало неким образом доступность всех перечисленных в ней даров «двойнику» покойного («выхождение в голосе»).

«Мир-двойник» гробниц Древнего царства

Наземные помещения гробниц были предназначены для поддержания существования после смерти человека его «двойника». К выводу о том, что «двойник» сопутствует человеку (и, видимо, вообще любому существу или предмету) с момента его появления на свет и при соблюдении некоторых условий может сохраниться и после смерти, египтяне пришли из наблюдений над свойствами собственного сознания. В нем, при воспоминании или во время сна, совершенно независимо от целенаправленных усилий человека, может возникнуть яркий зрительный образ того, о ком (или о чем) он вспоминает, даже если этот объект не дан в непосредственном наблюдении или же его существование уже завершилось. При этом, если речь идет о другом, уже умершем человеке, его редко будут вспоминать ребенком или уже находящимся на пороге смерти старцем; прежде всего адекватное представление о нем будут связывать с его обликом в расцвете сил в середине жизненного пути. Очевидно, египтяне считали, что в таких воспоминаниях или сновидениях они и наблюдают пресловутого «двойника». При этом они верили, что обеспечить его существование даже при жизни отдаленных потомков усопшего, не знавших его лично (а, стало быть, и его личное бессмертие), можно, максимально точно сохранив в гробнице его облик (прежде всего посредством статуи в сердабе), а также имя с сопутствующими ему титулами и детали его жизненного пути (в надписях).

Оформленные таким образом наземные помещения гробницы превращались в местопребывание «двойника» умершего, причем изображения на стенах всевозможного богатства обретали для него реальное существование опять же при условии, что они представали его взору. Сообразно этому «двойник» усопшего и изображался созерцающим совершение различных работ в своем хозяйстве (также «двойниками» работников!), а особый бог Осирис (егип. *Исет-ирет* — букв. «место глаза», т.е. зрение) делал это созерцание непрерывным, поддерживая для усопшего в гробнице постоянный свет (исходя из этого, становится понятным и назначение косметических палеток в самых ранних египетских погребениях). Помимо зрения, «двойник» усопшего наделен и способнос-

тью слышать и, соответственно, пользоваться всеми жертвенными дарами, приносимыми ему согласно соответствующей формуле царем и божеством.

Таким образом, в гробнице при помощи изображений и надписей (по большей части неразрывных с ними) конструировался особый «мир-двойник», не слишком большой (ограниченный рамками изображаемого рельефами вельможного хозяйства), замкнутый на себя и целиком и полностью ориентированный на обеспечение стабильного и благополучного существования усопшего. Факты реальной биографии усопшего не отражаются на стенах гробницы как потому, что не имеют отношения к реализации этой задачи, так и потому, что изобразить их означает заставить «двойника» постоянно переживать соответствующие эпизоды в своем посмертном существовании (что едва ли способно принести человеку радость, будь они даже необычайно приятными). Изображения богов также исключаются из оформления гробницы, так как займи они в нем некое место, им немедленно окажутся переадресованы от усопшего все заупокойные жертвоприношения, а также потому, что для поддержания существования «мира-двойника» они (за исключением Осириса и Анубиса на их очень четко определенных, конкретных местах) попросту не нужны. Единственное, что для этого требовалось, это постоянное поддержание гробницы в порядке.

Современному человеку трудно представить себе вполне, какое значение само осознание такой возможности победы над смертью (причем при чисто вспомогательном участии богов, прежде всего силами самих людей!) должно было иметь для становления принципиального мировоззренческого оптимизма египтян в эпоху Древнего царства. Было ли, однако, посмертное существование совершенно недоступно для того большинства обитателей Египта, которые попросту не имели средств для сооружения гробницы? По-видимому, нет, так как даже в вельможеской гробнице, помимо «двойника», пребывала еще одна сущность усопшего — *ба* (букв. «сила»). Ее местопребыванием служила, очевидно, погребальная камера и, соответственно, существование *ба* было тесно связано с сохранением тела при помощи мумификации. При этом посмертное существование *ба* протекает в мире, где действуют силы богов и куда, в таком случае, было бы неосторожно напрямую вторгаться людям, поэтому погребальные камеры

Древнего царства и лишены, по возможности, рукотворных изображений. Обеспечив сохранение своего тела (а самые простые способы мумификации были по средствам практически любой египетской семье), человек, судя по всему, мог положиться на дальнейшую милость божества уже в рамках неких представлений, сформировавшихся к началу Древнего царства. А уже в конце III тысячелетия до н.э. люди связывают свои посмертные упования с божеством, первым пережившим чудо посмертного воскрешения, — Осирисом.

Как уже сказано, в представлении египтян о том, что возможно добиться продолжения жизни человека после смерти при помощи конструирования для него в его гробнице особого «мира-двойника», проявился очень сильный оптимистический настрой их мировоззрения. Однако о том же настрое свидетельствуют и надежды на обретение при содействии богов посмертного существования — причем не прозябания в мире вечной тьмы и лишений, а жизни, по крайней мере, не хуже земной. По существу, благое посмертное существование, каким бы способом оно ни было обеспечено человеку, оказывается одной из наиболее важных черт мира, превосходно приспособленного богами к нуждам обитателей долины Нила, занятых служением этим богам. Подобная уверенность в благости богов по отношению к египтянам (а в принципе и к остальным народам мира) резко отличала их религию и мировоззрение от систем представлений практически всех остальных народов ранней древности и стала, по-видимому, естественным следствием истории Древнего царства, не омраченной, как мы уже говорили, практически ничем в течение примерно полутысячелетия.

«Тексты пирамид»

Посмертное бытие египетского царя (обозначение «фараон» входит в употребление гораздо позже), естественным образом, при сакрализации его власти и личности, отличалось от судьбы обычных смертных. Его пирамидальная гробница считалась местом, с которого он (по-видимому, его ба, тесно связанное с именем, принятым в честь бога солнца Ра) поднимался к небу, становился богом в полном смысле этого слова и занимал место среди себе подобных. До определенного времени набор обеспечивавших эту посмертную судьбу

ритуальных формул (весьма разнородных и в ряде аспектов противоречащих одна другой) бытовал в устной передаче: при последнем царе V династии Унасе они впервые были преданы письменной фиксации на внутренних стенах его пирамиды. К настоящему времени известно около десятка списков «Текстов пирамид» из гробниц царей (а также некоторых цариц) конца III тысячелетия до н.э. Этот ритуальный комплекс является из доступных нам самым ранним древнеегипетским письменным источником религиозного содержания, хотя ко времени его кодификации египетская религия уже прошла длительную эволюцию.

«Тексты пирамид» были обнаружены в царских гробницах еще в конце XIX в.: их первым исследователем стал преемник О. Мариетта во главе Службы древностей Египта Г. Масперо, а нормативное их издание, использующееся до сих пор, было подготовлено в первые десятилетия XX в. К. Зете. Ряд неизвестных ранее списков этого комплекса, в частности в гробницах цариц, был обнаружен уже в XX в. Г. Жекье. В отечественной историографии связь «Текстов пирамид» с царским заупокойным ритуалом была обоснована в конце 40-х годов прошлого века М.Э. Матье.

Религия и мифология Древнего царства

По-видимому, в начале III тысячелетия до н.э. религиозные представления и мифология древних египтян были еще чрезвычайно далеки от оформления в единую и последовательную систему. Вместе с тем уже в додинастическое время в Тинисе и Иераконполе возвышается государственный культ бога неба и пребывающего в нем солнечного диска Хора, который после объединения страны становится общеегипетским. В ходе противостояния Нижнего и Верхнего Египта в конце правления II династии приобретает актуальность мифологема борьбы двух олицетворявших эти части страны богов — Хора и Сета — с последующим их примирением при участии гелиопольского бога Геба.

При Хуфу вводится новый государственный общеегипетский культ бога солнца Ра: в связанной с ним системе представлений Хор занимает место сына Ра, сохраняя свой образ солнца, вознесенного на распростертые крылья, символизирующие небо (впервые он получает фиксацию еще

на рисунке гребня царя I династии Джета). Но при этом он приобретает также ипостась защитника своего отца от всевозможных врагов. Формированию этой трактовки содействовала мифологема борьбы Хора и Сета; в этом качестве «крылатое солнце» Хор почитается, в частности, в верхне-египетском городе Эдфу (егип. *Бехдет*) вплоть до греко-римского времени, когда его борьба с врагами Ра отразилась в целом комплексе местных храмовых текстов. После перехода власти от IV к V династии культ Ра, отождествленного с Атумом, почитаемым в Гелиополе, приобретает прочную опору в этом храмовом центре.

Вокруг образа Ра-Атума формируется целая система связей между ведущими божествами египетского пантеона, которая реализовалась в представлении об Эннеаде — «Девятке» богов. Упоминания Эннеады в контексте культа Ра мы видим в Гелиополе на «Палермском камне» уже при V династии: она включала себя самого Ра — бога-творца мира и порожденные им поколения богов — Шу и Тефнут, их детей Геба (исконного гелиопольского бога земли) и Нут (богиню неба, в исконных гелиопольских представлениях рождавшую каждый день солнце), а также и детей последних — Осириса и Исиду, Сета и Нефтиду. Образ Осириса уже в «Текстах пирамид» оказывается комплексным: бог, первоначально, как мы видели, обеспечивавший негасимый свет пребывающему в гробнице усопшему, каким-то образом сливается с качествами одного из божеств Дельты Анджети (умершего и прошедшего физическое воскрешение), абидосского бога Хентиментиу («Первого [среди] западных», т.е. правителя загробного мира), и, вероятно, бога мумификации Анубиса. Рядом с идеей посмертного обожествления царя в «Текстах пирамид» мы видим сопоставление его, усопшего и возрожденного к новой жизни, с Осирисом, а его сына, обеспечивающего совершение заупокойного ритуала, с Хором.

Представление о борьбе Хора и Сета трансформируется в мифологему мести Хора, сына Осириса, Сету, его брату, который убил Осириса, растерзал на много частей и захватил доставшуюся тому согласно воле его отца Геба царскую власть. Физическое воскресение Осириса оказывается делом рук его сестры и жены Исиды — первоначально богини чародейства, сумевшей соединить части его тела, воскресить его и зачать от него сына Хора. Воспитанный Исидой в топях Дельты, возму-

жавший Хор ниспровергает Сета с престола и возвращает себе царскую власть, унаследованную им по праву от Осириса; во время борьбы с Сетом Хор теряет глаз, но затем возвращает его и отдает своему отцу Осирису. Так переосмысливается значение имени последнего — «место глаза», при том что само понятие «ока Хора» закрепляется теперь за заупокойной жертвой, приносимой усопшему в отождествлении его с Осирисом.

В процессе складывания мифологических представлений, отразившихся в «Текстах пирамид», остается много неясного: понятно лишь, что при этом происходил синтез тех представлений, что сформировались в Верхнем Египте и Гелиополе, с теми, которые возникли в Дельте Нила, и что в этом синтезе не могла участвовать царская власть (вероятно, он происходил в столице Египта эпохи Древнего царства Мемфисе). Именно в результате этого синтеза должна была возникнуть самая ранняя версия мифа об Осирисе, одного из центральных в египетской религии, и сложились предпосылки для его последующего перехода из ритуала, обеспечивающего посмертное существование царя, в массовые представления о загробной жизни. В то же время при формировании образа Эннеады и набора связанных с ее богами мифологических сюжетов происходила определенная систематизация египетских религиозных представлений, задавшая их структуру и в какой-то мере направления дальнейшей эволюции.

Упадок царской власти и конец Древнего царства

Уже в эпоху V и VI династий реальное могущество царской власти в Египте пошло на убыль. Нарастало богатство и влияние знати, что проявилось наиболее явно в убранстве гробниц ее представителей: при V династии весьма пышными становятся погребения столичных вельмож, при VI династии то же самое происходит с погребениями номархов и местной провинциальной знати. У номархов появилась возможность передавать свои полномочия по наследству. Целый ряд царей V и VI династий раздает храмам особые (иммунитетные) грамоты, освобождавшие их хозяйства от необходимости предоставлять государству работников в порядке повинности: чрезвычайную щедрость в этом проявил вступивший на престол ребенком и прожив-

ший почти сто лет царь VI династии Пепи II (XXIII в. до н.э.), при котором значительным расположением (вероятно, связанным с какими-то субъективными симпатиями царского дома) пользуется коптосский храм бога Мина. Любопытно, что в более поздней литературной традиции именно Пепи II заслужил, мягко выражаясь, странную репутацию: сохранившаяся фрагментарно «Повесть о Неферкара (тронное имя Пепи II) и Сисенне» приписывает ему, похоже, сексуальные домогательства к одному из его военачальников. В повести, несомненно, осуждаются не сами нетрадиционные склонности царя, а проявляющееся в потворстве им пренебрежение к более важным, составляющим его долг делам. Независимо от того, какое разрешение получила эта история, ее, вероятно, можно считать своего рода метафорой ослабления царской власти, которое неуклонно нарастало в течение этого небывало длительного царствования.

Примерно в начале XXII в. до н.э. одновременно с VIII династией на юге Верхнего Египта в средней части долины Нила в г. Гераклеополь (егип. *Хененсу*, совр. Ихнасья эль-Медина) начинает править новая, IX династия, что вызвало и распад единого египетского государства. Тем не менее крах Древнего царства носил, судя по описанию источников, характер настоящего обвала и вряд ли мог быть закономерным результатом означенных негативных, но накапливавшихся сравнительно медленно процессов. Вероятнее всего, он был резко ускорен произошедшими за короткий срок природными изменениями и социальными потрясениями, с которыми государство Древнего царства справиться не смогло.

ЕГИПЕТ I ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (XXII—XXI вв. до н.э.)

«Земля перевернулась подобно гончарному кругу»: экологическая и социальная катастрофа

Время, пришедшее на смену эпохе Древнего царства, принято обозначать как I Переходный период (начало XXII — конец XXI в. до н.э.). На его протяжении в Египте отсутствовало единое государство, и страна переживала

крайне тяжелые последствия резкого изменения природных условий. Наступление засушливого климатического периода (аридизация) и снижение уровня нильских разливов привели к сокращению площади орошаемых и возделываемых земель и, соответственно, урожаев. Описание этих бедствий и их последствий можно найти в двух литературных произведениях — «Речении Ипувера», созданном в ту пору, когда они только разразились, и «Пророчестве Неферти», действие которого отнесено еще к эпохе Снофру (которому мудрец Неферти возвещает неизбежное вступление Египта в полосу бедствий и потрясений), но сам текст был записан уже по завершении I Переходного периода, в начале правления XII династии (середина XX в. до н.э.).

Согласно «Пророчеству Неферти», уровень Нила настолько снизился, что местами реку стало возможно перейти вброд, а речные суда перестали «находить путь» (повсюду садились на мель). Вельможа Ипувер, вероятно, действительно бывший автором первого из этих текстов, говорит, что «страна (т.е. Египет) превратилась в пустыню», и эта его фраза особенно многозначна. С одной стороны, ее можно понять как указание на экологическое бедствие, в результате которого Египет лишился обычных для него обильных урожаев; с другой стороны, она означает, что Египет перестал выполнять свою роль уникального во всем мире региона, где осуществляется служение богам, и уравнился с остальными странами, которые обыкновенно и именовались словом *хасет* («нагорье, пустыня»). Нормальные контакты Египта с чужеземными странами, призванные обеспечивать ему недостающее сырье (в частности, доставка кедра через Библ) оказались прерваны. В обоих текстах есть упоминания о стремящемся к пастбищам Египта потоке кочевников, населявших его пустынную периферию, которая также сильно пострадала от аридизации; впрочем, эти потоки так и не превратились в сколько-нибудь организованное и массивное вторжение. Зато небывалые потрясения постигли устои внутренней жизни Египта: по яркому выражению Ипувера, «земля перевернулась подобно гончарному кругу».

По мнению некоторых исследователей, произведение Ипувера содержит описание совершенно конкретного события — беспрецедентного мятежа, разразившегося в столичной области Мемфиса из-за неспособности царя VIII династии Нефериркара II справиться с бедствиями. Отряды мятежников

разгромили столичные учреждения, разграбили хранилища зерна и других запасов, посягнули даже на царский дворец и пирамиды, в результате чего ритуал царского погребения стал всеобщим достоянием. Вслед за этим восстанием наступило полное разрушение общественной иерархии, существовавшей в эпоху Древнего царства: на какое-то время лидеры восставших, благодаря награбленному добру, сравнялись с представителями прежней элиты, зато последние сплошь и рядом стали впадать в оскудение.

«Речение Ипувера» пестрит противопоставлениями наподобие: «Не имевший слуг обзавелся челядью; кто был начальником — выполняет теперь повеления... Владелец ложа спит на земле, проводивший ночи в убожестве стелет себе кожаное ложе».

Понятно, что в условиях разгрома столицы прежняя центральная царская власть утратила контроль за страной и реальное влияние перешло к местным правителям. Уже в начале XXII в. до н.э. в Гераклеополе на севере Верхнего Египта начинает править IX династия. Сначала она существует параллельно с последними царями VIII династии, которые изначально имели столицей Мемфис, но к концу своего правления переместились на юг страны. Однако через некоторое время цари IX династии подчиняют себе весь Египет (позднее её представители переносят свою резиденцию в Мемфис, где утверждается X династия, правившая до конца XXI в. до н.э.). Наиболее прочно гераклеопольские цари контролировали север Верхнего Египта и Дельту, в частности именно их усилиями границы Дельты оборонялись от проникновения обитателей кочевой периферии. В то же время во многих номах Верхнего Египта (Сиут, Дендера, Гермополь) появляются династии правителей, в сущности, вполне самостоятельных и связанных с гераклеопольскими царями лишь вассальными узами. Причем правители Гермополя, похоже, даже претендуют, подобно настоящим царям, на статус сакральных правителей, принимая в подражание царской титулатуре эпитет «сын Тота» — местного бога их нома. Именно эти правители предпринимают в своих владениях основные усилия по смягчению последствий постигшего Египет бедствия: их надписи пестрят упоминаниями о множестве «голодных» и «нагих», которых необходимо было кормить и одевать, а также об ирригационных работах, при помощи которых они пытались хотя бы частично восстановить прежний уровень жизни.

Простые египтяне перед лицом катастрофы

В условиях экологического кризиса ни царская власть, ни местные правители не были способны защищать население и поддерживать его благосостояние с тем же успехом, что и в эпоху Древнего царства. Характерно, что с упадком централизованного бюрократического аппарата положение человека в обществе стало определяться в большей степени его личным богатством, а не должностью: поэтому среди тех чиновников, которые находились в это время на государственной службе, пышным цветом распускаются взяточничество и иные злоупотребления.

В сущности, именно этой напасти, постигшей египетскую государственность в I Переходный период, посвящается целое литературное произведение — «Повесть о красноречивом поселянине». Ее герой по имени Хунануп, обитатель своего рода египетского «фронта» — пограничья между долиной Нила и пустыней, — промышлявший доставкой в Египет ее «даров» (минеральных солей, некоторых растений и шкур животных), был во время одного из своих торговых путешествий ограблен и избит управляющим поместья столичного вельможи. Менее безропотный, чем жители долины Нила, также знакомые с подобного рода насилиями, Хунануп отправляется в столицу искать справедливости и добивается ее, произнеся девять цветистых речей с обличениями чиновников, отступающих от своего долга.

Вообще, отношения государства со своими подданными становятся гораздо более жесткими, чем прежде: в «Поучении», адресованном гераклеопольским царем второй половины XXI в. до н.э. Хети III своему сыну и преемнику Мери-кара, несмотря на несклонность его автора к бессмысленным жестокостям, рекомендуется смирять мятежи и тем более подстрекательство к ним самым бескомпромиссным насилием; а в «Пророчестве Нефerti» с ужасом, как об отступлении от вековых устоев египетской государственности, говорится о времени, когда «на речения уст ответят ударами палок». Похоже, что в этих условиях, когда меньше всего приходилось рассчитывать на содействие государства, а способной пережить едва ли не любые потрясения независимой сельской общины не существовало уже много веков, ведущую роль

в обществе стали играть незнатные, но образованные люди, обеспечивавшие свой достаток собственными усилиями, независимо от государства (не исключено, что именно такое значение имеет часто встречающийся в текстах I Переходного периода термин *неджес* — букв. «маленький, убогий», что апеллирует к социальному происхождению этих людей).

Представители неджесов часто встречаются нам в литературных произведениях, восходящих к I Переходному периоду. Именно неджесами оказываются такие мудрецы, как Неферти, возвестивший, согласно известному нам «Речению», царю Снофру ожидающие Египет бедствия, и Джели, предсказавший, по «Сказкам папируса Весткар», царю Хуфу смену его династии на престоле сыновьями верховного жреца Ра. Похоже, выходцы из означенного слоя принимали самое активное участие в создании этих произведений, написанных на среднеегипетском языке (он был разговорным с конца III и, по крайней мере, до второй четверти II тысячелетия до н.э.) и составивших своего рода классический канон египетской литературы (собственно говоря, именно в I Переходный период в Египте и происходит становление настоящей художественной литературы). Очевидно, именно по инициативе неджесов в этих произведениях настойчиво обсуждается вопрос: кто виноват в том, что египетская государственность, созданная еще в начале времен богами и возглавляемая сакральным правителем, сыном бога солнца, переживает столь тяжелые потрясения?

За многие века отсутствия в Египте института общины обитатели долины Нила привыкли связывать свое благополучие не столько с собственными усилиями, сколько с деятельностью государства, фактически отождествлявшегося с образом сакрального царя и в силу этого мыслившегося не как социальный институт, а скорее как важнейший компонент мироздания! Собственно говоря, к такому представлению подводило и действительно очень высокое участие египетского государства в поддержании благополучия общества, которое осуществлялось с редкостным для столь ранней поры успехом на протяжении всего Древнего царства. Экологическая же природа бедствия, обрушившего стабильность государственности III тысячелетия до н.э. и открывшего I Переходный период, тем более побуждала египтян видеть в его наступлении не просто социальную, но космическую катастрофу.

Бедствия страны и сомнения в религиозной истине

Понятно, что столь глобальные потрясения могли постигнуть Египет и мир только по воле богов; соответственно, в некоторых текстах I Переходного периода звучат сомнения в истинности давнего представления об их благости. В своем «Поучении» отец гераклеопольского царя Мерикара говорит сыну о неких людях, которые считают наполнение жертвенников богов проявлением «слабости», несомненно вследствие того, что эта практика никак не помогает ослабить исходящие об богов бедствия и, стало быть, ее сохранение бессмысленно. Похоже, те же самые люди имеются в виду, когда автор «Поучения» упоминает о пренебрежении некоторых существующими представлениями о загробном мире. Подробно причины подобного пренебрежения излагаются в так называемой «Песни арфиста», которая восходит, согласно ее названию, ко времени одного из правителей Фив I Переходного периода по имени Иниотеф и известна в записи на стенах ряда гробниц II тысячелетия до н.э.

Описывая обстановку несомненно I Переходного периода, автор этого произведения говорит о том, что надежды на продление своего существования после смерти при помощи гробниц (явно путем конструирования в них «миров-двойников») рухнули с исчезновением средств на их поддержание в порядке; а все, что известно об иных способах достижения загробного блаженства при содействии богов, не поддается проверке опытом и не должно внушать людям особых надежд. Следовательно, необходимо прежде всего наслаждаться каждым днем земной жизни с ее радостями, не тратя усилий на заботы о посмертном существовании. Характерно, однако, что запись этого текста, очевидно, исполненную по заказу находившихся под сильным впечатлением от него людей, мы видим именно в их гробницах, сооруженных в соответствии со всеми требованиями египетской религии. Сомнения в благости богов и, в частности, в исходящей от них возможности посмертного существования стали позицией меньшинства образованных египтян, рассматривавшейся, кстати, скорее как проявление своего рода интеллектуального экстремизма и непредусмотрительности, нежели как кощунство: «Глуп тот, кто пренебрегает этим (т.е. своей посмертной судьбой)», —

говорит в своем «Поучении» отец царя Мерикара. Большая же часть египтян не сочла постигшую их страну катастрофу достаточным основанием, дабы усомниться в представлениях о мире, выработанных долгим опытом Древнего царства.

Царь и его ответственность перед богом

Однако, в случае если бедствия, обрушенные на Египет богами, нельзя объяснить их злой волей, остается считать, что они вызваны оплошностью того, кто является посредником в контакте между людьми и богами, т.е. царя. Похоже, что последние цари Древнего царства и в самом деле давали своим поведением основания для таких подозрений; так, Ипувер прямо обращает к современному ему царю Неферрикара II гневные слова: «“Слово” (т.е. способность претворять своей волей в жизнь *маат*), “Постижение” (способность постигать *маат*) и *маат* — у тебя, царь. Но лишь смятение распространяешь ты в стране да гул неурядиц. Совершают люди насилие друг над другом, подражают тебе в беспорядке, тобой установленном... Ты говорил ложь». Мы помним странный рассказ о легкомысленных устремлениях царя Пепи II в «Повести о Неферкара и Сисенне». По-видимому, та же проблема соответствия сакрального правителя своей высокой миссии, по особенностям его личности, ставится и в «Сказках папируса Весткар». В этом произведении волшебник Джеди возвещает царю Хуфу грядущее отстранение его дома от власти после того, как тот приказывает ему показать свое умение соединять отсеченную голову с туловищем на обезглавленном преступнике, обнаружив готовность надругаться над непогребенным телом ради «эксперимента».

В «Поучении царю Мерикара» его автор Хети III четко формулирует обязанности царя перед богами (наполнение их жертвенников и поддержка храмов), усопшими (прежде всего соблюдение неприкосновенности их гробниц) и людьми (справедливое и не жестокое правление), которые его преемник обязан соблюдать под страхом гнева божества. Верховный бог (именуемый, кстати, сплошь и рядом не конкретным именем, а более расплывчатыми описательными эпитетами) признается не только отцом царя, но и благим «пастырем» человеческого «стада», пекущимся о нем. В случае если царь отступает от своего долга «творения *маат*» (по сути дела, «Поучение царю

Мерикара» «расшифровывает», в чем именно этот долг заключается), то бог перестает «отзываться» на просьбы о содействии, обращаемые к нему при совершении ритуалов.

По мнению отечественного египтолога О.Д. Берлева, сомнения многих современников VIII и IX—X династий в том, что тогдашние цари являлись полноценными сакральными правителями, способными добиваться содействия богов посредством ритуала, проявились в крайне неохотном упоминании их имен в своих биографических надписях. Египет и мир в целом при подобных правителях вступают в так называемое «время болезни», т.е. нарушения их нормального взаимодействия с миром богов, а также обеспечиваемого ритуалом равновесия между персонифицированными в них силами. Все это порождает множественные отступления от воплощенной в *маат* нормы не только общественных отношений, но и природных законов (собственно говоря, именно это состояние мироздания и описывается в «Речении Ипувера» и «Пророчестве Неферти»).

Крайнее проявление недовольства верховного божества земным царем может проявиться в том, что оно перестанет порождать своих новых сыновей в пределах данного царского дома и возведет на престол новую династию: именно это и произошло, согласно «Сказкам папируса Весткар», когда бог Ра соединился, чтобы породить новых царей, не с женщиной, принадлежавшей к дому Хуфу, а с женой простого жреца Реджедет. По-видимому, сама постановка вопроса о том, что находящийся на престоле царь может как личность не соответствовать своим задачам ритуального правителя и пренебрегать своим долгом «творения *маат*», принадлежит выходцам из слоя *неджесов*, заложившим эту идею в ряд литературных произведений; в дальнейшем же, в конце I Переходного периода (ко времени создания «Почучения царю Мерикара») она была воспринята и официальной идеологией.

Изменения в египетской религии в I Переходный период

Оскудение страны, бывшее естественным следствием экологического кризиса в начале I Переходного периода, привело к тому, что расходы на поддержание в порядке со-

оруженных на протяжении Древнего царства гробниц и на совершение в них жертвоприношений снизилась вплоть до полного их прекращения. «Я слышал слова Имхотепа и Джедефхора (авторов классических писцовых поучений Древнего царства)... А что с их гробницами? Стены обрушились, не сохранилось даже место, где они стояли», — говорит автор «Песни арфиста». Тем более непосильными, даже для представителей египетской элиты того времени, оказывались расходы на сооружение новых гробниц, сопоставимых по своему оформлению с памятниками середины III тысячелетия до н.э. В этих условиях акцент в обеспечении посмертного существования людей закономерно должен был сместиться с дорогостоящего конструирования и поддержания «мира-двойника» в гробницах на взаимодействие с божествами загробного мира, обеспечивающими продолжение жизни усопшего по возможности независимо от расходов, которые несли его родственники в земном мире.

Возможности для этого существенно расширились после того, как представления, связанные с царским заупокойным ритуалом, стали известны достаточно широко в результате вторжения в царские гробницы во время восстания в начале I Переходного периода. В это время появляются так называемые «Тексты саркофагов» — записи на деревянных гробах формул, связанных с загробной жизнью простых смертных: формулы эти касаются прежде всего различных ситуаций взаимодействия людей со сверхъестественными существами и богами загробного мира и достаточно часто восходят к хорошо узнаваемым фрагментам «Текстов пирамид». Первостепенное значение среди них приобрел Осирис, с которым теперь отождествлялся не только царь, но и любой умерший. В условиях I Переходного периода, характеризующегося неустроенностью жизни людей и их естественным стремлением обрести компенсацию за переживаемые бедствия если не в земном, то в потустороннем мире, особенное значение приобрел заложенный в миф об Осирисе мотив его безвинного страдания. Возрождение убиенного бога к жизни любящей женой воспринималось как воздаяние за благодеяния, оказанные людям во время его пребывания на земле, и за смерть, которую он претерпел от собственного брата.

Мотив суда, подводящего итоги борьбе Хора и Сета за наследие Осириса (судя по «Текстам пирамид», исходно роль

судьи в этой ситуации принадлежала гелиопольскому богу земли Гебу, но затем закрепилась за верховным солнечным божеством), подвергся основательному переосмыслению: Осирис наделялся теперь качеством царя загробного мира, в который после смерти попадал без исключения каждый усопший. Судьба покойного связывалась с его *ба*, а единственным необходимым для этого условием служило, видимо, сохранение его тела, само по себе достижимое с куда большей легкостью, чем сооружение и содержание гробницы. Смысл и само звучание формулы заупокойного культа, возникшей в эпоху Древнего царства, изменились: Осирис теперь представлял в ней владыкой загробного мира, а земной царь — заведомо не равным ему подателем жертвы, благодаря которой этот бог делает доступными усопшему все перечисленные в формуле дары.

Суд Осириса

Прежде чем начать получать посмертные дары, усопший при помощи Осириса должен был обрести самую возможность посмертного существования. Для этого, оказавшись в загробном мире, он представлял перед судом Осириса и содействовавших ему божеств, которые оценивали всю совокупность его прижизненных поступков с точки зрения их соответствия *маат*: с этой целью сердце покойного (по представлениям египтян, средоточие человеческих помыслов) помещалось на весы, на другой чашке которых находилось перо, символизировавшее *маат*. Чтобы дела человека соответствовали *маат*, среди них не должно было оказаться сознательного причинения вреда другим людям либо пренебрежения точным исполнением религиозных ритуалов, которое также могло принести людям вред, нарушив их нормальные отношения с богами и вызвав их гнев. В случае если при взвешивании сердце точно уравнивало перо, человек считался оправданным от подозрений в нарушении *маат* («правым голосом») и занимал отведенное ему место в царстве Осириса. Если же чашка весов с сердцем перевешивала перо, считалось, что сердце усопшего свидетельствовало против него: при жизни его злые дела преобладали над добрыми, он не заслуживал посмертного существования, и его сердце пожирало сидящее рядом с весами чудовище Амамат.

Существенно, что по результатам «судебного разбирательства» и взвешивания сердца перед лицом Осириса человек не мог попасть ни в «рай», ни в «ад» по аналогии с представлениями о загробной жизни монотеистических религий. Благая посмертная судьба в царстве Осириса представляла собой не вечное блаженство и наслаждение близостью к богу, а продолжение земной жизни, включая и работу на царя загробного мира (подобно работе под властью царя земного) на так называемых «полях тростника». В связи с этим во II тысячелетии до н.э. в погребения помещаются *ушебти* (егип. «ответчик»), т.е. небольшие фигурки, которые, отзываясь на призыв усопшего, оживают и исполняют за него назначенную ему работу. Воздаянием же за несправедливую жизнь служили не вечные муки, а просто лишение человека возможности посмертного существования, его полное уничтожение.

Характерно, что политические наставления, содержащиеся в «Поучении царю Мерикара», рассчитаны на то, чтобы обеспечить ему не только благополучное правление при жизни, но и оправдание на загробном суде в воздаяние за исполнение им своего долга перед богами и людьми. Судя по этому, в I Переходный период адаптация ритуала погребения царя к заупокойному ритуалу обычных людей привела к тому, что на некоторое время их загробная участь воспринималась (в том числе и самими царями!) как совершенно одинаковая. В дальнейшем, после нового объединения Египта и стабилизации положения в стране, царя стали вновь считать способным обрести бессмертие путем вознесения на небо и слияния со своим отцом Ра, в близкой аналогии с представлениями III тысячелетия до н.э., намеченными в «Текстах пирамид»; несмотря на это, отождествление усопшего царя с Осирисом также сохранило свое значение.

Объединение Египта под властью Фив. XI династия

Уже около середины XXII в. до н.э. — спустя менее полувека после воцарения в Гераклеополе IX династии — ее представители не контролировали ситуацию на крайнем юге Египта. Это видно по попыткам присвоить себе царский статус сначала неким «домом Хуу» в г. Эдфу, окончившимся неудачей, а затем,

гораздо более удачно, правителями ранее малоизвестного г. Фивы (егип. *Уаст*; к югу от этого древнего города находится совр. Луксор), бывшего центром почитания бога Амона (для рода этих правителей особое значение имело почитание бога-воителя Монту, из чего можно заключить, что они изначально были связаны не собственно с Фивами, а с находившимся в том же номе центром его культа Гермонтом). Возвышение Фив, вероятно, во многом было обусловлено близостью их нома к районам обильных природных богатств в прилегающих к долине Нила пустынных районах, а также с возможностью южных номов Египта контролировать не менее важные контакты с Нубией.

Родоначальника династии фиванских правителей в начале XXII в. до н.э. звали Иниотеф (или Иниотеф Старший); после правления его сына Ментухотепа, около 2119 г. до н.э. его внук, имя которого не сохранилось, принимает царский титул, и вслед за ним также поступают двое его младших братьев, носящих в честь деда имя Иниотеф. В Фивах таким образом начинает править новая XI царская династия.

Ко времени правления царя X династии, перенесшей свою резиденцию из Гераклеополя в Мемфис, Хети III — автора «Поучения царя Мерикара» (ок. 2071—2055 гг. до н.э.) — под властью фиванского дома уже находились земли от крайнего юга Египта до границ Тинисского, или Абидосского, нома. Непосредственно на его территории разворачивалась борьба между X и XI династиями, что воспринималось как великое бедствие, в том числе по причине религиозного значения этого района — важного центра культа Осириса.

Отношения между двумя домами были откровенно враждебными, они определялись прежде всего непризнанием каждым из них притязаний противоположной стороны на царский статус. Так, Хети III в своем «Поучении» неопределенно называет владения Фив «Юг», не уточняя, как следует воспринимать стоявших над ними правителей. В то же время уже этому царю стало ясно, что его государство проигрывает военное противостояние с Фивами и, чтобы удержаться у власти, его преемнику следует пытаться выстроить с ними какие-то взаимоприемлемые отношения. Со своей стороны фиванские цари не стремились идти в этом навстречу царям X династии. Сын Хети III Мерикара (ок. третьей четверти XXI в. до н.э.) был последним видным представителем гераклеопольского царского дома. Однако уже при нем фиванские правители занимают Абидосский ном и области к северу от него.

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО (КОНЕЦ XXI — НАЧАЛО XVII в. до н.э.)

В конце XXI в. до н.э. сотрясавший египетское общество масштабный кризис начинает отступать. Египет оказывается вновь объединен под властью царя XI династии Ментухотепа I (по общеегипетскому счету царей; в фиванском доме это был Ментухатеп II). Считается, что с этого времени Египет вступает в эпоху Среднего царства. При царях XI династии возобновляется масштабное строительство: возводится заупокойный храм Ментухотепа I в Дейр эль-Бахри близ Фив, в котором блестяще сочетаются архитектурные принципы мастабы, пирамиды и постройки с колоннадой. Возрастает и внешнеполитическая активность: ведутся войны в Азии, снаряжаются экспедиции в далекий Пунт. Однако сильное влияние местных правителей и угроза возобновления внутренних усобиц еще сохраняются. Похоже, что междоусобная борьба в стране вспыхивает с новой силой при последнем царе XI династии Ментухотепе III/IV (ок. 1983—1976 гг. до н.э.).

«Пророчество Неферти» содержит указание, что бедствия и смуты I Переходного периода окончательно прекратятся только после того, как к власти в стране придет «сын женщины с юга» по имени Амени. Большинство исследователей сходятся в том, что Амени — это сокращенное имя верховного сановника Ментухотепа III/IV по имени Аменемхет (егип. *чати* — титул, часто переводящийся средневековым арабским обозначением советника царя «визирь»). Именно Аменемхет I (1976—1947 гг. до н.э.) стал его преемником на престоле, создателем более прочного объединения страны и основателем новой XII царской династии.

XII династия (1976—1794 гг. до н.э.)

Родом с юга Египта, Аменемхет I предпочел перенести свою резиденцию в сильно укрепленный город на рубеже Верхнего и Нижнего Египта Иттауи (егип. «Схватывающий обе земли»). Недалеко от новой столицы находился Фаюмский оазис (так называемая «Земля озера»), где цари XII династии разворачивают обширные ирригационные работы. Внутри Египта Аменемхет I проводит реформы, связанные с уточнением границ номов и, видимо, созданием системы государствен-

ного распределения всей рабочей силы в стране. На восточной границе Дельты этот царь возводит систему укреплений под названием «Стена правителя»; при нем восстанавливается влияние Египта в Азии (здесь, как и в III тысячелетии до н.э., главным опорным пунктом Египта, получавшим от него поддержку в конфликтах с соседями, становится Библ), ведутся успешные войны в Нубии и Ливии.

В этих войнах еще при жизни Аменемхета отличился его сын и соправитель Сенусерт I. Во время самостоятельного царствования Сенусерта I (1947—1911 гг. до н.э.) в Нубии развивается система египетских укрепленных пунктов вплоть до второго порога Нила, где основываются крепости Икем и Бухен. Внутренняя стабильность в Египте при Сенусерте I еще более упрочивается благодаря тому, что со второй половины его царствования страна окончательно вышла из тяжелой поры аридизации (засухи): один из выдающихся писателей этого времени, вельможа Хети, воспекает возобновление по-настоящему полноводных речных разливов в «Гимне Нилу», а царь, уверившись в своей способности совершать ритуал для получения желаемого воздаяния от божества, включает в свою титулатуру особый эпитет «владыка жертвоприношений».

Внутри Египта цари XII династии долгое время не могли сломить влияние династий номархов, сохранившееся со времен I Переходного периода. Свидетельством этого влияния, как и во второй половине Древнего царства, оказываются их роскошные погребения (например, известные своей росписью скальные гробницы правителей Бени-Хасана в Среднем Египте). Более того, в росписях этих погребений вплоть до конца XX в. до н.э. встречаются сцены осады крепостей, в которых и обороняющиеся, и нападающие оказываются египтянами, — свидетельство того, что возможность наступления в Египте нового периода междоусобиц все еще не исключалась.

Волевая и целеустремленная деятельность Аменемхета I вызвала сопротивление со стороны египетской знати, привыкшей к самостоятельности; в его собственной опочивальне на него было совершено нападение, возможно, увенчавшееся успехом. По-видимому, от рук заговорщиков погиб и Аменемхет II (1911—1879 гг. до н.э.). Показательно, что цари XII династии вводят в обычай соправительство со своими

сыновьями (очевидно, чтобы еще при жизни обеспечить преемственность своей власти и предотвратить любые возможные при ее передаче потрясения). В «Поучении Аменемхета I своему сыну Сенусерту» (возможно, написанном уже после его смерти все тем же создателем «Гимна Нилу» Хети) положение царя выглядит весьма пессимистично: в нем молодому царю, в полном соответствии с нормами, выработанными на протяжении I Переходного периода, рекомендуется быть справедливым и благодетельным правителем, но не ждать за это благодарности и неустанно заботиться о своей безопасности: «Сам оберегай жизнь свою даже в час сна, ибо нет преданного слуги в час несчастья».

Завоевание Нубии и контакты с Азией

Пик внешнеполитических успехов царей XII династии приходится на правление **Сенусерта III** (1872—1853 гг. до н.э.), совершившего четыре рейда в Нубию (система египетских крепостей продвинулась теперь здесь вплоть до района современных Семны и Куммы между вторым и третьим порогами) и крупный поход в Азию (вплоть до г. Сихем в Палестине). Масштаб и результаты войн Сенусерта III были беспрецедентны в египетской истории, и воспоминания о них в I тысячелетии до н.э. стали основой поддерживавших египетский престиж легенд о великом царе-завоевателе Сесострисе (так имя «Сенусерт» стало выглядеть в передаче древнегреческих авторов, которым египтяне поведали эти легенды; в то же время к воспоминаниям о войнах Среднего царства в легендах о Сесострисе примешались и сведения об эпохе еще более масштабных завоеваний в Новом царстве, а в некоторых моментах и чистый вымысел!).

В результате войн царей XII династии Нубия была прочно закреплена за Египтом, по сути дела, в качестве его владения (ее частым египетским названием становится «Куш»). В Азии египетское влияние опиралось на сложную систему вассальных связей, союзов и торговых контактов с местными независимыми государствами и племенами (в центре этой системы, в качестве главной базы египтян, по-прежнему остается Библ). Немаловажной предпосылкой к тому, что египтяне уже в начале правления XII династии были неплохо осведомлены о политической ситуации в Азии, стало рас-

пространение в I Переходный период такого необычного для Египта явления, как своего рода политическая эмиграция за его пределы.

Так, в «Рассказе Синухета», литературном произведении, написанном в форме автобиографии и относящемся ко времени Аменемхета I и Сенусерта I, рассказывается о бегстве египетского вельможи в Азию на рубеже этих двух царствований из страха перед возможной междоусобицей, причем при дворе вождя полукочевого племени, давшего ему убежище, находились и другие египтяне и имелась возможность «слышать египетскую речь». Показательно, что среди иноземных богов, ставших известными Синухету на чужбине, упоминаются «боги... островов Великой Зелени (т.е. Средиземного моря)» — скорее всего Крита, цивилизация которого в это время находилась в начале своего подъема. О контактах Египта Среднего царства с Критом говорит и ряд археологических находок.

Аменемхет III — упрочение центральной власти

Власть XII династии по-настоящему упрочивается только при последнем ее крупном представителе Аменемхете III (1853—1806 гг. до н.э.). Еще при его предшественнике Сенусерте III ирригационные работы в Фаюмском оазисе приобрели такой размах, что вблизи него была основана новая столица (г. Хетепсенусерт — совр. Кахун) и стали возводиться царские пирамиды. При Аменемхете III эти работы подошли к завершению: в оазисе было создано огромное водохранилище, соединенное с Нилом системой каналов (в произведениях греческих авторов это так называемое Меридово озеро). Благодаря ему огромный массив земель мог орошаться совершенно независимо от нильских разливов. Урожай с этих земель был достаточен для пропитания около 50 тысяч человек и, что было особенно важно, поступал в распоряжение непосредственно царя, минуя номархов. Вероятно, это позволило существенно расширить и усилить административный аппарат центральной власти Египта и наконец сломить могущество номовой знати.

Гробницы правителей номов становятся значительно скромнее; напротив, царь предпринимает строительство сво-

его великолепного заупокойного храма недалеко от Фаюмского оазиса. В этом храме имелось множество помещений, посвященных различным местным богам египетских номов; таким образом, сам его замысел предполагал определенную централизацию религиозной жизни Египта в связи с культом царя. Соответственно, это сооружение оказалось обширным и сложным в планировке и получило позднее у древнегреческих авторов обозначение «Лабиринт» (оно было также созвучно тронному имени Аменемхета III в греческом произношении). Значение служилой знати, зависимой от царя в материальном отношении, очевидно, возрастает: как раз при Аменемхете III чиновник по имени Схетепибра помещает на своем заупокойном памятнике текст, обращенный к своим детям, в котором восхваляет царя и побуждает их верно служить ему, ибо «царь — это пища».

Древнеегипетское общество в эпоху Среднего царства. «Система смотров»

В начале II тысячелетия до н.э. египтяне осваивают целый ряд новых технических достижений. Экологические проблемы I Переходного периода заставили египтян усовершенствовать обработку земли, в том числе начать шире использовать земли, лежавшие вне зоны нильских разливов («высокие поля»). Совершенствуются орудия труда; к концу Среднего царства для их изготовления, помимо чистой меди, начинает использоваться ее более прочный сплав с оловом — бронза, хотя из-за недостатка олова это новшество стало известно в Египте позднее, чем в других странах, и получило меньшее хождение. Широко распространяется изготовление ряда предметов из стекла.

Важнейшие черты общества Египта в начале II тысячелетия до н.э. стали известны благодаря исследованиям отечественного египтолога XX в. О.Д. Берлева. Он обратил внимание на то, что одним из самых широких по своему значению терминов, относящихся к слоям общества этого времени, оказывается обозначение «царские люди» (егип. *хемму несу*). Оно относилось ко всему трудовому населению Египта, занятому в работах на полях и в мастерских, и было связано тем, что на свои работы эти люди распределялись по воле государства.

В рамках слоя «царских людей» выделялось большое количество разрядов, связанных с той или иной конкретной профессией: медники, резчики по камню, строители, огородники, землепашцы, рыболовы, прачечники и т.п.

К каждому из таких разрядов работник приписывался на особых смотрах, проводившихся ежегодно в номах от имени царской администрации. На эти смотры были обязаны являться все дети «царских людей», достигшие совершеннолетия, а также «царские люди» по достижении определенных «пороговых возрастов», когда требовалось выяснить, способны ли они по-прежнему качественно исполнять свою работу. После отбора самых крепких юношей для службы в войске остальные распределялись по профессиональным разрядам в зависимости от своих способностей и умений; учитывая, что эти умения приобретались прежде всего в семьях, в которых они росли, они чаще всего наследовали занятия своих родителей. Прикрепление к профессиональному разряду являлось, по сути дела, пожизненным, хотя бывали случаи, когда одряхлевший земледелец или ремесленник мог быть назначен на более легкую службу (к примеру, привратника).

В начале правления XII династии, при Сенусерте I, уже упоминавшийся видный сановник и литератор Хети создает «Поучение», обращенное к своему сыну Пепи. Оно представляло собой серию увещаний, якобы произнесенных его автором, когда тот вез своего сына в столичную школу: суть их сводилась к тому, чтобы мальчик старательно учился и стремился достичь наилучшего в египетском обществе положения «писца», т.е. чиновника государственного аппарата. Говоря о преимуществах положения писца («нет писца, лишенного еды от вещей дома царева»), Хети в то же время подробно рассказывает о тяготах людей, распределенных по различным профессиональным разрядам. Такое подчеркивание и без того очевидного различия в положении чиновников и трудового населения имело смысл только в том случае, если Хети стремился специально устрашить сына тяготами жизни простолюдинов, как вполне возможным вариантом его собственной судьбы, если тот не выучится «на писца» (по аналогии с хорошо известной молодым людям советского и постсоветского времени альтернативой «институт или армия» — с той разницей, что в случае с Египтом Среднего царства наихудший вариант в этой альтернативе грозил растянуться не на два года, а на всю жизнь!).

Из этого можно сделать вывод, что система смотров (по крайней мере, в начале своего существования, когда она только была введена первыми царями XII династии) охватывала не только «царских людей», но вообще все население Египта, включая детей представителей элиты. Понятно, что они, скорее всего, имели возможность обеспечить своим детям благоприятное положение на царской службе; тем не менее, судя по «Почечению» Хети, ситуация, когда недоросль, откровенно пренебрегавший своим образованием и не получивший квалификации писца, мог быть приписан к одному из профессиональных разрядов, была возможна, по крайней мере, теоретически.

Трудно сказать, насколько вероятен был обратный случай, когда писцом и чиновником, по своим способностям, выявившимся при государственном распределении, стал бы выходец из «царских людей». Конкретные примеры такого рода, кажется, неизвестны; однако, зная, что египетскому обществу даже на уровне элиты никогда не было свойственно пренебрежение к простолюдинам как к людям качественно иного, низшего сорта, такие случаи нельзя исключить категорически (хотя, конечно, практические возможности получить квалификацию писца у детей простолюдин были крайне ограничены).

«Царские люди» и их роль в экономике Среднего царства

Категория «царских людей» охватывала все трудовое население Египта вне зависимости от того, трудился тот или иной работник в хозяйстве, непосредственно подконтрольном царю, принадлежащем храму, номарху или переданном в качестве должностного владения какому-либо чиновнику. Получение работников от государства в результате их распределения на смотрах объединяло эти хозяйства в единое целое и ставило их, по крайней мере, под формальный контроль царской власти.

Понятно, что на практике проведение смотров должно было находиться под контролем властей номов и царь просто не имел возможности обделить рабочей силой хозяйства номархов и местной знати. В то же время крупные хозяйства эпохи Древнего царства не пережили тяжелого экологического кризиса I Переходного периода и распались: большинство хозяйств эпохи Среднего царства были, в отличие

от них, более мелкими по размерам и несамодостаточными. Соответственно, они нуждались в систематическом обмене своими продуктами, и это тоже подкрепляло единство экономики Египта Среднего царства.

Иной, по сравнению с III тысячелетием до н.э., стала организация труда сельскохозяйственных работников: если раньше они трудились в составе больших рабочих отрядов на обширных общих участках земли, то теперь каждый из них получал в рамках хозяйства, к которому был приписан, земельный надел, который возделывал, живя на нем со своей семьей. Таким образом, рабовладельческая по своей экономической сути эксплуатация государством зависимых от него людей эпохи Древнего царства сменилась при Среднем царстве эксплуатацией посредством изъятия у них ренты — части продукции, производимой на выделенных работникам участках земли, при том что остаток этой продукции возвращался им на пропитание.

Как видно, египетское общество эпохи Среднего царства очень четко делилось на две части: элиту, или знать, так или иначе связанную со службой в государственном аппарате (будь то на общеегипетском поприще или на уровне отдельных номов), и массу трудового населения — «царских людей». Характерно, что в эпоху Среднего царства исчезают упоминания неджесов — не исключено, что их самостоятельности уже не находилось места в структуре общества, устоявшегося после потрясений I Переходного периода. Как и в течение большей части III тысячелетия до н.э., не было в ней места и независимой от государства сельской общине. Общественные отношения, сложившиеся в эпоху Среднего царства, с некоторыми изменениями просуществовали в Египте вплоть до рубежа II и I тысячелетий до н.э.

Литература и религия Египта в эпоху Среднего царства

Стабилизация политического положения в стране в начале Среднего царства и в особенности при первых царях XII династии вызвала к жизни определенную «перестановку акцентов» в идеологических и религиозных представлениях по сравнению с I Переходным периодом. Прежде всего укрепление государственности повлекло за собой восстановление

в полном объеме престижа царской власти. Показательно, что если в начале I Переходного периода «Речение Ипувера» напрямую возлагало на пренебрегающего своим долгом царя ответственность за постигшую страну катастрофу, то «Пророчество Неферти» в начале времени XII династии благо разумно обходит эту острую проблему, зато связывает прекращение бедствий с восшествием на престол основателя этого дома, способность которого к полноценному совершению ритуала находится вне всякого сомнения. Как уже говорилось, важнейшим показателем наличия данной способности («творить *маат*») у царей XII династии было совпавшее с царствованием Сенусерта I окончание экологического кризиса (периода засухи) и возобновление нормальных разливов Нила.

Представления о долге царя перед богами и людьми, сформировавшиеся в I Переходный период, не исчезают в эпоху Среднего царства, однако отражающие их произведения не содержат и тени сомнения в том, что цари этого времени исполняют свой долг надлежащим образом. В связи с этим показательна идея, играющая очень важную роль в «Рассказе Синухета»: накануне вступления Сенусерта I на престол этот вельможа находится в действующей под его началом против ливийских племен армии, однако его бегство в Азию воспринимается не просто как дезертирство, но и, судя по всему, как своего рода «грех неверия» в способность этого царя утвердить свою власть над страной. К вящему стыду Синухета Сенусерт I обнаруживает силы не только обеспечить стабильность своего государства (т.е. проявить себя истинным царем, рожденным от божества), но и «на расстоянии» почувствовать раскаяние беглеца в своем поступке и обратиться к нему со словами милосердия и призывом вернуться на родину. В самом же начале «Рассказа Синухета» мы видим яркое и емкое описание посмертной судьбы почившего Аменемхета I, не оставляющее сомнения в том, что вечная жизнь в мире богов обеспечена ему не только независимо от оценки его дел на суде Осириса, но и вообще совершенно иным способом: «Он был восхищен на небо и соединился с солнечным диском, божественная плоть слилась с тем, кто ее сотворил».

По существу, именно с начала XII династии египетские литераторы утрачивают (или оказываются вынуждены утратить) интерес к теме царской власти, не оставивший их на протяжении I Переходного периода: посвященные царям

XIX в. до н.э. хвалебные тексты как раз довольно невыразительны в чисто литературном отношении (в частности, надпись Схетепибра с характерной моралью: «Царь — это пища»).

Подлинные литературные шедевры этого времени посвящены до странности отвлеченным от проблем насущной жизни сюжетам: поведению рядового человека, не сведущего в тонкостях ритуала, при встрече с неведомым божеством («Сказка о пастухе и богине»); описанию необычайного, исполненного всяческого изобилия острова с единственным обитателем — змеем, грозным на вид, но обнаруживающим в себе качество бога, благожелательного к людям независимо от совершения в его пользу ритуала («Сказка о потерпевшем кораблекрушение»); диалогу отчаявшегося человека, стоящего на грани самоубийства, с собственным разумом, персонифицированным в его *ба* (так называемая «Беседа разочарованного со своей душой»).

При взгляде на эти произведения может сложиться впечатление, что их авторы, отказавшись от обсуждения социально-политических проблем своего времени, перешли к своего рода экспериментированию с фундаментальными категориями, в которых египтяне осмысливали свое собственное место в мире и возможность своего взаимодействия с божествами. Даже произведение, в котором обсуждаются внутренние неурядица египетского государства около начала XIX в. до н.э., — «Беседа жреца Ххеперрасенеба Онху со своим сердцем» — построено в уже известной нам форме диалога человека с собственным разумом, воплощенным на этот раз в сердце (для египтян — орган мышления).

«Тексты саркофагов» и гробницы Среднего царства

Важнейшим памятником египетской религии Среднего царства, связанным с загробной судьбой людей, но, по существу, значительно шире отражающим представления этого времени о божестве, остаются «Тексты саркофагов», традиция записи которых не прерывается с I Переходного периода. Вместе с тем, как только ситуация в Египте в начале Среднего царства стабилизируется, а в руках представителей знати (прежде всего правителей номов) появляется достаточно свободных средств, они возвращаются к попыткам обеспечить свое посмертное

благополучие без обращения к божествам, путем конструирования в своих гробницах «миров-двойников». От эпохи Среднего царства наиболее известен комплекс скальных гробниц правителей Бени-Хасана в Среднем Египте, создававшийся с конца XXI по XIX в. до н.э. При этом изменяются чисто художественные средства оформления этих гробниц: если в эпоху Древнего царства создающие «мир-двойник» изображения представляли собой рельефы, лишь иногда раскрашенные, то теперь гробницы оформляются в основном росписями.

В оформлении гробниц Среднего царства сильно ощущается местная специфика: так, большая роль сцен охоты в пустыне в бени-хасанских фресках объясняется главным образом значением связанных с пустыней занятий в деятельности хозяев данных гробниц (в частности, доставки разных видов сырья). Специфика времени начала Среднего царства — беспокойной поры, чреватой, с точки зрения ее современников, сползанием Египта в новую полосу смут, — ощущается в стремлении правителей Бени-Хасана обеспечить свою безопасность в ином мире включением в оформление своих гробниц сцен осады крепостей (по-видимому, прежде всего успешной защиты). За очень малыми исключениями гробницы эпохи Среднего царства выдерживают сформировавшийся еще в III тысячелетии до н.э. принцип, согласно которому все сцены, включенные в их оформление, отражают только земную жизнь и среди них нет места образам богов и сверхъестественных существ.

Вместе с тем возврат к обеспечению посмертного блаженства по модели «мира-двойника» для тех, кто мог позволить себе сооружение гробницы, не снизил актуальности оформившихся в I Переходный период представлений о загробном мире Осириса. В соседнем с Бени-Хасаном Гермопольском номе занятия его правителей, также сопряженные с путешествиями по пустыне, сказались в принципиально новом способе фиксации информации об этом мире и населяющих его сверхъестественных существах — картографировании. На днищах саркофагов, происходящих из некрополя гермопольских правителей в районе современного эль-Берше и относящихся к XIX в. до н.э., в сочетании с определенными фрагментами «Текстов саркофагов» появляются схемы загробного мира и изображения его изобильных полей, призванные помочь правителям Гермополя, погребенным в этих

саркофагах, ориентироваться в новой для них посмертной реальности.

Таким образом, в египетской традиции впервые появляется опыт изображения загробного мира и, главное, населяющих его сверхъестественных существ, в том числе богов. Будучи пока еще строго локальным, привязанным к Гермополю, этот опыт в то же время свидетельствует о гораздо более широком осознании египтянами (в том числе и владельцами, казалось бы, снабженных всем необходимым роскошных гробниц) своей зависимости от богов в обретении посмертного существования.

Время XIII—XIV династий (около 1793 г. — начало XVII в. до н.э.)

После недолгого правления царицы Нефрусебек в самом начале XVIII в. до н.э. XII династия уступает место XIII, также происходившей из Фив. При общем количестве свыше 50 царей, которое приписывается этому царскому дому с примерно 150 годами его правления Манефоном и иероглифическими царскими списками и, в общем, подтверждается памятниками с именами его представителей, на царствование каждого из них в среднем должно было прийти всего лишь около трех лет. Казалось бы, это наводит на мысль о наступлении в Египте нового периода смут и внутренних неурядиц с частой сменой правителей; однако такое предположение идет вразрез с тем, что Египту в течение этого времени удается сохранять свои владения и сферу влияния в Нубии и Азии, вести торговлю по Восточному Средиземноморью, а внутри страны сдерживать рост влияния номархов и местной знати (столь же роскошными, как в начале XII династии, их гробницы становятся очень скоро). Можно заключить, что в ряде центров Египта стали параллельно править несколько ветвей XIII династии, родственных или во всяком случае признававших законность друг друга и поддерживавших между собой стабильные отношения.

Разумеется, подобный раздел власти фактически между несколькими царскими домами ослаблял централизацию страны, хотя, по-видимому, делались и попытки ее восстановления (например, царем середины XVIII в. до н.э. Неферхотепом, памятники которого фиксируются в районе Абидоса).

ЕГИПЕТ II ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Первым тревожным симптомом настоящего распада Египта стало воцарение в Западной Дельте, в городе Ксоис, XIV династии, вероятно, существовавшей одновременно с XIII, но уже не признававшей ее верховенства. Строго говоря, именно этот момент в конце XVIII или начале XVII в. до н.э. (точная датировка неизвестна) следует считать концом Среднего царства и началом II Переходного периода, продлившегося в истории Египта вплоть до середины XVI в. до н.э.

Гиксосское владычество (первая половина XVII — середина XVI в. до н.э.)

Спустя примерно два десятилетия после раздела Египта между XIII и XIV династиями и начала II Переходного периода страна была завоевана группой азиатских народов, известной как гиксосы. Владычество гиксосов в Египте продолжалось вплоть до середины XVI в. до н.э. и привело к серьезным изменениям в обществе, во многом подготовившим эпоху высшего расцвета — Новое царство.

Гиксосский союз племен сформировался на Синайском полуострове ближе к концу XVIII в. до н.э. Основную его массу составляли кочевые племена западных семитов, однако в результате масштабных переселений народов, происходивших по всему Ближнему Востоку в предшествующие десятилетия, в него вошли и хурриты и даже небольшие группы индоевропейцев (индоариев). Последнее было очень важно потому, что именно индоевропейцы принесли на Ближний Восток навыки конного дела, — а лошадь и такой новый вид оружия, как боевые колесницы, появляются в Египте как раз с приходом гиксосов. В начале XVII в. до н.э. гиксосы подчинили себе земледельческие районы Южной Палестины (там их оплотом стала крепость Шарухен) и затем уже заселенную родственными им азиатами область Авариса; около 80-х годов XVII в. до н.э. они установили свою власть над всем Египтом (Манефон сообщает, что это произошло при их царе Салитисе).

Верховная власть гиксосских правителей получила оформление в полном соответствии с египетской традицией. Гиксосские цари, утвердившиеся в Аварисе, стали принимать

египетскую титулатуру и в дальнейшем были включены в XV царскую династию. Она была признана не только на всей территории долины Нила, но и южнее, в Нубии (Куше), где после падения Среднего царства сложилось самостоятельное государство, объединившее весь этот регион, с центром в районе Кермы (третий порог Нила); оно также признавало вассальную зависимость от гиксосов. Кроме того, на пике своего могущества, во второй половине XVII в. до н.э., при царе Хиане, современником и приближенным которого арабская традиция считала знаменитого героя Библии Иосифа Прекрасного, гиксосы поставили в зависимость от себя мелкие государства Восточного Средиземноморья. Об этом, в частности, позволяет судить распространение скарабеев с именами гиксосских правителей.

Судя по всему, северным пределом сферы влияния гиксосов в регионе было верхнее течение Евфрата. Аварис, Восточная Дельта и район Синая и Южной Палестины, а также часть долины Нила в его среднем течении (до г. Кус на юге) подчинялись гиксосским царям напрямую; остальные территории находились под властью местных правителей, признававших себя их вассалами. Среди египетских богов гиксосы окружили особенным почитанием в Аварисе Сета, считавшегося покровителем чужеземных стран: в какой-то мере почитание этого бога врагами-чужеземцами содействовало его превращению со временем в наиболее мрачную фигуру египетской религии.

Вообще же гиксосское владычество впервые превратило Египет в подлинное средоточие внешних связей, протянувшихся не только по Восточному, но и по Центральному Средиземноморью. В это время гиксосы и египтяне соприкасаются с великой морской державой, созданной правителями Крита, а выходцы с острова Миноса селятся в Аварисе в особом квартале — в его постройках археологической экспедицией австрийского исследователя М. Битака обнаружены даже росписи со сценами тавромахии — типичного в сюжетах критского искусства ритуального боя с быком.

В Западной Дельте при гиксосах какое-то время, очевидно, влачила свое существование XIV династия; в Южном Египте на всем протяжении гиксосского владычества имели место другие самостоятельные образования. Центром само-

го сильного из них являлись Фивы, которыми владел дом правителей, по-видимому, ведущий преемственность непосредственно от одной из ветвей XIII династии. До некоторых пор все без исключения малые правители Египта признавали высшую сакральную царскую власть аварисских гиксосов (XV династия по Манефону).

Загадка о гиппопотамах

Усиление Фив стало беспокоить гиксосских царей: согласно легенде, записанной спустя несколько веков, один из них — Апопи II Аакененра — отправил к фиванскому царю Секененра посольство с причудливым требованием унять нильских гиппопотамов, которые своим шумом близ Авариса якобы не давали гиксосскому царю заснуть. Конец этой истории не сохранился: похоже, по общим закономерностям такого рода фольклорных историй Секененра придумал какой-то находчивый ответ на «загадку» Апопи, и тот был вынужден оставить Фивы в покое. Однако состояние найденной археологами мумии Секененра, которая несет на себе следы тяжелых ранений, показывает, что он погиб насильственной смертью, возможно, в ходе войны с одним из преемников гиксоса — героя легенды царем Апопи III Ауусерра, правившим с середины 80-х годов XVI в. до н.э.

XVII династия

В 70-е годы XVI в. до н.э. Камос, сын Секененра от брака с дочерью правителя Гермополя Яххотеп, перестал признавать верховную власть гиксосского царя и сам принял царский титул. С него реально начинается XVII царская династия, хотя позднее Манефоном к ней были причислены и предшественники Камоса начиная еще с XVII в. до н.э.; при этом уже не признававшиеся сакральными царями правители Авариса были приписаны к так называемой XVI династии.

Камос продолжил войну с гиксосами, добившись немалых успехов, — ему удалось даже осадить Аварис. Хотя, согласно сведениям так называемой «таблички Карнарвона» (деревянной дощечки с записью текста, видимо, нанесенного также на несохранившуюся победную стелу), в начале

военных действий царю пришлось выдержать дискуссию со своими вельможами, предпочитавшими поддерживать с гиксосскими владениями на севере Египта мирные взаимовыгодные отношения. Камосу удастся разрушить союз гиксосов с Кушем и переподчинить его себе.

После Камоса на престол вступает его младший брат **Яхмос I** (ок. начала 1560-х — конец 1540-х годов до н.э.), которому удастся нанести гиксосам решительное поражение, захватить Аварис (во второй половине 50-х годов XVI в. до н.э.), изгнать иноплеменников в Азию и там овладеть их оплотом — крепостью Шарухен в Южной Палестине. Изгнание Яхмосом I гиксосов считается началом очередного периода истории Египта — Нового царства (до 1075 г. до н.э.), а сам он — родоначальником вновь объединившей Египет XVIII царской династии (середина XVI в. — 1334 г. до н.э.).

Гиксосы: характер завоевания ими Египта и интерпретация их обозначения

Самые подробные сведения о завоевании Египта гиксосами содержатся во фрагменте труда Манефона, подробно изложенном еврейским историком I в. н.э., также писавшим на греческом языке, Иосифом Флавием. Согласно этим данным, гиксосы сначала укрепились в восточной части Дельты Нила, где их центром и будущей столицей стал город Аварис, и, опираясь на этот район, завоевали всю страну. Археологическое изучение Восточной Дельты в XX в., а именно раскопки австрийского исследователя М. Битака в 60-х годах прошлого века, привели к отождествлению с гиксосским Аварисом городища в районе современного Телль эль-Даба. Однако оно существовало еще с эпохи XII династии, а завершило свою историю уже в период Нового царства.

Ряд исследователей, опираясь на археологический материал, предложил отвергнуть сведения Манефона и считать, что имело место не завоевание, а постепенное проникновение азиатов в Египет с эпохи Нового царства. На самом деле трудно представить себе, чтобы правители Среднего царства допустили настолько бесконтрольный приток азиатских племен в страну, что он обернулся ее покорением. Кроме того, само существование Авариса задолго до завоевания Египта гиксосами не только не противоречит сведениям Манефона

о том, что они сначала укрепились в Восточной Дельте, но, напротив, им соответствует.

Еще одно «недоразумение», возникшее среди египтологов по поводу сведений Манефона о гиксосах, связано с пониманием самого переданного им именованья этого народа. Манефон ясно говорит, что оно означает «цари-пастухи», и на основании этого первые исследователи еще в XIX в. соотнесли его с египетским словосочетанием *хекау шасу* («правители кочевников», или как раз «правители-кочевники»). Позднее, однако, в науке укрепились мнение, что в основе именованья «гиксосы» лежит словосочетание *хекау хасут* — «правители чужеземных стран».

Вернуться к прежнему истолкованию этого слова помогли сведения средневековых арабских авторов о том, что в истории Египта был период владычества династии так называемых амалекитов. Этот народ, хорошо известный и по Библии, обитал в районе Синайского полуострова, где, согласно египетским источникам Нового царства, как раз и жили племена *шасу*. Таким образом, именованье «гиксосы», правильно истолкованное Манефоном, обозначает не просто «род занятий» этого покорившего Египет народа, но и его этническую принадлежность и место первоначального обитания.

ЕГИПЕТ НОВОГО ЦАРСТВА. ЭПОХА XVIII ДИНАСТИИ (СЕРЕДИНА XVI — XIV вв. до н.э.)

Успешные войны Яхмоса I с *гиксосами* привели не только к ликвидации их владычества в Египте, но и к полному разгрому их государства на Ближнем Востоке и в Передней Азии, территории которого теперь перешли под руку египтян. Об этом можно судить по следующим данным: источники содержат сведения о взятии Яхмосом I столицы гиксосов Шарухена и одной кампании, проведенной им в Финикии. Сын этого царя Аменхотеп I (конец 40-х — конец 30-х (или 20-х) годов XVI в. до н.э.) вовсе не воевал в Азии; однако уже в начале правления следующего царя Тутмоса I (конец 30-х — конец 20-х годов XVI в. — 1503 г. до н.э.) сфера египетского влияния охватывает все Восточное Средиземноморье, и ее северной границей оказывается река Евфрат. Из этого

можно сделать вывод, что уже в ходе войн Яхмоса I в Азии все зависевшие ранее от гиксосов мелкие государства Палестины, Финикии и Сирии признали отныне верховенство победоносного Египта.

Немалых успехов Египет достиг и в Нубии: еще до изгнания гиксосов, при Камосе, его влияние в этом районе распространилось до крепости Бухен у второго порога Нила, а при Аменхотепе I еще дальше на юг. Нубия (или Куш) превратилась теперь во владение Египта, которое находилось под его прямым управлением (в отличие от азиатских земель, где сохранялась автономия мелких государств, признавших свою зависимость от фараона и обязанность посылать ему дань). Без особых усилий с его стороны и почти в одночасье Египет превращается из страны, еще недавно раздробленной и ослабленной владичеством чужеземцев, в одну из великих держав Передней Азии.

Сын Яхмоса I Аменхотеп I не имел сына, которому он мог бы передать бразды правления. Выдав свою дочь по имени Яхмос за одного из полководцев, Тутмоса, он сделал его своим наследником. При Тутмосе I во внешней политике Египта в Азии наметились серьезные проблемы. Приход к власти в хурритском государстве Ханигальбат на северо-западе Месопотамии индоарийской династии (после этого оно стало называться *Митанни*) активизировало его внешнюю политику и превратило его в главного соперника Египта в борьбе за контроль над территорией Сирии.

Более того, местные правители Восточного Средиземноморья не могли не предпочитать митаннийское господство египетскому: Египет с его огромным государственным аппаратом требовал от покоренных стран больших размеров дани, чем Митанни, а через несколько веков — Хеттское царство, в социальной структуре которых преобладала самодостаточная община. Соответственно, Тутмосу I приходится в конце XVI в. до н.э. вести тяжелую войну против митаннийского царя Суттарны I, попытавшегося отвоевать у Египта Северную Сирию: боевые действия развернулись непосредственно у Евфрата. В Нубии Египту удастся расширить свои владения вплоть до прежней столицы независимого кушитского царства Кермы у третьего порога Нила.

Характерно, что именно при Тутмосе I начинает по-настоящему расширяться и богатеть, получая постоянную долю в военной добыче, Карнакский храм в Фивах (егип. *Инет-*

сут — «Избранное [из всех] мест») — центр почитания Амона-Ра, божественного «отца» и покровителя побед фараона. Кстати, укоренившийся в нашей терминологии в древнееврейской форме «фараон» египетский термин *пер-аа* — «дом великий», т.е. дворец, как иносказание применительно к находящемуся в нем царю, входит в употребление именно с начала Нового царства.

Хатшепсут: женщина на престоле Египта

Преемник Тутмоса I, его сын от второстепенного брака с Мутнофрет Тутмос II (ок. 1503—1490 гг. до н.э.) еще до начала царствования стал мужем своей сводной сестры Хатшепсут, дочери Тутмоса I от брака с Яхмос. В царствование Тутмоса II продолжались войны за поддержание египетского господства в азиатских землях и было потоплено в крови восстание в Нубии. Сына от брака с Хатшепсут у Тутмоса II не было; поэтому в его преемники был намечен его сын от второстепенного брака с некоей Исидой, тоже Тутмос. В тексте конца царствования Тутмоса III рассказывалось, как еще при жизни его отца, в его бытность рядовым жрецом Амона-Ра в Карнакском храме в Фивах, на него как на будущего царя указала статуя бога во время праздничной процессии.

В 1490 г. до н.э. Тутмос III вступил на престол; однако уже через два-три года он был оттеснен на второй план царицей Хатшепсут (ок. 1490—1468 гг. до н.э.). Она провозгласила себя соправителем Тутмоса III, а со временем приказала изображать себя на памятниках в качестве самостоятельного фараона — причем, чтобы подчеркнуть полноценность своей власти, именно как фараона-мужчину (на ряде статуй она изображена с мужскими чертами телосложения и характерной приставной бородкой). Официальная легенда рассказывала о рождении Хатшепсут от близости ее матери Яхмос с богом Амоном и, соответственно, о ее изначальной предопределенности к царской власти.

Естественно, Хатшепсут не могла претендовать на качество фараона-воителя: поэтому главным деянием своего царствования, сопоставимым с войнами своих предшественников, она постаралась представить масштабную экспедицию в Пунт; повествование о ней и красочные сцены путешествия были запечатлены на стенах заупокойного храма царицы в Дейр эль-Бахри близ Фив вместе с легендой о рождении ца-

рицы от божества. Хатшепсут много строила в различных храмах Египта; самые приближенные вельможи ее царствования — верховный сановник Хапусенеб и архитектор и воспитатель царевны Нефрура Сенмут — были связаны со жречеством Карнакского храма Амона-Ра.

Военными делами в это время занимался Тутмос III: войны, которые он вел в Азии при жизни царицы, разворачивались совсем недалеко от границ Египта (в Палестине и даже на Синае), при том что остальное Восточное Средиземноморье попало под верховенство Митанни во главе с удачливым завоевателем царем Параттарной (70-е годы XV в. до н.э.). Существуют предположения, что Хатшепсут стремилась закрепить свой опыт женского правления и каким-то образом сохранить сложившуюся при ней расстановку сил в Египте на более долгую перспективу: возможно, этому должна была послужить передача власти ее преемнику — супругу ее дочери Нефрура, которая сохранила бы при нем выдающееся положение в государстве. Однако этим планам не суждено было сбыться: Нефрура умерла раньше своей матери, потерял свое бывшее влияние Сенмут, и после смерти Хатшепсут в 1468 г. до н.э. ее наследником стал оттесненный на задний план более чем на двадцать лет Тутмос III.

Решающая фаза войн Египта с Митанни (1468 — около 1410 г. до н.э.)

Попытку восстановить господство Египта над всем Восточным Средиземноморьем предпринял фараон Тутмос III, когда после смерти Хатшепсут в 1468 г., будучи уже не первой молодости, стал полновластным царем Египта. В первый же год своего единоличного правления он предпринимает поход в Южную Сирию против коалиции «330 правителей» во главе с царем Кадеша, за которой стояло быстро набравшее мощь государство *Митанни*. Перевалив по опасной горной тропе через Кармельский хребет в Палестине, Тутмос III со своим войском вышел к крепости Мегиддо, у которой сосредоточились основные силы коалиции. Разгром их в скоротечной битве не удался египтянам, увлекшимся грабежом вражеского лагеря, и войска их противников укрылись в крепости. Последовала семимесячная осада Мегиддо, окончившаяся победой Египта и возвращением вой-

ска Тутмоса III с большим количеством пленных и богатой добычей.

Однако главный вдохновитель врагов Египта в Азии — государство Митанни — осталось несломленным и продолжало свою политику. В 1468—1448 гг. до н.э. Тутмос III, согласно знаменитым «анналам» его царствования на стенах Карнакского храма, был вынужден совершить не меньше пятнадцати походов в Азию и явно ходил туда не раз в более поздние годы; дважды фараон осаждал *Кадеш*, но так и не смог его взять. К середине XV в. до н.э. фараону удалось оттеснить митаннийцев за Евфрат, однако, вскоре они возвращают свои позиции на севере Сирии. Более успешно разворачивались действия Тутмоса III в Нубии, где египтяне закрепляют за собой земли выше четвертого порога Нила (их важным опорным пунктом неподалеку от него становится город Напата — современный Джебель-Баркал).

Борьбу с Митанни продолжил сын Тутмоса III Аменхотеп II (1438/36—1412 гг. до н.э.), совершивший в Азию два «победоносных похода»; такое официальное название второго из них, имевшего место около 1429 г. до н.э., противоречило реальности, так как по его итогам египтяне были вынуждены признать верховенство митаннийского царя Сауссадаттара над Сирией и Северной Финикией. Именно Тутмос III и Аменхотеп II больше, чем кто-либо из их предшественников и преемников, стремятся изображать себя в официальных текстах и рельефах могучими воинами, самолично истребляющими врагов, умеющими одним движением натянуть тугой мощный лук и охотящимися на слонов, которые тогда водились в степях к востоку от реки Оронт в Сирии.

Однако неудача их попыток закрепить за Египтом все земли вплоть до Евфрата была предопределена не только упорством Митанни, но и вмешательством других крупных государств Передней Азии (прежде всего Вавилонии под властью касситской династии), уставших от нескончаемых войн в таком важном для международной торговли районе, как Ближний Восток.

Окончательное урегулирование противостояния Египта и Митанни произошло при участии Касситской Вавилонии около 1410 г. до н.э. Фараон Тутмос IV, царь Митанни Артадама и касситский царь Караиндаш согласились на размежевание своих сфер влияния, при котором Египту доставались

все земли вплоть до центральной части Сирии, Северная Сирия отходила Митанни, а Вавилония контролировала территорию Сирийско-Месопотамской степи к востоку от владений двух первых держав.

Три царя договорились не только о мирных, но и о союзнических отношениях (в знак этого Тутмос IV женился на дочери Артадамы), что на долгое время позволило им решать все дела Восточного Средиземноморья на основе компромисса. Эта система равновесия сил между державами Передней Азии, просуществовавшая вплоть до середины XIV в. до н.э., получила название «амарнского мирового порядка», по месту обнаружения крупнейшего архива дипломатической переписки этого времени в районе столицы Египта (совр. Телль-эль-Амарна) при фараоне Аменхотепе IV (Эхнатоне).

Египет в годы «амарнского мирового порядка». Аменхотеп III

При сыне Тутмоса IV Аменхотепе III (1402—1365 гг. до н.э.) Египет вступил в полосу длительной стабильности и благополучия. Несмотря на отказ от Северной Сирии, Египет сохранил за собой огромные территории Восточного Средиземноморья, за лояльностью которых фараону следили египетские резиденты, опирающиеся на гарнизоны в важнейших пунктах. Одной из самых дальних стран, подвластных Египту на севере, оказывается Алашия (остров Кипр), откуда Египет получает в виде дани медь. На юге египтяне продвинулись как никогда далеко в глубь Нубии: ее богатство заставляло переднеазиатских корреспондентов египетского царя говорить с завистью: «В стране твоей больше золота, чем песка».

Показателем прочности позиций Египта в Нубии стало создание во всех ее важнейших пунктах храмов египетских богов, прежде всего Амона. В отличие от своих предшественников-воителей Аменхотеп III самолично совершил поход (к южным пределам Нубии), по-видимому, только один раз, около 1398 г. до н.э.; несколько раз вступив в брак с дочерьми царей Митанни и Вавилонии, он ощущает свое внешнеполитическое положение настолько прочным, что, ссылаясь на египетский обычай, отказывает касситскому царю Кадашман-Харбе I в руке своей дочери (причем последний, не же-

лая терять лицо перед собственным двором, просит прислать ему любую египтянку, которую он мог бы выдать за царевну). Таким образом, изнурительные войны уходят в прошлое, и во внешнем мире у Египта практически не остается врагов.

В этой ситуации Аменхотеп III получил возможность заняться внутренним положением Египта более основательно, чем его предшественники. В основе могущества египетских фараонов находилась поддержка двух влиятельных сил египетского общества — войска и жречества бога Амона-Ра, почитаемого в столице страны Фивах, где постоянно расширяется и пополняет свое богатство за счет военной добычи Карнакский храм. Однако с прекращением масштабных войн в Азии значение поддержки войска (да и самого идеального образа стоящего во главе него фараона-военачальника) неизбежно снизилось, а чрезмерное укрепление позиций столичного жречества могло обернуться и против самого фараона. Возникла необходимость искать для царской власти новую опору, которая сделала бы ее положение непререкаемо прочным.

Главной женой Аменхотепа III была Тэе — женщина незнатного происхождения, отец которой служил рядовым чиновником хозяйства одного из местных храмов. Можно сказать, что в ее лице впервые обрела серьезное влияние на государственные дела такая категория египетского общества Нового царства, как незнатные служилые люди, зависимые от фараона в своем материальном положении и потому преданные ему. Выходцем из этого социального слоя являлся и один из главных сановников Аменхотепа III, выдающийся архитектор Аменхотеп сын Хапу.

Серьезные изменения происходят в религиозной жизни и идеологии Египта. Аменхотеп III продолжает строительство в Фивах; однако здесь, к югу от Карнака, близ современного Луксора он возводит новый обширный храмовый комплекс (егип. *Инет-ресит* — «Южный покой»), где значительно большую роль, чем в Карнаке, играет культ самого царя. Изображениям фараона, подобно статуям истинных богов, начинают поклоняться в египетских храмах в Нубии (в совр. Солебе), а затем и в самом Египте, в Мемфисе и, по-видимому, в Фивах, где, в частности, воздвигаются знаменитые «колоссы Мемнона» — огромные статуи царя. Большое значение для укрепления царского культа имели

праздники юбилея правления Аменхотепа III (*хеп-седы*), которые он справил несколько раз в 1372—1365 гг. до н.э. Наконец, именно в его царствование как бы в противовес столичному культу Амона-Ра возвышается почитание бога солнца под его исконным древним именем Ра-Харахте («Ра — Хор горизонтный», т.е. находящийся на линии небесного свода, соединяющей точки восхода и заката), а также под именем Атон (египетское обозначение видимого на небе солнечного диска).

Перемены в общественном сознании египтян в начале Нового царства (вторая половина XVI—XV в. до н.э.)

Мы уже говорили о том, что коренные изменения в жизни и самосознании древних египтян произошли уже в *гиксосское* время. Прежде всего это были перемены военно-технического характера, особенно усвоение в Египте конного дела, приведшее к созданию военной элиты — отрядов боевых колесниц с экипажем из двух человек, один из которых правил лошадьми, а другой осыпал противника стрелами из лука, причем была выработана тактика действия множества колесниц в едином строю. Хотя основные сражения египтян происходили на суше, для борьбы с гиксосами правители Фив завели мощную речную флотилию на Ниле, а после занятия Дельты — и морской флот. Важную роль в качестве морской гавани сохранил Аварис, получивший теперь название Пер-Нефер (егип. «Прекрасный выход»). Наконец, продолжали совершенствоваться технология обработки бронзы и, соответственно, изготовление оружия.

Однако, разумеется, чисто техническими переменами воздействие гиксосской эпохи на Египет не ограничилось. Пожалуй, как раз при господстве иноплеменников Египет впервые в своей истории на опыте ощутил, что другие народы могут быть по меньшей мере не слабее, а то и сильнее, чем его обитатели, а благодаря разветвленным связям Гиксосской державы в Средиземноморье и Африке, осознал себя частью необычайно многообразного мира. Победа же над гиксосами привела Египет к соприкосновению с великими державами Передней Азии — причем на уровне не эпизодических контактов, а непрерывного военно-политического

противостояния либо усилий по выработке оптимального сосуществования с ними.

Характерно, что, вопреки собственному самосознанию в качестве сакральных правителей не только Египта, но и всего мира, фараоны XVIII династии в переписке с государями Митанни и касситской Вавилонии, ведшейся клинописью на аккадском языке, были вынуждены именовать их тем же титулом, что и самих себя, признавая равенство с ними в статусе. Все это должно было привести к некоторому снижению в восприятии египтян роли их страны в мире — при том, что победы над чужеземными врагами стали занимать в обосновании власти фараонов несравненно большее место, чем прежде!

В III — первой половине II тысячелетия до н.э. цари Египта почти никогда не участвовали в войнах лично; когда какие-либо тексты описывали войны Египта против своих соседей, победа в них обычно изображалась как дело нетрудное и заранее predeterminedенное ввиду божественного происхождения и сакрального характера власти египетского царя. В текстах эпохи Нового царства, описывающих борьбу с гиксосами и их изгнание, мы видим фараонов Секененра и Камоса отнюдь не столь уверенными в победе. Секененра в упоминавшейся легенде о состязании в хитроумии с гиксосским правителем Апопи и вовсе стремится избежать военного столкновения с ним, прекрасно осознавая свою слабость. Камос же, доказывая необходимость борьбы с гиксосами собственным вельможам, заявляет, что без этого не сможет стать подлинно сакральным царем, но вовсе не утверждает, что добьется в этой схватке успеха.

Впоследствии мотив спора царя со своим окружением, когда оно исполняет при нем роль своеобразного штаба, становится стандартным приемом военных текстов XVIII династии. Вельможи в начале кампании или накануне решающего сражения призывают фараона к чрезмерной осмотрительности и осторожности, а он отвергает этот совет, исходя из того, что риск, при должном искусстве полководца, есть залог победы. Сам этот прием не имел бы смысла без признания того, что царь на поле боя подвергается определенной опасности и должен проявлять мастерство полководца и личную доблесть в не меньшей мере, нежели остальные начальники в его войске. При этом успех фараона служит, конечно, доказательством со-

действия со стороны породившего его божества. Именно поэтому цари XVIII династии делятся плодами своих побед в первую очередь со своим «отцом» Амоном-Ра, чтимым в Карнаке. Однако все же успех достается царю и ценой огромных собственных усилий. Отражение этих усилий и достигаемых благодаря им успехов становится теперь главным мотивом текстов и изображений на царских памятниках и, по сути дела, обоснованием права царя на его сакральную власть.

В связи с этим для некоторых фараонов остро встал вопрос: что делать, если сослаться на подобные военные успехи в обоснование собственного статуса не получалось? Мы уже видели, как войны Аменхотепа II с Митанни и его союзниками именовались «победоносными походами» (и описывались в соответствующей тональности!) вопреки тому, что происходило на самом деле. Однако Хатшепсут, женщина на престоле, даже независимо от военных успехов ее времени заведомо не могла изобразить себя разящей врагов с боевой колесницы; а Аменхотеп III, при котором войны в Азии сходят на нет, мог позволить себе это лишь в ограниченных масштабах. По-видимому, как раз по этой причине в пропаганде именно этих царей особое место занимает подробное «прописывание» легенды об их рождении от божества: Хатшепсут включает соответствующие тексты и изображения в оформление своего храма в Дейр эль-Бахри, а Аменхотеп III попросту копирует их в Луксорском храме. Другим пропагандистским приемом «мирной передышки» при Аменхотепе III становится, как мы видели, его самообожествление (некоторые египтологи считают теперь, что тенденция к этому проявилась уже при Тутмосе IV, который и был вынужден прекратить борьбу с Митанни в Азии).

Однако длительные войны в Азии и Нубии приводят в эпоху XVIII династии к переменам не только в официальной идеологии. По-новому начинают относиться к своему участию в боевых походах и рядовые воины, и младшие командиры, со свидетельствами которых (автобиографическими надписями) мы знакомы. Если в эпоху Древнего царства в надписях частных гробниц походы в чужие страны оценивались исключительно с точки зрения их пользы для государства, то теперь составители надписей не стесняются говорить о личной выгоде от участия в войне — о вознаграждении за это и о захвате пленных и добычи не для царя, а непосредственно для себя.

Само вознаграждение воинов приобретает теперь характерную форму «орденов» — знаков в виде льва или мухи, изготовленных из золота и присваиваемых за подвиги. Их материальная стоимость была, конечно, немалой, однако ценились они независимо от нее и, скорее всего, становились предметом купли-продажи не чаще, чем наши современные боевые награды.

В надписи современника первых трех царей XVIII династии Яхмоса I, Аменхотепа I и Тутмоса I — «начальника гребцов» нильской флотилии Яхмоса, сына Абен, — мы встречаем следующую фразу: «Имя героя — в содеянном им, оно не исчезнет в этой стране вовеки». Египетские представления о значении увековечения имени для личного бессмертия человека позволяют понять ее чисто прагматически (герой будет жить, пока его имя помнят и произносят, в самом буквальном смысле слова); однако, помимо этого, в данных словах явно чувствуется и признание психологической ценности собственных подвигов и похвалы за них.

Еще более развернуто такой мотив представлен в автобиографии современника Аменхотепа II Аменемхеба. Этот воин перечисляет подвиги, которые он неустанно совершал на глазах у царя, получая за них пресловутые «ордена», причем самым забавным из них оказался эпизод, когда Аменемхеб поймал и заколол кобылу, выпущенную коварным князем Кадеша перед египетскими колесницами, чтобы порушить их строй. Курьезность этого подвига (не противоречащая, кстати, тому, что при его совершении Аменемхеб вполне мог как минимум получить серьезное увечье), похоже, не давала оснований для присвоения за него боевой награды. Тем не менее Аменемхеб расписывает, как он преподнес царю отрубленный им хвост вражеской кобылы и удостоился за это похвалы. Сам навык преодоления риска при помощи сноровки выступает здесь основой для собственной положительной оценки в не меньшей степени, чем практическая польза от данного свершения в сочетании с царской похвалой.

Таким образом, современники царей-завоевателей XVIII династии начинают ценить собственные свершения независимо от того, сколь значимы они были для блага государства, или, по крайней мере, перестают стесняться открыто обсуждать эту тему. С принципиальной точки зрения, это свидетельствует об обретении египтянами большей независимости от государственной структуры, чем в предшествующие эпохи.

АМЕНХОТЕП IV (ЭХНАТОН). ЕГИПЕТ В ГОДЫ «АМАРНСКОЙ РЕФОРМЫ» (1365—1348 гг. до н.э.)

Преемник Аменхотепа III, его сын от брака с Тэе, фараон Аменхотеп IV (1365—1349 гг. до н.э.) продолжил укрепление власти царя при помощи масштабных религиозно-идеологических преобразований и пополнения царского окружения выходцами из незнатного служилого чиновничества и верхушки войска. В то же время совершенно уникальную направленность реформы этого царя приобрели из-за его глубокой личной веры в божество, олицетворяющее солнечный диск, возвышение которого, как уже сказано, наметилось еще при его отце. Уже в первые годы царствования Аменхотепа IV особое значение приобретает культ Ра-Харахте, который с 1361 г. до н.э. отождествляется с богом — солнечным диском Атоном (верховным жрецом нового культа становится лично царь).

До поры до времени центром почитания нового «царского» бога остаются Фивы, где Атону возводится храм недалеко от храма Амона в Карнаке. Вообще, в начале своего царствования Аменхотеп IV, казалось бы, полностью продолжает традиционную для XVIII династии линию на поддержку этого храмового центра. Однако примерно в 1359 г. до н.э. Аменхотепу IV довелось услышать в Фивах нечто «дурное» (очевидно, о его религиозных воззрениях), и он решает покинуть город. Новая столица возводится им в Среднем Египте, близ современного селения Телль эль-Амарна, в месте, которое, как специально оговаривалось в надписях на стелах, размещенных по границам этого города, до тех пор «не принадлежало ни богу, ни богине» — т.е. за пределами территории какого-либо нома с его местными культурами.

Вновь основанный город получает название Ахетатон (егип. «Горизонт Атона»), а сам царь изменяет свое имя на Эхнатон («Полезный для Атона»). Именно здесь его преобразования приобретают особенно радикальный характер, позволяющий исследователям называть их «амарнской религиозной реформой» (по современному названию столицы Эхнатона). Прежде всего, новая столица становится главным для всего Египта центром почитания бога солнца Атона, а в чисто материальном плане весомое значение имело создание огромных и богатых хозяйств храмов Атона, по существу, находившихся в полном распоряжении царя.

Археологический комплекс Ахетатона в районе Телль эль-Амарны был открыт в конце XIX в. и изучался в течение нескольких десятилетий египтологами У.М. Флиндерсом Питри, Л. Борхардтом (именно он открыл знаменитый скульптурный портрет Нефертити, принадлежащий работе скульптора Тутмоса), а также С.Л. Вулли, Дж. Д. С. Пендлбери и другими.

Атон — личный бог царя и источник абсолютной истины

Бог Атон, в отличие от традиционных египетских богов, не имел человеческого облика (либо облика человека с головой животного): он изображается непосредственно как солнечный диск, устремленные к земле лучи которого оканчиваются благословляющими кистями рук. В таком облике бог Атон получает почести от царя и его супруги Нефертити (егип. «Прекрасная пришла»). Существенно, что Атон провозглашается теперь фараоном Египта, правящим наряду со своим сыном Эхнатоном. Вообще верховный бог считался царем мироздания, носящим титул, сходный с обозначением фараона, и раньше; но никогда до Эхнатона не подчеркивались в такой мере его присутствие в земном, «посюстороннем», мире и власть над ним.

В не меньшей мере акцентировалась и исключительная роль царя как сына и соправителя верховного божества. Сама идея о рождении царя от бога, как мы знаем, тоже не была новшеством для египетской религии; однако Эхнатон настаивал на том, что в силу этого он постоянно находился со своим отцом в некоей сугубо личной уникальной связи (это подчеркивалось в особом эпитете его титулатуры «Уаенра» — егип. «Единственный для солнца»). Благодаря этому, Эхнатон признавал за собой исключительную способность получать непосредственно от солнечного бога сведения о его собственной природе и об устройстве мира.

Атон провозглашался вдохновителем политики царя, подсказывавшим в доступных ему откровениях все необходимые решения и поступки (именно ориентируясь на такое откровение, Эхнатон, в частности, избрал место для своей новой столицы). Надежность и достоверность этих откровений была выведена Эхнатоном за пределы любого сомнения,

и подданным, не исключая и жрецов нового и прежних культов, оставалось лишь внимать тому, что им возвещал царь, ссылаясь на свое общение с божеством, и слепо следовать его указаниям. При этом воля божества могла служить единственным обоснованием и для действий по египетским понятиям невероятно жестоких. Так, ближе к концу царствования Эхнатона некие вельможи, сопротивлявшиеся его религиозной политике, были казнены с последующим сожжением тел, что лишало их возможности загробной жизни (для сравнения, примерно полтора века спустя, после заговора против царя Рамсеса III, только его главари были принуждены к самоубийству, и на их останки, судя по всему, не посягали).

Царские памятники Эхнатона (прежде всего региона Амарны) убеждают, что уже с начала 50-х годов XIV в. до н.э. Атон занимал в его религиозной политике неизмеримо более важное место, нежели традиционные культы, а в личных воззрениях фараона просто был единственным богом, стоившим почитания. Исследователи (не только египтологи, но и религиоведы более широкого профиля) неоднократно обсуждали возможность сопоставления комплекса представлений Эхнатона с монотеистическими религиями, существовавшими уже после наступления нашей эры. Пожалуй, оптимальным примером для такого сопоставления весьма неожиданным образом оказывается засвидетельствованная некоторыми современниками «квазирелигия» А. Гитлера, основанная на его личной и, в отличие от идей Эхнатона, не особенно разглашавшейся вере в «провидение», также «подсказывавшее» ему «рецепты» политических и военных решений, вплоть до самых иррациональных.

Надписи из гробниц вельмож, высеченных в скалах вблизи Ахетатона, дают понять, на кого опирался Эхнатон в течение своего царствования. Это были люди не просто незнатные, но порой вышедшие из низов общества и обозначавшие свое социальное происхождение характерным термином *немху* (егип. «сирота»). Гробничные надписи всячески подчеркивают милости, которыми фараон осыпал таких своих приближенных, и тот факт, что исключительно его заботе они обязаны своим положением в обществе и на государственной службе.

Трудно сказать, насколько искренне означенные сподвижники разделяли религиозные идеи самого царя. Можно допус-

тить, что подлинным приверженцем амарнской религии был некий Туту — могущественный вельможа, в гробнице которого мы и видим упоминания о жестоких расправах в годы, когда религиозная реформа проводилась особенно радикально. Однако та легкость, с которой многие крупные выдвиженцы Амарны (прежде всего будущие фараоны — верховный жрец Атона Эйе и военачальник Хоремхем) позднее расстались с религией солнечного диска, наводит на мысль, что для большинства из них она все же оставалась чисто конъюнктурным явлением.

12-й год Эхнатона: гонение на традиционные культы

Несмотря на глубокую приверженность Эхнатона прославлению солнечного Атона, традиционные египетские культы продолжали существовать, хотя и при меньшем внимании царя, но, в сущности, в неизменном виде, большую часть его царствования — до 12-го года правления, т.е. до 1354 г. до н.э. В связи с этим нужно иметь в виду, что, позволяя сохранять старые культы, Эхнатон не просто мирился с их существованием, а содействовал их отправлению. Дело в том, что в представлениях египетской религии любой ритуал мог быть исполнен только от имени царя (теоретически лично им), и, следовательно, именно Эхнатон поддерживал все эти годы функционирование храмов традиционных богов, независимо от своего к ним отношения.

Первые признаки нетерпимости к поклонению «старым» богам появляются около 1357 г. до н.э., когда на многих старых надписях начинают стирать имя прежнего верховного бога Амона, а в Ахетатоне прекращают ставить новые памятники с именами традиционных богов. Неприязнь к старым культам переходит в их прямое преследование с 1354 г. до н.э. С этого времени последние элементы прежних культов исчезают из почитания Атона; имена Амона и некоторых других древних богов начинают стираться с надписей во многих местах (особенно рьяно — в Фивах) и, наконец, истребляется в старых и выходит из употребления в новых надписях само слово «бог» (егип. *нечер*: теперь Атон и его сын и соправитель Эхнатон именуются только «правителями»).

Понятно, что на этом этапе не могло идти и речи о том, чтобы царь, хотя бы и чисто формально, продолжал возглавлять

совершение каких-либо ритуалов за рамками культа Атона. Подобные действия никак не могут означать неверия Эхнатона в существование традиционных богов: в таком случае он должен был бы отнестись к сохранению их почитания с полным равнодушием. Напротив, они означают, что царь с самого начала видел в богах вполне реальную силу, заведомо менее благую, чем Атон, но на первых порах терпимую (прежде всего ради того, чтобы не обрушивать на себя ее гнев). Лишь со временем ему стала ясна несовместимость старой религии с поклонением Атону и, стало быть, необходимость жесткой борьбы с ней, невзирая на связанную с этим угрозу гнева традиционных богов. Вряд ли к выводу о необходимости этого Эхнатон мог прийти чисто умозрительным путем, в ходе эволюции своих представлений об Атоне: подобным образом он пришел бы к этому несравненно раньше. Гораздо вероятнее, что к столь коренному перелому его привели какие-то реальные события, истолкованные как немилость Атона за компромисс со старыми культами и как повеление порвать с ними совершенно.

Неожиданную возможность понять логику Эхнатона при повороте от терпимости в отношении традиционных культов к их искоренению предоставляет, при всех различиях между двумя историческими эпохами, уже предложенное сравнение мировоззрения египетского царя с «квазирелигией» Гитлера. В рамках последней, носителями абсолютного зла и врагами пресловутого «провидения» выступали евреи; однако, несмотря на ненависть к ним, засвидетельствованную еще в 20-е годы минувшего столетия в «Майн кампф», фюрер перешел к их масштабному истреблению лишь в 1942 г., после тяжелейших поражений вермахта, воспринятых как гнев «провидения» за терпимость к его врагам. По сути дела, такими же агентами зла могли представляться Эхнатону традиционные боги, при том что симптомом гнева Атона за терпимость к ним мог считаться кризис внешней политики Египта в Азии в 1350-е годы до н.э. (см. ниже).

Все же разрыв с прежними культами был далеко не столь полным и всеобщим, как этого хотелось Эхнатону. Хотя имена старых богов были преданы полному забвению в его столице, посвященные им памятники встречаются и после 1354 г. до н.э. даже в таком крупном центре, как Мемфис, и тем более в мелких городах, до которых не доходили руки центральной власти. Запрет почитания старых богов был

непонятен простым египтянам, привыкшим видеть в них залог стабильности страны, и не мог не вызвать протест у значительной части элиты. Поэтому не удивительно, что после смерти Эхнатона религиозная часть преобразований сего «вероотступника» просуществовала лишь в течение двух лет правления его преемника Сменхкара (1349—1348 гг. до н.э.).

Крах «амарнского мирового порядка»

Ситуацию, которая складывалась в сфере влияния Египта в Передней Азии в конце 60-х — 50-е годы XIV в. до н.э., трудно оценить иначе как внешнеполитическую катастрофу. В конце 60-х годов XIV в. до н.э. равнодушие Эхнатона к внешнеполитическим делам приводит к краху важнейший столп «амарнского мирового порядка» — согласие Египта и Митанни. Около 1360 г. до н.э. между ними вспыхивает война, и митаннийский царь Тушратта отбирает у Египта практически все его владения в Сирии. Около 1355 г. до н.э. эти территории переходят уже от Митанни к Хеттскому царству, правитель которого Суппилулиума I нанес Тушратте тяжелейшее поражение, после чего тот потерял власть и был убит; таким образом, соседом Египта в Азии становится новая и чрезвычайно агрессивная держава. Жертвами завоеваний или внутренних неурядиц падают многие мелкие правители Восточного Средиземноморья, еще признававшие свою зависимость от Египта. Наконец, несмотря на отсутствие поводов к прямым разногласиям, охлаждаются прежние союзнические отношения Египта с Вавилоном.

Поэтому вряд ли случайно, что важнейшей частью пышного празднования юбилея царствования Эхнатона, незадолго до разрыва со старыми куклами или одновременно с ним, оказывается прием царской четой дани от представителей подвластных Египту стран Азии и Нубии. Эта церемония явно была призвана компенсировать в восприятии подданных Эхнатона реальное бедственное положение дел в Азии. Характерно, что в так называемой «Реставрационной стеле», составленной при втором преемнике Эхнатона Тутанхамоне и сообщающей о возрождении традиционных культов, самым тяжким следствием их забвения и последовавшего гнева богов считалось именно падение египетского влияния в Азии. Аналогичным образом этот внешнеполитический кризис мог

объяснять и Эхнатон — только он должен был, конечно, относить его за счет гнева не старых богов, а как раз Атона. Главной же причиной для такого гнева, как мы уже сказали, могло быть сочтено слишком длительное сохранение враждебных солнечному диску традиционных культов.

Постамарнское время (1348—1334 гг. до н.э.)

Имея от брака с Нефертити пять дочерей, Эхнатон не оставил после себя ни одного сына: поэтому оба следовавших за ним царя были его зятьями. Уже в конце царствования первого преемника Эхнатона Сменхкара (ок. 1349—1348 гг. до н.э.) культы Амона и других старых богов были восстановлены; а после вступления на престол следующего царя Тутанхатона (егип. «Живой образ Атона») царский двор покинул Ахетатон и почитание Атона прекратилось. В связи с этим были, в частности, изменены имена царя, который стал называться **Тутанхамон** («Живой образ Атона»), и его жены — **Анхесенамон** («Живет она для Амона») вместо **Анхесенпаатон** («Живет она для Атона»). Тутанхамон вступил на престол около 1348 г. до н.э., примерно девяти лет от роду: формальностью был даже его брак с дочерью Эхнатона и тем более его участие в государственных делах. На протяжении правления Тутанхамона реальными правителями Египта выступали прежний верховный жрец Атона Эйе и «великий военачальник» (командующий) Эхнатона Хоремхем. Не разделяя религиозного пыла Эхнатона (но, как показывает «Рестаурационная стела», и не осуждая его иначе как по его прямым вредоносным последствиям для страны), эти вельможи решили оставить в силе те элементы преобразований усопшего фараона, которые реально укрепляли египетское государство. Чтобы прежнее влияние жречества Амона-Ра не было восстановлено, столица Египта переносится из Ахетатона не в Фивы, а в Мемфис. Сохранили свое положение при дворе выдвинувшиеся при Эхнатоне служилые люди, не исключая и выходцев из низов.

Тутанхамон умер, едва ли достигнув двадцати лет, около 1338 г. до н.э. Именно его гробница — единственное царское погребение в Египте, найденное неразграбленным английским археологом Г. Картером в 1922 г., — сделала его имя широко известным в наши дни, совершенно несообразно с истинным

значением его царствования. Вдова фараона Анхесенамон, брак с которой стал теперь самым верным путем к престолу, попыталась сохранить за собой реальное политическое влияние, предложив хеттскому царю Суппилулиуме I женить на ней одного из своих сыновей. По ее расчету, за хеттским царевичем стояла бы военная сила, которая заставила бы считаться с ним представителей египетской элиты; вместе с тем ему как чужаку в Египте пришлось бы полагаться на советы и поддержку своей жены.

Хеттский царевич Цаннанца действительно отправился в Египет, где был убит, а Анхесенамон пришлось вступить в брак с Эйе, который тем самым стал последним царем XVIII династии (1338—1334 гг. до н.э.). Несмотря на свое прошлое верховного жреца Атона, Эйе постарался приписать и себе долю участия в свертывании амарнских религиозных преобразований, заявляя в одной из надписей: «Я уничтожил зло. Теперь каждый может молиться своему богу». В то же время убийство Цаннанцы привело к обострению начавшегося еще раньше военного конфликта между Египтом и Хеттским царством, в результате чего все египетские владения в Восточном Средиземноморье были потеряны. Война с хеттами выдвинула на первый план командующего египетской армией Хоремхеба, который сместил Эйе с престола и сам стал царем (ок. 1334—1306 до н.э.).

Царствование Хоремхеба

Хоремхеб происходил из знатного рода небольшого городка Хут-нисут в Среднем Египте и по своему жизненному пути был близок к служилым людям, роль которых усилилась накануне и во время *амарнской эпохи*. Защите представителей этого слоя от злоупотреблений чиновников был посвящен его специальный указ. Сознавая значение своего прошлого при дворе Эхнатона, Хоремхеб, судя по всему, не слишком рьяно сокрушал последствия его религиозных преобразований. Так, в надписи, содержащей его биографию и описание коронации, фараон не скрывает, что начал свою карьеру при дворе некоего «царя», которым мог быть только Эхнатон, и тот, хотя и остается не назван по имени, упоминается вполне лояльно. Однако будучи полководцем, Хоремхеб сразу обратился к самой насущной проблеме Египта этого времени — ослаблению его позиций в Азии. Около 1330 г. до н.э. царь совершает глу-

бокий рейд по Восточному Средиземноморью, дойдя до Евфрата; однако этот единовременный успех не привел к возвращению прежних египетских владений. Хоремхебу пришлось заключить с хеттским царем *Мурсили II* мирный договор, по которому Египту в Азии оставался только Синайский полуостров, и обратиться к укреплению своей армии, что позволило бы возобновить борьбу с хеттами в дальнейшем.

Последствия амарнской эпохи во внутренней жизни и мировоззрении Египта

Во внутренней политике овладевший египетским престолом Хоремхеб постарался закрепить те последствия *амарнской эпохи* в расстановке социальных и политических сил, которые казались ему позитивными. Столицей Египта при нем остается Мемфис; особым указом царь ограждает от злоупотреблений права выходцев из слоя «*немху*», занимавших низовые должности в администрации и войске и призванных, по мысли царя, стать самой надежной его опорой. Весьма ярко последствия эпохи Эхнатона проявляются при Хоремхебе в сфере культуры. Еще в середине II тысячелетия до н.э. (вероятно, в течение II Переходного периода) в разговорной речи начинает употребляться так называемый новоегипетский язык, по своему строю сильно отличающийся от среднеегипетского, на котором в I Переходный период и эпоху *Среднего царства* были созданы классические литературные произведения; тем не менее среднеегипетский язык безраздельно господствует в письменной традиции вплоть до амарнского времени. При Эхнатоне новоегипетский язык прорывается и в письменную речь, а впоследствии на нем записываются многие официальные тексты и создаются литературные произведения.

Среди них мы находим несколько циклов любовной лирики, занимающей среди ее аналогов в литературе древнего Ближнего Востока уникальное место. Если, к примеру, лирика Месопотамии прочно привязана к ритуалу сакрального брака бога и богини, олицетворяющих плодородие, то египетская лирика носит сугубо светский характер и воспевает любовь обычных людей (пары, именуемой «брат» и «сестра»). Любовь эта совершенно необязательно вписана в брачные узы или ухаживание, исходом которого должен стать брак; эмо-

циональные переживания влюбленных описываются в лирических произведениях столь же ярко, как и связывающее их сексуальное влечение; а инициатива в отношениях между ними, в особенности тех, которые не нацелены на создание семьи, сплошь и рядом принадлежит женщине (что само по себе предполагает большую ее эмансипацию, чем в других обществах Ближнего Востока).

Поэтому неудивительно, что в этих лирических циклах заметное место принадлежит произведениям, написанным от лица женщины. В некоторых из них героиня говорит о страсти к некоему Мехи, побуждающей ее стремиться стать одной из дам его гарема: как показал отечественный египтолог О.Д. Берлев, это имя с большой вероятностью является уменьшительным от имени фараона Хоремхеба (судя по всему, человека действительно незаурядного во всех отношениях). В таком случае столь яркая по своему настрою и новаторская линия развития египетской литературы берет свои истоки в его царствование, непосредственно после амарнского времени.

Еще одним следствием амарнской эпохи стало повышенное внимание религиозных текстов времени Рамессидов (царей XIX—XX династий, большинство из которых носило личное имя Рамсес) к образу верховного бога — создателя и зиждителя всего мира. Собственно говоря, «разработка» этой религиозной проблемы была начата еще во II Переходный период и при XVIII династии в создававшихся фиванскими жрецами гимнах Амон-Ра.

Рамессидское время дало целый ряд пространных гимнов этому же богу, среди которых особенно известен так называемый гимн Лейден I. 350 (по месту его хранения и номеру в собрании папирусов). В нем верховное божество, основой образа которого является Амон Фиванский, описывается как обладатель различных качеств и способностей (и, стало быть, как божество всемогущее) при помощи ряда эпитетов и сопоставлений с другими богами (гелиопольскими Ра и Атумом, мемфисскими Птахом и Татененом и др.). В то же время подчеркивается его нетварность (согласно гимну, он создал сам себя), «сокрытость» его природы, выраженная его именем (Амон — егип. *Имен* — означает «сокрытый»), а описание его благодетельности по отношению к людям и всему живому напоминает гимны Атону амарнского времени.

ЭПОХА РАМЕССИДОВ: XIX И XX ДИНАСТИИ (КОНЕЦ XIV — НАЧАЛО XI в. до н.э.)

Воцарение XIX династии.

Начало хетто-египетского противостояния (1334 — 1290 гг. до н.э.)

Царствование Хоремхеба выпадает из последовательности египетских династий: отсутствие родства с XVIII династией не позволяет причислить его к ней, а тяготение, в отличие от его преемников, к амарнскому периоду — к следующей, XIX династии (1305—1197 гг. до н.э.). Судя по некоторым признакам (к примеру, появлению у двух ее царей имени Сети, производного от «Сет»; тяготению не просто к Нижнему Египту, как у их предшественников, а целенаправленно к Восточной Дельте; датировке одного из памятников Рамсеса II 400-м годом «эры Сета», отсчет которой должен был начаться с гиксосского времени), этот царский дом мог быть связан своими корнями с эпохой гиксосов.

Первым царем XIX династии и непосредственным преемником Хоремхеба стал Рамсес I — верховный сановник своего предшественника, возведенный им в соправители (1306 г. до н.э.) и находившийся уже в преклонных летах. Вскоре его сменил сын Сети I (ок. 1304—1290 гг. до н.э.), при котором возобновилось противостояние Египта с хеттами. В 1303 г. до н.э. он вернул Египту Палестину, а в двух следующих походах захватил Финикию, Южную и Центральную Сирию. Одержав победу над хеттами к северу от Кадеша, в долине реки Оронт, он вынужден был, однако, пойти на компромисс с ними.

Согласно договору с царем Муваталли II за Египтом закреплялись лишь Палестина и Южная Сирия. Кроме того, Сети I воевал в Ливии и Нубии, действуя там с крайней жестокостью: в Карнакском храме он неоднократно изображен приносящим пленных в жертву богу Амону. Именно при Сети I и его сыне и соправителе Рамсесе II окончательно подверглась проклятию амарнская эпоха: имена царей от Эхнатона и до Эйе были вычеркнуты из династических списков, а годы их правления причислены к царствованию

Хоремхеба, Ахетатон окончательно покинут и его постройки разобраны, а об Эхнатоне стали отзываться не иначе как о «мятежнике» или «преступнике из Ахетатона».

Династическая история Египта при первых Рамессидах: реальность и мифология

Характерно, что именно при Сети I и Рамсесе II необычайно усиливается интерес египтян к их династической истории: в храме Осириса в Абидосе помещаются два перечня имен их предшественников — египетских царей начиная с Менеса (Мины), которым подобало приносить жертвы; аналогичный список обнаруживается в погребении мемфисского жреца Чурои в Саккара; составляется в папирусной записи «Туринский царский список» (назван по месту его нынешнего хранения в Туринском музее) — еще более подробный и включающий имена некоторых нелегитимных правителей Египта; наконец, появляется ряд малых царских списков, перечисляющих царей конца XVIII — начала XIX династий (с характерным исключением Эхнатона и его преемников вплоть до Хоремхеба).

Эти списки — чрезвычайно ценные источники по истории и хронологии Египта — явно свидетельствуют о стремлении царей начала XIX династии, первых за несколько десятилетий, чье возвышение никак не было связано с амарнским временем, «навести порядок» в истории своих предшественников, дав, в частности, правлению Эхнатона «надлежащую» (резко негативную) оценку.

В то же время систематизируются и представления египтян о самом давнем их прошлом, воспринимавшемся как эра царствования богов на земле: в гробницах Сети I и Рамсеса II (позднее также Рамсеса III) появляется запись так называемой «Книги небесной коровы» — повествования о попытке одряхлевшего бога Ра в конце его земного правления истребить людей, замысливших против него мятеж, с помощью свирепой богини Сохмет, а затем о его уходе с земли на небо — олицетворенное в его дочери Нут в образе коровы, на спине которой и располагается солнечный бог; попутно происходит и дифференциация мироздания на такие его части, как земной мир, мир богов, «небо» — и загробный мир, обозначенный в этом тексте как «Поля тростника».

Рамсес II (1290—1224 гг. до н.э.). Решающая фаза войн Египта с Хеттским царством

Первые пять лет своего единоличного правления Рамсес II посвятил подготовке Египта к большой войне в Азии (в частности, централизации под властью царя ресурсов храмовых хозяйств). В 1286 г. до н.э. он совершил поход в Финикию, обнаруживший, по его мнению, слабость хеттских позиций в Азии. На следующий 1285 г. до н.э. фараон наметил крупную кампанию, о событиях которой подробно рассказывает поэтическое произведение, созданное писцом Пентауром, так называемая «Поэма о Кадешской битве».

Началом решающего столкновения с хеттами должен был стать захват крепости Кадеш. По сведениям Рамсеса II, полученным от местных азиатских правителей и перебежчиков из войска царя Муваталли II, хетты боялись этого столкновения и держали свои главные силы к северу от Кадеша. Поэтому фараон рискнул переправиться на правый берег Оронта, где стояла крепость, и двинуться к ней лишь с одним из четырех соединений своей армии. Однако на самом деле основные силы хеттов размещались как раз в Кадеше, и когда через реку начало переправу второе соединение армии Рамсеса, оно неожиданно подверглось разгрому. Затем жертвой нападения хеттских колесниц стал сам царь со своим отрядом: попав с его остатками в окружение, он уцелел только благодаря своей воинской выучке и личной храбрости, а также своевременному появлению подкрепления, ударившего по хеттскому кольцу с его внешней стороны. В упомянутой «Поэме о Кадешской битве» кульминацией битвы рисуется драматичный призыв царя к своему «отцу» богу Амону, который, по его словам, покинул «сына» в самый опасный момент.

Окружившие фараона отборные хеттские отряды Муваталлиса II понесли огромные потери, и к концу дня поле сражения осталось за египтянами. Тем не менее хетты сохранили значительные силы, сосредоточенные в крепости Кадеш, которая так и не была взята египтянами. В итоге кампания 1285 г. до н.э. окончилась перемирием и отступлением египтян, потерявших при этом Южную Сирию.

В 1283 г. до н.э. военные действия возобновляются: вплоть до конца 70-х годов XIII в. до н.э. Рамсес II воюет на тер-

риториях Палестины, Южной Сирии, Финикии и землях к востоку от реки Иордан, то возвращая их под свою власть, то вновь теряя; при этом главным соперником Египта оставалось Хеттское царство, центр которого в Малой Азии Рамсесу II разгромить было, конечно, не под силу. В то же время затянувшаяся война начала тяготить и хеттов, у которых имелись и другие внешнеполитические проблемы (борьба за контроль над западом Малой Азии и соперничество с усиливающимся Ассирийским государством на северо-западе Месопотамии).

В итоге около 1270 г. до н. э. по инициативе хеттского царя Хаттусили III Египет и Хеттское царство заключили мирный договор, известный нам как в египетской иероглифической версии, записанной в Карнакском храме и в заупокойном храме Рамсеса II на западной берегу Нила в районе Фив (так называемый Рамессеум), так и в клинописной версии, обнаруженной при раскопках хеттской столицы в районе современного Богазкёя. Между Египтом и Хеттским царством был заключен не только мир, но и военный союз с обязательством о взаимопомощи. Оно действительно вступило в силу при преемнике Рамсеса II Мернептахе, когда во время голода у хеттов египтяне отправили им хлеб. Стороны приняли на себя обязательство впредь выдавать друг другу политических эмигрантов и перебежчиков.

Фактически по результатам длительных войн за Египтом остались Палестина, большая часть Финикии и меньшая — Южной Сирии; все территории к северу от этих стран вошли в сферу влияния хеттов. В 1256 г. до н. э. союз был дополнительно подкреплен браком тогда уже немолодого Рамсеса II и хеттской царевны. Породнившийся с фараоном хеттский царь просил у него помощи даже в таком семейном деле, как исцеление при помощи славившихся по всему Ближнему Востоку египетских врачей его матери; правда, согласно обнаруженному в архиве хеттской столицы письму, Рамсес II отказал ему в этом, заявив, что в возрасте более 60 лет хеттской царице остается только молиться богам.

Благодаря установлению между двумя державами прочного мира восточная часть Дельты Нила, где еще со времени Среднего царства селились выходцы из Восточного Средиземноморья, превращается в зону активной торговли и культурных контактов Египта с Азией. Здесь основывается новая столица Египта Пер-Рамсес (егип. «Дом Рамсеса»;

совр. Кантир), в строительстве которого, согласно Библии, участвовали во времена египетского плена евреи. В городе появляются целые кварталы, населенные азиатами, и храмы их богов, которые чтятся теперь и египтянами. Помимо Пер-Рамсеса, Рамсес II много строил в Мемфисе, Фивах и других политических и религиозных центрах Египта и Нубии. Здесь самым известным его памятником стал пещерный храм в современном Абу-Симбеле — выдающийся архитектурный ансамбль, который при сооружении в 60-х годах XX в. высотной Асуанской плотины на Ниле был перенесен из зоны затопления на новое место объединенными усилиями многих стран мира.

Храм в Абу-Симбеле был посвящен культам не только ряда египетских богов, но и самого Рамсеса II. Прижизненный культ его изображений под особыми именами, обозначавшими проявлявшиеся в личности Рамсеса II и связанные при этом с египетскими богами сакральные качества, утвердился в ряде мест Нубии и в Египте, в частности, в Фивах и Пер-Рамсесе. Тем самым продолжается та линия развития царского культа, которая была начата при Аменхотепе III. Характерно, что колоссальные статуи царя помещались (очевидно, совершенно сознательно) с внешней стороны храмовых комплексов, где они были доступны абсолютно всем их посетителям; а на некоторых культовых стелах Рамсеса II рядом с его чтимыми статуями изображаются уши, показывающие, что его божественная ипостась внимает просьбам подданных. Очевидно, культ царя был направлен на то, чтобы сделать его особенно «популярным» божеством — заступником тех, кто нуждался в поддержке.

Правление Рамсеса II, которому удалось дожить примерно до 87 лет, было по египетским меркам очень долгим и запомнилось на многие века. Так, Геродот передает в своем труде рассказы египтян о царе Рампсините, в которых, похоже, смешались воспоминания о Рамсесе II (может быть, также и Рамсесе III) и благодетельном царе еще более далекого прошлого — Снофру. Рамсес II оказался неутомим не только в политической и военной деятельности, но и в личной жизни: известны семь его главных жен, три из которых были его дочерьми, и не менее нескольких десятков детей. Долгое время его наследником являлся один из старших сыновей Хаэмуас — верховный жрец мемфисского бога Птаха, оставивший по себе память

мудреца и искусного чародея (позднеегипетские «Сказания о Сатни-Хаэмуасе»). Однако он не дожил до смерти своего отца, и преемником Рамсеса II, вступившим на престол уже немолодым человеком, стал его тринадцатый сын Мернептах (1224—1214 гг. до н.э.).

Первая волна нашествия «народов моря». Конец XIX династии

Во второй половине XIII в. до н.э. в Европе развернулись грандиозные этнические процессы, вызвавшие миграцию жителей Балканского полуострова и бассейна Эгейского моря в Центральное Средиземноморье (Италию и сопредельные с ней острова), на запад и юг Малой Азии, на Кипр и в Африку, включая Египет (воспоминанием об этом в греческой мифопоэтической традиции стало предание о походе на Египет Геракла). Около 1219 г. до н.э., при фараоне Мернептахе, на западную границу Дельты Нила обрушивается нашествие ливийцев, вместе с которыми продвигались пресловутые обитатели средиземноморских стран (так называемые «народы моря»).

В их египетских обозначениях угадываются наименования ахейских греков (егип. *акайваша*), обитателей Западной Малой Азии ликийцев (*луку*) и этрусков (*турша*). В именах народов *шардана* и *шакалуша* проглядывает сходство с будущими названиями островов Сардинии и Сицилии, хотя исходное место обитания этих племен не вполне ясно; так, шардана, возможно, исходно обитали на Балканском полуострове, но частично мигрировали в Восточное Средиземноморье еще в XIV — начале XIII в. до н.э. и смешались там с местным населением.

Не без труда это вторжение с запада было отражено; возможно, с этими же переселениями народов связаны и войны, которые Мернептах вынужден вести примерно в то же время в Южной Палестине. Несмотря на успех Египта в борьбе с чужеземными нашествиями, связанные с этим усилия надломили его мощь; характерно, что последствием нашествия «народов моря» стало проникновение некоторых их отрядов в Египет в качестве наемников фараонов конца XIII в. до н.э.

Вскоре после смерти Мернептаха в Египте объявляются сразу два царя, правившие один на севере (Сети II; ок. 1214—

1208 г. до н.э.), другой на юге (Аменмессу: ок. 1214—1210 г. до н.э.). Преемники Сети II Саптах (вернее, по его малолетству, его окружение) и царица Таусерт на некоторое время (ок. 1208—1200 г. до н.э.) восстанавливают единство страны, но затем (или даже еще при них) начинается смута, в ходе которой возвышается некий чужеземец-сириец по имени Ирсу. По некоторым предположениям, им был Баи — вельможа, поддерживавший ту группировку внутри царского дома, к которой принадлежал Саптах и которой противостояла Таусерт, надолго запомнившаяся египтянам как одна из немногих женщин, достигших в их стране высшей власти.

Так называемый «*Большой папирус Харрис*», составленный позднее, при втором фараоне следующей, XX династии, Рамсесе III, сообщает, что из-за действий Ирсу был осквернен (очевидно, пребыванием у власти незаконных правителей) царский престол. Прекратил смуту, «очистил» египетский трон и занял его сам Сетнахт (1200—1198 г. до н.э.), ставший таким образом основателем XX династии (1200—1075 г. до н.э.) — последней для эпохи Нового царства.

Вторая волна нашествия «народов моря» и Рамсес III

Сыну Сетнахта Рамсесу III (ок. 1198—1167 г. до н.э.) пришлось вновь отражать нападение на Дельту Нила «народов моря» около 1193 (одновременно с ними в Египет пытались вторгнуться и ливийцы) и в 1190 г. до н.э. Ранее, на рубеже XIII—XII вв. до н.э. на северо-западе Малой Азии происходило противостояние ахейских греков и местного политического образования с центром в г. *Вилуса* (греч. Илион), отразившееся в греческом эпосе как Троянская война (характерно указание Манефона, труд которого был адресован грекоязычным читателям, знавшим Гомера с детства, что Таусерт была современницей падения Трои!). После гибели Вилусы около 1195 г. началась мощная миграция населения Западной Малой Азии по ее южному побережью и по Восточному Средиземноморью, которая и достигла Египта.

В числе «народов моря», помимо некоторых племен, с которыми имел дело еще Мернептах, тексты Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу к западу от Фив упоминают пеластов, или филистимлян (егип. *пелесет* — возможно,

исходно обитателей Балкан и Западной Малой Азии, которые позднее осели на побережье Южной Палестины), *текер* (вероятно, тевкров греческих текстов — обитателей района Вилусы), а также данайцев (*дануна*), т.е. собственно ахейских греков, именуемых таким же образом и Гомером, и вдобавок неких *уашашей*. Рамсесу III удалось справиться с этими нашествиями лишь ценой немалых усилий; однако благоприятным для Египта следствием новой волны этнических миграций стало уничтожение в ходе них его главного, хотя к этому времени и ослабленного, соперника в Азии — Хеттского царства. При Рамсесе III египтяне в последний раз за эпоху Нового царства занимают земли Восточного Средиземноморья вплоть до Северной Сирии.

«Большой папирус Харрис»

Описание войн и иных деяний Рамсеса III содержится в «Большом папирусе Харрис», составленном уже после смерти фараона в форме его автобиографии. Помимо нее, «Большой папирус Харрис» включает в себя в начальной своей части также обширный перечень его дарений древнеегипетским храмам; именно поэтому папирус оказывается самым длинным из известных египетских папирусов, более 40 м.

Примечательно то, каким образом в «Папирусе Харрис» сформулирована общая цель правления Рамсеса III: «Покрыв я всю землю... садами... и позволил народу отдыхать в их тени... Дал я пребывать в праздности войску и колесничным в мое время... не испытывали они страха, ибо не было мятежей в Сирии и схваток в Куше... Их луки и их оружие мирно покоились на складах, тогда как они насыщались и пили с радостью». Иными словами, правитель Египта (и это, несомненно, относится не только к Рамсесу III, но и к его предшественникам и преемникам) видит смысл своей деятельности прежде всего в обеспечении благополучия страны, понятого как спокойствие и достаток ее обитателей. Цель ведущихся фараонами войн — не подвиги и не связанная с ними слава самого царя, а покорение чужих земель ради получения с них дани и предупреждения угрозы Египту с их территорий. При этом, несмотря на то что в эпоху Нового царства и цари, и его воины гордятся своими военными свершениями, они исходят из того, что обычный рядовой человек, даже сделавший военное

ремесло своей профессией, не является прирожденным героем, а испытывает свойственный всем без исключения страх перед смертью.

Заметим, что как раз необходимость преодолевать этот естественный страх и предрасположенность к этому самых доблестных воинов, предстающих тем самым в качестве людей «без царя в голове» и лишенных приличествующих степенному египтянину сдержанности и здравомыслия, и была в какой-то мере аргументом поучений Нового царства против того, чтобы изучавшие их школяры задумывались о военной карьере. Таким образом, задача царя, с точки зрения премника Рамсеса III и, без сомнения, его самого, видится в поддержании такого положения страны, при котором никто из подданных — в том числе и воинов — не будет обречен на преждевременную смерть.

Древнеегипетское общество в эпоху Нового царства

В своей принципиальной основе общественные отношения в Египте Нового царства мало изменились по сравнению со Средним царством. Как и прежде, в Египте отсутствовала сельская община, и все трудовое население Египта подвергалось эксплуатации со стороны государства. Сохранилась система государственного распределения по трудовым разрядам работников («людей семдет» — термин, равнозначный понятию «царские люди» в эпоху Среднего царства и обозначающий прежде всего наименее квалифицированную рабочую силу, но также и «мастеров» — квалифицированных ремесленников с большей самостоятельностью).

Государственное хозяйство Египта, переживавшее период децентрализации в эпоху Среднего царства и особенно в I Переходный период, вновь стало единым: конечно, обширные угодья в его составе могли выделяться в бессрочное пользование вельможам и храмам, но все же контроль за этими условными владениями со стороны центральной администрации, особенно после амарнского периода, намного упрочился. Земледельцы в угодьях, принадлежавших государству, или на розданных им в условное владение участках земли вели собственное хозяйство, уплачивая при этом часть урожая в виде ренты.

Новым явлением стал приток в Египет чужеземной рабочей силы в большем масштабе, чем когда бы то ни было ранее. Чужеземцы становились добычей либо отдельных воинов, либо в целом армии, ведущей войну. Это происходило, например, при взятии крупных городов и захвате сосредоточенных в них войск и мирного населения; в этом случае увезенные в Египет пленные попадали в состав «людей семдет», составляя в рамках этого слоя особую группу чужеземцев. Кроме того, пленные могли быть пожалованы царем воинам в качестве награды за доблесть. В этом случае пленные становились рабами, трудившимися в хозяйствах воинов или в качестве домашней прислуги. Несомненно, именно возможность подобного приобретения рабов и побуждала многих рядовых египтян стремиться участвовать в военных кампаниях. Во всяком случае, по общему мнению исследователей, Новое царство становится временем наиболее широкого распространения в Египте рабовладения; хотя важнейшей формой эксплуатации была все же рента, взимаемая с занятых в земледелии «людей семдет».

О значении в египетском обществе Нового царства зависимых от царя незнатных служилых людей (включая и представителей слоя немху), число которых стало расти со времени Аменхотепа III, уже говорилось. Кроме того, в отличие от предшествующих эпох, влиятельным и многочисленным слоем общества становится армия. При распределении работников по профессиям на смотрах в армию отбиралось до 10% юношей, достигших зрелости: разумеется, при этом первостепенное значение придавалось их физическим данным. Не похоже, чтобы египетские юноши стремились избежать этой участи, ведь профессия воина сулила и материальные выгоды от добычи, и полную приключений жизнь за пределами раз и навсегда устоявшейся структуры египетского мирка (вспомним гордость египетских военных своими подвигами и полученной за них наградой, звучавшую еще в их автобиографиях времени XVIII династии).

Показательно, что в поучениях, которые адресуются в эпоху Нового царства юношам, получающим квалификацию писцов, появляется новый мотив: в них описывается не только непривлекательность трудовых занятий «людей семдет» (как в среднеегипетском «Поучении Хети своему сыну Пепи»), но и мнимая привлекательность жизни воина,

в которой подчеркиваются лишения, связанные с военной подготовкой и казарменным бытом. Появление этого мотива создает впечатление, что в эпоху Нового царства многие будущие писцы стремились оставить свою профессию, казавшуюся им (особенно на этапе обучения) слишком скучной, и «бежать на войну». Со времени XIX династии в египетской армии, помимо уроженцев страны, все большую роль играют иноземные наемники (ливийцы, так называемые шердены и др.), очень часто жившие особыми поселениями на предоставленных для этого царем землях.

Древнеегипетская религия и культура в эпоху Нового царства

Начало Нового царства было ознаменовано чрезвычайно существенным скачком в представлениях египтян о загробном мире, что было подготовлено их развитием еще с I Переходного периода. Если в эпоху Древнего царства вельможи, строившие себе гробницы, связывали свои надежды на вечную жизнь прежде всего с конструируемыми в них «мирами-двойниками», если в период Среднего царства расчет на благоденствие в «мире-двойнике», по крайней мере, соседствовал с ожиданием оправдания на суде Осириса и получения места в его загробном царстве, то в эпоху Нового царства представления о посмертном бытии, связанные с Осирисом и другими богами, наконец, стали явно преобладать.

В оформлении гробниц частных лиц и царей это явление сказалось прежде всего во включении в него изображений этих богов в сценах, связанных с посмертным бытием усопшего. Ряд фрагментов «Текстов саркофагов» в результате переработки превращаются в так называемую «Книгу мертвых» — текст которой фиксировался на папирусе и в ряде случаев на стенах гробниц, снабжался изображениями, содействующими усопшему в его странствованиях по загробному миру и прохождении суда Осириса. Из примерно 200 глав «Книги мертвых» особенно показательны 30-я и 125-я главы.

Первая из них представляет собой заклинание, призванное не позволить сердцу усопшего свидетельствовать о его злых делах во время процедуры взвешивания перед Осирисом; вторая — это так называемая «отрицательная исповедь», представляющая собой перечень самооправданий усопшего по

поводу того, что он не совершал при жизни ряд точно названных злых дел. Сами эти злые дела трудно назвать «грехами» в понимании монотеистических религий; они представляют собой не нарушение божьей заповеди, а либо конкретное зло, причиняемое своему ближнему, либо нарушения установленных норм ритуала, т.е., опосредованно, также зло ближнему, так как нарушение норм ритуала может обрушиться на всех, кто связан с храмом, где оно имеет место, гнев божества.

Особое внимание египтяне Нового царства уделяют «изучению топографии» загробного мира: описания мест, которые предстоит миновать усопшему в ходе его странствований, присутствуют и в «Книге мертвых»; но уже с эпохи Тутмоса I в царских гробницах появляются тексты и изображения «Книги Амдуат» (т.е. «Того, что в Дуате», загробном мире), где описывается повторяющееся каждые сутки ночное путешествие солнечного бога Ра в своей ладье по «Нилу», текущему в загробном мире (как выясняется, его «топография» напоминает карту земной долины Нила, хотя различные его места оказываются населены чудовищами, с которыми Ра приходится порой сражаться).

В царских гробницах XIX династии, помимо «Книги Амдуат», появляются сходные с ней по содержанию «Книга врат» и «Книга пещер». Если мы сопоставим это явление «специализации» религиозных источников, связанных с загробным миром, с тем, что уже было сказано о других религиозных текстах Нового царства (гимнах солнечному божеству, «Книге коровы»), то, пожалуй, сможем сделать вывод, что в это время происходит окончательное становление религиозного знания египтян как особой отрасли их знаний о мире в целом, со своими специфическими «исследовательскими методами».

Миф об Осирисе в литературном преломлении

Замеченная нами специализация религиозного знания позволяет говорить об оформлении именно в эту эпоху в особую категорию жречества, уже четко обособленного от людей «мирских» занятий. В то же время отношение к религии образованного слоя общества за пределами жречества меняется таким образом, что мифологические сюжеты становятся основой светских литературных произведений. Востребован в этом отношении оказывается прежде всего миф об Осирисе. Будучи основательно переосмыслен, он становится

основой притч о добре и зле — «Сказки о двух братьях» и «Сказки о Правде и Кривде» — и гротескного пародийного переосмысления истории борьбы за наследие Осириса, так называемой «Тяжбы Хора и Сета».

В первых двух произведениях те роли, которые в мифе об Осирисе принадлежат богам, «переданы» людям, хотя и попадающим в ситуации, отмеченные вмешательством богов и использованием различных магических средств; в «Тяжбе Хора и Сета» действуют именно боги, но наделенные чисто человеческими слабостями и эмоциями. Подобное переосмысление мифологических сюжетов свидетельствует о появлении возможности их «небуквального» прочтения, как своего рода метафор «вечных вопросов», возникающих в отношениях между людьми.

Вообще же становление художественной литературы на новоегипетском языке (помимо названных произведений, к ней принадлежат «Сказка об обреченном царевиче», тексты военно-исторической тематики и др.), которая в отличие от литературы среднеегипетской не «заикливается» на идеологических проблемах, а ставит вопросы более широкого плана, а также берет на себя чисто развлекательную функцию, оказывается очень важным культурным феноменом Нового царства.

Изучение заупокойных текстов и религии Нового царства

Целый ряд папирусных свитков «Книги мертвых» был открыт уже на заре научной египтологии, в середине XIX в. Их первую сводную публикацию подготовил французский египтолог Эд. Навилль. Чуть позже началось изучение этого религиозного текста, прежде всего с опорой на его список в папирусе Ани, британским египтологом Э. Уоллисом Баджем (это имя следует упомянуть прежде всего потому, что работы ученого, в научном отношении очень специфичные уже во время их создания, а на сегодняшний день безнадежно устаревшие, благодаря своему сравнительно популярному языку, до сих пор переиздаются, в том числе и в русском переводе).

Изучение «Книги мертвых», а также других заупокойных текстов и изобразительных циклов Нового царства в XX в. продолжили такие египтологи, как П. Барге, Дж. Мунро и в особенности выдающийся немецкий религиовед Э. Хорнунг,

которому принадлежит также фундаментальное исследование понятия божества и других категорий египетской религиозной мысли. Религии Нового царства посвящен ряд работ другого немецкого египтолога Я. Ассмана: среди них фундаментальные публикации и исследования конкретных текстов (прежде всего связанных с эволюцией на протяжении этой эпохи культа солнца) соседствуют с обзорами, построенными на основе схем, в которых видно слишком большое влияние категорий монотеистических религий (прежде всего, разумеется, христианства).

В отечественной египтологии одно из лучших религиозно-ведческих исследований, посвященное истории фиванского культа Амона вплоть до начала Нового царства (с экскурсами и в более поздние этапы его развития), принадлежит О.И. Павловой; немалое значение имеют перевод «Книги мертвых» и исследование изобразительного ряда ее папирусных свитков М.А. Чегодаева.

Конец Нового царства

Рамсес III был последним по-настоящему выдающимся правителем эпохи Нового царства. Однако уже на протяжении его правления начинается колоссальное обогащение египетских храмов, которые, вероятно, обретали все большую самостоятельность, что отразилось, как упоминалось, в перечне даров этого царя в «Большом папирусе Харрис». После Рамсеса III Египтом правят еще восемь фараонов, которые неизменно носят (возможно, как своего рода оберег) имя «Рамсес». На протяжении их правлений Египту приходится не раз отбиваться от новых нападений ливийцев и азиатов; он утрачивает свои внешние владения в Азии. Царская же власть постепенно слабеет, и все большее влияние переходит к жречеству и правителям отдельных номов, которые опираются на ресурсы местных храмов, приобретших самостоятельность от центральной власти.

Причины подобного упадка централизованного государства, наступившего к тому же чрезвычайно быстро (по сути дела, менее чем за 100 лет, начиная со второй четверти — середины XII в. до н.э.), анализировались египтологами сравнительно редко. Так, нашествия «народов моря», коль скоро они не только были отбиты, но и привели к непродолжительному восстановлению египетского влияния в Восточном

Средиземноморье, вряд ли могли стать прямой причиной надлома государственности Нового царства.

Стоит, однако, заметить, что при отражении этой угрозы египтяне впервые столкнулись с врагом, имеющим принципиально новое для них вооружение — металлические доспехи, и, судя по ряду памятников, предприняли в связи с этим при XX династии аналогичное масштабное перевооружение собственной армии. В условиях традиционного для Египта дефицита металлургического сырья связанное с этим усилие могло чрезвычайно тяжело отразиться на экономике, а сам характер оружейного производства не мог не привести к возрастанию в ней роли не крупных государственных хозяйств, а мелких и средних мастерских с большой самостоятельностью их владельцев. В итоге египетская экономика Нового царства (а вместе с ней и его общество в целом) начала переживать ослабление и децентрализацию (хотя трудно настаивать на том, что описанные нами причины были единственным фактором этого процесса).

К началу XI в. до н.э. одной из самых влиятельных сил в стране становится жречество бога Амона в Фивах, сосредоточившее в своих руках контроль над южными областями Египта (при том что царский двор оставался в Нижнем Египте). В начале XI в. до н.э. верховный жрец Амона в Фивах Херихор, присвоив себе ряд военных и административных функций на большей части Верхнего Египта (а позднее и некоторые царские регалии), фактически отстраняет от власти последнего фараона XX династии Рамсеса XI. В конце 70-х годов XI в. до н.э., после смерти этого царя, Египет распадается на две части — Фиванскую область и основную часть Среднего Египта, где у власти остаются представители фиванского жречества, и часть Среднего и Нижний Египет с центром в городе Танис, где воцаряется новая династия. Таким образом, единое государство эпохи Нового царства прекращает свое существование.

ЕГИПЕТ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

(XI в. до н.э. — 332 г. до н.э.)

Начало III Переходного периода

С распадом единого государства эпохи Нового царства Египет вступает в III Переходный период (1075—656 гг. до н.э.), на протяжении которого он остается либо сильно де-

централизованным при чисто формальном наличии единой царской власти, либо просто поделенным между несколькими царскими домами. В начале этого времени в Нижнем и части Среднего Египта правит XXI династия, обосновавшаяся в г. Танис (совр. Сан-эль-Хагар; Восточная Дельта Нила) (1075—945 гг. до н.э.). Ее первым царем был местный правитель Таниса Несубанебджед, упоминаемый Манефоном как Смендес; южная часть Египта осталась под властью преемников Херихора — верховных жрецов Амона-Ра — причем все внутреннее устройство этой области оказывается под сильным влиянием религиозных установлений (например, судебные решения выносятся, как правило, с помощью оракулов бога Амона).

Между Фивами и Танисом складываются хорошие отношения. Так, согласно отчету чиновника Унуамона, приобретающему известность одного из произведений новоегипетской литературы, Несубанебджед оказывает содействие миссии во главе с автором отчета, посланной Херихором в Библ для закупки кедра. Унуамон рассказывает, как, прибыв в Библ после ряда злключений, в ходе которых он потерял выданные ему на приобретение дерева деньги, он в разговоре с правителем Библа Чекер-Баалом попытался сослаться на то, что предки последнего поставляли кедр в Египет в качестве дани. Чекер-Баал ответил ему, что даже последние цари XX династии — предшественники Херихора и Несубанебджеда — не требовали дани, а покупали нужное им сырье; что же касается нынешнего времени, то от прежнего влияния Египта в Азии остается лишь слава страны необычайно древней культуры, которой, однако, недостаточно, чтобы требовать что-нибудь у некогда вассальных от него правителей.

В то же время в пределах владений XXI династии постепенно усиливается влияние правителей отдельных номов, которые принимают передавать свою власть по наследству (например, верховные жрецы Птаха в Мемфисе). В ряде номов подобные династии представляют собой роды так называемых «великих вождей Ма» и «великих вождей Либу» — предводителей ливийских наемников, осевших в Египте еще в эпоху Нового царства, при Рамессадах, и теперь захвативших власть в областях поселения своих отрядов. В 945 г. до н.э. один из таких предводителей, Шешонк, правивший Бубастисским номом в Дельте Нила, захватывает престол в Танисе и становится первым царем XXII династии.

Египет при ливийских царях (945 г. — вторая половина VIII в. до н.э.)

Родоначальнику XXII, ливийской, династии Шешонку I (945—924 г. до н.э.) удается сосредоточить в руках своего дома власть над всей страной: при этом он старается применяться к сложившейся ситуации и уже не пытается восстановить единую централизованную администрацию Египта эпохи Нового царства, а предпочитает ставить во главе важнейших номов (Фиванской области, Гераклеополя, Мемфиса) своих сыновей и родичей. Это само по себе закрепляет децентрализацию Египта.

Шешонк I оказывается младшим современником знаменитого царя Израиля Соломона; после смерти последнего и распада единого Израильского государства фараон совершает успешный поход в Палестину (925 г. до н.э.). Кроме того, Шешонку I удается вновь заставить земли Нубии платить дань Египту. Таким образом, XXII династия пытается возобновить активную внешнюю политику Египта; однако вскоре эти попытки терпят неудачу. Уже при сыне Шешонка I Осорконе I новый поход в Палестину, предпринятый, очевидно, силами набранного в Нубии войска (поход «Зераха-кушита», упоминаемый в Библии), оканчивается поражением от царя Иудеи Асы (ок. 897 г. до н.э.).

Первое столкновение с Ассирией и децентрализация Египта

При следующих царях XXII династии в Восточном Средиземноморье появляется угроза, общая и для государств этого региона, и для Египта, — стремящееся к подчинению своей власти значительных пространств Передней Азии *Ассирийское государство*. В 853 г. до н.э. в битве при Каркаре на реке Оронт ассирийцы столкнулись с объединенными силами правителей Израиля и малых государств Сирии и Финикии, в поддержку которым ливийский фараон Осоркон II прислал «1000 египтян». Хотя коалиция и потерпела поражение, ее сопротивление на некоторое время задержало продвижение Ассирии в Восточном Средиземноморье. Однако уже к 30-м годам IX в. до н.э. данниками Ассирии становится большинство государств этого региона, и даже Египет ока-

зывается однажды вынужден прислать в дар ее царю своего рода коллекцию экзотических африканских животных.

Между тем в Египте нарастают процессы децентрализации. В середине и второй половине VIII в. до н.э. правители Фиванской области предпринимают поползновения обрести самостоятельность от царей XXII династии. Еще в конце IX в. до н.э. кризис возникает уже непосредственно внутри самого ливийского царского дома: по мнению британского египтолога К. Китчена, около 818 г. до н.э. от него отделяется еще одна XXIII царская династия, обосновавшаяся в городе Леонтополь в южной части Дельты, причем она признается законной одновременно с XXII династией, которая продолжает править в Танисе (подобно предполагаемым одновременным правлениям в разных центрах Египта нескольких ветвей XIII династии в XVIII в. до н.э.).

Согласно мнению других исследователей (в частности, немецкого египтолога Ю. фон Бекерата), XXIII династия в середине VIII в. до н.э. сменила XXII династию в Нижнем Египте (Танисе и Бубастисе, при том что один ее представитель действительно правил в Леонтополе); в Верхнем же Египте с рубежа IX и VIII вв. до н.э. правил особый ливийский дом, не засвидетельствованный Манефоном и давший также обходные его вниманию ответвления в Гераклеополе и Гермополе. В итоге ко второй половине VIII в. до н.э., когда в Египет вторгается нубийский царь Пианхи, он застаёт здесь разветвленную политическую структуру, состоящую из правителей разного уровня, во главе которой стоят сразу четыре «царя» (танисский, леонтопольский, гераклеопольский и гермопольский), признающие легитимность власти друг друга.

Таким образом, по меньшей мере с конца IX в. до н.э. Египет окончательно перестает быть единым государством. В то же время в городе Саис в Западной Дельте утверждается ливийская по своему происхождению династия правителей, которая постепенно наращивает силы в расчете овладеть властью над всей страной.

Нубийское завоевание Египта. XXIV (саисская) и XXV (нубийская) династии

Господство Египта в странах выше первого порога Нила прекратилось вскоре после падения Нового царства (попытка

Шешонка I восстановить его была лишь кратким эпизодом). Середина XI — начало VIII в. до н.э. — это своего рода «темные века» в истории Нубии, события которых остаются неизвестными: очевидно, что на протяжении этого периода там продолжали свое существование культовые центры, в свое время основанные египтянами, и сохранялись представления о египетской политической традиции.

В начале VIII в. до н.э. Нубия от первого до четвертого походов Нила была объединена под властью правителей из города Напата, которые стали принимать титулы фараонов. Постепенно фараоны Напаты приобрели влияние в примыкающих к Нубии номах Верхнего Египта, включая Фиванскую область. В 729—728 гг. напатский фараон Пианхи (или, согласно чтению некоторых египтологов, Пийе) совершил поход в глубь территории Египта, дойдя до Дельты Нила и приняв изъявления покорности от всех тогдашних правителей страны в качестве верховного обладателя сакральной царской власти на всей территории Египта и Нубии.

Главной причиной экспедиции стали опасения Пианхи в связи с усилением правителя Саиса Тефнахта (примерно с 740 г. до н.э.), что создавало угрозу его собственным позициям в Египте. Тем не менее вскоре после ухода Пианхи из Египта Тефнахт провозглашает себя фараоном (727—720 гг. до н.э.; XXIV династия). Ему удается установить твердую власть над значительной частью Дельты Нила и районом Мемфиса. Ливийские династии формально продолжают править в Танисе и Бубастисе, но владеют лишь землями, прилегающими к этим центрам, и могут опереться на помощь тех местных правителей, которые готовы им ее предоставить.

Преемник Тефнахта Бокхорис (егип. Бакенренеф; 720—715 гг. до н.э.) пытается справиться с внутренними проблемами подвластных ему территорий и, в частности, издает законы, направленные против распространившегося в это время кабального рабства. Однако правители Напаты вновь обращают свои взоры на ситуацию в Египте: в 715 г. до н.э. Шабака подчиняет своей власти весь Египет, низлагает Бокхориса (согласно Манефону, тот был сожжен заживо) и становится первым фараоном XXV династии (715—656 гг. до н.э.).

Преемник Шабаки Шабатака (702—690 гг. до н.э.) попытался бросить вызов ассирийскому господству в Восточном Средиземноморье, но потерпел сокрушительное поражение

в битве при Элтеке (701 г. до н.э.). Самым значительным из фараонов XXV династии, объединившим Нубию и Египет в довольно прочное единое государство и, в частности, развернувшим строительство по всей его территории, был Тахарка (690—664 г. до н.э.).

Подчинение Египта Ассирией. «Додекархия»

После битвы при Элтеке цари Ассирии сохраняли беспокойство по поводу ситуации в Египте. По-видимому, Тахарка, как и его предшественник, пытался соперничать с Ассирией. В итоге ассирийский царь Асархаддон решает подчинить Египет: его вторжение в 674 г. до н.э. было отбито Тахаркой, однако повторная попытка в 671 г. оказалась успешной. Ассирийцы стали говорить об установлении своей власти над Египтом и Нубией. В реальности ситуация выглядела сложнее. Напатские цари Тахарка и Танутамон (с 664 г. до н.э.) не оставляли попыток вернуть Египет под свою руку, которые имели переменный успех. На территории Египта еще под властью XXV династии сохранилось множество полуавтономных образований, среди которых были владения правителей прежней XXIV династии с центром в Саисе, — после гибели Бокхориса ее потомки на некоторое время отказались от царского титула, но с 80-х годов VII в. до н.э. стали снова его носить — и последышей XXII династии, продолжавших именоваться царями и опиравшихся на Танис (один из них, царь Петубаст II, правивший примерно в 60-х годах VII в. до н.э., оказывается подобно древнебританскому королю Артуру «первым среди равных» правителей Египта этого времени, арбитром в их междоусобных войнах и центральной фигурой сложившегося на основе этих событий героического эпоса). Царские дома Гераклеополя и Гермополя прекратили существование, по-видимому, еще в конце VIII в. до н.э.

Ассирийцы не стремились наладить в Египте собственную постоянную систему управления и удовлетворились признанием зависимости со стороны местных правителей; в начале господства ассирийцев в Египте их полностью устраивали как иерархичность местной общественно-политической структуры, так и слабость каждого из царьков в отдельности и раздоры между ними, предопределявшие недееспособность нильской страны в целом. В «Истории» Геродота этот период

получил название «додекархии», т.е. правления «двенадцати царей», поделивших между собой Египет. Среди них постепенно выделяются своей разумной и целеустремленной политикой правители Саиса, потомки XXIV династии, вновь принявшие царский титул, — Нехо I и Псамметих I.

В 663 г. до н.э. Египет становится ареной войны между Ассирией и царем Танутамоном, который терпит в ней поражение. Одновременно Псамметих I начинает умело расширять свои владения и устанавливает контроль над всей Дельтой Нила. Ассирийцы не мешают его действиям, полагая, очевидно, что в Египте им проще иметь дело не с множеством вассалов, а с одним Псамметихом, который все равно еще долго не сможет угрожать позициям Ассирии в Восточном Средиземноморье, но зато не пустит в Египет издавна враждебных ей царей Напаты. К 656 г. до н.э. под властью Псамметиха I оказывается объединен весь Египет, включая автономные уже с давних пор Фивы, где положение одной из высших жриц Амона («супруги бога») заняла его дочь Нейтикерт.

«Саисское возрождение»

Псамметих I (656—610 гг. до н.э.) становится зачинателем XXVI династии (656—525 гг. до н.э.), время правления которой часто называется «саисским возрождением», по ее «родовому гнезду» и столице Египта этого времени г. Саис и исходя из того, что это был последний длительный период восстановления египетской государственности. Объединив Египет, Псамметих I обнаружил, что реальная власть в стране (в том числе военная мощь) во многом остается в руках правителей отдельных номов. Чтобы упрочить свое положение, царь начинает привлекать к себе на службу в большом количестве иноземных наемников (жителей Восточного Средиземноморья, Карики, области на юго-западе Малой Азии, и в особенности греков). В стратегических пунктах на границе Египта и в Дельте Нила появляется целый ряд поселений этих наемников (Элефантина на юге Египта, Марса на западе Дельты и Дафны на ее востоке), среди которых уже в конце VII в. до н.э. выделяется Навкратис — важнейший опорный пункт греческих торговцев в Египте.

Особенную ценность для египтян, которые традиционно не были морским народом, представляли мореходные навыки греков и финикийцев. Около 600 г. до н.э. финикийские на-

емники на службе у преемника Псамметиха Нехо II впервые в мировой истории совершают трехлетнее плавание вокруг Африки, выйдя из Нила в Красное море по прорытому в это время каналу и вернувшись через Гибралтарский пролив и Средиземное море. Кроме того, около 655 г. до н.э. Псамметих I заключил союз с Гигесом, царем Лидии (государства на западе Малой Азии), которому, как и фараону, приходилось опасаться могущественной Ассирии.

В 20-е годы VII в. до н.э. по Восточному Средиземноморью прокатилась мощная волна нашествия кочевников-скифов. Псамметиху I удалось предотвратить их вторжение в Египет, однако появление скифов в Передней Азии нанесло тяжелый удар Ассирии. В результате этого она утратила свои владения в Восточном Средиземноморье, где немедленно постарался утвердиться Египет. При этом Псамметих I и его преемник Нехо II (610—595 гг. до н.э.) стремились не только обеспечить себе источники поступления дани, но и предотвратить появление вблизи границ Египта новых мощных государств.

«Первый Армагеддон».

Египет и Нововавилонское царство

В 610—609 гг. до н.э., чтобы оказать предельно ослабленной и уже неопасной Ассирии помощь в ее последних попытках противостоять Нововавилонскому государству, Нехо II занимает всю территорию Восточного Средиземноморья вплоть до верхнего течения Евфрата (где в районе г. Харран еще удерживали позиции ассирийцы). При этом он наносит близ г. Мегиддо (др.-евр. Армагеддон; букв. «Место у Мегиддо») тяжелое поражение Иудее, царь которой Иосия пытался сопротивляться фараону, уповая на помощь бога Яхве. Это поражение убедило преемников Иосии в том, что Египет в это время являет собой несокрушимую силу благодаря помощи то ли Яхве, то ли, наоборот, его злейшего врага. (Похоже, именно с этого времени в библейской ветхозаветной традиции за «Армагеддоном» и укрепилась репутация места, возле которого в конце времен силы зла попытаются одержать решающую победу.) В результате на несколько десятилетий Иудея стала верным союзником египтян.

Между тем в 605—600 гг. до н.э. вавилонский царь *Навуходоносор II*, вырезав египетский гарнизон, оставленный вскоре

после падения Харрана (609 г. до н.э.) в крепости Каркемиш на Евфрате, совершенно вытесняет египтян из Восточного Средиземноморья. Нехо II и его преемники Псамметих II (595—589 гг. до н.э.) и Уахибра (греч. Априй — 589—570 гг. до н.э.) пытаются вернуть свои позиции в этом регионе, побуждая местные государства — теперь вассалов Нового Вавилона — восставать против его господства. В 586 г. до н.э. очередное восстание Иудеи окончилось ее полным разгромом: Навуходоносор II разрушил в Иерусалиме храм Яхве и увел в плен царя, его двор и часть населения Иудеи. Поражением кончилось в конце 570-х годов до н.э. и тринадцатилетнее восстание Тира, Сидона и других городов Финикии, которое Априй пытался поддерживать с моря при помощи своего наемного флота.

В итоге в начале 560-х годов до н.э., воспользовавшись междоусобной борьбой в Египте, Вавилон решает устранить с египетского престола Априя, опасного своими провокациями в Азии, и поддержать его соперника, военачальника Яхмоса (греч. Амасис). По-видимому, последний одерживает окончательную победу над Априем в 567 г. до н.э., в результате прямого вторжения Навуходоносора II в Египет и в качестве нового царя обязуется ограничить присутствие на своей службе греческих и карийских наемников, а также уважать интересы Вавилона в Восточном Средиземноморье.

Более прочными оказываются позиции Египта в Нубии, южная часть которой (прежде всего район четвертого порога с центром в Напате) остается под властью царей — преемников XXV династии. Около 593 г. до н.э. Псамметих II совершает на Напату рейд, прочно закрепив за собой области к северу от второго порога. Эти рубежи египетских владений были не всегда спокойными; следившим за ними правителям Элефантины приходилось то отражать нападения из Нубии, то пытаться возвращать бежавших в Напату мятежников или дезертиров-наемников. Однако в целом при царях XXVI династии серьезной угрозы Египту с юга не было.

Филэллин Амасис (Яхмос II): «египетский Брежнев»

Преемник Априя Амасис (567—525 гг. до н.э.) к концу 60-х годов VI в. до н.э., после смерти Навуходоносора II и начала внутренних неурядиц в Вавилоне, не преминул нарушить

договоренность с этим государством, благодаря которой он пришел к власти. В 560 г. до н.э. Амасис захватывает Кипр; еще раньше он возобновляет тесные контакты с греками, которым способствовала его женитьба на Ладике — дочери царя греческой колонии Кирена в Ливии. Налаживание этих связей обеспечили фараону славу филэллина («друга греков»). При Амасисе Навкратис превращается в крупнейший торговый центр; Египет как колыбель древнего знания посещают греческие мыслители (например, афинянин Солон); наконец, отряды греческих наемников вновь становятся на службу фараону. Благодаря оживленным сношениям с эллинами, через посредство греческих авторов, прежде всего Геродота, об Амасисе до нас дошло больше всего сведений.

В среде египетской элиты Амасис (Яхмос) пользовался прочной репутацией выходца из простонародья, который добился успеха благодаря хитроумию и грубоватому юмору и, помимо прочего, не отличался благочестием и любил простые удовольствия (вплоть до того, что именно в записи одного из преданий о нем мы видим уникальное употребление египетского слова со значением «похмелье»). Сам он относился к такой репутации чрезвычайно спокойно и, судя по всему, не без юмора, требуя от приближенных и подданных почтения не к присущим ему личным качествам, а к своему царскому сану.

При этом Амасис был одним из немногих правителей Египта I тысячелетия до н.э., предпринявших серьезную попытку восстановить централизацию египетского хозяйства под контролем государства. Эта попытка добавила весомую толику к той неприязни, которую испытывала к Амасису номовая знать, не желавшая делиться своим богатством с фараоном. По-видимому, в течение всего царствования Амасиса в Египте существовала мощная оппозиционная группировка, считавшая его узурпатором и ждавшая удобного случая, чтобы его низложить.

В середине 550-х годов до н.э. Амасис восстанавливает прежний военный союз Египта с Лидией, где в это время правил царь Крёз. Вероятно, исходно союз этот должен был быть направлен против Вавилонии, однако в 549 г. до н.э. Лидия оказывается захвачена правителем нового Персидского государства Киром II. В 30-е годы VI в. до н.э. под ударами Персии гибнет Новый Вавилон, и держава Кира становится

главной внешней угрозой для Египта. Против нее Амасис пробует заручиться союзом с правителем острова Самос Поликратом, располагавшим сильным флотом в Эгейском море, однако в итоге, видимо, сам осознает его бесперспективность (по легенде, известной в передаче Геродота, Амасис порвал с Поликратом, славившимся своей удачливостью, полагая, что она в конце концов навлечет беду на него самого и на его друзей). К середине 20-х годов VI в. до н.э. Египет остается единственным государством Ближнего Востока, еще сохранившим независимость от Персии. Между тем становится ясно, что ее нападения следует ожидать в ближайшее время, и в среде враждебной Амасису египетской знати появляется легенда о родстве персидской династии Ахеменидов с низложенным им Априем. Согласно ей сын Кира Камбис — не то супруг, не то сын дочери Априя Нитетис, отосланной в свое время на чужбину Амасисом, — должен был явиться в Египет и низложить узурпатора.

Египетское общество и перемены в его мировоззрении в I тысячелетии до н.э.

Распад Египта с гибелью Нового царства положил конец централизации египетской экономики под контролем царской власти, системе государственного распределения рабочей силы на смотрах и определенной помощи трудовому населению со стороны государства (например, зерном в годы неурожая, инвентарем и т.п.). Владения отдельных храмов, правителей номов, предводителей наемных военных отрядов и вельмож, которые прежде входили в единое государственное хозяйство, охватывавшее всю возделываемую в Египте землю, хотя и могли пользоваться той или иной степенью автономии, теперь стали совершенно самостоятельными, фактически перейдя в собственность своих держателей. Более того, число таких самостоятельных хозяйств непрерывно росло, ибо правители государственных образований, возникших в условиях распада Египта, выделяли из подвластных им земель угоды своим приближенным, обеспечивая таким образом себе вассалов. Многие из мелких правителей происходили из ливийцев; их власть, приобретшая, как видно, иерархическую структуру, была неотделима от командования дружинами, и вместе с ними они образовали особое военное

сословие египетского общества (позднее греческие авторы именовали его просто термином *махимой* — «воины»).

Лишившиеся государственной поддержки рядовые земледельцы оказываются теперь предоставлены сами себе: не имея возможности получать необходимое им напрямую от государства, они вынуждены приобретать его на рынке. Соответственно, в Египте по сравнению с предшествующими эпохами интенсифицируется денежное обращение, средством которого служат весовые слитки серебра (собственная монета в Египте появляется не раньше IV в. до н.э.). В то же время ограниченное количество этих денежных единиц и сравнительная неразвитость внутренней торговли (из-за чего наличные деньги бывали у рядовых земледельцев и ремесленников не всегда) приводили к необходимости делать многие покупки в кредит или обращаться к ростовщикам.

В древности обеспечением кредита почти повсеместно служила личность должника при отсутствии у него иного имущества или невозможности отдать его в залог. Соответственно, уже к VIII в. до н.э. в Египте распространяется такое бедствие рядовых тружеников, как долговая кабала (как говорилось, попытки ограничить ее предпринимал царь XXIV династии Бокхорис).

Прекращение общегосударственных смотров приводит к тому, что трудовые занятия начинают, как правило, передаваться по наследству от отца к сыну (в военной сфере этому способствует и изначальная обособленность от основной массы египтян наемников-ливийцев, селившихся особыми поселениями). Таким образом, профессиональные разряды трудового населения превращаются в своего рода замкнутые «касты», которые описывали наблюдавшие египетское общество греческие авторы.

Обнаруживается отставание Египта в развитии производительных сил от соседних стран Передней Азии. Если там в начале I тысячелетия до н.э. утверждается железный век, то в Египте, не имевшем крупных месторождений железа, значительно дольше сохраняет значение индустрия бронзы и даже камня. По мере того как морские народы (греки и финикийцы) налаживают систему торговых связей по всему Средиземноморью, Египет становится его частью. Присутствие греков в Египте в эпоху XXVI династии и, в частности, основание ими колонии Навкратиса (в чем участвовали сразу

12 ведущих торговых городов греческого мира) были связаны с их стремлением превратить Египет в один из рынков сбыта своей ремесленной продукции.

Вместе с тем Навкратис и другие греческие колонии североафриканского побережья (Кирена и ее соседи) становятся посредниками в восприятии греческой традицией достижений египетской культуры: многие специалисты говорят об осязаемом египетском влиянии на искусство греческой архаики (прежде всего на скульптуру). Геродот в своем труде прямо утверждает, что множество культурных достижений, вплоть до почитания богов, было заимствовано греками у египтян, а в некоторых городах Балканской Греции, благодаря посредству Кирены, уже к началу V в. до н.э. появляется египетский по своему происхождению культ Зевса-Аммона. Греческие ученые и писатели, начиная с выдающегося афинского законодателя начала VI в. до н.э. Солона, считают «хорошим тоном» совершать своего рода ознакомительные поездки в Египет и общаться с носителями его культуры: именно благодаря этому греческая письменная традиция и играет столь выдающуюся роль в формировании наших представлений о Древнем Египте.

Перемены в религиозном мировоззрении позднего Египта

Существенные изменения в мировоззрении египтян Позднего времени, как и объективные экономические и социальные сдвиги, были связаны с упадком централизованного государства и царской власти. До гибели Нового царства сакральная царская власть в течение почти двух тысячелетий была в восприятии египтян главной опорой их страны как уникального места в структуре мироздания, исключительно важного для его стабильности в целом, ввиду того что именно здесь отправляется культ богов, и по этой причине находящегося под их прямым покровительством.

Представление о том, что власть в Египте должна сосредотачиваться в руках рожденного божеством правителя, который единственный сможет совершать ритуальные действия полноценным образом, сохраняется и в I тысячелетии до н.э. Но вместе с тем у египтян зарождаются сомнения, насколько данному представлению соответствуют правители их собс-

твенного времени, не способные поддерживать стабильность в стране и ограниченные в своем внешнеполитическом могуществе, что заставляет усомниться и в благожелательном содействии им со стороны богов. Своего максимума эти сомнения достигают в тех случаях, когда египетский престол занимал иноземец: мог ли человек, рожденный за пределами Египта, быть сыном верховного божества?

Строго говоря, в догматике царского культа не имелось препятствий к тому, чтобы ответить на этот вопрос утвердительно; тем не менее чисто практические соображения (прежде всего понятное нежелание мириться с владычеством чужеземцев) не побуждали к тому, чтобы легко соглашаться с таким ответом. Соответственно, у египтян сплошь и рядом прорывается стремление переложить те ритуальные функции, которые подобают сакральному царю Египта, с реальных правителей Позднего времени на кого-нибудь еще. Именно поэтому очень часто царскими эпитетами именуются местные боги тех или иных номов; в VIII—VII вв. до н.э., когда Фиванская область оказывается под контролем царей Напаты, носящих к тому же и египетский царский титул, некоторые функции, связанные с отправлением культа в фиванских храмах передаются их высшим жрецам, в частности «супругам бога».

Коль скоро роль царя в поддержании контакта между Египтом и миром богов снижается, с неизбежностью в этой жизненно важной деятельности повышается роль тех проявлений, в которых божества обнаруживают себя в земном мире. Позднее время в Египте — это эпоха небывалого расцвета почитания священных животных, мыслившихся воплощениями на земле одной из сущностей богов (их «силы» — *ба*). Так, бык Апис (егип. *Хеп*), почитавшийся в Мемфисе, считался на протяжении всей его жизни земным вместилищем *ба* бога Осириса-Хапи, своеобразного совмещения образов божеств загробного мира и Нила. После македонского завоевания Египта он стал основой эллинистического культа Сераписа, широко распространившегося в античном Средиземноморье. Считалось, что после смерти этого быка (и его погребения в специальном комплексе Серапеуме, в районе Саккара близ Мемфиса), его *ба* соединяется с пребывающим на небе божеством, чтобы затем воплотиться в новом священном быке, которого отыскивали по определенным внешним признакам (белым пятнам особой формы на черной шкуре).

Апис был не единственным священным животным, окруженным в позднем Египте особым поклонением: в г. Мендес в Дельте Нила сходным образом поклонялись священному барану, в Гелиополе — черному быку Мневису, в Гермонте к югу от Фив с IV в. до н.э. — быку Бухису и др. Даже домашние животные (в частности, любимые египтянами кошки) чтились, так как становились вместилищами ба божеств в дни их праздников (в случае с кошками — богини Баст с культом в Бубастисе): в том же районе Саккара, помимо Серапеума, в I тысячелетии до н.э. появляются огромные кладбища кошек, шакалов (воплощений бога Анубиса), ибисов и павианов (воплощений бога Тота) и соколов (воплощений бога Хора).

Помимо этих своеобразных проявлений богов в земном мире, египтяне начинают с особым трепетом относиться к сохранности изображений богов и культовой утвари, обеспечивавшей контакт с ними. Жречество в большинстве номов окончательно превращается в замкнутую корпорацию, которая специализируется на знании, связанном с осуществлением этого контакта, и сохраняет его независимо от того, сколь лояльный к религиозной традиции Египта правитель находится на его престоле. В свете всего этого не вызывает удивления, что именно посягательства на «посредников» в связях Египта с божествами, а именно убийства священным животным, конфискация предметов культа, депортация жрецов, владеющих религиозным знанием, оказываются самыми тяжкими обвинениями, предъявляемыми египтянами (порой, как мы еще увидим, безосновательно) чужеземным завоевателям.

Перемены в представлениях египтян Позднего времени о царской власти

Изменения в представлениях египтян о царской власти были связаны не только с ее ослаблением в I тысячелетии до н.э. и с сомнениями в способности ее носителей отправлять ритуал и пользоваться в обмен на него покровительством богов. Среди чужеземцев на египетском престоле на протяжении этого времени наименьшее отторжение у египтян должны были вызывать *ливийцы*, ставшие частью их общества еще при Рамессадах. Между тем, поселившись тогда в Египте, ливийские воины и их предводители сохранили свой

уклад, отличный от жизни уроженцев страны, с которыми они, похоже, смешивались достаточно слабо.

Мы помним, что община и связанные с ней родовые и клановые структуры отмерли у египтян под нажимом централизованного государства еще в первой половине III тысячелетия до н.э.; напротив, ливийцы принесли с собой в Египет вполне жизнеспособный родовой строй. В его рамках по наследству, внутри определенных родов и кланов, передавались, в частности, полномочия «великих вождей Ма» и «великих вождей Либу», а затем та же практика была, похоже, распространена и на доставшуюся роду Шешонка царскую власть в Египте.

Когда в VIII в. до н.э., накануне вторжения правителя Напаты Пианхи, в Египте оказываются одновременно четверо правящих и признающих легитимность друг друга царей, то, казалось бы, не было никаких препятствий к тому, чтобы и другие, ничуть не менее сильные местные правители (прежде всего владеющий Саисом Тэфнахт) заявили свои претензии на такой же статус. Тем не менее, как уже сказано, Тэфнахт провозглашает себя царем лишь после того, как прочие цари, а вместе с ними и другие правители Египта, не исключая и его, были приведены к покорности Пианхи. Единственное объяснение этому состоит в том, что до завоевания Пианхи царская власть считалась монопольной принадлежностью ливийского дома, основанного Шешонком и к тому моменту давшего четыре местных «ответвления».

Принадлежность к царской династии, таким образом, впервые, по крайней мере с начала III тысячелетия до н.э., стала восприниматься как более весомое обоснование царского статуса правителя, чем его реальная мощь, свидетельствующая о его рождении от божества и покровительстве с его стороны. Поэтому не случайно, что в тексте своей стелы, посвященной походу на Египет, Пианхи особенно подробно «прописывает», что он единственный из правителей этой страны рожден богом и, благодаря этому, одолевает своих врагов внушаемым им ужасом, что неоднократно проявляется на деле. Поход нубийского фараона Пианхи сломил существовавшую в Египте уже примерно два века «монополию» ливийской династии на царскую власть — и почти что немедленно после его ухода этим прецедентом не преминул воспользоваться Тэфнахт.

Тем не менее представление об этой «монополии» дало характерный «рецидив» в 670—660-е годы до н.э. в эпоху «до-

декархии», описанную в упоминавшихся нами эпических сказаниях, действие которых разворачивается вокруг царя Петубаста II. Впервые в истории египетской литературы носитель царского статуса играет в этих сказаниях второстепенную роль, не будучи самым сильным и величественным из действующих лиц; когда же в одном из сказаний — о борьбе за наследственный удел верховного жреца Фив — он выходит на первый план, то проявляет не лучшие человеческие качества, притязая без всяких оснований на чужое наследство.

В своего рода судебном поединке за это наследство за царя Петубаста бьется герой Пему, сын другого доблестного воина Инара; именно эти персонажи нецарского статуса — наследственные правители города Пер-Сопд к востоку от Дельты — являются главными героями эпоса. При этом Пему поступает так исключительно из вассальных обязательств перед царем, а его сын открыто поносит Петубаста, именуя его «рыбоедом из Таниса». Понятно, что по законам подобных сказаний бой за неправо дело, даже при участии в нем доблестного воина, оканчивается неудачей. Такой, по сути дела, негативный образ обладателя царского статуса мог появиться в египетском тексте только в рамках представления о том, что у Петубаста нет иных прав на царский титул, кроме чисто династических: он один из отдаленных потомков Шешонка, к тому же сидящий в самой престижной из резиденций его дома — в Танисе.

В то же время мотивы и приемы, характерные для персонажей эпоса о Петубасте (героические амбиции, уже совершенно независимые от практической выгоды и часто реализуемые в единоборствах; судебные поединки; мотивы вассальной преданности, в том числе и недостойному правителю, и заботы о собственных вассалах; полное совпадение статуса местного правителя и воина — предводителя дружины) отражают очень своеобразную «феодально-рыцарскую» атмосферу, по-видимому, и в самом деле сложившуюся в среде ливийской военной знати Египта I тысячелетия до н.э.

Объединившая Египет в середине VII в. до н.э. XXVI династия, связанная своим происхождением с XXIV, уходила своими корнями также в среду ливийской военной знати. В то же время уже родоначальник этого дома Тефнахт, а затем и его потомки еще под властью напатских царей и ассирийцев принимают царские титулы, основываясь не на династическом родстве с домом Шешонка, а на своем реальном могуществе.

Вряд ли мог обосновать иначе свои притязания объединитель Египта Псамметих I, навязавший свое верховенство прочим местным правителям (в том числе и таниским царям — пресловутому Петубасту II и его преемнику). Однако, когда не принадлежавший к XXVI династии (хотя и приписанный к ней в итоге Манефоном) Амасис поднимает мятеж против Априя и захватывает престол, мы вновь, как в эпоху Пианхи, видим конфликт в обосновании прав на высшую власть между аргументом собственного рождения от божества и связанного с этим могущества и аргументом принадлежности к царскому дому. В иероглифической надписи, описывающей борьбу фараона с Априем (так называемой Элефантинской стеле), Амасис подробно объясняет, что Априй хотя и был исходно полноправным сакральным царем, но из-за своих преступлений («мерзости перед богом») утратил расположение породившего его верховного божества, которое и облекло властью другого своего сына, рожденного вне царского дома.

Геродот передает характерную легенду, согласно которой Амасис, уже придя к власти, изготовил из золотого умывального статую бога и, когда она стала предметом поклонения, раскрыл «тайну ее происхождения» своим вельможам, не забывавшем о низком происхождении самого царя и мало уважавшим его. Обычно эту легенду трактуют в духе, близком к современной военной поговорке «Уважай не меня, а мои погоны»; однако для египтян (чего, кстати, не знал Геродот) золото было совершенно особым материалом, из которого состояла плоть богов. Соответственно, наставление Амасиса своим приближенным заключалось, вероятнее всего, в том, что божество долгое время может пребывать на земле в самом неожиданном и неопознаваемом обличье; однако с того момента, как оно проявило себя явно, к нему следует относиться с надлежащим почтением.

Понятно, что сакральное начало в личности самого Амасиса проявилось после успеха его мятежа и вступления на престол и зависело от его собственного рождения от божества. Напротив, враги Амасиса, создавшие легенду о браке дочери Априя Нитетис с кем-то из персидских царей, явно считали предпочтительным обоснование права на престол принадлежностью к царскому дому, согласно представлению, укоренившемуся в ливийское время, и пытались оправдать подобным образом устранение персами от власти семьи Амасиса.

Египетские поучения Позднего времени: представление о благочестии

Еще одна перемена в мироощущении египтян I тысячелетия до н.э., объяснимая тем, что на милость божества они стали полагаться больше, чем на прочность собственного общества и помощь его властей, сказалась в появлении не связанного с ритуалом понятия о благочестии. Уже на рубеже Нового царства и III Переходного периода создается «Пучение Ани». В отличие от более ранних прагматических текстов этого жанра оно содержало общемировоззренческие рекомендации и в том числе совет не «дергать» божество бесконечными просьбами в рамках ритуального контакта с ним: бог и так знает нужды того, кто прилежит ему чистым сердцем.

Мысль о совершенстве бога и греховности по сравнению с ним человеческого естества появляется в чуть более позднем (вероятно, начала I тысячелетия до н.э.) «Пучении Аменемопе». В посвященном семейным отношениям «Пучении Анх-Шешонки» (записанном в IV в. до н.э., но, очевидно, более раннем) развивается тема греховности женщины: ее несдержанности в словах и действиях, неспособности следовать разуму, поглощенности плотскими утехами, что побуждает мужчину не воспринимать ее как полноценную личность и в браке постоянно смирять ее. Наконец, мотив знания богом праведного человека независимо от ритуального контакта с ним повторяется в самом позднем по записи поучении папируса Инсингер (I в. до н.э.; вероятно, оно опять же создается много раньше); помимо этого, здесь мы видим и характеристику противоположности человеческой праведности — безбожия, непременно влекущего ко злу.

Подобные рассуждения на тему о природном несовершенстве человека абсолютно противоположны тому оптимизму египтян, который был свойствен им в пору стабильности их государственности и ее ориентации на заботу о людях в III—II тысячелетиях до н.э. Скорее всего, появление этих тенденций следует связать именно с нарастанием в I тысячелетии до н.э. неустойчивости египетского общества и отчуждением от него власти, часто осуществляемой чужеземцами или, как в ливийское время, охарактеризованное в «Эпосе о Петубасте», замкнутой на собственные интересы и ценности военной знатью.

Усиливающееся разочарование в справедливости земного миропорядка приводит к трансформации прежней идеи загробного суда: если ранее считалось, что после такого суда человек либо обретет продолжение земной жизни в царстве Осириса, либо просто перестанет существовать, то теперь появляется представление о стоящей перед смертным альтернативе обретения потустороннего блаженства или вечных страданий в воздаяние за прижизненные дела. Во втором цикле «Сказаний о Сатни-Хазмуасе», записанных уже в начале нашей эры, но, несомненно, много более ранних по времени возникновения, сын главного героя с характерным именем Са-Усир — «сын Осириса», т.е. воплощенный бог Хор, — открывает своему отцу зрелище загробного мира, в котором богатый грешник подвергается мучениям, а праведный бедняк благоденствует в тонких одеждах.

Вообще, самыми почитаемыми в позднем Египте становятся благие боги Осирис и Исида вместе с их сыном Хором, заботившиеся при своей земной жизни об облегчении участи людей различными культурными навыками, которые, согласно египетским представлениям, известным в античной передаче, были изобретены ими, — земледелием и ремеслами. Они претерпели зло от собственного брата Сета, но проявили при его преодолении идеальный образец человеческих качеств супружеской и родительской любви, а затем открыли людям возможность воскресения и вечной жизни. Тем самым Осирис и Исида решительно оттесняют на второй план традиционно связанных с ослабевшей теперь царской властью солнечных богов Ра и Амона.

ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ЕГИПЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Египет в составе державы Ахеменидов

В конце 526 г. до н.э. фараон Амасис умирает. Вскоре после этого, в 525 г., персидский царь Камбис начинает войну против Египта. В решающем сражении при пограничной крепости Пелусий египтяне терпят сокрушительное поражение. Помимо явного военного преимущества персов, причиной поражения египтян стала измена предводителя греческих

наемников Фанеса и египетских военачальников из числа номовой знати, не желавших поддерживать сына Амасиса Псамметиха III. Так, выходец из жречества египетской столицы Саиса, командующий флотом Уджагорреснет перешел на сторону персов и сдал им столицу без боя. В итоге новым фараоном и основателем XXVII, персидской, династии стал Камбис, египетскую титулатуру которого составил все тот же Уджагорреснет, торжественно принявший его в храме богини Нейт в Саисе. В истории Египта начался так называемый период первого персидского владычества (525—404 гг. до н.э.).

Рассказ Геродота о святотатствах Камбиса, в том числе об убийстве им в Мемфисе после неудачного похода в Эфиопию священного быка Аписа, опровергается египетскими текстами, сообщающими о внимании этого царя к египетским храмам (в частности, пресловутый бык Апис не только умер естественной смертью в возрасте примерно 19 лет, но и был погребен в предоставленном Камбисом саркофаге). Недовольны персидским правлением были прежде всего сторонники Амасиса, которые на первых порах во главе с его сыном и пытались выступить против персов во время эфиопского похода Камбиса в 524 г. до н.э. и потом, во время внутренних неурядиц в Персии в 522—521 гг. до н.э.

В 518 г. до н.э. в Египет прибыл новый персидский царь Дарий I. Он пользовался редким расположением со стороны египтян, которые считали его не только истинным фараоном, но и одним из великих законодателей Египта, заслужившим воздаяние ему культовых почестей. Один из папирусов действительно сообщает о записи при Дарии I египетских законов. Дарий I возвел довольно много построек в египетских храмах (при нем, в частности, сооружается огромный храм бога Амона в Хибисе в оазисе Харга посреди Ливийской пустыни), а в начале V в. до н.э. Дарий восстановил канал между Нилом и Красным морем, прорытый еще при Нехо II.

В царствование Дария определилась структура персидского управления в Египте: она возглавлялась сатрапом с резиденцией в Мемфисе, которому подчинялись чиновники в отдельных номах. В важнейших пунктах Египта (Мемфисе, Дафнах, Элефантине) были размещены ахеменидские воинские контингенты. Особой преданностью персидскому царю отличались наемники-евреи. При раскопках места расположения их гарнизона в Элефантине был обнаружен богатый

архив армейских документов, позволивших полнее прояснить экономическое развитие и социальные отношения в египетском обществе периода персидского владычества. В то же время важную роль в администрации играли египтяне, занимавшие ряд высших должностей (например, Уджагорреснет). Египет вместе с Ливией, Баркой и Киреной (т.е. областями средиземноморского побережья к западу от него) считался одной из самых богатых сатрапий Ахеменидов и платил ежегодную дань в размере 700 талантов (более 20 т) серебра.

При Камбисе и Дарии I Египет был второй после Вавилонии страной, власть персидского царя над которой была облечена в форму принятия местного царского титула, т.е., в современных понятиях, личной унии. Ситуация изменилась при преемнике Дария Ксерксе, в начале правления которого в 486—484 гг. до н.э. в Египте из-за увеличения налогов и угона ремесленников в Персию вспыхнуло восстание. После его подавления Ксеркс не принимает статуса фараона, тем самым упраздняя «личную унию» с Египтом, и политика по отношению к этой стране становится более жесткой. Очевидно, именно в это время из египетских храмов было конфисковано и вывезено в Азию большое количество изображений богов и культовой утвари, с тем чтобы лишить египтян этих «посредников», обеспечивавших им контакт с богами и их помощь, а может быть в какой-то мере и «переключить» этот контакт на себя (любопытно, что среди этих предметов была, похоже, и помещенная в храм бога Атума в Гелиополе статуя почитавшегося египтянами Дария I, найденная в 1972 г. французскими археологами в персидской столице Сузах).

С этого времени Египет стремится освободиться от власти Ахеменидов. В 460 г. до н.э. в Дельте Нила начинается восстание Инара, которое получает поддержку воевавших с персами Афин (ход этого восстания описывает греческий историк Фукидид). Но все же к 454 г. до н.э. восстание окончилось неудачей. Похоже, отряды Инара продержались в топях Западной Дельты до 404 г. до н.э., когда правитель Саиса Амиртей (возможно, потомок Инара) возглавил новое восстание и изгнал персов.

Египет в IV в. до н.э.

Амиртей (404—397 гг. до н.э.) считается единственным правителем XXVIII, саисской династии. Вскоре он был низложен

и убит, а к власти пришла основанная Неферитом I XXIX династия из г. Мендес в Центральной Дельте Нила (397—380 гг. до н.э.). Ее первые цари сменялись у власти довольно быстро; лишь фараон Акорис правил около 13 лет (392—379 гг. до н.э.), стремясь упрочить царскую власть и создать систему выгодных для поддержания независимости Египта союзов.

Характерный энтузиазм этого времени по поводу недавнего изгнания персов и восстановления независимости Египта звучит в найденной на территории Карнакского храма стеле с записью текста, известного под названием «Исцеление Бентреш». Согласно ему, в свое время к Рамсесу II обратился породнившийся с ним царь азиатской страны Бахтан (в ее образе совмещаются как воспоминания о Хеттской державе уже далекого прошлого, так и восприятие главного противника Египта в современности — державы Ахеменидов) с просьбой помочь исцелить свою душевнобольную (обуянную злым духом) дочь Бентреш. Фараон отправляет правителю Бахтана целительную статую фиванского бога Хонсу, и тот, после выздоровления своей дочери, решает оставить столь ценного «посредника» в контакте с божеством себе навсегда. Через некоторое время он видит во сне, как бог Хонсу в обличие сокола покидает свою статую, устремляется в Египет и после этого возвращает ее Рамсесу. В этом рассказе явно звучит воспоминание о недавнем похищении нечестивыми персами культовых статуй и утвари из египетских храмов, а также уверенность в том, что боги, настроенные благожелательно к избранной ими стране, покинут свои похищенные изображения и оставят в руках врагов Египта лишь мертвый камень и металл.

Помимо отражения персидской угрозы, Акорис задумывался и о том, каким образом централизовать страну, в которой после изгнания персов большое влияние приобрели слабо зависящие от царя группировки номовой знати. Одним из средств к этому становится попытка централизации египетских культов под покровительством царской власти. Акорис развивает вслед за Неферитом целую программу строительства в древнем Карнакском храме в Фивах, в его время уже не самом значимом в Египте. По-видимому, не имея возможности напрямую восстановить здесь культ Амона-Ра как покровителя царской власти, он особенно заботится об оформлении путей праздничных процессий, связывавших Карнак с Луксором и Мединет Абу на западном берегу Ни-

ла и имевших отношение к почитанию Амона в его ипостаси создателя мира и бога плодородия.

Вскоре после смерти Акориса к власти в результате переворота приходит уроженец соседнего с Мендесом г. Сеვენнит **Нектанеб I** (380—361/360 гг. до н.э.), основавший XXX династию. При Нектанебе I Египет успешно отражает персидское вторжение в 373 г. до н.э., но в дальнейшем не рискует полагаться только на собственные силы и вступает в союз с греческими государствами Афинами и Спартой. При Нектанебе I продолжается начатая Акорисом строительная программа в Карнаке, но еще большее внимание он уделяет местным культовым центрам: так, он начинает возведение храмовых комплексов богини Хатхор в Дендера и богини Исиды на о. Филэ на крайнем юге Египта.

Существенно, что эти строительные программы, которые будут затем продолжаться на протяжении всего эллинистического времени, связаны с популярными в Позднем Египте культурами богинь-матерей: новым и обязательным компонентом храмовых комплексов с этого времени становятся так называемые *маммизи*, или «дома рождения», — особые постройки, посвященные культу четы богов и их сына (т.е. существующего практически в каждом египетском номе «слепка» триады самых чтимых в это время божеств — Осириса, Исиды и Хора), оформленные сценами появления последнего на свет (очень отдаленной первоосновой этих сцен следует, по-видимому, считать рельефы, изображающие рождение от божества царицы Хатшепсут и Аменхотепа III в храмах Нового царства в Дейр эль-Бахри и Луксоре). Реализация этих строительных программ совмещает в себе и попытки установить контроль царской власти над местными культовыми центрами, и знаки внимания к ним, неизбежные ввиду влияния связанных с ними группировок египетской элиты.

Воспользоваться благоприятной ситуацией, сложившейся в результате серии восстаний в западных сатрапиях Ахеменидской державы, и перейти при греческой поддержке в наступление против персов в Сирии и Палестине попытался фараон Тахос (егип. *Джед-Хор* — 361—359 гг. до н.э.), который по совету афинского военачальника Хабрия ввел чрезвычайные налоги и отчисления с храмовых доходов на военные нужды. Эта необходимая, но ущемлявшая интересы знати мера вызвала, несмотря на военные успехи Тахоса, недовольство им, и в результате военного мятежа на египетский престол

взошел племянник царя Нектанеб II (359—343 г. до н.э.). Его царствование отмечено постоянным ожиданием персидского нападения на Египет (как раз в 359 г. до н.э. на престол Ахеменидов восходит Артаксеркс III — целеустремленный правитель, поставивший перед собой задачу возродить военную мощь и прочность своей огромной державы) и в то же время небывало широким зодчеством в местных храмах Египта.

Ставленник египетской знати, Нектанеб II явно сворачивает попытки централизаторских мероприятий Тахоса: не случайно в позднейшем грекоязычном тексте отражение им угрозы персидского вторжения связывается с использованием магических средств, а не с созданием настоящей боеспособной армии. Нектанеб II много строит в храмовых комплексах Дельты (в том числе в «родовом гнезде» XXX династии Себенитов), в Мемфисе, в оазисах Харга и Сива в Ливийской пустыне, продолжает строительную программу своих предшественников в Карнаке, начинает возведение зданий в храмовом комплексе Хора, почитаемого в образе крылатого солнечного диска, в г. Эдфу, которое также продолжается затем на всем протяжении эпохи эллинизма.

Одной из немногих попыток централизовать культовую жизнь страны под контролем государства оказывается насаждение Нектанебом II во многих храмах страны своего собственного культа в отождествлении с богом Хором. Известно довольно много связанных с этим культом изображений царя, находящегося как бы под защитой стоящего позади него огромного сокола. В конечном счете, когда Египет в 343 г. до н.э. сталкивается с массированным вторжением персов во главе с Артаксерксом III, Нектанеб II не может оказать ему сопротивление и бежит в Нубию. Позднее складывается легенда, согласно которой он отправился в Македонию и, обольстив там царицу Олимпиаду, стал отцом будущего освободителя Египта от персов Александра Великого.

Египетские религиозные концепции середины I тысячелетия до н.э.

Египетские жрецы Позднего времени, ставшие, как уже говорилось, особой замкнутой корпорацией, были заняты не только сохранением необходимого для сношений с богами ритуала, но и систематизацией и развитием накопленных

ими знаний о мироустройстве (т.е. о божественных силах, действующих в мироздании). Традиция гимнов Амону как верховному божеству в эпоху Нового царства находит свое продолжение в текстах его храма в Хибисе, времени начала первого персидского владычества. Здесь Амон не просто описывается как универсальное божество путем сопоставления с различными богами, но и проводится мысль о том, что мир во всем своем многообразии состоит, в сущности, из множества проявлений Амона, возникших благодаря его благодати. В религиозных текстах IV в. до н.э., в течение которого постоянно довлели опасения по поводу возможного нового нашествия персов, особое значение приобретает мотив борьбы благого бога с воплощением зла — Сетом или Апопом: в частности, борьба с последним «мощного дланью» бога Хора, олицетворяющего царя, оказывается мотивом текста так называемого наоса из Сафт эль-Хенне (егип. *Пер-Сонд* — город к востоку от Дельты Нила) времени Нектанеба I.

Но особенно примечательна разработка в духовной жизни Египта с середины I тысячелетия до н.э. мифологических сюжетов, связанных с возникновением мироздания. Самым ранним из таких космогонических произведений можно считать так называемый «камень Шабаки» — датированную временем этого напатского царя-завоевателя Египта запись на каменной плите текста, который ранее содержался в начавшем разрушаться папирусе. В качестве создателя мира в этом тексте предстает мемфисский бог Птах: творение совершается им при помощи называния имен («зубами и губами уст» бога) всех живых существ и предметов, образы которых (в качестве их «двойников»-ка) Птах до этого замыслил «в своем сердце».

Трудно сказать, насколько достоверно сообщение о копировании на «камень Шабаки» исходного более древнего текста: с одной стороны, язык его действительно очень архаичен, с другой — намеренная архаизация религиозных памятников, воспроизведение в них стили и языка чрезвычайно древних образцов (вплоть до III тысячелетия до н.э.) является общей тенденцией середины I тысячелетия до н.э. (в какой-то мере именно она стала основанием для введения применительно ко времени XXVI династии термина «саисское возрождение»). Таким образом, текст «камня Шабаки», по крайней мере, в его окончательном виде, вполне может соответствовать развитию египетской религии в Позднее время.

Существенно сопоставление в этом тексте «творящего слова» («зубов и губ уст») Птаха с «семенем» и «пальцами» бога Атума, т.е. проведение параллели между мемфисской космогонией «камня Шабаки» и космогонией, связанной с гелиопольским богом Атумом и зафиксированной в целостном виде в значительно более позднем (конец IV в. до н.э.) папирусе Бремнер-Ринд I. Согласно этому тексту, бог Атум возник на холме, появившемся среди вод первобытного океана Нуна и, как и Птах, замыслил в себе образы всего, что должно было далее возникнуть. После этого он оплодотворяет себя, проглотив добытое при помощи мастурбации собственное семя, и порождает богов Шу и Тефнут (персонификации пронизанного светом воздуха и влаги), которые далее порождают богов Геба и Нут (персонификации земли и неба). Обе космогонические системы сходны в том, что сводят процесс возникновения мира к некоему единому началу, воплощенному в боге-творце.

Фиванская космогония «огдоады»

Значительно более сложная космогоническая схема возникает во второй половине I тысячелетия до н.э. в Фивах на основе взаимодействия местной религиозной традиции с представлениями Гермополя (очевидно, она существовала уже в IV в. до н.э., но отразилась в целом ряде текстов уже в эллинистический период; эта концепция активно изучалась в 20-е годы прошлого века немецким египтологом К. Зетэ). Согласно этой схеме, творение мира было четко отделено от предшествовавшего ему времени, когда существовали четыре пары («восьмерка» — егип. *хемену*, греч. *огдоада*) первоначальных божеств, персонифицировавших первобытную материю («Океан» — боги Нун и Наунет), бесконечность пространства (Хух и Хаухет), мрак (Кук и Каукет) и нечто «невидимое» (Амон и Амаунет). В мире до начала творения, таким образом, уже существовали материя и пространство (идея творения из ничего была чужда египетским, как и любым архаичным представлениям), однако отсутствовало важнейшее условие дифференциации материи на конкретные, имеющие зримые очертания, предметы — пронизанный светом воздух.

Подлинное творение начинается со смертью богов «восьмерки», а также Амона Кематефа («Завершившего время

свое») — персонификации времени до творения; местом их погребения считался район Мединет Абу на западном берегу Нила напротив Фив — и выражается в творческой деятельности другой ипостаси Амона — Ир-та («Создавшего землю»). Эта фиванская космогоническая концепция сложна не только персонификацией в ее образах довольно абстрактных онтологических категорий, но и переплетением в ней сразу нескольких других космогонических и мифологических систем (Кематеф и Ир-та в определенном контексте могут быть сопоставлены с Осирисом и Исидой, Ир-та — с мемфисским демиургом Птахом, «восьмерка» изначальных богов заимствована в эту концепцию из Гермополя и т.д.).

Нет никакого сомнения, что отдельные составляющие этих космогонических систем восходят, как это и предполагается содержащейся в тексте «камня Шабак» отсылкой, действительно к очень давнему времени. В то же время той фазы, на которой стала возможна систематизация этих составляющих, их сведение в целостную и по возможности непротиворечивую систему (в том числе путем синтеза разных по своим местам возникновения представлений), египетская религиозная мысль достигла, вероятно, все же лишь к середине I тысячелетия до н.э.

Второе персидское владычество (343—332 гг. до н.э.).

Завоевание Египта Александром Македонским

Античные авторы сохранили крайне мрачные воспоминания египтян о завоевании Египта Артаксерксом III, в частности сообщения об убийствах им священных животных и иных святотатствах. Видимо, их реальной основой были посягательства персов на достояние египетских храмов, новая кампания по вывозу в Персию культовых изображений, утвари и священных текстов. Помимо прочего, подверглись депортации и некоторые категории жрецов, в частности служители богини Сохмет, олицетворявшей губительную силу эпидемий, которые, по «специфике» своего божества, владели врачебными знаниями; биографическая надпись одного из этих жрецов, знатного уроженца Гераклеополя Сематауифнахта, дошла до нас уже от начала периода эллинизма.

Однако похоже, что, несмотря на это, персы не смогли установить прочного владычества над всем Египтом. Где-то

в 337—335 гг. до н.э., после смерти Артаксеркса III, борьбу с ними начал некий Хаббаш, видимо, иноземец, принявший титул фараона и продержавшийся у власти, пока в Персии происходили внутренние неурядицы. Однако новый персидский царь Дарий III сумел нанести ему поражение и вернуть Египет под свою руку.

С началом Восточного похода Александра Македонского персы были вынуждены отозвать из Египта крупные контингенты войск во главе с сатрапом Сабаком, который в 333 г. до н.э. погиб в битве при Иссе. Вскоре после этого в Египет, показавшийся в такой ситуации сравнительно легкой добычей, вторгнулся с небольшим войском македонский авантюрист Аминта, однако его предприятие окончилось неудачей.

Столь бурное время, озаменованное, ко всему прочему, полным прекращением храмового строительства и большими трудностями в отправлении ритуала (как по экономическим причинам, так и ввиду отсутствия в стране легитимного царя, от имени которого этот ритуал можно было бы совершать) надолго осталось в памяти египтян как подлинная катастрофа.

Второе персидское владычество окончательно подошло к концу со вступлением в Египет в ноябре 332 г. до н.э. войск Александра Македонского, который был благожелательно встречен местным населением при полной пассивности персидского сатрапа Мазака и вскоре принял статус фараона. Античные авторы подробно описывают его путешествие в хорошо известный в греческом мире храм Амона в оазисе Сива в Ливийской пустыне, где, в полном соответствии с египетской традицией, он был провозглашен сыном божества. С этого момента Египет вливается в состав говорящего на греческом языке античного мира и вступает в новый, не древневосточный, а эллинистический, период своей истории.

ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ

ПРИРОДА И НАСЕЛЕНИЕ

Месопотамия по-гречески означает «Междуречье», т.е. географическое пространство между Тигром и Евфратом. На деле, однако, Тигр и Евфрат являются не границами этого края в точном смысле слова, а скорее главными ориентирами, к которым тяготеют его настоящие пределы. И, применяя термин «Месопотамия», античные авторы хотели выразить не то, что речь идет о крае, полностью лежащем между этими двумя реками, но лишь то, что между ними раскинулась подавляющая часть его территории (и за названные реки он выходит лишь небольшими участками).

Как географическое целое Месопотамия — это плоская равнина в бассейне Тигра и Евфрата, тянущаяся на северо-запад от Персидского залива до Верхнего Евфрата и гор Восточной Анатолии. Поэтому в современной науке утвердился более точный термин — «Двуречье». Сейчас территория Месопотамии в основном входит в состав Ирака. Весь этот обширный регион делится на две части.

Первая из них — это Нижняя (Южная) Месопотамия, расположенная в нижнем течении Тигра и Евфрата, где русла этих рек сближаются больше всего. Сейчас Тигр и Евфрат

даже сливаются на подходе к Персидскому заливу в единую реку Шатт-эль-Араб; в древности же они впадали в залив самостоятельными руслами, соединенными протоками. Евфрат в пределах Нижней Месопотамии разделялся на несколько рукавов, чьи долины были заселены вплоть до болот и моря.

Вторая часть — это Верхняя (Северная) Месопотамия, где Тигр и Евфрат далеко расходятся друг с другом. Нижнюю Месопотамию в древности именовали «Шумером» (в наиболее широком смысле этого слова) и, в свою очередь, делили ее саму на южную и северную части. Юг Нижней Месопотамии именовался «Приморьем», или «Шумером» в узком смысле слова, а север первоначально называли «Ки-Ури», а позднее — «Аккад» (по названию располагавшегося здесь города Аккаде, месопотамской столицы конца III тысячелетия до н.э.). Отсюда и название Нижней Месопотамии в целом, закрепившееся с исхода этого тысячелетия, — «Шумер и Аккад». Еще позже Нижнюю Месопотамию стали называть «Вавилонией», по ее новому главному центру — *Вавилону*.

Ученые XIX—XX вв. считали, что Персидский залив в древности заходил гораздо севернее, чем сейчас, и именно такая береговая линия отмечена на большинстве карт и атласов Древнего Востока. Действительно, шумерские города *Ур* и *Эреду*, сейчас далеко отстоящие от моря, в древности были портовыми городами, в которых разгружались морские суда. Однако геологи выяснили, что на деле границы самого залива с древности и по сей день практически не менялись, и только эстуарий Тигра и Евфрата был весьма широк и проходил так, что до речных пристаней в Уре и Эреду могли легко подниматься корабли из Персидского залива. Кроме того, впадина, расположенная близ Эреду, по-видимому, являлась в древности озером, соединявшимся со старым руслом Евфрата системой каналов. Это же русло могло подходить и к Уру. Район свободно сообщавшихся с Персидским заливом болотистых лиманов Тигра и Евфрата и соединявшихся с ними лагун именовался в древности «Горьким Морем»; сейчас, после аридизации и подъема почвы, вызванного намыванием ила обеими реками, этот район и есть долина Шатт-эль-Араба.

Географически Месопотамия, или Двуречье, представляет собой широкую неглубокую низменность, ограниченную Аравийским плато, возвышенностями Сирии и горными хребтами — Армянским Тавром и Загросом. Основные очаги

развития цивилизации располагались в Нижней Месопотамии. Она являлась наиболее изобильной частью всего Плодородного Полумесяца, но была бедна минеральными ресурсами и деревом. К тому же масштабная ирригация приводила к быстрому засолению почв и падению урожаев. В конце концов засоление почв и аридизация климата привели к запустению Южной Месопотамии и ее крупнейшего центра Вавилона. Однако выбора у месопотамцев, по сути дела, не было: без ирригации их страна представляла бы собой частью пустыню, частью — болотистые озера и тростниковые заросли и ее обитателям оставалось бы вести весьма скудное существование: в лучшем случае они могли получать небольшие и неустойчивые урожаи злаков, а в остальном им пришлось бы жить охотой и собирательством. Поэтому жители Месопотамии из всех сил стремились по возможности развивать разветвленную систему ирригации, не догадываясь о последствиях.

Верхняя Месопотамия представляла собой холмистую степь, местами переходящую в невысокие горы. В ее восточной части была расположена Ассирия, названная так по древнему городу *Ашшур* на Среднем Тигре, ставшему центром этой области.

Одной из главных особенностей геополитической карты Месопотамии являлись два ее постоянных «фронта»: на севере—северо-востоке—востоке от нее, где равнинные жители Месопотамии взаимодействовали с горами, почти всегда враждебными, и на границе с Аравийским плато на западе и юго-западе, откуда в Месопотамию волна за волной вторгались кочевники. Кроме того, неравномерность распределения природных ресурсов приводила к напряженным и активным отношениям месопотамцев с окружающим миром.

Крайняя бедность Месопотамии минеральными ресурсами, включая металлы, и деревом с ранних пор стимулировала развитие внешнеторговой и военной экспансии ее жителей. Жители Междуречья вывозили в иные страны ткани, зерно и ремесленные изделия, а сами отправляли торговые и военные экспедиции за лесом, металлами и рабами. Необходимость компенсировать недостаток природных ресурсов приводила месопотамских владык к постоянным попыткам получать соответствующее сырье и готовые изделия в виде дани с горной периферии на севере и востоке, а также установить контроль над основными торговыми путями, ведущими на

запад, к Средиземному морю. С середины III тысячелетия до н.э. и до конца существования независимой месопотамской государственности правители региона систематически совершали с этими целями военные походы к Средиземному морю и в горные районы Западного Ирана.

Географическое деление Месопотамии отражает также историю последовательно переселявшихся сюда народов. Древнейшими из них еще с VI тысячелетия до н.э. были субареи, а бесспорными создателями месопотамской письменности — шумеры, заселившие Нижнюю Месопотамию в начале IV тысячелетия до н.э. А под конец его на эти земли переселилась из Северной Аравии ветвь так называемых восточных семитов, получивших в науке название «аккадцев». Часть восточных семитов расселилась в северной половине территории, занятой шумерами, получившей шумерское название «Ки-Ури», а часть — на Среднем Тигре. Первая группа поселенцев смешалась с шумерами, дав начало народу вавилонян, от второй же произошли ассирийцы. Вавилонский и ассирийский языки, таким образом, представляют собой разные диалекты восточноеврейского, или аккадского, языка, на рубеже III—II тысячелетий до н.э. обособившиеся друг от друга.

В конце III тысячелетия до н.э. в Нижней Месопотамии была основана великая держава, охватившая всю Месопотамию со столицей в городе Аккаде, находившемся в области Ки-Ури. В этой державе впервые стал в официальных надписях употребляться, наряду с шумерским, и восточноеврейский язык.

К концу III тысячелетия до н.э. шумеро-аккадоязычное население Нижней Месопотамии (предки вавилонян) и аккадоязычное население Среднего Тигра (предки ассирийцев) осознавали себя как один двуязычный суперэтнос с единой культурой. Люди этого суперэтнуса имели даже общее самоназвание: на обоих своих языках — шумерском и аккадском — они определяли себя как «черноголовые» (шумер. *санг-нгига*, аккад. *цалмат каккади*). Этот суперэтнос современные ученые и называют «древними месопотамцами», «носителями месопотамской цивилизации» и т.д. Общность «черноголовых» выделяла себя не по политическому критерию: («черноголовые» не так уж часто объединялись в границах одной державы), а по культово-ритуальному. Члены общин и родов, поддерживавших культ шумеро-аккадских божеств и

считавших своим главным общинным покровителем одно из них, относились к «черноголовым», остальные — нет. В свою очередь поддержание такого культа подразумевало в качестве своего неотъемлемого атрибута освоение и использование одного и того же культурного ядра, в том числе ритуалов на обоих языках, шумерском и аккадском, и шумеро-аккадской письменности (так называемой клинописи). Таким образом, общность «черноголовых» оказывалась этнокультурной общностью в современном понимании этого слова.

О том, какую важность придавали месопотамцы своей этнокультурной идентификации «черноголовых», независимо от каких бы то ни было политических границ, ярко свидетельствует пример знаменитых «Законов царя Хаммурапи», правившего всей Месопотамией. Во вступлении к этим «Законам» Хаммурапи объявляет себя правителем и заступником «черноголовых», после чего перечисляет множество подвластных ему городов. Однако, как выяснилось, в этот перечень включены далеко не все города, в действительности входившие в его империю, а те и только те, которые занимало шумеро-аккадское население, поддерживавшее культы соответствующих шумеро-аккадских богов; и в самом перечне рядом с каждым названным в нем городом упомянуты его шумеро-аккадский бог-покровитель и городской храм этого бога. Таким образом, внутри всего круга подвластных ему земель Хаммурапи выделяет шумеро-аккадский этноритуальный ареал и только его рассматривает как «свой» в точном смысле слова, а прочие свои владения даже не упоминает.

Общность «черноголовых» прошла долгий исторический путь, изобиловавший переменами. На рубеже III—II тысячелетий до н.э. аккадцы полностью ассимилировали шумеров; иными словами, шумеры перешли на аккадский язык. Однако бывшее разделение «черноголовых» на аккадцев и шумеров, как и разделение самой Нижней Месопотамии на шумерский юг и аккадский север, не прошли бесследно. Шумерский язык так и остался для всех «черноголовых» «мертвым» языком учености и ритуала, окруженным исключительным уважением. Нижняя Месопотамия сохраняла название «Шумер и Аккад», а потомки жителей шумерского юга Нижней Месопотамии рассматривались теперь как особый народ «приморцев» в составе общности «черноголовых».

Примерно в то же время, как уже говорилось, аккадоязычное население Нижней Месопотамии обособилось по диалекту от аккадоязычных насельников долины Среднего Тигра с центром в Ашшуре. Вскоре это обособление было закреплено политически: Нижняя Месопотамия оказалась прочно объединена вокруг Вавилона, а Ашшур оставался независимым от него. В результате к середине II тысячелетия до н.э. сами «черноголовые» делили себя на три народа: «ассирийцев», «аккадцев» (вавилонян) и «приморцев» — потомков аккадизированных шумеров крайнего юга Двуречья. В следующие несколько веков приморцы полностью слились с вавилонянами, так что в I тысячелетии до н.э. речь шла уже просто об «ассирийцах» и «вавилонянах». Последние следы былого этнотерриториального различия между шумерским югом и аккадским севером Нижней Месопотамии оказались окончательно стерты и забыты.

Хотя «черноголовые» выделяли себя в общность не по политическому, а по этнокультурному признаку, позднее они все же выработали особую концепцию, которая оформляла их уже сложившееся единство политически и территориально. Окончательно она сложилась на исходе III тысячелетия до н.э., при царях так называемой *III династии Ура* (см. ниже). С этого времени считалось, что шумеро-аккадский ареал образует прочное территориальное единство — страну «Шумер-и-Аккад», которую сами боги предназначили существовать под одной властью, в качестве особого царства. Отныне, если в Месопотамии наступала политическая раздробленность, это воспринималось как нечто недолжное, как временное бедствие, которому обязательно предстоит вновь смениться объединением, чуть только боги вернут свою милость стране в полном объеме.

Войны между разными царствами раздробленной Месопотамии и смена центров страны теперь понимались не как обычное противоборство разных государств, а как процесс перемещения единой государственности царства «Шумер-и-Аккад» от одной династии к другой: в ходе самого этого процесса такая государственность, разумеется, отсутствовала, однако она непременно должна была восстановиться в его результате. С XVIII в. до н.э. и до самого конца месопотамской истории столицей «Шумера-и-Аккада» практически неизменно был Вавилон, так что, говоря о событиях середины II—I тысячелетия до н.э., многие авторы называют это царство просто «Вавилонией».

Ассирийцы и вавилоняне

С XIV в. до н.э. описанное выше восприятие месопотамцами своей истории было осложнено тем, что на северном рубеже «Шумера-и-Аккада» (Вавилонии) появилась Ассирийская держава. Город-государство Ашшур, до сих пор рассматривавшийся как один из мелких периферийных центров ареала «черноголовых», объединил под своей властью обширные территории Верхней Месопотамии, превратившись таким образом в столицу нового могучего царства. Ассирия идентифицировала себя как особое, отдельное от «Шумера-и-Аккада» геополитическое целое, но претендовала на объединение с ним под эгидой ассирийских царей. Повторявшиеся в течение многих сотен лет ассиро-вавилонские войны, вызванные этими претензиями, не приводили к сколько-нибудь прочным результатам и закончились лишь с гибелью Ассирии. За это время ассирийцы перепробовали множество способов удержания Вавилонии под своей властью: от прямой аннексии до создания особого автономного Вавилонского царства в составе Ассирийской державы (престол его обычно предоставлялся одному из ассирийских царевичей), — но так и не смогли добиться покорности от вавилонян. В конце концов Вавилония, восстав против Ассирии, уничтожила ее (конец VII в. до н.э.) и осталась единственным государством «черноголовых» — однако ненадолго: в 539 г. до н.э. ее завоевали персы, и с тех пор Месопотамия оставалась частью иных держав — Персидской империи и ее геополитических преемников.

Этнокультурная общность «черноголовых», утратив свою независимую государственность, продолжала существовать еще несколько веков. Ее история завершилась арамейской ассимиляцией «черноголовых». Арамеи (древние «сирийцы», как их называли греки; не путать с современными сирийцами-арабами) — один из крупнейших семитских народов античного Востока, расселявшийся в Месопотамии еще с начала I тысячелетия до н.э. С гибелью Ассирии значительная часть общности «ассирийцев» была вырезана, а остаток стремительно арамеизировался.

После персидской аннексии Вавилонии и ее аккадоязычное население стало довольно быстро ассимилироваться арамеями, утрачивая свой былой язык, письменность и

многие культурные ценности. Уже к концу I тысячелетия до н.э. лишь часть населения крупнейших городов говорила по-аккадски и практиковала шумеро-аккадские ритуалы. Около рубежа эр и она оказалась ассимилирована арамеями, а оба ее языка, шумерский и аккадский, а также ее письменность — клинопись — окончательно вышли из употребления. Так завершилась история народа «черноголовых» и цивилизации Древней Месопотамии.

От понятия «Шумер и Аккад» к понятию «Месопотамия»

К середине I тысячелетия до н.э. Нижняя Месопотамия стала устойчиво именоваться «Вавилонией», а Верхняя — «Ассирией» (так как ассирийцы завоевали Верхнюю Месопотамию и прочно ей владели). Оба эти термина в соответствующих значениях (с некоторыми вариациями в проведении рубежа между ними) употребляли и греческие ученые. Но при этом термин «Ассирия» в античном словоупотреблении часто распространялся и на земли, лежащие к западу от Евфрата до Средиземного моря. Внутри территории этой «расширенной» Ассирии географам необходимо было различать обе части земель, разделенные Евфратом. В результате первую из указанных частей греческие географы стали называть «Сирией» (редуцированный вариант названия «Ассирия»), а вторую — «Месопотамией».

Таким образом, сперва термин «Месопотамия» относился только к Верхнему Междуречью. Кроме того, в древнееврейском языке существовал термин «Нахараим», дословно «Страна двух рек» (русский синоним этого названия «Двуречье»). Так древние евреи называли Верхнюю Месопотамию. Греческий термин «Месопотамия» (Междуречье) оказывался тем самым синонимичен по охвату библейскому «Нахараим» (Двуречье).

Наконец, в начале нашей эры римские географы Плиний и более поздние ученые распространили термин «Месопотамия» и на Нижнюю Месопотамию (Вавилонию), закрепив тем самым географическое понятие «Месопотамия» в современном смысле этого слова. Точно так же современное русское понятие «Двуречье» охватывает всю Месопотамию.

Периодизация истории Месопотамии

История Древней Месопотамии охватывает несколько тысячелетий, и в ней невозможно ориентироваться, не представляя себе заранее ее периодизации. В общей сложности, в истории Месопотамии выделяются следующие эпохи.

Время VI — начало IV тысячелетия до н.э. падает на период становления и развития так называемой *убейдской археологической культуры* (названа так по поселению эль-Убейд в Ираке близ Ура, где были когда-то раскопаны характерные для этой культуры памятники). Носители убейдской культуры строили города и храмы, и единственное, чего им не хватило для признания современной наукой первой месопотамской цивилизацией, — это открытия письменности. Убейдская культура охватывала как юг, так и север Месопотамии, а также ее восточные окраины. Вопрос об этнической принадлежности людей убейдской культуры сложен и не решен до конца.

Большая часть IV тысячелетия до н.э. образует эпоху так называемой *культуры Урук*. Характерные для нее памятники были обнаружены в соответствующих слоях городища Урук и отличаются от убейдской культуры керамикой и характером погребений. Кроме того, в тот период зафиксированы первые памятники месопотамской письменности — хозяйственные документы на глиняных табличках, представляющие наиболее раннюю, пиктографическую (рисуночную) стадию письма на шумерском языке. Архив этих документов найден на самом городище Урук. Носители культуры Урук были несомненно шумерами.

Вслед за эпохой Урук археологи выделяют эпоху **Джемдет-Наср** — конец IV тысячелетия до н.э., названную по имени еще одного городища, где обнаружен более поздний архив табличек, демонстрирующих дальнейшее развитие рисуночной письменности. Иногда эпохи Урук и Джемдет-Наср объединяют в «Протописьменный период».

С переходом от пиктографии к полноценной системе словесно-слоговой письменности и рядом других перемен в материальной культуре и социальной жизни начинается следующий, **Раннединастический период** истории Месопотамии (конец IV тысячелетия до н.э. — XXIV в. до н.э.). Это было время существования шумерских городов-государств. Именно в Раннединастический период наряду с шумерами вторым

компонентом населения Нижней Месопотамии оказываются восточные семиты — аккадцы. По археологическим критериям Раннединастический период подразделяется на три этапа: начало III тысячелетия, вторая его четверть и середина — третья четверть III тысячелетия до н.э. Грань первого и второго из них образует грандиозное наводнение, навеки оставшееся в памяти месопотамцев — так называемый «*Великий потоп*» (ок. 2950 г. до н.э.).

В конце XXIV в. до н.э. вся Нижняя Месопотамия впервые оказывается объединена в империю с неограниченной властью царя — деспотию. Эта империя была создана *династией Аккада* (XXIV—XXII вв. до н.э.) и восстановлена так называемой *III династией Ура* (конец XX—XXI в. до н.э.). Державу Ура сокрушило около 2003 г. до н.э. нашествие новых семитских кочевников — амореев. Ее государственность пыталась продолжать *I династия Иссина* (2017—1794 г. до н.э.), однако большая часть страны вскоре вышла из-под ее контроля, и Месопотамия распалась на множество царств. Время правления «*имперских*» династий Аккада и Ура объединяют в период первых централизованных деспотий в Двуречье (ок. 2316—2003 гг. до н.э.).

Новое объединение Месопотамии осуществил лишь к середине XVIII в. до н.э. знаменитый вавилонский царь *Хаммурапи*, сам происходивший из аморейской династии. Время правления этой династии в Вавилоне рассматривается как особый, *Старовавилонский период* в истории Двуречья (1895—1595 гг. до н.э.). После нее власть над Вавилонией перешла к династии из пришлого народа горцев-касситов; ее правление образует следующий, *Средневавилонский период* (ок. 1595—1150 гг. до н.э.). Касситскую династию низвергло нашествие других горцев — эламитов, жителей Юго-Западного Ирана, и время с конца II тысячелетия до 539 г. до н.э. — года персидской аннексии Вавилонии — ученые рассматривают как *Нововавилонский период*. Стоит отметить, что крайний юг Нижней Месопотамии, заселенный потомками аккадизированных шумеров, нередко обособлялся от властей, сидевших в Вавилоне (в частности, при так называемой династии Приморья, 1722—— ок. 1460 гг. до н.э.).

Еще в то время когда в Вавилоне правили касситы, в XIV в. до н.э., город-государство Ашшур, лежавшее на крайней северной периферии шумеро-аккадского ареала, подчи-

нило обширные окрестные территории и превратилось в могущественную Ассирийскую державу. Дальнейшую историю этого царства, вплоть до его уничтожения Вавилоном и его союзниками в конце VII в. до н.э., делят на **Среднеассирийский** и **Новоассирийский периоды**, гранью которых служит нашествие на Месопотамию очередной волны семитских кочевников — арамеев, состоявшееся на рубеже XI—X вв. до н.э.

МЕСОПОТАМИЯ ОБЩИН И ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ (VI ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ — XXIV в. до н.э.)

Заселение Месопотамии. Убейдцы-субареи

В низовья Тигра и Евфрата человек проник довольно поздно — в VI тысячелетии до н.э., в эпоху развитого неолита. Первыми насельниками Южного Двуречья были субареи — выходцы с северо-востока, из предгорий Загросского хребта. К концу VI тысячелетия они освоили болотистый край вплоть до «Горького моря» и основали здесь древнейшие известные нам огражденные поселения Месопотамии — протогорода. Нижнемесопотамские субареи создали особую, убейдскую археологическую культуру, существовавшую в V — начале IV тысячелетия до н.э. («убейдское тысячелетие»). Убейдцы владели навыками выплавки и обработки меди (соответствующие термины были позднее переняты от убейдцев шумерами) и весьма быстро расселились на огромных просторах от Центрального Загроса через Верхнюю Месопотамию и Сирию до Средиземного моря, а также до Северо-Восточной Аравии, включая Бахрейн.

Кем же были носители убейдской культуры? Многие авторы считают их шумерами. Однако, во-первых, они различались керамическими стилями и характером погребений, что обычно связано с приходом нового этноса. Во-вторых, в шумерском языке обнаружены заимствования из какого-то более древнего языка: это некоторые термины ремесла, имена (в том числе имена богов), получившие названия «банановых», так как по структуре они напоминают английское слово banana. Таковы, например, имена богов Алалу, Кубаба, Забаба и др. «Банановые» имена были распространены у людей, живших к

северу от Шумера, в стране, именовавшейся «Субар» (где тоже была распространена убейдская культура), а богов с «банановыми» именами почитали впоследствии по всей Передней Азии как древнейших. Наконец, сами шумеры считали, что их история началась некогда с двух общин — «Эреду» и «Субар». Отсюда следует, что убейдская культура принадлежала особому народу, который говорил на «банановом» языке и являлся предшественником шумеров в Нижней Месопотамии.

Исследователю месопотамской культуры убейдцы запоминаются первыми, еще очень примитивными доспехами в виде кожаных перевязей с нашитыми на них медными бляхами и странными островерхими шлемами или масками, закрывающими все лицо и имитирующими морды рептилий с удлиненным, полого уходящим назад навершием. Такие маски носили вожди или жрецы убейдцев. Несмотря на успехи в развитии ремесел и строительстве храмов, ни серьезного процветания, ни великого могущества убейдцы так и не добились, поскольку еще не умели проводить крупномасштабных ирригационных работ. Без таких работ в Месопотамии нельзя было добиться больших урожаев, а без них невозможно было достичь такого уровня хозяйства и накопления запасов, который позволил бы ускоренно развивать культуру, содержать властную верхушку или требовал бы появления письма для хозяйственного учета. В результате убейдцы так и не вышли за рамки первобытнообщинного строя. В то же время убейдские представления о богах оказались очень авторитетны для их соседей и преемников.

Шумерская загадка

Одна из традиционных загадок востоковедения — вопрос о прародине шумеров. Он остается не разрешен до сих пор, так как язык шумеров пока не удалось надежно связать ни с одной из известных ныне языковых групп, хотя кандидатур на такое родство предлагалось множество, включая тибето-бирманские и полинезийские языки, причем при всей кажущейся фантастичности последней версии она лучше других подкреплена языковым материалом. Существует шумерский миф о происхождении всего человечества с острова Дильмун (совр. Бахрейн). Согласно этому мифу, здесь в начале времен располагалось нечто вроде библейского рая, и жили первопродки всех живых существ, включая людей.

Одно время ученые стремились усмотреть в этом мифе следы глухих воспоминаний шумеров об их переселении в Месопотамию именно из региона Бахрейна. Однако более тщательный анализ показал, что оснований для такой интерпретации нет: шумерская мифология видит в Дильмуне прародину всех живых существ, а не специально шумеров, и этот сюжет принадлежит к числу общих космогонических мифов о начале мира и времени, а не к собственно шумерским историческим воспоминаниям о маршруте их движения в Месопотамию.

Более надежную нить дают нам шумерские тексты III тысячелетия до н.э., повествующие о контактах шумеров с далекой страной Аратта в центральной части Ирана в районе современного Йезда. По этим текстам выходит, что в Аратте почитают шумерских богов и носят шумерские имена, а может быть, и говорят на их языке. Не следует ли искать здесь след переселения шумеров в Месопотамию с востока, через Иран? Тогда одним из районов оседания шумероязычного населения вдоль этого пути и явилась бы Аратта. С этим предположением мы возвратились бы к старым гипотезам ученых конца XIX в., которые и считали версию об «иранском» маршруте шумеров наиболее вероятной.

Формирование шумерской общности на территории Нижней Месопотамии ограничило субарейскую ойкумену полосой земель вдоль Верхнего Тигра, северного и центрального хребта гор Загроса. Все это обширное пространство и именовалось впоследствии «страной Субар» (аккад. «Субарту», «Шубарту»). После бурных политических и военных потрясений местные субареи на рубеже III—II тысячелетий до н.э. были ассимилированы северо-восточными соседями, горцами-хурритами; на них с тех пор и перешло в месопотамских источниках название «субареи» («шубареи»).

Начало эпохи Урук. Ниппурский номовый союз

В начале IV тысячелетия до н.э. в Нижней Месопотамии расселяется новая народность — шумеры; с их приходом археологическая культура Убейд сменяется в Нижней Месопотамии культурой Урук. Судя по позднейшим воспоминаниям шумеров, первоначальным центром их поселения был город Эреду, т.е. район в самом низовье Евфрата, в те времена отнюдь не са-

мый подходящий для обитания на юге Двуречья; видимо, пришельцам было далеко до того, чтобы силой диктовать условия аборигенам. И действительно, шумеры не вытеснили нижне-месопотамских убейдцев, а смешались с ними и ассимилировали их, переняв от них многие ремесла и искусства. Свидетели этому — слова не шумерского корня, относящиеся к этим сферам и перешедшие в шумерский язык. Городские поселения и храмовые здания периода Урук продолжают постройки предыдущей убейдской эпохи, так что приход шумеров был мирным и носил характер подселения в уже существующие центры.

Шумеры эпохи Урук объединялись в крупный общинно-племенной союз, который охватывал почти всю Нижнюю Месопотамию. Центром союза являлся Ниппур (сейчас это арабская деревушка Ниффер в Ираке) — протогород, лежавший как раз в срединной части Нижней Месопотамии. В Ниппуре поддерживался культ верховного общешумерского бога Энлиля (шумер. «Владыка Воздуха» или «Дыхания») — главный культ всего союза, скреплявший его воедино. Каждая отдельная община или группа общин, входившая в союз, занимала небольшой участок бассейна Южного Двуречья с центром в относительно крупном городском поселении, к которому тяготели ближайшие мелкие пункты; их жители входили в единое общинное образование с обитателями центрального поселения. Такие общинно-территориальные объединения в науке принято называть номами (греч. *ном* — «область», административно-территориальная единица).

Именно в центральном поселении, будущем городе, располагалось главное «учреждение» всего нома — храм его главного бога-покровителя. В каждом номе эту роль исполняло одно из божеств шумерского пантеона (включая вошедших туда субарейских богов). При его храме существовало и хранилище номовых запасов зерна и ремесленных изделий. Здесь же проводились сходки общинников и жили представители номовой верхушки — старейшины и вожди. Храмы отправляли особых торговых агентов общины, тамкаров, в чужеземные страны вести внешнюю торговлю, обменивая часть общинных запасов на то, чего в самой Месопотамии не хватало, прежде всего на металлы и лес, а заодно и на рабов.

Как видно, шумерское объединение этого времени представляло собой мощное образование, сравнимое по уровню государственного развития с мезоамериканскими державами,

основанными племенными союзами (ацтекской, тольтской и др.). Внутренняя эксплуатация в шумерских общинах в тот период практически отсутствовала. Ирригационными работами занимались по повинности свободные общинники; организовывала эти работы номовая верхушка, что, разумеется, укрепляло ее влияние и полномочия в той самой мере, в какой росли масштабы и значение самой ирригации. Однако руководители номовой общины — главный судья, старшая жрица, старшина торговых агентов-тамкаров и особенно верховный жрец-прорицатель — наделялись более обширными участками земли, чем рядовые общинники, и были освобождены от любых общинных работ: их занятием считалось само руководство общиной и осуществление ритуалов.

«Колониальная система» эпохи Урук

О единстве и могуществе шумерского союза можно судить по яркому факту так называемой «колониальной экспансии» шумеров в эпоху Урук. В середине — второй половине IV тысячелетия до н.э. однотипные шумерские колонии возникают во владениях чужеземных племен в долине Верхнего и Среднего Евфрата и в Юго-Западном Иране (в Сузах), на огромных по тому времени пространствах, и выступают там центрами военного и торгового доминирования пришельцев-шумеров. Несомненно, вслед за «снабженцами»-тамкарами приходили воины. Создание и защита таких колоний вдалеке от Шумера было бы совершенно недостижимым делом для отдельных первобытных общин и даже для их примитивных союзов: оно требовало наличия всешумерского политического единства, чья верхушка уже отделилась бы от рядовых общинников и располагала немалой властной мощью.

И действительно, судя по погребениям, в эпоху Урук у шумеров уже выделилась властная и богатая правящая элита. Появились и рабы из числа военнопленных или купленных в чужеземных краях. Наконец, возникла развитая пиктографическая письменность, служившая прежде всего целям хозяйственного учета; документы, исполненные этим письмом, обнаружены и в шумерских колониях. Все это стало возможным и необходимым только благодаря хозяйственному расцвету эпохи Урук, основанному на впервые осуществленной тогда высокоразвитой ирригации.

«Великий потоп»: мифы и реальность

Приблизительно на рубеже IV—III тысячелетий до н.э. шумеры овладели производством бронзы и перешли от пиктографии к словесно-слоговой письменности. С этого времени археологи начинают отсчет Раннединастического периода, первый этап которого около 2900 г. до н.э. был прерван гигантским наводнением. События, последовавшие за эпохой Урук, до сих пор остаются для науки не вполне ясны. В конце IV тысячелетия до н.э. шумерские колонии внезапно перестают функционировать, шумеры теряют свои внешние владения, и наступает новая археологическая фаза — культура Джемдет-Наср. Жители же Месопотамии навсегда запомнили важнейшую веху своей древнейшей истории — «Всемирный потоп».

Когда почти тысячелетие спустя при дворах правителей вырабатывалась сводная версия истории страны, ее создатели рисовали дело так. Впервые государственность («царственность») была дарована шумерам с неба, самими богами, и опустилась в город Эреду. Позднее «царственность» перешла к другим центрам, в том числе городу Шуруппак. Затем боги решили уничтожить всех людей, наслав на землю чудовищное наводнение. Характерной чертой месопотамской традиции было то, что потоп она рассматривала не как кару богов за какую-либо вину, а как дело чистой прихоти: «богов великих потоп устроить побудило их сердце».

Лишь добрый бог Энки (владыка пресных подземных вод, хранитель благодетельной мудрости и наставник людей) решил спасти хотя бы одного человека; он избрал праведника Зиусудру, правителя Шуруппака, открыл ему будущее и посоветовал построить ковчег и спастись в нем. Шестидневное наводнение уничтожило всех людей, кроме Зиусудры, — «все человечество стало глиной». Зиусудра в своем ковчеге причалил к высокой горе, а потом дал начало новому человечеству. В конце концов благой Эа даровал Зиусудре, одному-единственному среди всех людей мира, еще и бессмертие во плоти. После потопа «царственность» была вновь спущена с неба к размножившимся людям Нижней Месопотамии; на этот раз ее первым центром стал Киш, а потом она переходила к другим шумерским городам.

Итак, шумерская традиция твердо выделяет две фазы истории страны: до некоего катастрофического «потопа» и после него, когда история Двуречья как бы получает второе начало. Шумерские

династийные списки отражают то же представление, включая как «допотопные», так и «послепотопные» династии разных городов и отмечая потоп как разделяющую их грань. При этом «послепотопные» династии доводятся в списках до бесспорно исторических и надежно датированных событий, что позволяет нам рассчитать то время, на которое шумеры помещали свой «потоп».

Правда, в шумерских списках десятки «послепотопных» царей получают, из уважения к их древности, фантастические сроки правления во многие тысячи лет. Но пересчитывая их сообразно реалистической продолжительности царских правлений и уточняя эти расчеты известными синхронизмами этих царей друг с другом, можно получить довольно точную датировку «потопа» как вехи месопотамской династийной истории: она приходится примерно на XXX в. до н.э.

С другой стороны, приблизительно на тот же период приходится грань первого и второго этапов *Раннединастического периода*, когда, как известно со времен раскопок Леонарда Вулли в Ираке (начало XX в.), Нижнюю Месопотамию постигло невиданное наводнение. Археологически оно отражается в виде разделяющей культурные слои прослойки глины, образовавшейся из отложенного водным разливом ила; такие слои, достигающие солидной толщины, обнаружены сразу в нескольких месопотамских городах на глубине, отвечающей интересующему нас времени. Речь идет, таким образом, об особенно мощном наводнении, затронувшем большую часть Нижней Месопотамии; это и есть «Великий потоп», помещаемый примерно на то же время шумерскими списками царей.

«Допотопная эпоха» этих списков отвечает, таким образом, первому этапу Раннединастического периода, а послепотопная — следующим. При этом обе эпохи, согласно шумерской традиции, оказываются эпохами раздробленности, перехода гегемонии от одного центра к другому. Иными словами, о былом могуществе Ниппурского общинного союза шумеры ничего не помнили и начинали отсчет своей древнейшей, «допотопной» эпохи с более позднего времени, когда этот союз уже распался!

На пути к шумеро-аккадскому симбиозу. Культура Джемдет-Наср

Первые же «послепотопные» письменные источники, доступные нам (вторая четверть III тысячелетия до н.э.), рисуют

Шумер раздробленным на множество независимых номовых государств и при этом показывают повсеместное присутствие бок о бок с шумерами нового, восточnoseмитского этноса, представители которого входят в те же общины и государства, что и шумеры, и поддерживают вместе с ними культы шумерских божеств, которых они отождествили с собственными (так что многие из этих божеств получили в итоге двойные имена, шумерское и аккадское). Никакого противопоставления шумеров и аккадцев как одного, прошлого народа, другому, аборигенному, мы в этих письменных источниках не находим — очевидно, приход аккадцев в страну состоялся задолго до их составления, так что все следы подобного противопоставления успели исчезнуть.

Сводя все это воедино, надо, вероятно, заключить, что былой общинный союз шумеров эпохи Урук утратил свои внешние владения, а потом и вовсе распался под напором расселения восточных семитов — аккадцев из Северной Аравии (на поселениях фазы Джемдет-Наср действительно нередко встречаются следы жестоких военных разрушений). Наступившая стадия раздробленности соответствует первому этапу Раннединастического периода — «допотопному времени», самой древней эпохе, удержавшейся в исторической памяти шумеров; тогда-то и начал осуществляться шумеро-аккадский симбиоз.

Этот этап подытожило великое наводнение — «потоп», после которого семиты и шумеры уже безоговорочно сосуществуют как единый народ. В самом деле, поднимать после катастрофы страну им приходилось вместе. Восточные семиты усвоили более высокую шумерскую культуру, включая письменность, и к середине III тысячелетия до н.э. образовали с шумерами тот самый двуединый и двуязычный суперэтнос «черноголовых», о котором говорилось выше. Это не мешало проявляться элементам неравенства в положении обоих его этносов: почти все цари месопотамских городов-государств III тысячелетия до н.э. принадлежали к этнически шумерским династиям, а значительные и официальные тексты составлялись именно на шумерском языке.

«Они писали на глине»

Месопотамская клинопись заслуживает отдельного разговора. В эпохи Урук — Джемдет-Наср, как уже упоминалось,

это была пиктография, созданная шумерами. Напомним, что от полноценной письменности пиктография отличается тем, что первая фиксирует определенную речь, а вторая — только определенную информацию, которую можно передавать различными речевыми конструкциями: содержание рисунков можно пересказывать разными словами без изменений смысла, знаки же подлинного письма точно фиксируют определенные слова в определенных формах и последовательности. Шумерское рисуночное письмо было совершенно одинаковым в северных и южных районах Нижней Месопотамии; это значит, что его разработали в одном центре, столь авторитетном, что разные месопотамские общины заимствовали его оттуда в неизменной форме. Центром этим был, разумеется, *Hunnur* — столица всешумерского общинно-культурного союза эпохи Урук, и мы едва ли ошибемся, предположив, что шумерская пиктография была оформлена в ниппурском храме Энлиля в ходе целенаправленной работы по созданию новых методов хозяйственного учета и руководства (напомним, что храмовые хозяйства были крупнейшими в тогдашней Месопотамии, а из них самым большим, бесспорно, должен был располагать ниппурский храм Энлиля).

Каждая пиктограмма обозначала предмет либо некое понятие, заданное этим предметом. Так, зачерненный небосвод мог обозначать и ночь, и темноту, и болезнь, а гора — и гору, и чужеземную страну, и раба как выходца из чужеземной страны. Через некоторое время такие пиктограммы стали использовать для «ребусного» письма: например, рисунок тростника (шумер. *gi*) стал применяться для обозначения слова «возвращать» (шумер. *gi* с другой интонацией); кроме того, любой знак, изображающий какой-то предмет, мог передавать слог или группу слогов, совпадающие со звучанием названия этого предмета или хотя бы напоминающие это звучание, т.е. приобретал фонетическое значение (и не одно). Так знаки рисуночного письма становились слоговыми знаками и могли тем самым применяться для передачи служебных частей речи, грамматических показателей и вообще любых звукосочетаний, т.е. для фиксации речи. В итоге тот или иной знак мог иметь по несколько словесных и звуковых (слоговых) значений, а также употребляться как детерминатив — нечитаемый знак, обозначающий смысловую категорию, к которой относится слово, передаваемое предшествующими или последующими

знаками и тем облегчающее его чтение. Например, перед передачей собственных мужских имен месопотамцы ставили знак «мужчина», чтобы показать, что далее следует мужское имя. Все это придавало письму громоздкий и сложный характер.

Когда система такого употребления знаков приняла устойчивый и всеобъемлющий характер и одновременно схематизировалось и упростилось их начертание (так что опознать в знаке какой-либо предмет было уже нельзя), пиктография окончательно превратилась в настоящую письменность, известную уже в *Раннединастический период*.

Письменность Двуречья называют клинописью, поскольку месопотамцы писали на сырой глине пером-палочкой из тростникового стебля с треугольным сечением: такие перья оставляют клинообразные оттиски. Для сохранности глиняный документ могли обжигать.

С середины III тысячелетия до н.э. шумерское письмо стали все чаще применять для аккадоязычных текстов (хотя оно было не очень приспособлено к аккадской фонетике). В начале II тысячелетия до н.э. потомки шумеров полностью перешли на аккадский язык, но образованные люди продолжали учиться шумерскому языку и умению писать и читать по-шумерски вплоть до конца месопотамской истории, прежде всего как «высокому» языку ритуала (некая аналогия — роль латинского языка в средневековой Европе).

В письменности Месопотамии в каждый период времени насчитывалось около 400 различных знаков (набор и начертание их менялись от эпохи к эпохе). При желании можно было обойтись и 70—80-ю, а такое количество знаков мог выучить почти каждый. Поэтому грамотность была распространена среди месопотамцев очень широко; некоторые ученые считают, что в эпохи процветания страны большинство взрослых свободных месопотамцев были в какой-то мере грамотны, хотя писали с ошибками, да и прочесть могли далеко не всякий текст. Грамотность была окружена во всех слоях населения Двуречья большим почетом. Приведем отрывки ее восхваления из шумерского текста:

Грамотейная мудрость — мать словам, отец мастерам.
Грамотейную мудрость осилишь не разом, а осилишь —
не пожалеешь.
Грамотейную мудрость постичь старайся — прибылью тебе
обернется.

Грамотейная мудрость — добрый удел, изобилие и богатство.
В детстве твоём она тебя злила, по возмужании тебе понравится.
Язык шумерский изучать, слова высокие изучать,
на памятниках писать, поля вымерять, задачи решать,
во дворце служить — вот она, грамотейная мудрость!
Писец-грамотей — её слуга, труды писца — для неё.

РАННЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ШУМЕРА. РАСЦВЕТ И ЗАКАТ НОМОВЫХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ

В Раннединастический период территория Шумера представляла собой конгломерат множества «номов» или, как раньше выражались ученые, городов-государств, которые уже к середине III тысячелетия до н.э. превратились в четко выраженные классовые общества с утвердившейся государственностью. Наиболее ярким внешним проявлением этого стал рост монументального строительства: в первые века III тысячелетия до н.э. номовые центры обносятся оборонительными стенами и принимают законченный вид «города» (отсюда и определение государственного образования по главенствующему центру как города-государства).

Разумеется, община сохраняла важнейшее значение, но над ней выросла независимая от нее управляющая иерархия (т.е. собственно государство), которая своей властью налагала на общину повинности и выводила на войну ее ополчение. Номовое государство унаследовало многие черты первобытной общинной демократии, кроме главнейших из них — выборности и сменяемости «снизу» членов правящей верхушки, а также необходимой роли народного собрания в принятии важных решений. Регулярные налоги с общинников, однако, еще не собирались.

В номах развивалась как государственная, так и частновладельческая эксплуатация, в результате чего сложилась общественная верхушка — знать, которая сосредоточила в своих руках за счет этой эксплуатации подавляющую часть богатств и громадное влияние, что позволяло подчинять себе все общество. Складывалась эта верхушка прежде всего из состоятельных людей, занимавших высшие административные должности, и членов их родов. В их число входили сам верховный правитель, верхи административного

аппарата, военачальников и храмового персонала, а также совет при правителе, наследник былых советов общинных старейшин, который превратился теперь в главный оплот знати и существенно ограничивал реальное могущество правителя.

Представители правящей верхушки, жившие в центре нома — городе, по должности осуществляли государственную эксплуатацию населения, что позволяло извлекать из нее собственную выгоду, но они же, благодаря своему богатству и влиянию, обладали наибольшими возможностями и в сфере эксплуатации частной (прежде всего путем втягивания рядовых общинников в долговую кабалу). Крупнейшими собственниками земли выступали храмы. Кроме того, отдельные семьи могли покупать и продавать свою землю в пределах общины, что в условиях бурной имущественной дифференциации создавало благоприятные возможности для концентрации земель в руках богатых и знатных людей.

К середине III тысячелетия при правителе уже существует многочисленное (до прибол. 5 тысяч человек) постоянное войско, содержащееся за его счет и вооруженное гораздо лучше, чем общинное ополчение. Войско состояло из тяжеловооруженных пехотинцев и четырехколесных колесниц, запряженных дикими ослами (лошадей тогда в Месопотамии еще не знали).

Социально-политическая история Раннединастического периода заключалась во все нараставшей борьбе между отдельными номовыми государствами за гегемонию, а также в постепенном развитии противостояния между правящей верхушкой, приобретающей устойчиво наследственный, аристократический характер, и основной массой общинников, которая подвергалась все более тяжелым повинностям и податям со стороны государства в целом и в то же время существовала под извечной угрозой (из-за военного разорения, долгов и т.д.) утраты собственной земли и превращения в зависимых работников чужого хозяйства, храмово-государственного или частного (т.е. принадлежавшего, как правило, члену той же правящей верхушки). Эти два процесса переплетались и привели в конце концов к крушению «номового» аристократического строя в Шумере и формированию централизованной общемесопотамской деспотии, опиравшейся на военно-служилую прослойку, где вопросы происхождения особой роли не играли.

Социальная структура Шумера и рост рабовладения

В целом, в номах Шумера выделялись три основные социальные группы: господствующий класс (прежде всего правящая верхушка и в значительно меньшей степени частные лица, добившиеся богатства и влияния, но не причастные к высоким должностям), рядовые общинники, объединенные в территориальные общины, где наделы распределялись между большими семьями, и, наконец, рабы и зависимые люди: этот слой комплектовался из военнопленных, а также изгоев и обедневших общинников, оторвавшихся от своей земли и втянутых в зависимость от власть имущих людей.

Эксплуатация была представлена двумя основными формами. В крупных хозяйствах, принадлежавших храму, правителю, членам правящей верхушки и богатым частным лицам, гнули спину работники различных сословий, как рабы, так и не рабы, но, как правило, не имевшие своего хозяйства, а работавшие бригадами за паек и сдававшие все произведенное владельцам имений.

Рабы и большинство не-рабов свободно покидать хозяйство не могли. Именно эта форма эксплуатации обеспечивала господствующий класс большей частью его богатств. Поэтому шумерское общество нередко определяется как рабовладельческое, ибо подневольный работник, получавший за свой труд паек, но не имевший в распоряжении или пользовании своего надела, по своему месту в производстве оказывается подобен классическому античному рабу, к какому бы сословию он не принадлежал.

Второй главной формой эксплуатации была выдача государством или отдельными лицами части своих земельных владений в виде небольших наделов мелким производителям — от зависимых и закабаленных людей или рабов до свободных арендаторов; такие производители вели свое хозяйство на выданных им наделах, часть произведенного отдавали тому, на чьей земле сидели, а сами жили на остаток.

Власть и правитель в городах Шумера

Организационным центром государства в Шумере первоначально был храм бога-покровителя соответствующей об-

щины, а во главе государства стоял наследственный правитель — верховный жрец этого храма с титулом «эн» («господин»). При нем существовал небольшой административный аппарат и постоянная вооруженная сила (то и другое из храмового персонала и личных слуг) — зачатки служилой знати и регулярной армии. Власть «эна» была существенно ограничена советом, а в меньшей степени народным собранием свободных общинников, быстро терявшим в силе. Власть «эна» осмыслялась как общинная: его авторитет покоился на том, что он руководил общинным культом.

К середине III тысячелетия до н.э. обозначение «эн» выходит из употребления и заменяется шумерскими титулами «энси» («жрец-строитель», «градоправитель») и «лугаль» (досл. «большой человек», «царь», аккадский эквивалент — «шарру»). Появление последнего титула отражало новый этап развития государственности, а именно формальную утрату общиной контроля над правителем.

Например, правители нарекали себя «лугалями» в качестве военных предводителей, с некоторого времени командовавших войсками помимо общинного контроля (порой этот титул присваивался военному вождю на сходке самих воинов); так же титуловали себя правители, сумевшие добиться формального признания своей гегемонии со стороны других номов. Таким образом, во всех случаях титул «лугаль» передавал верховную единоличную власть правителя, основанную на военно-бюрократической силе, прямой командной иерархии вне рамок общинных структур, над кем бы такая власть не осуществлялась — над своими войсками или над соседними номами. В конце III тысячелетия до н.э. с созданием централизованных деспотий этот титул воплощает высшую власть уже применительно ко всему населению страны и употребляется на протяжении всей месопотамской истории в значении «царь, автократор». (Практически полную аналогию составляет история европейского титулования «император».)

Правители, не пытавшиеся демонстративно поставить себя над общиной и по-прежнему считавшиеся уполномоченными общинных структур, ограничивались титулом «энси» (аккадская форма — «ишшиакку»). Однако уже в середине Раннединастического периода почти во всем Шумере нормативным и необходимым статусом номового правителя стало

«лугальство» («царственность»). Наиболее детально поэтапное превращение общинного верховного правителя «энси» в надобщинного «царя» («шарру») прослеживается как раз на примере развития ассирийской государственности в XIV—XIII вв. до н.э.

Важность роли правителя месопотамцы видели не только (да и не столько) в выполнении им военных и административных функций, сколько в том, что он считался фокусом всей системы отношений между жителями нома и богами, от расположения которых полностью зависело процветание людей. Правитель предстательствовал и отвечал перед богами за люд своего государства; его первейшим делом было обеспечивать ему и, конечно, себе самому милость богов и отводить их гнев (в том числе изнурительными искупительными обрядами). Именно царь мог и должен был разузнавать волю богов и организовывать ее исполнение; для общества это было исключительно важно, поскольку, по его представлениям, окажись воля богов не исполнена людьми, ответный гнев богов обрушился бы на все общество — а без царя эту волю нельзя было толком и узнать. О великой важности царской власти месопотамский текст говорит так: «Боги еще не установили царя для народа, и тот словно шатался с затуманенным взором... Тогда царственность спустилась с неба». По-видимому, шумеры считали некоторые свои династии происходящими от богов.

Возвышение и низвержение Киша

Борьба между номовыми государствами Шумера в Раннединастический период имела характерные черты. Во-первых, отсутствовало стремление аннексировать владения других номов; война шла лишь за гегемонию, т.е. установление верховного контроля правителя одного нома над другими (ни на что иное у немногочисленной аристократической верхушки сил все равно не хватило бы). Во-вторых, шла своего рода «борьба за инвеституру» — склонность царей-гегемонов добиваться официального признания за ними этой гегемонии и титула «лугаль Страны» от Ниппурского храма Энлиля. В этом явлении следует видеть последний признак того, что владыки Шумера еще сохраняли какое-то представление о всешумерском — причем именно политическом — авторитете

храма Ниппура, имевшего право санкционировать за тем или иным правителем власть над всем Шумером, хотя авторитет этот восходил исключительно к общешумерскому единству эпохи Урук, о котором в Шумере «послепотопного» времени как раз ничего не помнили. Как видно, представление о том, что Шумер предназначен представлять собой некое единство, было живо на протяжении всего III тысячелетия до н.э. независимо от исторических воспоминаний, и единственным институтом, способным по праву выражать это единство и удостоверить приобщение к нему, считался Ниппурский храм.

Ни один центр не мог удержать гегемонии надолго. После «потопа» в Шумере существовало более десятка значительных городов-государств: Эреду, Ур, Урук, Лагаш, Умма, Ниппур, Киш и др. В первые века после «потопа» (примерно совпадающие со вторым этапом Раннединастического периода) гегемонию в Шумере удерживал Киш, располагавшийся на севере Нижней Месопотамии. В результате титул «лугаль Киша» даже приобрел смысл «гегемон всего Шумера» (тем более что он случайно оказался близок по звучанию выражению «повелитель (всех) сил, (всех) воинств»), и этот титул частенько присваивали себе позднейшие цари-гегемоны, из какого бы города они ни были.

Возможно, правители Киша первыми приняли титул лугалей. Об одном из них, Этане (XXVIII в. до н.э.) сложилось эпическое предание, повествующее о том, как он на божественном орле поднялся на небеса к богам, чтобы добыть себе «траву рождения» и обзавестись наследником. Стоит отметить, что современные ученые около столетия предполагали, что эта история закончилась трагически: якобы Этана, не достигнув небес, сорвался со страшной высоты и разбился насмерть (в тексте с необычайной экспрессией передан ужас Этаны при виде того, как по мере его вознесения к небесам земля, удаляясь от него, становится для его взора все меньше и меньше вплоть до полной неразличимости). Однако обнаружение ранее неизвестного фрагмента текста доказало, что финал этой истории был счастливым.

Один из преемников Этаны, кишский царь Эн-Менбаргеси — первый правитель, о котором мы знаем как по позднейшим династическим спискам, так и по его собственным памятникам. Он не только контролировал Шумер, но и направлял походы в край горцев-эламитов, обитателей Юго-За-

падного Ирана и более или менее постоянных соперников и врагов Месопотамии. Однако при его сыне Агге гегемонии Киша наступил конец (ок. 2600 г. до н.э.). Как сообщает шумерский былинный эпос, Агга приводит к покорности южношумерский город Урук, где недавно пришел к власти эн Гильгамеш, сын эна Лугальбанды; как видно, Гильгамеш отказал Кишу в повиновении. Совет старейшин Урука готов был покориться, но народное собрание провозгласило Гильгамеша своим лугалем, иначе говоря, признало над собой его личную власть помимо традиционных общинных институтов, и он решился оказать сопротивление. В ходе неудачной осады Агга был даже поражен богатырским видом Гильгамеша, а затем попал к нему в плен. Великодушный Гильгамеш освободил соперника, но верховная власть перешла от Киша к Уруку.

Гильгамеш и гегемония Урука

Гегемония Гильгамеша и его преемников на престоле Урука известна не только по эпосу, но и по документам из архива в городе Шуруппаке (времени правления упомянутых преемников, XXVI в. до н.э.). Как выясняется из них, урукские цари призывали на службу военные отряды из одних зависимых от них номовых царств и размещали их «чересполосно» по другим зависимым номовым царствам, создавая тем самым остроумную систему перекрестного контроля всей подчиняющейся их влиянию территории.

Гильгамеш, по-видимому, был на редкость незаурядным человеком и правителем. Основатель урукской гегемонии и строитель новых стен Урука, он стал героем множества необыкновенных преданий. Гильгамеш открыто шел наперекор великим богам и добивался успеха.

Общим мотивом для всех преданий о Гильгамеше является представление о том, что он желал и мог уподобляться богам. И действительно: не прошло и века после смерти Гильгамеша, как его, а вместе с ним и его отца Лугальбанду, включили в список шумерских богов (как свидетельствуют те же документы из архива Шуруппака; правда, богами они, как твердо считалось, стали только после своей смерти). Впоследствии оба они воспринимались в качестве полноправных богов подземного мира, причем Гильгамеш — как бог-судья в загробном царстве, милостивый к людям. Само происхож-

дение Гильгамеша тоже сочли божественным: его называли то сыном демона-инкуба и жрицы, то сыном Лугальбанды и богини Нинсун, причем заявлялось, что он был «на две трети бог, на одну человек», более великий, чем все люди. Шумерская былина о Гильгамеше обращается к нему так:

Чело его грозно — воистину так!
Гнев тура в очах — воистину так!
Милость в пальцах — воистину так!
Он ли не повергнет людей, он ли не вознесет людей?
Он ли с пылью не смешает людей?
Он ли не сокрушит враждебные страны?
Он ли не засыпет рва?
Он ли не обрубит нос тяжелой ладье?...
О Гильгамеш, верховный жрец-правитель Урука, хорошо петь
хвалебную песнь тебе!

I династия Ура

Около 2550 г. до н.э. гегемония у Урука была перехвачена династией Ура. Наиболее известным царем-гегемоном из Ура был Месанепада. В это время для Ура были характерны шахтные гробницы и одно уникальное погребение верховной жрицы-правительницы Пуаби; вместе с ней были похоронены десятки людей и животных. В склепе находились повозки, запряженные быками, вооруженные воины, магически охранявшие вход изнутри, женщины-служанки, в том числе некоторые с музыкальными инструментами. Две необычайно роскошные арфы, наряду со многими другими сокровищами, находились рядом со смертным ложем самой Пуаби. Все оказавшиеся в гробнице люди были умерщвлены при похоронах Пуаби, однако без всякого насилия; по-видимому, они были усыплены каким-то ядом и приняли его добровольно (вернее, «добровольно-принудительно»), смиряясь со своей судьбой и рассчитывая служить своей госпоже в загробном мире.

Погребение Пуаби, как и уверенность в посмертной божественности Гильгамеша, показывают, что шумеры Раннединастического периода отделяли посмертную участь своих правителей (точнее, наиболее замечательных из них) от участи всех прочих людей: первые еще имели шансы после смерти приобщиться к богам, вторые — нет.

Ур вскоре утратил преобладание над Шумером, однако позднее потомки Месанепады аннексировали Урук и перенес-

ли туда свою столицу. Уро-Урукское царство (XXV—XXIV вв. до н.э.) было, пожалуй, самым богатым месопотамским царством своего времени, хотя гегемонии в Шумере добивалось лишь однажды и на короткий момент — в конце XXV в. до н.э.

С развитием внешних контактов, укреплением царской власти и ростом номовых богатств войны внутри Шумера и на его границах лишь усилились. Гегемонии утверждались и рушились с невиданной ранее быстротой. В середине III тысячелетия до н.э. гегемонию над Месопотамией впервые стали захватывать, хоть и на короткое время, правители чужеземных городов, например, загросские и эламские. В свою очередь и Месопотамия стала порождать недолговечных «завоевателей мира».

Лугальаннемунду — забытый покоритель мира

Царь незначительного шумерского городка Адаба, Лугальаннемунду (около 2400 г. до н.э.) известен нам прежде всего по шумерским династийным спискам как эфемерный гегемон Нижней Месопотамии, успевший за время своего правления как добиться контроля над ней, так и навсегда утратить его в пользу соперников. Однако от Старовавилонского периода, на пятьсот лет более позднего, до нас дошла обширная литературная композиция, составленная в форме надписи Лугальаннемунду.

Надпись эта, принадлежащая по своим выражениям несомненно к Старовавилонскому периоду, а не ко временам своего номинального автора — Лугальаннемунду, — прославляет завоевательные успехи этого царя, который, если верить надписи, подчинил своей верховной власти чуть ли не весь известный шумерам мир. В тексте трижды повторяется перечень подвластных царю регионов, описывающий «против часовой стрелки» все непосредственно окружавшие Месопотамию страны от Кермана до Средиземного моря: «Горная страна кедра, Элам, Варахше, Гутиум, Субарту, Марту, Сутиум и Горная страна Эанны». Если верить этому перечню, то окажется, что Лугальаннемунду предпринимал почти такие же колоссальные завоевания (от Средиземного моря до Южно-Центрального Ирана), какие совершил впоследствии Саргон Аккадский, основатель первой централизованной деспотии в Двуречье.

Ученым это казалось совершенно фантастичным, а поскольку сам текст был действительно составлен старовавилонскими писцами, его и сочли затеянной ими историко-литературной фикцией, чем-то вроде попытки сочинить задним числом фрагмент своего рода «альтернативной истории» своей страны, в которой малозначительный царь оказался бы вознесен на мировой пьедестал. Выяснилось, однако, что географическое членение, отразившееся в приведенном выше перечне, — очень древнее, современное эпохе исторического Лугальаннемунду, тем более что вскоре после нее, но за несколько веков до творения старовавилонских писцов, это членение устарело и было напрочь забыто месопотамцами. Таким образом, «надпись» Лугальаннемунду хотя и является старовавилонской литературной обработкой, была без сомнения сочинена «по мотивам» подлинных, гораздо более древних сведений об этом царе, содержащих означенный перечень стран. Следовательно, в личности Лугальаннемунду следует признать действительного «миропокорителя» — первого из известных нам подобных владык в Месопотамии.

Ничего фантастического в этом на самом деле нет: история любого времени знает немало примеров невероятно масштабных и столь же эфемерных завоеваний (вспомним хотя бы Германариха, Аттилу и Святослава, не говоря уже о Наполеоне). Кстати, в следующем же веке после Лугальаннемунду сопоставимых результатов добивались и другие месопотамские правители — Лугальзагеси и Саргон, имевшие не лучшие «стартовые позиции», чем царь Адаба (см. ниже). «Мировое» могущество Лугальаннемунду бесследно кануло в прошлое так же быстро и неожиданно, как возникло, еще при жизни самого завоевателя; конечно, такие явления были возможны только в столь бурную и нестабильную эпоху «войны всех со всеми», какой были последние два века Раннединастического периода.

«Вселенная» шумеров

Шумеро-аккадская цивилизация Нижней Месопотамии существовала в далеко не «безвоздушном пространстве», заполненном периферийными варварскими племенами. Напротив, плотной сетью торговых, дипломатических и культурных контактов она была связана с другими цивилизационными

очагами в единую великую ойкумену, простиравшуюся от Кипра и Сирии до Амударьи и долины Инда — первую колыбель цивилизованных обществ в истории человечества.

Почти все ее обширное пространство было покрыто ранними государствами, поддерживавшими друг с другом достаточно интенсивные связи, так что в любом крупном центре этого мира имели достаточно адекватное представление о нем целиком. Причем с окружающими странами жители Месопотамии имели широкие и устойчивые связи. Об этом наглядно свидетельствуют упоминавшиеся выше погребения Ура. Найденные там золото и сердоликовые бусы происходят из Индии, лазурит — из копий Бадахшана у истоков Амударьи. Морская торговля Двуречья с Индией по Персидскому заливу и Аравийскому морю хорошо выявлена по археологическим данным. Одним из важных центров на этом пути был очаг цивилизации на островах Дильмун (совр. Бахрейн). Еще более плотные контакты связали Месопотамию по Евфрату, через зону власти Эблы, с берегами Средиземного моря, к которым выходили кедровые хребты Аманус и Ливан.

Поэтому уже в середине III тысячелетия до н.э. шумеро-аккадцы устойчиво подразделяли окружающий мир на обширные этнополитические регионы. Это деление накладывалось на другое, чисто географическое, выделение четырех сторон света, несколько отличавшееся от нашего: оси, которые задавали четыре стороны света у месопотамцев, проходили с северо-запада на юго-восток и с юго-запада на северо-восток.

Эблаиты и сущии

К юго-западу от низовьев Тигра и Евфрата, на сопредельной территории Северо-Восточной Аравии у Персидского залива, выделялся край «Горы Эанны» (по-видимому, соответствующий ареалу былых поселений местных убейдцев). Затем на запад и северо-запад вдоль Евфрата вплоть до Центральной Сирии простирались края племенных групп семитского корня — сущиев у западных границ Шумера и эблаитов к северо-западу от них (отметим, что «эблаитами» этот народ называют современные ученые, по его крупнейшему центру — Эбле в Сирии). Край эблаитов именовался у шумеро-аккадцев «Марту» (по-шумерски) и «Амурру» (по-аккадски); оба эти слова также обозначали

одну из сторон света — северо-запад, так как эблаиты расселялись именно в этом направлении от Нижней Месопотамии.

Полоса земель от гор Амана в Северной Сирии до Центрального Загроса, захватывавшая большую часть Верхней Месопотамии, составляла край субареев — «Субар». Эблаиты и субареи жили, как и шумеро-аккадцы, множеством номовых государств и пользовались месопотамской клинописью. Временами одному из их номовых центров удавалось подчинить обширные окружающие пространства. Так, обширные земли края «Амурру», т.е. Сирии и сопредельных районов, в середине III тысячелетия до н.э. были объединены под верховной властью правителей Эблы.

От Армянского нагорья до Инда

За районами расселения эблаитов, на побережье Средиземного моря, уже были воздвигнуты города, где жили западносемитские предки финикийцев; за субарееями на север и восток обитали горные племена хурритов (между озерами Ван и Урмия) и кутиев (в современном Иранском Азербайджане и по северо-восточным отрогам Загроса). Они были родственны современным восточнокавказским народам: хурриты — вайнахам, а кутии — дагестанцам.

К востоку от кутиев, субареев и шумеро-аккадцев, от Загроса до Гималаев, лежал огромный ареал расселения племен и народов, родственных дравидам — нынешнему населению Южной Индии. Этот ареал включал в себя большую часть Ирана, юг Средней Азии и Северо-Западную Индию. Непосредственные предки современных дравидов жили тогда не на юге, а на северо-западе Индии, в бассейне реки Инд, и были творцами первой цивилизации на территории Индийского субконтинента — индской, или хараппской культуры (так она названа по современному географическому пункту Хараппа, где наряду с Мохенджо-Даро раскопан один из крупнейших городов этой культуры). Ареал *индской цивилизации* был хорошо известен месопотамцам под названием «Мелухха, Мелакха»; судя по тому, что столетиями спустя индоарийские пришельцы именовали аборигенов Индии «млечхами», это слово отражало самоназвание прадравидов-хараппанцев.

Народы Иранского нагорья

Народы, родственные хараппанцам, расселились с востока на запад вплоть до Загроса. Юго-Западный Иран, от рубежей Двуречья до современного Фарса занимало несколько племенных княжеств, чью совокупность месопотамцы именовали «Элам» (по-аккадски досл. «Высокая (горная) страна»). Предполагают, что это слово является лишь удачным по смыслу аккадским звукоподражанием названию, которое давали своему краю сами насельники Элама — Хал-тэмпт (на их, так называемом эламском, языке это значило «Страна бога»). Элам то объединялся, то вновь распадался на части. Из какой бы области Элама не выходила объединившая его династия, своей официальной столицей она обычно числила Сузы — город в долине рек Керхе и Каруна (наиболее плодородной части страны), контролировавший пути из Элама в Месопотамию. В эпохи прочного объединения эламиты обычно представляли угрозу для месопотамцев, в периоды распада часто становились их жертвами. В Месопотамии Элам считали страной демонов и злого колдовства, а его обитателей — жадными до месопотамских богатств грабителями-горцами.

Из других этнополитических образований Ирана той эпохи, помимо Элама, следует упомянуть Аратту в Центральном Иране, известную своими контактами с Шумером; особую этнокультурную общность на севере Ирана, которая занимала Сиалк и Гиссар и создала здесь обширные протогорода с развитой металлургией так называемой «астрабадской бронзы» (предположительно это были племена каспиев, по которым еще в глубокой древности получило свое имя Каспийское море); могущественное царство Варахше с центром в современном Кермане, контролировавшее все территории между Эламом и зоной индской цивилизации; и, наконец, золотоносную страну Харали на северо-восточных рубежах Ирана (современным археологам эта страна известна как ареал культуры, чьими памятниками являются Анау и Намазга-тепе на территории современной Туркмении). Земли, лежавшие далее на восток, входили в орбиту культурных влияний прадравидов индской цивилизации, порой простиравших свою власть до Амударьи. Район Загросских гор на стыке Элама, Месопотамии, субареев и кутиев именовался у шумеров «Горной страной кедра» (впоследствии он был известен как край горцев-луллубеев, родственного эламитам народа).

МЕСОПОТАМИЯ В КОНЦЕ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

Лагаш Лугальанды и Умма Лугальзагеси

В последние века *Раннединастического периода* масштабы междоусобных войн в Шумере только нарастают, никому не доставляя сколько-нибудь прочного успеха. Шумерская пословица безнадежно констатировала: «Ты идешь, захватываешь землю врага; враг приходит — захватывает твою землю!». Военные потрясения разоряли народ и обостряли социальный кризис: каждая «великая» победа обогащала прежде всего номовую верхушку, каждое крупное поражение ставило рядовых жителей на грань выживания, и они вынуждены были еще глубже влезать в кабалу к богатым и знатным представителям той же верхушки.

В Лагаше, одном из наиболее экономически развитых шумерских номов, дело дошло до переворота и уступок со стороны знати. Правитель Лагаша Лугальанда сосредоточил в своих руках безраздельную собственность на половину всех земель Лагаша, начал массовое перераспределение должностей в пользу своих личных слуг, увеличил поборы с зависимых людей и с общинников. Одновременно с этим апогея достигло долговое закабаление общинников знатью. В ответ дом этого правителя оказался низложен народным восстанием (впрочем, свергнутого царя при этом оставили жить и пользоваться правами свободного гражданина Лагаша), а на его место народное собрание поставило некоего Урунимгину, наделив его титулом «лугалья» (ок. 2318—2312 гг. до н.э.).

Вновь, как и в изложенном ранее эпизоде с Гильгамешем, проявилась нередкая для раннеклассовых обществ расстановка сил: народ и выдвинутый народом «надобщинный» царь — против общинной знати (так как народ надеется на то, что царь, стоящий над всеми, защитит его от «сильных людей» как от своих собственных ближайших соперников и недоброжелателей). Урунимгина упразднил чрезмерные поборы с населения, вновь отделил храмовое хозяйство от личного домена правителя, отменил ряд долговых сделок. Такие реформы иногда проводили и в других номовых государствах

Месопотамии; они временно ослабляли остроту социального кризиса, но не его причины.

В конце XXIV в. до н.э. набирает силу новый завоеватель — царь Уммы Лугальзагеси. По своей психологии он был, видимо, типичным представителем «аристократических» номовых династий Шумера, с крайним высокомерием относящимся к простонародью и опиравшимся на тяжеловооруженную дружину. Как объединитель Месопотамии он использовал смесь принципиально новых и старых приемов: он стал систематически устранять и истреблять правителей соседних номов и объединять города под своей властью — это было ново. Однако он делал это не за счет слияния этих номов в единую державу, а на основе личной унии, сохраняя там традиционную структуру власти и лишь возглавляя ее лично в каждом центре по отдельности; номового сепаратизма это, конечно, не изживало. Лугальзагеси разгромил Уруинимгину Лагашского, аннексировал *Уро-Урукское царство* и перенес свою столицу в Урук. На севере он разбил *Киш*, царь которого погиб.

В общем итоге владения Лугальзагеси простерлись от Средиземного моря до Персидского залива (шумер. «от Верхнего до Нижнего моря»), но неожиданно этот носитель шумерской аристократической традиции столкнулся с политическим образованием принципиально нового типа.

Держава Саргона Аккадского

У убитого в ходе завоеваний *Лугальзагеси* царя Киша на службе находился мелкий придворный, по происхождению простолюдин-аккадец. Ему суждено было стать одним из крупнейших, если не величайшим «строителем империи» на древнем Ближнем Востоке. По позднейшему преданию, одному из тех, которыми всегда обрастают такие фигуры, он был подкидышем: мать пустила новорожденного по Евфрату в тростниковой корзинке, его подобрала и воспитала при кишском дворе. После разгрома Киша войсками Лугальзагеси этот придворный возглавил часть населения и укрылся в лежавшем в области Киша незначительном городке Аккаде. Здесь он объявил себя царем под именем Шаррум-кен (аккад. «Истинный царь», в традиционной современной передаче — Саргон).

Саргон (2316—2261 гг. до н.э.) властвовал помимо каких-либо традиционных институтов, как харизматический силь-

ный вождь он опирался на всех, кто готов был ему служить, и возглавлял их, основываясь на принципе неограниченного командования, как почти все подобные вожаки. К нему во множестве стекались рядовые жители Шумера, увидев перспективу быстрого возвышения, в котором им отказывало традиционное аристократическое общество. На службе нового царя они рассчитывали обогатиться, выдвинуться и свести счеты с обидчиками, прежде всего со старой знатью.

Саргон создал массовую легковооруженную, «народную» армию, включавшую мобильные отряды лучников; они имели огромные преимущества перед немногочисленной и неповоротливой тяжелой пехотой шумерских правителей, состоявшей из их слуг. Властная иерархия царства Саргона была выстроена как военно-служилая пирамида под единоличной неограниченной властью ее вождя — царя. Опираясь на массовую армию, Саргон и совершил свои завоевания.

Сначала Саргон со своими воинами захватил Верхнюю Месопотамию, а потом предложил союз, скрепленный династическим браком, Лугальзагеси. Получив отказ, Саргон стремительно разгромил и казнил Лугальзагеси и, по преданию, после 34 битв завоевал весь Шумер. Затем его походы достигли Малой Азии, Кипра, Сирии, Элама и даже еще более отдаленных стран Южного Ирана, где он боролся с царством Варахше.

Империя Саргона (так называемая Аккадская держава, по названию столицы) с зависимыми владениями простерлась от озера Туз и гор Тавра в Малой Азии до Белуджистана, поддерживая прямые контакты с Южной Анатолией на западе и «Мелуххой» — долиной Инда — на востоке. По размерам его державу никто не мог превзойти еще полторы тысячи лет, до создания империи Ахеменидов. Бесчисленное множество военнопленных пополняло ряды рабов и подневольных работников в государственном хозяйстве. Саргон не заставлял другие города признавать себя ни верховным сюзереном-гегемоном, ни их местным номовым владыкой а просто присоединял покоренные земли, создавая, таким образом, первую в истории Междуречья объединенную державу. В былине о Саргоне он говорит о самом себе так:

Я — Саргон, царь могучий, царь Аккада.

Мать моя — жрица, отца не знал я.

Мать моя, жрица, родила меня тайно,

Положила в тростниковый ящик, бросила в реку.

Река меня подняла, принесла к водоносу.

Водонос багром меня поднял, воспитал как сына,
садовником сделал.

Когда садовником был я — полюбила меня богиня Иштар,

И пятьдесят четыре года я провел на царстве!

Людьми черноголовыми я владел и правил,

Могучие горы топорами медными я сравнял с землею...

Царь, что поднимется после, да сравняется со мною!

Держава Саргона, в отличие от всех предыдущих государств Двуречья, была централизованной деспотией. Храмовые имения стали частью государственного хозяйства, а последние находились в неограниченном распоряжении царя; номы были лишены каких бы то ни было традиционных автономий и превратились в обычные провинции, их старый аппарат власти был оставлен на месте, но их правители (титуловавшиеся только «энси» — единственным «лугалем» отныне был лишь Саргон) превратились фактически в чиновников, целиком ответственных перед царем. Советы старейшин и народные собрания перестали существовать как органы власти (хотя сходки воинов — своих приверженцев Саргон собирал и устраивал совещания). Число государственных работников, которым предоставлялись наделы, было снижено, а число работавших за паек — увеличено; это повышало норму государственной эксплуатации.

Преемники Саргона даже скупали, в «добровольно-принудительном» порядке, землю у общин по заниженным ценам, расширяя тем самым государственное хозяйство. Государственным языком династии Саргона был не только шумерский, но и аккадский язык, что демонстрировало презрение династии к принципу «благородной традиции» во всех областях жизни. Население в целом (кроме тех, кто успел попасть в военно-служилую прослойку) мало что выиграло от победы Саргона: межномовые войны и гнет местной знати сменились не менее тяжелыми дальними походами и, впервые, массовой и масштабной повинностно-податной эксплуатацией всего населения (кроме служилой верхушки) со стороны огромного военно-бюрократического государства.

Уже в последние годы правления Саргона начались восстания знати, поддержанные народом (по преданию, сам Саргон должен был прятаться от бунтовщиков в сточной канаве). Преемники Саргона подавляли восстания как в самом Шумере, вырезая целые города и тысячами предавая казни

побежденных, так и в дальних зависимых странах, однако положение в стране оставалось шатким. Наследник Саргона Римуш был убит собственными вельможами; поскольку при царе, очевидно, нельзя было находиться с оружием, они забили его насмерть тяжелыми каменными печатями, которые носили на поясе.

Нарам-Суэн и падение аккадского могущества

Внук Саргона Нарам-Суэн (2236—2200 гг. до н.э.) поначалу столкнулся с массовым восстанием по всей стране. Подавив его и совершив новые завоевания, на вершине своих успехов он отказался от всех старых, традиционных титулов (и тем самым от подтверждения и утверждения их жрецами) и назвался «царем четырех сторон света» (т.е. всего мира), а потом и просто провозгласил себя при жизни богом — точнее говоря, организовал «народное волеизъявление»: жители столицы на своей сходке объявили его богом, а он «прислушался» к ним.

Теперь Нарам-Суэн величал себя «Бог Нарам-Суэн, бог Аккаде», т.е. разом провозгласил себя и главным государственным богом-покровителем собственной империи. Всем этим он вступил в конфронтацию уже и с храмами, в частности с храмом Энлиля в Ниппуре. Сперва, правда, казалось, что могуществу Нарам-Суэна ничто не угрожает. Он добился никогда ранее невиданной власти над страной; в частности, на должности «энси» Нарам-Суэн назначал рядовых чиновников или собственных родичей.

На Аккад с севера обрушились неведомые до того северные «варвары» (по-видимому, это были полукочевые индоевропейцы из-за гор Кавказа), известные впоследствии в месопотамской традиции под названием *умман-манда* («воинство манда») «Умман-манда» сплотили вокруг себя население части Армянского нагорья и Загроса, в частности кутиев и горцев-луллубеев. После нескольких тяжелых поражений *Нарам-Суэн* смог отбить натиск «варваров», и их объединение развалилось. Однако горцы-кутии (северо-восточные соседи Месопотамии), до того успевшие войти в это объединение, возобновили войну на свой страх и риск под предводительством своих выборных племенных вождей. Они захватили центральные районы Двуречья; Нарам-Суэн изгнал их, но и сам пал в войне. Впослед-

ствии его гибель и скорый крах всей его державы рассматривались как кара богов за безумную гордыню, выразившуюся в претензии на божественный статус, и за дурное обращение с храмами. Его преемник Шаркалишарри сперва восстановил аккадскую власть в Верхней Месопотамии, но был в конце концов разбит кутиями. Аккадская держава распалась, и племенной союз кутиев установил верховную власть над номами Нижней Месопотамии (ок. 2175 г. до н.э.).

Страна была разорена: к гнету местных элит прибавился гнет иноземцев-кутиев, которым местные царьки Шумера отправляли дань. Только правители Лагаша сделали ставку на кутиев, пользовались их поддержкой и осуществляли от их имени определенную верховную власть над прочими номами. Этим Лагаш вызвал к себе в Нижней Месопотамии такую ненависть, что при освобождении от кутиев был жестоко разгромлен, а лагашские цари вычеркнуты из составленного впоследствии сводного списка шумерских правителей.

Гудеа — прислужник кутиев

Из лагашских царей кутийского времени известнее всего своими надписями и статуями Гудеа (2137—2117 гг. до н.э.). При нем было создано единое храмовое хозяйство бога Нингирсу и построен грандиозный храм этого бога, ради чего учредили специальный налог и ввели строительную повинность. Гудеа торговал с областями бассейна Инда и воевал с Эламом. В кутийский период важные перемены произошли в Верхней Месопотамии, где с крахом аккадской власти под ударом кутиев образовался вакуум власти; этот вакуум был тут же, в середине — второй половине XXII в. до н.э., заполнен проникновением сюда хурритов с севера и сутиев (сутиев-амореев) с юга. С тех пор они составили главное население Верхней Месопотамии; хурриты, в частности, ассимилировали субареев и унаследовали их наименование в месопотамских источниках.

III династия Ура: бюрократизация государства

Господство кутиев в Шумере рухнуло под ударами всенародного восстания, поднятого рыбаком Утухенгалем, в 2109 г. до н.э. Восставшие смели и местных правителей, восстановив

централизованную державу под названием «Царство Шумера и Аккада»; государственным языком был только шумерский. Столицей Утухенгаля был Урук. Однако Утухенгаль неожиданно утонул при осмотре канала, и ему наследовал один из его соратников Ур-Намму, наместник Ура (на чьей территории и совершался осмотр — похоже, Ур-Намму «помог» Утухенгалю утонуть). По воцарении Ур-Намму не стал переезжать в Урук, а просто перевел столицу державы в «свой» Ур. Его династия известна как III династия Ура.

Ур-Намму (2106—2094 гг. до н.э.) и особенно его сын Шульги (2093—2046 гг. до н.э.) превратили свою державу в нечто такое, чего Месопотамия не видела ни до, ни после их династии. Львиная доля земли была передана государству и вошла в состав огромных централизованных хозяйств. Большая часть населения была обращена в подневольников рабского типа (*гурушей*, досл. «молодцев», и *нгеме*, досл. «рабынь»), прикрепленных к этим хозяйствам и работавших там за пайки бригадами. В государственном хозяйстве трудились и собственно рабы-военнопленные, и наемные работники. Значительная часть всей этой рабочей силы жила в нечеловеческих даже по тому времени условиях в особых лагерях. Трудились без выходных, получая в день 1,5 л ячменя на мужчину и 0,75 л на женщину. Выдавалось немного растительного масла и шерсти. Работали весь световой день. Смертность в таких лагерях достигала иногда 25 % в месяц!

Квалифицированные ремесленники, служащие и воины получали усиленные пайки. Представители чиновничества имели за службу наделы. Меньшая часть земли составляла частнообщинный сектор, где шло массовое разорение и долговое закабаление (вплоть до рабства) общинников: богатые соседи и особенно чиновники державы концентрировали землю в своих руках и втягивали общинников в кабалу. Цари Ура пытались половинчатыми мерами остановить этот процесс, но безуспешно, ведь он был неизбежной оборотной стороной их же собственной политики.

Цари Ура обожествляли себя и опирались на огромный бюрократический аппарат, необходимый для управления небывалым государственным хозяйством. «Энси» теперь свободно перемещали из нома в ном. О размахе бюрократии говорит тот факт, что менее чем за век существования чиновники III династии Ура обеспечили современную науку ненамного меньшим количеством документации, чем вся

остальная трехтысячелетняя история Месопотамии. При тогдашних средствах связи централизация хозяйства в таком масштабе была обречена на крайнюю неэффективность, и действительно, мы сталкиваемся с ожидаемыми картинами: столица страдала от дефицита зерна, в то время как в мелком городке скопились его огромные запасы, и т.д.

Шульги создал новую идеологию, закрепленную в знаменитом «Шумерском царском списке», сведенном при нем воедино; здесь царь сознательно фальсифицировал всю историю Шумера, представив его как неизменно единое государство под управлением череды последовательных династий, венчаемых его собственной. Централизовать и огосударствить правовые отношения были призваны судебники Ур-Намму и Шульги и введение последним царского суда с огромными полномочиями. Шульги вел упорные завоевательные войны, прежде всего в горах на Востоке (по-видимому, по инерции борьбы с кутиями). Боевые качества урских полчищ были, однако, низкими, и победы Шульги одерживал главным образом на словах: по несколько раз подряд в течение нескольких лет официально возвещали о полном разгроме такого-то горного города, который и после этого продолжал сопротивление. Даже над теми, кто признал власть Ура, она была не очень прочна, и ее приходилось подкреплять подарками, встречами «на высшем уровне», династическими браками и т.п.

Крах Ура и закат Шумера и Аккада

Держава Ура включала (с разной степенью подчинения) Верхнюю и Нижнюю Месопотамию, Сирию и часть Финикии с Библом, горы Загроса, Элам и даже некоторые районы, лежащие к востоку от Загроса по направлению к Каспийскому морю (здесь подданными Ура стали приэламские *субареи* — так называемые «люди су»). Верховную власть над царями и вождями на Востоке, особенно хурритскими и эламскими, приходилось поддерживать все новыми и новыми карательными рейдами и династическими браками с местными вождями.

Конец III династии Ура наступил внезапно. Сутии-амореи Сирийской степи, Среднего Евфрата и Верхней Месопотамии, и раньше иногда вступавшие в конфликт с властями державы, двинулись на ее центральные районы около 2025 г. до н.э. Почти не обращая внимание на их наступление, последний

царь Ура Ибби-Суэн (2027—2003 гг. до н.э.) бесконечными экспедициями пытался привести к покорности Элам; амореев рассчитывали сдержать укреплениями, но безуспешно.

Управление страной разваливалось, персонал государственных латифундий разбежался и делил землю на участки, *амореи* окружали города, отрезая их от внешнего мира. На юге Двуречья начался голод. Ибби-Суэн пытался спасти от него столицу, послав в Иссин, где скопились запасы зерна, чиновника Ишби-Эрру, чтобы тот вывез его в Ур. Ишби-Эрра, взяв под контроль Иссин, рассудил, что у кого зерно, тот и царь, и объявил себя в Иссине царем (2017 г. до н.э.). Начался хаос: Ишби-Эрра, Ибби-Суэн, эламиты и союзные им восточные «люди су» и, наконец, амореи сталкивались друг с другом в борьбе за Нижнюю Месопотамию.

К 2000 г. до н.э. все было кончено: амореи расселились до Персидского залива, признав номинальную власть Ишби-Эрры, эламиты и «люди су» пленили Ибби-Суэна и разгромили юг Месопотамии с Уром до такой степени, что появился жанр плачей о гибели страны, но не стали закрепляться здесь. Ишби-Эрра объединил под своей верховной властью Нижнюю Месопотамию и пытался продолжать традицию III династии Ура в идейно-политическом отношении, сохранив концепцию царской власти. Но в общественном строе произошел переворот: крупные централизованные хозяйства, эксплуатирующие коллективный подневольный труд, исчезли навсегда. Сектор царской и храмовой земли остался велик, но теперь он был поделен на мелкие участки, на которых сидели отдельные малые семьи, несущие соответствующие обязательства перед государством.

СТАРОВАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД (ок. 2000—1595 гг. до н.э.)

Общественный строй в Двуречье первой половины II тысячелетия до н.э.

Как обычно, распад государства в Двуречье привел к резкому росту частной собственности, торговли и частной эксплуатации. Даже храмовые должности завещали и продавали как личную собственность. Бурно развивалось ростовщичество (под весьма высокий процент!) и долговая зависимость

вплоть до кабального рабства. В уплату долга земледелец зачастую отдавал во временное рабство членов своей семьи или самого себя. Более того, утверждается свободная купля-продажа общинных наделов их пользователями, и начинается обычный процесс концентрации земли у одних лиц и обезземеливания других. Из-за долгов или неудач многие общинники разоряются и продают свою землю или бывают вынуждены передать ее кредитору за долги. Тем самым они теряют место в общине и вынуждены идти в рабскую или иную зависимость, а их земля достается богачам. Бурно развивается частная торговля, прежде всего международная: суда месопотамских купцов и владельцев ремесленных мастерских вновь совершают плавания до Дильмуна (Бахрейна), где возник главный перевалочный пункт для торговли со странами Аравии, Южного Ирана и долины Инда (старая ойкумена цивилизаций от Средиземного моря до Инда все еще существовала).

Развитие ростовщичества и долгового рабства, а также разорение значительной части населения некоторое время почти не вызвали препятствий, но в конце XIX в. до н.э. начали иной раз встречать резкое сопротивление со стороны властей крупнейших месопотамских царств. Нередко цари издавали каждые пять-семь лет так называемые эдикты «мишарум» (досл. «выравнивания» или «справедливости»), которые аннулировали кабальные соглашения, заключенные из-за долгов, в том числе освобождали долговых рабов и возвращали находившиеся в залоге у кредиторов земли их владельцам. В Эшнунне и особенно в Ларсе были проведены реформы, резко ограничившие частнособственническую деятельность и куплю-продажу; в частности, государство устанавливало твердые тарифы на наем и различные услуги и даже твердые цены на зерно и другие основные товары. В результате в Ларсе, например, частную торговлю и ростовщичество постиг резкий упадок. В еще более масштабных формах такую политику проводил впоследствии знаменитый *Хаммурапи*.

Иногда ученые высказывают мнение, что подобными мерами цари, хотя и облегчали положение основной части населения (не разоряя при этом и тех частных собственников, которым эти меры были невыгодны!), но препятствовали экономическому прогрессу, который мог якобы идти только за счет развития частнособственнических отношений. Едва

ли это так. В натуральной по своим основам месопотамской экономике технологические сдвиги вообще происходили очень редко и были никак не связаны с формами эксплуатации, а экономический рост зависел прежде всего от состояния ирригационной системы; между тем ее развивало и налаживало именно государство.

Соотношение государственной и частной эксплуатации вообще было самым болезненным социально-экономическим вопросом для любого древнего общества. Дело в том, что всякая эксплуатация может быть социально полезна только в той мере, в какой изъятый с ее помощью продукт вкладывается затем в торговлю, производство, политическое и культурное обеспечение общества, т.е. в сферы жизни, полезные, в конечном счете, для всей страны. В обществах древности, с неразвитым обменом и доминированием натурального хозяйства, богатство частного лица либо «проедалось», либо омертвлялось в виде сокровища, либо умножало само себя ростовщическим путем, но почти никогда не вкладывалось в общественно-полезные предприятия (единственным серьезным исключением могла быть внешняя торговля). Добывалось же частное богатство, как правило, путем успешного использования имущественного неравенства, втягивания массы рядовых общинников в долговую кабалу и концентрации земли, т.е. чисто паразитическими формами эксплуатации. Государственная эксплуатация, напротив, обеспечивала функционирование необходимых всем институтов.

Таким образом, для аграрного общества древности частная эксплуатация была в крупных масштабах всегда вредна, государственная же могла быть весьма полезна (в зависимости, правда, от доли продукта, взыскиваемого государством), а в определенных размерах — всегда необходима. Поэтому жизнь многих стран Древнего Востока колебалась от разрушительного усиления частной собственности и частной эксплуатации (приводивших к разорению и порабощению огромных слоев населения) к их государственному ограничению и укреплению государственного сектора в экономике. Не являлось здесь исключением и Двуречье.

В обществах Месопотамии Старовавилонской эпохи различались три сословия: свободные общинники *авилумы* (досл. «люди»), «царские люди» *мушкенумы* (досл. «склоняющиеся под чье-то покровительство») и рабы по сословию *вардумы*.

Авилумы пользовались общинным самоуправлением, но в большинстве своем платили подати царю. Мушкенумы не входили в общины и не имели самоуправления. Они отдавали себя под покровительство царя, чтобы получить от него земельный надел, и сидели отдельными мелкими хозяйствами на царской земле (на них и лежало основное бремя податей; кроме того, особые группы мушкенумов несли воинскую повинность как военные колонисты или находились на иной царской службе). Их жизнь регламентировалась государством. Мушкенумы, в отличие от авилумов, в большинстве своем не могли уйти с земли, на которой они сидели, без разрешения государства. Вардумы были частными рабами, их покупали и продавали. Естественно, общинник-авилум, принимающий надел от царя, авилумом быть не переставал (если не выходил специально из общины, отказываясь от своего надела в ней), а мушкенум, которому удавалось стать членом общины, становился авилумом, но это не освобождало его от прежних обязательств по царской земле.

Людей различных сословий закон ценил по-разному. За убийство авилума карали смертью, виновному в убийстве раба достаточно было возместить хозяину ущерб и т.д. Однако жестких границ, в том числе психологических, между сословиями не было: в Месопотамии всегда считали, что люди, при всем различии в их положении, по природе своей мало чем отличаются друг от друга, и царю присущи такие же желания, надежды и страхи, что и любому рабу. Раб мог иметь собственное имущество и семью. Он считался человеком, а не вещью, господин распоряжался лишь его временем и трудом. Многие свободные сочувствовали рабам и помогали им бежать от хозяев, так что в Законах Хаммурапи пришлось включать специальную статью, угрожающую суровыми наказаниями за помощь беглому рабу.

В старовавилонском обществе существовали два основных класса: господствующий класс: царь, верхушка людей, состоявших на государственной службе или службе в храмах, и крупные частные собственники — и обложенные государственными повинностями мелкие производители, ведущие собственное хозяйство, будь они общинниками или «царскими людьми». Владельцы общинных наделов подвергались эксплуатации меньше, а лица, сидевшие на государственной земле на условиях выплаты части урожая (источники

знают их под именем *наши бильтим* — «плательщики дохода»; в подавляющем своем большинстве они были мушкенау-мами) — интенсивнее. В отличие от лиц, назначаемых царем на высоквалифицированную службу, «плательщики», так же как и военные колонисты — «царские люди», получавшие от государства небольшие наделы для обработки силами собственной семьи под условием военной службы, — были прикреплены к своему виду служебной деятельности и земле и не имели права выставлять взамен себя заместителей.

I династия Иссина

С падением III династии Ура в Месопотамии наступили новые времена. Цари I династии Иссина (2017—1794 гг. до н.э.) считали себя продолжателями Урской империи: как и цари Ура, они обожествляли себя, сохраняли им вслед официальное именование государства «Шумер и Аккад», а само падение Ура считали великой трагедией; в их храмах и дворцах составляются пространные «Плачи о гибели Ура», в которых самыми яркими красками описывается грандиозное избиение, учиненное захватчиками-иноземцами в разоренной столице державы Ура.

Правители Иссина вели официальную документацию вслед урским царям на шумерском языке, хотя именно при них шумеры оказались полностью ассимилированы аккадцами и шумерский стал мертвым языком учености — школ, храмовых писцов и канцелярий. Однако если для столичного населения и административного аппарата Ура падение державы было трагедией, то для огромной массы ее рядовых работников — скорее избавлением. Теперь большинство из них стали мелкими пользователями наделов, выделенных им государством, и хотя и управлялись чиновниками, но все же вели на этих наделах самостоятельное хозяйство, которым кормились. На многих землях восстановились самоуправляющиеся общины лично свободных людей.

Наконец, ремесленные и торговые фонды, при III династии Ура принадлежавшие государству, тоже оказались в основном прибраны к рукам частными лицами, обычно под большим или меньшим государственным контролем: используя эти фонды, они обязаны были отдавать государству определенную часть прибыли, а остальное направляли на развитие собственных коммерческих операций.

Господство амореев в Двуречье

Бок о бок с коренными жителями Двуречья на ее территории обитали полукочевые скотоводческие племена пришельцев-амореев; их вождей в Месопотамии прозвали «живущими в шатрах». Рядовые амореи практически не селились в городах, а занимали пригодные для выпаса скота территории неподалеку от того или иного города. Поэтому, в частности, аккадский язык не обнаруживает никаких следов аморейского влияния. Само нашествие амореев, конечно, сопровождалось массовым разграблением страны, но раз поселившись в ней, аморейские племена номинально признали себя подданными иссинских царей и существовали во взаимовыгодном симбиозе с местными жителями, поставляя им продукты скотоводства в обмен на зерно.

Каждое аморейское племя имело собственную автономную территорию. Постепенно вожди таких племен делали своими центрами близлежащие города и добивались фактической княжеской власти над различными месопотамскими областями. Как правило, они выбирали для этого мелкие города, ранее ничем не примечательные: в старых крупных центрах сохраняла слишком сильные позиции коренная элита. В результате в Месопотамии появились новые крупные центры, где правили амореи: южномесопотамский город Ларса стал столицей племенного союза ямутбала, считавшегося старейшим из аморейских племен, Мари на Среднем Евфрате — столицей племенного союза ханеев, а Вавилон (аккад. *Баб-или*, «Ворота Богов»), до того небольшой городок на Евфрате, — столицей племени амнану. Стоит отметить, что эти амнану выделились из аморейского племенного союза биниямина (досл. по-аморейски «Сыны Юга»), часть которого составила столетия спустя древнееврейское «колени» (племя) Беньямин (Вениамин), упоминающееся в Ветхом Завете.

Амореи почитали, наряду со своими старинными богами, шумеро-аккадские божества, и те амореи — в том числе верхушка большинства племен, — что заводили себе дополнительное или основное жилище в городах, присоединялись к соответствующей городской общине, поддерживали культ ее бога-покровителя и рассматривались как часть народа «черноголовых». В итоге вообще все амореи, поселившиеся в стране «черноголовых», причислялись к ним. Никаких

признаков этнической вражды между амореями и потомками коренных жителей страны не возникало около полутысячелетия.

В конце XX — начале XIX в. до н.э. аморейские вожди один за другим объявляют себя царями реально контролируемых ими областей, которые уже и формально не зависимы от *Иссина*. В этом им подражают и удачливые выходцы из коренного населения. В результате в начале XIX в. до н.э. Месопотамия распадается на более чем десяток независимых государств. В 1895 г. до н.э. такое царство с центром в Вавилоне основал Сумуабум, вождь племени амнану. Время правления его династии в Вавилоне выделяется в так называемый **Старовавилонский период** истории Двуречья. Между образовавшимися государствами и княжествами вспыхивают ожесточенные непрерывные войны; союзы и отношения зависимости возникают и распадаются в самых причудливых конфигурациях. В результате этих войн к 1800 г. до н.э. политическая карта Месопотамии приобрела следующий вид: юг страны контролировало царство Ларса; вскоре оно уничтожило и аннексировало Иссин, до последнего пытавшийся претендовать на все наследие III династии Ура, и переняла эти претензии у него. Царь Ларсы обожествил себя по образцу ниспровергнутой им династии Иссина. В центре Двуречья доминировали Вавилон и Эшнунна. Сирийские государства *Ямхад* и *Элам* активно взаимодействовали с месопотамскими царствами. Так, племя ямутбала, контролировавшее Ларсу, слилось с соседними племенами горцев-эламитов.

Множество мелких политических образований — царств, племен и племенных союзов — находилось в зависимости от перечисленных выше крупных государств. «Никто не силен сам по себе, — утверждал один из царей этого времени, — за каждым сильным государем идет 10—15 зависимых». Отдаленным идеалом всех этих правителей было царство III династии Ура, раз и навсегда поразившее их воображение своей небывалой мощью, поэтому последующие эпигоны охотно присваивали себе громкую титулатуру урских царей. Однако большинство из них не осмеливалось посягать на обожествление. Как мы увидим ниже, обожествление царя — это, собственно, шумерская концепция, в то время как семитам, в том числе амореям, было свойственно проводить резкую непреодолимую грань между богами и людьми, не исключая царя.

Взлет и распад державы Шамши-Адада

В конце XIX в. до н.э. земли Верхней Месопотамии неожиданно оказались объединены в руках удачливого завоевателя, выходца из племенной общности амореев-ханеев Шамши-Адада, сына мелкого племенного предводителя Илакабкабу, правившего в одном из городков Северной Месопотамии. Как видно из имен, и отец и сын были до крайности честолюбивыми, самонадеянными и гордыми людьми: «Илакабкабу» дословно значит «Мой бог — звезда», а «Шамши-Адад» — «Мое Солнце-Шамаш — бог грома Адад», т.е. «вместо бога Солнца я чту бога грома»; в обоих случаях подчеркивается нетрадиционный, сугубо индивидуальный и дерзкий выбор бога-покровителя.

Столица державы Шамши-Адада, известной под названием «Субарту», располагалась в Шубат-Эллиле (совр. Лейлан). Шамши-Адад провел длительную войну с *Ашшурским номом* (будущей Ассирией) и в конце концов, взяв в 1810 г. до н.э. Ашшур, полностью аннексировал его. Поначалу он присвоил себе титул ашшурского «ишшиаккума». Затем, около 1798 г. до н.э. он передал область Ашшура своему старшему сыну Ишме-Дагану в качестве особого «вице-царства» с центром в Экаллате (первый крупный город Ашшурского нома, захваченный Шамши-Ададом в ходе войны). В 1795 г. до н.э. Шамши-Адад захватил ханейско-аккадское царство Мари на Среднем Евфрате и передал его в качестве аналогичного «вице-царства» другому своему сыну, Ясмах-Ададу.

Держава Шамши-Адада (в науке она долгое время была известна как «Староассирийская», а современники обычно именовали ее «Субарту») непосредственно охватила всю Верхнюю Месопотамию и бассейн Среднего Тигра, включая его левобережье с Арбелой, Аррапхой и предгорьями Загроса; вся эта огромная территория была разбита на четырнадцать единообразно организованных военных округов. Глав этих округов назначал и перемещал сам Шамши-Адад. Общинная администрация сохранялась, но теперь уже утверждалась на своих местах царем при условии полной лояльности (в том числе поднесения даров и клятвы беспрекословно подчиняться требованиям царских чиновников); фактически общинное самоуправление было парализовано.

Кроме того, вассальную зависимость от Шамши-Адада признавали *Хаммурапи* Вавилонский, Катна в Южной Сирии

с соседними областями вплоть до гор Ливана и Средиземного моря, и, наконец, племена Приурмийского региона и смежных областей Северо-Западного Ирана. Один из крупнейших торговых и стратегических центров Северной Сирии город Каркемиш, служивший местом главной переправы через Евфрат, стал союзником Шамши-Адада. Основными противниками правителя были аморейское царство Ямхад в Северной Сирии (именно из страха перед ним к Шамши-Ададу обратились Катна и Каркемиш) и аккадское царство Эшнунна на Дияле (вместе с примыкающими к нему племенами Северо-Центрального Загроса); на обоих этих фронтах Шамши-Адад так и не добился победы.

Войско Шамши-Адада состояло из гвардии — постоянного царского полка — и отборных ополченцев, выставлявшихся общинами и племенами (чаще прочих призывали ханеев, из среды которых вышел сам царь). Личная охрана царя состояла из евнухов храма богини Иштар. Доверенных царских людей высоких рангов переводили из одного города в другой, пресекая таким образом возможность злоупотребления властью. Царские вельможи почти не получали от государства землю — подавляющему большинству служилых людей, включая высших чиновников, государство платило лишь жалование (натурой). Военнопленных и вражеское население массами обращали в государственных невольников, после чего сажали на царскую землю или посылали в царские мастерские. Используя их труд и опираясь на служилую верхушку, не связанную с определенными общинными структурами, Шамши-Адад мог чувствовать себя подлинным автократом и не считаться ни с общинами крупных центров своей державы, ни с их главными оплотами — городскими храмами; те были переданы в ведение царского двора.

В 1777 г. до н.э. Шамши-Адад умер, и престол в его державе перешел к Ишме-Дагану, который давно уже выступал как фактический соправитель отца. Держава же стремительно развалилась. Большая часть прочих областей приобрела независимость, а самого Ишме-Дагана пытались сместить оставшиеся было в его подчинении местные правители. Он сохранил престол в Экаллате, признал зависимость сперва от Элама, а потом от Хаммурапи Вавилонского и пытался удерживать верховную власть хотя бы над соседними областями востока Верхней Месопотамии

(в том числе над Ашшуром и былой столичной областью своего отца — Шубат-Эллилем) — в общем, без особенного успеха.

Создание державы Хаммурапи

Первая половина XVIII в. до н.э. неожиданно ознаменовалась новой территориальной интеграцией Месопотамии вокруг Вавилона. Осуществил ее знаменитый вавилонский царь **Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.)**. Казалось, ничего не предвещало такого взлета: Вавилонское царство было далеко не самым сильным в Двуречье и само могло попадать в зависимость от соседей. Такую зависимость признавал большую часть своего правления и сам Хаммурапи. Однако он оказался более дальновидным, целеустремленным и мудрым правителем, нежели прочие. После первых попыток экспансии Вавилона, немедленно отбитых, царь до времени отказался от нее и подчинился верховной власти сильнейшего из тогдашних месопотамских царей, *Шамши-Адада*; два с лишним десятилетия Хаммурапи неустанно копил силы, обустроивал армию и реформировал страну. Суть новых порядков заключалась в том, что государство прочно контролировало всю хозяйственную жизнь в стране и не позволяло «сильным притеснять слабых». В результате государство Хаммурапи стало, по-видимому, самым процветающим и крепким в Месопотамии.

Около 1780 г. до н.э. первенство в Двуречье, бесспорно, принадлежало верхнемесопотамской державе Шамши-Адада. Зависимость от него признавали и Хаммурапи в Вавилоне, и Катна в Южной Сирии, и горные области Северо-Западного Ирана. Однако со смертью Шамши-Адада его держава почти мгновенно развалилась на части. В Мари к власти пришел Зимрилим, представитель из местной династии, изгнанной некогда Шамши-Ададом.

Ситуацией воспользовались эламиты, к 1770 г. до н.э. поставившие под свой контроль большинство царей Месопотамии и даже делавшие вылазки в Сирию и Палестину. В подчинение правителю Элама перешел даже Хаммурапи. В Ветхом Завете (Быт. 14) сохранился рассказ о том, как эламский предводитель «Кедорлаомер» (от эламского Кутир-Лагамар) совершил поход в Заиорданье во главе коалиции ме-

сопотамских царей, включавшей среди прочих «Амрафела» из Сеннаара (так древние евреи именовали Вавилонию), иными словами, Хаммурапи! Предание об этом древние евреи, создатели Ветхого Завета, могли унаследовать разве что от своих отдаленных аморейских предков **Старовавилонского периода**.

Господство Элама, однако, оказалось эфемерным: в 1764 г. до н.э. *Хаммурапи* Вавилонский в союзе с Зимрилимом из Мари сверг господство эламитов. Это позволило Хаммурапи не только сбросить ярмо власти преемников Шамши-Адада, но и в ходе десятилетних войн одолеть Элам и прочие месопотамские царства, включая Ларсу, и остаток Субарту — царство Ишме-Дагана, сына Шамши-Адада, с центрами в Ашшуре и Шубат-Эллиле. В конце концов Хаммурапи разгромил и своего недавнего союзника царя Мари Зимрилима. В 1763 г. до н.э. пала Ларса, в 1759 г. — Мари, в 1757 г. — Ашшур, в 1756 г. — Эшнунна, около 1755 г. до н.э. Хаммурапи оккупировал Сузиану. Образовалось единое всемесопотамское государство, причем строго централизованное. Сам Хаммурапи делил свои владения на две части: исконную территорию (аккадоязычные номы, поклонявшиеся шумеро-аккадским богам в чистом виде) и чужеродную периферию (эламитская Сузиана, хуррито-аморейские территории Верхней Месопотамии, входившие ранее во владения Мари и Субарту, а с падением последних доставшиеся Хаммурапи). Во вступлении к своим знаменитым Законам (ок. 1755 г. до н.э.) Хаммурапи, как уже отмечалось, прокламирует себя лишь как благодетеля первой части державы, перечисляя все образующие эту часть номы, и вовсе не упоминает остальные свои владения.

Объединение Месопотамии, которого добился Хаммурапи, оказалось необычайно прочным по общим последствиям. Хотя в полном масштабе оно сохранялось совсем недолго — не более 20 лет, — она никогда уже больше не распадалась на отдельные номовые государства (в крайнем случае, обособленное существование мог получить крайний юг, так называемое Приморье), и Вавилон неизменно оставался столицей всего Южного Двуречья или большей его части на протяжении следующей тысячи с лишним лет. Поэтому вся Нижняя Месопотамия и получила у соседей наименование «Вавилония». Сами вавилоняне обычно называли свою страну на старинный лад «Шумером и Акка-

дом» (позднее просто Аккадом), а себя — аккадцами (не включая в это понятие ассирийцев, которые для вавилонян практически всегда оставались полуварварами и получужеземцами).

Хаммурапи, справедливый государь

Хаммурапи считал достигнутое им объединение страны началом принципиально новой страницы месопотамской истории. До сих пор полагали, что власть в Двуречье переходит от города к городу по произволу богов; в «Плаче о гибели Ура» сам верховный бог Энлиль объясняет, что его ниспровергли не за какую-либо вину, а просто потому, что таков уж порядок мира: «Уру в самом деле даровали царственность, но вечный срок ему не был дарован. С незапамятных дней, когда страна впервые возникла, и до нынешних дней видели кто-нибудь, чтобы божественное служение досталось какому-либо городу навсегда?».

Хаммурапи, напротив, провозгласил, что отныне боги «установили в Вавилоне вечную царственность, чьи основания прочны, как земля и небо». Соответственно, он, в отличие от многих других, не собирался подражать царям *III династии Ура* и избегал даже намека на самообожествление (хотя пышно величал себя в переносном смысле «богом для местных царей» — своим положением царя над царями он очень гордился).

Сохранился вавилонский гимн, прославляющий Хаммурапи за его победы:

Горы и равнины поверстал в службу,
Великую силу свою под конец прославил!
Хаммурапи-царь, могучий воин,
Побивающий супостата,
На противника — наводнение,
Повергающее вражью землю,
Подавляющий супротивных,
Сокрушающий мятежных,
Разнимающий лоно гор неприступных...
Царь Хаммурапи, хорошо тебя славить!

В то же время Хаммурапи был достаточно доступен и прост в обращении, как ярко показывает служащая вступлением к тому же гимну солдатская песенка — ее, видимо,

распевали его воины в ту пору, когда он воздерживался от войн, поддразнивая его по этому поводу и поощряя к завоеваниям:

Хаммурапи, царь могучий, —
Что ж, чего ты ждешь?
Эллиль дал тебе величье —
Что ж, чего ты ждешь?
Син тебе дал превосходство —
Что ж, чего ты ждешь?
Нинурта дал оружие славы —
Что ж, чего ты ждешь?
Иштар дала силу битвы —
Что ж, чего ты ждешь?
Шамаш и Адад твоя заступа —
Что ж, чего ты ждешь?

Свою концепцию правления Хаммурапи красноречиво изложил во введении к своим Законам: он, «заботливый правитель, боящийся богов», по их благоволению взошел на престол, чтобы «ублажить плоть народа» (!), «чтобы справедливость воссияла в стране, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого... чтобы с сиротой и вдовой обходились по справедливости, чтобы притесненному оказать справедливость». Здесь же он хвалится не столько завоеваниями, сколько украшением храмов, проведением каналов, милосердием к бывшим врагам.

В заключении к Законам Хаммурапи подытоживает свои дела и заслуги так: «Врагов на севере и на юге я истребил, уничтожил раздоры, ублажил плоть страны... Пусть обиженный, который обретет в суде решение своего дела, успокоит свое сердце и с силой скажет: "Хаммурапи-владыка для людей словно родной отец, он склонился перед велением бога Мардука, своего владыки, и одержал победы Мардука на севере и на юге, он устроил людям удовольствие навеки, а страну управил по справедливости!"».

Это были не пустые слова: Хаммурапи действительно был ответственным и справедливым правителем, стремившимся защитить людей от насилий и разорения. Известна его обширнейшая переписка с чиновниками: царь вникал во множество дел, стараясь разрешать их по справедливости и здравому смыслу. Частные лица не боялись обращаться к нему с многочисленными просьбами и жалобами, и он разбирал их так же добросовестно.

Отвращение к преступному насилию было у него искренним и принципиальным: когда один из династов соседней страны, убив родича, воссел на престол и отправил к Хаммурапи посольство с выгодными предложениями и просьбой прислать танцовщиц, Хаммурапи закричал: «Танцовщиц ему не хватает! Он пролил родную кровь, его самого надо бы убить!», — и отказался от каких бы то ни было контактов с узурпатором. Об этом мы знаем из злорадного донесения очевидца — посла третьей страны, присутствовавшего при описанной сцене.

Все это с особенной силой сказалось во внутренней политике и Законах Хаммурапи.

Вавилонское общество времен Хаммурапи

Держава Хаммурапи была централизованным бюрократическим государством, все нити управления которым находились в руках царя. Храмовые хозяйства были слиты с государственным. Законы приведены к единству по всей территории страны, и первостепенное значение приобрел царский суд: царь сам решал многие судебные дела, и во всех крупных центрах размещались назначенные им чиновники-судьи, в ведение которых перешли многие вопросы, решавшиеся ранее общинным и храмовым судами. Внутриполитические мероприятия Хаммурапи действительно отвечали заявленным им целям: «чтобы сильный не притеснял слабого» и «ублажена была плоть людей».

Элита и продолжающий ее большой административный аппарат состояли в основном из авилумов, но частью также и из мушкенумов, возвысившихся на службе царя, и существовали на государственном обеспечении — от прямой выплаты жалования до предоставления значительных земельных владений в условное держание или пожалование (обрабатывали их обычно арендаторы). От налогов служилая знать, естественно, освобождалась. Однако такие крупные частные владения встречались очень редко.

Крупные и независимые частные фонды движимости тоже почти отсутствовали: купцы-тамкары были поголовно поверстаны в государственную службу и стали правительственными торговыми агентами — через них государство вело внешнюю торговлю и устанавливало твердые, приемлемые для населения цены на внутреннем рынке. Характерная ме-

сопотамская поговорка гласит: «Уехал из города тамкар, и цены снова стали свободными» (смысл тот же, что у русских поговорок «Без хозяина дом сирота», «Без кота мышам раздолье»). Тамкары могли, помимо выполнения своих служебных обязанностей, заниматься коммерческими операциями в собственную пользу, но крупная частная торговля была запрещена. Запрещена была и купля-продажа земли (кроме городских участков).

Существовало государственное кредитование частных лиц с твердой процентной ставкой, избавлявшее людей от необходимости обращаться к частным ростовщикам. Дворцово-храмовое хозяйство осуществляло даже выдачи неимущим или предоставляло им наделы государственной земли под условием выполнения различных обязанностей. Бедняков в державе Хаммурапи благодаря всем этим мерам было очень немного.

Законы Хаммурапи

Законы Хаммурапи получили в Месопотамии невероятную славу: их переписывали как великий памятник мудрости на протяжении следующих полутора тысяч лет! Это было связано не только с новизной их содержания (некоторые законы сходной направленности, призванные ограничивать эксплуатацию, проводили и другие цари, хотя и не в таком масштабе), сколько с тем, что Хаммурапи имел силу и волю провести их в жизнь, как никто другой, да еще распространить их на всю Месопотамию.

Доминантой законов является ограничение и регламентирование частной эксплуатации и частнособственнических отношений вообще, утверждение за государством контроля над всей хозяйственной жизнью. Законы твердо регулируют цены и тарифы, в том числе условия найма и аренды, правила земле- и водопользования и возмещения долга. Ростовщикам было запрещено взимать слишком высокий процент, а предельным сроком долгового рабства называли три года; по истечении их долговые рабы вновь становились свободными.

Свободнорожденного человека вообще нельзя было делать рабом по каким бы то ни было причинам больше чем на трехлетний срок. В покрытие долга запрещалось отбирать не только землю, но и урожай; вводилось право на отсрочку уплаты долга при определенных обстоятельствах. Вдобавок

каждые 10—15 лет Хаммурапи и его преемники издавали так называемые «указы справедливости» (напомним, что по ним аннулировались долговые обязательства, существовавшие на тот момент, и люди освобождались от кабалы, а недвижимость, уступленная ими за долги или под залог, возвращалась к ним).

Законы Хаммурапи закрепляют сословную структуру общества: ущерб жизни и личности мушкенума (тем более вардума) карается не так строго, как по отношению к авилуму, зато покушение на имущество мушкенумов карается, наоборот, строже, чем то же преступление в адрес авилума — ведь имущество мушкенума входило в государственный фонд. Разрешались межсословные браки, причем дети наследовали статус того из родителей, у которого он был выше (например, сын раба и женщины из числа авилумов считался авилумом). За преступление, совершенное рабом против чужого человека (т.е. не его хозяина или члена хозяйской семьи), раба нельзя было наказать без разбирательства в суде. Раб мог оспаривать в суде свое состояние, доказывая, что его поработили незаконно. Если купленный на чужбине раб был по происхождению жителем Вавилонии, то по прибытию в нее он отпускался на свободу без выкупа.

В основе системы наказаний, проведенной в Законах, лежит древнее представление о справедливости как о воздаянии равным за равное по принципу талиона — «око за око, зуб за зуб». В Законах даже есть статьи прямо на эту тему: за повреждение чужого глаза виновный должен был лишиться собственного глаза, выбивший чужой зуб должен был потерять свой. Тот же принцип применялся при наказании за лживый донос: за необоснованное обвинение назначалась та самая кара, которая полагалась бы за преступление, ложно приписанное доносчиком оклеветанному. Например, за злое колдовство полагалась смертная казнь. Тогда получалось, что тот, кто ложно обвинял соседа в колдовстве, покушался на саму его жизнь, и по принципу равного воздаяния его самого надлежало казнить.

Однако за многие преступления, включая различные виды воровства, карали смертью; в этом отношении нравы в Месопотамии были гораздо суровее, чем, например, в Египте, где обычно казнили только за покушение на цареубийство или мятеж, да и то не всех. В то же время Законы учитывают

наличие «злой воли»: так, устанавливается различие в наказании за преднамеренное и нечаянное убийство. По сравнению с былыми временами в Законах Хаммурапи практически исчезли наказания денежными штрафами, широко применявшиеся при *III династии Ура*; нет сомнения, что Хаммурапи и его подданные считали, что такая практика несправедлива, так как фактически дает богачам возможность откупиться от наказания.

Интересно, что наиболее простые уголовные преступления, в частности обычное воровство и убийство, Законы Хаммурапи не упоминают вовсе, ибо такие дела решались по уже существовавшим обычаям и Хаммурапи не собирался вносить здесь ничего нового. Зато исключительное внимание Законы уделяют семейному праву; здесь они тоже пытаются проводить справедливость и ограждать законные интересы людей, как их тогда понимали, вдумчиво учитывая конкретные обстоятельства. Например, прелюбодеяние каралось в том случае, если в него была вовлечена замужняя женщина, однако приговор и тут зависел от оскорбленного мужа, которому предоставлялось выбирать одно из двух решений: либо предать смерти и неверную жену, и ее соблазнителя, либо простить обоих. Иными словами, если потерпевший не хотел губить жену, он должен был отказаться и от мести обидчику, ведь они оба равно были виноваты в происшедшем. Отец не имел права лишать сыновей наследства, если те не совершили преступления.

С другой стороны, некоторыми своими законами Хаммурапи стремился не карать преступление, а остроумно предотвращать его. Так, военным колонистам — «царским людям», получавшим от царя небольшие участки государственной земли под условием несения воинской службы, — было, разумеется, запрещено продавать эти участки: ведь последние принадлежали государству, а им лишь предоставлялись в пользование. Чтобы на деле добиться выполнения этого запрета, Законы Хаммурапи определяют: если кто-то купит надел такого воина, то ему достаточно заявить об этом, и земля вернется к нему, а деньги, полученные за нее, он может не возвращать. Казалось бы, закон нелогичен: виновный не только не наказан, но даже остался с прибылью. Но дело в том, что такой закон исключал саму возможность описываемого в нем преступления: никто не захотел бы приобретать у военного коло-

ниста его служебный надел, зная, что на этом легко потеряет собственные деньги, а землю так и не получить.

Хаммурапи необычайно гордился своими Законами, считал их главным достижением своей жизни и призывал всех будущих царей следовать их духу и образцу, многозначительно прибавляя: «Мои законы отменны, мои установления не имеют равных! Только для неразумного они — пустое, но мудрому они созданы для соблюдения». Более того, он запретил преемникам уничтожать их, что-либо менять в их тексте или заменять в них его имя их собственными именами под угрозой самых чудовищных проклятий такому правителю и всей его стране.

Но некорректно разделять досужее заблуждение, будто Хаммурапи намеревался таким образом на все грядущие тысячелетия обязать всех жить по созданным им Законам: он требовал лишь того, чтобы их текст не искажали и не приписывали другому правителю, иными словами, не уничтожали память об этом труде Хаммурапи, а не того, чтобы по ним вечно судили! Это требование царя жители Двуречья, чрезвычайно уважительно относившиеся к его памяти, неукоснительно исполняли и много веков спустя, сохраняя и переписывая текст его Законов без всяких искажений (до современных ученых дошло около 40 их поздних копий — больше, чем у любого другого клинописного текста), хотя судили в стране, конечно, уже по совершенно иным установлениям. Тем самым потомки могли не опасаться проклятия Хаммурапи.

Вавилония при наследниках Хаммурапи. Нашествие касситов

Держава Хаммурапи в полном объеме просуществовала недолго: уже при его преемнике Самсуилуне (1749—1712 гг. до н.э.) ее постигло тяжелое потрясение. В 1742 г. до н.э. на Месопотамию с северо-востока обрушились неведомые ей ранее неиндоевропейские племена под предводительством своего вождя Гандаша. В их названии присутствовал этноним «касс-» (аккад. *кассу*), в современной науке их именуют «касситы», самоназвание, по-видимому, «каспе» — каспии. Вероятно, это были аборигены Северо-Центрального Ирана, сдвинутые с мест обитания под ударами переселений народов, как раз в то время проходившим на территории Ирана

и вызванным миграцией сюда индоиранцев из-за Кавказа. Между прочим, это переселение привело к гибели трансиранскую цивилизованную ойкумену — многие ее центры погибли, другие, включая знаменитую *индскую цивилизацию*, деградировали и были заброшены. Восточной границей цивилизованного мира для Месопотамии на тысячу с лишним лет стали горы Загроса.

Касситы рассекли надвое державу Хаммурапи, прошли ее насквозь и обосновались на Среднем Евфрате, где вступили в симбиоз с местными аморейскими племенами ханеев, создав независимое кассито-аморейское государство Хана. Другая часть касситов осела восточнее Диялы, при верховьях рек Керхе — Карун. Отрезанная этим движением от Вавилона, Верхняя Месопотамия, включая Ашшур, отпала и вскоре вновь, как до Шамши-Адада, стала конгломератом мелких политических образований.

Вскоре после этого, в 1739 г. до н.э. против Вавилона восстал былой шумерский юг Нижней Месопотамии; Самсуилуна подверг Шумер невероятному разгрому, но в 1722 г. до н.э. и он все же отпал от Вавилонии, образовав особое царство Приморья, цари которого принимали искусственные шумерские имена, хотя на живом шумерском языке уже давно не говорили ни они сами, ни их подданные. Как видно, некоторое противостояние между бывлым шумерским югом и аккадским севером Нижней Месопотамии продолжало существовать и осознаваться даже и после того, как все жители юга перешли на аккадский. Царство Приморья периодически вело с Вавилонией войны за пограничные земли.

Активизировались и народы горной периферии. К концу XVIII в. до н.э. эламиты вернули себе Сузы и сами совершили опустошительный набег на Вавилонию. В конце XVIII — начале XVII в. до н.э. большая часть Верхней Месопотамии (до того преимущественно аморейской) оказалась занята хлынувшими с ее северных и северо-восточных окраин хурритами, образовавшими здесь государство Ханигальбат (Митанни).

К концу XVII в. до н.э. Вавилония стала постепенно восстанавливать свои позиции и около 1630 г. до н.э. аннексировала Ханейское царство, распространив свою власть на долину Среднего Евфрата. К этому времени, кстати, династия настолько оторвалась от аморейской племенной среды, из которой когда-то вышла, что самоуправляющиеся аморейские племена, жившие в Вавилонии под властью ее царей,

стали теперь рассматриваться как особое сословие «амореев», отличное от прочего населения — «аккадцев». Однако в 1595 г. до н.э. неожиданный набег хеттского царя *Мурсили I* из Анатолии, захватившего и разграбившего Вавилон, покончил с правящим домом Хаммурапи. Последний его царь, Самсудитана (1625—1595 гг. до н.э.), погиб. Хетты не пытались закрепиться в Месопотамии, а сразу повернули назад, вывозя с собой огромную добычу, прежде всего драгоценную статую бога Мардука из посвященного ему храма в Вавилоне — главную государственную реликвию страны.

После ухода хеттов за контроль над оставшейся без власти страной вступили в борьбу сразу две силы: Гулькишар, царь Приморья, и поселившиеся к этому времени в самой Вавилонии племенные группы касситов, выходцев из кассито-аморейской Ханы. Ими предводительствовал князь из рода Гандаша. Гулькишар на некоторое время занял Вавилон, но вскоре был вытеснен из него касситами. Начался так называемый *Среднеавилонский период* — время правления касситской династии в Вавилоне.

СРЕДНЕАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД (XVI—XII вв. до н.э.)

Официальным самоназванием государства вавилонских касситов было «Кардуниаш». Именно при касситской династии окончательно сложилась классическая социальная структура Вавилонии, да и ее территориальное единство. Пришельцы-касситы, опиравшиеся на боевые отряды своих родов, восприняли вавилонскую культуру, отождествляли касситских богов с вавилонскими и покровительствовали традиционным культам и храмам, но не собирались поддерживать то государство социально-экономической жизни, которое пестовали наследники Хаммурапи. Как следствие, эта жизнь оказалась в значительной степени пущена «на самотек».

Общественный строй Касситской Вавилонии

Большинство населения входило в категорию «царских людей», сидящих на земле государства и его ведомств (в том

числе храмов); они платили подати и несли повинности. При этом государственной стала почти вся земля в стране, а общинный сектор свелся к нескольким крупным автономным городам, включая столицу; жители этих городов по-прежнему имели общинное самоуправление, в то время как потомки большинства бывших общинников сельской округи утратили его и слились с «царскими людьми».

За это количественное сокращение общинного сектора касситы заплатили его качественным развитием: автономные города — Вавилон, Ниппур, Сиппар — получили небывалую степень самостоятельности, в частности они были полностью освобождены от налогов и повинностей, имели свои собственные воинские контингенты, а их храмы — причем ведущие храмы страны — из государственных учреждений стали городскими. Государственная эксплуатация и регулирование были для этих городов упразднены, и в результате в них началось бурное развитие экономики, с одной стороны, и частной эксплуатации — с другой. Здесь вновь полным цветом разрастались ростовщичество и долговая кабала, теперь уже никем не ограничиваемые; долговое рабство становится пожизненным. Торговля также была разгосударствлена. Так, в новом общинном секторе — в автономных городах — начали быстро выделяться богатеи-магнаты.

Кроме того, касситские цари охотно жаловали различным лицам, прежде всего вельможам, земли в пожизненное, а потом и наследственное, «вотчинное» владение часто с одновременным освобождением от налогов и повинностей. Акт такого пожалования именовался «кудурру», и так же назывались ограждавшие подобные владения межевые камни, на которых были начертаны эти акты, провозглашавшие их налоговый и административный иммунитет. Так магнатские владения образовывались «сверху», благодаря царским пожалованиям, не имея отношения к общинным структурам. Целые селения жаловались и храмам. Особую роль играли кланы и роды касситов, в том числе обитавшие в предгорье на северо-восточных рубежах Вавилонии; эти племенные кланы давали государству значительную часть вельмож и нередко получали в постоянное «кормление» (или в собственность по актам «кудурру») целые округа. Тем самым они превращались в подлинные княжества соответствующих родов, автономные по отношению к Касситской державе, в составе которой существовали.

На условиях «кудурру» царь жаловал и мелкие наделы лицам, которым предстояло самим хозяйствовать на ней; собственники таких наделов часто объединялись в ассоциации. Имущество общинников-горожан и бывшие государственные земли, пожалованные царями частным лицам, составляли фонд частного имущества, которое далее переходило из рук в руки без всяких ограничений.

Больших централизованных имений, как правило, не существовало вовсе — и у царя, и у храмов, и у крупных землевладельцев практически вся земля была разделена на наделы, на которых вели мелкие хозяйства зависимые землепользователи, от крепостных до арендаторов. В результате сложилась общественная модель, в которой государственный сектор, охватывавший сельскую округу и большинство городов, сочетался с частно-общинным сектором, включавшим крупнейшие города и вотчины вельмож, где социальные отношения были основаны на частном распоряжении имуществом (учтем, что общинники Вавилонии были связаны и соподчинены административно, но своим имуществом распоряжались в частном порядке). Такая система, с незначительными видоизменениями существовала в Вавилонии до самого конца ее истории.

Касситские цари почитали династических касситских богов Шумалию и Шукамуну и сами считали себя потомками бога Шукамуны. Многие касситские цари обожествляли свою персону, считая, что получают божественность в дар от этих богов. Однако это была далеко не та божественность, что у коренных месопотамских царей-богов: речь шла всего лишь о том, что боги даровали царю почетный ранг «бога», ни в чем не меняя его человеческой природы. Такие цари не обретали собственного культа, и даже имена их и в личных документах подданных, и в их собственных официальных грамотах пишутся бессистемно — то со знаком божественности, то без него. Эта «почетная божественность» была порождена собственно касситскими, внемесопотамскими представлениями и не оказала влияния на политическую культуру Двуречья, оставшись личным делом ее царей.

Внешняя политика Касситской Вавилонии

У Касситской Вавилонии сложилась в современной научной литературе репутация второстепенной и слабой державы.

Однако это плод впечатления от одного-единственного, хотя и широко известного, эпизода того времени — униженного поведения одного из касситских царей перед лицом египетского фараона (см. ниже). В действительности внешняя политика касситов отличалась большим размахом. Еще около 1560 г. до н.э. касситский царь Агум II по прозвищу «Меч милости» добился от чужеземных стран возвращения величайшей вавилонской святыни — статуи Мардука, которую вывезли к себе при разгроме Вавилона хетты; это было триумфом новой династии.

Именно при касситах Вавилония была окончательно (и навсегда) территориально объединена: они аннексировали царство Приморья и подчинили долину Среднего Евфрата (середина XV в. до н.э.). Не случайно еще пятьсот лет спустя после падения касситской династии ассирийцы продолжали именовать Вавилонию официальным названием Касситской Вавилонии «Кардуниаш». Кроме того, касситские цари владели «страной Кашшу» (землями, непосредственно заселенными касситскими племенами в горах Южно-Центрального Загроса) и некоторыми областями Кутиума (страны *кутиев*) в Северо-Центральном Загросе. Выступив против Египта в конце XV в. до н.э., касситский царь Караиндаш заставил египтян пойти на мир с *Митанни* и явился одним из учредителей «амарнской» международной системы. В результате с конца XV в. до н. э. между Египтом и Вавилонией установились стабильные мирные отношения; касситские цари выдавали своих дочерей за египетских фараонов и получали в ответ богатые золотые дары.

Около 1400 г. до н.э. вспыхнул ожесточенный конфликт между касситским царем Кадашман-Харбе и жившими до сих пор в Вавилонии аморейскими племенами — они подняли мятеж и разгромили ряд храмовых центров. Одновременно против царя восстал сам столичный Вавилон. Кадашман-Харбе подавил восстание, залил город кровью, а затем изгнал из Вавилонии на запад, за Евфрат, «многочисленных сутиев (амореев) от восхода до заката солнца и привел их воинскую силу к небытию». Больше того, преследуя отступающих амореев, Кадашман-Харбе пересек Сирийскую степь и подчинил вавилонской власти ее обширные пространства с центром в Тадморе, установив общую границу с египетскими владениями в Южной Сирии и Заиорданье. Оттесненные касситами через всю Сирийскую равнину на ее крайний за-

пад, к оазису Дамаска, сутии-амореи составили ядро древнееврейской этнической общности. А обширные земельные угодья, занимавшиеся ранее в Вавилонии скотоводами-амореями, теперь достались земледельцам и были частично вовлечены в куплю-продажу. Это стало одним из источников экономического взлета и резкого роста внутренней торговли, которые, как явствует из деловой документации, случились в Вавилонии в середине XIV в. до н.э. В первой половине того же столетия вавилонским вассалом успел побывать и *Ашшур*. Касситские цари совершали дальние походы в Центральный и Южный Иран и пытались там закрепиться. Апогеем касситского могущества явилось правление Бурна-Буриаша (ок. 1366—1340 гг. до н.э.). Он захватил важный центр в бассейне Среднего Тигра — Аррапху, утвердил свое главенство в Эламе и Южном Иране, установил союз с хеттским Суппилулиумой (за которого выдал дочь, ставшую великой царицей Хатти) и с относительным успехом отразил первое нашествие новой волны семитских кочевников из Аравии — арамейских (ахламейских) племен на Сирийскую степь и Средний Евфрат. По письмам из Амарнского архива можно сделать вывод, что между Египтом и Вавилонией заключались и возобновлялись договоры о «дружбе» и «братстве».

Кадашман-Эллиль I и Египет: безуспешное сватовство

Касситский царь Вавилона Кадашман-Эллиль I (ок. 1370 г. до н.э.) обеспечил своей стране скверную славу среди современных ученых тем, что занимал довольно жалкую позицию в переписке с египетским фараоном. Его письма полны унылых попреков по поводу недостаточного уважения, оказываемого ему египтянами, вперемешку с униженными просьбами, обращенными к ним же, прежде всего о подарках.

Дошло до того, что вавилонянин попросил дочь фараона в жены, и, получив отказ на том основании, что «издревле дочь египетского царя не отдают замуж чужеземцам», не успокоился, а предложил новую мысль: прислать ему любую египтянку, которую он мог бы выдать за египетскую царевну перед своими подданными! «Есть же другие прекрасные женщины, — писал он. — Пришли любую прекрасную женщину по своему сердцу! Кто мне скажет: "Она-де не дочь царя?"».

Получив отказ и в этом, он вновь многословно жаловался: «Ты отказал просто для того, чтобы отказать. Почему брат мой и одной женщины не прислал? Может, и я, как ты, откажу тебе в жене? Нет! Вот мои дочери, я не откажу тебе ни в одной!» — правда, тут же выяснялось, что дочь он готов отдать только в том случае, если фараон срочно пришлет ему золота; если же он промедлит, то «...воистину, и 3 тысячи талантов золота я тогда не приму, а отошлю к тебе назад, и я не дам тебе в жены моей дочери!».

Однако уже преемник Кадашман-Эллиля I Бурна-Буриаш II принял в обращении с фараонами совсем иной тон, твердо ограждая свое достоинство от какого-либо неравенства в отношениях, и наглядно продемонстрировал, что позиция Кадашман-Эллиля была продиктована его личной слабостью, а не хилостью его страны.

Ассиро-вавилонские войны и падение касситской династии

Именно при жизни касситского царя Бурна-Буриаша город-государство *Ашшур*, который он тщетно пытался вернуть под свой контроль, превращается в великую державу Ассирию, и сам Бурна-Буриаш вынужден был признать это, отдав одну из своих дочерей за основателя ассирийского великодержавия Ашшурубаллита. После смерти Бурна-Буриаша начинается череда войн Вавилона с усилившейся Ассирией, которая растянулась в общей сложности на полтора столетия. В целом войны проходили с переменным успехом и постепенно разрастались как по размаху побед, так и по горечи поражений, но иногда оборачивались для вавилонян подлинными катастрофами. Тот же фактор обусловил функционирование в XIII в. до н.э. устойчивого союза Вавилонии с Хеттским царством в Малой Азии — ему тоже угрожали ассирийцы. Правда, союз с хеттами не всегда был приятен касситам: «Ты пишешь нам не как брат, а командуешь нами, как своими рабами», — укоряли из Вавилона хеттского царя *Хаттусили III*, инициатора союза. Резкие дипломатические демарши касситского царя Кадашман-Тургу в пользу Хатти во время его войны с Египтом — касситский царь изъявил готовность вступить в войну на хеттской стороне — были важным фактором, побудившим фараона Рамсеса II заключить свой знаменитый мирный договор с Хаттусили (ок.

1270 г. до н.э.). Затем, однако, ассирийцы отобрали у вавилонян долину Среднего Евфрата. Поэтому, подстрекая следующего касситского царя воевать против них, тот же Хаттусили писал: «Я слышал, что мой брат возмужал и ходит на охоту — в мужчину вырос отпрыск моего брата Кадашман-Тургу! Так иди, разграбь враждебную страну (Ассирию) так, чтобы слава об этом достигла меня! Брату моему я скажу, что о нем говорят: он, мол, царь, который оружие изготовил к бою, а сам и сел сиднем. Разве не так о тебе говорят? И разве это не так на самом деле? На страну враждебную иди и врага уничтожь!».

В результате подобных наущений хетты и вавилоняне около 1250 г. до н.э. действительно провели успешную войну против ассирийцев; вавилоняне вернули себе долину Среднего Евфрата и установили там прямой территориальный контакт с хеттами. Вскоре хеттское вторжение помогло другому вавилонскому царю, свергнутому было узурпатором, вернуть престол. Новый ассирийский царь Тукульти-Нинурта I разгромил очередного касситского царя Каштилиаша IV, увел его в плен в железном ошейнике и смог на время вообще аннексировать Вавилонию (ок. 1228—1212 гг. до н.э.). Однако ассирийцы были изгнаны оттуда еще при его жизни, и в начале XII в. до н.э. при вавилонском царе Ададшумуцуре происходит кратковременное возрождение касситского могущества; под влияние его подпадает и сама Ассирия. Вся эта череда событий ярко показывает то, до какой степени бурной оказывалась судьба Касситской Вавилонии в последний период ее истории.

Неожиданный и смертельный удар Касситской Вавилонии нанесли (как и III династии Ура!) эламиты. Во второй четверти XII в. до н.э. они совершили несколько опустошительных походов на Месопотамию и около 1150 г. до н.э. полностью оккупировали Вавилонию. Ее города и храмы были разграблены, а последнего касситского царя вместе с его знатью победители угнали в Элам в плен. Казалось, что многовековая история Вавилонского царства завершилась эламским завоеванием.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Перед тем как повести речь о месопотамской культуре, нам придется обратиться к достаточно пространному опи-

санию духовного облика, т.е. мышления и ценностей людей древнего Ближнего Востока, в чье цивилизационное «поле» входила Месопотамия. Это необходимо сделать еще и потому, что расхожие представления о нравах и мировоззрении тех времен, обычно знакомые читателю, с нашей точки зрения, являются во многом ошибочными.

К числу таких распространенных ошибок или упрощений можно отнести представления о восточном неограниченном деспотизме; об иррациональной основе мифологии и ритуала; о том, что они опирались на прямую веру; о том, что мышление древнего человека носило иной характер, чем у современного; о том, что государственность и богочитание Древнего Востока подавляли человеческую личность; о том, что и само личное сознание толком еще не выделилось тогда из коллективного, так что люди преклонялись перед богами, обществом и властью как самодовлеющими началами, имеющими априорный, безусловный приоритет перед людьми как личностями, их жизнью и потребностями.

Нередко считают, что авторитет иерархии богов или властителей был на Древнем Востоке абсолютным и изначальным, а не условным, сознательно возводящимся (с санкции и по убеждению самого общества!) к потребностям и желаниям его членов, как это происходит в рамках современной либерально-персоналистской культуры, где существование и авторитет государства обосновывается и оправдывается тем, как оно обеспечивает нужды составляющих его людей. В действительности при выработке всех этих представлений, особенно типичных для популярной и общей культурологической литературы, некоторые *внешние* отличия древневосточного менталитета от привычных нам норм и навыков современности принимаются за отличия *сущностные*.

Магико-мифологическая картина мира и ее основы

Сегодняшняя наука рассматривает в качестве опыта, по которому можно судить о мире, лишь так называемый «объективный» эмпирический опыт, даваемый нам органами чувств. Только на основании логического анализа такого опыта выносятся суждения, причем истинность их считается лишь относительной, т.е. не безоговорочной: всегда допуска-

ется, что в них может содержаться доля ошибки (даже если об этом пока ничего не говорит, и на практике эта возможность во внимание не принимается). Иными словами, для научного мышления нет догм (абсолютных истин), а мерой относительной истинности всякого суждения считается его доказательность, т.е. опора на опыт и его логическую обработку.

На самом деле, в древности придерживались такого же «естественнонаучного» и «релятивистского», «адогматического» подхода, но границы «объективного опыта» проводили совсем не так, как мы. Их критерий «объективного восприятия» можно сформулировать примерно так: «Если некое ощущение является плодом осознаваемого усилия моего ума, воли и воображения, то я не могу доверять ему и рассматривать его как репрезентативный опыт: это мое собственное порождение. Однако если некое устойчивое ощущение пришло ко мне помимо и независимо от усилия моего разума и воли, то оно, конечно, принадлежит к «объективному» опыту, я могу по нему прямо судить об объективной, «внешней» реальности, ибо раз я сам не породил его, то откуда оно могло прийти еще, как не из этой реальности?».

Иными словами, человек древности не подозревал о существовании субъективно-подсознательного мира как самостоятельного, обособленного и от сознательных усилий воображения, и от внешней реальности. А в таком случае он и должен был воспринимать все сколько-нибудь яркие и устойчивые внутренние ощущения и сильные эмоциональные импульсы, не вызванные сознательным усилием воли, как показания «приборов», наравне с опытом глаз и рук, как прямой источник достоверной информации о мире.

Примерам этого нет числа. Древний жрец, спонтанно испытывая сильнейшее эмоциональное потрясение при обряде вступления в контакт с божеством, считал само это потрясение верным знаком того, что он и в самом деле вступил в означенный контакт, — иначе откуда явилось это потрясение (ведь он не вызывал его в себе специально)? Простой месопотамец, вспоминая яркий сон, в котором он летал над неведомой страной или встречался со своим покойным родственником, был обычно уверен в том, что это его душа совершала путешествие по некоему пространству или измерению реальности, или, соответственно, встречалась с душой мертвого

родича, которая, стало быть, продолжает существовать после его смерти и способна вступать в контакт с душами живых. Именно таким мог быть вполне «научный» (в точном смысле слова!) алгоритм «открытия» обособленного существования души и тела. Если человек осуществлял игру или обряд, в которых он поражал далекого врага или воплощал некоего бога, то в процессе этой игры или обряда он мог на какое-то время устойчиво и ярко ощутить себя действительным победителем врага или воплощением бога, причем это ощущение приходило к нему «само», без усилий воображения.

На этом эффекте основаны все магические ритуалы: ведь их суть — имитируя какое-то действие, вызвать «сквозь время и пространство» его реальное осуществление, а условием этого является *переживание* имитации как реального действия со стороны совершающего обряд. Не случайно магическое действие стараются осуществлять в состоянии наивысшего эмоционального подъема или транса, т.е. отключая или ослабляя собственную волю и сознание: это помогает человеку бесконтрольно и полно пережить имитацию как реальность и тем самым, по мнению древних, действительно сделать ее реальностью. Таким образом, люди архаики последовательно рассматривали свой подсознательный субъективный опыт как опыт объективный, эмпирический.

Теория мифологического мышления

Почему, однако, люди древности поступали именно так? В попытках ответить на этот вопрос в XX в. была выдвинута теория особого «мифологического», или «дологического» мышления. Согласно ей мышление человека древности существенно отличалось от современного: как уже сказано, мы проверяем наши ощущения логикой и опытом, а человек архаики априори принимал как объективный факт любой эмоционально-ассоциативный импульс, напрямую переводя его в итоговое суждение без всякой проверки разумом.

Ключевым словом при описании подобного мышления становится «вера». Причем подразумевается: вера, безосновательная и не нуждающаяся в обоснованиях, когда непосредственное ощущение автоматически переводится в суждение, рассматривающееся как безусловно истинное, без анализа, сомнений и допущения возможной ошибки. При этом

никто не отрицает, что в сфере прикладных повседневных навыков (например, при производстве орудий труда) люди архаики сплошь и рядом оперировали обычным рациональным мышлением, опираясь на логическую обработку опыта. Однако их базовые суждения о мире (о космосе, душах, богах и обрядах, в том числе магических), как обычно считают, вырабатывались, напротив, посредством «мифологического мышления», опирались на акты безусловной иррациональной веры и не подлежали сомнению.

С этой теорией «дологического» мышления, несмотря на ее распространенность в науке, трудно согласиться уже по той причине, что она вынуждена наделять человека древности двумя плохо совместимыми типами мышления разом и не объясняет, почему в одних сферах своей жизни человек руководился одним из них, а в иных — другим. Кроме того, общеизвестно, что древность в течение тысячелетий была принципиально чужда самому понятию о догмах (абсолютных истинах) и о «вере» как пути безусловного их принятия. «Много дней пройдет, и любое пророчество потеряет силу», — говорит древнееврейская языческая пословица, прямо выражая тот принцип, что ни одно суждение не может быть признанным свободным от ошибки, т.е. что абсолютно-истинных суждений, принимаемых путем тотальной веры, быть не может.

Именно поэтому так называемые «религиозные» концепции древности обнаруживают исключительную текучесть, гибкость и изменчивость в ходе своего развития — ведь догм, ограничивающих и фиксирующих это развитие, не существует. А ведь без этого «горючего» функционирование иррационального мировоззрения, как показывает практика мировых религий, совершенно невозможно. Общеизвестна и так называемая «веротерпимость» древности, исчезнувшая к Средневековью с распространением догматических религий откровения.

Различные, зачастую противоречащие друг другу религиозно-мифологические концепции сосуществовали в пределах одной и той же древней культуры, пользуясь принципиальной взаимной терпимостью; на своей абсолютной правоте не настаивала ни одна из них, и ни одна не объявлялась «ересью» или «ложной верой» ни адептами других концепций, ни государством. Иными словами, носители этих концепций

относились друг к другу точно так же, как в современном мире относятся друг к другу сторонники конкурирующих естественнонаучных теорий, а не так, как приверженцы разных религий. Как все это было бы возможно, будь мировоззрение древности основано на «вере»?

Рациональная природа древней картины мира

В действительности при объяснении взглядов и представлений людей древности нет необходимости прибегать к теории о некоем особом типе мышления. Иначе говоря, древним людям ничего не оставалось, как самым логичным и рациональным образом расценивать свои яркие эмоционально-ассоциативные впечатления в качестве объективного опыта по главному критерию такового — независимости соответствующих впечатлений от сознательной воли воспринимающего субъекта. Соответственно, человек древности и строил свою картину мира на интерпретации такого «опыта», причем изучал его точно таким же аналитически сопоставительным, логико-эмпирическим путем, как современный физик — показания своих приборов. В итоге, полагая, что изучает внешний мир, человек архаики на деле изучал автономную часть внутреннего.

От современной науки магико-мифологическое знание отличается лишь границами выделения объективного опыта; критерии же этого выделения (т.е. саму суть опыта) они понимают совершенно одинаково. С точки зрения обеих, опыт не должен зависеть от индивидуального субъективного мира наблюдателя; тогда его остается интерпретировать как прямое отражение внешнего, наблюдаемого мира, который мы и хотим изучать. Древность лишь приписала это важнейшее свойство настоящего опыта (относительную независимость от наблюдателя) тем ощущениям, которые его на деле не имеют.

Это, кстати, было важнейшей причиной невероятно низкой скорости технического прогресса в древности. Изобретатель нашего времени посвящает свои усилия созданию новых устройств и технологий; изобретатель древности, по интеллекту ничем не уступавший современному, сосредотачивался на разработке и применении молитв и заклинаний, полагая, что это куда более многообещающий способ получить все, что нужно людям.

Человеческая личность на древнем Ближнем Востоке

Еще одним неожиданным для многих свойством древневосточного менталитета было то, что он, при всей роли коллектива в общественной жизни, с самого начала оказывается сугубо личностным. Нередко считают, что выделение личного сознания (в том числе этического) из коллективного было довольно поздним процессом, развернувшимся лишь в так называемое «осевое время» (середина I тысячелетия до н.э. и несколько последующих столетий). Согласиться с этим трудно. Достаточно вспомнить о том, какую экстраординарную роль для человека древности играет его *имя* — главный оплот личной идентификации вообще! В текстах самых разных эпох восточной древности: от «Эпоса о Гильгамеше», «Диалога господина и раба» и шумеро-аккадских пословиц в Вавилонии до важнейшего брахманского трактата «Законы Ману» в Индии и даже сочинений раннего конфуцианца Сюнь-цзы в Китае — человеческий мир рисуется в первую очередь как мир *отдельных людей*, делающих индивидуальный выбор (и по отношению к социуму, и по отношению к богам, и по отношению к другим личностям).

Как видно из письменных источников, общество на Древнем Востоке, хотя и имеет высший авторитет по отношению к любой личности, обосновывает этот авторитет только тем, что обеспечивает фундаментальные потребности своих членов; целью общежития, за редкими исключениями, считается не совершенствование или преобразование людей, а их оптимальное выживание. Соответственно, общество предпочитает, так сказать, «не лезть в душу» своих членов, интересуясь обычно лишь практически значимыми аспектами их поведения по отношению к окружающим. Поэтому поощряемая государством идеология играет важную интегрирующую роль, но не насаждается и не навязывается как требующая обязательного согласия на индивидуальном уровне.

Разумеется, власть общества над личностью в древности была, как правило, на порядок большей, чем в современном мире; отсутствовала также и концепция особых «прав личности», противопоставляемых «правам общества» и тем более приоритетных перед ними. Древний Ближний Восток считает общество системной совокупностью отдельных лю-

дей с разными статусами, и, соответственно, знает только права отдельных лиц, частично различающиеся в зависимости от их статуса. Таким образом, «эмансипированной личности» современного либерального общества в Месопотамии, конечно, не существовало.

«Религия» и этика на древнем Ближнем Востоке. Понимание добра и зла

Строго говоря, по многим своим признакам языческие «религии» древнего Ближнего Востока соответствуют вовсе не религии в средневековом и более позднем понимании, а современной прикладной науке и наукоемкому производству. Таковы они и по своему назначению (обеспечение физических благ для общества и его членов), и по своей организации (особое профессиональное учреждение — храм), и по своему способу существования (множественность и изменчивость сосуществующих концепций; адогматизм, релятивизм, т.е. признание того, что существующие представления могут быть в чем-то ошибочны и их, таким образом, допустимо корректировать; мирное сосуществование множества культов).

Древние религии не знают понятия «откровения», прагматичны по цели существования и чуждаются всякого принципиального иррационализма. В контакт с богами в древности вступали никоим образом не ради самого по себе богообщения, благоговейного преклонения перед высшим, приближения к нему, этического очищения, совершенствования и т.п., а ради получения самых обычных и насущных житейских благ для самих себя.

Конечно, бог вызывал к себе и живое, бескорыстное человеческое участие, но не в большей степени, чем другие живые существа, и по тем же безусловным причинам. К данному богу могли относиться с самым искренним восхищением, почитанием и любовью, однако вовсе не априори: эти чувства находились в зависимости от того, сколько явных житейских благ этот бог приносит людям, а не определялись самим по себе фактом его божественности. При ином поведении он встречал бы иное отношение.

Достаточно вспомнить, как в Египте в общегосударственном порядке разрабатывались и преподавались заклинания, которыми люди могли бы обмануть богов на загробном суде,

чтобы обеспечить себе посмертное благоденствие. Боги не являются ни источником, ни даже примером этики для людей и не стоят выше человеческой этической оценки; у них нет ни безусловного, ни даже повышенного этического авторитета, и только их могущество и претензии обеспечивают им повышенную роль в контроле над соблюдением людьми различных норм.

С точки зрения древних, системы ценностей и моральные нормы вырабатывают для себя сами люди (как и боги) по своей воле и в своих интересах, генерируя их в самых житейских целях, как средство оптимального обеспечения их природных потребностей. Поскольку удовлетворять эти потребности возможно только в коллективе, правила коллективного общежития и становятся необходимыми и этически ценными. Боги могут следить за исполнением этих правил, но поступают в этом случае так же, как и любой другой начальник (от отца семейства до старосты или царя), сами не делаясь от этого ни источниками, ни высшими воплощениями этики.

Принципиально новые явления во всех этих областях приносит лишь так называемое «Осевое время» (если понимать его в расширенном смысле, как середину I тысячелетия до н.э. и несколько последующих столетий). В нем создаются первые примеры концепций, которые считают тотальное самоподчинение и жертвенное служение абсолютному внешнему началу — Богу — безусловным и первейшим долгом человека, возводят авторитет этической нормы исключительно к тому обстоятельству, что ее вменил Бог, отождествляют Бога с абсолютным Благом, претендуют на подчинение всех сфер жизни общества и требуют последовательно теоцентрической мировоззренческой ориентации. Богообщение из дела государства и профессиональных жрецов становится делом, вменяющимся в долг каждой отдельной личности.

Вселенная, ее силы и судьбы

Мировоззрение обитателей Месопотамии было типичным порождением ближневосточной языческой древности, о которой говорилось выше. Это было устойчивое и продуманное мировоззрение рационально-релятивистского, антропоцентрического, гедонистического и прагматического толка. Абсолютных начал для месопотамцев не существовало, как

и противопоставления разных уровней бытия: естественного — сверхъестественного, духовного — плотского и т. д. Используя современную терминологию, можно сказать, что все сущее было для них «материально», нецелостно, уязвимо и конечно во времени и пространстве.

Они не знали ни догм, ни, по сути, религиозной веры, а свои суждения о мире (в том числе о богах, душе, магии — словом, обо всем, что представляется сегодня материалом «религиозных верований») строили, по-видимому, на основе разумной интерпретации того, что казалось им объективным опытом. В месопотамской картине мира нет ни универсального промысла, ни благодати как руководящего начала; в конечном счете мир оказывается таким же слепым и раздробленным, находящимся в рамках космической несвободы Вселенной, как для атеистически настроенного физика текущего столетия. Существование богов ничего здесь не меняло, так как они сами были не всемогущи, не всеблаг и не сверхъестественны. Как справедливо отмечал выдающийся историк культуры Г. Франкфорт, в Месопотамии боги не выделяются из «естественного» хода событий, а считаются его главной частью. Иными словами, ближневосточные культуры, в сущности говоря, не знают ничего «сверхъестественного». Не могло возникнуть и противопоставления «сакрального» и «профанного», «святого» и «грешного» в привычном для нас смысле, заданном мировыми религиями, — т. е. как начал, соотносенных с принципиально противоположными уровнями бытия, «абсолютным» и «низшим».

Людам в этом мире, по их мнению, оставалось в собственных интересах распорядиться тем немногим, что им отпущено на этом и на том свете. Заранее заданного, «объективного» смысла в существовании они не усматривали вообще, а единственной здоровой целью жизни, которую могло бы себе поставить само живое существо, будь то бессмертный бог или смертный человек, считалось удовлетворение его основных потребностей (включая социальные и эмпатические, связывающие его с другими личностями).

Наблюдения над окружающим миром не оставляли у месопотамцев сомнения в том, что во Вселенной действуют силы двух совершенно разных порядков: 1) рутинные, достаточно хорошо известные силы, чье действие доступно наблюдению в своих основных звеньях, относительно предсказуемо

и не оказывает особенно существенного воздействия; 2) неизмеримо более таинственные и непредсказуемые «высшие» силы, характеризующиеся одновременно невероятной мощью и масштабом воздействия на людей и мир.

Главными носителями таких сил в Месопотамии, как и в других странах древности, считались особые личные сущности (*боги/духи*), наделенные разумом, волей и рядом уникальных характеристик, отличающих их от всех остальных объектов мира как живых, так и неживых. Это и фактическое бессмертие, и способность получать вещественные воплощения и обходиться без них, и способность пребывать разом в наблюдаемом временно-пространственном «измерении» и вне него, находиться и действовать сразу во многих точках пространственно-временного континуума; и невероятное могущество в сфере знания и преобразования мира.

Любое соприкосновение с силами такого рода, учитывая их непредсказуемость и мощь, было для людей необыкновенно рискованным, так что все ситуации, чреватые подобным соприкосновением, все объекты и сферы, в связи с которыми оно с большой вероятностью могло произойти, необходимо было окружать множеством ритуальных запретов и предписаний.

Судьба человека в мире богов

Важнейшим понятием месопотамской картины мира была «судьба» (аккад. *шимту*, досл. «нечто установленное, определенное извне»). «Шимту» каждого объекта — это совокупность всего, что происходит с ним по чьей-то чужой воле, независимо от его собственной. В частности, все вмененное одним существом другому (например, царское пожалование или имущество, завещанное частным лицом в чью-то пользу), считалось «шимту». Представления о «шимту» были многослойны. Считалось, что какая-то часть всей совокупности «шимту» предустановлена изначально сама собой, раз и навсегда, и неизменяема даже усилиями богов; эта часть «шимту» точно отвечает современному философскому понятию «космической несвободы», ограничивающей деятельность любых существ. Все остальное в «шимту» в разное время предустанавливается, устанавливается и переустанавливается всеми целеполагающими существами (богами и людьми) в меру их влиятельности и желания вмешиваться в чужие судьбы. В частности,

боги на своей ежегодной ассамблее определяли судьбы мира на ближайший год, а потом любой из них мог определять и переопределять «шимту» данного лица «в текущем режиме», в ответ на те или иные его действия, наказывая и награждая его за них или исполняя его молитвы. Тем самым любое существо в принципе могло влиять на свое «шимту» и, в частности, маневрировать ради этого по отношению к различным «определителям» своих судеб, пользуясь возможными противоречиями между ними (особенно хорошо это получалось у великого героя месопотамских преданий *Гильгамеша*).

Наконец, не все, что происходит с тем или иным объектом, считалось его «шимту», т.е. чем-то установленным для него извне. Даже совокупность всех таких установлений оставляла некий, хоть и небольшой простор и для реализации свободной воли самих этих существ, и для «воли случая»: тотального детерминизма, представления о всеобщности и всевластии судьбы у месопотамцев не было. А поскольку все существа месопотамской вселенной, включая богов, конечны и не всемогущи, то у всякого из них был некий, пусть и исчезающе малый шанс пересилить внешние установления и, в частности, так и не позволить каким-то намерениям богов стать реализовавшейся судьбой — «шимту». Так, Гильгамеш в месопотамской традиции идет наперекор воле одних богов при невмешательстве других и остается победителем.

Чем могущественнее и удачливее было существо, тем меньше места в его жизни занимало установленное извне «шимту», и тем больше — самоопределения его собственной воли. В итоге фактически состоявшееся «шимту» оказывается ближе к результирующей броуновского движения, чем к осуществлению какого-то заранее предначертанного плана.

Более могущественные и стоящие выше в естественной космической иерархии существа устанавливали «шимту» для нижестоящих, и львиная доля того, что происходило в жизни людей, как и подавляющая часть их свойств, устанавливалась для них богами, т.е. была «шимту»: во-первых, боги некогда создали людей, наделив их специфической общей природой; во-вторых, они определяли некое первичное «шимту» данного человека (как его качества, так и основную канву его жизни) при его рождении и, в-третьих, переопределяли ее впоследствии, в том числе в воздаяние за те или иные дела самого человека.

Влияние богов на земную жизнь людей

По месопотамским представлениям, боги сотворили людей ради того, чтобы избавиться от утомительных трудов по самообеспечению. До этого боги принуждены были трудиться ради своего пропитания сами, жили в скверных жилищах и т.п. Теперь люди были призваны кормить богов жертвами, чествовать и обеспечивать их обиталищами-храмами и всевозможными драгоценными предметами, а боги отныне могли проводить время в неведомой им ранее роскоши и почете.

Со своей стороны, люди оправдывали эти ожидания и вступали во взаимодействие с богами не из приверженности к ним и не ради самого приобщения к их замыслам, но исключительно в собственных интересах, для того чтобы добиться их покровительства и избегать губительных последствий их гнева в обычных житейских делах. Учитывая могущество и активность богов, обеспечить себе сколько-нибудь сносное существование вне постоянного поклонения им считалось совершенно невозможным. Для того чтобы жить «по-человечески», такое поклонение оказывалось необходимым, и в этом смысле оно само являлось установленной богами для людей долей-«шимту» (см. выше).

Правда, в рамках нормативной месопотамской культуры находил себе место и прямо противоположный взгляд, согласно которому боги настолько капризны и непредсказуемы, что почитать их бессмысленно, а сильный человек проживет и не добиваясь их благоволения; «Бога все равно не приучишь ходить за тобой, как собаку», — гласит месопотамская мудрость. Это воззрение не вызывало в Двуречье каких-либо принципиальных возражений и в виде теории воспринималось с полной терпимостью как одна из возможных и внушающих известное сочувствие точек зрения. Однако ее в то же время считали недостаточно основательной и неоправданно рискованной практически. В итоге такое отношение к богам оставалось личным и довольно редким выбором отдельных людей, а корпорации и сообщества никогда не шли на подобный риск. Частному человеку не запрещали брать «богоборческое» имя (например, «Не боящийся бога»), но едва ли многие хотели после этого с ним связываться. В одном из текстов прямо сказано, что без повиновения богам люди могли бы существовать лишь так, как живут дикие звери и разбойники.

Многообразные взаимоотношения, в которые в результате вступали друг с другом боги и люди Месопотамии, можно свести к следующим основным аспектам:

— люди регулярно обеспечивают богов жертвами, храмами, ритуальным чествованием;

— боги оказывают человеческим сообществам покровительство и поддержку в их житейских делах (как по собственной инициативе, так и по человеческим молитвам); в частности, боги помогают людям в поддержании их социального порядка (прежде всего мерами «точечного воздействия», наказывая нарушителей этого порядка и награждая его приверженцев и защитников);

— боги принимают участие в ритуалах, нацеленных на жизнеобеспечение самих людей (новогодние обряды, обряд священного брака и др.), что и придает этим ритуалам действенность;

— боги, по собственной инициативе или по запросам людей, посылают людям различные извещения (требования, предупреждения, изъявления недовольства); это позволяет людям, применяясь к полученным сведениям, избегать опасности, а также дает им время на то, чтобы попытаться упросить богов переменить их судьбу к лучшему, или на то, чтобы предупредить их кару, исправив или искупив те свои действия, что ее навлекли;

— упущения в осуществлении культа, вольное или невольное нарушение требований богов или просто каприз последних грозят людям самыми губительными последствиями. Предупреждать, предотвращать и смягчать эти последствия (прежде всего запросами относительно божьей воли, соблюдением ритуальных запретов и умиловительными ритуалами) было одной из важнейших задач людей в их общении с богами.

Центрами столь многообразного общения с богами были храмы городских богов-покровителей (многие из них одновременно играли важную специфическую роль в общемесопотамском пантеоне).

На загробный мир месопотамцы смотрели совершенно безнадежно: что бы они ни делали, там всех ожидала одна, и очень плохая судьба, по выражению И.С. Ключкова, «жалкое прозябание», принципиально лишённое каких бы то ни было радостей. За пределами земной жизни заботиться было не о чем.

Богообшение является прежде всего делом государства и привлеченных им для этой цели профессионалов-жрецов; частный человек вовлечен в него гораздо меньше. По выражению Л. Оппенгейма, Месопотамия была страной с редкостно умеренным религиозным климатом. Рядовой человек практически не общался с великими богами; для этого у каждого человека существовали его личные покровители — бог и богиня, предстательствовавшие за него перед остальными богами. Их делом было приглядывать за всеми его делами.

Месопотамцы ощущали себя разом и рабами, и детьми своих личных божеств-покровителей, стандартно величая их своими родителями. От них, в отличие от великих богов, ждали справедливости и попечительности по отношению к своим питомцам: таковы были их обязанности. Личным богам писали письма, как близким родственникам. Один месопотамец, попав в беду, обратился к своему личному богу с упреком: «Что же ты мною пренебрегаешь? Кто тебе даст другого такого, как я?». У царей личных богов-покровителей могло быть множество, и эту роль по отношению к ним играли великие боги пантеона.

При выборе отношения к богам в целом месопотамец колебался между тактикой «богобоязненного человека» (аккад. *палих или*; имелась в виду концентрация на отношениях с богами, величайшее внимание к их воле и максимальное ее исполнение во избежание кары) и горьким осознанием того, что боги ведут себя слишком произвольно и чуждо, чтобы на такую тактику можно было полагаться. Характерно, что по месопотамскому мифу боги губят царства по одному капризу, а однажды по такому же капризу (а не из гнева, не в наказание за какую-либо вину и т.д.) погубили почти все живое на земле *потопом*. В гимне величайшей из месопотамских богинь, Иштар, месопотамцы обращались к ней так:

Иштар, ты царишь полновластно, ты заступница людская!

Ты — воплей звезда, ты раздор среди братьев дружных!

Ты — предавшая друга, владычица распри!

Ты в судебных делах безупречна, ты завет земли и неба!

Имя твое внушает ужас, его хранят племена и народы!

Своих подданных ты судишь по справедливости и правде!

То, что Иштар здесь приписываются этически противоположные качества и поступки, никого не удивляло. Иштар почитали пышными ритуалами и богатыми жертвами и в то

же время с восторгом слушали и воспроизводили предания о том, как великий герой Гильгамеш обличил ее предательство и злонравие и посмеялся над ней.

Иногда, однако, жители Двуречья приходили к тому выводу, что боги справедливы и попечительны, но тогда вставал вопрос: почему же в этом случае страдают невинные люди, которые ничем не могли, казалось бы, прогневать богов? Как отвечали в Месопотамии на этот вопрос, будет рассказано ниже.

Месопотамский взгляд на жизнь: рациональный социализированный гедонизм

Отличительной чертой месопотамского взгляда на жизнь было полное отсутствие того, что в современном словоупотреблении называется «идеологическими» или «абсолютными ценностями». Иными словами, общество не располагало ценностями, которые считались бы нужными всем вместе, но никому в отдельности; признанные же ценности определялись именно тем, насколько они нужны были отдельным людям, составляющим общество.

Первичными ключевыми понятиями месопотамской этики являлись тем самым индивидуальная радость и страдание (физическое и эмоциональное); «иерархии радостей», т.е. деления их «по природе» на пристойные и непристойные, низменные и высокие, не существовало, поскольку они мыслились в основном на индивидуальном уровне. Цель человеческой жизни усматривалась прежде всего в достижении тех или иных личных радостей.

Не следует, однако, представлять себе месопотамское общество скопищем алчных эгоцентриков. Такое общество просто не могло бы существовать. Вторым центральным понятием его этики являлось взаимное обязательство, клятва, которую люди дают друг другу затем, чтобы совместными усилиями обеспечивать радости и уменьшать страдания. Само общество воспринималось именно как наследственный и нерасторжимый союз, заключенный людьми с этой целью, и понятие «страны» существовало только как совокупное обозначение людей, составлявших эту страну (а не как знак некой системы, представляющей большую ценность, чем совокупность ее элементов). Именно взаимные обязательства этих

людей делают общественный коллектив верховным авторитетом, во имя которого оправданы и необходимы самые тяжелые личные жертвы.

На практике месопотамцы проявляли не меньше самопожертвования, чем жители какой угодно другой страны. Граждане Вавилона, отстаивая свободу своего города от иноземных завоевателей, будь то ассирийцы или персы, в течение VIII—V вв. до н.э. раз за разом поднимали восстания против их ига, обороняясь с исключительным упорством и идя на любые жертвы. У царей Месопотамии, когда они терпели окончательное поражение и им грозил неизбежный плен, было в обычае запираяться в своих дворцах и сжигать там себя вместе со своими приверженцами; никто не смог бы принудить двор и воинов царя принимать участие в таком самосожжении — они могли делать это только по доброй воле. И такие добровольные массовые самосожжения из нежелания сдаться врагу и готовности последовать в смерть за своим царем (вспомним, что и на загробную награду месопотамцам рассчитывать не приходилось!) повторялись в Месопотамии неоднократно.

Однако, во-первых, постоянную актуальность сохраняло то ощущение, что стране, т.е. другим членам коллектива, следует служить потому, что они находятся с тобой в состоянии тебе же необходимых обязательств ненападения и взаимопомощи. Во-вторых, к жертвам во имя коллектива относились без всякого энтузиазма, да общество его и не требовало. Таким образом, сущностью «вавилонской этики» была ориентация на потребности отдельного человека, хотя применительно к Древнему Востоку это может выглядеть несколько неожиданно. Отсюда вытекают и все остальные ее особенности. Так, мы практически не сталкиваемся с противопоставлением «общественной» и «личной» этики, поскольку в обоих случаях речь идет только о взаимоотношениях людей и их групп, и долг по отношению к обществу мыслится как личное обязательство перед людьми твоей страны. Поэтому социальный ранг человека не считался чем-то принципиально значимым при определении его личного достоинства, так что Месопотамия не знала каст и кастового духа, и для нее, как мы видели на примере старовавилонского общества, были совершенно не характерны жесткие психологические и социальные перегородки между «верхом» и «низом» общества.

Месопотамская этика подразумевала и специфическую мотивацию. Любое общество определенным образом отвечает своим членам на вопрос, почему именно надо поступать «хорошо»; месопотамцы апеллировали при этом прежде всего к жизненным интересам самого человека. Лояльность по отношению к богам обосновывали тем, что тому, кто их не почитает, придется от них плохо; необходимость соблюдать нормы поведения по отношению к людям обосновывалась тем, что тому, кто посягает на них, люди не дадут жизни, и т.д.

Всякое общество накладывает на своих членов различные ограничения, не позволяющие им чинить ущерб друг другу. Месопотамская этика отличается здесь тем, что в качестве ущерба рассматривает только очевидный физический или материальный вред, причиненный человеку, его власти и имуществу; категорий «морального» или «духовного» вреда в нашем понимании не существует (т.е. общество в подобных случаях не вмешивается).

Здесь люди сознательно стремятся не налагать друг на друга стеснений и ограничений без прямой физической необходимости; поэтому Месопотамия не знает ни законов против роскоши, ни ее осуждения, характерных для античных и средневековых европейских обществ; достаточно, чтобы ее добыли честным путем. Иными словами, считалось, что чем полнее человек удовлетворяет свои собственные желания без прямого ущерба для других людей, тем лучше; тем самым общество санкционировало для своих членов весьма высокую степень свободы следовать собственным потребностям.

Неудивительно, что у сторонников более требовательных этических систем, например ветхозаветной, месопотамская этика вызывала резкое неприятие как поощряющая объявленные низменные стороны человеческой природы (прежде всего стремление к удовольствиям), и не случайно именно Вавилон в устах ветхозаветных пророков на тысячи лет превратился в символ всяческого разврата и торжества «материальных начал», а образ «Вавилонской Блудницы» использовался в Ветхом Завете как символ гедонистической, антропоцентрической цивилизации вообще.

Основной целью наказания было возмещение ущерба и возмездие; ни воспитывать преступника, ни применять «в пример другим» демонстративные наказания, превышающие

вину, никто не собирался. Карался не порок, а поступок. Не было и превентивных и групповых репрессий по социальным, конфессиональным или этническим признакам, столь привычных в XX веке.

Наконец, понимая общество как некое соглашение, месопотамская этика в любых общественных делах избегает отвлеченных идеологем и тяготеет к конкретным решениям, заданным обычными житейскими ценностями. Когда цари *Старовавилонского периода* столкнулись с неконтролируемым ростом эксплуатации населения частными лицами, приводившим к разорению множества людей, то они, в отличие от новоевропейских идеологов, не тратили время на то, чтобы выяснять, противоречит ли частная собственность социальной справедливости «вообще». И они, и их подданные одинаково исходили из того, что если человек дает в долг собственное добро, а потом взыскивает проценты, то, пока мы рассматриваем эту практику саму по себе, она остается самоочевидно естественным и нормальным способом распоряжения своим имуществом; а если в итоге множество людей разоряются и закабаляются — то это уже дело нетерпимое.

В идеологизированном обществе либо запретили бы частную эксплуатацию, либо вовсе не вмешивались бы в частнособственнические отношения. В Месопотамии без всяких колебаний осуществляли «средний» выход: никто не посягал на имущество ростовщика или само ростовщичество, но долговое рабство ограничивали, а долговую кабалу периодически аннулировали царскими указами. Подобный релятивизм освобождал от идеологических страстей любые социальные конфликты. Враждующие стороны не надеялись переустроить человека и всю его жизнь, получив «новую землю и новые небеса» (как это делали участники массовых социальных движений многих других стран и эпох), а хотели лишь несколько улучшить свое положение в рамках неизменных общественных установлений, без которых, по их мнению, обойтись в любом случае было бы нельзя.

Иными словами, в Месопотамии исходили из представления о неизменной природе человека, задающей неизменные же принципы общественного устройства. Поэтому Месопотамия вовсе не знала социально-политических революций, а открытые внутренние конфликты (не считая мятежей присоединенных областей) были исключительно

редки, и их целью было освобождение от злоупотреблений, происходящих в рамках существующей системы, — чрезмерных поборов, скверного царя и т.д., а не изменение этой системы.

В целом неидеологический, рациональный гедонизм месопотамской этики приводил, с одной стороны, к довольно высокой социальной стабильности и консерватизму, не исключавшему при необходимости политической и социальной гибкости; с другой — задавал относительно мягкий, ненапряженный и благожелательный психологический климат внутри страны. Кроме того, месопотамцы почти не знали столь распространенной сегодня этнокультурной вражды.

Особенности месопотамской этики ярко отразились как в великих литературных произведениях, так и в месопотамских пословицах — творчестве всего народа. Пословицы передают рациональный релятивизм, прагматизм и гедонизм их создателей, но равным образом и приверженность их к осмысленному и высоко оцененному с точки зрения отдельных людей обычному социальному порядку. Приведем некоторые из них, дающие достаточно яркое представление о вавилонском взгляде на жизнь, и о том, почему Ветхий Завет откликнулся на эти взгляды пресловутым образом Вавилонской Блудницы.

Ничто не дорого, кроме сладостной жизни.

С хорошо устроенным имуществом, сынок, ничего не сравнится.

Небо далеко, а земля драгоценна.

Не знать пива — не знать радости.

Бога не приучишь ходить за тобой, как собаку.

Не выделяйся среди других — плохо будет.

Не воруй — себя не губи. Вор-то лев, а поймали его — раб.

Сладкий тростник в чужом саду не ломай — возмещать придется.

Не убивай, первым топор не подымай!

Кто на людей подыметесь, на того люди подымутся.

Проклятие ранит только внешне, подаяние убивает насмерть.

Ни добро, ни зло не освобождают сердца.

Незнакомый пес — плохо, незнакомый человек — хуже.

Если другу платишь злом, чем заплатишь врагу?

Если сам не иду, кто пойдет со мною?

Плакался волк богу: «Я так одинок!».

Скажешь псу: «Возьми!» — понимает, скажешь «Отдай» —

не понимает!

Идешь на битву — не размахивай руками.

Герой — один-единственный, а обычных людей тьма.

Желанья-то как у бога, да сил нет у человека.

Представления о царской власти

Именно в *Старо-* и *Средневавилонский периоды* окончательно сформировались основные политические концепции Месопотамии. Их ключевым понятием еще с III тысячелетия до н.э. была «царственность» (шумер. *нам-лугаль*, аккад. *шарруту*), т.е. сам институт царской власти. Важность этого института в Месопотамии связывалась прежде всего с положением царя в системе взаимоотношений богов и людей.

Царская власть не считалась чем-то изначально присущим человеческому обществу. В глубокой древности, по мнению месопотамцев, связи богов и людей поддерживались без царя. Лишь позднее боги изобрели саму «царственность», сочтя ее инструментом наиболее эффективного осуществления этих связей, и она «спустилась с небес» для употребления людьми. Тем самым боги упрощали и централизовывали механизм своего взаимодействия с людьми, концентрируя его отныне вокруг фигуры царя, и снабжали людей лучшим средством обеспечения социального порядка, поддержания культа и храмового строительства.

В одном из текстов верховный бог Ан так описывает обязанности царя: «Пусть царь исполняет безупречно для меня, Ана, обряды, установленные (для) его царственности, пусть он соблюдает установления богов для меня, пусть дарит мне подношения в день новолуния и в праздник нового года; пусть доставляет мне хвалы, обращения и жалобы». В других текстах подчеркивается возложенная богами на царя задача по обеспечению человеческого социального порядка — а сам этот порядок мыслился прежде всего как система, позволяющая как можно полнее удовлетворять основные человеческие желания, обеспечивать довольство людям. По заявлению правителя Иссина: «Меня, Липит-Иштара, для устройства справедливости в стране, для отвращения оружием вражды и насилия, для улаживания плоти Шумера и Аккада Ан и Энлиль избрали возглавлять страну»; по заявлению Хаммурапи: «Меня, Хаммурапи, для того, чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы погубить незаконных и злодеев, чтобы сильный не притеснял слабого — призвали Ану и Энлиль для улаживания плоти людей... Мардук послал меня для управления людьми и установления благополучия страны...». В надписях вавилонских царей акцент часто делается на том,

как усердно они служат богам, в надписях куда более могущественных царей Ассирии — на том, как щедро боги изливают на них свое покровительство.

Ритуал и царь

Как и других правителей Ближнего Востока, месопотамского царя можно было бы назвать рабом непрерывного ряда детально расписанных по дням ритуалов, которые были, однако, куда древнее царской власти и исконно носили общинный характер. Действительным протагонистом этих ритуалов и позднее оставалось, как правило, все сообщество, и в той мере, в какой царь играл в них стержневую роль, он делал это только вместе с сообществом как корифей некоего общего хора, а не помимо него, т.е. выступал в той же функции, какая некогда принадлежала в этих ритуалах общинному предводителю.

К числу таких обрядов относился прежде всего «священный брак» с божеством, дарующим плодородие. Владыки Ура пытались сделать его собственно царским ритуалом, не вовлекающим население, однако в конце концов, наоборот, цари перестали участвовать в нем. Другой важный обряд — праздничный «прием» богов людьми (когда их статуи ввозились в дома людей и «принимались» там как почетные гости на пиру в их честь). Храмовое строительство занимало (наряду с войной) первое место и в памятниках царя, и в его реальной деятельности.

Когда-то чисто общинный, ритуал «киспу» представлял собой экстраординарный обряд поминания и привлечения на сторону общины всех умерших предков его членов. Однако уже при династии Хаммурапи «киспу» становится царским и проводится от имени царя и во имя него, без всякого участия рядового сообщества. Обряд «киспу» состоял в том, что «есть и пить» жертвенную трапезу за правящего царя последовательно призывались духи мертвых: сначала, по именам, все предки самого царя, затем совокупно все воины, павшие за былых царей, все родичи былых царей, и, наконец, «все человечество от восхода до заката, те, кто не имеет молящегося за себя и чтущего себя».

Величайшим празднеством Месопотамии был многодневный Новогодний праздник («акиту»), когда и у людей, и у

богов обновлялись благая энергия космоустройства, упорядочивания мира в свою пользу и одновременно возобновлялась сокровенная связь богов с состоящим под их покровительством сообществом. Во II—I тысячелетии до н.э. этот праздник так и остался действием всего общественного коллектива: в отправлении его участвовали все жители, а начинали и вели его жрецы (возглавляемые верховным жрецом верховного бога-покровителя страны), а не царь.

Однако царю принадлежала стержневая, хотя и довольно страдательная роль во всем комплексе новогодних обрядов: обновления и нового подтверждения на следующий год его собственной связи с богами. Для этого царь отдавал знаки своего царственного достоинства верховному жрецу, тот помещал их перед статуей главного бога, «царя богов», в его святая-святых; перед лицом статуи царь подвергался ритуальному избиению жрецом и свидетельствовал о своей ритуальной чистоте, после чего жрец вручал ему от имени бога знаки царственности обратно. В последующие дни царь во главе праздничной процессии сопровождал верховного бога на пир в особый дом «акиту», по которому и назывался весь праздник, и «брал его (правую) руку» (как и все прочие боги в ходе этого празднества). Тем самым окончательно скреплялись на следующий год власть и покровительство «царя богов» и применительно к его подданным — богам, и к его рабу — человеческому царю. Здесь царь, как обычно, оказывался фокусом взаимоотношений людей и богов.

Поскольку в ходе обряда новогоднего обновления сил царей те должны были подвергаться довольно неприятным испытаниям, вплоть до побоев и таскания за бороду, они часто предпочитали на время ставить вместо себя заместителя — «подменного царя». Тот терпел унижительные процедуры, а сила считалась обновившейся у истинного царя. Иногда этот обычай приводил к неожиданным результатам. В XIX в. до н.э. царь Иссина Эрраимитти поставил в качестве «подменного царя» собственного слугу-садовника Эллильбани, однако не успел тот пройти необходимых испытаний, — повествует текст документа, — как настоящий царь, «подавившись горячей кашей, умер», а садовник так и не сошел с престола, остался царем и правил не хуже своего предшественника.

«Мандат на правление» и смена царей

Месопотамская культура всегда предусматривала возможность оправданного, нормативного низвержения и замены «плохого» царя. Принципиально идейных затруднений в этом вопросе не существовало. Считалось, однако, что соответствующая ситуация носит чрезвычайный характер и ни ее, ни механизмы ее разрешения нельзя формализовать и описать заранее.

Право царя на власть непосредственно определялось тем, что боги доверяли ему «царственность» как своему избраннику. Пока правитель оставался таким избранником, выступать против него было не просто преступным, но и безнадежным делом. Однако боги, в наказание за усугубляющиеся проступки и непокорность правителя или по своему произволу, могли вообще отвернуться от него и лишить его избранничества, иными словами, отобрать у него «царственность» и сакральность.

В этом случае занимавший престол человек назывался царем по одному лишь имени, а страна оказывалась лишенной настоящего правителя и, соответственно, должной связи с богами. Оставалось как можно скорее отнять у правителя власть, на которую он отныне не имел никакого права, и возвести на престол нового человека, получившего божественную санкцию на царство или способного ее добиться. Таким образом, Месопотамия при определенных обстоятельствах признавала даже не «право на мятеж», а «обязанность мятежа».

Признаками утраты царем мандата богов могли выступать любые знаки их сильного гнева против него (потеря царем физической и психической дееспособности, особенно тяжелые поражения, бедствия страны) и сами по себе тяжкие нарушения правителем общественных норм и долга перед страной. Например, только безответственностью и зловерными проступками царя нововавилонская традиция обосновывает низвержение *Набонида* (VI в. до н.э.). Более раннее вавилонское «Поучение царю» (VIII в. до н.э.) перечисляло многочисленные беды, грозившие правителю за нарушение городских прав.

На практике каждый подданный по собственному разумению поступков царя и угрозы гнева богов против него мог

рассудить, не утратил ли тот «мандат» богов на правление и, соответственно, не можно ли и не нужно ли его устранять. Выходец из любой среды способен был возомнить именно себя новым избранником богов и даже, как ни странно, быть признанным знатью и народом в сем качестве.

Участь свергнутого царя была незавидна, так как, по мнению месопотамцев, суд богов и «божья кара» могли несколько запаздывать по отношению к породившим их обстоятельствам. Поэтому для стопроцентной уверенности в божественной санкции на низвержение правителя требовалось, чтобы он так и умер низвергнутым, ибо при жизни даже его враги, как бы они ни распинаясь в противоположном, не могли быть твердо уверены, что он и в самом деле лишился божественной санкции на престол. Поэтому низвергнутого царя практически всегда убивали; исключения можно пересчитать по пальцам.

Хотя выбор богов в принципе мог указать на любого человека, полагали, что в норме боги предпочитают передавать «царственность» одному из сыновей или ближайших родичей правящего царя, либо, в крайнем случае, члену той же городской общины. В итоге складывалось представление о так называемых «династиях» (шумер. *бала*, аккад. *палу* — «правление, срок правления, эпоха»), т.е. последовательностях царей, выходцев из одной и той же территориальной общины или одного рода, непрерывно продолжающих одну и ту же линию политической преемственности. Считалось, что власть передается богами от одного города и одной династии к другим либо в наказание за проступки очередного правителя, либо по чистому произволу, просто для того, чтобы что-то изменить. *Хаммурапи*, однако, объявил, что по воле богов Вавилон, раз получив «царственность» (т.е. став столицей Месопотамии), никогда уже не утратит ее, и этот взгляд стал официальной позицией всех последующих вавилонских царей.

Поразительно, но и в шумерском царском списке времен *III династии Ура*, и в вавилонских списках некоторые династии, правившие на деле параллельно, представлены как сменявшие друг друга. Например, после последнего царя дома *Хаммурапи* в Вавилоне утвердился *Гулькишар*, шестой царь династии *Приморья*, а вскоре затем *касситская династия* (в лице своего седьмого или восьмого царя). В итоге в вавилонском царском списке все цари *Приморья* идут пос-

ле царей дома Хаммурапи и до *всех* царей касситской династии. Создавали ли таким образом составители списков сознательную фикцию ради конструирования непрерывной линии династической преемственности? Навряд ли: ведь одновременно они вели и синхронические списки царей, согласно которым правители этих «последовательных» династий являлись на Земле современниками друг друга! Скорее мы имеем дело с уникальной концепцией, согласно которой считалось, что переход «царственности» осуществляется в несколько ином временном измерении, нежели ощущаемое нами. В этом измерении, к примеру, «царственность» в Вавилоне успевала осуществить вся династия Приморья, в лице всех своих царей, после дома Хаммурапи и до всей касситской династии, и только в проекции на ощущаемое нами земное время этой последовательность дает зримую нами картину, когда эти династии оказываются (в нашем времени) параллельными.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Грамота и школы

Как мы уже упоминали, грамотность в Месопотамии была распространена довольно широко и очень уважалась. В клинописном наследии выделяются тексты различных жанров: произведения мифологического содержания, повествующие о делах богов, в том числе об их борьбе с чудовищами хаоса и нисхождения в преисподнюю; эпические легенды о героях и царях; «плачи» о великих исторических катастрофах; надписи царей, прославляющие их деяния; хроники и царские списки, в которых месопотамцы стремились зафиксировать для себя самих историю своей страны и представить ее преемственность; «научные» тексты по всем отраслям знания — от многоязычных словарей и гадательных книг до медицинских инструкций и арифметических задачник; тексты ритуального содержания — заклинания, записи ритуалов, гимны, молитвы, плачи; любовная лирика; дидактические и философские произведения — так называемая «литература мудрости», говорящая о судьбе и выборе человека в мире и необыкновенно популярная; сочинения с

политической тенденцией, например, поучения царю; сказки, в том числе бытовые (самый яркий пример — сказка о хитром ниппурском бедняке, который трижды смог безнаказанно исколотить обидевшего его градоправителя), басни, пословицы и поговорки.

Главными центрами грамотности служили школы при дворцах и храмах. Школа называлась «домом табличек», ее руководитель «отцом дома табличек», а ученики — «сыновьями дома табличек». Кроме простых учителей, в школах имелись преподаватели рисования и «воспитатель с розгами», который следил за посещаемостью и дисциплиной. Помимо обычных школ, действовали и высшие специальные училища. В них принимали только грамотных молодых людей. Здесь изучали ритуал, астрономию, природоведение, медицину. Дворцы, храмы, школы и училища имели при себе библиотеки «глиняных книг на разных языках». Сохранились библиотечные каталоги. Особое значение получила громадная библиотека, собранная по приказу Ашшурбанапала в Ниневии (по-видимому, там собирались тотально скопировать все произведения клинописной книжности) и послужившая важнейшим источником знаний о Месопотамии для ассириологов. В школах обучали счету и измерениям.

Развитие научных познаний

Вавилонская наука, наряду с египетской, признавалась наиболее развитой на Ближнем Востоке. Эта слава сохранилась за ней и в последующие века: греки и римляне даже стали называть любого ученого, наделенного необычайными, колдовскими познаниями, словом «халдей», которое стало значить у них «житель Вавилонии» (по названию племени халдеев). Вавилонская астрономия и астрология достигли особенных успехов и легли в основу многих представлений о небе. Основной целью этой науки было, конечно, не простое исчисление времени (для этого достаточно было делать зарубки на дереве) и не ориентация в пространстве (месопотамская география никогда не использовала астрономических данных). Истинной целью астрономии древности было максимально точное установление «ритма жизни» небесных светил (которые, напомним, считались великими божеествами). А это, в свою очередь, давало людям возможность синхронизировать

ритм своей жизни с ритмом жизни богов, и таким образом не только в какой-то мере приобщиться к их могуществу, но и привлечь к себе их благосклонное внимание.

Точность астрономических наблюдений вавилонских астрономов весьма высока и заставляет удивляться тому, как они могли добиваться ее, не имея современных оптических приборов. Мы пользуемся месопотамскими названиями планет в античном переводе: например, вторая планета Солнца именуется Венерой (Венера — римская богиня любви) только потому, что римляне перевели таким образом вавилонское название этой планеты — Иштар (также богиня любви в Вавилонии). Месопотамцам принадлежит и деление неба на 12 зодиакальных созвездий, и их названия (Овен, Телец, Близнецы и т.д.). Счет времени по шестидесятиричной системе (секунды, минуты, часы) также заимствован у шумеров.

Вавилонский календарь и рождение астрологии

Что касается собственно календарных потребностей, то еще в начале III тысячелетия до н.э. вся Месопотамия перешла на лунный календарь с продолжительностью года в 12 месяцев по 29 и 30 дней каждый. К лунному году в 354 дня периодически в середине или конце добавлялся (совершенно произвольно и бессистемно) «високосный месяц», чтобы в итоге границы календарных лет не слишком расходились с границами солнечного, сельскохозяйственного года. Вариант лунного календаря, разработанный в священном шумерском городе Ниппуре, во II тысячелетии до н.э. утвердился во всей Вавилонии и дожил до наших дней в употреблении арабов и евреев.

Математическая астрономия развилась в основном из наблюдений за жизнью обожествленных светил — Солнца, Луны и Венеры. Кроме того, очень рано месопотамцы додумались до того, что по положению этих светил и других звезд и планет можно судить о будущих событиях, — так зародилась знаменитая месопотамская «астрология», использовавшая астрономические данные как предзнаменования. Звездное небо было поделено на несколько секторов; считалось, что светила расположены на восьми концентрических небесных сферах, отстоящих друг от друга примерно на десять километров.

Решающие успехи вавилонских астрономов были достигнуты довольно поздно в V—IV вв. до н.э. Именно тогда была

разработана упорядоченная система согласования лунного года к солнечному, выделение 12 равных участков эклиптики — «Знаков Зодиака», установлены основные параметры обращения Луны и планет. Вскоре вавилоняне научились даже довольно точно рассчитывать движение Луны и предсказывать ее затмение.

Математика и практика

Математика носила сугубо прикладной характер. Поэтому составлялось огромное количество вычислительных таблиц (наподобие нашей таблицы умножения) на все случаи жизни, заучивавшихся наизусть. Большое внимание уделялось геометрическим задачам, практическое применение которым находилось при выполнении землемерных и ирригационных работ. Вавилоняне умели решать задачи на определение всевозможных параметров круга, трапеции и треугольника и довольно точно (хотя, конечно, только путем подгонки) определяли число « π ».

В области алгебры все внимание было сосредоточено на решении систем уравнений с несколькими неизвестными (до четырех!), а также квадратных уравнений. Только в этой области вавилонская математика и переходила на «теоретический» уровень, так как в практической жизни месопотамцы с необходимостью решать квадратные уравнения не сталкивались. Кроме того, математика во многом была не «абстрактно-логической» (как нынешняя), а «опытной» наукой: если на практике было известно, что такой-то способ вычислений дает приблизительно правильный результат, то его логическое обоснование никого не интересовало (что, естественно, зачастую приводило к математическим ошибкам). Это проводит резкую грань между прикладной математикой Месопотамии и позднейшей математикой как наукой.

Медицина и знахарство

Медицина вавилонян развивалась в двух основных направлениях: разработка целительной магии и диагностических гаданий, а также накопление настоящих, практических фармацевтических знаний и медицинских приемов. Характерной особенностью Месопотамии было то, что эти сферы

оказались обособленными: в первой подвизались заклинатели-«ашипу», во второй — лекари-«асу».

Последние, конечно, тоже пользовались ритуалами, но нечасто и как сугубо вспомогательными средствами, а лечили в основном травами и другими лекарственными средствами. «Ашипу» в конце концов победили в конкуренции с «асу», так как «ритуальное» лечение оказывало хотя бы психотерапевтическое воздействие, часто необычайно сильное, а лекари-асу во II тысячелетии до н.э. перешли к механическому заучиванию и применению рецептов, отказавшись от обследований больных и проверок старых и новых лекарств. Эффективность их лечения от этого снижалась, и в целом месопотамская медицина отставала от египетской.

Относительно высокого уровня достигала только хирургия; были разработаны специальные инструменты, и еще в начале II тысячелетия до н.э. производились операции на глазах. Частично все это было вызвано чрезмерно развитым представлением о врачебной этике и ответственности врача. Например, по Законам Хаммурапи смерть или увечье больного при хирургической операции считались невольным преступлением врача и карались отсечением руки. В этих условиях наибольшее распространение опять-таки получало лечение заговорами и заклинаниями, т.е. лечение «ашипу» — за него такой ответственности не несли.

В общем итоге действительное лекарское искусство постепенно сошло на нет, уступая место знахарству, использующему заклинания. В результате в I тысячелетии престиж врачей стоял так невысоко, что, по обычаю, больного выносили на площадь, чтобы проходящие могли поделиться с ним опытом и дать ему медицинский совет — от врачей лучшего совета не ждали.

Зодчество и скульптура Двуречья

Искусство Месопотамии запоминается прежде всего скульптурой (статуи царей и быкоподобных добрых демонов-защитников, крылатых «шеду», рельефы), фресками из Мари и ассирийских столиц и архитектурой. Особенную известность приобрели сооружения Вавилона времени Навуходоносора II: отстроенная «Вавилонская башня» — храм Мардука Этеменанки, «Висячие сады» на искусственных «горах» (приписанные в итоге Семирамиде, но на деле разбитые

Навуходоносором для своей мидянки-жены, тосковавшей по родным горам), «Дорога процессий» и «Ворота Иштар» с изразцовыми изображениями реальных и фантастических животных.

Пантеон богов Двуречья

Шумеро-аккадская «религия» отличалась довольно устойчивым спектром основных концепций и ритуалов. Шумеры, первопроходцы цивилизации в Двуречье, почитали множество богов, которые перешли «по наследству» к сменившим их аккадцам. Как и во многих других мифологиях Западной Евразии, в пантеоне Шумера и всего Двуречья предусматривалось два «царя богов». Первое место по старшинству занимал бог неба, «царь богов» Ан (аккад. *Ану*). Но он был слишком высок, чтобы обременять себя делами земли, а поэтому царствовал, но не управлял. Реальной же властью пользовался его сын — тоже «царь богов» — бог воздуха, ветра, дыхания и жизни Энлиль (шумер. «Господин воздуха, дыхания»). Аккадцы звали его Элليل и Бел, т.е. по-аккадски «Господин», что, вероятно, являлось эпитетом изначального верховного бога аккадцев до расселения среди шумеров, позднее его отождествили с Энлилем. Энлилю поклонялись в главном культовом центре Шумера — городе *Hunnpur*. Он и осуществлял верховное управление и Вселенной, и миром (аналогичные роли играли Ил Отцовский и Ил у западных семитов, Бог Неба и Бог Грома у ранних индоевропейцев). Нельзя не угадать здесь отражение распространенной в первобытности практики раздела полномочий между сакральным и военным вождями человеческого сообщества.

Столицы крупных государств Двуречья выдвигали на престол «царя богов» собственного городского бога-покровителя. По вавилонскому мифу, собрание богов принуждено было провозгласить своим царем Мардука, чтобы тот избавил мир от хаоса, исходящего от чудовища Тиамат. Аналогично в Ассирии «царем всех богов» выступал *Ашшур*.

За Энлилем по старшинству следовал Энки (аккад. *Эа*) — владыка пресных вод, хранитель высшей мудрости и полезных житейских знаний, особенно благосклонный к человеку, Инанна (аккад. *Иштар*) — богиня плодородия, любви и войны, круговорота жизни и смерти, бог Солнца и социального по-

рядка, хранитель справедливости Уту (аккадск. *Шамаш*, досл. «Солнце»), бог Луны Нанна (аккад. *Син*) и другие. В мифологии существенную роль играла Нинхурсаг — «мать всего живого». Выделялись также две большие группы богов: небесные Игиги (или «великие князья») и подземные и земные Ануннаки («семя князя», т.е. младшие потомки Пану). Семью великими игигами в Вавилонии считались Ан, Энлиль, Эа, Син, Шамаш, Мардук (бог-покровитель Вавилона, выдвинувшийся затем на первое место в пантеоне) и Иштар.

У аккадцев большим почетом пользовался бог Луны Син и бог писцового искусства и ученых знаний Набу. Типично сельскохозяйственный характер носил культ бога растительности — умирающего и воскресающего Думузи (аккад. *Таммуз*). Подземным миром правили богиня Эрешкигаль и ее супруг бог смерти Нергал. Их страшились даже остальные божества. Близок к ним по функциям бог чумы Эрра. Боги-воители, бог бури, грома и молний Адад и бог войны и охоты Нинурта, выдвигаются в связи с созданием военных держав, их особенно почитали воинственные цари.

Месопотамские боги отождествлялись с небесными светилами, но в отличие от египетских обычно имели человеческий облик. Иные образы встречались редко: например, Энки изображали с рыбьим хвостом. Отличительными признаками богов были рогатые тиары и окружающий их тела устрашающий смертоносный блеск.

Некоторые мифы

К числу наиболее ярких мифов Месопотамии принадлежат рассказы о Потопе, о Мардуке, о богине Инанне и ее возлюбленном боге Думузи. Первый из этих рассказов, о чем уже говорилось, повествует о том, как боги из одного каприза решили уничтожить всех людей, наслав на землю чудовищное наводнение — *Великий потоп*; по милости доброго Эа спасся один только праведный Зиусудра (у аккадцев он звался Утнапиштим). Как мы помним, в этом предании отразились воспоминания о реальном событии — затопившем всю Нижнюю Месопотамию гигантском наводнении, случившемся около 2950 г. до н.э. Впоследствии этот месопотамский миф лег в основу библейского предания о Всемирном потопе и праведнике Ное, спасшемся от него.

Миф об Инанне (аккад. *Иштар*) и Думузи — куда более древний. Согласно ему, две сестры-богини разделили власть: богиня любви Инанна правит на небесах, а мрачная богиня смерти Эрешкигаль — в подземном царстве мертвых, «Стране без возврата». Инанна отважно спускается во владения Эрешкигаль, чтобы сокрушить ее владычество, воскресить мертвых и избавить весь мир от смерти. Однако Эрешкигаль в своих пределах оказывается гораздо сильнее Инанны и берет ее в плен.

Правда, она готова отпустить сестру на небо, если та найдет себе заместителя, готового вместо нее низвергнуться в подземное царство и терпеть мучения преисподней. Выкупом за Инанну становится ее возлюбленный, юный пастух Думузи, а за него, в свою очередь, готова стать выкупом его собственная сестра. Ценой этой жертвы Инанна возвращается на небо, Думузи же на полгода опускается в преисподнюю, т.е. умирает, а на другие полгода, пока его подменяет сестра, возвращается в наш мир.

Это предание об умирающем и воскресающем боге призвано объяснить круговорот жизни и смерти и смену времен года, весны — поры рождения, осени — времени умирания растительности.

«Энума Элиш»

Крупнейшим из месопотамских мифологических эпосов была вавилонская «поэма» о сотворении мира, или «Энума Элиш» (аккад. «когда вверху»). Это первые слова эпоса, по которым месопотамцы называли свои литературные произведения. В поэме рассказывается о происхождении Вселенной и устройстве мира богов. В ней можно выделить два содержательных слоя: первый — это миф о победе богов над хаосом, восходящий к древнейшим временам, а второй — вавилонская редакция этого мифа, которая, в угодном вавилонянам духе, выдвигает на первое место среди всех богов Мардука, бога-покровителя Вавилона. Характерно, что в некоторых ассирийских вариантах Мардук, в свою очередь, заменен на Ашшура!

Согласно «Энума Элиш», изначально верховными властителями мира были старейшие боги — звероподобные демоны, прежде всего морские чудища, которых возглавляла

Тиамат — богиня, имевшая облик крылатого чешуйчатого дракона с львиной мордой, львиными передними лапами и птичьими ногами. Сам мир представлял собой водный хаос, где пресные подземные воды (их бог Апсу) смешаны с горько-солеными морскими (их богиней и являлась Тиамат, супруга Апсу).

Бог Эа, сын Анну, один из младших богов и главный носитель представлений о благе и мудрости, разграничении правого и неправого, а также необходимости космического порядка, решает породить бога Солнца (который, как мы помним, являлся хранителем справедливости, т.е. порядка уже собственно человеческого). Для этого Эа начинает борьбу со своими предками, владыками хаоса, убивая одного из них — Апсу.

Тиамат возненавидела всех добрых младших богов и замышляла уничтожить их. Боги, устранившись чудовища, отказываются биться с ним. Только молодой Мардук, сын Эа, согласился выйти на битву с Тиамат при том условии, что остальные признают за ним верховную власть. В отчаянии боги соглашались с этим. Отныне Мардук может сам возносить и низвергать богов, миловать или убивать сдавшихся, все обязаны ему безоговорочным подчинением.

Мардук, с луком и булавой в правой руке и ураганными ветрами в левой, взойдя на боевую колесницу-бурю, пред которой полыхали молнии, вступил в бой с Тиамат и ее воинством старейших богов, которое возглавляет ближайший подручный Тиамат демон Кингу, держащий в руках таблички с решениями богов (т.е. власть). Заткнув пасть Тиамат, чтобы та не могла проглотить его, Мардук прострелил ей сердце, а потом изловил в сеть ее воинство. Тело Тиамат он разрубил на две части, из одной создал небо, а из другой землю. Над головой Тиамат Мардук насыпает гору, а ее глаза становятся источниками рек Тигр и Евфрат. Другие реки и горы он создает на теле богини, а ее хвост превращается в Млечный Путь.

Мардук убивает Кингу, отобрав у него таблички с решениями богов, или регалии высшей власти, и передает их своему деду Ану (этим хитроумным способом эпос примиряет традиционные представления об Ану как главе пантеона, и идею о Мардуке как безусловном повелителе богов). Так Мардук по праву, по выбору и признанию самих богов стано-

вится вечным царем богов, неба и земли. В знак почтения и благодарности другие божества строят ему его собственный город Вавилон и храм в нем.

Чтобы облегчить бремя богов, избавив их от необходимости добывать жилье и пропитание собственным трудом, Мардук решает сотворить людей; по его распоряжению и его силой Эа создает людей из крови Кингу. Отныне богам не надо трудиться, их прокормят жертвоприношениями люди. Мардук устанавливает обязанности богов, часть которых теперь определяется в помощники богу Ану на небе (Игиги), другая — внизу (Ануннаки). Семерых игигов, включая самого себя, Мардук наделяет титулом «великий» и создает из них постоянное собрание «богов судеб», окончательно устраивая на вечные времена управление космосом. Все боги переселяются в город Мардука Вавилон, где получают от него в дар созданных для их обслуживания людей. Затем Мардук окончательно возводится на престол, и ему приносятся клятвы верности.

Вся эта история должна была объяснить и обосновать желание вавилонян видеть своего бога-покровителя Мардука творцом мира и главой всех богов, а свой город Вавилон — столицей мира. Кроме того, она объясняла на примере богов природу и смысл социального порядка и власти царя: царя поставило над собой само общее собрание богов (ничем не отличавшееся в этом смысле от любого общинного собрания) в собственных интересах, а правит он ради всеобщего порядка, мира и процветания, считаясь с существующим при нем совете.

«Эпос о Гильгамеше» и мировоззрение жителей Месопотамии

Из литературных произведений эпического характера надо отметить шумерские былины о правителях, прежде всего о правителях Урука, которым приписывались славные деяния в полусказочных странах Востока. Так, Эн-меркар смог превзойти хитростью царя экзотической центральноиранской страны Аратта, Лугальбанда путешествовал в мрачных восточных горах. Еще одна шумерская былина посвящена богатырю Адапе, который за то, что сломал крылья южному ветру, перевернувшему его лодку во время рыбной ловли, был вызван на небесный суд перед богом Аном и оправдан им.

Постановке, обсуждению и попыткам решения важнейших вопросов поисков смысла жизни, этики и морали в Месопотамии был посвящен особый жанр письменного творчества — так называемая «литература мудрости», включающая назидательные рассказы, поучения, диалоги «о жизни» и, как бы мы сказали сейчас, социальную и политическую публицистику. Жанр этот был настолько популярен, что его задачам иногда подчиняли материал больших произведений других направлений.

На базе ранних эпических преданий в конце III — начале II тысячелетия до н.э. был создан знаменитый аккадоязычный «Эпос о Гильгамеше», выстроивший из них своего рода «роман воспитания». Формально он повествует о легендарных свершениях этого царя Урука и использует ряд эпических и мифологических сюжетов, но на деле он посвящен не событиям народной истории, а путям личности, судьбе человека в мире.

Сам сюжет эпоса несложен и сводит воедино старые сказания о Гильгамеше, дополняя их. Сначала полубожественный царь Урука Гильгамеш угнетает свой народ и кичится лишь собственной силой. Затем, найдя в лице богатыря Энкиду друга по себе и узнав, что такое настоящая дружба, он раскаялся и пожелал сражаться во имя блага людей, убивая демонов и чудовищ. При этом он вовсе не считается с гневом великих богов, отвергает их требования и горько упрекает их в несправедливости и вероломстве.

Наконец, увидав своими глазами смерть Энкиду, Гильгамеш впервые задумывается о собственной смерти и алкает освободиться от смертного страха, добыв бессмертие — великий дар, который принадлежит богам, но недоступен людям. После множества приключений Гильгамеш, наконец, овладел «травой бессмертия». Но пока он омывается в море, оставив траву на берегу, змея поедает ее — и завладевает бессмертием вместо Гильгамеша. В печали Гильгамеш возвращается домой, и все, что ему остается, это зрелище стен родного города, возведенных по его приказу; им суждено еще много веков защищать жителей Урука.

Исключительная слава эпоса связана не столько с этими перипетиями, сколько с тем, что он затрагивает и сталкивает практически все системы ценностей и жизненного выбора, имевшие хождение в Месопотамии. Недаром эпос получил невероятную славу на всем Ближнем Востоке. Жители Дву-

речья воспроизводили его в десятках копий на протяжении полутора тысяч лет, с конца III по середину I тысячелетия до н.э. Фрагменты его текста обнаружены уже в Палестине и Анатолии II тысячелетия до н.э., хетты и хурриты тогда же переводили его на свои языки. Реминисценции эпоса о Гильгамеше встречаются в эллинистической и даже средневековой сирийской литературе.

Смысл человеческой жизни в «Эпосе о Гильгамеше»

Как мы помним, с точки зрения месопотамца, конечные, разумные существа Вселенной (будь то люди или боги), обураваемые желаниями, боящиеся боли, тянущиеся к радостям и обреченные на множество страданий, предоставлены сами себе в не особенно благоприятном окружении и совершенно одиноки. Над ними нет ни абсолюта, ни промысла, ни благодати; в мире, где они живут, все относительно, уязвимо и конечно во времени и пространстве. Загробная жизнь одинаково безрадостна и постыла для всех. Человеку в таком мире остается в собственных интересах распорядиться тем, что ему отпущено, пока его не настигла неизбежная, одинаковая для людей и не зависящая от его поведения гибель.

В результате проблема выбора системы ценностей и поведения стоит перед людьми Ближнего Востока (субъективно суверенными личностями) особенно остро. Как с наибольшим толком воспользоваться оказавшимся в твоих руках достоянием: собственным телом и душой, долей времени и пространства? И решение, и результат, и оценка этого результата — всё зависит здесь только от самого человека.

В месопотамских представлениях можно, в общем, выделить три-четыре традиционных выбора «смысла жизни», т.е. наилучшего для человека жизненного пути. Согласно первому пути, человеку следует сосредоточиться на своих отношениях с богами: упорное и непрерывное исполнение их предписаний должно обеспечить «богобоязненному» человеку (аккад. *палих-или*) всевозможные житейские блага как награду со стороны богов. Напротив, уклонение от их воли рано или поздно непременно повлечет тяжкую кару от этих мстительных, могущественных и не терпящих непокорства существ. Отвлекаться от выполнения божественной воли, таким образом,

чрезвычайно опасно и безрассудно, даже если это выполнение на первый взгляд остается без ожидаемой награды.

Эта концепция представлена во многих произведениях «литературы мудрости», но в «Эпосе о Гильгамеше» последовательно отводится: Гильгамеш периодически оказывается в конфликте с богами и демонами, не боится их гнева и в итоге остается победителем. Между прочим, на обращение богини Иштар, обещающей ему свое покровительство в обмен на любовь, Гильгамеш прямо отвечает отказом, объясняя его тем, что на Иштар невозможно положиться. «Ты, — заявляет он, — жаровня, что гаснет в холод, черная дверь, что не держит ветра и бури, дворец, обвалившийся на голову героя, слон, растоптавший свою попону, смола, которой обварен носильщик, мех, из которого облит носильщик, плита, не сдержавшая каменную стену, таран, предавший жителей во вражью землю, сандалия, жмущая ногу господину! Какого мужа ты любила вечно?». Итак, путь «богобоязненного» человека составители и аудитория «Эпоса» отвергают.

Другая точка зрения в какой-то мере восходит к шумерской аристократии и почерпнута из прославляющих ее былин. Согласно ей, смысл жизни заключается в совершении самоценных героических подвигов, установлении своего рода спортивных рекордов и завоевании соответствующей славы. Логика здесь примерно такова: если все равно неизбежна смерть, то мерилом человека надо считать не результат — успех и благополучие (все равно они эфемерны и обречены на распад), а степень проявленной им доблести, независимо от последствий. Именно поэтому в центре шумерской быliny оказывается герой-сверхчеловек, резко выделяющийся на фоне толпы; сам смертный, он совершает бессмертные подвиги. Люди, не желающие или не способные так жить, рассматриваются как фон, восхищенная аудитория и «кормовая база» героев, предназначенная им служить.

Эта концепция также не разделяется в «Эпосе». В начале поэмы Гильгамеш и впрямь идет на подвиг — убийство демона Хумбабы, главным образом для того, чтобы создать себе «вечное имя», невзирая на смерть: «Только боги с Солнцем пребудут вечно, а человек — сочтены его годы, что б он ни делал — все ветер! ...Если паду я — оставлю имя ...вечное имя себе создам я!». В этом монологе точно выражена парадоксальная логика героического идеала. Однако позд-

нее, увидев собственными глазами смерть друга, Гильгамеш думает только об избавлении от собственной гибели (этот кризис и овладевший Гильгамешем всеподавляющий страх смерти описаны чрезвычайно подробно и ярко), и второй свой главный подвиг, поход за бессмертием, Гильгамеш совершает уже исключительно из-за этого страха.

Соответственно, от начала до конца его волнует только практический результат своего небывалого предприятия, а вовсе не его героический масштаб, так что утрату цветка бессмертия он встречает горячими слезами, даже не пытаясь утешиться размахом и славой своего деяния (по-прежнему не зависящими от его исхода). Для «Эпоса» это путь не деградации, а постижения и очеловечивания. «Герой-сверхчеловек», узнав истинную цену жизни и смерти и осознав, что никакое «вечное имя» не способно утешить смертного, перестает быть прежним «героем», но превращается в нечто большее — человека, который, раз и навсегда познав смертный страх, продолжает жить, несмотря на него. Вообще, согласно «Эпосу», любой силач в сущности достаточно слаб, и сам Гильгамеш, при всем своем мужестве и силе, добывает цветок бессмертия не благодаря этим качествам, а только по совету сжалившегося над его трудами бессмертного Утнапиштира (который тоже не добывал своего бессмертия сам, а получил его произвольной милостью богов).

Третий (и, пожалуй, основной) выбор месопотамца — это собственно гедонистический выбор, в рамках которого смыслом всякого индивидуального существования является достижение обычных личных житейских радостей. В наиболее яркой форме эту концепцию «Эпос» вкладывает в уста Сидури, доброй демоницы, держащей за краем света трактир для богов. Обращаясь к Гильгамешу, Сидури говорит: «Гильгамеш! Куда ты стремишься? Вечной жизни, что ищешь, не найдешь ты! Боги, когда создавали человека, смерть они определили человеку, вечную жизнь в своих руках удержали. Ты ж, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью да будешь ты весел; праздник справляй ежедневно; днем и ночью играй и пляши ты! Светлы да будут твои одежды, волосы чисты, водой омойся, гляди, как дитя твою руку держит, своими объятьями радуй подругу — только в этом дело человека!».

Этот монолог можно считать кульминацией «Эпоса», все содержание которого подтверждает правоту Сидури (ведь бес-

смертие, даже попав в руки Гильгамешу, действительно не досталось ему), ее речь находит множество параллелей в месопотамской и всей переднеазиатской литературе от процитированных выше месопотамских пословиц до позитивной программы библейской «Книги Экклесиаст», почти тождественной программе Сидури. Именно к этому выбору подводят авторы «Эпоса».

Однако у гедонистического идеала есть два естественно выделяющихся варианта, полярно противоположных по своему значению для окружающих. Первый из них, грубо эгоистический, ограничивает круг рекомендуемых радостей только теми, что не связаны с соучастием других людей как личностей: здесь санкционируются только радости, связанные с личным потреблением (и утилизацией других людей как вещей, агрессией против них и утверждением своей власти над ними); добиваться же этих радостей при любом удобном случае рекомендуется за счет окружающих.

В рамках второго варианта высшими (или, по крайней мере, очень важными) считаются те радости, что заданы благим свободным соприкосновением с личностью другого человека, будь то любовь, дружба или чувство своей правоты и заслуг перед окружающими. Разумеется, при достижении таких радостей приходится выполнять нормы этики, как раз и оформляющие благие межчеловеческие отношения.

«Эпос о Гильгамеше» делает решительный выбор в пользу второго, «товарищеского» гедонизма — всей логикой построения своего сюжета. В самом начале повествования оба главных героя «Эпоса», и полубожественный царь Гильгамеш, и богатырь Энкиду являют собой как раз пример «отъединенных», полностью сконцентрированных на самих себе людей. Окружающих они игнорируют либо грубо попирают. Энкиду — дикарь, не знающий людей вообще; Гильгамеш сгоняет горожан Урука на изнурительную постройку стен, а сам за их спинами развлекается с их женами и дочерьми.

Однако «Эпос» проводит Энкиду через любовь к женщине, а затем обоих, Энкиду и Гильгамеша, через взаимную дружбу, становящуюся важнейшей ценностью для обоих героев и центральным мотивом всего повествования. Любовь к женщине и привязанность к другу преобразуют обоих героев, делает их открытыми для других людей: Энкиду, едва познав страсть к храмовой блуднице Шамхат, смело вступает за горожан Урука перед Гильгамешем, а тот в свою очередь,

побратавшись с ним, немедленно прекращает притеснять подданных и намеревается убить демона Хумбабу не только для своей славы, но и для того, чтобы «изгнать все злое из мира».

Наконец, и во введении, и в самом конце «Эпоса» появляются как важнейший символ стены Урука: Гильгамеш «стеною обнес Урук огражденный... Даже будущий царь не построит такого. Поднимись и пройди по стенам Урука, обозри основание, кирпичи ощупай, — его кирпичи не обожжены ли, и заложены стены не семью ль мудрецами?». Стены Урука выступают здесь как знак единственно доступного человеку — посмертного долголетия его дела, но теперь уже не как памятник личному эгоизму Гильгамеша, а, напротив, как символ благого наследства, которое одни люди могут получать от других. Гильгамеш построил стены, которые и столетия спустя служат урукитам, и именно к этому свелось в конце концов значение его существования в глазах «Эпоса». Итак, суть «Эпоса», обеспечившая ему его славу у месопотамцев, оказывается проста: человеку не стоит чересчур бояться богов и склоняться перед их властью; лучший удел состоит в том, чтобы беречь и охранять собственную и чужую жизни; единственное доступное человеку благо заключено и в собственных радостях, и в добрых делах, совершенных им для других людей.

Вавилонские «теодицеи»

В Вавилонии постоянной темой «литературы мудрости» во II тысячелетии до н.э. становятся поэмы о невинных страдальцах: старовавилонские «Муж со стенанием...» и так называемая «Человек и его бог», средневавилонская «Владыку мудрости хочу восславить...», аналогичная поэма конца II тысячелетия до н.э. «Мудрый муж, постой, я хочу сказать тебе...» (так называемая «Вавилонская теодицея»). Общий сюжет их таков: бедствующий праведник жалуется, что вел себя как должно, исполнял все обязательства перед богами и людьми, но судьба его плачевна, в то время как многие злодеи блаженствуют; в чем же, вопрошает он, воля богов, и где их справедливость?!

Хотел бы я знать, что богу приятно?!

Что хорошо человеку — преступленья пред богом,

Что ему отвратно — для его бога хорошо!

Кто волю богов в небесах узнает?

(«Владыку мудрости хочу восславить...»)

Отсюда возникает проблема «теодицеи», т.е. «богооправдания» (если использовать христианскую терминологию). Невинному страдальцу отвечает искренний друг, увещевая его не хулить богов зря и не навлекать на себя этой хулой неотвратимую кару. Боги все же справедливы, а наблюдаемое зло может объясняться одной из нескольких причин: быть может, страдалец все же нарушил требования богов, не заметив этого сам, и они покарали его именно за это нарушение, т.е. вполне заслуженно, так что страдальцу следует не жаловаться на них, а как можно скорее узнать, чем же именно он преступил их волю, и искупить или исправить содеянное. Тогда и прекратятся его беды, справедливость будет еще восстановлена, невинный страдалец непременно получит от богов награду, а злодей, сегодня преуспевающий, непременно будет ими ниспровергнут, ибо это всего лишь дело времени, а пока у богов просто «не дошли руки» до данных конкретных случаев (напомним, что месопотамские боги не всемогущи, так что подобные ситуации их не дискредитируют); наконец, быть может, наблюдаемая несправедливость объясняется важными причинами, которые и сам человек счел бы уважительными, если бы о них знал; но ведают о них только боги, не сообщаящие свои мотивы и решения смертным.

При всей изощренности таких ответов (позже они окажутся воспроизведены и подвергнуты уничтожающей критике в библейской «Книге Иова») особой популярности они не приобрели. Судя по всему, уже с середины II тысячелетия до н.э. в Двуречье вновь преобладают старые представления о богах (в том числе на официальном уровне), в рамках которых проблемы «теодицеи» не возникает, и спекуляции на эту тему остаются уделом меньшинства ученых людей, все еще считающих богов глубоко и принципиально справедливыми. Что большинство населения разделяло иную точку зрения, видно из популярности проводящего прямо противоположную идею «Эпоса о Гильгамеше» и еще одного замечательного произведения — «Диалога господина и раба».

«Диалог господина и раба»

Это вершинное произведение «литературы мудрости», очень распространенное и бережно переписывавшееся в кон-

це II — I тысячелетии до н.э., представляет собой цепочку коротких диалогов Господина и его Раба, разбитых на несколько перекликающихся по содержанию пар. Вот одна из них:

— Раб, соглашайся со мной! — Да, господин мой, да!

— Учиню-ка я преступление! — Учини, господин мой, учини! Коль не учинишь ты злодеяства, где возьмешь ты одежду, кто поможет тебе наполнить брюхо?

— Нет, раб, не учиню я злодеяства! — Не учиняй, господин мой, не учиняй! Кто учиняет злодеяство, того убьют или сдерут с него живьем кожу, либо его ослепят, либо схватят и бросят в темницу.

— Раб, соглашайся со мной! — Да, господин мой, да!

— Совершу-ка я благодеяние для своей страны! — Соверши, господин мой, соверши! Кто совершает благодеяние для своей страны, деянья того у Мардука в перстне.

— Нет, раб, не совершу я благодеяния для своей страны! — Не совершай, господин мой, не совершай! Поднимись и пройди по древним развалинам, взгляни на черепа тех, кто жил раньше и позже, — кто из них был злодей, кто благодетель?

По тому же принципу построены и остальные тематические пары. Господин в начале каждого короткого диалога требует, чтобы раб соглашался с ним; тот изъявляет полную готовность. Господин заявляет о некоем своем намерении; раб приводит рациональные доводы в пользу этого намерения. Затем Господин заявляет об отказе от своего намерения — раб находит не менее разумные доводы и в пользу отказа. В одном из следующих диалогов Господин выдвинет намерение, противопоставленное тому, что обсуждалось в данном, и оно получит обсуждение по той же модели. В итоге получится, что есть одинаковые резоны совершить и не совершить любое действие, а противоположное ему действие — тоже. Характерно, что все доводы раба сводятся исключительно к личным житейским выгодам и убыткам Господина, которыми чреват тот или иной выбор.

Так, например, в одном пассаже сначала приводятся доводы в пользу того, чтобы устроить трапезу для самого себя («частая еда облегчает сердце»), а потом — против этого («еда и голод, питье и жажда — всегда с человеком», т.е. поев, человек все равно потом почувствует голод, утолив жажду, не избавится от нее навсегда). А в дополняющем его месте обсуждается идея устроить трапезу теперь уже не для себя, а для личного бога-покровителя, принеся ему жертву. Намерение господина сделать это раб одобряет («кто свер-

шает жертву своему богу, у того хорошо на сердце, заем за займом дает он»), отказ от такого намерения — тоже («бога не не приучишь ходить за тобой, как собаку», его ответную благосклонность надежно не приобретешь даже жертвами).

Точно так же на равных основаниях принимается и отвергается намерение возвыситься на общественном поприще, поступив на царскую службу, — и противоположное ему намерение вовсе оставить общество и жить отшельником-бродягой в степи; намерение завести семью и вырастить детей — и противоположное ему намерение предаться свободной любви с женщиной, не обременяя себя потомством; намерение безропотно уступать обидчику, не противясь злу силой, — и противоположное намерение занять самую социально-агрессивную (в рамках закона) позицию, занимаясь ростовщичеством. В каждой тематической паре одно действие социально благотельно, другое, противоположное ему, — асоциально или антисоциально (совершить преступление / оказать благо стране; завести семью / ограничиться свободными любовными связями, не обзаводясь семьей и т.д.). Это и есть те самые две разновидности месопотамского гедонизма («товарищеского» и «агрессивного»), о которых говорилось выше.

В общем, оказывается, что ни одно действие не приводит к определенному, верному выигрышу или проигрышу; каждое из них несет свои возможные выгоды и издержки, уравновешивающие друг друга. Построить какую-либо выигрышную, приоритетную стратегию поведения в этих условиях становится принципиально невозможным: все пути оказываются по-своему хороши и плохи, каждый из них с одинаково разумными основаниями можно было бы выбирать или отвергать. Добравшись до закономерно венчающей всю эту систему оценок констатации, что и финал у всех путей одинаков и вполне безотраден и безнадежен. а именно смерть, стирающая человека и всякую память о нем, добрую или дурную («Взгляни на черепа живших раньше и позже, кто из них был злодей, кто — благодетель?»), — собеседники резко меняют характер диалога. Заключительные строки гласят:

— Раб, соглашайся со мной! — Да, господин мой, да!

— Если так, в чем же тогда благо?

— Шею мою и шею твою сломать бы, в реку бы тела зашвырнуть — вот что благо! Кто столь высок, чтоб достать до неба? Кто столь широк, чтоб объять всю землю?

— Нет, раб, я тебя убью, отправлю первым!

— А господин мой меня хоть на три дня переживет ли?

До недавних пор этот финал трактовали как выражение крайнего пессимизма автора «Диалога»: коль скоро однозначно выигрышной жизненной стратегии нет, лучше не жить вовсе! Недавно, однако, выяснилось, что персонажи «Диалога» — не две личности (глупый господин и умудренный раб, чьи суждения тем самым имеют приоритет), а аллегории разных составляющих одной и той же человеческой души: Воли и Рассудка. Ведь Господин вовсе не размышляет, но активно желает, причем всего, чего вообще может желать человек, а Раб только мыслит и рассуждает, но сам не желает ничего! То обстоятельство, что воля здесь — господин, а рассудок — раб, передает лишь реальный (и всегда признававшийся месопотамцами) факт, что разум в целом играет роль технического инструмента, решающего задачи, которые ставят перед ним желания (определяющиеся в конечном счете отнюдь не рациональными построениями, а самой природой человека) и медирующая их воля «Я» — желающего субъекта.

«Диалог господина и раба» оказывается *внутренним* диалогом, разворачивающимся внутри человеческой личности, и приоритет в нем по праву имеет действительно «господин» — «Я». Идентифицировать себя читатель «Диалога» должен был в первую очередь именно с ним. Таким образом, возглас «Шею твою и шею мою сломать бы, вот что благо!» — это не реакция экзистенциального отчаяния человека как такового, выражающая авторский взгляд, а всего лишь бунт подчиненного разума, впадающего в отчаяние при виде того, что нельзя выработать однозначно разумной стратегии жизни, что реальность не поддается тотальному рациональному упорядочиванию. Самоубийством готов покончить отнюдь не сам человек, а лишь его слуга-разум. Сам же человек — господин, «Желающее Я», самоубийственных призывов своего раба-рассудка отнюдь не разделяет.

Финал «Диалога» прочитывается тем самым вполне ясно и последовательно: раб-рассудок, доведенный до отчаяния неразрешимыми противоречиями мира, советует покончить с собой, господин-воля категорически не желает следовать этому совету и уже готов уничтожить рассудок, чтобы тот не мешал ему жить своим отчаянием, — то есть впасть в радостное безумие, коль скоро разум несет такую скорбь («Раб, я

тебя убью, отправлю первым!»), — но тут же выясняется, что без рассудка тоже не выживешь («А господин мой хоть на три дня меня переживет ли?»).

Итак, «Диалог» в целом говорит читателю попросту: «Во многой мудрости впрямь много печали, головой весь мир не охватишь, но жить-то надо, а значит, надо жить с головой». Это и впрямь урок, вписывающийся в трезвую до горечи, но гедонистическую культурную парадигму Месопотамии и способный обеспечить «Диалогу» ту популярность в рамках указанной парадигмы, какой он пользовался на деле.

АССИРИЯ — «МИРОВАЯ ДЕРЖАВА» МЕСОПОТАМИИ

«Мировыми державами» («империями», «надрегиональными государствами») Древнего Востока в исторической науке принято называть те государства, которые отвечали определенным универсальным характеристикам. Прежде всего, они в течение длительного времени устойчиво включали в свой состав, помимо своей исконной территории, значительно более обширные покоренные, этнокультурно чужеродные пространства и вели систематическую упорную борьбу за захват таких территорий в как можно более широких масштабах. В итоге присоединенные земли чужих народов намного превышали по площади его коренные земли, а большинством населения такой державы становились тем самым иноплеменники. Еще одним характерным признаком таких империй было то, что подавляющую часть покоренных областей они не превращали в вассальные образования, как поступали великие державы былых времен, а полностью аннексировали, включая в свою «провинциальную» административную структуру, т.е. управляли ими через обычных наместников, а не через вассальных царьков.

До конца II тысячелетия до н.э. уровень развития военной техники и экономики был недостаточно высок, чтобы даже самые могучие цари могли создавать подобные надрегиональные империи. В самом начале такого пути находилась разве что египетская «империя» Нового царства, но и в ней присоединенные и подчиненные контролю наместников области (Сирия-Палестина и Нубия) намного уступали по численности

населению исконной территории страны. Все прочие государства в III — середине II тысячелетия до н.э. (т.е. большую часть бронзового века) либо почти не выходили за рамки своего этнокультурного региона (держава *Хаммурапи*), либо располагали за его границами почти исключительно вассальными владениями, не пытаясь аннексировать их (державы *Аккада* и *Ура*).

Напротив, железный век на Древнем Востоке (XII—XI вв. до н.э. и далее) ознаменовался созданием целого ряда «мировых держав». Первой из них стала Ассирия. Она зародилась еще в конце бронзового века (XIV—XIII вв. до н.э.) и продержалась, чередуя взлеты и падения, около семисот лет; ее сменили так называемая *Халдейская Вавилония* (VII—VI вв. до н.э.) и, наконец, великие державы иранцев — *Мидийская* (VII—VI вв. до н.э.) и пришедшая ей на смену *Персидская* (VI—IV вв. до н.э.), продолжением которой стали, в свою очередь, держава Александра Македонского и государство Селевкидов (IV—II вв. до н.э.). Все они в геополитическом отношении являлись преемниками друг друга, объединяя в одних руках весь Плодородный Полумесяц, т.е. Месопотамию и Восточное Средиземноморье (Левант).

Только с крахом могущества Селевкидов (II в. до н.э.) и разделом Ближнего Востока между Парфией и Римом (I в. до н.э.) традиция великих империй, обнимающих почти всю Переднюю Азию, пресеклась и была сменена новой геополитической ситуацией, когда Запад Плодородного Полумесяца, Левант, вошел в средиземноморскую политическую орбиту, а Восток его, Месопотамия, — в иранскую (эта ситуация сохранялась вплоть до арабских завоеваний VII в. н.э.).

Город-государство Ашшур: предыстория империи

С III тысячелетия до н.э. на Среднем Тигре начало свое существование номовое государство Ашшур с центром в одноименном городе, притулившемся на правом берегу реки. Сам город Ашшур, возможно, был основан еще аборигенным населением в первой половине III тысячелетия до н.э. С середины этого тысячелетия его население составляла уже особая ветвь аккадоязычных племен, которые обосновались на Тигре. В науке за ними закрепилось название «ассирийцы». Они поклонялись племенному, или местному, богу Ашшуру. В XXIII—

XXI вв. до н.э. Ашшур входил в державы Аккада и Ура в качестве одного из их административных центров. При падении державы *III династии Ура* Ашшур заняли вожди из соседних хурритских племен; они обоновались в городе и отстроили его, возведя новые городские стены и новый храм бога Ашшура.

С этого момента ассирийцы отсчитывали начало своей государственности; в самом деле, именно тогда Ашшур из провинциального центра великих держав вновь стал независимым государством. Около 1970 г. до н.э. власть в нем перешла в руки династии из коренных аккадоязычных ашшурцев («ассирийцев»), и следующие шесть веков Ашшур оставался центром их самоуправляющейся номовой общины («Ассирии» в современной терминологии), большую часть времени сохранявшей политический суверенитет. Лишь в XIX и XVIII вв. до н.э. ее дважды ненадолго аннексировали другие государства — царства Шамши-Адада и Хаммурапи; в остальное время Ашшурский ном то был совершенно независим, то признавал разве что данническую зависимость от могучих соседей.

Верховная власть принадлежала совету старейшин (состав которого менялся), представлявшему общинную верхушку, и наследственному «князю»-градоправителю, который председательствовал в нем. «Князь» еще не возвысился над общиной, а был лишь ее верховным представителем, и потому титуловался исключительно «ишшиаккумом» (аккад. форма шумер. «энси», «градоправитель»), а не царем. «Ишшиаккум» возглавлял исполнительную власть и имел право созывать совет, но не мог принимать важные решения без его санкции.

В науке условно выделяются **Староассирийский** (XX—XVI вв. до н.э.), **Среднеассирийский** (XV—XI вв. до н.э.) и **Новоассирийский** (X—VII вв. до н.э.) периоды, в основном в соответствии с этапами развития ассирийского диалекта.

Ашшур находился на самой окраине месопотамского мира, в окружении враждебных и чуждых народов. Плодородной земли здесь было мало, зато недалеко высились горы, богатые лесом и металлами. В то же время Ашшур лежал на перекрестке важнейших торговых путей, пересекавших весь Ближний Восток от Эгейского и Средиземного морей до Персидского залива и Ирана. По ним в Месопотамию из окрестных горных стран отправлялись металлы, а в противоположную сторону — продукты месопотамского сельского хозяйства и ремесел. Благодаря такому выгодному географическому

ческому положению Ашшур стал необычайно богатым торгово-перевалочным центром и мог организовать и снабжать большую и отлично вооруженную армию.

Ашшур стремился поддержать свою торговлю и силой оружия: в XX в. до н.э. его правители проложили с помощью военно-торговых экспедиций путь на запад, к побережью Сирии и рубежам Анатолии, и в XIX в. до н.э. в восточной Малой Азии расцветает основанная ашшурцами сеть самоуправляющихся торговых колоний с центром в Канесе (совр. Кюль-Тепе в Турции). Ашшурские купцы доставляли в Малую Азию крашенные шерстяные ткани, а взамен отправляли в родной город сырье — металлы, шерсть и кожу. Находясь на территории различных малоазиатских царств, колонии пользовались в них внутренней автономией. Поскольку управлявшая ими выборная верхушка состояла из ассирийцев, членов ашшурской номовой общины, в своих внутренних делах колонии дополнительно подчинялись Ашшуру, облагавшему их торговлю солидным налогом.

Богатство и местоположение Ашшура издавна привлекали к нему внимание завоевателей.

В 1810 г. до н.э. Ашшур оказался под властью верхневавилонского правителя Шамши-Адада, который передал управление новой провинцией своему сыну Ишме-Далану.

Ашшур при Ишме-Дагане пользовался самоуправлением, но не выходил из-под его власти и признавал его своим «ишшиаккумом» (как ранее Шамши-Адада). Со смертью Ишме-Дагана все его владения, включая Ашшур, были немедленно аннексированы его сюзереном *Хаммурану* (1757 г. до н.э.). Однако в 1742 г. до н.э., в связи с вторжением касситов в Верхнюю Месопотамию, Ашшур восстановил свою независимость под властью сына Ишме-Дагана Мут-Ашкура, ставшего новым «ишшиаккумом». Его потомки еще некоторое время правили в Ашшуре, но около 1700 г. до н.э. эта династия была свергнута, и после многолетней смуты «ишшиаккумом» стал некий Адаси, потомки которого и правили в Ашшуре в последующие века.

Великодержавие Шамши-Адада произвело на ассирийцев огромное впечатление. Пользуясь тем, что он присвоил себе титул ашшурского «ишшиаккума», а несколько его потомков побывали таковыми и на деле, ашшурцы вписали не только дом Шамшиадада, но и всех его кочевых предков в свой царский список и с тех пор всегда осознавали время его прав-

ления как блестящую страницу своей собственной истории. Поэтому ученые поначалу и обозначили его державу как Староассирийскую, хотя в действительности Шамши-Адад был иноземным покорителем Ашшура.

В конце XVI в. до н.э. ашшурскому «ишшиаккуму» Пузур-Ашшуру III удалось отбить натиск *Касситской Вавилонии* и заключить с ее царем Бурна-Буриашем I договор о границе; этим событием ассирийцы еще столетия спустя начинали официальный перечень своих внешнеполитических триумфов на южном направлении.

В 1467 г. до н.э., опасаясь усиления соседа, Ашшур даже установил дружественные связи с египетским царем *Тутмосом III*, который вел ожесточенную войну с *Митанни*. В ответ в середине XV в. до н.э. митаннийский царь Сауссадаттар разграбил Ашшур (вывезя, в частности, драгоценные декоративные врата Ашшура, выполненные из золота и серебра) и принудил его признать зависимость от Митанни. Лишь около 1400 г. до н.э. «ишшиаккум» Ашшурбелнишешу сделал робкий шаг к восстановлению позиций государства, построив новые стены города.

В первой половине XIV в. до н.э. Ашшур смог восстановить независимость благодаря дипломатическим талантам «ишшиаккума» Эриба-Адада I (1380—1354 гг. до н.э.). Начиная свое правление как вассал Митанни, но, воспользовавшись династическими смутами, вскоре разразившимися там, избавился от митаннийского ига ценой признания вавилонского верховенства, а через некоторое время отверг и его и отправил около 1360 г. до н.э. послов к египетскому фараону *Эхнатону*, как один вполне суверенный правитель — другому, с предложением дружбы (вассалы в те времена не имели права самостоятельно вступать в подобные отношения с чужими великими державами). Царь Вавилонии Бурна-Буриаш пытался протестовать, но тщетно: Эхнатон ответил ашшурским послам согласием, и Ашшур тем самым получил признание в качестве независимого города-государства.

Становление империи: от Ашшур-убаллита до Адад-нерари

Преемник Эриба-Адада Ашшур-убаллит I (1353—1318 гг. до н.э.) продолжал поддерживать переписку с Эхнатоном и

в ней, первым из правителей Ашшура, уже именовал себя «царем»-*шарру* (правда, внутри страны по-прежнему использовал лишь титул «ишшиаккума»).

Именно Ашшур-убаллиту суждено было превратить город-государство Ашшур в грозную державу Ассирию. Произошло это неожиданно для самих ашшурцев и только благодаря тому, что в середине XIV в. до н.э. Ближний Восток пережил настоящий политический переворот: усилиями одного из наиболее замечательных исторических деятелей Востока — хеттского царя Суппилулиумы (ок. 1380—1335 гг. до н.э.) — рухнул привычный, трехвековой давности, международный порядок, центральным элементом которого являлось государство верхнемесопотамских хурритов — Ханигальбат (Митанни).

Суппилулиума наголову разгромил *Митанни* в трех войнах, низведя до положения второстепенного образования, а появившийся политический вакуум заполнили две силы: сами хетты, на короткое время превратившиеся в ведущую силу Ближнего Востока, и номовое государство Ашшур, перехватившее львиную долю былого митаннийского могущества; впоследствии именно от XIV в. до н.э. древние летописцы отсчитывали начало существования Ассирийской «империи» в Азии.

Переворот занял считанные десятилетия (ок. 1355—1335 гг. до н.э.): сперва, воспользовавшись резким ослаблением Митанни из-за двух неудачных войн с Суппилулиумой и династических смут, Ашшур-убаллит вмешался в дела митаннийцев и превратился в их старшего союзника. Через некоторое время Митанни развязало против хеттов войну реванша — едва ли без ведома и подзуживания Ашшур-убаллита. Когда в ходе этой, третьей по счету войны, Суппилулиума послал в Митанни хеттские войска, Ашшур-убаллит выступил против них.

В течение некоторого времени в Верхней Месопотамии громыхали военные действия, в которых каждая сторона поддерживала своего марионеточного кандидата на митаннийский престол. Несмотря на временные успехи хеттов, оттеснивших было Ашшур-убаллита и его митаннийских союзников на восток, тот после смерти Суппилулиумы изгнал хеттов из всей Верхней Месопотамии и на некоторое время вышел к Евфрату. В ходе всех этих событий восточные области Митанни вдоль Тигра, включая крупнейший культовый

центр Ниневию (здесь почиталась Иштар), Ашшур-убаллит попросту удержал за собой и аннексировал; да и остальные территории Митанни одно время контролировалось его войсками. Одновременно Ашшур-убаллит совершил успешную интервенцию в Вавилонию и возвел на вавилонский престол своего ставленника (ок. 1337 г. до н.э.).

Так были заложены два главных направления ассирийской внешней политики на следующие столетия: южное, вавилонское, и западное, верхнемесопотамско-сирийское, где ассирийцев в перспективе ожидал выход к Средиземному морю. Ассирия превратилась из города-государства в великую военную державу, которой было суждено просуществовать около 700 лет, наводя ужас на всех своих соседей.

Формирование этой державы было завершено при **Адад-нерари I (1295—1264 гг. до н.э.)**. Он окончательно превратил власть ассирийского правителя в царскую, стоящую над ашшурской гражданской общиной: Адад-нерари первым официально титуловал себя в самом Ашшуре «царем», а кроме этого, еще и «царем множеств» (титул, претендующий на мировое владычество). Он первым установил царский контроль над ашшурским общинным самоуправлением: при нем царя впервые стали назначать на должность высшего по званию городского магистрата. Начиная с Адад-нерари ассирийские цари переносят один из важнейших государственных обрядов — обряд приема богов (в виде их статуй) на пиру — в собственные царские дворцы, в то время как ранее этот обряд совершался в общественных зданиях (см. выше).

Адад-нерари отторг у *Касситской Вавилонии* обширные области на Среднем Тигре и Среднем Евфрате и совершил два успешных рейда против Ханигальбата-Митанни. В результате первого из них он сделал Ханигальбат своим вассалом, а когда тот отложился, Адад-нерари в результате второго похода полностью аннексировал его, выйдя к большой излучине Евфрата. По международным представлениям эпохи, это давало ему своего рода мандат на «великоцарский» статус: поглотив предыдущее «великое царство» Митанни, он наследовал его былой ранг.

Поэтому Адад-нерари претендует в переписке с другими странами уже не просто на титул «царя» (как делал Ашшур-убаллит), а на звание «великого царя», равного правителям остальных великих держав, — и добивается успеха. Хаттусили III, «великий царь» хеттов, союзник повергнутого Митанни и

неизменный противник Адад-нерари скрепя сердце был вынужден признать в своем исполненном вражды ответе ему: «Да, уничтожив моего союзника, ты стал великим царем!». На востоке Адад-нерари покорил земли вплоть до Приурмийского региона. Сохранилась пышная придворная поэма о деяниях Адад-нерари, сложенная при его жизни. Однако значительную часть своих завоеваний царь и утратил (см. ниже).

Если искать в ряду ассирийских правителей некоего преимущественного «основателя Ассирийской империи», то на эту роль может претендовать именно Адад-нерари. В этом качестве его и запомнили на Ближнем Востоке: еще тысячелетие спустя греческие историки утверждали, что Ассирийскую империю основал около 1300 г. до н.э. некий царь — соправитель царицы Семирамиды. В действительности Семирамида правила гораздо позже (см. ниже), но соправитель ее действительно имел такое имя — Адад-нерари III. Таким образом, приведенный греческий сюжет надо считать отголоском веками существовавшего предания, согласно которому ассирийское великодержавие основал именно Адад-нерари I, которого лишь спутали впоследствии с его более поздним тезкой.

Первое великодержавие Ассирии

Если Адад-нерари добился ранга «великого царя», равного остальным «великим царям», то его преемники **Салманасар I** (Шульманашаред) (1263—1234 гг. до н.э.) и особенно Тукульти-Нинурта I (1233—1197 гг. до н.э.) пытаются добиться уже фактического первенства среди всех великих держав. История Ассирии этой, первой эпохи ее великодержавия (XIII—XII вв. до н.э.), — это череда войн против хеттов и их союзников на западе и против вавилонян на юге. Войны эти идут с переменным успехом; ассирийцы раз от раза наращивают мощь ударов, но и сами терпят иногда все более жестокие поражения.

За полтора столетия (1300—1150 гг. до н.э.) ассирийцы успели пять раз покорить и пять раз потерять западную часть Верхней Месопотамии! Так, верхнемесопотамские завоевания Адад-нерари еще при его жизни смог отнять у него *Хамтусули III*, восстановивший здесь Митаннийское государство (ок. 1265 г. до н.э.). Салманасар I вскоре после воцарения двинул-

ся на уничтожение Митанни и союзных ему хеттских войск. Ассирийская армия попала в окружение и была отрезана от водопоев, но сумела вырваться и разбить врага. 14 400 вражеских воинов, попавших в плен, были ослеплены по приказу Салманасара, и тот аннексировал все земли Митанни до Евфрата (ок. 1260 г. до н.э.). Митанни было уничтожено, теперь уже навсегда.

Некоторое время спустя Салманасар разгромил нового хеттского царя, Тудхалию IV, при Нихрии и отнял у хеттов еще и бассейн Верхнего Тигра; тем не менее вскоре тот же Тудхалия IV вновь отобрал у Салманасара и верховья Тигра, и владения погибшего Митанни (ок. 1240 г. до н.э.). К тому времени подстрекаемая хеттами против Ассирии Вавилония успела лишить ассирийцев земель по Среднему Евфрату, завоеванные когда-то Адад-нерари, а также Аррапхи и областей Загроса (между 1270 и 1240 гг. до н.э.).

И на западе, и на юге ассирийские успехи восстановил и довел до апогея следующий царь Тукульти-Нинурта. Великий воитель (само имя его означает «Оплот мой — Нинурта», бог войны, в то время как имя его предшественника Салманасара было дано в честь бога умиротворения). Он почти ежегодно проводил дальние военные походы. На западе он покорил страны Верхнего Тигра и Армянского нагорья, вновь занял Верхнюю Месопотамию и совершил набег на хеттскую Сирию, угнав оттуда 28 тысяч пленных. На юге он совершил небывалое деяние, завоевав и аннексировав Вавилонию и все ее владения (ок. 1225 г. до н.э.). Об этом подвиге при его дворе была сложена эпическая поэма. Из главного храма Вавилона в Ашшур была вывезена статуя верховного бога вавилонян Мардука.

В знак своих побед царь принял новый титул, звучащий отныне так: «Могучий царь, царь Ассирии, царь Кардуниаша (Касситской Вавилонии), царь Шумера и Аккада, царь Сиппара (древний город в Вавилонии) и Вавилона, царь Дильмуна и Мелаххи (совр. остров Бахрейн и бассейн Персидского залива и Аравийского моря вплоть до Инда), царь Верхнего (Средиземного) и Нижнего моря (Персидский залив), царь гор и широких степей, царь субареев (жителей Верхней Месопотамии), кутиев (горцев Загроса) и стран Наири (Армянское нагорье), царь, слушающий своих богов и принимающий знатную дань четырех стран света в городе Ашшуре».

На гребне своих успехов Тукульти-Нинурта решился полностью освободиться от необходимости считаться с верхами городской общины Ашшура. Он выстроил себе новую, военно-служилую столицу Кар-Тукульти-Нинурта (объявив, что сделать это ему повелел бог Ашшур) и перебрался туда. Здесь был сооружен грандиозный дворец. Соответственно новому значению царя особыми царскими указами до тонкостей был разработан дворцовый церемониал.

Войны с Вавилонией и крах завоеваний Ассирии

Однако к концу правления Тукульти-Нинурты хетты и восставшие вавилоняне вновь лишают Ассирию большей части его завоеваний (включая все тот же запад Верхней Месопотамии). Поражения подорвали престиж царя, а его попытка встать над Ашшуром, т.е. над столичной общиной и ее храмом, вызвала там прилив ненависти, тем более опасной, что к этой общине принадлежало большинство царских вельмож. В результате Тукульти-Нинурта был объявлен сумасшедшим, низложен, заперт в собственном дворце и вскоре убит; его столицу забросили, а на престол посадили его сына.

Ассирия вступила в полосу длительного упадка. Вавилонский царь Адад-шум-уцур, недавний освободитель всей Вавилонии от Тукульти-Нинурты, безнаказанно направляет ассирийским царям письма, полные насмешек и тяжких оскорблений. Царский дом Ассирии потрясают внутренние династические конфликты и смуты. Вмешавшись в них, тот же Адад-шум-уцур в конце концов смог в 1182 г. до н.э. возвести одного из членов ассирийского царского рода на престол Ассирии в качестве своего вассала.

Одновременно, в 1190-е годы XII в. до н.э., под ударами выходцев из Балканско-Эгейского региона погиб старый враг Ассирии Хеттское царство, но ей самой это не помогло. Напротив, около 1165 г. до н.э. пришельцы с Балкан, так называемые «восточные мушки» — предки армян, продвинувшись через территорию разрушенного ими Хеттского царства, поселились на Верхнем Евфрате, и в течение следующих 50 лет Ассирии приходилось отражать их периодические набеги на свои северо-западные границы в Верхней Месопотамии.

При Ашшурдане I (1168—1134 гг. до н.э.) в истории Месопотамии происходит резкий перелом. Ассирия освобождается

от вавилонского влияния, даже совершает набег на вавилонское пограничье (ок. 1160 г. до н.э.), затем Вавилония подвергается полному разгрому со стороны эламитов, оккупировавших ее (середина XII в. до н.э.). Династия касситов погибла, однако вавилонянин Мардуккабиттахешу, укрепившись в Иссине, выступил против эламского господства и основал новую династию. Она упорно боролась с эламитами и постепенно вытеснила их из страны, восстановив Вавилонское царство (столицей его оставался Иссин).

Не прекращая воевать с ним, эламиты около 1135 г. до н.э. обрушились на Ассирию, захватив Аррапху и долину Нижнего Заба. Ашшурдан был низвергнут, а его преемник попытался примириться с Вавилонией и немедленно вернул ей статую Мардука (1134 г. до н.э.), почти за век до того вывезенную в Ассирию Тукульти-Нинуртой.

Ревани Вавилонии

Вскоре после этого новый вавилонский царь из Иссина Навуходоносор I (1125—1104 гг. до н.э.) смог, к собственному изумлению, наголову разгромить Элам. В надписи о своей войне с эламитами Навуходоносор откровенно рассказывает: «Я сам себе говорил в страхе, тревоге и отчаянии: не хочу я разделить участь моего предшественника, угнанного в Элам, лучше мне умереть... Я утратил страх смерти и не откажусь на битву, я повернул обратно... Я сидел, как оглушенный; эламит пришел, и я бежал из города. Я лежал на ложе стонов и вздохов и, рыдая, молил богов». В итоге, однако, Навуходоносор перешел в контрнаступление, разбил и убил эламского царя у его столицы, на реке Улай и «отомстил за Аккад» (Вавилонию), разорив Элам так, что тот вскоре распался и на три с лишним века исчез из месопотамских источников!

После этого Навуходоносор вернул столицу из Иссина в Вавилон и принял новый титул «царь Вавилонии, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света», который носили и последующие цари Вавилонии. Вторгнулся он и в Ассирию. В возрожденном вавилонском государстве царская власть с течением времени существенно ослабела; в I тысячелетии до н.э. царь превратился скорее в верховного магистрата при автономной и играющей главную роль в стране гражданско-храмовой общине Вавилона.

В итоге бурных событий XII в. до н.э. в Передней Азии не осталось ни одной великой державы, а оба царства Месопотамии — Ассирия и Вавилония — были существенно ослаблены смутами и борьбой с набегами соседей, прежде всего эламскими. В этой обстановке в Ассирии воцарился Тиглатпаласар I.

Второе возвышение Среднеассирийской державы (конец XII — середина XI в. до н.э.)

При Тиглатпаласаре I (Тукульти-апал-эшарра) (1114—1076 гг. до н.э.) Ассирия неожиданно переживает небывалый взлет. По-видимому, это был гениальный полководец и стратег, целиком сосредоточившийся на непрерывных завоеваниях. Начал он с того, что разбил двадцатитысячное войско восточных мушков, напавших на пределы Ассирии, и вновь восстановил ее власть над Верхней Месопотамией до большой излучины Евфрата. Затем он покорил горные области в бассейне Верхнего Тигра и двинулся на захват торгового пути, который вел оттуда к Черному морю и служил одним из главных каналов перевозки медной, свинцовой и железной руд, месторождения которых располагались в его полосе. Разгромив войска нескольких десятков вождей и князей «стран Наири» (Армянского нагорья), Тиглатпаласар «прогнал их своим дротиком до Верхнего (Черного) моря», выйдя к нему в районе нынешнего Батуми.

Побежденные владетели «стран Наири» признали зависимость от Ассирии и обязались платить дань конями и рогатым скотом, а их сыновья были взяты заложниками. На исходе XII в. до н.э. Тиглатпаласар покорил осколки Хеттского царства в Сирии и Юго-Восточной Малой Азии, достиг гор Ливана и финикийского побережья, где ему изъявили покорность приморские города от Арвада до Сидона. Здесь царь велел нарубить кедров, считавшихся священными деревьями, для храмового строительства в Ашшуре, взял с собой саженцы в кадках для царских садов и предпринял морскую прогулку на корабле, поохотившись на дельфинов.

Дань с этих западных территорий он брал главным образом кедровыми деревьями. Проникал он и далеко на восток, в долину Верхнего Заба и в Загрос. Позднее Тиглатпаласар

обратился против Вавилонии и захватил ее крупнейшие города Опис, Сиппар и сам Вавилон, где он сжег царский дворец (ок. 1090 г. до н. э.; правда, из Вавилонии ассирийцы были вытеснены уже в следующем году). В это время его власти подчинялись громадные территории от Чороха и истоков Куры до Загроса, Финикии и бывшего Хеттского царства в Юго-Восточной Малой Азии включительно. Ассирия была теперь не просто первой, а единственной великой державой Ближнего Востока.

При всех этих успехах, нерешенной проблемой для Тиглатпаласара оставались войны с арамеязычными кочевниками-ахламеями, которые населяли Сирийскую степь и продвигались, все с большим и большим напором, на Средний Евфрат. Против них Тиглатпаласар совершил 28 походов, захватив даже Тадмор (Пальмиру) в сердце ахламейской территории, однако так и не смог победить их: кочевые племена рассыпались, отступали, но оказывались в итоге непокоряемы и неуловимы. Тем не менее до конца правления Тиглатпаласара угрозы для Ассирии они не представляли.

Характерно, что охотник в Тиглатпаласаре не уступал воину: согласно его надписям, он лично убил до тысячи львов (120 врукопашную, 800 с колесницы). Охотился Тиглатпаласар даже на слонов, причем, случалось, ловил их, что считалось редким подвигом. В анналах царь давал себе такие характеристики: «Тиглатпаласар — отважный муж, отворяющий горные пути, повергающий непокорных, низвергающий всех гордецов! Тиглатпаласар — царь сильный, сеть для непокорных, низвергающий оборону злодеев! Тиглатпаласар — царь сильный, покоряющий вражьи страны, побеждающий всех царей! Тиглатпаласар — горящее пламя, грозный потоп сражения! Тиглатпаласар — попирающий кичливых, поражающий непокорных, заставляющий содрогаться всех смельчаков!»

Нашествие арамеев. Ассирия на переломе эпох

При преемниках Тиглатпаласара Ассирия стремительно утрачивает могущество под натиском арамейско-ахламейских племен. В середине XI в. до н.э. начинается грандиозное переселение арамеев из Южной Сирии: двигаясь на север, они проникают вверх по течению Евфрата вплоть до Верхнего

Тигра, и ассирийцы принуждены с переменным успехом контраковать их здесь, на северо-западе. В Сирии в результате этих событий возникает ряд арамейских царств. В то же время одно из крупнейших арамейских племен Сирии — халдеи (собств. «касад»), оторвавшись от своих родичей, двинулось прямо на восток, разорило юг Вавилонии и осело там, образовав несколько племенных княжеств в болотистых низовьях Тигра и Евфрата. Вскоре они признали власть вавилонских царей. В итоге халдеи, по прежнему живя родами под управлением своих наследственных вождей, усвоили вавилонскую культуру и составили один из основных компонентов населения страны. С конца IX в. до н.э. халдейские правители фактически распоряжались большей частью территории Вавилонии, а в VIII—VI вв. до н.э. неоднократно давали ей правителей.

Около 1000 г. до н.э. арамейско-ахламейские племена прорывают с запада ассирийскую оборону по Евфрату и захватывают практически всю Верхнюю Месопотамию, поставив Ассирию на грань гибели; под властью ассирийских царей X в. до н.э. (от них дошли одни имена) остались лишь бассейн Среднего Тигра и Харран. В течение недолгого времени арамеи Верхней Месопотамии образовывали обширный племенной союз — Арам Нахараим (Арамейское Двуречье), но уже во второй половине X в. до н.э. он распался на множество племенных княжений. Это дало Ассирии передышку, позволившую ей постепенно накопить силы для реваша.

От описанной катастрофы, которую претерпела Ассирия под ударом арамеев, ученые отсчитывают новый, так называемый *Новоассирийский период* ее истории (X—VII вв. до н.э.). В результате миграций XI—X вв. до н.э. подавляющее большинство населения Плодородного Полумесяца (Леванта) оказалось арамеизировано; уже к середине I тысячелетия до н.э. на аккадском, ханаанейском и древнееврейском говорили почти только в городах. Вплоть до арабского завоевания в VII в. н.э. арамеи («сирийцы» античных источников) были одним из главных этносов Передней Азии.

Ассирийский общественный строй

Общественный быт коренных городов Ассирии лучше всего характеризует дошедший до нас текст так называемых

Среднеассирийских законов (вторая половина II тысячелетия до н.э.), регулировавших жизнь ашшурской городской общины. Законы отражают архаичный общинный уклад и суровый нрав своих создателей. Это самый жестокий из всех древневосточных кодексов, где особенно часто применяются тяжкие и членовредительные наказания (в том числе фактически равносильное порой смертной казни наказание сотней палочных ударов) и устанавливается наибольшее бесправие женщин. Основной ячейкой общины является патриархальная семья с полной властью мужчины над женщиной; в частности, мужу разрешалось по своему произволу подвергать жену калечащим наказаниям. На жену распространялась ответственность за долги и преступления мужа. Измена жены почти всегда влекла за собой обязательную смертную казнь.

Община выступала как реальный собственник земли: она периодически производила ее переделы между общинниками и жестко контролировала дозволенную куплю-продажу земли внутри общины. Существовали весьма тяжелые долговое рабство и изъятие земель за долги (ссуду выдавали под залог поля, дома или членов семьи, и если долг не возвращали в срок, заложник переходил в полную собственность кредитора; тот мог поступать с ним по своему произволу — «бить, выщипывать волосы, бить по ушам и просверлить их» и даже продать за пределы Ассирии). Таким образом, ашшурские законы, в отличие от *Законов Хаммурапи*, не пытались ограничить деятельность ростовщиков, а, наоборот, поддерживали их. В Новоассирийский период общинный контроль над куплей-продажей земли исчез, так что возможности частной эксплуатации, отчуждения и концентрации земли резко возросли.

Ашшурская знатная элита состояла из членов общинных органов управления и владельцев крупных торговых предприятий (которые часто и занимали должности в этих органах); все они были обычно крупными землевладельцами. В хозяйствах знати эксплуатировались в основном рабы. Особняком стоял градоправитель-«ишшиаккум» (позднее царь) с собственным бюрократическим аппаратом и воинством и храм Ашшура. Оба существовали на налоги, в том числе взимаемые со столичной общины, в которой владели соответствующими земельными наделами. При этом высшее

жречество Ашшура было особенно тесно связано со столичной общиной и фактически представляло собой продолжение ее верхушки.

Когда же Ашшур в XIV в. до н.э. превратился в крупную державу, почти все вошедшие в него области составили фонд государственной (царской) земли; их обитатели управлялись чиновниками, находились в неограниченной власти правителя и платили ему подати. Таким образом, для самоуправляемых городов Ассирии (а к их числу, кроме Ашшура, прибавились некоторые присоединенные города) царь был весьма ограниченным по своей компетенции правителем, зато для составивших сектор «царских людей» жителей завоеванных стран — абсолютным владыкой. На подати, вносимые этим сектором, царь мог содержать огромную военно-административную машину, верхние эшелоны которой по-прежнему комплектовались выходцами из коренных, привилегированных ассирийских городов.

Таким образом, в Ассирии восторжествовала социально-экономическая модель, близкая к той, что действовала в *Касситской Вавилонии*. При этом никаких пожалований ассирийские цари не давали (служилые люди независимо от должности почти всегда находились на прямом государственном обеспечении), так что частновладельческие отношения свободно развивались только в автономных городах. Если в царском секторе почти безраздельно доминировала «долевая» эксплуатация мелких землепользователей (ведших свое хозяйство, отдававших государству часть произведенной ими продукции и живших на остаток), то в крупных частных владениях применялся рабский труд (наряду, разумеется, с арендаторским).

Взаимоотношения государства и коренных автономных городов были непростыми. В отличие от Вавилонии в Ассирии с них в течение долгого времени взимались налоги, и цари по возможности стремились подчинить их самоуправление своей власти. Однако интерес государства к городам с самоуправлением касался только налогово-административной сферы; на развитие в них частной эксплуатации цари внимания не обращали, так что в Ассирии еще под контролем царей в общинно-городском секторе развивалась самая безудержная частная эксплуатация, и множество рядовых членов общин, разорившись, превращалось в рабов и зависимых людей.

Специфические черты Ассирийского государства

В Среднеассирийский период сформировались основные особенности Ассирийской державы. Они были следующими.

Прежде всего это двойственность в положении царей. Достаточно ограниченная власть царя над исконно ассирийскими городами при полновластии над завоеванными территориями побуждала царей строить новые, военно-служилые столицы, отделяя тем самым себя от ашшурской общины (впрочем, Ашшур всегда сохранял значение священной столицы державы). Отношения царя с общинами привилегированных городов, прежде всего столичной, нередко разрешались конфликтами, вплоть до мятежей этих общин и низвержения царей. Впоследствии, в VIII в. до н.э., все это вообще побудило царей перенести главную опору своей власти с исконных городов на оторвавшуюся от любых общинных традиций массу служилых, выходцев в значительной степени с покоренных территорий. Это укрепляло царскую власть, но в итоге приводило к формированию «денационализованного» самодовлеющего государства, лишённого своей коренной базы и этим слабого.

Ассирийская держава в первые века своего существования являлась плодом стремлений одной, ашшурской, общины во главе с сформировавшимся при ней царским военно-служилым двором захватить господство над большей частью Передней Азии. Непомерность этих потуг по сравнению с ограниченными ресурсами собственно Ассирии заставляла царей компенсировать внутреннюю слабость крайним напряжением военной деятельности и устрашением соседей, но так и не позволяла им прочно освоить завоеванные владения.

Отсюда вытекала и беспрецедентная свирепость ассирийцев во время завоеваний и карательных походов (в частности, применялись массовые пытки и казни, полное разрушение городов и селений, а с VIII в. до н.э. и политика так называемого «вырывания с корнем» — депортации огромных масс населения в другие районы страны). Война в древности вообще была куда более безжалостна, чем в более близкие к нам эпохи, но ассирийцы в этом отношении резко превзошли общий уровень жестокостей своего времени. Тысячи людей сажали на кол и ослепляли, с тысяч заживо сдирали кожу, отрубали им руки

и ноги. Вот примеры обычных победных формул ассирийских царей: «Я окружил, я завоевал, я сокрушил, я разрушил, я снес, я сжег огнем и превратил в пустыри и развалины».

По той же причине ассирийские цари вели военную экспансию с небывалой энергией, упорством и неукротимостью: они проводили в походах больше времени, чем любые другие правители Ближнего Востока и нередко старались каждый год открывать военную кампанию, причем считали своим долгом лично командовать войском.

В результате империя существовала в характерном «пульсирующем» ритме: правление каждого царя обычно начиналось с подавления мятежей, вызванных смертью его предшественника. Затем он пытался совершить новые завоевания. Со смертью царя часть присоединенных им земель тут же отпадала, и все повторялось снова, так что одни и те же области ассирийцам приходилось усмирять по многу раз. В целом масштаб ассирийских завоеваний медленно, но неуклонно расширялся, и росла площадь окончательно покоренной территории: с начала IX в. до н.э. из ассирийского подчинения уже никогда не выходила Верхняя Месопотамия, с конца VIII в. до н.э. и до времен крушения Ассирии — Сирия. Прочно покорить Вавилонию ассирийцам так и не удалось, и именно это стало в итоге причиной их гибели.

История Ассирии изобиловала узурпациями. Немало удачливых администраторов и военачальников, приходившихся отдаленными потомками давно умерших царей, захватывали престол, свергая и убивая своих предшественников, что не мешало официальной ассирийской традиции относиться к ним с величайшим почтением, если их правления изобиловали успехами.

Как результат в Ассирии сложилась особая идеология «священной войны», согласно которой ратные подвиги ассирийских царей предпринимаются по приказу и во славу Ашшура, бога-покровителя города и царства (что отражало исключительную роль храма Ашшура в функционировании ассирийской государственности). Не считая библейских войн, это единственный пример «священной войны» на всем древнем Ближнем Востоке.

В итоге история Ассирии представляет собой циклы военного подъема и упадка. Трижды (начало XII в., начало X в., первая половина VIII в. до н.э.) Ассирия теряла большую часть захваченных территорий и вновь возвращала их, каждый раз наращивая масштабы экспансии.

ПЕРВОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ НОВОАССИРИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ (IX — НАЧАЛО VIII в. до н.э.)

Из упадка, в который Ассирию ввергли арамеи, ее вывел Адад-нерари II (911—891 гг. до н.э.), сломивший и покоривший княжества верхнемесопотамских арамеев. Вся область реки Хабур и ее притоков перешла под контроль Ассирии. Адад-нерари нанес поражение и вавилонянам.

В течение нескольких последующих десятилетий Ассирия практически не знала поражений. Стратегическая цель, которую поставили перед собой на будущее цари этого периода, заключалась в том, чтобы, держа в страхе и зависимости горцев на севере и востоке при помощи периодических вторжений и не допуская ответных рейдов, неуклонно продвигаться на юг и запад, дабы взять под свой контроль основные источники сырья, центры производства и торговые пути от Персидского залива до Армянского нагорья и от Ирана до Средиземного моря и Малой Азии.

Походы Ашшурнацирапала II

Ашшурнацирапал II (883—859 гг. до н.э.), самый свирепый из ассирийских завоевателей, завершил аннексию Верхней Месопотамии и вторгнулся в Западный Иран и Сирию. Стратегия царя заключалась в нанесении молниеносных ударов и в создании опорных пунктов на присоединяемых территориях. Любая попытка мятежа или сопротивления беспощадно подавлялась: население массово истребляли, а территория подвергалась полному опустошению. Те же, кто сдался без боя, облагались данью. Даже по ассирийским меркам Ашшурнацирапал воевал необычайно жестоко; типичной похвалой его было: «Я взял город, перебил множество воинов, захватил все, что можно было захватить, отрубил головы бойцам, сложил напротив города башню из голов и тел, сложил башню из живых людей, посадил людей живьем на колья вокруг города, юношей и девушек его сжег на кострах».

Присоединенные области либо переводились на положение вассалов, либо, во все возрастающей мере, передавались непосредственно под власть ассирийских сановников. Переправив свое войско через Евфрат на понтонах из надувных

мехов, Ашшурнацирапал вторгся в Каркемиш; тот покорился без боя и уплатил огромную дань изделиями из многих центнеров золота и серебра, не считая десятка тонн меди и железа.

В 876 г. до н.э. Ашшурнацирапал добрался до средиземноморского побережья, где зависимость от него признало Тиро-Финикийское царство. На берегу он, по древнему обычаю, омыл свое оружие в морских водах и поставил стелу. Учредив ассирийскую колонию на Оронте, владыка вернулся в Ассирию с огромной добычей и кедрами, нарубленными в горах Ливана для своей новой резиденции, которую он перенес из Ашшура в военно-служилую столицу Кальху (совр. Нимруд), знаменитую сегодня рельефами, на которых изображены представители всевозможных народов, приносящие дань ассирийскому царю (в том числе экзотических слонов, верблюдов, быков, обезьян и львов).

Салманасар III: борьба за империю

Его сын Салманасар III (Шульманашаред) (858—824 гг. до н.э.) вынужден был снова воевать за Евфратом, где встречал ожесточенное сопротивление местных князей, сплотившихся в две мощные коалиции. В 853 г. до н.э. он вывел против вражеского сиро-палестинского союза (в котором участвовали почти все цари Леванта, включая израильского Ахава) на битву при Каркаре 120 тысяч воинов — невиданную по тому времени армию, — но потерпел поражение. В своих надписях он, разумеется, объявил себя победителем, но в течение нескольких следующих лет не рисковал вновь вторгаться за Евфрат. В 840 г. до н.э. Салманасар осадил Дамаск — столицу крупнейшего из царств Сирии — и добился покорения и его, и всей остальной Сирии, а также Израиля и Финикии.

В общем, за свое правление Салманасар трижды подчинял страны Леванта и Юго-Восточной Малой Азии и трижды терял их. Кроме этого, Салманасар регулярно совершал военные походы то на север — на Армянское нагорье, против недавно оформившегося царства *Урарту*, то на восток — в Западный Иран, где обитали ираноязычные племена мидян, то на юг — против халдейских княжеств Вавилонии. Тем не менее закончилось его правление многолетним мятежом

коренных ассирийских городов и отпадением большей части завоеваний вне Верхней Месопотамии (ее ассирийцы уже никогда больше не выпускали из рук).

Женщина у власти: правление Семирамиды

Новый взлет Ассирия испытала при Адад-нерари III (810—783 г. до н.э.), который долгие годы правил под опекой своей матери, знаменитой царицы Саммурамат-Семирамиды. В результате походов, снаряженных ими во все стороны света, Вавилония стала младшим союзником (фактически вассалом) Ассирии, впервые в истории Ассирии был покорен весь Левант, от гор Амана до Синая, а также халдейские княжества на Нижнем Тигре и огромные пространства Северо-Западного Ирана. В 788 г. до н.э. ассирийские войска, в первый и последний раз за свою историю, вышли к Каспийскому морю и на некоторое время продвинули до него пределы подчиненных Ассирии земель. Воспоминания об этом успехе послужили основой для позднейших легенд о том, что Семирамида якобы покорила весь Иран, включая Бактрию, до границ Индии.

Тем не менее в первой половине VIII в. до н.э. Ассирия вновь теряет все свои владения, кроме Верхней Месопотамии, — прежде всего под ударами *Урарту*. Урартского царя Аргишти ассирийцы боялись так, что не скрывали этого в собственных надписях, где он был назван «урартом, чье именование страшно, как тяжелая буря». Страна пребывала в глубоком упадке: многие областеначальники, стоявшие во главе огромных провинций, сделались фактически наследственными князьями, мало считавшимися с царской властью. В 60-х годах VIII в. до н.э. в стране разразилась новая многолетняя гражданская война.

Тиглатпаласар III — преобразователь империи

Начало новому возвышению Ассирии положил узурпатор-военачальник Тукульти-апал-эшарра (Тиглатпаласар III) (745/744—727 г. до н. э.). Придя к власти в результате восстания в Кальху, он провел ряд важнейших реформ, преобразивших государство и превративших его в отлаженный механизм,

живший войной и для войны. С этого времени к Ассирии можно было бы применить слова, сказанные много позже о Пруссии: это было не государство с армией при себе, а армия с государством при себе. Прежде всего Тиглатпаласар разукрупнил наместничества, одновременно уменьшив и полномочия наместников, а на их посты стал обычно назначать евнухов (для предотвращения создания новых местных династий). Отныне власти на местах беспрекословно подчинялись царю.

Своей небывалой по размаху и новаторству *военной реформой* Тиглатпаласар III решал еще одну старую проблему ассирийской монархии — проблему взаимоотношений царя с коренными автономными городами. Создав профессиональную армию, царь тем самым почти полностью перенес опору царской власти с этих городов на военно-служилую массу, в основном арамеезычную.

Ассирийская армия нового типа в течение столетия навела страх и ужас на весь Ближний Восток. Именно она впервые за всю историю месопотамских держав в середине VII в. до н.э. раздвинула рубежи ассирийского владычества от Эгейского моря до Южного Ирана и от озера Севан до Синайского полуострова. Но в причинах успеха армии крылся также залог ее гибели. Ополченцы, как и военные колонисты, сохраняют живую связь со своей областью и народом, с национальной традицией; регулярная армия (при том что служба навсегда, до конца жизни, вырывала воина из его среды) разрушала эту связь, тем более что подавляющее большинство воинов постоянной армии набиралось из покоренных народов, а коренные ассирийцы (которые вообще были крайне немногочисленны) комплектовали лишь командные должности и гвардию.

Это была денационализированная, профессиональная военная организация, «государство в государстве», оторванная от каких бы то ни было общественных структур и традиций. Рано или поздно подобная (своего рода «латиноамериканская») армия всегда кончает разложением, фактическим выходом из подчинения власти; попытками вершить собственную политику, смутами и военными переворотами. Все это и произошло с ассирийской армией во второй половине VII в. до н.э. Ставя и смещая царей, она фактически уничтожила самое себя в гражданской войне, а с ее гибелью погибла и сама Ассирия.

Военная реформа Тиглатпаласара III

Тиглатпаласар III создал военные силы принципиально нового типа, далеко опередившие по своим боевым качествам, вооружению и организации все прочие войска той эпохи. Это была огромная постоянная армия (*кисир шаррути*), находившаяся на полном содержании казны и всегда готовая к бою (ранее большая часть войск представляла собой ополчение, как и в других странах). Такой характер армии позволил перейти к непрерывному военному обучению и резко повысил ее боевые качества. Была введена унификация вооружения, экипировки и боевой подготовки по всей империи, что делало ассирийские войска на редкость слаженными в бою. Ядром новых вооруженных сил был особый «царский полк» (гвардия); он включал все роды войск и представлял собой как бы целую армию в миниатюре. К нему добавлялись провинциальные ополчения (*саб шарри*) и вспомогательные отряды вассальных царьков; характерно, что ассирийцы старались обучить и вооружить их так же, как регулярное войско.

Ассирийская армия имела новую и продуманную систему родов войск, состоявших из пехоты, колесничных частей и особенно развитой конницы (оттеснившей колесницы на вторые роли); появились особые службы: саперная (инженерная) и разведывательная. Инженерные подразделения помогали армии вести военное строительство и осаду крепостей. В войнах того времени стороны обычно надеялись в крайнем случае отсидеться в крепостях, рассчитывая на то, что враг сам не выдержит долгой осады (а они могли тянуться и по 15, и по 20 лет). Эта оборонительная тактика оправдывала себя почти во всех войнах, кроме войн с Ассирией, располагавшей высокоразвитой осадной техникой, прежде всего огромными таранами. Против нее не могла устоять никакая крепость.

Ассирийская служба разведки была многочисленна, разветвлена и включала постоянных шпионов и тайных агентов, пребывавших в чужих странах. Они не только извещали царя о положении дел в них, но и сеяли там по его приказу смуты и заговоры.

Тиглатпаласар и его преемники вооружали своих воинов сплошь железным оружием и доспехами. В итоге в ту эпоху, когда простые пешие воины большинства армий почти не имели защитного вооружения, ассирийские пехотинцы были

снабжены большими щитами, панцирями и остроконечными шлемами. Особые части оружейников, сопровождавшие армию, чинили и заново изготавливали оружие.

Все эти вспомогательные службы, а также массовое применение кавалерийских, особенно конно-стрелковых частей, были до тех пор совершенно неизвестны на Востоке и давали ассирийцам неоспоримое преимущество над соседями. Каждое подразделение пехоты включало все мыслимые разновидности пехотинцев — копейщиков, стрелков из лука и штурмовую пехоту, вооруженную мечами и топорами; каждое соединение могло сооружать укрепленные лагеря, строить дороги, применять стенобитные металлические и зажигательные орудия.

В результате ассирийская армия не боялась ни бездорожья, ни гор, ни широких водных преград. Все воины были оснащены простейшими средствами для переправы — кожаными мешками. При необходимости ассирийцы надували их и, держась за них рукой, как за спасательный круг, переправлялись через реку вплавь. Ветхий Завет говорит, что воины Ассирии не знают усталости и дремоты, нельзя заметить ни у кого распущенного пояса или развязанного ремня у сандалий; они скачут по вершинам гор, как горцы, и взлетают на стену, как герои; слаженно выполняют свою задачу, словно каждый идет, не сбиваясь, своей дорогой, и никто при этом не сталкивается с другим; даже падая на копья, остаются невредимыми.

Картину довершала стройная и гибкая система управления и организации войск: царь, два старших военачальника-«туртана», тысячники, пятисотники и сотники. Все это в сочетании со строжайшей дисциплиной. В отличие от предшествующих времен ассирийские военачальники перестали быть политическими фигурами, полностью подчинялись царю и, невзирая ни на какие прошлые заслуги, обязаны были непрерывно оправдывать свое положение новыми.

Завоевания Тиглатпаласара III

На первых порах новая армия обеспечила ассирийским царям небывалое могущество и позволила приступить к новому витку экспансии. В нее *Тиглатпаласар III* также ввел важные новшества. Вместо обложения покоренных стран данью он стал систематически «причислять их к Ассирии», т.е. осуществлять прямую аннексию с включением в систему

ассирийских наместничеств. До него ассирийцы подвергали такой практике почти исключительно Верхнюю Месопотамию (потому она и осталась в их руках, несмотря на кризис первой половины VIII в. до н.э.). Тиглатпаласар и его преемники осуществляли соответствующую политику во всех, даже наиболее отдаленных регионах (хотя обращение в вассальную зависимость также не вышло из употребления).

По отношению к покоренному или мятежному населению они применили еще одно новое средство — политику «нацаху» («вырывание с корнем»): она состояла в том, что население, вместе с его имуществом и идолами богов, в массовом порядке депортировали в другие концы империи, а оттуда ему на смену пригоняли тамошних обитателей. Переселенцев старались селить как можно дальше от их родины и вперемешку с этнически чуждыми им людьми. В результате, оторванные от родного края и оказавшиеся в чужом окружении, они не могли договориться с соседями и поднять мятеж и оставались покорными подданными Ассирии.

Почти непрерывные военные походы Тиглатпаласара III затронули все стороны света и всюду принесли Ассирии триумф. В 743—735 гг. до н.э. Тиглатпаласар разгромил доселе страшное для ассирийцев царство *Урарту* и его союзников в Сирии и Юго-Восточной Малой Азии, подчинив последние регионы и отторгнув от *Урарту* полосу земель на юге Армянского нагорья. В 735 г. до н. э. ассирийцы пересекли территорию *Урарту* и дошли до ее столицы *Тушпы*, но не смогли взять ее. Затем, в 734—732 гг. до н.э. они покорили все Восточное Средиземноморье, дойдя до границы Египта на Синае (большая часть Сирии при этом была аннексирована). Крупные завоевания совершил Тиглатпаласар III и в *Мидии*, в Западном Иране (744, 737 гг. до н.э.), где были созданы две новые провинции.

Тем временем Вавилония пришла в анархию из-за внутренних смут, и в 729 г. до н.э. Тиглатпаласар вторгся туда как восстановитель порядка и спокойствия. Войдя в Вавилон и подвергнув главных ассирийских врагов, халдейские племена, полному разгрому (120 тысяч человек были угнаны в плен), он завоевал всю страну. Однако престиж Вавилонии в глазах самих же ассирийцев был столь велик, что Тиглатпаласар не решился превращать ее в провинцию, а присоединил к Ассирии на правах личной унии: он оставил за ней статус особого царства и сам занял его престол под

именем Пулу, пройдя традиционные обряды вавилонской коронации. Впервые со времен *Хаммурапи* вся Месопотамия была объединена под одной властью, и впервые со времен *Аккада* и *Ура* месопотамская империя охватила, словами из надписей Тиглатпаласара, все страны «от Верхнего моря, где закат Солнца, до Нижнего моря, где восход Солнца» (от Средиземного моря до Персидского залива), включив весь Плодородный Полумесяц.

Преемники Тиглатпаласара

Первые преемники Тиглатпаласара пытались удержать отпадающие области, расширять державу и то теснить привилегированные коренные города (где главной социальной силой выступали храмы), то примиряться с ними. Салманасар V (727—722 гг. до н. э.) столкнулся с мятежом Финикии и Израильского царства. Осадив столицу последнего Самарию и заняв все прочие его земли, Салманасар объявил об аннексии Израиля. Осада Самарии, однако, затянулась на три года. Еще ранее, стремясь покончить с привилегиями старой родовой знати, Салманасар отменил налоговые льготы, которые имели древние города Ассирии и Вавилонии: Ашшур, Вавилон, Сиппар. Эта реформа вызвала заговор, и на третий год осады Самарии царь был убит.

Власть захватил младший царевич, родоначальник новой ветви династии — **Шаррукин (Саргон) II** (721—705 гг. до н. э.). Немедленно отложились Вавилония, где захватил престол халдейский вождь Мардукапалиддин II, поддерживаемый соседним Эламом. Ряд вассальных царств Сирии и Юго-Восточной Малой Азии бунтовал против Ассирии, опираясь на поддержку новой великой державы Малой Азии — недавно возвысившейся Фригии, где правил царь Мита (Мидас греческих преданий).

В 722 г. до н.э. Саргон II взял Самарию, довершив уничтожение Израильского царства (большинство его жителей были депортированы на восток державы и растворились в тамошнем населении), и торжественно подтвердил и умножил специальным декретом древние привилегии городов и храмов, чем привлек на свою сторону коренные города. Вскоре он вернул под власть Ассирии и Финикию, примирившись с ее мятежным царем. Затем, попытавшись вернуть Вавилонию, Саргон

понес тяжкое поражение от вавилоно-эламской армии при Деге (720 г. до н.э.); по ассирийскому обыкновению он объявил это поражение победой, но Вавилония осталась за Мардукапаллидином. В 717—715 гг. до н.э. Саргон отразил попытки фригийской экспансии, принудил Мидаса к миру и в течение 717—708 гг. до н.э. превратил все позднехеттские царства Сирии и Юго-Восточной Малой Азии, из-за их постоянных волнений, из вассальных образований в провинции.

В 707 г. до н.э. Саргон выстроил себе новую военно-служилую столицу Дур-Шаррукин («Крепость Саргона», совр. Хорсабад) с огромным дворцом и переехал туда. Он был убит в 705 г. до н.э. во время своего очередного похода, в битве с фригийцами и киммерийцами в горах Тавра. К этому времени Саргон вернул все земли, утраченные было после смерти Тиглатпаласара III и Салманасара V, и прибавил к этому новые завоевания.

Разгром Урарту Саргоном II

Около 720 г. до н.э. на северных рубежах Урарту появились ираноязычные кочевники-киммерийцы, вытесненные из причерноморских степей за Кавказ скифами. В течение следующих десятилетий они наводили страх на Закавказье и Анатолию. Особенно сокрушительный удар киммерийцы нанесли Урарту. Воспользовавшись этим, Саргон значительно расширил владения Ассирии в Приурмийском районе (подчинив местное царство Манну) и Мидии, а в 714 г. до н.э. внезапно вторгся в Урарту, разгромил его и разграбил святилище верховного урартского бога Халди в Муцацире на Верхнем Забе. Урартский царь Руса I едва успел спастись бегством и вскоре покончил с собой. В руки ассирийцев попали несметные богатства, а Урарту никогда уже не смогло оправиться от этого погрома и навсегда перестало быть угрозой для Ассирии.

В 710 г. до н.э. Саргон, наконец, захватил Вавилонию, изгнав Мардукаплаиддина. Вступив в Вавилон, где ему была устроена торжественная встреча как «освободителю», Саргон короновался здесь в качестве царя. Своего наследника Синаххериба он женил на знатной вавилонянке. Дильмун (Бахрейн) и даже царства Кипра признали себя вассалами Саргона, и их правители прибывали к нему с визитами с дарами и изъявлениями лояльности.

Ассирия и Вавилон: неразрешимая проблема взаимоотношений

В период 745—705 гг. до н.э. уложилась основная наступательная фаза новоассирийской экспансии VIII—VII вв. до н.э. На следующем этапе, в 704 — ок. 640 гг. до н.э., шла уже борьба за удержание и частичное расширение совершенных ранее ассирийских завоеваний. При Тиглатпаласаре III и Саргоне II определились и основные «фронты» ассирийской внешней политики (южный — вавилоно-эламский, западно-иранский — мидийский, северный — урартско-маннейский, северо-западный — сирийско-фригийский, западный — левантийско-египетский) и ее главная головная боль — Вавилон. В отношениях ассирийцев и Вавилонии сформировался неразрешимый политико-психологический узел. Автономные самоуправляющиеся города Вавилонии, прежде всего сам Вавилон, категорически не желали терпеть иноземного господства и раз за разом свергали ассирийскую власть.

Ассирийцы могли бы уничтожить Вавилонию, но не решались на это. Их держава выросла из города-государства на периферии Вавилонии, и в последней они привыкли видеть свою культурную метрополию; они стремились всеми способами добиться от Вавилона признания, а не уничтожать его. За сто лет ассирийцы перепробовали все мыслимые способы обращения с Вавилонией — от номинально равноправной личной унии (VIII в. до н.э.) до попытки полной аннексии (при Синаххерибе), но так и не решили этой задачи, что в конце концов стало одним из главных причин гибели Ассирии.

Правление Синаххериба

Потомки Саргона, Саргониды, правили Ассирией вплоть до ее гибели. Его сын **Синаххериб (704—681 гг. до н.э.)**, свирепый царь-солдат, настолько негативно относился к Вавилонии, что, унаследовав от Саргона ее престол, не захотел пройти в ненавистном городе обряд коронации, а потом подчеркнуто избегал вавилонского трона. Практически все свое правление Синаххериб потратил на возвращение земель, утраченных при его воцарении. С гибелью Саргона в горах Тавра, на рубеже Юго-Восточной Малой Азии, почти вся она немедленно отложилась от Ассирии (кроме прибрежных об-

ластей, известных позднее как географическая Киликия). Одновременно отпали Вавилония (при поддержке Элама; почти немедленно в ней снова воцарился Мардукапалиддин II) и некоторые области Леванта — Финикия, Филистия и Иудея (при поддержке Египта). Синаххериб смирился с утратой Юго-Восточной Анатолии и сосредоточился на западном и южном фронтах.

В 703 г. до н.э. Синаххериб двинулся на Вавилонию, разбил Мардукапалиддина при Кише, опустошил всю страну (особенно халдейские княжества) и посадил на вавилонский престол ассирийского чиновника, восстановив режим личной вавилоно-ассирийской унии, но принизив ранг Вавилонии в ее рамках. В 701 г. до н.э. Синаххериб выступил в Палестину; разбив египетское войско при Альтакку, он занял всю территорию Иудеи и осадил ее столицу Иерусалим. Мятежный царь Финикии бежал за море, хотя его столица Тир продолжала сопротивляться ассирийцам; Синаххериб занял остальную территорию Финикии и раздробил ее на отдельные города-государства (сам Тир признал ассирийскую власть лишь около 696 г. до н.э.).

Осада почти неприступного Иерусалима завершилась компромиссом: осаждающих постигла какая-то эпидемия, и Синаххериб предпочел уйти, добившись от царя Иудеи признания ассирийского владычества, выплаты колоссальной дани и выдачи заложников.

В Вавилонию тем временем вновь вторгся Мардукапалиддин, поддерживавший дружественные контакты не только с Эламом, но и Египтом. В 700 г. до н.э. Синаххериб снова разбил халдейское войско и возвел на вавилонский трон своего старшего сына. Мардукапалиддину пришлось бежать вновь; на этот раз он укрылся на одном из островков Персидского залива, принадлежавших Эламу. Для его преследования «за морем» Синаххериб выстроил на двух специально сооруженных верфях (одна на Евфрате, где использовали лес из Ливана, другая на Тигре — для леса с севера) две эскадры; строительство вели мобилизованные Синаххерибом финикийские, прежде всего сидонские, мастера. Эти эскадры спустились вниз по рекам и совершили карательную экспедицию на эламские острова и берег Персидского залива. Мардукапалиддин к приходу ассирийского царя уже умер, так что тот опустошил прилежащие области Южного Элама.

Тем не менее в 693 г. до н.э. Вавилония вновь восстала против Ассирии при эламской поддержке. Ожесточенная война привела в 691 г. к грандиозной битве при Халуле на Тигре, к северу от Вавилона. Синаххериб в своей надписи объявил себя победителем, а для врагов не пожалел самой площадной солдатской брани, однако в Вавилонии эту битву тоже считали своей победой. В действительности ее результат был ничейным. Однако в 689 г. до н.э., воспользовавшись смутами в Эламе, Синаххериб вновь двинулся на Вавилон и взял город штурмом. На этот раз он решил раз и навсегда ликвидировать «вавилонский вопрос» вместе с самим Вавилоном.

Собрав всех уцелевших жителей и статуи их богов, он отправил их в Ассирию, а сам разрушил город до основания, сбросил руины в Евфрат и затопил место, где стоял Вавилон, водой реки по специально проложенному каналу. Официально Синаххериб объявил, что сами великие боги Вавилона прогневались на него за грехи его обитателей и решили его покинуть. Вавилония была обращена в ассирийские провинции. Последние годы Синаххериб провел в Ниневии, превращенной им в его новую административную столицу. Ниневию сохраняли в качестве своего престольного города и последующие цари Ассирии, вплоть до конца ее истории.

По-видимому, уничтожение Вавилона ужаснуло значительную часть самой ассирийской знати, прежде всего верхушку автономных коренных городов, включая Ашшур и его жречество. Ради примирения с ними Синаххериб назначил своим наследником младшего сына (от вавилонской жены!), Ашшурахиддину, близкого к этим кругам. Однако в конце концов Синаххериб был убит в храме своими же старшими сыновьями, пав мертвым между статуями собственных богов-защитников (681 г. до н.э.).

Асархаддон: смена курса

Преемник Синаххериба Ашшурахиддина (**Асархаддон**) (680—669 гг. до н.э.) прослыл у современных ученых человеком суеверным и трусоватым. Такое впечатление сложилось из-за его приниженных и исполненных страха обращений к богам за оракулами, однако впечатление это обманчиво. Асархаддон оказался правителем решительным и амбициозным, он не ог-

раничивался удержанием достигнутого, а отвечал на вызовы своего времени смелыми новаторскими шагами.

Асархаддон стремительно утвердил за собой власть, совершив поход на Ниневию (его старшие братья, убийцы Синаххериба, бежали от него на Армянское нагорье). При нем Ассирия столкнулась с резким ростом угрозы со стороны кочевых ираноязычных племен: около 680 г. до н.э. скифы, когда-то вытеснившие киммерийцев из Предкавказья в Переднюю Азию, сами перевалили Кавказский хребет и обрушились лавиной на горные страны, окаймлявшие Ассирию с севера, прежде всего на Восточное Закавказье и Северо-Западный Иран, где даже возникло особое Скифское царство, угрожавшее урартам, ассирийцам и мидянам. Под напором скифов киммерийцы отступили еще дальше на юго-запад, попав в бассейн Галиса, и отсюда совершали набеги на сопредельные области Анатолии, в том числе на ассирийские владения в Киликии.

В 679 г. до н.э. Асархаддон отразил нашествие киммерийцев на этой границе, а в 679—678 гг. до н.э. восстановил Вавилон и Вавилонию как особое царство, находящееся в унии с Ассирией, и сам занял вавилонский престол. Уцелевшие жители Вавилонии возвратились на родину. Привилегии ассирийских и вавилонских городов были также восстановлены и расширены, а подати в пользу храмов увеличены.

Все это было резким отказом от курса Синаххериба в вавилонском вопросе, хотя официально, разумеется, Асархаддон не осудил своего отца, а объявил, что бог Мардук, недавно разгневавшийся на Вавилон и пожелавший его покинуть, теперь вернул ему свою милость, пожелал возвратиться туда и поручил Асархаддону его возвратить. Царь не только восстановил храм Мардука в Вавилоне, но и пристроил к нему новый знаменитый зиккурат, вошедший в позднейшие легенды под именем «Вавилонской башни».

Походы Асархаддона: от Мидии до Египта

В 675 г. до н.э. Асархаддон совершил дальний восточный поход, расширив границы Ассирии вплоть до соляной пустыни Дешт-и-Кевир, но тут же столкнулся на этом направлении с тяжелейшим кризисом: скифы напали на ассирийские владения в Северо-Западном Иране. Вся система ассирий-

ской власти здесь рухнула: при поддержке скифов мидяне, местные ираноязычные племена, покоренные Тиглатпаласаром III, отложились от Ассирии под предводительством некоего Хшатриты (сына западноиранского князька Дейока, когда-то смещенного и сосланного Саргоном II) и создали собственное Мидийское царство, где Хшатрита стал царем (673—672 гг. до н.э.). В 672 г. до н.э. Асархаддон справился с этим кризисом, переманив скифов на свою сторону и отдав свою дочь в жены их предводителю Партатуа (в такой форме его имя отражено в ассирийских источниках; у греческих историков — Прототий). Ассиро-скифский союз стал отныне главным фактором в охране северных ассирийских границ, но Мидия так и осталась независимой.

Одновременно с кризисом в Иране Асархаддон разгромил и аннексировал стратегически важное хурритское царство Шубрия в Сасунских горах (между Ассирией и Урарту), обвинив его в укрывательстве беглецов из Ассирии. Царь Шубрии в конце концов признал свою вину и униженно просил пощады, но это ему уже не помогло: и он, и его царство были уничтожены (673 г. до н.э.).

Другим важнейшим направлением политики Асархаддона было левантийско-египетское. В 677 г. до н.э. он подавил восстание в Финикии, до основания разрушил Сидон, казнил его царя и построил на этом месте крепость — центр новой ассирийской провинции. Затем Асархаддон, впервые в истории Ассирии, выдвинул и осуществил проект завоевания Египта, куда он совершил два похода (674 и 671 гг. до н.э.). Во втором из них он подчинил североарабские племена, взял Мемфис и прогнал нубийского фараона Египта Тахарку в Фивы, захватив большую часть страны. Оставив в занятых областях местных правителей, но посадив над ними ассирийских областеначальников и включив в свой царский титул Египет и Куш (Нубию), Асархаддон вернулся домой. На деле кушитские правители продолжали контролировать юг Египта. В 669 г. до н.э. царь вновь выступил против Тахарки и умер в походе.

Ашшурбанапал: грамотей на престоле

Согласно завещанию Асархаддона (сыгравшему в истории Ассирии роковую роль) ему наследовали два сына: **Ашшурбанапал** (668—627 гг. до н.э.), царь Ассирии и сюзерен Вавило-

нии, и его брат Шамашшумукин, удельный младший царь автономной Вавилонии. Ашшурбанапал был хорошо образован, грамотен, вероломен, упорен, интересовался ученостью и был больше администратором и дипломатом, нежели полководцем. Несмотря на множество рельефов из Ниневии, изображающих его могучим богатырем, лично поражающим львов, из царской переписки нам известно, что Ашшурбанапал был слаб здоровьем и почти не принимал участия в военных походах. При этом он знал три языка, математику, был знаком с астрологией и астрономией и сочинял стихотворные молитвы.

Именно по приказу Ашшурбанапала в Ниневии была собрана знаменитая библиотека из десятков тысяч глиняных табличек, включившая все сколько-нибудь значимые тексты месопотамской традиции, чему мы и обязаны важнейшей частью наших сведений о Месопотамии. Еще до вступления на престол он руководил строительными работами и разведкой, стал опытным дипломатом. В результате всего этого в греческой традиции Ашшурбанапал предстал в образе «царя Сарданапала», безответственного и беззаботного любителя дворцовой роскоши и наслаждений; по-видимому, это в какой-то мере отражало впечатление ассирийцев от царя-грамотея, который предпочитает управлять из дворца, а не водить в битву воинов. Изысканный нрав ассирийского владыки ярко отражен на одном из рельефов: Ашшурбанапал пирует со своей супругой в роскошном саду, а рядом, для услаждения царского взора, на дерево водружена отрубленная голова царя Элама.

Киммерийцы, сокрушившие в 676—675 гг. до н.э. Фригийское царство, совершали набеги на юг и запад Анатолии, и Ашшурбанапал воспользовался этим. В 60-х годах VII в. до н.э. он добился распространения верховной власти Ассирии на юг и запад Малой Азии: позднехеттские царства вплоть до Тавра, Фригия-«Мушку» и даже Гуг (Гигес), царь далекой Лидии, ранее вовсе неизвестной ассирийцам, признали ассирийскую власть из страха перед киммерийцами. В те же 60-е годы Ашшурбанапал добился признания ассирийского верховенства от Мидии и приурмийской страны Манну, а в 663 г. до н.э. окончательно изгнал эфиопов из Египта и разгромил Фивы.

Во всем этом, однако, была заметна одна новая черта: речь теперь почти всегда шла о дипломатических успехах и

номинальном признании зависимости, а не о реальных завоеваниях и создании новых провинций. Одновременно нарастало напряжение в отношениях между Ашшурбанапалом и Шамашшумукином — неизбежный плод завещания Асархаддона. На Шамашшумукина сделали ставку сепаратисты-вавилоняне, надеясь, что смогут с ним обрести вождя независимую независимость.

Для Ассирии наступила полоса неудач. Около 655 г. до н.э. с ней порвали Египет, а все недавние приобретения в Малой Азии были утрачены; Лидия заключила с Египтом союз. Характерно, что ассирийцы даже не пытались восстановить там свои позиции, молча примирившись с утратой. В 653 г. до н.э. восстали и напали на Ниневию мидяне Хшатриты, от которых Ассирия спаслась, только призвав на помощь скифов. Те разбили мидян, причем Хшатрита был убит, и Мидия на несколько поколений подпала под скифский контроль. В том же 653 г. до н.э. сами ассирийцы отразили нашествие эламитов и в битве при Сузах убили эламского царя, однако Элам остался независим. Наконец, в 652—648 гг. до н.э. Ашшурбанапал вынужден был вступить в борьбу с восставшим против него Шамашшумукином и его союзниками Эламом, арабскими царьками и вероломными правителями Палестины и Финикии. Лишь с величайшим напряжением сил Ассирия сумела вырвать победу над всеми своими врагами.

В 648 г. до н.э. после трехлетней осады и страшного голода пал Вавилон. Шамашшумукин, по месопотамскому обычаю, сжег себя живьем в своем дворце. Ашшурбанапал сам занял вавилонский престол под именем Кандалану и подверг вавилонян страшным репрессиям. Впрочем, по обычаям того времени, разрешавшим сколь угодно массовые избиения вражеского населения, если оно упорно сопротивлялось, победителю все же не подобало вырезать его поголовно, и Ашшурбанапал, соблюдая названный принцип, хвалится своим великодушием в следующих выражениях: «Я, Ашшурбанапал, широкое сердце, незлопамятный, прощающий грехи... Из поднявших мятеж вавилонян ни один не ушел из моих рук. Я вырвал языки тех вавилонских воинов, наглые рты которых говорили дерзость против Ашшура, моего бога, и затеяли злое против меня. Других я захватил живьем и убил. Их изрубленные тела я скормил собакам, свиньям, воронам, орлам, небесным птицам, морским рыбам. Трупы людей, погибших при осаде от

нужды и голода, загромождавшие улицы, я вывез и побросал в кучи. Остатку жителей, что избежали мора, истребления и голода, я оказал милость: дозволил я жить их утробе и поселил их в Вавилоне» (правду говоря, только для ассирийцев все это могло прозвучать описанием *великодушия*).

Ассирия в правление Ашшурбанапала: колосс на глиняных ногах

Немало лет Ашшурбанапал посвятил походам против североарабских племен и Элама. В 646 г. до н.э. Ашшурбанапал лично вступил в эламскую столицу Сузы и разрушил ее до основания. Однако несмотря на неоднократные разгромы, эти страны и племена так и оставались независимы — даже в ходе успешных кампаний ассирийцы не могли ни закрепиться в этих областях, ни привести там к власти своих ставленников. Элам ассирийцам все же удалось взять измором: в 644 г. до н.э., совершенно опустошенный походами предыдущих лет, он сдался и был аннексирован ассирийцами без боя. После этого в 643 г. до н.э. зависимость от Ассирии по собственной инициативе признал былой вассал Элама, вождь древнеперсидских племен Кир I из рода Ахеменидов.

В то же время новые вспышки боевой активности ираноязычных кочевников на севере Передней Азии заставили тамошние страны искать помощи у Ассирии и признать ее верховенство. В середине 40-х годов VII в. до н.э. киммерийцы обрушились на Лидию, привели Гигеса к гибели и разорили Сарды (644 г. до н.э.); новый лидийский царь в том же году побежал на поклон к Ассирии, надеясь на ее помощь против киммерийцев. И действительно, союзники ассирийцев скифы тут же двинулись в Малую Азию и полностью уничтожили там киммерийское объединение в конце 40-х годов VII в. до н.э.). Одновременно киммерийцы и скифы опустошали пределы царства Урарту; чтобы найти заступника, Урарту также признало зависимость от Ашшурбанапала (643 г. до н.э.).

Таким образом, к 640 г. до н.э. владения Ассирии раскинулись на наибольшем протяжении за всю ее историю: считая с зависимыми владениями, от Эгеиды до Персидского залива и от озера Севан до Синая, включая Кипр, Лидию,

Урарту, Манну и Персиду. Но все это могущество держалось в значительной степени на союзе со скифами и возможности использовать их боевую мощь. Тревожным симптомом проявилось падение боеспособности ассирийской армии: раз за разом, громя одни и те же области, она оказывалась не в силах покорить их.

Внешне, однако, Ассирия стояла в конце 40-х годов VII в. до н.э. на вершине «мирового» владычества. Царские дворцы напоминали города-крепости. Рядовых пленников было так много, что иной раз воины расплачивались ими за услуги. Пленных царей сажали в клетки у ворот Ниневии. Иногда Ашшурбанапал запрягал их в свою колесницу вместо упряжных животных.

Культура Ассирии

Культура Ассирии носила по преимуществу заемный характер в основном из Вавилонии. Только в громогласных восхвалениях своих побед и изображении войн на рельефах, а также в идеологическом обосновании своей необузданной экспансии ассирийцы оказались непревзойденными мастерами и новаторами. Так называемые «царские анналы» ассирийцев — это яркие и пространные литературные композиции, подробно перечисляющие и воспевающие успехи царя, а также помощь, оказываемую ему богами. Другим характерным достижением ассирийцев является строительство царских дворцов на хеттский образец (*бит-хилани*). Строили из глины и из камня. Главным украшением дворцов являлись рельефы на внутренних стенах. Это многофигурные композиции с изображением мифологических, жанровых и батальных сцен, выполненные на плитах из известняка и частично раскрашенные. Иногда их сопровождают пространные подписи исторического содержания. Излюбленные темы таких рельефов — битвы, приношение дани, царская охота, казни и пытки пленных.

В сфере политических концепций Ассирия приближалась к идее божьего правления страной, где над Ассирией царил, собственно, бог Ашшур, а царь выступал просто следующим звеном на прямой вертикали власти, соединявшей бога с его человеческими подданными. При коронации правителя возглашали: «Ашшур — царь!», а завоевания понимались

как превращение покоренных в «подданных бога Ашшура». Наконец, ассирийцы считали свою страну вечным обиталищем миродержавия, которое никогда не будет от нее отнято. В стремлении изобразить всю политическую историю страны как единую линию нерушимой преемственности этого миродержавия ассирийцы зашли еще дальше: их царский список, в отличие от вавилонского, не делится на «династии»-палу, т.е. выражает ту идею, что все ассирийские правители принадлежат к одной непрерывной «династии» (в самом деле, «царственность» их всех была или считалась связанной с одним и тем же ассирийским храмом бога Ашшура).

НОВОВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

События последней четверти VII в. до н.э. сформировали совершенно новую карту Ближнего Востока. Уничтожив и Ассирию, и скифское могущество, они породили две новые великие державы — Мидию и Вавилонию (в литературе ее часто именуют Халдейской Вавилонией, по происхождению ее основателя Набопаласара) — и положили начало ожесточенному конфликту Вавилонии и Египта из-за Леванта. Но по сути дела, это была борьба за ассирийское наследство в Восточном Средиземноморье.

Переднеазиатский геополитический переворот конца VII в. до н.э.

Крушение семивековой Ассирийской империи заняло всего одно поколение. Его ход остается во многом темен для нас, так как ассирийские источники от этого времени не дошли, и на долю современных ученых остается комбинировать не полностью сохранившиеся данные знаменитой Вавилонской хроники, охватывающей события конца VII—VI вв. до н.э., сведения из надписей Набонида, вызывающие больше вопросов, чем ответов, истории Геродота, и, наконец, документы из вавилонских городов, датированные по правлениям разных борющихся друг с другом правителей последней четверти VII в. до н.э.

Существует множество реконструкций бурных перипетий этого периода; они различаются по пониманию роли в них скифов или хода ассирийских смут 20-х годов VII в. до н.э., по оценке истории Мидии и, наконец, положения в государствах Армянского нагорья. С нашей точки зрения, на-

иболее достоверную по своим основам реконструкцию развил И.М. Дьяконов в своих работах 50—80-х годов минувшего столетия; более поздние усилия сконструировать иные, отличные картины исторической драмы успеха не достигли и схему Дьяконова не поколебали. В целом ход событий можно воссоздать следующим образом.

Скифский разгром Ассирии и возвышение Вавилона

В 30-е годы VII в. до н.э. скифы из Передней Азии, возглавляемые Мадием, сыном Партатуа-Прототия, недавним победителем киммерийцев, разорвали союз с Ассирийской державой и обрушились с опустошительными набегами на север и запад ее владений вплоть до Палестины и границ Египта. Ассирия не смогла им противостоять, и ее власть и влияние разом рухнули на всем пространстве к западу от Евфрата. Эти события произвели на Ближнем Востоке настолько оглушительное впечатление, что даже до греческих историков дошло предание о 28-летнем скифском владычестве в Азии, сменившем ассирийское (на деле эти 28 лет отсчитывались от победы скифов над мидянами в 653 г. до н.э. до поражения от них же в 625 г. до н.э.). Столь внезапная катастрофа надломилась силы Ассирии и ввергла ее в смуту: дискредитированный поражением Ашшурбанапал был отстранен войсками от верховного ассирийского трона, и ему был оставлен лишь младший, вавилонский престол (занятый им с 648 г.), а в цари Ассирии армия возвела его сына Ашшурэтилилани (ок. 630 г. до н.э.).

В 627 г. до н.э. Ашшурбанапал-Кандалану скончался в Вавилоне, и в державе немедленно разгорелась новая, двух- или даже трехсторонняя гражданская война за ассирийский и вавилонский престолы, в которой Ашшурэтилилани столкнулся с другим сыном Ашшурбанапала, Синшаришкуном, и военачальником Синшумлиширом. Начался стремительный развал государства. В 626 г. до н.э. халдейский вождь Набупалуцур (Набопаласар), который до этого, возможно, состоял на службе одного из ассирийских претендентов в Вавилонии, возглавив вавилонян, восстал против ассирийской власти, занял Вавилон и короновался в нем, провозгласив его владения независимым царством под собственной эги-

дой. В своих надписях основатель Нововавилонского царства **Набопаласар (626—605 гг. до н.э.)** откровенно признавал, что был прежде «маленьким человеком, неизвестным народу». Первоначально Набопаласару подчинялась только северная часть страны; Ниппур на юге оставался опорой ассирийской власти, и Набопаласар осаждал его.

В течение трех лет в Вавилонии гремели военные действия между Набопаласаром, Ашшурэтилилани и Синшаришкуном (Синшумлишир уже сошел со сцены). Тем временем в 625 г. до н.э. мидяне хитростью уничтожили скифскую верхушку; сфера скифского влияния распалась, и Мидия вновь воскресла независимым царством под властью Хувахштры (греч. Киаксар, 625—585 гг. до н.э.), сына Хшатриты. В 624 г. до н.э. ассирийское господство сверг Элам; Набопаласар немедленно вступил с эламитами в союз и вернул им статуи эламских богов, вывезенные ассирийцами в 40-х годах. В 623 г. до н.э. ассирийская армия, наконец, низвергла Ашшурэтилилани и признала царем Синшаришкуна; ассирийские силы вновь были объединены, и продолжали воевать с Вавилонией, однако без всякой энергии. В 619 г. до н.э. Набопаласар захватил Урук и Ниппур, который до сих пор выдерживал осаду, сохраняя верность Ассирии, несмотря на страшные лишения, и тем самым полностью очистил Вавилонию от ассирийцев.

«Мировая война» за ассирийское наследство

Тем временем Египет прибрал к рукам львиную часть Леванта, оставшегося безвластным после скифского погрома (рубежом египетских владений стала большая излучина Евфрата), а Мидия — значительную часть Иранского нагорья. В этих условиях Синшаришкун обратился за помощью не к кому иному, как Египту, и около 617 г. до н.э. оформился антивавилонский союз между Ассирией вместе с сохранившими ей верность Манной и Урарту и Египтом. В 616 г. до н.э. Набопаласар двинулся на север и столкнулся с египетскими, ассирийскими и маннейскими войсками в Верхней Месопотамии, а в 615 г. до н.э. на Ассирию с востока напала Мидия. Так началась первая в истории Ближнего Востока «мировая» война.

В 614 г. до н.э. Хувахштра и Набопаласар с разных сторон устремились к Ашшуру; мидяне, попытавшись по до-

роге осадить Ниневию и не преуспев в этом, тем не менее прибыли к Ашшуру первыми, взяли и полностью разрушили его. Подоспевший вскоре Набопаласар официально объявил гибель Ашшура — священного автономного города, традиционно расположенного к Вавилонии, в отличие от ассирийского царского двора, — прискорбным событием (возможно, он опоздал к его разрушению вполне сознательно). Но это не помешало ему заключить на развалинах Ашшура союз с Мидией и скрепить его династическим браком: дочь Хувахштры Амитада была отдана замуж за Набукудурруцура (Навуходоносора), сына-престолонаследника Набопаласара. В 612 г. до н.э. союзники вновь осадили Ниневию и после трехмесячной осады захватили и стерли с лица земли. В бессилии Синшаришкун спалил себя вместе со своим дворцом. Остатки ассирийских войск с египетской помощью еще держались в Харране, где один из старших членов династии объявил себя царем под именем Ашшурубаллита II (612—609 гг. до н.э.) — как видно, он претендовал на то, чтобы повторить деяния Ашшурубаллита I, т.е. вновь вознести Ассирию из ничтожества в великие державы. Однако в 610 г. до н.э. вавилоняне при помощи мидийского союзного контингента взяли Харран, изгнав остаток ассирийского войска и его египетских союзников за Евфрат. В 609 г. до н.э. Ашшурубаллит II с египетской армией пытался вернуть Харран, но Набопаласар разбил его, прогнал и окончательно уничтожил последние остатки ассирийских владений, закрепив границу по Евфрату. Тем временем мидяне подчинили своей верховной власти Скифское царство и Манну и начали завоевание Урарту (613—609 гг. до н.э.).

Набопаласар пробовал было вторгаться на Армянское нагорье, в урартские пределы, но столкнулся здесь с новым претендентом на урартское наследие — Мелидским царством на Верхнем Евфрате. В пору скифских нашествий 30-х годов VII в. до н.э. здесь рухнула верховная власть Ассирии, а престол заняла этнически армянская династия, так что это царство превратилось в первое в истории Армянское государство, известное современникам под названиями «Армина» и «Дом Тогармы» (Тогарма — древнее название области Мелида).

Не в силах вести войну на два фронта — против Египта и Армины — Набопаласар в 607 г. до н.э. пошел на территории-

альный передел ассирийского наследства, или Верхней Месопотамии, с Мидией: полоса верхнемесопотамских земель, выводящая на Армянское нагорье, была передана мидянам, в том числе Харран; полоса, выводящая в Сирию на «египетский фронт», осталась за Вавилонией. В 605 г. до н. э. царевич Навуходоносор наголову разгромил египетскую армию при Каркемише (возможно, в этой битве еще участвовал вспомогательный контингент мидян) и вторгся в глубь Сирии, преследуя ее; в это время умер Набопаласар (август 605 г. до н.э.), и *Навуходоносор* вынужден был вернуться в Вавилон, чтобы пройти коронацию.

Став царем в 605 г. до н.э., Навуходоносор вновь обратился к Восточному Средиземноморью и в 604 г. до н.э. целиком покорил его (вместе с большей частью Киликии), вплоть до рубежей Синая на юге. Египет не желал примириться с утратой Леванта; в 601 г. до н.э. Навуходоносор выступил против него, но после тяжелой битвы под Аскалоном, которую сами вавилоняне признали ничейной, обе стороны временно прекратили активные действия; Левант остался за Вавилонией.

Причины крушения Ассирийской державы

Ассирийское государство исчезло без следа; его коренное аккадоязычное население было почти полностью истреблено, а остатки смешались с арамеями, на которых перешло самое имя «ассирийцы» (откуда греч. «сирийцы» как обозначение арамеев и совр. «айсоры» как самоназвание их существующего по сей день этноса). Столетия спустя на месте ассирийских столиц не было ничего, кроме развалин и мельчайших непостоянных поселений, где еле теплилась жизнь. Ассирия так озлобила своими жестокостями население Ближнего Востока, что гибель Ниневии вызвала в писаниях Ветхого Завета следующую реакцию: «Горе городу крови, что весь полон обмана и грабежа, где не прекращается хищничество! Шум бича и шум крутящихся колес, и скачущих коней, и несущихся колесниц; всадники заносят пламенеющий меч и блещущее копьё — и вот, множество сраженных, трупам нет конца, спотыкаются они о тела убитых! Всякий, посмотрев на тебя, скажет: "Разгромлена Ниневия! Кто пожалеет о ней? Откуда я найду тебе утешителя? Все, кто слышат весть о тебе, рукоплещут, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?"».

Внезапное падение Ассирии было вызвано двумя факторами: 1) оторванная от любых социальных традиций военно-служилая масса, на которую опирались Саргониды, в итоге превратилась в самодовлеющую силу, что и было главным катализатором смут и снижения ее военной эффективности; 2) объединяя Переднюю Азию и втягивая все больше и больше сопредельных стран в орбиту единой политики, Ассирия сама спланировала их вокруг общей цели — стремления уничтожить ее — и навлекла на себя удары таких широких коалиций, которым не могла противостоять. Нарастывая беспредельно свою территорию, ассирийцы лишь умножали сонмы своих врагов. До поры до времени Ассирию выручало то, что она занимала центральное географическое положение в Передней Азии, а ее противники были разъединены. В результате она могла, перебрасывая силы с одной границы на другую, бить своих противников поодиночке. Однако та самая интеграция, которой ассирийцы насильственно подвергли Переднюю Азию, приводила к тому, что даже страны, лежавшие на противоположных ее окраинах или совершенно чуждые друг другу, вступали в антиассирийские союзы между собой (таковы были лидийско-египетский союз, коалиция Шамашшумукина, вавилоно-мидийское соглашение). А долго сопротивляться одновременному натиску с разных сторон не могли даже ассирийцы.

Общественный строй Вавилонии в VII—VI вв. до н.э.

Вавилонское общество VII—VI в. до н.э., как и ранее, состояло из свободных полноправных граждан, «царских людей» и рабов. К числу первых относились почти исключительно члены нескольких крупных городских гражданско-храмовых общин. Городское самоуправление было почти независимой властью, по отношению к нему царь играл скорее роль протектора и верховного главнокомандующего (в меньшей степени верховного судьи). В Вавилоне, как и в других подобных общинах, все граждане образовывали народное собрание, однако оно, за редкими исключениями в наиболее критических ситуациях (мятежей, обороны города от врагов), не пользовалось особенной властью. Реально делами управлял совет старейшин и выборные общинные должностные

лица; и те, и другие места фактически монополизировала имущая верхушка, наиболее богатые семьи, из поколения в поколение получавшие доступ к членству в совете и магистратурам.

Административной единицей в городе являлся квартал, располагавший собственным общинным самоуправлением низшего уровня. Частные граждане формировали ремесленные и торговые корпорации; имущие семьи превращались в огромные «банкирские» дома, которые собирали земельные владения, предоставляли займы и аренды и вели любые финансово-торговые операции (особенно хорошо известны, по своим архивам, «концерны» семей Мурашу и Эгиби, процветавшие в VI—V вв. до н.э.).

В автономных городах бурно развивались отношения частной эксплуатации и рабства, прежде всего долгового; храмы, богатые чиновники и купцы владели сотнями рабов, отдельные имущие граждане довольствовались тремя-пятью рабами. Еще в конце II тысячелетия до н.э. число и мощь отдельных магнатов угрожающе выросло, а государственный сектор сократился количественно и качественно; вельможи и цари этого времени, кроме служебных, имели собственные частные владения. В конце VII—VI в. до н.э., при *Халдейской династии*, снова разрослась могущественная военно-служилая верхушка, опирающаяся на эксплуатацию огромного массива государственных земель и не связанная с частными владениями (хотя и торопящаяся их приобретать).

Никаких пожалований земли в собственность нововавилонские цари, по-видимому, не делали, и все крупные частные владения могли возникать только в рамках автономных городов. Это и привело к бурному развитию свободного найма, ростовщичества и долгового рабства в крупнейших городах Халдейской Вавилонии и разорению значительной части их рядовых жителей. В литературных текстах VI в. до н.э. и надписях Набонида не зря говорится, что в автономных вавилонских городах «люди пожирали друг друга, как собаки, сильный грабил слабого».

При этом вавилонские рабы обладали ограниченной правоспособностью: они могли брать землю в условное держание у частных лиц, своих и чужих хозяев, заключать с ними взаимно-обязывающие контракты, гарантированные силой государства, наживать свое имущество (в том числе собствен-

ных рабов), заводить семьи и даже заниматься субарендой. Крупнейшими хозяйствами в городах были храмовые; они использовали труд как рабов, в том числе посаженных на землю, так и свободных арендаторов.

От эпохи Халдейской Вавилонии дошло много судебных приговоров по искам рабов, заявлявших, что они были порабощены незаконно, силой, и должны быть признаны свободными людьми. В сохранившихся документах приговор выносится против раба, и суд возвращает его хозяину. На этом основании нередко утверждается, будто суды в Вавилонии неизменно держали сторону рабовладельцев, не глядя на закон. Однако если бы это было так, то на что же надеялись рабы, вновь и вновь подавая подобные иски? Скорее всего, дело просто в том, что рабы, получившие по суду свободу, не оставляли после себя документов, а утратившим их рабовладельцам и вовсе незачем было хранить соответствующие приговоры (между тем судебные документы доходят до нас обычно в составе архивов, которые вели крупные рабовладельцы).

Вавилон и Египет в борьбе за Левант

Большую часть своего долгого правления царь возрожденной Вавилонской державы **Навуходоносор II (605—562 гг. до н. э.)** провел в борьбе против Египта за власть над Левантом. Систематические попытки Иудеи передаться Египту привели к тому, что в 597 г. до н.э. Навуходоносор занял Иерусалим и депортировал значительную часть населения. В середине 90-х годов VI в. до н.э. Навуходоносор столкнулся с серьезным кризисом в отношениях с Мидией: в 596 г. до н.э. на Вавилонию совершил рейд мидийский вассал царь Элама, но был отбит; в ответ на это Навуходоносор около 594 г. до н.э. разгромил государство Элам и захватил Сузиану, причем, судя по сведениям из Ветхого Завета, погиб мидийский царевич Артахшатра (библ. Арфаксад). Тогда же на границах Нижней Месопотамии были возведены грандиозные защитные стены и крепости, предназначенные для обороны от мидян. В разгар этих событий, в 595 г. до н.э., Навуходоносору пришлось с кровопролитием подавлять бунт в собственной армии.

Отвлечение сил Мидии на войну с лидийцами в 590 г. до н.э. разрядило ситуацию, но уже в следующем 589 г. Тир,

Иудея и города филистимлян перешли под власть нового египетского фараона *Априя*. Навуходоносор устремился в Палестину, разгромил филистимлян, занял Иудею и осадил Иерусалим, отогнав вышедшую было ему на помощь египетскую армию. Летом 587 г. до н.э. Навуходоносор после 18-месячной осады взял Иерусалим штурмом, разрушил город, угнал почти все его население в Вавилонию и аннексировал Иудею («Вавилонское пленение евреев»).

По приказу Навуходоносора на глазах иудейского царя-мятежника закололи его сыновей и всех пленных иудейских вождей, а самого его также отправили в медных оковах в Вавилон. В то же время Навуходоносор приказал разыскать и наградить иудейского пророка Иеремию, который отговаривал иудеев от союза с Египтом против вавилонян и предсказывал им в противном случае Божью кару. Оценив эту проповедь как объективно важную заслугу перед Вавилонией, Навуходоносор велел не только снять с пророка цепи и отпустить, но и богато одарить его и снабдить продовольствием.

Тир признал владычество Вавилонии только в 575 г. до н.э. после 13 лет изнурительной для вавилонян осады, так и не приведшей к взятию города (Ветхий Завет злорадно сообщает, что Навуходоносор и его войско облысели и стерли плечи от тяжести осадных работ); в 563 г. до н.э., со смертью царя Тира, Навуходоносор полностью аннексировал этот важнейший центр финикийской цивилизации). В 567 г. до н.э. Навуходоносор, воспользовавшись борьбой за власть в Египте между Априем и поднявшим против него мятеж военачальником Амасисом, вторгся в Египет, разгромил силы Априя вплоть до Фив, страшно разорив страну, и способствовал приходу к власти Амасиса, поддерживавшего с тех пор дружбу с Вавилонией. Таким образом, противоборство с Египтом закончилось вавилонской победой.

Вавилония Навуходоносора

Проведя почти всю жизнь в войнах, сам Навуходоносор куда больше прилежал к созиданию и в своих надписях хвалился почти исключительно мирными достижениями — строительством храмов и каналов; в вавилонских дворцах не найдено ни одного рельефа с военными сценами (теми же

чертами отличались надписи и рельефы преемников Навуходоносора, среди которых тоже были вполне удачливые полководцы, — такова была официальная идеология Халдейской Вавилонии).

Применяя ассирийскую практику депортаций, царь пригнал в Вавилонию десятки тысяч работников из иных земель. Система ирригации была им расширена и развита до совершенства, подарив Вавилонии несколько веков небывалого изобилия. Около Сиппара было создано озеро с отводными каналами, с помощью которых регулировалось распределение воды во время засухи. Сам Вавилон был перестроен, окружен почти неприступными стенами и стал самым большим и многолюдным городом Ближнего Востока.

О самом себе Навуходоносор писал: «С помощью богов от края до края морей трудными путями я прошел, непокорных перебил, пленил врагов. В стране я навел порядок и сделал, чтобы люди жили изобильно. Плохих и злых из среды народа я удалил. Серебро, золото, драгоценные камни, медь, ценное дерево — все, что только есть ценного, сверкающее изобилие, изделия гор и сокровища моря в великом множестве, изобильным даром в мой город Вавилон я принес перед богами».

В Ветхом Завете о роскоши и могуществе Вавилоне Навуходоносора сказано нечто сходное: «Вавилон был золотой чашей в руке Бога, опьянявшей всю землю; народы пили из нее вино и безумствовали... Господь поклялся о Вавилоне: ты у меня — молот, оружие воинское, тобою Я поражал народы и тобою разорял царства». Два сооружения Навуходоносора — знаменитая «Вавилонская башня» (Этеменанки, зиккурат Мардука в Вавилоне) и «Висячие сады» прославились как чудеса света.

Преемники Навуходоносора

Навуходоносор не смог прочно укрепить положение своей династии. После его смерти в 562 г. до н.э. его сын был вскоре свергнут и убит, и престол захватил военачальник из рода халдеев Нергалшаруцур (Нериглиссар) (560—556 гг. до н.э.). Успешным военным походом он расширил вавилонские владения на побережье Киликии. Однако и его сын-наследник Лабаша-Мардук был убит через несколько недель, и трон до-

стался сановнику Набунаиду (Набониду) (556—539 гг. до н.э.). Набонид, по происхождению арамей, попытался постепенно создать на базе Вавилонии новую державу, где главной опорой царя были бы арамеи, а главным государственным богом уже не вавилонский Мардук, а особо почитаемый арамеями бог Луны Син. С этой целью он пошел на фактический разрыв с Вавилоном.

В 553 г. до н.э., воспользовавшись мятежом персидского вождя Кира в Мидии, Набонид занял Харран, до того 54 года находившийся в руках мидян, и начал отстраивать расположенный там храм Сина. Затем он покинул Вавилон, завоевал обширные пространства Северной Аравии, включая город Тейму, царя которого убил, и в 549 г. до н.э. перенес в Тейму свою резиденцию, после чего правил оттуда. В Вавилоне он не появлялся лет десять, а управлять им в качестве своего рода вице-царя поставил своего сына Белшаруцура (Валтасара).

Под лозунгом восстановления лежавших в небрежении древних храмов Набонид «отстраивал» храмы, вовсе не нуждавшиеся в этом, якобы по древним образцам (на деле не имевшим ничего общего с его архитектурными пристрастиями). Так он «восстановил» храмы в Сиппаре, Уре, Борсиппе и других городах Нижнего Двуречья. Действительная причина такой политики крылась в том, что в ходе перестройки храма царь полностью брал его под контроль, заново назначая жреческий персонал и меняя ритуал. Все это вызвало острейший конфликт между Набонидом и жречеством главных автономных городов Вавилонии, прежде всего самого Вавилона.

Падение Халдейской Вавилонии

Между тем *Кир Персидский*, захватив власть над землями Мидийской державы и завоевав вдобавок к ней много других стран, с середины 40-х годов VI в. до н.э. стал готовить поход на Вавилонию. Перед лицом этой угрозы Набонид вернулся в Вавилон и пытался было организовать оборону, причем не преминул использовать и эту ситуацию для проведения своей политической линии. Так, он предписал вывезти в Вавилон статуи богов из большинства вавилонских городов якобы для того, чтобы избавить их от опасности захвата врагом, а на деле — чтобы лишить местные храмы их главных реликвий и

сосредоточить их под контролем царя. Несколько крупных городов Вавилонии вообще отказались выполнять этот приказ.

Режим Набонида пользовался такой ненавистью у граждански-храмовых общин автономных городов, что вторжение персидских войск Кира было воспринято ими как освобождение, и Кир без особенного труда овладел страной (539 г. до н.э.). Персы обошли мощные укрепления Вавилонии, переправились через реку Тигр и при Описе наголову разгромили Набонида, который выступил было им навстречу, оставив в Вавилоне Валтасара. Затем персы взяли Сиппар. Отсюда Набонид бежал в Вавилон, но и этот город был уже в руках персов, которые проникли туда по руслу канала, отведя из него воду в озеро.

Кира в Вавилоне встретили торжественно как нового царя-освободителя от тирании Набонида. Сам Набонид был сослан на восток, в Иран, Валтасар после попытки мятежа казнен, большая часть Нововавилонской державы обращена в провинции империи Кира, а коренная Вавилония номинально составила особое царство, находившееся с персами в личной унии. Статуи богов, свезенные в Вавилон, Кир вернул по родным городам, а всем депортированным в Вавилонию и их потомкам (в том числе угнанным иудеям) также предоставил возможность вернуться в родные края.

Вавилония пала так быстро, что в Ветхом Завете держава Навуходоносора названа «колоссом на глиняных ногах». По другой знаменитой ветхозаветной легенде накануне входа персов в Вавилон Валтасар, беззаботно пируя, увидел на стене загадочное светящееся пророчество: «Мене, мене, текел, упарсин», — которое смог, наконец, растолковать Валтасару древнееврейский мудрец Даниил: «Мене» значило, что исчислено богом царство Вавилона и положен ему конец; «текел» ким (т.е. пустым, ничтожным); «упарсин» — что царственность Вавилона будет отдана мидянам и персам.

По смерти Кира персидское господство оказалось тяжким; вавилоняне с неслыханным упорством и ожесточением раз за разом восставали против него, пока Ксеркс в 482 г. до н.э., подавив последнее из них, не упразднил Вавилонское царство и не ликвидировал главное ритуальное воплощение его государственности — святилище бога Мардука с его статуей. После этого вавилоняне навсегда перестали бунтовать против персов, так как без статуи Мардука было

невозможно короновать по должному обряду нового царя и обеспечить ему тем самым усиленную поддержку богов, а без такой поддержки свергнуть персидскую власть в Вавилоне не надеялись.

Вавилон при халдейской династии

Как упоминалось, Навуходоносор II невиданно украсил и расширил Вавилон (население которого составило до полумиллиона человек), возведя там несколько сооружений, считающихся сегодня уникальными вершинами древневосточного градостроительства и искусства. Прежде всего это главный храм Вавилона и всей страны — храм Мардука (точнее Бела-Мардука, по-аккадски «Господа Мардука»), известный также под названием Эсагила (шумерск. «Дом, в котором поднимают голову»). Там обитал не только Мардук, но и его обширное божественное семейство: его супруга Иштар, сын Набу и др. Храм имел при себе храмовую башню-зиккурат — Этеменанки (шумерск. «Дом краеугольного камня неба и земли»), знаменитую «Вавилонскую башню» ветхозаветных преданий. Храм и зиккурат находились в самом центре Вавилона. Территория храма представляла собой прямоугольник, ориентированный по сторонам света. В храмовом святилище стояла массивная золотая статуя Мардука — главная реликвия Вавилона.

Ступенчатая храмовая башня-зиккурат являлась непременным дополнением главного храма каждого крупного месопотамского города. Шумеры строили их трехступенчатыми в честь верховной троицы своего пантеона — бога воздуха Энлиля, бога вод Эа и бога неба Ану. У вавилонян и ассирийцев зиккураты имели по семь ступеней, в честь коллегии семи великих богов-игигов. Такова и была «Вавилонская башня», напоминавшая ступенчатую пирамиду с основанием в 185 и высотой 90 м. Семь этажей башни были выкрашены каждый в свой цвет: черный, белый, пурпурный, синий, ярко-красный, серебряный и золотой. На вершине находилось святилище Мардука с пышным прекрасно убранном ложем и золотым столом для трапезы бога.

Иноземцам, которые лицезрели башню, казалось, что ее строители замыслили добраться до самого неба. Отсюда и предание о том, что башню строили в незапамятные вре-

мена именно как лестницу в небеса и уже приближались к цели, когда напуганные сим дерзким замыслом боги смешали языки строителей; те больше не понимали друг друга и разошлись по земле, дав начало всем народам и племенам с их различными языками, а башня навеки осталась недовершенной.

Другой достопримечательностью Вавилона при Навуходоносоре являлись опоясывающие его стены: внутренняя «Великая стена» по имени «Услышал бог Эллиль» и внешняя, более низкая стена «Вал» по имени «Местоительство бога Эллиля». Вавилонские стены получили название в честь верховного божества города Ниппура, а в этом городе, также окруженном двумя стенами, по своего рода «обмену почестями», они назывались в честь вавилонского Мардука.

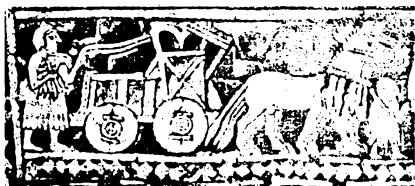
В стенах имелось восемь ворот, которым придавалось священное значение. От каждых ворот внутрь города пролегал прямой широкий проспект; он вел к одному из храмов города, а за воротами начиналась дорога в тот город, где почитался бог, в честь которого были названы соответствующие вавилонские ворота, проспект и храм. Так, ворота богини Иштар — это дорога в город Агаде (Аккад), ворота бога Нинурты — дорога в Киш, ворота бога Эллиля — в Ниппур, а ворота бога Шамаша — в Ларсу.

Главным парадным входом Вавилона служили «Ворота Иштар», облицованные глазурованным кирпичом: по синему фону чередовались друг с другом золотистые фигуры могучих быков и драконов. Перед воротами, по обеим сторонам от них, были возведены два высоких дворца, между которыми проходила так называемая «Дорога процессий». Выходившие на нее стены дворцов тоже были облицованы глазурованным кирпичем: по бирюзовому фону разбросаны золотистые и серебристые изображения львов, пальмообразных колонн и других украшений. Сама дорога, по которой статую Иштар в праздники переносили из ее храма в гости к супругу в его храм, как и служивший ее продолжением в черте города главный проспект, достигали 10—20 м ширины. Их мостовая была вымощена плитами розового известняка, а обочины — белого (сейчас все это экспонируется в Переднеазиатском музее Берлина).

Чудом света считались в древности вавилонские «Висячие сады», по ошибке приписанные молвой царице Семирамиде.

В действительности «Висячие сады» были сооружены Навуходоносором ради его жены — мидянки Амитиды; живя в равнинной Месопотамии, она тосковала по родным горам, и царь построил для нее искусственные горы: на насыпях и террасах, поднятых на большую высоту, были разбиты роскошные сады. Царь приказал посадить там такие же деревья и цветы, какими его жена в юности любовалась на родине.

Остатки «Висячих садов» в виде ряда сводчатых помещений с водопроводными устройствами были обнаружены при археологических раскопках. При Навуходоносоре II, если верить древним описаниям, они представляли собой искусственные террасы на толстых каменных столбах, возвышавшихся одна над другой на высоту до 25 м. Под террасами помещались беседки и гроты. Один из столбов был полым: в нем находились трубы, по которым с помощью насосов подавалась наверх вода, орошавшая сады ручейками. Сами насосы, качавшие воду из реки, были спрятаны в основании садов и приводились в движение рабами.

МАЛАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ В ДРЕВНОСТИ

Настоящий раздел начинается обзор древней истории стран Леванта, Анатолии, Армянского нагорья и Иранского нагорья. При взгляде «с птичьего полета» все эти регионы позволяет объединять то, что они в геополитическом смысле словно образовывали гористую периферию Месопотамского цивилизационного очага, окружающую его по дуге, и служили ареной культурной, а частично и военной экспансии месопотамцев, существенно подтолкнувшей становление государств в этих регионах.

Далеко не случайно сложившиеся здесь государства — от Арцавы у Эгейского моря или Урарту на Армянском нагорье до Персии и городов-государств Сирии и Палестины — использовали шумеро-аккадскую клинопись и месопотамские культурные достижения; о них можно говорить, таким образом, как о «клинописных» обществах, образующих вместе большую периферию месопотамской цивилизации. В свое время это было одним из обстоятельств, от которых отталкивалась теория «панавилонизма».

С другой стороны, при очевидной вторичности вхождения этих регионов в цивилизацию сравнительно с Месопотамией, в каждом из них существовали свои богатые этнокультурные

и политические традиции, и по временному протяжению и насыщенности своей древней историей эти области не уступают или мало уступают главным цивилизационным очагам Ближнего и Среднего Востока — Месопотамии и Египту.

АНАТОЛИЯ И АРМЯНСКОЕ НАГОРЬЕ В ДРЕВНОСТИ

С севера к Плодородному Полумесяцу примыкает обширный, в основном горный регион, ограниченный Средиземным, Эгейским и Черным морями, Кавказом и Каспием и обнимающий Анатолию («Страна Восхода», так со времен Византийской империи именовалась Малая Азия, совр. Турция), Армянское нагорье и продолжающее его Закавказье. Сложный рельеф делит этот регион на множество относительно изолированных друг от друга частей, что привело к исключительной пестроте и сложности его этнополитической истории. Особенно пригодные для земледелия обширные районы низменных речных долин находились на западе Малой Азии (бассейн Меандра и других золотоносных местных рек), в Киликии и по течению рек Аракс и Кура. Горы были богаты металлами и минералами (в частности, Понтийские горы служили источником железа), во многих озерах добывали соль.

Область черноморских проливов и перевалы Кавказа были обычными воротами миграций, обрушивавшихся на регион из стран северной дуги околонтонтийской зоны. Пришельцы, как правило, оседали в регионе и уже не покидали его, так что его территория стала настоящим «заповедником» этносов, проникавших сюда с разных сторон в течение тысячелетий. История Анатолии и Армянского нагорья — это во многом история миграций.

В VI—V тысячелетиях до н.э. этническая карта региона выглядела примерно следующим образом: большая его часть, от центра Малой Азии до Каспия, была заселена племенами северокавказской этнической общности, причем Армянское нагорье было занято населением, относящимся к восточной ветви указанной общности (сейчас эта ветвь представлена нахско-дагестанскими народами), а Малая Азия — к западной (сейчас представлена абхазо-адыгами).

На Западе Малой Азии некоторые исследователи помещают индоевропейцев или родственные им племена. Неизвестно, когда и откуда в верховья Куры проникли картвелы (протогрузинские племена); во всяком случае, они не были здесь автохтонами. В IV—III тысячелетиях до н.э. Малая Азия была занята более чем десятком этноархеологических областей. Крупнейшим аборигенным ее народом были хатты, обитатели бассейна реки Галис (Кызыл-Ырмак); весь этот край получил по ним название «Хатти».

Армянское нагорье, Закавказье и некоторые другие районы были в это же время огромным ареалом расселения относительно однородной Куро-Араксской энеолитической культуры. Как установлено, ее носителями были племена — предки ряда позднейших восточнокавказских народов этого региона, в том числе хурритов и урартов. В течение первой половины — середины III тысячелетия до н.э. внутри Куро-Араксского ареала происходит обособление локальных вариантов, как раз и соответствующее формированию этих народов как отдельных общностей.

Малая Азия тем временем подвергалась периодическим нашествиям со стороны индоевропейцев, обитавших к северу от Черного моря. В середине III тысячелетия до н.э. одна из групп таких индоевропейцев прорвалась в *страну Хатти* и доминировала некоторое время в ее южной части, оставив богатые курганные захоронения своей знати в Дораке и Аладжа-Хююке (третья четверть III тысячелетия до н.э.).

Среди причерноморских индоевропейцев имелись племена, говорившие на языках так называемой анатолийской ветви индоевропейской языковой семьи; им суждено было составить главное население Малой Азии в последующие века. Некогда они образовывали этническое единство в Балкано-Дунайском регионе или Северном Причерноморье, но к середине III тысячелетия до н.э. разделились: одна их часть (лувийцы) оказалась занесена на Балканы, а другая — далеко на восток, к Кавказскому хребту.

В XXV—XXIII вв. до н.э. на юге Армянского нагорья обособляются две племенные группы, которым в будущем суждено было сыграть великую историческую роль: *хурриты*, населявшие глухие горные области между озерами Ван и Урмия и рекой Тигр, и их ближайшие родственники *урарты*, расселявшиеся у берегов Вана и к востоку от него. В конце

XXIII в. до н.э. на Армянском нагорье оказывается восточная, прикавказская группа индоевропейцев-анатолийцев; отсюда она постепенно расселяется на запад, в бассейн Галиса, вступая в симбиоз с местными хаттами (XXII—XXI вв. до н.э.). В науке их общепринято называют хеттами.

На те же XXII—XXI вв. до н.э. падает первое расселение хурритов на плодородные земли Верхней Месопотамии, Сирии и Юго-Восточной Малой Азии; хурриты заняли территорию вдоль линии, изгибавшейся огромной дугой от Среднего Тигра через север Верхней Месопотамии до Сирии и гор Тавра, здесь и возникла россыпь хурритских «номовых» государств. Хурритские цари этого времени обожествляли себя, возможно, в подражание своим могущественным южным соседям, царям III династии Ура.

Урский правитель Шульги с невероятным упорством воевал с хурритскими царями, правившими в горах к северо-востоку от Тигра, разрушал их города по нескольку раз, но так и не смог добиться от них ничего, кроме временного признания зависимости от Ура. В конце XXI в. до н.э., с крушением гегемонии Ура, одна из хурритских династий даже заняла Ашшур и отстроила его стены и храм; впрочем, уже в XX в. до н.э. власть хурритов в Ашшуре была свергнута и сменена коренными ашшурцами.

Начало II тысячелетия до н.э. принесло в регион новые перемены. Около 1800 г. до н.э. новая волна балканцев, на этот раз иллиро-фракийских племен (в том числе знаменитые по гомеровскому эпосу дарданы) двинулась на лувийский запад Малой Азии и заняла его наиболее плодородные центральные области. Дарданы, в частности, овладели важным центром Илионом (Вилиос) и, базируясь на нем, основали на северо-западе Малой Азии свое царство, запечатленное в источниках как Дарданское царство или «Вилуса» (т.е. Илионское царство).

В целом пришельцы создали на захваченных ими землях конфедерацию царств, известную под названием наиболее могущественного из них — Арцава. На востоке Малой Азии в это время важную роль играют существовавшие там в XX—XVIII вв. до н.э. торговые колонии ассирийцев (выходцев из Ашшура) с центром в Канише (Канес, совр. Кюль-тепе). Дальнейшая история региона может быть освещена лишь от царства к царству.

ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

Складывание народности и государства

Люди заселяли Малую Азию с незапамятных времен, и к тому времени, как на Галисе появились с востока пришельцы-индоевропейцы, здесь уже обосновалось около десятка государств, созданных аборигенами хаттами (*хатти*) — народом, родственным современным абхазам. Крупнейшим их центром был одноименный город Хатти (на языке пришлых индоевропейцев «Хаттуса»), раскопанный археологами в начале XX в. в захудалом турецком местечке Богазкёй.

По имени хаттов весь бассейн Галиса, где они преобладали, со всеми его государствами получил географическое название «страна Хатти». Современным читателям хатты могут быть известны прежде всего по упомянутым выше роскошным курганам в Аладжа-Хююке (вторая половина III тысячелетия до н.э.), где находились погребения их вождей.

Пришельцы-индоевропейцы широко расселились в «стране Хатти», то соперничая, то вступая в симбиоз с местными хаттами. Переняли они у хаттов очень многое, начиная от культов верховного Солнечного божества, Солнечной Богини хаттского города Аринна и кончая представлением о важной роли женщин, будь то роль богинь в пантеоне или цариц в управлении страной.

Народ же, который современные ученые называют хеттами, принадлежал к анатолийской языковой семье — одной из наиболее древних ветвей *индоевропейской* общности. Языки этой семьи называются анатолийскими потому, что впоследствии на них говорили в Анатолии. Однако сформировались эти языки далеко от Анатолии и принесены туда были разными путями.

Носители анатолийских языков, «анатолийцы», обособились от остальных индоевропейцев уже к концу IV тысячелетия до н.э. В то время они обитали где-то на северных или северо-западных берегах Черного моря, быть может, у Нижнего Дуная. Потом они разделились: часть переселилась на запад и юг, на Балканский полуостров и позднее вместе с греческими и родственными им племенами пришла к рубежам Малой Азии с запада, а другая часть оказалась заброшена далеко на восток, к Кавказским горам и на Армянское нагорье.

Народ умман-манда и появление индоевропейцев в Азии

К концу III тысячелетия до н.э. Кавказ и Передняя Азия переживали бурные времена. Во второй половине XXIII в. до н. э. на Армянском нагорье оказываются загадочные варвары, известные в месопотамских источниках как *умман-манда* — «воинство манда». Так жители Месопотамии называли варваров, пришедших из-за северных окраин известного им мира, т.е. из-за Кавказа (коренных обитателей Армянского нагорья, о котором месопотамцы имели хотя бы самое общее представление, они уже так не называли). Возглавив многие горные племена севера Передней Азии, умман-манда обрушились с севера на Месопотамию, где тогда правил царь аккадской династии Нарам-Суэн. Едва не уничтожив тогда Аккадскую державу, умман-манда все же отошли обратно на север.

Кем были эти варвары? Неожиданный свет на это проливают знаменитые майкопские курганы, сооруженные в последние века III тысячелетия до н.э. Раскопки обнаружили, что в этих курганах было погребено множество драгоценных вещей, сделанных ремесленниками Передней Азии и Месопотамии в XXV—XXIV вв. до н.э., и подражаний им. Откуда они могли появиться здесь? Очевидно, возвращаясь к себе, в предгорья Кавказа, из только что описанного нашествия на богатые страны юга, умман-манда вывезли с собой добытые там богатства, в том числе эти драгоценные вещи, и таким способом те попали на север. Быть может, содержащие их майкопские курганы и принадлежат вождям умман-манда.

Во время этих потрясений немало северных племен вслед за умман-манда могли перевалить Кавказ и обосноваться на Армянском нагорье. К числу таких народов, по-видимому, принадлежали и очутившиеся еще раньше у Кавказа индоевропейцы-«анатолийцы». Сдвинутые с мест своего обитания тем же потоком передвижений, в котором участвовали умман-манда, эти анатолийцы постепенно расселились через Армянское нагорье на юго-запад, в бассейн Галиса — крупнейшей реки Малой Азии. Здесь они появились ближе к концу III тысячелетия до н.э. Это и были так называемые хетты; как они называли себя до поселения в Малой Азии, мы не знаем.

Этноним «хетты» — условность, созданная учеными

Любопытно возникновение названия народа, создавшего мощную державу в Малой Азии. Древние евреи называли их хитти («хеттеи»). В такой форме этот термин встречается в Библии.

Позднее современные исследователи обнаружили упоминания о «стране Хатти» в египетских памятниках, а в начале XX в. после раскопок в Богазкёе и других «хеттских» центрах открыли миру удивительную историю этой таинственной цивилизации по ее собственным источникам. Вот тогда-то этнонимом хетты (позаимствованным из Библии) историки стали называть тот самый пришлый индоевропейский народ, который в численном и культурном отношении преобладал в цветущем царстве Анитты и Лабарны (т.е. людей «канесийского языка», употребляя его собственные выражения), а термином хеттский — индоевропейский язык этого народа.

Еще позже выяснилось, что понятие «люди Хатти», производным от которого является наше «хетты», на деле никогда не обозначало какого-либо конкретного народа или языка, а покрывало всех подданных хеттских царей, но было уже поздно: слова «хетты», «хеттский язык» и «Хеттское царство» в результате череды ученых недоразумений прочно вошли в науку в описанных выше значениях.

Страна Хатти и царство Канеса

Главным центром пришельцев-индоевропейцев в центре Малой Азии стал город, лежавший к югу от Среднего Галиса и именовавшийся Кнеса (Неса, Канес). В итоге интенсивного смешения с местным населением собственный язык индоевропейские пришельцы стали называть «к(а)несийским»; а жрецы, обращавшиеся к ним со старинными гимнами, именовались «к(а)несийскими певцами».

Верховными богами Канеситского царства были древние верховные божества индоевропейцев, принесенные переселенцами в Малую Азию: бог неба, который именовался почтительно Диу-Суммис («Наш Бог»), и бог-грома Пэрва (то же имя в славянском варианте звучит как Перун). Канеситская держава была, таким образом, первым царством индоевропейцев на земле Азии. Официальные документы державы тоже состав-

лялись на индоевропейском языке (для письменной передачи которого здесь приспособили месопотамскую клинопись).

Характерно, что могущество Канеса (Каниша) возросло прежде всего на богатствах, притекавших в город вследствие того, что в нем долгое время находился центр автономной сети международных торговых колоний, но в новой Канеситской державе для подобной экстерриториальной автономии места не было, и эта сеть прекратила свое функционирование уже к середине XVIII в. до н.э.

Каниши как первый центр международной торговли

В первые века после поселения пришельцев на востоке Малой Азии важную роль сыграли существовавшие здесь в XX—XVIII вв. до н.э. торговые колонии ассирийцев (выходцев из *Ашшура*). Главное место среди них занимала международная торговая колония в Канише (совр. Кюль-тепе), контролирувавшая целую сеть зависящих от нее факторий. Все эти колонии, организованные по общинному принципу, размещались на территории различных местных государств и подчинялись их правителям, но пользовались полным самоуправлением во всех внутренних делах. Такой экстерриториальный союз автономных торговых общин, все члены которых одновременно были гражданами своих родных городов (нечто подобное европейским «сеттльментам» в Восточной Азии XIX—XX в.), был уникальным явлением в истории Ближнего Востока.

Через систему этих колоний шла международная торговля, полюсами которой были Ашшур, с одной стороны, и бассейн Галиса и озера Туз — с другой. Предметами этой торговли служили прежде всего металлы с малоазиатской стороны и высококачественные ткани — с месопотамской. Существование колоний способствовало втягиванию населения Малой Азии в международную торговлю, развитию местного производства (особенно металлургии), экономической интеграции и ускоренному формированию властной и богатой классовой верхушки. Именно в эпоху ассирийских торговых колоний индоевропейские пришельцы добиваются доминирования в некоторых из аборигенных номовых государств, ассимилируя их население.

Держава Анитты

Накопление богатств, вызванное функционированием торговых колоний, обостряло соперничество из-за них и из-за возможности контролировать те или иные участки и центры сети торговых путей, охвативших восток Малой Азии. Учащаются военные столкновения местных государств. От царства *Канес* отделился город Куссар, где основала особое царство династия родом из самого Канеса. Один из представителей этой династии, Питхана, в начале XVIII в. до н.э. захватил Канес и перенес туда престол, поскольку это был город, родной для его семьи и главный для всего его народа — пришлых индоевропейцев. Как говорит древний текст, он «не причинил зла никому из граждан Канеса и обошелся с ними будто с собственными родителями».

Его сын и преемник Анитта в результате нескольких ожесточенных военных кампаний, сопровождавшихся порой тотальным разрушением вражеских городов, завоевал земли от Черного моря до бассейна озера Туз включительно. Тем самым мелкие номовые княжества северо-востока Малой Азии были сменены обширным территориальным государством, которое и известно в современной науке как Хеттское царство. Его подлинным основателем стал, таким образом, Анитта; в этом качестве его почитали и позднейшие хеттские цари, приказывая бережно сохранять и переписывать его торжественные эдикты.

Среди наиболее опасных врагов, сокрушенных Аниттой, числилось, между прочим, и «княжество» со столицей в городе Хатти (Хаттуса) — главный оплот аборигенов-хаттов. Хаттуса была разрушена до основания. Анитта посеял на ее месте сорную траву и предал заклятию: «Если кто после меня станет царем и снова заселит город Хаттусу, то пусть его поразит Бог Грома!».

На исходе XVIII в. до н.э. династия Анитты сошла на нет, и власть над Канеситским царством перешла к другому царскому дому (так называемому «древнехеттскому»), также вышедшему из среды пришлых индоевропейцев, доминировавших в государстве. Один из его царей, Лабарна I (ок. 1675—1650 гг. до н.э.), оказался великим завоевателем и реформатором. При нем формирование институтов государства было окончательно завершено. Лабарна раздвинул границы своего царства «от моря до моря», т.е. от устья Галиса до Киликии (как с восхищением писали его преемники, для кото-

рых это выражение стало чем-то вроде внешнеполитического лозунга), и ходил походом на запад Малой Азии.

Внутригосударственная деятельность Лабарны (в другой огласовке Табарна) произвела такое впечатление, что имена его самого и его супруги Таваннанны стали титулами всех позднейших хеттских великих царей и цариц (подобно тому, как в титулы верховных правителей превратились в Риме имена Цезаря и Августа). Его преемник-племянник Лабарна II (ок. 1650—1625 гг. до н.э.) перенес столицу в былой главный центр хаттов Хаттусу. Проклятия Анитты он не побоялся по той простой причине, что Хаттуса была уже давно кем-то отстроена, и вернее всего не каким-либо царем, а местными жителями — между тем, проклятие Анитты адресовалось только тому царю, который восстановил бы город. С этого времени все царство стало официально именоваться «страна Хатти» (модификацией этого выражения и является современный термин «Хеттское царство»), а все подданные его царей — «люди Хатти». Как мы уже видели, это был не этнический термин, а политический: он обозначал подданных определенного государства независимо от племенной принадлежности.

Древнехеттская держава. Общество и государство

Время правления так называемой древнехеттской династии (ок. 1700—1450 до н.э.) выделяется учеными в особый период истории Хеттского царства. В это время еще оставались сильны традиции родового строя. Древнехеттские цари правили, опираясь на народное ополчение, включавшее всех боеспособных полноправных членов столичной общины, составлявших в то же время войсковое народное собрание столицы — «панкус». Деятельностью панкуса в значительной степени руководил совет «тулия» (верхушка панкуса, нечто вроде старшей дружины), служивший главным оплотом могущественной родовой аристократии. Важное место в последней занимали члены царского рода: братья царя, его сыновья, зятья и прочие свойственники. По древней традиции преемником царя, как правило, становился его племянник — сын его сестры. «Панкус» и «тулия» существенно ограничивали власть царей, и те по мере роста своих успехов пытались избавиться от опеки этих традиционных родоплеменных институтов.

Другим характерным свойством хеттской государственности было своеобразное представление о том, что страной правит, собственно, не один ряд правителей, а два параллельных ряда: женский, состоящий из великих цариц-«таваннанн», и мужской, включающий царей-«табарн» («лабарн»). Преемственность в каждом из этих рядов шла независимо друг от друга, без синхронизации: если царь умирал, а царица переживала его, то она и сохраняла за собой титул царицы, как женского воплощения царственности в правление нового царя, а супруга последнего титуловалась лишь «женой царя» и должна была ждать смерти вдовствующей царицы, чтобы приобрести ее статус.

По-видимому, этот совершенно неожиданный для индоевропейцев обычай был введен под влиянием хаттского культурного наследия (у доиндоевропейских аборигенов Малой Азии женщины и женские божества, как мы знаем на примере Великой Матери богов, играли исключительную роль). Именно в древнехеттский период окончательно завершилась ассимиляция аборигенов-хаттов индоевропейцами — носителями «канейского» языка («хеттами» современной терминологии).

Хаттусили I и его преемники

История Древнехеттского царства становится хорошо известна с момента переноса столицы в Хаттусу при Хаттусили I. Этот необычайно энергичный, властный и готовый на резкие перемены правитель посвятил большую часть своих усилий централизации страны и внешним завоеваниям. Об этом ярко говорят его манифесты, содержащие обращения к подданным: «Ваш род да будет единым, как волчий! Подданные [нашего государства будто] от одной матери рождены! Вам предназначена одна печень, единое дыхание, единый слух! ...Среди вас никто не должен враждовать с другими!».

Во внешней политике Хаттусили сознательно подражал Саргону Аккадскому, желая не только сравняться с ним, но и превзойти его: для хетто-хурритского мира Саргон и его династия служили не имеющими соперников образцами строителей великой империи. Разрушив один из городов на Евфрате и перейдя реку, Хаттусили с торжеством отметил в своей надписи, что в ходе войны с тем же городом ее перешел здесь некогда и Саргон, но «городу он ничего не сделал, и не сжег его в огне», а вот он, Хаттусили, смог его и взять, и сжечь. Хаттусили раздвинул

границы, установленные Лабарной, утвердив хеттское владичество в Юго-Восточной Малой Азии (в горах Тавра) и Сирии.

Желая укрепить царскую власть, Хаттусили, вопреки традиции (по которой когда-то взошел на престол сам), отстранил от наследования своего племянника. Любопытно, что предлогом послужило равнодушие наследника к болезни царя: наследник был смещен за то, что оказался «холодным и неласковым: не плакал, не выказывал сочувствия». Этот шаг вызвал продолжительные смуты, в ходе которых против царя выступили многие члены его рода, даже его собственные дети, а только что покоренная Сирия сбросила вериги подчинения.

Новым престолонаследником стал в конце концов усыновленный внук царя Мурсили, вскоре сделавшийся соправителем деда. Вдвоем они подавили последние вспышки междоусобицы и заново приступили к завоеваниям на юге, доведенным до конца уже в единоличное правление Мурсили I (ок. 1625—1590 гг. до н.э.). Этот могущественный правитель аннексировал Халпу, разгромил хурритов Верхней Месопотамии, а в 1595 г. до н.э. совершил экспедицию на отдаленный Вавилон, богатейший центр Передней Азии. Низвергнув династию Хаммурапи, Мурсили возвратился домой с огромной добычей.

Однако хеттская знать не приветствовала подобный рост царского могущества. Мурсили был убит мужем своей сестры, а тот погиб от руки собственного зятя. В течение нескольких десятилетий не прекращались дворцовые смуты, а с севера на Хатти напали абхазо-адыгские племена касков (родичей известных «касогов» русских летописей), которые навсегда отрезали хеттов от Черного моря и разрушили некоторые их важнейшие культовые центры, лежавшие в северной части страны. Отделились и земли прибрежной полосы Средиземного моря. Учитывая, что концепция государства «от моря до моря» диктовалась несомненными космологическими и ритуальными соображениями, для хеттов это был очень тяжелый удар.

По мере нарастания кризиса знать захватывала все большую власть. Апогеем ее успехов явился знаменитый декрет царя Телепину (правил ок. 1530—1500 гг. до н.э.), предоставивший совету знати, «тулии», право судить и казнить царей (!), а заодно установивший жесткий порядок престолонаследия, который лишал царя возможности выбирать преемника по своей воле. Отныне преимущественное право на наследо-

вание престола принадлежало родному сыну царя; за отсутствием таковых воцарялся сын его сестры, и только в крайнем случае свои права предъявляли царские зятья. Наконец, без согласия «тулии» царь не мог казнить ее членов и ни при каких обстоятельствах не имел права конфисковывать их имущество. Правда, впоследствии тот же Телепину несколько укрепил царскую власть (нарушив, между прочим, собственный декрет) и даже предпринял некоторые завоевания в горах Тавра. Однако прочных успехов он не добился.

Спустя полвека, около 1450 г. до н.э. удачливый сановник хурритского происхождения захватил трон и основал новую хеттскую династию. Время ее правления образует так называемый новохеттский период (середина XV — начало XII в. до н.э.).

Новохеттский период. Общественный строй и система управления хеттов

Претендуя на возвращение времен древнехеттской славы и сознательно равняясь на ее традиции, цари Новохеттского периода (ок. 1450—1180 г. до н.э.) создали на деле типичную наднациональную военно-бюрократическую монархию Ближнего Востока. Царь стал сакрализованным абсолютным правителем и сам назначал себе преемника, статус которого превратился в особую должность «тухканти»; носителя такой должности можно было свободно сменять; так что отныне дворцовые перевороты не перерастали в смуту. Общинного военного совета «панкуса» больше не существовало. Все это имело мало общего с действительными традициями хеттской старины, зато позволяло новым правителям достичь неслыханной до сих пор концентрации власти.

Члены нового, этнически хурритского царского дома принимали хеттские тронные имена и считали государства хурритов своими злейшими врагами, однако именно в период их правления хеттская культура все больше поглощается хурритской. В XIII в. до н.э. даже государственный пантеон был почти целиком заимствован у хурритов, а сами хетты оказались частично ассимилированы своими ближайшими родичами лувийцами, населявшими южную часть страны (что не помешало новохеттским царям именно в это время применять в официальных надписях нарочито архаизированный хеттский язык).

Главное богатство, земля, принадлежала у хеттов государству либо общинным коллективам городов и сел, чье землевладение уходило своими корнями в доклассовую эпоху. Государственные земли находились в непосредственном или верховном распоряжении царя. На них размещались прикрепленные к выделенным для них участкам мелкие производители — землепользователи, схожие со спартанскими илотами или феодальными крепостными Европы, в том числе военнопленные и депортированные «арнувала», которых хеттские цари пригоняли из походов десятками тысяч и сажали на свою землю.

Значительную долю государственной земли составляли крупные хозяйства, служившие для обеспечения лично царя и членов его рода («дом царя», «дом царицы» и т.д.), центральной администрации («дом дворца»), различных государственных учреждений и храмов, а также условные держания должностных лиц. Храмовые земли контролировались царем, но на деле представляли собой автономные корпоративные хозяйства.

Основными видами собственно государственной эксплуатации (не считая храмовую) были «саххан» — обязательная служба царю, в том числе уплата ему натурального налога, и «луци» — трудовая повинность. По-видимому, они распространялись на подавляющую часть населения страны, включая большинство общинников. Государство же контролировало внешнеторговые операции. Впрочем, по специальному царскому указу те или иные лица и учреждения могли получать иммунитет от общегосударственных податей и повинностей; особенно часто это относилось к храмам.

Положение дел в общинном секторе известно значительно хуже. Здесь, в отличие от государственного хозяйства, свободно осуществлялась купля-продажа земли. Общины носили территориальный характер, а их старейшины наделялись судебной и административной властью. И в частнообщинном, и в государственном секторах широко применялся также труд рабов в собственном смысле слова (хотя их использовали в большей степени в обслуживании, чем в производстве), а также наемников и других категорий зависимого населения.

Хеттское сословное деление не совпадало с классовым. С точки зрения хеттских законов, все население страны делилось на две группы, различавшиеся по свободному или принудительному характеру труда. В первое сословие «свободных» входили лица, освобожденные от повинностей в

пользу государства и храма. К ним относились в первую очередь члены общин коренных хеттских городов. Именно из их среды рекрутировалась в основном хеттская правящая верхушка (особенно ее высшие слои). Второе сословие, «несвободные», включало всех лиц, на которые распространялась государственная и храмовая эксплуатация. В него входило прежде всего большинство непосредственных производителей, сидевших как на государственной, так и на общинной земле или занятых в ремесле.

В то же время ко второму сословию относилось множество должностных лиц (вплоть до высших), для которых «сахханом» считалась сама служба дворцу или храму. Соответственно, они, как и все «несвободные», могли именоваться «рабами» («рабы/слуги царя», «божьи рабы и рабыни»), хотя на деле, конечно, не являлись таковыми. Среди «несвободных» непосредственных производителей, стоявших вне общин, имелись и рабы в точном смысле слова, и кабальные должники, и наемники, и крепостные землепользователи, и, наконец, крепостные земельные собственники, которые оказывались иногда достаточно богаты, чтобы иметь собственных рабов. Независимо от сословия, лица, стоявшие вне общин, часто стремились приобрести членство в одной из них, купив участок общинной земли.

Люди самого низкого по сословию разряда жителей Хеттского царства — рабы — могли располагать неприкосновенной для хозяина собственностью и вступать по своей воле в браки со свободными; однако хозяин сохранял право калечить и убивать раба и его семейных (если они тоже были рабами) по своему произволу. По хеттскому тексту известно, что если рабу довелось разгневать хозяина слишком сильно, в обычае последнего было расправляться в ответ не только с провинившимся рабом, но и с его родственниками-рабами вплоть до породнившихся по браку. С другой стороны, если раб успевал сам принести повинную и просить пощады, отдаваясь на расправу хозяину, общественная норма ожидала от хозяина известного милосердия.

Государственный строй хеттов отличался известной рыхлостью, некоторыми чертами конфедеративности. Кроме территорий, управлявшихся государством непосредственно, в него входили удельные царства, выкраиваемые для тех или иных царевичей или обособившихся ветвей династии, схо-

жие с ними временные административные образования (также именовавшиеся «царствами»), которые передавались под чрезвычайное управление крупных сановников, множество вассальных государств, автономных общин и крупных наследственных владений.

Система вассально-союзных договоров привязывала все эти образования к хеттскому дворцу. Такое положение дел (сопоставляемое некоторыми исследователями с эпохой феодальной раздробленности) привело к бурному развитию хеттской дипломатии, но не могло обеспечить царям Хатти прочной власти над полузависимыми территориями. Так, желая добиться от всех своих вассалов действительного прибытия на театр войны с Египтом, царь Муваталли перед Кадешской битвой оказался вынужден раздать им большую часть государственной казны.

Верховную власть представлял «великий царь» («табарна»), в Новохеттский период, в связи с общим укреплением царской власти, он был наделен особой солярной божественностью и титуловался «Солнцем». Наряду с землями, которыми он управлял через наместников, ему подчинялись на правах вассалов и многие обычные «цари» (*хассу* — так могли называть и верховного царя).

Новохеттское великодержавие. Узурпатор Суппилулиума и расширение границ

Новохеттская династия немедленно возобновила походы в Сирию, что привело ее к ожесточенному противоборству с хурритской державой Митанни, первоначально шедшему с переменным успехом. Однако на исходе XV в. до н.э. эта борьба, в сочетании с неожиданным нашествием касков, разгромивших саму Хаттусу, и вторжениями царей Арцавы с запада, ввергла Хеттское царство в небывалую катастрофу и фактически свела его территорию к части бассейна Верхнего и Среднего Галиса. Хеттское государство стояло на краю гибели. Однако в начале XIV в. до н.э. в Хатти приходит к власти узурпатор Суппилулиума I (ок. 1380—1335 гг. до н.э.) — блестящий политик и полководец, один из крупнейших исторических деятелей Ближнего Востока, чье долгое правление стало важной вехой в жизни Передней Азии.

Зарекомендовав себя как победоносный воин еще до воцарения, он захватил власть, переступив через труп законного царя, и смог полностью восстановить силы Хеттского царства, покорить почти всю Малую Азию (от Арцавы на юго-западе до Хайасы в богатых ценными металлами Понтийских горах на северо-востоке), в итоге трех больших войн победить Митанни и Египет и завоевать все Восточное Средиземноморье вплоть до южных рубежей Палестины; египетские войска были им разбиты, а в Митанни он смог посадить царем своего ставленника. В Сирии Суппилулиума основал удельные хеттские царства с центрами в Каркемише и Халпе, отдав их в управление своим сыновьям. При этом Каркемиш, заселенный хеттскими колонистами и заново укрепленный, превратился в крупнейший опорный пункт Хеттской державы на юге.

В итоге Хеттское царство с зависимыми территориями простерлось от бассейна реки Чорох до Южной Палестины и от Эгейского моря и Кипра до ассирийских и вавилонских рубежей. Вавилония и Ахейская держава (Микенская Греция, или «Аххиява» хеттских источников) почитали за честь поддерживать дружбу с Суппилулиумой, женившемуся последним браком на вавилонской царевне. Вассальный царек со лстивым восторгом писал о Суппилулиуме, оказавшем ему помощь: «А Солнце Суппилулиума, великий царь, царь страны Хатти, герой, любимец Бога Бури, — боги его знают: слово, что изо рта его вышло, назад не вернется (то есть даром слов на ветер он не бросает)!».

Неуважения он не спускал: могучему египетскому фараону Эхнатону, который написал ему без соблюдения норм вежливости, Суппилулиума немедленно ответил: «Разве я повержен, как мертвое тело (что ты так обращаешься со мной)?». В договоре с иноземным царем Суппилулиума с одобрением приводил в пример суровый и скорый приговор своего отца: «Кто был тот, погибший из-за следующего дела: проходила мимо дворцовая [гаремная] женщина, а он на нее загляделся, Отец же Моего Солнца выглянул как раз из окна, увидел это и схватил его, говоря: “Почему ты на нее уставился?” И тот погиб из-за этого дела!» (поднимать взор на дворцовых женщин было строжайше запрещено).

Суппилулиума умер от мора, занесенного к хеттам пленными египтянами, в апогее своих успехов, но не завершив войны ни на одном из «фронтов». Его достижения, однако,

грозили хеттам роковыми последствиями. Государственные таланты Суппилулиумы поставили под власть хеттов огромные пространства, контроль над которыми намного превышал естественные политические возможности Хеттского царства. Поэтому существование огромной державы, основанной Суппилулиумой, его преемникам приходилось поддерживать почти непрерывными рейдами против мятежных окраин и готовых посягнуть на владения Хатти других великих держав.

Сватовство рождает войну

При этом властном и амбициозном правителе произошел один из самых «романтических» эпизодов истории Древнего Востока: во время войны хеттов с Египтом неожиданно умер правивший там Тутанхамон, и его вдова, юная Анхесенамон, прислала к своему врагу Суппилулиуме отчаянное послание: «Мой муж умер, сына у меня нет, а у тебя, говорят, много сыновей. Если бы ты дал из них одного твоего сына, он стал бы моим мужем. А своего подданного я никогда не возьму в мужья, я боюсь такого позора!». Суппилулиума был так поражен, что сказал совету: «Прежде со мной ничего подобного не бывало!» — и отправил в Египет посла, выяснить, уж не обманывают ли его? В ответ Анхесенамон повторила свою просьбу в еще более ярких выражениях, впервые прибавив, что ее муж, хеттский царевич, будет разом и царем Египта. Суппилулиума послал ей своего сына Цаннанцу, но египетские сановники убили его и насильно выдали Анхесенамон замуж за военачальника Эйе, которого и возвели на престол. Тогда Суппилулиума обрушился на египтян и отобрал у них всю Палестину, но возможности объединить Египет и Хатти под одной короной никогда больше не возникало.

Хеттское царство при потомках Суппилулиумы

Кипевшие от Эгеиды до Хабура и Палестины войны медленно, но верно истощали силы Хеттского царства. Впрочем, Мурсили II (ок. 1335—1305 до н. э.), доблестный воин и великодушный правитель, еще был в состоянии непрерывными походами сохранять наследство отца в полном объеме. Прежде всего он разгромил отложившуюся было Арцаву в Западной Малой

Азии и ее союзников. Царь Арцавы бежал за море в Ахейскую Грецию, а воинство Мурсили вышло к Эгейскому морю, захватив столицу главного царства Арцавы Апасу (греч. Эфес). Затем Мурсили довел до благополучного конца начатую при его отце войну с Египтом, заключив выгодный для хеттов мир с фараоном Хоремхебом. Наконец, на востоке он успешно отбросил воинство Ассирии, претендовавшей на захват Митанни, а на севере систематически громил области касков. Вторую половину XIV в. до н.э. можно считать апогеем хеттского могущества.

Однако при преемниках Мурсили ситуация стала стремительно меняться к худшему. Во-первых, воинственный фараон Сети I развернул широкомасштабное контрнаступление в Сирии—Палестине, продолженное затем Рамсесом II. В целом это контрнаступление оказалось для египтян достаточно успешным, несмотря на поражение Рамсеса II в грандиозной битве при Кадеше (1286 г. до н.э.). Палестина, большая часть Финикии и Дамаск перешли под прочную власть египтян. Во-вторых, на протяжении всего XIII в. до н.э. запад Малой Азии стремился отделиться от хеттов при помощи правителей Ахейской Греции, а то и просто удачливых авантюристов, которые сколачивали на суше и на море эфемерные союзы, подрывавшие хеттскую власть; в свою очередь сами эти авантюристы легко шли на союз с ахейцами. Одна из хетто-ахейских войн как раз велась из-за влияния в Вилусе (Илионском царстве). В-третьих, в то же самое время Ассирия раз за разом вторгается в Верхнюю Месопотамию и пытается овладеть долинами Верхнего Тигра и Верхнего Евфрата; хетто-ассирийское противоборство за контроль над этими регионами так и не завершилось прочным миром вплоть до самого падения Хеттского царства.

В начале XIII в. до н.э., при царе Муваталли II, напряженная обстановка, сложившаяся на всех трех упомянутых выше «фронтах», дополненная новым нашествием касков на центральные районы страны, поставила Хеттское царство в очень тяжелое положение. Его спас очередной узурпатор Хаттусили III (вторая четверть XIII в. до н.э.), известный, между прочим, подробным официальным оправданием предпринятого им переворота против собственного племянника Урхитессоба, сына и законного преемника Муваталли; оправдание он видел, в частности, в том, что не сделал ничего низкого и не устроил против племянника предательского заговора, а выступил про-

тив него открыто, в стиле «Иду на Вы!»: «Но когда я с ним стал воевать, я не сделал ничего, что оскверняет [честь]. Разве я восстал на него [находясь рядом с ним как доверенное лицо] в колеснице, или во дворце восстал против него? Я объявил ему войну [открыто], как подобает врагу: “Ты со мной враждовал. Теперь ты великий царь, а я царь одной крепости, что ты мне оставил. Иди! Боги рассудят нас по суду”».

Как царь Хаттусили проявил себя прежде всего незаурядным дипломатом. В 1270 г. до н.э. он заключил мирный и союзный договор с Египтом, навсегда прекративший хетто-египетские войны и подкрепленный впоследствии династическим браком (дочь Хаттусили стала женой Рамсеса II). Договор закрепил сложившееся территориальное разделение Восточного Средиземноморья, обязал стороны поддерживать друг друга военными силами против внутренних и внешних врагов и выдавать перебежчиков. Впоследствии египтяне снабжали Хеттское царство хлебом, а хетты ввозили в Египет металлы. В то же время Хаттусили добился мира с владыками Ахейской Греции; те признали за хеттами запад Малой Азии и выдали им пирата Пиямарад, уже несколько десятилетий опустошавшего этот регион с ахейской помощью. Обеспечив себя таким образом с юга и запада, Хаттусили обратился против Ассирии, но так и не смог вытеснить ее из Верхней Месопотамии.

При последних хеттских царях, Тудхалии IV и двух его сыновьях, Хеттское царство ведет борьбу на два «фронта» — в Верхней Месопотамии и Западной Малой Азии, где помимо ахейцев сталкивается с вторгшимися сюда с Балкан фригийцами, а также с местными правителями, которые с невиданным до сих пор упорством раз за разом свергали хеттскую власть. Тудхалия IV смог в конце концов восстановить положение на западе, отбросил ахейцев и разгромил Илион и союзное ему фригийское образование при реке Сангарий (Ассуву). Однако с Ассирией Тудхалия воевал с переменным успехом и даже потерпел от Салманасара I жестокое поражение при Нихрии, к северу от Тигра. При его преемниках запад Малой Азии отпал вновь, теперь уже навсегда: ахейцы совершали походы на юго-запад полуострова и на Кипр. Последний хеттский царь, по иронии судьбы также носивший имя Суппилулиумы (II), снова захватил Кипр, но дни хеттов были сочтены.

Соседи хеттов на западе: царства Арцава и Илион

Важнейшую роль в истории хеттской Малой Азии сыграли западные и восточные соседи хеттов — лувийцы и ахейцы. Лувийцы были потомками той самой части древнейших причерноморских «анатолийцев», что появились на рубежах Анатолии не с востока, а с запада, через Балканы. Около XXIV в. до н.э. они вторглись в Малую Азию через черноморские проливы и, подвергнув ее страшному опустошению, заняли весь запад и юг полуострова. Одним из лувийских центров на крайнем северо-западе Малой Азии стал, как уже сказано, город Вилиос. Это и есть знаменитый Илион греческого эпоса. Неподалеку от исторического Вилиоса-Илиона (где точно не известно) лежал городок Труиса, чье название было позднее перенесено греческими певцами-аэдами на Илион (смешать эти города воедино им оказался тем легче, что оба они к тому времени были разрушены и запустели). Так появился образ Трои-Илиона в греческой традиции. Раскопанная Шлиманом «Троя» на холме Гиссарлык — это именно Илион, и столкновения, послужившие исторической основой для преданий о Троянской войне, происходили именно вокруг Илиона.

Около 1900 г. до н.э. новое переселение народов сформировало этническую и политическую карту Древней Эгеиды. Именно тогда греки-ахейцы заселили, продвигаясь с Балкан, Грецию, а другие балканские племена, в том числе дарданы, вторглись на запад Малой Азии, возглавили местных лувийцев и создали на их территориях конфедерацию царств Арцава со столицей в Апасе (совр. Эфес). Одним из царств Арцавы стала область Вилиоса — Вилуса. Именно здесь осели дарданы, из среды которых вышли династы, правившие Вилиосом, или Шлимановой «Троей», большую часть II тысячелетия до н.э., включая легендарного гомеровского Приама. В знаменитом египетском источнике XIII в. до н.э. «Песне о битве при Кадеше» Вилуса так и упоминается под именем «Дардания».

Конфедерация царств Арцава была постоянным соседом и соперником хеттов на западе. В середине II тысячелетия до н.э. хетты хорошо представляли себе и еще более далекий, отделенный от них морем народ греков-ахейцев; их край именовался у хеттов Аххия и Аххиява («Ахейская земля»).

Борьба хеттов с ахейцами и «Троянская война»

Илионское царство Вилуса, веками входившее в конфедерацию царств Арцавы, около 1350 г. до н.э. добровольно подчинилось *Суппилулиуме*. Это было процветающее полиэтничное царство, которое контролировало главный путь из Анатолии на Балканы. О связи с последними, кстати, свидетельствует балканская, так называемая «серая минойская» керамика, типичная для ахейцев и найденная в «Трое» (Илионе) середины II тысячелетия до н.э. В военном деле применялись колесницы, и Гомер не случайно именует илионцев «укротителями коней».

В самом начале XIII в. до н.э. правитель-пират Пиямарадду при поддержке Ахейской державы пытался захватить Вилусу и поставить ее под ахейский контроль, но хеттская интервенция покончила с этими планами. Хеттский царь Муваталли II утвердил в Вилусе местного царевича Алаксанду в качестве своего вассала (отголоском этого является греческое предание о дружбе малоазиатского царя «Мотила» с троянским царевичем «Александром»-Парисом), но мирную черту под хетто-ахейским конфликтом из-за Вилусы подвел только Хаттусили III (ок. 1270 г. до н.э.). Вскоре после этого Илион был разрушен землетрясением. Строительство нового города (археологическая «Троя VIIa», она же «город Приама», около 1250—1185 гг. до н.э.) греческая традиция приписывает царю Лаомедону. Около того же времени Вилуса освободилась от хеттского контроля.

К середине XIII в. до н.э. относится первый набег ахейских племен с Балкан на Илион (ок. 1240 г. до н.э.). Греческий эпос приписывает его Гераклу; Лаомедон в битве погиб и был сменен своим малолетним сыном Приамом. Вскоре Вилуса в союзе с государством только что переселившихся в Анатолию сангарийских фригийцев (Ассувой хеттских источников) вынуждена была отражать контрнаступление Тудхалии IV, закончившееся восстановлением хеттского владычества над всем западом Анатолии (ок. 1230 г. до н.э.). Как уже говорилось, Гомер упоминает в «Илиаде» эту неудачную для Приама войну с обычной для него заменой хеттов на «амазонок».

Хеттское торжество оказалось недолговечным: новый ахейский натиск на юго-запад и юг Малой Азии (отголоском его в греческом эпосе является предание о походах Беллеро-

фонта против амазонок в Ликию, т.е. на юго-запад Малой Азии, незадолго до «Троянской войны») сопутствовал полной утрате хеттами запада Анатолии в конце XIII в. до н.э. Перед Вилусой неожиданно открылись возможности собственной экспансии. Воспользовавшись ими, Приам около 1200 г. до н.э. подчинил ряд областей по обе стороны Мраморного моря. Хетты, сангарийские фригийцы и некоторые окраинные племена поддерживали с новообразованной державой (Троянский союз в «Илиаде») дружественные отношения.

«Троя»-Илион этого времени была процветающим городом с могучей цитаделью и обширным посадом; Гомер называет ее «крепкостенной», «широкоулочной», «пышно устроенной». О походах войск Приама в Европу на Балканах помнили столетия спустя.

Внезапный конец этой гегемонии — «Троянская война» — стал одним из самых знаменитых культурно-исторических сюжетов мира. Около 1195 г. до н. э. Ахейская конфедерация во главе с микенским царем Агамемноном, который около 1200 г. до н.э. заново сплотил вокруг себя ахейских царей, двинула мощный флот на запад Малой Азии и напала на Илион. Во время продолжительной осады на стороне Илиона воевали отряды ряда народов Малой Азии. Судя по греческому эпосу, на помощь Илиону какой-то контингент, возможно, прислали и хетты («кетейцы» в «Одиссее», «амазонки» в основной греческой традиции). Однако город был взят штурмом и разрушен (слой «Троя VIIa»).

Однако вскоре Илион был отстроен заново (археологический слой «Троя VIIb», ок. 1195—1125 гг. до н.э.), и Илионское царство продолжало существовать, хотя никогда не достигало прежнего могущества. Часть населения Трои и окрестных земель выселилась на запад — на Адриатику, в Сицилию и Италию (в том числе, возможно, и этруски), а остальные принуждены были терпеть последствия всех балкано-анатолийских миграций бурного XII в. до н.э. В конце этого столетия новая волна фригийцев с Балкан окончательно разгромила Илион и захватила Троаду. Город запустел, и лишь около VIII в. до н.э. был заново заселен греческими колонистами. Однако память об Илионском («Троянском») царстве пережила века. Ее удержали как греки, наследники ахейских разрушителей Илиона, так и обитатели Италии, принявшей малоазиатских колонистов конца II тысячелетия до н.э.

Хеттское «царство амазонок»

Кризисом хеттской власти на западе Малой Азии в конце XIII в. до н.э. вновь воспользовались ахейцы, начав цикл вторжений в Малую Азию. Здесь им приходилось сталкиваться с хеттами и их союзниками. Греческие предания, кстати, запомнили хеттов, однако в очень неожиданном виде — как женское царство малоазиатских «амазонок»! И по месту жительства, и по времени существования, и по отношениям с ахейцами эти амазонки в греческом эпосе — прямая замена хеттов: греческие легенды сообщают, что держава амазонок в течение века до гибели Илиона простиралась от их коренной области в северо-восточной части Малой Азии (примерно там же, что и у хеттов!) до Эгеиды, Киликии и Сирии, и периодически противостояла ахейским героям и их колонизационным попыткам на западе Анатолии, а сразу после Троянской войны погибла. В реальной истории все это находит себе точные и систематические соответствия в подлинных границах Новохеттской державы, характере ее взаимоотношений с ахейцами и конечной судьбе.

Что побудило греков запомнить Хатти как царство амазонок, т.е. смешать воспоминания о нем с общеиндоевропейским фольклорным сюжетом о сгинувшем «Женском царстве», пропустив отголоски подлинной истории хеттов сквозь призму этого сюжета, не вполне ясно. Возможно, на такое восприятие повлиял тот факт, что роли и главного военного божества, и величайшей хранительницы государства у хеттов играли женские божества — Сауска-Иштар и Солнечная Богиня города Аринна. Кроме того, с точки зрения хеттов, сама их государственность, как уже сказано, была представлена парой великого царя Табарны и великой царицы Таваннанны — мужского и женского воплощений власти, а их владычество мыслилось как соправление параллельных последовательностей лабарн и таваннанн. Наконец, хеттские воины носили длинные, подобные женским, косы (возможно, накладные). Все это должно было поражать эллинов с их сугубо патриархальным менталитетом.

Великое переселение балкано-эгейских народов на Восток и гибель Хеттского царства

Во второй половине XIII в. до н.э. в Балканско-Эгейском регионе начала нарастать нестабильность: балканские

племена сдвигаются на юг, вторгаясь в Грецию и Малую Азию. Мощное нашествие ахейцев на запад Малой Азии в середине XIII в. до н.э. (греческие легенды помнят его как войну Геракла с амазонками) с трудом отразил хеттский царь Тудхалия IV. Как видно из сравнения греческих исторических преданий с хеттскими и египетскими данными, а также с археологическими материалами (доказывающими, кстати, высокую достоверность общих сюжетов этих преданий), в конце XIII в. до н.э. Пелопоннес был опустошен нашествием с севера («первое вторжение Гераклидов» в эллинском эпосе). Тогда произошло первое падение микенских дворцов по данным археологии. Разразившаяся в начале XII в. до н.э. *Троянская война* охватила все западное и южное побережье Малой Азии и положила начало грандиозному переселению народов (так называемых «народов моря»), в котором приняла участие и часть победоносных ахейцев, и население только что разгромленных ими государств, и соседи последних.

По преданию, на исходе Троянской войны южнобалканские племена пеластов (или пеласгов), родственные грекам, и фрако-фригийских «мюсов»-«мушков» (этот этноним передавался в разных традициях как *мис*, *мёс*, *мюс*; в Передней Азии эти племена именовали «мушками») также устремились в Северо-Западную Малую Азию и оказались недалеко от Илиона. В результате столкновений всех этих сил на северо-западе полуострова произошло следующее:

— ахейцы разгромили Илион (археологически это гибель Трои VIIa), но большая их часть после этого вернулась в Грецию, не пытаясь закрепиться в Малой Азии;

— племена «мюс» двинулись опустошительным нашествием в глубь Анатолии на восток, в коренные области Хеттского царства (в науке этот поток принято именовать «восточными мушками», с использованием переднеазиатского написания этнонима этих «мюсов»);

— на северо-западе Малой Азии сформировалась коалиция, куда вошли и какие-то ахейские отряды разрушителей Илиона, и побежденные жители Трояды, и пеласты, и представители других балканско-эгейских народов, причем как воины, так и гражданское население (греческая историческая традиция называет этот конгломерат «смесью» и считает, что возглавляли его ахейские вожди Калхант и Амфилох). Египетские надписи описывают эту коалицию как «северян со

своих островов» (упомянув среди них «дененов», т.е. данайцев-ахейских греков, «пелесет» — пеласгов, или пеластов, «теккер», т.е. тевкров, известное племя в области Илиона и др.), а современные ученые именуют ее «народами моря». Вся эта масса двинулась в поход на Восток, по западному и южному берегу Малой Азии, опустошая их так же, как мушки разоряли внутренние районы полуострова, и частично оседая по дороге.

Вскоре наступающие вошли в хеттские пределы на юге Анатолии. Хеттское царство не пережило этого двойного удара, тем более что в то же время племена касков в последний раз опустошили центральные районы страны. Как и где погибли последние силы хеттского двора, неизвестно. Мушки разгромили Хаттусу и коренные земли хеттов и заняли их, истребив часть населения; этнос хеттов перестал существовать (остатки его были ассимилированы мушками). «Народы моря» захватили Киликию и Кипр, после чего повернули вдоль побережья на юг, разгромили Сирию и побережье Финикии и, наконец, обрушились на Египет, где были отражены *Рамсесом III* (ок. 1190 г. до н.э.) и осели на берегу у рубежей Египта; область их расселения получила в конце концов название по пеластам (пеласгам) «Пелесет» (библейским филистимлянам) — «Палестина». Однако численно среди этих «пелесет» преобладали не передавшие им имя (т.е. доминировавшие у них политически) пеласты, а группа ахейцев с Крита, влившаяся в массу «народов моря»; недаром древнееврейская традиция определяет филистимлян в Ветхом Завете как «критян».

Последствия этого великого переселения народов были многообразны. Восточная Малая Азия была занята племенами фрако-фригийских мушков, продолжавшими распространяться на восток и около 1165 г. до н.э. захватившими бассейн Верхнего Евфрата. В следующие столетия мушки, оставшиеся в бассейне р. Галис, обособились от мушков бассейна Верхнего Евфрата; потомками первых стали каппадокийцы, вторых — армяне (происхождение армян от волны восточных мушков было всесторонне обосновано И.М. Дьяконовым). «Народы моря» осели несколькими анклавами на разных отрезках своего маршрута: ахейцы в Памфилии, на Кипре и в Киликии (восточноахейский мир), пеласты, выходцы с Крита и тевкры — в Палестине, слившись в общность «филистимлян». Последние быстро усвоили местную западносемитскую культуру, а вот восточноахейский мир удержал микенскую

культуру и письменность (позднее смененную другим типом письма) и впоследствии слился с общегреческим.

Новохеттская же государственность погибла навсегда. Лишь Каркемишская ветвь хеттской династии, также пострадавшая от нашествия «народов моря», смогла оправиться и распространить свою власть на хеттские области Сирии и Тавра (ок. 1170 г. до н.э.). Новообразованное государство, с центрами в Каркемише и Мелиде, считалось восстановленным Хеттским царством, однако говорили и писали в нем уже только по-лувийски. К тому же оно вскоре распалось на множество осколков — так называемых позднихеттских царств (Табал, Хилакку, Пиринд и т.д.); в конце VIII в. до н.э. все они были аннексированы Ассирией.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И КУЛЬТУРА ХЕТТОВ

Хеттская мифология

Культура хеттов представляла собой синтез всевозможных элементов: индоевропейских (хеттских и лувийских), хаттских, хурритских и месопотамских. Верховным богом-покровителем государственности считался по индоевропейской традиции бог Грозы, отождествлявшийся с громовниками многих традиций разом, от индоевропейского Пэрвы до хурритского Тессоба (с которым в конце концов его образ и слился). Не меньше почиталась богиня Солнца города Аринны, по происхождению хаттская; ее считали супругой бога Грозы. Популярны были боги и богини плодородия, к числу которых относился и хаттский Телепину — умирающее и воскресающее божество, связанное со сменой времен года. Исключительным влиянием пользовалась хурритская богиня любви, разрушения и войны Сауска, отождествленная с месопотамской Иштар; не исключено, что именно благодаря ее культу хетты превратились в греческих воспоминаниях в полусказочных малоазиатских амазонок. Незначительный бог ворот Апуллона стал, по-видимому, прообразом греческого Аполлона.

В результате постепенной систематизации культов в XV в. до н.э. был создан единый общегосударственный пантеон, состоявший преимущественно из хурритских богов. Его представляют скальные рельефы Язылыкя близ Хаттусы времени правления Тудхалии IV (XIII в. до н.э.), изображающие две

встречные процессии мужских и женских божеств, стоящих на зверях и птицах; судя по всему, они участвуют в обряде священного брака возглавляющих их бога и богини.

Наиболее ярким и значительным из памятников хеттской мифологии является цикл преданий о борьбе богов за престол верховного божества. Он является плодом сложного взаимодействия хурритской и хеттской культур. Изначально верховными богами хурритов были бог Неба, высший по рангу, но почти безвластный, и бог, реально управляющий космосом (это место занимал то бог Солнца, то бог производительной силы Кумарве); они властвовали над миром вдвоем, подобно сакральному и военному вождям. Под влиянием хеттов, у которых верховным богом был бог Грома, хурриты стали почитать в качестве реального космостроителя своего бога Грома — Тессоба.

Сами хурриты осмыслили случившийся у них перенос представления о главном правителе богов с Кумарве на Тессоба как отражение реального переворота на небе, где Тессоб сверг с престола богов Кумарве. Тогда задним числом и отношения бога Неба и Кумарве были переосмыслены по тому же образцу, как результат более раннего переворота Кумарве против бога Неба; в свою очередь, Кумарве, как считалось теперь, узурпировал трон у древнейшего, субарейского божества Алалу (обратим внимание на «банановое» имя). Эта схема была усвоена хеттами и составила основной сюжет новохеттской мифологии, известный по нескольким разрозненным композициям (так что восстановление связной последовательности событий, изложенной ниже, оказывается гипотетичным).

Согласно этому сюжету, когда Кумарве занял престол, изгнав своего предшественника в небеса (отчего тот и стал богом Неба), он в поединке откусил богу Неба мужскую силу и стал оттого чреват своим будущим соперником, богом Грома Тессобом. Бог подземных вод Эа (само имя этого бога хетты и хурриты заимствовали у месопотамцев) помог Тессобу родиться из тела Кумарве так, чтобы тот не убил новорожденного: для этого Эа, угощая Кумарве обедом, подсунил ему в еду волшебный камень Кункунуцци; попав Кумарве в рот, тот пробил его череп, и в образовавшееся отверстие выскользнул наружу Бог Грома, а Камень в благодарность был сам сделан богом.

Эа некоторое время пытался поддерживать мир между Кумарве и Тессобом, получившим удел среди других богов, однако Кумарве все-таки напал на Тессоба. Эа в итоге пере-

шел на его сторону (Эа вообще выступает здесь распорядителем престола богов в периоды затянувшегося соперничества, если одним ударом судьба этого престола не решилась), и ополчение богов, вдохновляемое ими (в нем участвовал почему-то и божественный камень Кункунуцци) разгромило Тессоба. Однако и Кумарве не удержал престола: вместе с Эа он предпочел поставить в новые номинальные цари богов некоего совершенно мирного и безвластного бога-Защитника, в правление которого даже волки не были опасны овцам, а сами хотели направлять его действия.

Однако оказавшиеся в полной безопасности люди перестали приносить жертвы богам, а бог-Защитник стал строптив и не собирался подчиняться советам Эа. В результате Эа порвал с Кумарве и передал престол Тессобу, который, наконец, низверг бога-Защитника. Оказавшийся в изоляции Кумарве бежал в глушь, и там у него от божественной Горы родился мститель Тессобу — чудовишный Улликумме, к плоти которого Кумарве потом примешал еще и камень Кункунуцци (уже помогавший ему недавно в борьбе с Тессобом), который стал телом Улликумме и одновременно закрывал ему глаза.

Кумарве прикрепил своего сына к плечу гиганта Упеллури, держащего свод мира; Улликумме-Камень стремительно вырос и закрыл своей тенью царство богов, нависая над столицей Тессоба. Тессоб бросил против него ополчение богов, но то потерпело полное поражение. В отчаянии Тессоб обратился за помощью к Эа, и он подсказал способ борьбы со слепым чудовищем: незаметно отпилить его от Упеллури! Это предприятие было осуществлено, после чего вторая атака Тессоба на отделенного от своего «фундамента» Улликумме увенчалась полным успехом.

Не успокоившись на этом, Кумарве попытался вступить в союз против Тессоба с Океаном — божеством водного хаоса. Порождение океанских вод, змееподобное чудовище Хедамму, способное проглотить все живое на земле, угрожало теперь царству богов, но Сауска-Иштар зачаровала его своей красотой. После этого Тессоб осилил Океан каким-то магическим оружием, хотя на стороне Океана против Тессоба опять выступали горы — обычные союзники Кумарве. На этом войны богов кончились — все, включая Кумарве, подчинились Тессобу.

Эта запутанная и сложная история, пройдя многозвенный пересказ, попала к грекам и была ими воспринята: греческая мифология, как известно уже из «Теогонии» Гесиода,

также выделяла три поколения богов, свергающих друг друга в борьбе за небеса, причем первый из них — бог Неба Уран, а последний — бог-Громовник Зевс.

Хеттская литература и этика

Среди сохранившихся произведений хеттской литературы весьма интересны назидательные рассказы, а также подробные царские «анналы» и «автобиографии», составлявшиеся, вероятно, писцами, но несущие на себе явный отпечаток личности заказчика-царя. Интересно, что хеттская литература практически не занимается человеком самим по себе, его внутренним миром. Отдельный человек интересует ее почти исключительно как субъект межчеловеческих коммуникаций, своего рода мельчайшая суверенная держава, определенным образом выстраивающая свои взаимоотношения с другими такими же «державами». Здесь хеттов занимает прежде всего направленный поступок, т.е. благо и зло, которое один человек может сознательно причинить другому, и проблема ответа, воздаяния за них со стороны этого другого. От того, какое место занимает человек в этом, так сказать, «взаимообмене» добра и зла, и зависят его восприятие и оценка.

Эта тема поднимается в самых различных текстах хеттов — от назидательных рассказов и авантюрных повестей до царских анналов и переписки. В совокупности эти тексты исследуют практически все варианты отношений людей в рамках системы «поступок—воздаяние». Особый интерес у хеттов вызывало причинение неспровоцированного зла и ответ на него. Здесь они выработали особую этическую концепцию: делом особой доблести, возвышающим человека, считался в этом случае отказ от мести.

Хаттусили I пишет о своей мятежной дочери, схваченной и помилованной им: «Пусть она ест и пьет! Вы же ей зла не делайте! Она делала зло. Я же в ответ ей зла не делаю! Но она меня не назвала отцом, и я ее не называю дочерью своей». Царь Телепину заявляет о своих врагах, покушавшихся его убить: «Пусть идут они себе, и да будут они жить, и пусть едят и пьют. Зла же им никакого не причиняет Телепинус. И так я постоянно говорю: мне сделали зло, я же тем зла не делаю!». Хаттусили III, свергнув своего племянника Урхитес-соба, пощадил его и сделал удельным царьком; даже в ответ

на новый акт враждебности Урхитессоба, попытку бежать за границу, Хаттусили ограничился ссылкой.

Если в конце концов обиженный все же предпринимал справедливую расправу над обидчиком, для него считалось хорошим тоном подчеркивать свое долготерпение, выразившееся в том, что он долго сносил обиды, не желая воздавать злом за зло, но поневоле исчерпал все пределы миролюбия. Хаттусили III пишет об Урхитессобе: «Он мне позавидовал и стал чинить мне зло. ...Семь лет я все терпел. Но он всячески стремился меня погубить. И он отнял у меня Хакписсу и Нерик (последние владения Хаттусили). Тогда я уже больше не стерпел и стал с ним воевать».

Эта концепция не имеет ничего общего с более привычным для нас христианским «всепрощением». У хеттов великодушие к поверженному врагу диктовалось не столько состраданием к нему, сколько стремлением превознестись над ним; из трех корней знакомого нам христианского прощения — обычного человеческого милосердия, смирения и общности с ближним («братством во Христе») — хеттское прощение имеет только первый, а два других его корня христианским прямо противоположны: это гордость и индивидуализм. Это хорошо видно из текста об осаде вражеского города: «Царь тогда сказал “...Будьте осмотрительны! Не то [вражеский] город будет полностью разрушен, и произойдет грех и [неоправданное] опустошение. Если же будешь осмотрителен, город не будет разрушен”... Они отвечали царю: “Мы будем внимательны и избежим греха опустошения города”. Тогда царь сказал им: “Если город совсем погибнет, это будет грех, будет преступление!”. И тогда они отвечали так: “Восемь раз мы шли на штурм, и теперь город хотя и будет разрушен [в ходе столь ожесточенной осады], но греха мы не совершим (так как ожесточенность сопротивления делает разрушение оправданным)”. *И царь был доволен их ответами*» (курсив наш).

Итак, великодушие царя диктовалось вовсе не жалостью к жителям города (он доволен тем, что ему удастся истребить их как можно больше без ущерба для своей чести!), а стремлением не осквернить себя самого, свою честь неоправданной жестокостью. Поэтому прощение ни в какой степени не считалось обязательным: оно было доблестью сверх нормы, а нормально достойным ответом на зло была как раз полномасштабная месть. Тот же Хаттусили I заявлял: «На вражду я отвечаю враждой!».

Правда, если обидчик успевал сам отдалиться в руки обиженного, признать свою вину и просить о милости, прощение считалось почти обязательным. Такого прощения просит (собственно, почти требует) Мурсили II у богов в своей «Молитве во время чумы», приводя слова: «Этот грех я признал воистину перед богами... Это истинно так, мы это сделали. Но после того как я признал грех, да смягчится душа богов. ...Я так скажу об этом: “Если раб совершает какой-либо проступок, но проступок этот перед хозяином своим признает, то тогда что с ним хозяин хочет сделать, то пусть и сделает. Но после того, как он перед хозяином проступок свой признает, хозяин его смягчится, и хозяин того раба не накажет.”». Смысл этого пассажи целиком укладывается в русскую поговорку «Повинную голову меч не сечет». Сам Мурсили не только просил, но и с охотой давал такого рода прощение капитулирующим врагам, всячески подчеркивая это в своих летописях и договорах.

С этой же концепцией связано типичное для хеттов противопоставление «плохих» и «хороших» людей, причем первые при прочих равных окажутся сильнее: «Если хорошие люди одни не живут, а плохие люди с ними вместе оказываются, то плохие люди начинают нападать на тех, кто понимает добро, и те погибают». Это и понятно: «хорошие» люди, никогда не нападающие первыми, долготерпеливые, соблюдающие обычаи «правой вражды», склонные к прощению врага и считающие такое прощение почти обязательным в случае признания им своей вины (пусть даже вынужденного) — окажутся в неизбежном и систематическом проигрыше перед «плохими» людьми, никакими правилами себя не сковывающими. Компенсировать открывающуюся «разность потенциалов» у хеттов должна была власть бога и царя. Характерно, что именно такую задачу возлагают подданные на Тудхалию IV, упрекая его (как повествует он сам) в следующих выражениях: «Солнце, наш господин! Ты истинный воин! Но по суду ты ничего рассудить не успел. Смотри, из-за этого плохие люди хороших людей совсем уже прикончили!».

Царь и подданные у хеттов

Новохеттская монархия, типичная абсолютная монархия Ближнего Востока, дает хорошую возможность понять, что же на самом деле кроется за расхожим выражением «восточная

деспотия». Вопреки ожиданиям современного читателя, она оказывается принципиально не схожа с представлением о самодовлеющем государстве, где царь априорно прав, а повиновение ему является безусловным тотальным долгом. Царь Хатти — абсолютный правитель в том смысле, что его деятельность не может быть обжалована ни в какой земной инстанции, а его компетенция никаких конкретных ограничений со стороны какой бы то ни было формальной нормы не получает. Однако в отличие от позднейших теоретиков персидской и эллинистических империй никто здесь не считает, что «все, что идет от царя, должно почитаться справедливым».

Царь — это высший исполнитель нормы, но никоим образом не ее источник. Поэтому хеттский подданный (независимо от ранга) может не соглашаться с царем, осуждать его решение, предлагать поправки к нему или высказывать к нему претензии. Это считается естественным и не ставит такого подданного в антагонистическое положение по отношению к царю и возглавляемому им режиму, не делает его «отщепенцем». Такие эпизоды включаются даже в царские анналы. Так, Мурсили II сообщает, как военачальники отговорили его от похода, затеянного им в неподходящее для военных действий время; к Тудхалии IV, как мы только что видели, подданные обращаются с претензией по поводу его недостаточного внимания к судебным делам, и он исправляет положение, не усматривая ничего странного в том, что подданные указывают ему, что делать.

В подлинной, той же эллинистической деспотии царь стоит выше любой этической оценки. Царь не должен пребывать «в страхе перед людскими законами и укорами, а ему подобает стать для людей законом и мерилom справедливого», как передает этот принцип Плутарх. У хеттов, напротив, царей постоянно и нормативно оценивают, и сами цари считают нужным оправдывать свои действия перед лицом подданных, доказывая, что они соответствуют принципам обычной морали. Обширное самооправдание узурпатора *Хаттусили III* было рассчитано именно на условия этической, хотя и не политической подотчетности царя подданным; характерно, что хеттские цари пространно разъясняют народу те или иные предпринятые им реформы, рационально оправдывая их интересами всего общества.

Самый яркий показатель связан с возможностью настоящего бескомпромиссно мятежного выступления против ца-

ря. В истинной деспотии такое выступление заведомо стоит за пределами любой нормы. Напротив, в государстве Хатти есть четкое представление о «плохих царях», прямое ниспровержение которых вполне оправдано. Разумеется, речь идет о чрезвычайной ситуации, которая не может быть заранее формально прописана и для разрешения которой не существует регулярных механизмов, но само ее возникновение вполне предусмотрено. Поэтому хеттские цари Телепину и Хаттусили III официально оправдывают свою узурпацию трона тем, что свергнутые ими предшественники собирались несправедливо и безвинно их погубить. Это считалось достаточным основанием для мятежа — иными словами, речь идет фактически о концепции необходимой самообороны против царя при определенных условиях!

Еще красноречивее признание Указа Телепину: «Какой царь будет делать зло своим братьям и сестрам, тот отвечает своей царской головой. Тогда созовите совет, пусть он своей головой искупит зло. Тайно же его пусть не убивают!». Этот пример — уникальный; в Новохеттский период этот закон не действовал и был бы даже и немыслим, но сам Указ по-прежнему старательно копировался в царских архивах, иными словами, если не данный конкретный закон, то общий подход к царским прерогативам, выраженный в нем, вполне отвечал новохеттским представлениям.

Итак, мы имеем дело с особой моделью монархии, при которой, с одной стороны, царь наделяется властью, не ограниченной никакими заранее определенными, предусмотренными по формальным признакам границами. Но тот факт, что сами эти пределы есть, признается всеми, их только нельзя формально и заранее определить (сравните с таким же современным понятием о преступном приказе командира!). При этом царская власть считается вторичной, функциональной, оправданной тем, что она необходима самим людям, образующим управляемую им страну; нормы общежития, носителями которых является все общество, рассматриваются как стоящие над ним; относительно этой нормы царь подлежит сознательной и санкционированной культурой оценке подданных и может оказаться преступен, а в этом случае оправданны действия против него (обличение, низвержение). Царь и сам признает высший авторитет этой нормы и стремится доказать обществу свой высокий рейтинг в заданной им системе координат и

обосновать или оправдать свои действия перед подданными. Для подобной власти есть точная и последовательная аналогия: это власть главнокомандующего на войне, но это никоим образом не власть «деспота». Военачальник также наделен неограниченными полномочиями, но и он, и его подчиненные твердо знают, что сей порядок установлен нерушимо исключительно ради самих подчиненных и их суть — не армия для командующего, а он для армии. Именно такая модель монархии действовала в древности по всему Ближнему Востоку.

МАЛАЯ АЗИЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Фригийцы и Фригийское царство

Балканские племена, именовавшие себя фригийцами (мигдоны, аскании, берекинты), переселились в Малую Азию в середине XIII в. до н.э. В середине XII в. до н.э. еще одно балканское племя причерноморских бригов переправилось в Малую Азию и частью вытеснило, частью ассимилировало фригийцев первой волны. Новая общность сохранила название «фригийцев», которые создали раннее царство, а около 1120 г. до н.э. окончательно разрушили злосчастный Илион (гибель «Трои VII62») и захватили еде-еле воспрявшую Трояду; в конце XII — XI в. до н.э. это царство, по-видимому, покрывало нагорную полосу от Дарданелл до бассейна озера Туз. К концу IX в. до н.э. Фригия, вероятно, подчинила своему влиянию восточное побережье Эгейского моря, а в первой половине — середине VIII в. до н.э. достигла наивысшего расцвета, завоевав сопредельные земли юга (Лидия) и востока (плато Конья и бассейн Галиса, заселенные предками каппадокийцев). В итоге фригийским царям покорилась практически вся Малая Азия до гор Тавра (кроме южного побережья и Понта).

Согласно позднему преданию, основателем этого великодержавия был некий Гордий (ок. 750 г. до н.э., в действительности это имя, как и имя «Мидас», носило несколько фригийских царей) — выходец из крестьян, который сумел овладеть «всей Азией» и опрометчиво завязать знаменитый «гордиев узел»; тот, кто сумел бы его развязать, мог стать новым покорителем Азии (как известно, в 334 г. до н.э. узел разрубил Александр Македонский, действительно покоривший после этого всю известную грекам Азию).

При сыне Гордия Мидасе I (ок. 725—696 гг. до н.э.) Фригия переживает наивысший расцвет; этот царь так славился своим богатством, что по другой греческой легенде одно его прикосновение превращало в золото любой предмет. Около 717 г. до н.э. Мидас подчинил княжества Тавра и Киликии и вступил из-за них в войну с Ассирией, заключив против нее союз с Урарту; однако вследствие внезапно начавшегося вторжения кочевников — ираноязычных киммерийцев с северо-востока и фракийцев-треров с запада — уже в 713 г. до н.э. Фригия, отброшенная на исходные рубежи, была принуждена к миру с Ассирией. С этого момента начинается закат Фригии. Мидас II (ок. 685?—675 гг. до н.э.) еще пытался лавировать между Ассирией, ее непокорными вассалами, Урарту и продолжавшими свои набеги киммерийцами. Но в 675 г. до н.э. войска фригийцев были окончательно разгромлены союзными силами киммерийцев и Урарту. Фригийская держава утратила большую часть владений, а ее остатки до середины VII в. до н.э. страдали от нападений киммерийцев, а в конце того же века подчинились Лидии.

В воспоминаниях древних греков Фригия навсегда осталась первой известной им «великой», «всеазиатской» державой, а фригийская религия с ее культами Аттиса и Великой Матери Кибелы оказывала сильнейшее воздействие на античную культуру вплоть до римских времен.

Лидийское царство

Корни лидийской государственности восходят, по-видимому, к началу XII в. до н.э.. Лидия была создана вскоре после эгейско-балканских нашествий начала этого столетия двумя группами населения: хеттскими колонистами и местным лувийским племенем меонов. Лидийский язык ближе к хеттскому, чем к лувийскому. Лидийское царство со столицей в Сардах охватывало долину реки Герм. Богатство Лидии опиралось на плодородные долины золотоносных рек Западной Малой Азии.

В VIII в. до н.э. Лидия подчинялась фригийцам. Около 685 г. до н.э. престол захватил царский дружинник Гиг (Гуг), основавший новую династию Мермнадов, при которой Лидия возвысилась до могучей державы. С разгромом Фригии киммерийцами в 675 г. до н.э. Лидия обрела было независимость, однако вскоре киммерийцы обрушились и на нее. Гиг вынужден был обратиться за помощью к Ассирии и, признав

формально верховную власть *Ашшурбанапала* (667 г. до н.э.), в союзе с ним отразить удары киммерийцев. В благодарность немедленно после этого (ок. 654 г. до н.э.) правитель отложился от Ассирии и заключил военный союз с Египтом, который сам только что сверг ассирийское иго; этот союз оставался в силе вплоть до конца лидийской истории. В середине VII в. до н.э. Гиг завоевал Троаду, Мисию, Карию и часть Фригии. С этого времени заветной целью Лидии стало покорение греческих городов малоазиатского побережья Эгейского моря. Уже сам Гиг воевал с Милетом и Смирной и захватил Колофон. Однако в 644 г. до н.э. киммерийцы разорили Сарды; Гиг был зарезан, а его преемник вынужден был вновь идти на поклон к Ашшурбанапалу, после чего, как уже говорилось выше, киммерийцы были разгромлены союзниками ассирийцев скифами (ок. 643 г. до н.э.).

Скифо-ассирийская война (конец 30-х годов VII в. до н.э.) позволила Лидии восстановить полную независимость, и конец столетия стал временем ее безудержной экспансии на восток, где около 600 г. до н.э. царь Лидии Алиатт контролировал уже все «фригийское наследство» (в том числе остатки киммерийцев на р. Галис), города Понта и Киликийское царство (Табал). Развивая эти успехи, в конце 90-х годов VI в. до н.э. Алиатт вторгся в сферу влияния Мидии; на его сторону перешли древнеармянское царство Армина и часть подвластных мидянам скифов. Разразилась мидо-лидийская война (ок. 590—585 гг. до н.э.), в ходе которой мидийскому царю Киаксару удалось оттеснить лидийцев за р. Галис, а Киликия и Понт восстановили независимость. Солнечное затмение 28 мая 585 г. до н.э. напугало врагов и заставило их сменить войну союзом, установив границу по Галису.

После этого Алиатт вновь обратился на запад, покорил карийское, пафлагонское и вифинское побережья и снова взял Колофон. Наконец, лидийскому царю Крёзу (561—547 гг. до н.э.) удалось завершить покорение всех азиатских греков, после чего в составе Лидии оказалась вся Малая Азия к западу от Галиса, кроме Ликии.

В середине VI в. до н.э. Лидия достигла наивысшего могущества. Золотоносная р. Пактол позволила лидийцам первыми в мире в VII в. до н.э. начать чеканку монеты из электра, природного сплава золота и серебра, а в VI в. до н.э. — из золота; недаром в пословицу вошло выражение «богат как Крёз». Военные

успехи династии Гига прогремели на всю Переднюю Азию и отразились в библейском образе северного колосса «Гога и Магога» (т.е. «(рода) Гига и страны Гига») — Лидии. Греки считали Крѐза самым удачливым («счастливейшим») человеком в мире.

В 547 г. до н.э. Крѐз двинулся за Галис против персидского царя Кира, однако принужден был отступить и потерпел полное поражение при Сардах. Победители чудом помиловали его, но Лидия была аннексирована Ахеменидами. По преданию, перед походом оракул Аполлона предсказал Крѐзу, что перейдя Галис, он разрушит великое царство; понадеявшись на это предсказание, царь и начал войну. Предсказание оправдалось: Крѐз разрушил собственное великое царство.

Лидия была достаточно архаичной военной державой, чей общественный строй держался на налоговой государственной эксплуатации свободного населения. Царь опирался на гвардию-дружину и регулярную армию. Лидия славилась своей кавалерией. Значительную роль играли царские соправители из аристократических родов. При царе существовали аристократический совет и народное собрание, что весьма напоминает древнехеттскую практику.

Лидия вошла в историю также как страна исключительной музыкальной культуры, из глубин эллинского эпоса до нас дошли мечтательные отголоски «лидийской музыки», рождавшей на «лидийских инструментах», «лидийские напевы».

ХУРРИТСКИЙ МИР II—I ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н.Э.

В XVIII—XVII вв. до н.э. Армянское нагорье стало ареной миграций, вызванных движением индоевропейских племен из-за Кавказа. Одна из групп таких индоариев была известна в Передней Азии как «умман-манда» («воины-манда»). Это была вторая волна северных прикавказских насельников, именуемая так в Месопотамии; первая, как мы помним, имела место в XXIII в. до н.э., во времена Нарам-Суэна, а в последний, третий раз, месопотамские источники прилагали это название к ираноязычным кочевникам-скифам в VII в. до н.э. Переднеазиатские «умман-манда» XVIII—XVII вв. до н.э. осели на Верхнем Евфрате.

Движение индоариев вызвало цепную реакцию, распространявшуюся в общем направлении с северо-востока на юго-запад

и вовлекшую в свою орбиту хурритов, живших у южного предела Армянского нагорья. Вместе с индоариями, попавшими в их среду (и, возможно, передавшими им особые коневодческие и колесничные навыки), хурриты двинулись в страны Плодородного Полумесяца, и их племенные группы и династии расселились и пришли к власти на большей части территории Сирии-Палестины, Верхней Месопотамии, Северного Загроса и Юго-Восточной Малой Азии (вторая половина XVIII — начало XVII в. до н.э.). В Палестину, в частности, вместе с хурритами добрались какие-то индоевропейские группы, и еще в амарнской переписке упоминаются южнопалестинские князья с индоарийскими именами. В течение четырех столетий в границах этого огромного пространства развивалась особая цивилизация хурритов, служившая полем синтеза и передачи влияния самых разнообразных культур Ближнего Востока (особенно месопотамской). Колесничные армии, созданные хурритами, давали им беспорное преимущество над соседями.

Переселения балканцев-мушков на восток (первая половина XII в. до н.э.) и арамеев на север (вторая половина XI в. до н.э.) резко сократили этнический ареал хурритов, сведя его к долинам Чороха и Верхнего—Среднего Тигра. Последним независимым государством хурритов суждено было стать верхнетигрской Шубрии (хурритское самоназвание «Хурри»). Маленькая Шубрия пыталась воплощать единство погибшей хурритской ойкумены, но была уничтожена ассирийцами в 673 г. до н.э. Хурриты, однако, оставались одним из крупнейших этносов Армянского нагорья и в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. были известны своим соседям под именем «матиенов», т.е. «митаннийцев» как свидетельство памяти об их блестящем прошлом.

Реликтовые хурритские государства продолжали существовать и в последующие века (приурмийская Манна с хурритской династией — до аннексии мидянами ок. 590 г. до н.э., княжество Кордуэна на исконной горной прародине хурритов при Верхнем Забе — до армянской ассимиляции уже в раннесредневековые времена), но лишь в качестве вассалов или автономных провинций других держав. Этнос хурритов был ассимилирован ираноязычным населением на протяжении второй половины I тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э. Из существующих в наше время народов к хуррито-урартам по языку ближе всего чеченцы и ингуши.

Крупнейшим памятником хурритской культуры является мифологический эпос о смене царствований на небесах, крайне близкий по ряду сюжетов «Теогонии» Гесиода. По-видимому, именно хурриты впервые создали весь этот миф, и от них он попал, через финикийское или анатолийское посредничество, к грекам.

Возвышение и могущество Митанни

Среди хурритов была широко распространена концепция хурритского всеединства, и их ведущие государства принимали наименование «Хурри» в знак претензий на практическое осуществление такого единства. Крупнейшим хурритским государством того времени стал верхнемесопотамский Хурри-Ханигальбат, основанный на территориях, отторгнутых у амореев. Ожесточенная борьба этого политического образования с Древнехеттским царством (середина XVII — начало XVI в. до н.э.) истощила силы обеих сторон, и этим воспользовались индоарийские группы «манда». Они захватили власть в Хурри-Ханигальбате, основав тем самым государство Митанни (собственно Майттане, ок. 1560—1260 гг. до н.э.), сохранившее, впрочем, и старые наименования.

Столица Митанни располагалась в Вассокканне, городе в верховьях Хабура, до сих пор не обнаруженном археологами. Хотя индоарийский элемент в Митанни, включая царский род, был в основном ассимилирован местным населением уже в середине II тысячелетия до н.э., митаннийские цари вплоть до конца своей истории продолжали принимать тронные индоарийские имена и поклоняться индоарийским богам — покровителям династии (Индре, Митре-Варуне и Насатьям). Верховным богом — покровителем государства в целом выступал, однако, хурритский бог Грома Тессоб; наряду с ним исключительным почитанием пользовалась Сауска-Иштар. Центры их культа — соответственно Кумме на Верхнем Забе и Ниневия (тогда хурритский город) — располагались на востоке, в исконных областях хурритов.

В конце XVI в. до н.э. при царе Суттарне I Митанни превратилось во всехурритскую империю, чье владычество простиралось от Загроса и Ниневии до Северной Сирии. С этого момента на протяжении полутора столетий оно являлось сильнейшей военной державой Передней Азии. Проникновение в Сирию

привело Митанни к столкновению с Египтом, стремившимся к безраздельному господству над Восточным Средиземноморьем. Три четверти века почти непрерывных войн с Египтом (конец XVI — конец XV в. до н.э.) составляют наиболее яркий этап митаннийской истории. Уже Тутмос I напал на сирийские владения Митанни и отбросил его за Евфрат. Правда, при царе Парратарне (ок. 1475 г. до н.э.) Митанни, воспользовавшись временной слабостью Египта, покорило все Восточное Средиземноморье от Киликии до Центральной Палестины, но Тутмос III в серии кровопролитных кампаний оттеснил их далеко на север.

Одно время войска фараона достигали Евфрата и даже разорили его митаннийский берег, однако закрепиться здесь им так и не удалось. К концу правления Тутмоса III, в середине XV в. до н.э., египто-митаннийский рубеж пролегал в районе Кадеша. Около того же времени митаннийский царь Сауссадаттар разгромил Ашшур (пытавшийся незадолго перед тем связаться с египтянами) и превратил его в своего вассала. Аменхотеп II возобновил борьбу с Митанни, но после первых успехов оказался отброшен на юг в Палестину и вынужден был заключить с Митанни невыгодный для себя мир (ок. 1430 г. до н.э.). Хотя надписи фараона, по своему обыкновению, преподносят это событие как изъявление покорности со стороны Митанни, они подчеркивают экстраординарность мирного соглашения Египта с этой страной как «происшествия, неслыханного со времени богов».

Не смирившись с поражением, Аменхотеп II к концу своего правления вновь двинулся против Митанни и захватил Халпу в Северной Сирии, однако его преемник Тутмос IV вынужден был закончить эту войну компромиссным миром с митаннийским царем Ардадамой I (ок. 1410 г. до н.э.). Южная Сирия осталась за Египтом, Северная отошла к Митанни. Заключенный вскоре митаннийско-египетский союз, к которому присоединилась Вавилония, навсегда подвел черту под эпохой египто-митаннийского противоборства и заложил основы так называемого «амарнского» международного порядка в Передней Азии (первая половина XIV в. до н.э.).

Общество и власть в Митанни

Общество Митанни, по-видимому, делилось на военно-бюрократическую верхушку, или двор (вельможи, т.е. старшая дружина, основная служилая масса воинов-«марианне»,

представители царя за рубежом, и условно относившиеся сюда же по признаку личной зависимости от царя вассальные владетели), и землю, т.е. совокупность обложенных податью самоуправляющихся общин. Последние имели единое представительство в масштабах всей страны, частично разделявшее с царями властные полномочия. Этой уникальной для Древнего Востока чертой политического строя Митанни было обязано, вероятно, пришлому характеру правящей верхушки, обусловившему ее относительную изоляцию.

В хурритских странах существовали крупные дворцовые и храмовые хозяйства. Характерно отсутствие значительного слоя «царских людей» (илотов, крепостных): работниками царского хозяйства оказываются либо дворцовые рабы (как правило, из числа пленников), либо привлеченные в порядке выполнения повинности свободные. Известны территориальные сельские общины «алу» и большесемейные домовые общины «димту» (дословно «башни», названные так по типичному обиталищу каждой большой семьи). Общинная земля рассматривалась, по общим правилам, как неотчуждаемая собственность общины в целом, и получить к ней доступ можно было только путем «усыновления» реального покупателя земли одним из общинников.

В третьей четверти II тысячелетия до н.э. имущественная дифференциация, ростовщичество и долговая кабала привели к значительному разложению общин при внешнем сохранении их структуры. Богатые и знатные люди в форме «усыновления» (некоторые «усыновлялись» в сотнях разных семей одновременно) проникали в общины, отделяли купленную или полученную за долги землю от основного общинного фонда, эксплуатировали членов «усыновившей» их домовой общины. Относительная слабость хурритского государства и государственного хозяйства способствовала бурному развитию частной эксплуатации в пределах общинного сектора экономики.

Верховная власть в Митанни осуществлялась царем и его помощником-«синагилой» («вторым после царя»). Эту должность занимал престолонаследник-главнокомандующий, обычно один из царевичей. Такая конструкция власти отражала, с одной стороны, военный, а с другой — архаический родовой характер митаннийской государственности. Основой могущества Митанни было колесничное войско, укомплектованное служилыми воинами — «марианне».

Хетто-митаннийские войны и падение Митанни

Еще в середине XV в. до н.э. начались хетто-митаннийские войны в Сирии, приходившиеся, по-видимому, на промежутки между египетскими вторжениями в этот регион. Их временно привел к концу митаннийский царь Ардадама I, нанеся хеттам катастрофическое поражение и отодвинув границы Митанни в Малой Азии вплоть до Тавра и Верхнего Галиса (конец XV в. до н.э.). Рубеж XV—XIV вв. до н.э. был, таким образом, временем наибольшего расцвета Митанни. Союз с Египтом скреплялся династическими браками. Тутмос IV и Аменхотеп III женятся на митаннийских царевнах, а сами отправляют в Митанни богатые дары золотом.

Однако династический кризис и дворцовые смуты начала XIV в. до н.э., а затем и ухудшение отношений с Египтом существенно ослабили Митанни (в это время, например, от него навсегда отлагается Ашшур) и позволили хеттскому царю *Суппилулиуме I* вновь выступить против него. В итоге Суппилулиума отобрал у Митанни Сирию и организовал интервенцию в само Митанни, которое призвало на помощь ассирийского *Ашшурубаллита I*. Так началось полустолетнее хетто-ассирийское противоборство за контроль над Верхней Месопотамией.

Суппилулиума смог было возвести на митаннийский престол своего ставленника митаннийского царевича Саттивасу, оттеснив антихеттскую партию и ее ассирийских союзников на восток страны, но вскоре Митанни вновь перешло под власть антихеттской партии, опиравшейся на союз с Ашшурубаллитом. В ходе этих событий великая Митаннийская держава перестала существовать. Ашшурубаллит удержал и аннексировал восточные районы страны, включая Ниневию (именно тогда номовое государство Ашшур превратилось в территориальное царство Ассирию), а окраинные владения были утрачены.

Отныне Митанни превратилось в незначительное северомесопотамское царство, контроль над которым оспаривали друг у друга ассирийцы и хетты. Безуспешно пытаясь лавировать между ними (но тяготея преимущественно к хеттам), Митанни было в конце концов уничтожено ассирийским царем Салманасаром I около 1260 г. до н.э. Хетты, впрочем, не оставили попыток отбить у ассирийцев хурритскую Верхнюю Месопотамию, и окончательно эти области перешли к Ассирии только в XII в. до н.э., уже после падения Хеттской державы.

Урарту — от племенного союза к военной державе

Урартские (уруатрийские) племена, родственные хурритам, но обособившиеся от них еще к середине III тысячелетия до н.э., заселяли бассейн озера Ван и область истоков Верхнего Заба. Около 1300 г. до н.э. большая часть урартов составила племенной союз Уруатри, который в XIII—XI вв. до н.э. периодически сталкивался с ассирийцами. В X—IX вв. до н.э. этот союз при неясных обстоятельствах, вероятно, со сменой или сменами ведущей племенной группы, пройдя через напряженную оборону от череды ассирийских нашествий середины IX в. до н.э., превратился в прочное раннее государство с официальным наименованием Биайнели («Ванское»); ассирийцы, а вслед за ними и современные исследователи, называют его по-прежнему «Урарту». Центр государства располагался на восточном берегу озера Ван, где стояла урартская столица Тушпа (или Туршпа).

Еще одна группа урартских племен, продвинувшись к югу, создала около XI—X вв. до н.э. в долине Верхнего Заба государство Муцацир, где размещалась главная общеурартская религиозная святыня — храм бога Халди в г. Ардини.

Урарту складывалось в типичную военную державу, в годы расцвета существовавшую ради непрерывных походов, целью которых была прежде всего добыча, приобретение данников и захват пленных (значительное число которых умерщвлялось, так как слабое развитие хозяйства страны не способно было востребовать их труд); прямые аннексии территорий диктовались в основном стратегическими соображениями. Почти вся деятельность Урартского государства протекла в войнах с Ассирией, которые в значительной степени и вызвали его к жизни. Характерно, что урарты очень широко копировали ассирийскую военную и административную, а иногда и культурную практику, и в каком-то смысле вся их государственность была сколком с Ассирии.

Для общественного строя урартов характерны обширные и многочисленные царские хозяйства, их центрами часто становились города-крепости, в цитаделях которых размещались гигантские хранилища государственных запасов продуктов, оружия и утвари. Главной трудовой силой в царских и храмовых хозяйствах были государственные рабы. Со всей территории

державы собиралась дань. Верхушку общества образовывала служилая знать, большинство населения составляли свободные общинники. Держава включала множество полузависимых царств и племен. Для культуры урартов (как и хурритов) характерна тяга к тяжелой пышности и декоративности.

Урартские завоевания

Царь Урарту Ишпуини (825—810 гг. до н.э.) и его соправитель и наследник Менау (810—786 гг. до н.э.) перешли в решительное наступление против Ассирии, захватили ее верхнеевфратские и верхнетигрские владения, подчинили Муцацир, аннексировали богатый западный берег озера Урмия, ставший второй экономической базой страны, и начали наступление на север, в Закавказье, опираясь на основанный ими военный центр у горы Арарат.

Грозный правитель Урарту Аргишти I (786—764 гг. до н.э.) полностью парализовал ассирийское сопротивление, распространил свое влияние на западе за Евфрат, на позднехеттскую область Мелида (совр. Малатия на Верхнем Евфрате), а на востоке — на весь приурмийский бассейн вплоть до реки Диялы. На севере при нем в состав Урарту были включены закавказские территории вплоть до Чороха, истоков Аракса и Куры и озера Севан, где царь повелел основать крепости Эребуни и Аргиштихинели, которые образовали третью административно-хозяйственную базу Урарту наряду с округой Тушпы и приурмийским районом. Ассирийцы настолько боялись Аргишти, что со скрежетом зубным признавали его «урартом, чье именование страшно, как тяжелая буря».

Развивая успехи Аргишти, его преемник Сардури II (764—735 гг. до н.э.) включил в сферу влияния Урарту союз позднехеттских государств в Северной Сирии, однако вынужден был вести ожесточенную борьбу в приурмийском районе, а затем проиграл решительную войну с Ассирией (743—735 гг. до н.э.). В итоге в бассейне Урмии образовалось откровенно враждебное Урарту царство Манна во главе с хурритской династией; Сирия и области Верхнего Тигра перешли к Ассирии; ряд областей, покорных Урарту, восстановили свою независимость.

Руса I (735—713 гг. до н.э.) консолидировал положение и, свернув на время борьбу с Ассирией, расширил урартские владения на северо-востоке в Закавказье, а затем смог отра-

зять нашествие киммерийцев с севера. Однако попытки Русы вырвать из-под ассирийского контроля Муцацир и Манну привели его в конце концов в 714 г. до н.э. к прямой схватке с ассирийским владыкой Саргоном II, который полностью разгромил и Урарту, и Муцацир. Руса покончил жизнь самоубийством, и Урарту больше никогда не поднимало меч на своего главного врага. Преемники Русы пытались с известным успехом распространять свои завоевания по другим направлениям — на восток, к берегам Каспийского моря при Аргишти II в 90-х годах VII в. до н.э. Впрочем, большая часть этих территорий была утрачена, когда сюда около 680 г. до н.э. вторглись скифы. Устремляясь на запад, против владений Фригии и государств Тавра, при Русе II в 70-х годах VII в. до н.э. урарты пытались опереться на союз с киммерийцами.

Древнейшее армянское царство

Переломным рубежом урартской истории стало опустошительное нашествие скифов, врагов киммерийцев и союзников Ассирии (середина 40-х годов VII в. до н.э.); ослабевшему и территориально урезанному Урарту пришлось признать себя ассирийским вассалом (643 г. до н.э.). В этом качестве Урарту было втянуто на стороне Ассирии в еще более ослабившую ее войну с Вавилонией и Мидией (616—610 гг. до н.э.), покорилось последней (около 610 г.), а затем было напрямую аннексировано мидянами около 590 г. до н.э. в ходе лидийско-мидийской войны. Точно такими же были перипетии, постигшие в середине VII — начале VI в. до н.э. Манну. Еще до этого рядом с Урарту выросло могущественное древнеармянское царство Армина.

Как упоминалось, в XII в. до н.э. регион Верхнего Евфрата оказался занят фрако-фригийскими племенами «восточных мушков», пришедших с Балкан. Частью они основали здесь собственные княжества, а частью селились на территории соседних местных государств, признавая их власть. В первой половине I тысячелетия до н.э. на основе этнической общности верхнеевфратских мушков сложилась древнеармянская народность; античная традиция еще сохраняла утраченную позднее память о происхождении армян, заявляя в краткой форме, что они — отселенцы от фригийцев.

Историческая традиция армян удержала предание о борьбе их предков с ассирийской царицей Шаммурагат-Семирамидой

(ок. 800 г. до н.э.); его реальной исторической основой являлась оборона верхнеевфратских мушков от ассирийских нашествий IX в. до н.э. С течением времени основным центром сосредоточения древних армян стало позднехеттское царство со столицей в Мелиде при Верхнем Евфрате, официально именовавшееся «Хатти». По-видимому, во времена нашествия скифов (ок. 630 г. до н.э.) и не без их участия власть в Мелиде перешла к армянской династии Ервандидов; тем самым было создано первое древнеармянское царство, сохранявшее старое название «Хатти» (откуда самоназвание армян «хай-к»), а соседям известное как «Армина» (откуда привычное античное «Армения»), по одной из его пограничных областей Арме. В свою очередь Арме получило свое наименование по группе арамеев, пришедших сюда во время своего великого переселения из Сирии к верховьям Тигра во второй четверти — середине XI в. до н.э.

В конце VII — начале VI в. до н.э. в период утверждения мидян на Армянском нагорье Армина расширила свою территорию на восток, за счет гнущего Урарту, но должна была, после нескольких столкновений, окончательно признать свою зависимость от Мидии, сменившуюся затем зависимостью от Ахеменидов. Восстав в 522 г. до н.э. против них, Армина была разгромлена и превращена персами в сатрапии. В V—IV вв. до н.э. большинство населения Армянского нагорья было ассимилировано армянами, но часть урартов сохраняла свой язык до конца I тысячелетия уже нашей эры. Тогда, наконец, остатки урартов и хурритов растворились в среде ираноязычного населения. Сформировавшийся в результате этой ассимиляции ираноязычный, но фактически хуррито-урартский по физическому происхождению народ, — это и есть знаменитые курды (сам этноним курдов — иранский, он происходит от названия иранского племени куртиев-киртиев, расселявшегося на стыке Иранского и Армянского нагорий еще в середине I тысячелетия до н.э.).

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И АРАВИЯ

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

По традиционному, восходящему к грекам географическому делению, в регион Восточного Средиземноморья, простирающегося от предгорий Тавра и большой излучины Евфрата до Синайского полуострова, входят географические регионы Сирия (с горами Аманус на севере и хребтами Ливан и Антиливан на юге) и Палестина; полоса побережья выделяется в регион Финикию. Во II тысячелетии до н.э. Палестина и южные районы Сирии (с соответствующим отрезком Финикии) рассматривались как регион Ханаан («Кенаан, Кинаххи»), а прочая Сирия — как продолжение Западно-Центральной Верхней Месопотамии и Сирийской степи, объединенное с ней под общим наименованием («Амурру», «Хурри», «Нахрайна»).

Водных ресурсов здесь мало, самые большие реки — это Иордан в Палестине и Оронт в Сирии. Рельеф и бесплодные районы делили Восточное Средиземноморье на множество отдельных микрорегионов. Обилие удобных бухт поощряло развитие мореплавания. Степные и пустынные пространства на рубежах Аравии служили местом обитания скотоводческих племен, то и дело вторгавшихся в плодородные оазисы.

Сама Аравия делилась в древности на три региона, известные античным авторам как Аравия Каменистая (Северо-Западная), Аравия Пустынная (Центральная и Северная, куда включалась иногда Сирийская степь вплоть до границы Сирии-Палестины и течения Евфрата) и Аравия Счастливая (Южная, где было возможно развитое земледелие).

Хозяйственная и геополитическая база для создания крупного объединенного государства здесь отсутствовала, а периодические волны миграций с эпицентром в полупустынях и степях Аравии существенно тормозили развитие регионов. Залежи медной и железной руд, обширные леса, в том числе знаменитые ливанские кедры, а в дальнейшем и выход к торговым путям притягивали сюда алчные взоры Двуречья и Египта. В VIII—IV тысячелетиях до н.э. население Восточного Средиземноморья и Северной Аравии составляли племена — наследники носителей местной мезолитической культуры, так называемой натуфийской. Уже в IX—III тысячелетиях до н. э. натуфийцы собирали дикорастущие злаки. В среде их потомков осуществился переход к земледелию, известный по культуре Иерихона (VII тысячелетие до н.э.).

Одно из поселений натуфийской культуры раскопано на берегу озера Хуле на севере современного Израиля. Оно характерно для своего времени — небольшие овальные в плане полуземлянки, стенки которых обмазаны глиной с песком и мелкими камнями. Полы были выложены каменными плитами. Вероятно, жилища перекрывали конструкциями из тростника или дерева. В пределах жилищ найдены погребения жителей. Обитатели селения занимались рыболовством и сбором диких злаков.

В более позднее время, уже в неолите, во второй половине IX—VIII тысячелетии до н.э. площади поселений в Палестине и Сирии увеличиваются, хотя они остаются небольшими — двух-трех гектаров. Дома продолжают строить круглыми в плане, но затем они становятся прямоугольными и уже не углубленными в землю. Материалом служит все, что можно было раздобыть поблизости — камень, глина, дерево, плетенка из прутьев, обмазанная глиной. Появляются и кирпичи из необожженной глины — материал традиционный для сухих субтропиков в сельском строительстве и до нашего времени. Из-за разрастания семей возникает потребность сооружать многокомнатные дома, что при следовании кругло-

му плану было затруднительно; прямоугольные конструкции жилищ это позволяли.

В ту эпоху появляются удивительные сооружения, которые свидетельствуют о способности населявших эти поселения людей объединять усилия для создания весьма трудоемких конструкций. Некоторые из небольших поселков, в частности Иерихон, окружали каменные стены, ибо накопление богатств земледельческими общинами и беспокойное соседство воинственных степняков вызывали необходимость в оборонительных средствах. Тогда в известном еще по Библии Иерихоне построили стену высотой 7 м, шириной 2 м. Перед ней в мягком камне был выбит ров шириной 9 и глубиной 3 м. Кроме того, возвели каменную башню диаметром более 8 м и высотой не менее 9 м. Назначение таких по внешним признакам оборонительных сооружений, раскопанных и в других поселениях региона, остается неясным. Возможно они служили оборонительным целям; некоторые стены могли выполнять роль подпорок на склонах холмов, где стояли поселения. В Иерихоне оборона оказалась недостаточна: протород пал под ударами извне.

В VII—VI тысячелетиях до н.э. «неолитическая революция» охватывает весь регион. В V—IV тысячелетиях до н.э. в Северную Сирию проникают убейдцы и убейдская культура. Аравию в VI—IV тысячелетиях до н.э. занимает семитская этнокультурная общность; семитские племена, по-видимому, переселились сюда из Восточной Сахары через Эфиопское нагорье и Баб-эль-Мандебский пролив (здесь мы следуем реконструкции И.М. Дьяконова, согласующейся с распределением расовых типов) и, продвигаясь на север, ассимилировали обитающих здесь потомков натуфийцев.

В IV тысячелетии до н.э. внутри этой общности обособились несколько ареалов: к Среднему Евфрату выходили восточное семитские племена (предки аккадцев), впоследствии переселившиеся в Месопотамию; у рубежей Сирии обитали так называемые северные семиты, или эблаиты; в Северо-Центральной Аравии расселялись западные семиты (предки ханаанеи, амореев, древних евреев и пр.), в Южно-Центральной — носители южно-центральных семитских диалектов, прямые этнические предки исторических арабов, крайний юг занимали племена, говорившие на южнопериферийных семитских диалектах, или «южные арабы», создатели первой

цивилизации в Аравии; арабизированы историческими арабами они были только в I тысячелетии нашей эры.

В конце IV — начале III тысячелетия до н. э. племенной семитский мир Северной Аравии приходит в движение. Восточные семиты (будущие аккадцы) проникают на Средний Евфрат, а оттуда в Нижнюю Месопотамию, северные семиты расселяются в Сирии и Верхней Месопотамии (проникая даже за Тигр). Раскалывается западносемитское единство: часть западносемитских племен отселяется в Сирию, а оттуда распространяется в Палестину, переходя к оседлому земледелию, в то время как другая часть остается в степях и занимается полукочевыми скотоводством.

К середине III тысячелетия до н.э. на территории Северо-Восточной Аравии обособилась еще одна ветвь западных семитов, известная впоследствии под названиями «арамеев» и «ахламеев». Их легендарным первопредком считался, видимо, некий Сахламу.

Каин и Шет: кочевники против горожан

Из откочевавших на запад западносемитских групп сформировался этнос ханаанеев, на основе тех, что остались в степях, — этнос так называемых сутиев-амореев (по самоназванию просто сутиев; термин «амореи» перешел на них значительно позже). Сутии-амореи уже около 2400 г. до н.э. были известны шумерам в качестве их южных соседей. Эти процессы нашли отражение в мифологии: еще во времена западносемитского единства его носители именовали себя «сутиями», по своему легендарному предку Суту (Шет-Сиф Библии). Эпонимом ханаанейских групп выступал известный по Библии Каин (досл. «Кузнец»).

Ханаанеи, помня о своем происхождении из общезападносемитской среды, закономерно объявляли Каина потомком Суту, в то время как оставшиеся в степях группы, прямо продолжавшие былую общность «сутиев» и удерживавшие соответствующий этноним, враждебно относились к оседло-городским жителям (обычное явление для подвижных скотоводов), рассматривали отселенцев как своего рода изменников добрым обычаям предков и объявляли их эпонима, Каина, не потомком, а злым земледельческим братом доброго скотовода Суту, виновным в убийстве другого доброго брата-ското-

вода — Авеля. Скотоводы-сутии и отделившиеся основатели городов ханаанеи тем самым противопоставлялись друг другу как наследники достойного и скверного братьев. Этот миф попал в итоге в библейскую традицию в обоих вариантах.

Древнейшая история Восточного Средиземноморья

С появлением ханаанеев в Сирии и Палестине происходит резкий прогресс в ремесленном производстве, прежде всего в металлургии; с этого времени начинается так называемый **Раннебронзовый период** в истории Восточного Средиземноморья (III тысячелетие до н.э.).

В это время на средиземноморском побережье возникают основные города будущей Финикии (финикийцами называли именно прибрежных ханаанеев) — собственно Библ (археологический Библ VI), Тир и другие (ок. XXIX—XXVIII вв. до н.э.). По-видимому, одновременно в Северной Сирии аналогичный процесс происходит с северными семитами, или эблаитами (названными так современными учеными по *Эбле*, их крупнейшему центру в Сирии). В Шумере их именовали «марту», не исключено, что по среднеевфратскому государству Мари, частично заселенному ими. Аккадским эквивалентом этого слова было «амурру», т.е. амореи.

В прибрежных городах интенсивно развивалась социальная дифференциация и складывались классы, как видно из наличия крупных жилых строений, по размерам и богатству явно принадлежавших городской верхушке, и монументальных храмов на каменном фундаменте. В Библе в середине III тысячелетия до н.э. уже сложилось политическое образование — «номовое» государство, подобное ранним городам-государствам Южной Месопотамии. Оно вскоре попало под политическое и культурное влияние Египта.

Миграции семитских племен

Захват северосемитских областей Сирии и Верхней Месопотамии аккадцами и последующее разрушение самой Аккадской державы (первая треть XXII в. до н.э.) создали известный вакуум силы в упомянутых регионах и вызвали перемещение сюда населения из смежных областей: с северо-

востока хурритов, с юга *сутиев*. В середине XXII в. до н.э. сугии заняли нагорье Джебель-Бишри близ Среднего Евфрата, а оттуда центр Верхней Месопотамии и рубежи Сирии, ассимилировав местных северосемитов. Отныне именно на сугиев переходит бывшее месопотамское обозначение северных семитов «марту», или «амурру» (амореи), и в науке сугии известны, как правило, под этим последним наименованием.

Со своей стороны, *хурриты*, двигаясь на запад вдоль Верхнего Тигра и Евфрата, уже в XXI в. до н.э. заселяют Северную Сирию. В том же столетии вся Сирия и часть более южного побережья с Библом входят в зону владычества III династии Ура.

Раннее государство Эбла

Процессы формирования городских центров, вырвавшихся в города-государства, и складывания классового общества происходят и в глубине страны. Так, в северосирийском городе Алалахе уже в конце IV — первой трети III тысячелетия до н.э. имелся храм, располагавшийся на высокой платформе, а в XXVIII—XXIV вв. до н.э. рядом с ним возникает дворец с парадной колоннадой, постепенно заметно увеличивавшийся в размерах, что свидетельствует о возрастании могущества алалахского царька. В Северной Сирии уже в конце IV тысячелетия до н.э. северные семиты основали протогородское поселение Эблы. К середине III тысячелетия до н.э. оно превращается в крупный городской центр с населением в 20—30 тысяч человек.

В XXV—XXIV вв. до н.э. Эбла стала центром крупного государства, которое охватывало всю Сирию вместе с предгорьями малоазиатского Тавра и соперничало с Мари на Среднем Евфрате — столицей другого раннего государства, заселенного аккадцами и, видимо, другой ветвью северных семитов. Найденный в Эбле архив дает науке исключительно важные сведения.

В XXIII в. до н.э. Эбла становится объектом завоевания аккадских царей Саргона, а затем Нарам-Суэна, разрушившего ее в отместку за бунт. Впоследствии, при III династии Ура Эбла возрождается как город, но ее могущество навсегда уходит в прошлое. В социальном плане Эбла представляла собой типичное «номовое» государство во главе с царем, при

котором существовал административный аппарат. В хозяйствах, за счет которых жила верхушка общества, трудились подневольные работники и собственно рабы.

Небольшие городки Палестины в III тысячелетии до н.э. обносятся стенами, укрепленными овальными или прямоугольными башнями (Мегиддо, Иерусалим, Лахиш и др.), и наряду со святилищами в них уже появляются резиденции местных правителей. С середины III тысячелетия сюда начинают совершать первые походы египетские фараоны.

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Во второй половине XXI в. до н. э. происходит великое расселение сутиев-амореев от Среднего Евфрата и Хабура: одни из них устремляются на Месопотамию, приводя к крушению державу Ура, другие огнем и мечом проходят по всей Сирии-Палестине и плотно заселяют Сирию и Заиорданье. С этого момента начинается так называемый **Среднебронзовый период** истории Восточного Средиземноморья (XX—XVI вв.).

Общества этого времени хорошо известны по среднеегипетским источникам («Повесть о Синухете», «Таблички проклятий» и др.), рисующим данный регион как совокупность аморейских и ханаанейских племенных княжеств и городов-государств, отличающихся в целом невысоким уровнем развития и преобладанием кочевников. Исключение составляют города побережья, прежде всего Библ. Довольно скоро они, а вместе с ними и большая часть Палестины подпадают под верховное владычество или влияние среднеегипетского государства. Библ даже формально включался в состав Египетской державы, и его правители считались наместниками фараона.

Ямхад и объединение гиксосов

В конце XIX в. до н.э. одна из племенных групп сирийских амореев создала крупное государство, известное под названием Ямхад. Ямхад, с центром в Халпе (Алеппо, совр. Халеб), контролировал территорию Сирии от предгорий Тавра до рубежей южносирийского «номового» государства Катны — злейшего врага Ямхада. В конце XVIII — начале

XVII в. до н.э. через все Восточное Средиземноморье с севера на юг проходят племена *хурритов* и широко расселяются по странам Плодородного Полумесяца. Особенно плотно хурриты (и следовавшие в их потоке отдельные индоарийские группы) заселили Сирию и Южную Палестину.

В ходе бурных потрясений, сопровождавших это передвижение, на Синае и в Южной Палестине возникло так называемое *гиксосское объединение*, возглавляемое семитскими племенами Синая — шасу (откуда само слово «гиксосы», т.е. «цари-шасу»; см. «Загадка гиксосов»), по-видимому, тождественными амалекитам Библии. У хурритов, живших рядом с этим объединением, а частично и вошедших в него, гиксосы заимствовали искусство колесничного боя. В XVII в. до н.э., опираясь на свое колесничное войско, они без труда завоевали Нижний Египет и утвердили свою столицу в Восточной Дельте.

Главными центрами собственно Гиксосской державы были Аварис в Дельте и Газа и Шарухен в Южной Палестине, но зависимость от гиксосских царей Авариса признавали другие гиксосские, египетские и кушитские княжества долины Нила (вплоть до третьего порога), а также, очевидно, племена и области Сирии-Палестины и прилегающих районов Сирийской степи вплоть до Евфрата. На севере тем временем Ямхад (теперь значительно хурритизированный по составу населения) около 1600 г. до н.э. после нескольких войн захватывают хетты.

Этнополитическая карта Леванта в XVI—XII вв. до н.э.

В середине XVI в. до н.э. и гиксосская, и хеттская зоны власти в Восточном Средиземноморье сменили хозяев: Палестина и Южная Сирия с изгнанием гиксосов из Египта и падением Шарухена перешли под власть египетского фараона Яхмоса I. Гиксосское объединение немедленно распалось, но его племенное ядро из амалекитов-шасу сохранялось на Синае вплоть до I тысячелетия до н. э. В Северной Сирии хеттская власть рушится благодаря набегам верхнемесопотамских хурритов, и вскоре она подпадает под верховную власть возглавившего этих хурритов государства *Митанни*. Таким образом, к концу XVI в. до н.э. Восточное Средиземноморье оказалось поделено между Египтом и Митанни.

Этот геополитический переворот, а также почти одновременные перемены в металлургии и других ремеслах (в частности, открытие производства пурпурной краски финикийцами) позволяют выделять несколько последующих веков (конец XVI—XII в. до н.э.) в Позднебронзовый период истории Сирии-Палестины. Первое его столетие оказалось занято почти непрерывной борьбой между Египтом и Митанни за безраздельный контроль над Восточным Средиземноморьем. Однако несмотря на периодическую реализацию планов обеих сторон, оказалось, что ни египтяне не могли удержаться на Евфрате, ни митаннийцы — в Палестине. Осознав это, в конце XV в. до н.э. воюющие стороны договорились о прочном разделе Восточного Средиземноморья на митаннийскую Северную Сирию и египетскую Южную Сирию — Палестину. С другой стороны, с середины XV в. до н.э. самостоятельные попытки отобрать у митаннийцев сирийские владения предпринимают хетты.

В итоге в третьей четверти XIV в. до н.э. хеттский царь *Суппилулиума* разгромил и Митанни, и Египет и овладел практически всем Восточным Средиземноморьем. К этому времени египетское господство в Азии по большей части превратилось в фикцию из-за раздоров вассальных царьков и всесииля орд «хапиру» — своего рода казаков Сирии-Палестины, бежавших в горы Ливана от двойного гнета этих царьков и египетских фараонов. Часть хапиру под водительством удачливого вожака Абди-Аширты создала государство Амурру в Северном Ливане, а другая вторглась при Эхнатоне в Палестину и основательно разорила ее.

Геополитический переворот XII — XI вв. до н.э.

В начале XII в. до н.э. Восточное Средиземноморье подвергается нашествиям эгейско-анатолийских народов (так называемые «народы моря»). Как уже не раз говорилось выше, их первые появления в регионе отмечены еще в конце XIII в. до н.э. (набеги ахейцев на Кипр и Египет), а после «Троянской войны» часть победителей-ахейцев и другие народы бассейнов Эгейского и Ионического морей (тевкры Троады, пеласты с Южных Балкан, сикулы Южной Италии — Сицилии), пройдя Юго-Западную Малую Азию и Киликию, обрушились на Восточное Средиземноморье. Они разгроми-

ли Кипр, Каркемиш, флот *Угарита*, уничтожили государство Амурру в Ливане, разорили Сидон и Тир и, наконец, напали на Египет (ок. 1190 г. до н.э.), но, отброшенные египтянами, осели на побережье Палестины.

Здесь пришельцы понемногу слились в единую массу «филистимлян» (т.е. «пелесет»; впрочем, в течение столетия еще вели обособленное существование «теккер»), основали так называемую филистимскую конфедерацию. Вскоре они усвоили культуру и язык местного населения. От их имени происходит само название «Палестина». Между тем Рамсес III восстановил египетскую власть над побережьем Восточного Средиземноморья, а хеттская династия в Каркемише пережила нашествие «народов моря» и объединила Сирию и Юго-Восток Малой Азии под своей властью (впрочем, к концу XII в. до н.э. это царство распалось на осколки, так называемые «позднехеттские» царства). Оправились и финикийские города. Уже в XII в. до н.э. отстроился Сидон, а группа выселенцев из него заняла и обустроила Тир (после чего все финикийцы стали обобщенно именоваться «сидонянами»).

Город-государство Угарит

Типичным городом-государством этого времени является Угарит, ведший обширную торговлю с Двуречьем, Египтом и Малой Азией, Палестиной, а также заморскими странами. В городе имелся особый квартал, населенный микенскими греками. Отсюда микенские изделия ввозились в глубь страны и далее в Месопотамию. Товарные отношения в Угарите достигли такого масштаба, что цари собирали с сельских общин подати металлами — медью и серебром.

Все свободное население страны делилось на три сословия: «сыны страны Угарит» — земледельцы-общинники, роль которых постоянно уменьшалась; «царские рабы» — приближенные царя, получавшие от него земельные наделы; многие из них сохраняли свои общинные наделы и формально не порывали связи с сельской общиной; наконец, «рабы царских рабов» — лица, не имевшие своей земли и сидевшие на землях служилой знати. Это были разорившиеся земледельцы, утратившие свои земли и связь с общиной, и частично пришлые люди, чужеземцы-изгои (*хапиру*). На царской службе, кроме крупных и средних землевладельцев, находи-

лись также купцы и откупщики, называвшиеся, как и в Вавилонии, «тамкарами». Рабов в собственном смысле слова было мало. Политически Угарит подчинялся царям удельного Хеттского царства со столицей в Каркемише, а через него — великим царям Хатти. Судьба сурово обошлась с Угаритом. На пике своей славы и процветания город торговцев был сметен мощным землетрясением в конце XIII в. до н.э.

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

Финикийская колонизация

К концу XII в. до н.э. власть Египта в Азии слабеет и исчезает, и в следующие десятилетия финикийцы (прежде всего Тирское царство «сидонян») самостоятельно осуществляют так называемую великую финикийскую колонизацию Западного Средиземноморья (в Восточное, исключая Кипр, финикийцев не пускали греческие пираты). Около 1100 г. до н.э. молодежь Тира основала крупный город Утику в Северной Африке, примерно в то же время создается тирская колония в Испании — Гадир (Гадес, совр. Кадис), а затем финикийцы появляются на западе Сицилии, на Сардинии, Мальте и Баlearских островах.

Одновременно, на рубеже XII—XI вв. до н.э. ассирийский царь Тиглатпаласар I на короткое время подчинил позднететтские царства Сирии и Финикию, где ему покорился Сидон. Однако ассирийская власть здесь оказалась эфемерной: арамеи Южной Сирии во второй четверти — середине XI в. до н.э. двинулись на север и вышли к Евфрату, заняв значительную часть Северо-Центральной Сирии и потеснив «позднететтских» князей (то было начало великого арамейского расселения, в X в. до н.э. чуть не погубившего саму Ассирию). В середине XI в. до н.э. здесь образовались ранние арамейские царства. Примерно в то же время, около середины XI в. до н.э., Тир подчинил себе Сидон и другие города, объединив всю Южно-Центральную Финикию в «царство сидонян» (в общем значении «финикийцев»). В науке его называют Тиро-Сидонским царством.

Так в результате двухвековых потрясений сформировалась новая карта Восточного Средиземноморья: позднихеттские царства Северной Сирии, арамейские — в центре и на юге Сирии, Тиро-Сидонское царство на побережье, Израиль и Филистия в Палестине, основанные когда-то другими группами «ибри» Аммон, Моав и Эдом — в Заиорданье.

Тиро-Сидонское царство

Монополистом международной торговли в масштабах всего Средиземноморья оказалось Тиро-Сидонское царство. Наивысшего расцвета оно достигло при царе Ахираме (Хираме — 969—936 гг. до н.э.), эффективно контролировавшем заморские колонии подвластных ему финикийских городов. На востоке Ахирам дипломатическим путем приобрел часть Палестины. На острове Кипр правитель города Кития именовал себя слугой Ахирама. При нем широко развернулось строительство в островной цитадели Тира. Показательно, что в X—IX вв. до н.э. тиро-сидонские цари не вели ни одной войны на материке. Все их внимание было устремлено на морские пути.

В IX в. до н.э. финикийцы были изгнаны греками из Эгеиды. Узурпатор Итобаал (с 879 г. до н.э.) упрочил положение Тира и возобновил колонизацию, на этот раз только Западного Средиземноморья (в том числе Сардинии), где появилось много новых финикийских центров, между прочим, знаменитый **Карфаген** (823 г. до н.э.). Цари Тира и Сидона стремились к установлению деспотического правления, что вызывало противодействие в среде крупных купцов и рабовладельцев. Олигархические тенденции возобладали, и в конце IX в. до н.э. царская власть в Тире ослабевает.

Главные города Финикии Тир, Сидон и Библ богатели за счет транзитной торговли, перепродавая египетские и вавилонские товары в Грецию, а греческие — на Восток. По-прежнему вывозился в Египет и Двуречье лес, но особенное значение приобретает вывоз ремесленных изделий (пурпурной краски из Тира, стекла и стеклянных изделий из Сидона). Где это было возможно, финикийские купцы легко превращались в пиратов или силой похищали людей, чтобы продать их в рабство. «Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик лукавый, злобный хитрец, от которого много людей постра-

дало», — говорится в поэме Гомера. Часть рабов доставлялась в Финикию, и их направляли в мастерские в качестве черно-рабочих, в гавани, где они работали грузчиками, и на корабли, где их использовали как гребцов. Рабов-военнопленных практически не было, ибо финикийцы не вели завоевательных войн, нет сведений и о рабах-должниках.

Дамасское царство

Среди арамейских государств Сирии на первое место в начале I тысячелетия до н.э. вышло Дамасское царство (Арам-Дамаск), претендовавшее на гегемонию в сопредельных областях. Его экономика строилась на развитом скотоводстве, знаменитом на весь Ближний Восток производстве оружия и транзитной торговле «шерстью блистательной белизны», перепродававшейся от степных кочевников в Тир.

Цари Дамаска часто носили имя-титул «Сын Бога Бури» (Бен-Хадад), которое воспроизводило старый титул хурритских царей, унаследованный ими от хурритов Южной Сирии. В середине IX в. до н.э. Дамаск сыграл решающую роль в борьбе с ассирийскими нашествиями Ашшурнацирапала II и *Салманасара III* на регион. В 853 г. до н.э. коалиция, возглавленная дамасским царем Бенхададом II и израильским царем Ахавом, отразила в битве при Каркаре 120-тысячную армию Салманасара. Правда, тот в 841 г. до н.э. разгромил силы Дамаска и осаждал город, но не сумел взять его. Вплоть до начала VIII в. до н.э. Ассирия пытается покорить Восточное Средиземноморье, но не может закрепиться здесь.

Во второй половине IX в. до н.э. дамасский царь Бенхадад III овладел заиорданскими владениями Израиля, проник в Южную Палестину и получил дань от Иудеи. На некоторое время почти весь «хинтерланд» Восточного Средиземноморья оказался под влиянием Дамаска, однако сопротивление другого арамейского царства, Хамата на Оронте, привело к распаду дамаскской коалиции. Истощенный войнами Дамаск был в 796 г. до н.э. осажден и принужден к выплате дани ассирийским царем Адад-Нерари III, захватившим здесь огромное количество железа. При этом правитель Ассирия контролировала все Восточное Средиземноморье, но уже в начале VIII в. до н.э., ослабев под ударами Урарту, ассирийцы теряют все владения к западу от Евфрата.

Древнейшая история евреев

Ко второй половине II тысячелетия до н.э. очередные существенные перемены произошли в этническом составе населения региона. Еще около 1400 г. до н.э. из Вавилонии были изгнаны местные сутии-амореи, поселившиеся там шесть столетиями ранее. Изгнанники, преследуемые войсками касситов, пересекли Сирийскую степь и обосновались у рубежей Южной Сирии, образовав новую общность, именовавшую себя «ибри» (откуда привычное «еврей», досл. «перешедшие из-за реки», т.е. Евфрата). К ним и восходят древнееврейские племена. Соответственно, ветхозаветная легендарная традиция заявляет, что евреи происходят от некоего вождя Авраама, переселившегося на запад, через Евфрат, из южной части Нижней Месопотамии; сохранились рудименты особенно древней легенды евреев о том, что пресловутый Авраам стал почтенным князем области Дамаска, а не переметнулся в Палестину (как в итоговом ветхозаветном предании).

С другой стороны, в середине XIV в. до н. э. семитские кочевники-арамеи (ахламеи), до того обитавшие в Северо-Восточной Аравии, двинулись на северо-запад и заселили Сирийскую степь и долину Среднего Евфрата, выйдя к рубежам Сирии. Примерно одновременно с этим передвижением, если не под его напором, племена «ибри» смешаются на юго-запад — в Палестину и Заиорданье. К 1300 г. до н.э. здесь уже сформировались их основные племенные союзы — Моав, Аммон, Эдом и Израиль: первые три — к востоку и югу от Мертвого моря, последний — в Палестине. Израильская традиция сохранила глухие воспоминания о взаимодействии древнееврейских вождей с хеттами, в самом деле господствовавшими над Палестиной в последней трети XIV в. до н.э.

Другие племена «ибри» продвинулись еще дальше на юг и широко расселились в Аравии вплоть до ее южного берега. После новых хетто-египетских войн в первой трети XIII в. до н.э. враждующие стороны, как и полутора веками ранее, вновь закрепили раздел Восточного Средиземноморья прочным миром. Большая часть Сирии, включая Кадеш и Амурру, досталась хеттам. Южная Финикия, Дамаск и Палестина — египтянам (впоследствии именно Египетская Азия воспринималась евреями как географическая «страна Ханаан»).

Возникновение Израильского царства

Со временем в Палестине утверждается Израильский племенной союз, переживший в конце XIII в. до н.э. серьезные перемены. Его ядро было в 1220 г. до н.э. разгромлено египетским фараоном Мернептахом, вытеснено из Палестины и, возможно, распалось. Однако другая группа израильтян еще раньше осела в Египте, а в конце XIII в. до н.э., когда эту страну охватили смуты конца XIX династии, покинула Египет и заняла часть территории шасу-амалекитов Синая, что отразилось в древнееврейском предании об «Исходе из Египта».

В смутные для Восточного Средиземноморья времена рубежа XIII—XII вв. до н.э. израильские группы воссоединились (по-видимому, при значительной культурной и организационной гегемонии выселенцев из Египта), а около 1170 г. до н.э. вновь вторглись в Палестину из-за Иордана и захватили значительный ее кусок. Впоследствии древнееврейская традиция связывала Исход и новое оформление Израильского союза племен с Моисеем, заключившим на Синае договор с Яхве, а вторжение в Палестину — с Иисусом Навином.

Судя по тому, что среди областей племен шасу Синая египетские источники XIV—XIII вв. до н.э. знают «страну шасу-яхве», Яхве был местным синайским богом, почитавшимся в одной из областей амалекитов-шасу, и занявшие ее при Моисее израильтяне избрали его в качестве своего нового племенного бога-покровителя.

В XII в. до н.э. на основе смешения пришлых кочевых израильтян, игравших роль доминирующей силы, и местных ханаанеев возникла древнееврейская общность. Причем смешение это достигло такой полноты, что итоговый язык израильтян, древнееврейский, сами же носители его звали «ханаанейским»; и действительно, от аморейских истоков в языке этом осталось не очень много.

Израиль окончательно сформировался на территории Палестины как союз двенадцати племен. Выборные вожди-«шофеты» («судьи») являлись верховными жрецами, командовали племенными ополчениями, а в мирное время разбирали тяжбы. Религия Израиля в это время, несомненно, носила обычный языческий характер, в том числе и культ верховного племенного бога-покровителя Яхве.

В начале XI в. до н.э. в Палестине установилась военная гегемония филистимлян, лидировавших в металлургии железа, а значит, в производстве вооружения. Израильское племенное сообщество продемонстрировало свою неспособность к сопротивлению им. В борьбе с филистимлянами выдвигаются удачливые военные предводители или просто разбойники, поставившие себя вне традиционных племенных отношений. Одним из них, Саула, израильские племена избрали первым царем Израиля, т.е. надплеменным наследственным правителем (конец XI в. до н. э.); как обычно, становление царской власти было энергично поддержано основной племенной массой вопреки сопротивлению аристократии.

Однако Саул после первых успехов проиграл войну с филистимлянами и, потерпев сокрушительное поражение от их ополчения при Гильбоа, покончил с собой. На исходе XI в. до н.э. царство было заново собрано выдвинувшимся из рядовых воинов еще при Сауле Давидом, человеком бурной судьбы, успешным и послужить Саулу, и похвастать против него в годину смут конца его правления, более того, и переметнуться на сторону филистимлян, и порвать с ними, и одолеть их.

Израиль эпохи первого Храма

В Израиле Давид (ок. 1010—970 гг. до н.э.) проводил политику создания централизованной надплеменной военно-бюрократической монархии. При нем был присоединен Иерусалим, ставший столицей нового царства. Складывался государственный аппарат, во главе которого стоял верховный сановник. Давид учредил лично ему преданную гвардию из наемников-чужеземцев — «критян» (скорее всего, ахейцев Кипра, переселившихся туда с Крита еще в XII в. до н.э.) и филистимлян.

Путем целого ряда ожесточенных войн от Красного моря до Евфрата, которые велись порой с исключительной жестокостью (истреблением непокорных «до седьмого колена»), Давид хотел, по-видимому, создать ближневосточную наднациональную империю от Евфрата до Синая. Он действительно достигал Евфрата и одно время держал в зависимости все арамейские объединения вплоть до этой реки, но из-за восстания арамейцев так и не смог закрепиться на достигнутых рубежах, и в итоге его держава, хотя и очень расширилась, представляла собой Израиль с некоторыми приращениями и

зависимыми внешними владениями, охватывающими Заиорданье, Филистию и области южносирийских арамеев.

Преемником Давида стал его младший сын Соломон (ок. 970—930 гг. до н.э.). Традиция прославляет его за мудрость, изображает пронизательным и справедливым судьей и объявляет автором ряда литературных произведений, вошедших в Библию. В действительности Соломон был властолюбивым и тщеславным монархом, отказавшимся от проведения активной внешней политики и растратившим политический капитал, оставленный ему Давидом. Он перенес опору своей власти с военной знати на граждански-храмовую бюрократию, существенно разросшуюся в связи со строительством в Иерусалиме роскошно украшенного храма Яхве. Соломон усилил налогообложение и тяжесть повинностей израильтян.

Наконец, если Давид, родом из южного израильского племени Иуда, сумел стать надплеменным царем, при Соломоне засилье в делах всего царства его сородичей стало очевидным. Недовольные этим десять северных израильских племен вскоре по смерти Соломона отложились от Иерусалима и образовали особое царство, принявшее название «Израиль». Столицей его несколько позднее (в IX в. до н.э.) стал вновь основанный город Самария. За царством Иерусалима, где продолжала править династия Давида, закрепилось название «Иудея», по его главному племени.

Оба царства считали такое положение нетерпимым и временным раздроблением единого по природе своей Израильского государства, а потому то враждовали друг с другом, то создавали нечто вроде бинарной конфедерации, как при Ахаве Израильском — Иосафате Иудейском в середине IX в. до н.э. и при Иеровоаме II Израильском — Узии Иудейском в первой половине VIII в. до н.э.; в обоих случаях союзники быстро достигали контроля над всей Палестиной и Заиорданьем. Разделением бывшего Израиля сразу воспользовался Египет: фараон Шешонк около 926 г. до н.э. совершил опустошительный рейд в Палестину, разорив и подчинив и Израиль, и Иудею. Однако с его смертью оба царства немедленно вышли из египетской зависимости, а у Египта не осталось сил на новые походы в регион.

Древнееврейское общество

В эпоху разделенных Северного и Южного царств древнееврейское общество постепенно входит в полосу кризи-

са. Как и в большинстве кочевых сообществ, перешедших к оседлости и выработавших свою государственность, в древнеизраильском обществе первой половины I тысячелетия до н.э. бурно развивались частновладельческие отношения и частная эксплуатация. Этот процесс шел как за счет растущих притеснений, чинимых племенной и надплеменной столичной верхушкой над народной массой, так и путем естественной дифференциации и развития товарно-денежных отношений. То и другое приводило к концентрации имущества и земли, разорению и закабалению рядовых общинников.

Пропасть между государственно-племенной аристократией и рядовыми соплеменниками быстро росла. Одновременно слабел сам общинный строй: поля и сады общины стали продаваться посторонним лицам (не родственникам и даже не соседям). Общинные участки, перешедшие в частные руки, а также земли государственного фонда, розданные придворным, составили сектор частного землевладения, прежде всего крупного.

Источники VIII—VI вв. до н.э. упоминают четыре сословия, на которые делилось свободное население страны: 1) светская аристократия (вельможи и князья); 2) жреческая аристократия (жрецы и профессиональные пророки); 3) так называемый «народ земли» — основная масса свободного населения — они владели общинными наделами и обязаны были служить в ополчении и платить налоги; 4) чужеземцы (пришельцы и поселенцы), ограниченные в правах. На самой низшей ступени социальной лестницы стояли рабы и кабальные должники, число которых все возрастало.

Главным объектом угнетения оказывалась масса рядовых общинников, и это воспринималось тем более остро, что в обществе оставались живы племенной уклад и порождаемые им традиции клановой солидарности, на фоне которых социальное расслоение казалось отходом от основных норм общежития. Особое неприятие у рядовых общинников вызывала связанная с царем властная верхушка, сочетавшая частные и государственные способы эксплуатации. Тем самым недовольство вызывали и храмы, вписанные во властную систему общества.

Социально-религиозная борьба в Израиле: путь к теоцентризму

На «верхах» древнееврейского общества в начале I тысячелетия до н.э. положение осложнялось межплеменными

противоречиями в Израиле, израильско-иудейским противостоянием, сложностями взаимодействия царской власти с военной знатью и жречеством и, наконец, собственно культовыми проблемами. Для древних евреев, чутко осознававших себя пришельцами в Палестине, вопрос об обращении за божественным покровительством к тем или иным местным божествам стоял гораздо острее, чем для аборигенов, уже многие столетия связанных с определенными культами. Для царей Израиля этот вопрос имел особый аспект: сохранение центра почитания Яхве в иудейском Иерусалиме побуждало их особенно напряженно искать иных покровителей (хотя бы на случай войны с той же Иудеей). Наиболее могущественный царь Израиля Ахав (середина IX в. до н.э.) использовал в этом качестве финикийского Баала, а заодно строил жертвенники многим другим ближневосточным божествам.

На фоне развернувшегося таким образом религиозного поиска и связанного с ним противостояния друг другу храмов разных божеств и военной знати и сформировался в конце концов так называемый «жреческий монотеизм». Заключался он в том, что жрецы Яхве настаивали на необходимости обеспечить этому божеству исключительное положение в израильско-иудейском культе и исключали возможность почитания других богов на общегосударственном уровне. Параллельно формировалась концепция соединения царской и высшей жреческой властей. В то же время социальные противоречия израильско-иудейского общества отозвались мощным общественно-идеологическим процессом — «пророческим движением» VIII—VI вв. до н.э.

При Иосии (640—609 гг. до н.э.), в 622 г. до н.э., Иудея претерпела подлинную революцию. Царская власть, до того по большей части боровшаяся с идеологией пророков, теперь приняла «соломоново» решение возглавить его. Было объявлено, что в иерусалимском храме при ремонтных работах были якобы случайно найдены древние забытые законы, требующие единобожия и централизации культа. Под лозунгами истинности «пророческого» монотеизма было под корень истреблено жречество всех культов, кроме культа Яхве, а также ряд других категорий несогласного населения; все культы, кроме культа единого бога Яхве, были запрещены, что стало первым проявлением масштабного религиозного террора и планомерных религиозных чисток, а равно и утверждения собственно догматической религии на Древе Востоке.

Ветхозаветные пророки и рождение Абсолютного Бога

Часть пророков, принадлежавших первоначально к особой категории древнееврейских храмовых прорицателей, по неясным причинам порвала с храмами и возглавила в итоге социальный протест широких слоев Израиля и Иудеи. Именно они выработали концепцию бога Яхве как абстрактного абсолютного и универсального божества, источника этики и творца истории в виде процесса соответствующего религиозного воспитания древних евреев — «избранного» им для этой цели народа. В конце времен ожидалось появление посланца Яхве — мессии, которому суждено было окончательно спасти Израиль от языческой скверны и социальной несправедливости и приобщить весь остальной мир к поклонению Яхве.

Этот «пророческий монотеизм», составивший впоследствии ядро иудаизма в целом, и был первой догматической религией, подчиняющей этику и образ жизни своих носителей «сверхценной» норме, которая ориентировала их на иррациональный опыт (откровение) и эсхатологические ожидания и объявляла себя абсолютно истинной. Во всех этих отношениях «пророческий монотеизм» принципиально противостоял общей религиозной практике Ближнего Востока, в том числе собственно исконно древнееврейской. Именно поэтому до поры до времени он не пользовался в Израиле и Иудее широким распространением.

Искреннюю приверженность к нему проявляли только наиболее радикальные, маргинализованные элементы древнееврейского простонародья. В условиях растущей общественной нестабильности такие элементы, однако, оборачивались грозной силой, тем более что «пророческий монотеизм» оказывал, по-видимому, известное концептуальное влияние на «жреческий».

Восточное Средиземноморье — «яблоко раздора» для великих держав

В середине VIII в. до н. э. в Северную Сирию начали проникать урарты, но против них выступила Ассирия, усилившаяся при *Тиглатпаласаре III*. В 743—740 гг. до н.э. Тиглатпа-

ласар подчинил Финикию и Северную Сирию (аннексия ее затянулась до 717 г. до н.э., когда в ассирийскую провинцию был превращен Каркемиш), в 734—732 гг. до н.э. аннексировал Дамасское царство и большую часть Израиля и покорил Филистию, остаток Израиля и Иудею.

Попытка Израиля после смерти Тиглатпаласара сбросить иго Ассирии вызвала карательный поход, осаду Самарии (725—722 гг. до н.э.) и полную аннексию Израильского царства ассирийцами с массовой депортацией израильтян. Остатки израильтян смешались с пригнанными сюда на освобожденные места ассирийскими подданными, образовав новую общность самаритян. Иудея, отложившись было от Ассирии в 704 г., была приведена к покорности карательным походом Синаххериба в 701 г. до н.э.

Отчаянное сопротивление ассирийцам оказали финикийцы: за сто лет Тир пять раз пытался сбросить ассирийское ярмо. Подавление второго такого восстания Синаххерибом в 701 г. привело к отторжению от Тира всех прочих финикийских городов, ранее подвластных ему. *Тиро-Сидонское царство* с заморскими владениями перестало существовать. Грабительское нашествие скифов на западную часть ассирийских владений, в том числе на Сирию и Палестину (конец 30-х годов VII в. до н.э.), уничтожило ассирийскую власть в регионе.

Все страны региона восстановили независимость, и выиграла от этого в наибольшей мере Тир, Иудея и Египет. Иосия, царь Иудеи (640—609 гг. до н.э.), не только вернул своей стране свободу, но и присоединил к ней все бывшие земли царства Давида и Соломона и расширил ее на север и запад за счет ассирийских владений. Египтяне, со своей стороны, подчинили своей власти Филистию и Сирию вплоть до Евфрата, откуда в 616 г. до н.э. египетские войска двинулись в Месопотамию помогать ассирийцам против вавилонян. Тир на время становится гегемоном всей Финикии. Тирские купцы конца VII — начала VI в. до н.э. проникали на восток Малой Азии, в далекую Южную Аравию, вывозили серебро из Испании, а возможно, также олово из Британии.

После гибели Ассирии Восточное Средиземноморье стало «яблоком раздора» между Египтом и Вавилонией. В 609 г. до н.э. фараон Нехо II решил накануне решающей схватки с Вавилоном уничтожить самостоятельную силу в тылу грядущей борьбы, для чего напал на Иудею, разбил и убил Иосию в

битве при Мегиддо и принудил Иудею признать его верховную власть. Дальнейшая борьба привела к гибели Иудеи в 587 г. до н.э., разрушению Иерусалима и Соломонова храма и к депортации иудеев под ударами вавилонян («вавилонское пленение»), а также к утверждению вавилонского господства над всем Восточным Средиземноморьем.

Со сменой вавилонского владычества гегемонией персов (539 г. до н.э.) депортированные народы, включая иудеев, получили возможность вернуться на родину, а в V в. до н.э. Ахемениды милостиво санкционировали создание иудеями чиновниками Эзрой и Неемией в Иерусалиме и его округе граждански-храмовой автономии, основанной на жестких началах канонического иудаизма (религии, развившейся за предыдущий век на базе монотеизма *пророков*). Руководителям этой автономии персидские цари предоставили духовную власть над всеми жителями империи, желавшими считаться иудеями.

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Финикия: письменность и мифология

Главным культурным достижением жителей Ближнего Востока по праву благодарными потомками считается создание алфавитного письма, к которому восходят все современные алфавиты мира. Во II тысячелетии до н.э. в небольших городах-государствах Восточного Средиземноморья шли интенсивные поиски наиболее рациональных систем письменности, подходящих для массового, однозначного и быстрого ведения коммерческих записей и тем самым более простых, чем письменности Месопотамии и Египта с их сотнями знаков, которые могли читаться по-разному.

В тот период в городе Библ создается слоговое письмо упрощенного типа (так называемое протобиблское), имевшее около 100 знаков. В XV—XII вв. до н.э. в *Угарите* употреблялся клинописный алфавит из тридцати знаков. Наиболее совершенной системой оказался финикийский алфавит. Применение его (воспринятого впоследствии с некоторыми изменениями греками) сделало грамотность доступной любо-

му гражданину, что имело огромное значение для развития торговли и мореплавания.

Для ритуала Восточного Средиземноморья характерна роль экстатических культов плодородия с умирающими и воскресающими божествами и сезонных празднеств, опять-таки обеспечивающих плодородие. Под влиянием хурритов в середине II тысячелетия до н.э. кристаллизовался западносемитский миф о смене царствований на небесах, по которому бог неба Баал-шамем (Господин Небес), он же «Ил (Бог) отцовский» был сменен Илом (Богом — верховным божеством западных семитов до середины II тысячелетия до н.э.), а тот богом бури Баалом (Алийян-Баалом, реально выдвинувшимся на первое место в пантеоне во второй половине II тысячелетия до н.э.).

Угаритские тексты, реликты, удержанные в Ветхом Завете, и античные авторы дают представление о развитии ханаанейской (финикийской) мифологии. В каждом городе почитался прежде всего местный бог-покровитель, называвшийся обычно просто по прозвищу: Баал («владыка») или Эл «бог», иногда Мелек («царь», вариант — Молох), а в Тире — Мелькарт («царь города»). Чаще всего эти боги считались солнечными. Все это не мешало существованию особых общезападносемитских богов с именами Эл (Ил) и Баал. Супруга главного бога также порой именовалась просто Баалат («владычица»), но чаще носила более конкретное имя Астарта, что соответствовало ассиро-вавилонской Иштар. Астарта ассоциировалась, в отличие от Иштар, с Луной, а не с Венерой.

От исконных древнееврейских представлений к теоцентризму

Древнееврейская религия на первых порах не отличалась от прочих западносемитских верований, в том числе ханаанейских. Главным общеплеменным богом израильтян с Исхода XIII в. до н.э. считался Яхве, до того являвшийся местным божеством областей Синая и Южной Палестины, владыкой грома и огня, посылающим на землю благодатный дождь. Иных богов не просто признавали, но и почитали, в том числе на государственном уровне. Западным семитам была присуща концепция «берита» («завета», т.е. особого договора) народа с его богом-покровителем. В то время как

у их соседей связь данной общины и ее бога-покровителя считалась изначальной и неразрывной, западные семиты рассматривали ее как результат сознательной сделки общины с богом, которую обе стороны могли и пересмотреть, если она не оправдывала надежд. Именно от этой концепции отталкивались «ветхозаветные» *пророки*, движение которых, как говорилось, привело в конце концов к формированию догматического сверхценного монотеизма.

Как и в других религиозных системах I тысячелетия до н.э. (буддизме, зороастризме), отношение к Богу в учении пророков носит сугубо личный характер (каждый предстопит перед Ним персонально) и жестко связывается с этикой (в частности, пророки резко осуждали закабаление бедноты, скупку земель и несправедливую наживу богачей). В центре мироздания стоит Яхве, старый верховный бог евреев, а первыми вероучителями своего толка пророки объявляли величайших легендарных героев древних евреев: Авраама, родоначальника «ибри», переселившегося некогда из-за Евфрата в Палестину, и Моисея.

И в самом деле, отношение пророческого монотеизма к Богу было принципиально новым: в былые времена Яхве не представляли ни всемогущим, ни всесовершенным, ни всезнающим, ни всеблагим, ни единственным источником всякого существования, как это делали пророки. Раньше считалось, что понятия о добре и зле принадлежат самим людям, которые и вырабатывают их по своему собственному желанию, опыту и вкусу. Боги могут надзирать за выполнением этих правил, но не являются их источником (точно так же, как человеческие власти).

Согласно иудаизму, требования морали исходят от Бога и предписаны людям извне, Им одним. Люди должны безусловно выполнять эти требования исключительно потому, что это требования Божества. Сам Бог вне критики, что бы Он ни делал. В отличие от былых времен человек вступает в общение с Богом не для реализации своих собственных устремлений, а для самодовлеющего выполнения воли Бога, которой он безусловно обязан подменять свою во всех случаях расхождения. Наконец, религиозные представления предшествующих эпох никогда не претендовали на абсолютную истину, где нет места сомнению, исправлению и пересмотру (древнееврейская пословица гласит: «Со временем

любое пророчество теряет силу», — из-за нарастания изначально имеющейся в нем погрешности). Именно поэтому на Древнем Востоке господствовала полная веротерпимость, а внутри каждой религии мирно уживались спорящие друг с другом течения.

Иудаизм был первым вероучением, основанным на догмах, иначе говоря, на положениях, априори считающихся абсолютно истинными помимо любых доводов и контрдоводов. О принципиальном разрыве между старым и новым восприятием Бога и его отношений к человеку говорят приведенные выше ответы израильтян на пророческую проповедь.

Древнееврейская литература и Ветхий Завет

Древнееврейская литература известна в основном в том обработанном виде, в каком сохранила ее Библия. Само это слово означает по-гречески «Книги» (в данном случае книги, канонизированные иудеями и христианами).

Иудейское «Писание» (Танах) почти полностью совпадает с Ветхим Заветом, первой частью христианской Библии. Этот свод текстов, сформировавшийся в V—III вв. до н.э., представлен масоретским еврейским «Писанием» и выполненным еще до его кодификации греческим переводом — «Септуагинтой». По традиции, окончательно утвердившейся в первой половине I тысячелетия до н.э., свод делится на три раздела: «Учение» (оно же «Закон» и «Пятикнижие Моисеево», древнееврейская Тора), «Пророки» и «Писания», каждый из которых включает тексты разного времени и характера.

«Пятикнижие» излагает переработанные в монотеистическом духе фрагменты общеизраильского предания о происхождении мира, людей вообще и западносемитских племенных союзов (в том числе Израиля) в частности. Многие из этих преданий отражают ближневосточные мифы или подверглись их сильному влиянию.

Так, рассказ о сотворении первочеловека Адама из земли происходит из аморейского предания, где Адам тоже считался предком всех людей, но при этом его отцом называется бесплотный дух Арар, а матерью Мать-земля Маддар. Унаследовавшие этот миф от своих аморейских предков евреи видоизменили его, превратив отца Адама в Бога-творца, а Мать-землю в глину, материал для творения. История о По-

топе, погубившем все живое, также перешла к евреям от их предков-амореев, а к тем от шумеро-аккадцев Южной Месопотамии.

Значительную часть «Пятикнижия» составляют жреческие установления и догматизированные моральные предписания, получающие отныне внечеловеческий и внерациональный божественный источник («десять заповедей» и др.). «Пятикнижие» окончательно сложилось в конце VII — середине V в. до н.э. В раздел «Пророки» входят произведения реальных пророков VIII—VI вв. до н.э. — Исайи, Иеремии, Иезекииля и других — или приписывавшиеся им. К ним примыкают по концепции и времени составления «исторические книги» (Иисуса Навина, Судей, Самуила, Царей и др.), излагающие историю древних евреев XII—V вв. до н.э. в рамках концепции их периодического отпадения от монотеизма и возвращения к нему, причем первое карается Яхве, второе вознаграждается им (в действительности систематически повторяющиеся дискредитации и возрождения столь жесткой духовной системы, как определенная догматическая религия, невозможны ни для какого общества).

Материалом для «исторических книг» послужили в основном летописи и несохранившиеся сборники эпических песен о славных деяниях предков. Некоторые из них по своему духу прямо противоположны детально разработанной религиозной концепции составителей Танаха. Откровенно фольклорный характер носит предание о Самсоне — удачливом богатыре, сражавшимся с филистимлянами. Старинный дружинный эпос об Ахаве, в целом прославляющий этого царя, ненавистного монотеистической традиции, лег, по-видимому, в основу нескольких эпизодов «Книги Царей»: редакторы-компиляторы не осмелились пренебречь им и лишь сопроводили его несколькими главами, рисуящими неблагочестие этого царя, его готовность почитать самых разных богов (засвидетельствованную и археологически) и его враждебность к попыткам монотеистической проповеди (впрочем, сомнительно, что в IX в. до н.э. проповедь такого рода вообще имела место).

Наконец, раздел «Писания» является пестрым собранием различных по жанру и времени создания произведений. Сюда входят и шедевр свадебной лирики, созданный под явным египетским влиянием («Песнь Песней»), и религиозные гимны-псалмы, которые приписаны царю Давиду и несут ряд черт первоначального языческого облика религии

Израиля, и размышления о жизни, кои прямо продолжают месопотамскую «литературу мудрости» («Экклесиаст»), либо полемизируют с ней и преодолевают ее идеи в новом, монотеистическом духе («Книга Иова»), либо, наконец, вполне свободны от ее влияния. Бóльшая часть «Писаний» принадлежит второй половине I тысячелетия до н.э., и некоторые из них были причислены к каноническим лишь после существенных колебаний.

Ветхий Завет можно считать комплексным памятником древнееврейской литературы. Многие произведения попали в его состав только из-за своих литературных достоинств (содержательно они мало совместимы с ветхозаветным мировоззрением); очевидно, считалось необходимым так или иначе отразить в нем весь «золотой фонд» литературы Израиля, в том числе устной. Но при этом тексты часто были фрагментированы и почти всегда радикально переработаны в духе иудейской догмы.

АРАВИЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Расселение арабов

В ходе великого движения арамейцев из Сирийской степи в Северную Сирию и Месопотамию (XI—X вв. до н.э.) в Северной Аравии освободились обширные территории, и с юга сюда стали проникать лишь недавно одомашнившие верблюда и ставшие настоящими кочевниками племена двух этносов — собственно арабов, или так называемых южно-центральных семитов (одно из их племен и носило самоназвание «арабы»), и потомков «ибри» (племен аморейского происхождения, имевших общие этноисторические корни с древними евреями), расселившихся в Аравии с севера в XIV в. до н.э. В ходе их взаимодействий и перемещений сложилась этнокультурная общность исторических арабов, которая состояла из многих независимых племен и унаследовала язык от южно-центральных семитов, название «арабы» — от одного из их племен и легендарную племенную генеалогию — в основном от аравийских «ибри». Именно арабизированные племена «ибри», былых выходцев с севера, составили основную массу позднейших арабов, в то время как большинство исконных южно-центральносемитских племен в

течение I тысячелетия до н.э. либо смешались с ними, либо исчезли из истории, как это случилось с самим исконным «тигульным» племенем «арабов».

Ветхозаветные тексты, начиная с X в. до н.э., и греческие ученые середины I тысячелетия до н.э. уже знают широкую общность «арабов» в целом от Синая (где в ее состав влились амалекиты) до Евфрата. В итоге в Северо-Центральной Аравии известно несколько основных племенных союзов. К их числу относились: исконно арабский Ариби, который исчез, т.е. влился в состав других племен к середине I тысячелетия до н.э.; восходящие по происхождению к группам «ибри» союзы Дедан, Кедар и Небайот — последний в начале VI в. до н.э. захватил Эдом на южной окраине Мервого моря и образовал могущественное Nabateyское царство; а также переместившийся с крайнего юга племенной союз Самуд и другие.

В VI—V вв. до н.э. кочевые арабские племена скенитов заселили долину Среднего, частично Нижнего Евфрата и большую часть Верхней Месопотамии. В IV—III вв. до н.э. арабы Nabateyского царства окончательно поглотили Аммон и Моав и заняли Дамаск, который превратился еще ранее в крупнейший арабский центр и считался главным городом «Аравии Пустынной». Арабы поддерживали более или менее напряженные отношения с Ассирией и более поздними великими державами — Вавилонией, Персией, эллинистическими царствами, Парфией и Римом. Римляне, в частности, пытались проникнуть в Йемен и в 106 г. н.э. аннексировали Nabateyское царство.

Саба и государство юга Аравии

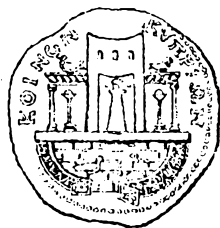
На юге Аравийского полуострова в XI—VIII вв. до н.э. сложились высокоразвитые государства южнопериферийных семитов: Маин, наиболее могущественная Саба, поддерживавшая при знаменитой «царице Савской» около 950 до н.э. тесные отношения с царством Соломона, а также Катабан, Аусан и Хадрамаут. Ожесточенные войны между ними за преобладание привели в конце концов к выдвиганию нового Химьяритского государства (конец II в. до н.э.), за несколько веков объединившего всю Южную Аравию.

Для общественного строя Южной Аравии характерны прочность родоплеменного строя и сочетание земель свободных

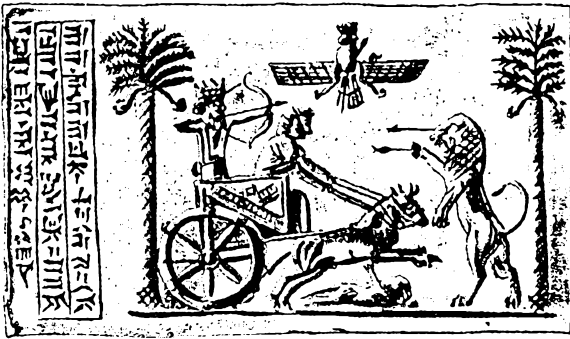
общин, храмовых хозяйств, хозяйств правителя и его рода. Последние три категории земель обрабатывались арендаторами и зависимыми (несвободными, прикрепленными к своему труду и земле) мелкими землепользователями. Среди последних многие были государственными и храмовыми рабами по сословию. Лиц рабского звания было немало, но частные рабы в производстве применялись редко. Долговое рабство, благодаря могуществу племенных структур, поддерживавших общинную солидарность, было мало распространено.

Высшая исполнительная власть в Сабее принадлежала наследственным правителям-мукаррибам, делившим власть с временными магистратами, избиравшимися из представителей знатных родов, и советами племенных вождей и старейшин. Общесабейский совет старейшин, в который входил и сам мукарриб, считался верховным органом управления.

Древнеарабская политеистическая религия носила в основном родовой характер; культ осуществлялся жреческими родами (как и у древних евреев). Высшие жреческие функции в Сабее принадлежали мукаррибу и магистратам. Ведущими божествами были Астар на юге, Аллаху («Бог», высшее божество) и Душара (бог грома и плодородия, реальный управитель мира) у набатеев, а также лунный бог, известный в разных регионах под разными именами. В Южной Аравии строились храмы, в Северной богов почитали на «высотах» — в святилищах, расположенных на возвышенностях.

ДРЕВНИЙ ИРАН

ПРИРОДА И НАСЕЛЕНИЕ

В древности Ираном (от «Ариана» — «страна ариев») именовалось географическое единство, далеко выходящее за пределы современного государства Иран и включавшее также части Пакистана, Афганистана и юг Средней Азии. Оно было ограничено горными кряжами Загроса на западе, Армянским нагорьем на северо-западе, Туркмено-Хорасанскими горами и Копетдагом на севере, а также пустынями Средней Азии Каракумами и Кызылкумами, рекой Сырдарья (Яксарт), Памиром и бассейном Инда на востоке. Центральное место в этом единстве занимает Иранское плато, основную часть которого составляют жаркие бесплодные и пустынные районы. Горы, опоясывавшие и пересекавшие плато, первоначально изобиловали лесом и рудами, правда в результате аридизации, т.е. увеличения сухости климата, на рубеже III—II тысячелетий до н.э. леса начали постепенно исчезать.

Земледелие на этих просторах по большей части требует искусственного орошения, для которого лучше всего обеспечена водой была Сузиана (совр. Хузестан) — область плодородной долины крупных рек Керхе и Карун на юго-западе Ирана. Хребты на территории современного Афганистана служили

кладовой многих металлических руд и минералов, в том числе лазурита, очень ценившегося на Древнем Востоке. К северо-востоку от Иранского плато лежит Туранская низменность, которую пересекают Амударья (Окс) с ее золотоносным притоком Зеравшан и Сырдарья (Яксарт), а также периодически пересыхающий, но в древности, как правило, функционировавший Узбой — ответвление Амударьи, впадающее в Каспий. Большую часть Туранской низменности занимают пески.

К востоку от Иранского плато тянутся бассейны рек Мургаб, Теджен-Герируд и Гильменд. Вдоль всех них цепочкой лежат пригодные для земледелия оазисы, особенно богатые в междуречье Амударьи и Сырдарьи. В V—IV тысячелетиях до н.э. климат Ирана был значительно мягче и влажнее нынешнего, затем начинает нарастать, с особенно резким импульсом на грани III и II тысячелетий, аридизация, что немало затрудняло связи между наиболее пригодными для жизни областями описанного выше огромного пространства и способствовало распаду его некогда сплошной ойкумены на несколько относительно изолировавшихся друг от друга субрегионов.

В древнейшие времена в Западном Иране жили неиндоевропейские племена, из языков которых хорошо известен только эламский (язык племен Юго-Западного Ирана), обнаруживающий родство с языком дравидов. По-видимому, в V—IV тысячелетиях до н.э. племена эламо-дравидской группы более или менее сплошь заселяли все огромное пространство Ирана, Средней Азии и Северо-Западной Индии. Со стороны Закавказья в Иран проникают в конце IV—III тысячелетии до н.э. представители восточнокавказской языковой группы — племена *кутиев* и *хурритов*. С IV тысячелетия до н.э. степи, протянувшиеся к северу от Кавказа и Средней Азии, занимали индоевропейцы индоиранской группы — древние арии. Во II тысячелетии индоиранцы широко расселяются на территории Древнего Ирана, причем к концу его большую часть этих земель занимают носители языков иранской ветви этой группы, в то время как индоязычные арии сместились дальше на восток, в Индостан. В течение первой половины — середины I тысячелетия до н.э. большинство неиндоевропейских аборигенов Ирана были ассимилированы ираноязычными племенами, хотя в виде этнических реликтов они сохраняли прежнюю этническую идентичность в труднодоступных местах вплоть до рубежа I—II тысячелетий нашей эры.

ЭЛАМ — ДРЕВНЕЙШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИРАНА

В IV—III тысячелетиях до н.э. территория Древнего Ирана была достаточно плотно заселена родственными друг другу племенами, близкими по происхождению к своим восточным соседям дравидам долины Инда. К государственности первыми среди них перешли племена страны Элам, занимавшей юго-запад Ирана (это укоренившееся в науке имя ей присвоили месопотамцы в подражание эламскому самоназванию «Хал-темпт», или «Страна Бога»). Крупнейшими центрами Элама являлись Сузы на западе, в долине Керхе, и Анчан на востоке (современный Тепе-Мальян в Фарсе).

Завершающий импульс образованию государства у эламитов дали шумеры. В IV тысячелетии до н.э. они подчинили Сузиану и основали в Сузах колонию, которая послужила ядром распространения культуры и политического опыта Месопотамии в Эламе. В это время эламиты овладели письмом, а с уходом шумеров создали собственное государство, которое быстро охватило почти все Иранское плато, выводило в основные его регионы собственные колонии, известные по находкам эламских административных документов (начала III тысячелетия до н.э.). Внешние владения эламиты утратили уже через несколько веков, но собственное этнополитическое единство и государственность удержали на тысячелетия.

Элам представлял собой федерацию нескольких «стран»-княжеств, то объединявшуюся под властью династии того или иного из них, то вновь распадавшуюся. Но откуда бы ни вышла правящая династия, столицей Элама обычно являлись Сузы — крупнейший город страны, расположенный в наиболее плодородной ее части и контролировавший пути из Элама в Месопотамию. В периоды прочного объединения своих княжеств эламиты обычно покоряли обширные внутренние районы Ирана, а иногда и значительную часть Двуречья; в фазах распада страна приходила в упадок, теряла все завоевания и прекращала активные внешние контакты.

Постоянными геополитическими противниками Элама были государства Месопотамии, причем если могущественные общемесопотамские империи (державы Аккада и Ура, Вавилония Хаммурапи, Новоассирийская и Нововавилонская державы) быстро добивались устойчивого преобладания

над Эламом и нередко оккупировали Сузиану, то в эпохи хозяйственного и политического упадка Месопотамии перевес в этом противоборстве переходил к эламитами.

Для Элама было характерно сохранение устоявшихся обычаев родоплеменной древности, в частности соправительстватроевластия, браков с сестрами и левирата в царской династии (наследования братом умершему брату с одновременной женьитьбой на вдове покойного). Основными ячейками общества выступали большесемейные общины с коллективным землевладением и землепользованием, постепенно распадавшиеся на мелкие частные хозяйства. Особняком стояли царские и храмовые хозяйства. Месопотамские источники пристрастно рисуют Элам страной демонов и злого колдовства, а его обитателей жадными до месопотамских богатств грабителями-горцами.

Иранская «ойкумена» и внешняя политика Элама

К середине III тысячелетия процессы образования государства охватили всю территорию Ирана, и она оказалась покрыта десятками «номовых» царств и их объединений, поддерживавших тесные контакты друг с другом и в большинстве своем родственных по этносу и культуре (их народы, как правило, относились к эламо-дравидской общности). В совокупности все эти образования составляли особую региональную «ойкумену», которая выступала посредником в контактах между аналогичными соседствовавшими с ней «ойкуменами», месопотамской и индской, и добилась экономического процветания благодаря этому посредничеству и высокому уровню производящего хозяйства; эти три мира — месопотамский, иранский и индийский — и составляли непрерывный пояс цивилизованных обществ Азии в середине — второй половине III тысячелетия до н.э.

Из этнополитических образований Ирана той эпохи, помимо Элама, следует упомянуть Аратту в Центральном Иране, известную своими контактами с Шумером особую этнокультурную общность на севере Ирана, занимавшую области Силалк и Гиссар и оставившую памятники так называемой «астробадской бронзы». Предположительно это были племена каспиев, по которым еще в глубокой древности получило свое имя Каспийское море, племенные объединения кутиев и луллубеев

в горах Загроса, могущественное царство Варахше в Юго-Восточном Иране, которое контролировало все территории между Эламом и зоной индской цивилизации, и, наконец, культурную область Анау-Намазги на северо-востоке Ирана (страна Харали месопотамских источников). Территории далее к востоку, входили в орбиту культурных влияний дравидов индской цивилизации, порой простиравших свою власть до Амударьи.

В XXIII в. до н.э. западная и южная части этой древнейшей иранской ойкумены (в том числе регион Загроса, Элам, Варахше и Аратта) подверглись военному натиску Аккадской державы и временами признавали верховное владычество ее царей от Саргона до Нарам-Суэна. Однако прочной власти над этими территориями аккадские цари так и не добились. Держава III династии Ура в XXI в. до н.э. ценой многократных военных походов установила временный контроль над Западно-Центральным Ираном и Эламом, однако вскоре последний восстал против ее владычества и после ожесточенной войны привел к гибели саму Урскую державу: эламиты разгромили ее столицу Ур и угнали в плен ее последнего царя Ибби-Суэна (2003 г. до н.э.).

Около 1775—1765 гг. до н.э. при царе Сивепалархухпаке Элам, вмешавшись в усобицы месопотамских царей, даже осуществлял верховное владычество почти над всей Месопотамией, в том числе над Вавилоном знаменитого *Хаммурапи*; в это время эламитов стали призывать на помощь друг против друга даже сирийские князья, и действительно, объединенная эламо-месопотамская армия под командованием эламского династа Кутир-Лагамара совершила вылазку в Восточное Средиземноморье вплоть до Заиордания (воспоминание об этом уцелело в Библии: Быт.14). Однако этот высший взлет эламской мощи оказался эфемерным: в 1764 г. до н.э. Хаммурапи сверг эламское господство, в длительной войне разбил эламитов и их союзников и сам оккупировал Сузиану.

Шутрукиды и их наследники

После тяжелейшего кризиса, связанного с поглощением страны Вавилонией и беспрецедентным натиском *ариев*, Элам в конце II тысячелетия до н.э. переживает новую пору расцвета, обусловленную с тем, что в стране на время было установлено единодержавие и единонаследие царей вместо привычного соправительства. В конце XIII в. до н.э. правите-

ли Элама совершают успешные набеги на Касситскую Вавилонию, а в середине XII в. до н.э. совершенно опустошают и частично оккупируют ее, одновременно нанеся победоносный удар Ассирии при династии Шутрукидов (ок. 1205—1075 гг. до н.э.). Из представителей этой династии нам известны цари Шутрук-Наххунте (1185—1145 гг. до н.э.), Кутир-Наххунте III (1145—1140 гг. до н.э.) и Шилхак-Иншушинаке (1140—1120 гг. до н.э.). В это время экспансия Элама достигает апогея, а сам он в наибольшей степени приближается к обычному типу ближневосточной империи. Однако неожиданно воспрянувшие вавилоняне смогли при Навуходоносоре I разбить эламитов при Деро (ок. 1120 г. до н.э.) и подвергнуть Элам столь страшному разгрому, что он на триста лет исчезает из месопотамских источников; как результат к середине XI в. до н.э. Среднеэламское царство распалось.

Новое царство, сумевшее объединить страну, династия которого возводила себя к Шутрукидам, но при этом восстановила режим троевластия, было создано только около середины VII в. до н.э. и никогда не могло вполне преодолеть раздробленность страны. Его внешняя история представляет собой почти непрерывные войны с Ассирией, которые, несмотря на прочный антиассирийский союз Элама с Вавилонией, протекали в целом неблагоприятно, а после разгрома Вавилона в 689 г. до н.э. и вовсе катастрофически для Элама; внутренняя же жизнь изобиловала смутами, дворцовыми переворотами и соперничеством соправителей. В итоге около середины VII в. до н.э. ираноязычные племена персов захватили один из важнейших регионов страны Анчан, а в 644 г. до н.э. Элам был на некоторое время аннексирован Ассирией.

В период ослабления и кризиса Ассирийской державы примерно в 624 г. до н.э. Эламское царство было восстановлено, однако вскоре вынуждено было признать верховную власть мидян, в конце 90-х годов VI в. до н.э. потеряло под ударами Навуходоносора II Вавилонского Сузиану, а в 549 г. до н.э. было превращено *Киром Великим* в сатрапию Персидской державы, что и подвело черту под трехтысячелетней историей эламской государственности. Тем не менее иранизация основной массы эламитов произошла не ранее рубежа эр, а остатки их населения употребляли родной язык вплоть до X в. н.э. (иранизированными потомками эламитов являются современные горцы Юго-Западного Ирана — бахтиары и лурцы).

Пришествие ариев и гибель древнеиранской цивилизации

В XVIII—XVII вв. до н.э. древнейшая цивилизация Ирана была разрушена массовым переселением индоевропейцев-ариев (индоиранцев) и вызванными их натиском миграциями самого иранского населения; эта же цепь переселений погубила на своем излете индскую цивилизацию. Тогда была полностью уничтожена североиранская культурная общность «астрабадской бронзы»; бежали на Восток носители культуры Намазги, запустели и другие старые центры. Сохранились только окраинные, западные и южные государства прежнего Ирана — загросские «номовые» княжества, Элам и Варахше. Вторая волна индоиранского расселения в регионе (середина — третья четверть II тысячелетия до н.э.) привела к тому, что и из них уцелел только один Элам. Прочих индоевропейцев Ирана пришельцы-арии частично истребили, но в основном ассимилировали или оттеснили в труднодоступные и малопродуктивные местности, где они в качестве племенных реликтов просуществовали еще много столетий до окончательной иранизации (так, еще в середине I тысячелетия н.э. Белуджистан был заселен родственными дравидам аборигенами, известными греческим историкам как «азиатские эфиопы»).

ДРЕВНИЕ АРИИ И ИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ЮГ ЕВРАЗИИ

С конца II тысячелетия до н.э. и по сей день население Ирана и Индии в большинстве своем этнически происходит от особой ветви индоевропейцев — носителей языков так называемой индоиранской группы индоевропейских языков, которая делится, в свою очередь, на две подгруппы — иранскую и индоарийскую. Выяснение прародины общеиндоиранского единства, воссоздание истории его распада на общности индоариев и ираноязычных племен, определение их местообитания и хода расселений являются одной из самых сложных проблем в истории древности. Общепринятого и вполне доказанного решения этой загадки в настоящее время не предъявлено. С достаточной степенью уверенности можно сказать лишь, что к концу III тысячелетия до н.э. индоиранское этноязыковое единство еще существовало, а его носители

заселяли обширные пространства степей, раскинувшихся от Дуная до Алтая через Северное Причерноморье и современный Казахстан. В конце III — начале II тысячелетия до н.э. внутри этого единства обособились друг от друга протоиранская и протоиндоарийская племенные общности, в результате чего их языки к середине II тысячелетия до н.э. окончательно разошлись на индийские и иранские.

Общим самоназванием индоиранцев, сохранившимся у обеих их ветвей, выступал термин «арии». Арий означал «ритуально чистый, высший, лучший человек». Кстати, термины с дословным значением «настоящие люди» принимали в качестве самоназвания многие этнические группы первобытности. Древние арии того времени были скотоводами и стояли на предгосударственной стадии развития; ранее они главным образом занимались земледелием (о чем свидетельствует сохранение ими общеиндоевропейской земледельческой терминологии), но из-за климатических перемен оно отошло на второй план.

Переселение ариев в первой половине II тысячелетия до н.э.

В течение II тысячелетия до н.э. племена ариев несколькими волнами расселились на юг Евразии, накрыв территории Ирана и Северной Индии. Археологические и лингвистические материалы склоняют исследователей утверждать, что иранцы попали в Иран скорее через Кавказ, чем из Средней Азии. На более гипотетическом уровне можно воссоздать и более подробную картину. По-видимому, в начале II тысячелетия предки индоариев расселялись в западной части степей, в Предкавказье, а предки ираноязычных племен — на востоке. Судя по реликтовым представлениям, уцелевшим в священной книге поздней религии иранцев — зороастризма — «Авесте», изначально известный ираноязычной традиции мир простирался от Алтая и Тянь-Шаня до истоков Волги с востока на запад и от Западной Сибири до Амударьи с севера на юг; это огромное пространство делилось на семь частей, в центре которой лежала Хванирата — родина самих иранцев. Археологически это время господства катакомбной культуры между Днепром и Кавказом.

В XVIII—XVII вв. до н.э., как показывают данные раскопок, происходит массовое смещение племен через Кавказ на юг по маршруту Предкавказье—Северный Иран и далее на

восток вплоть до Инда. Решающую роль в этом переселении сыграли, вероятно, протоиндоарии Предкавказья; на своем пути они разоряли аборигенов Ирана и гнали их перед собой; те смещались на восток, тесня друг друга и вызывая новые цепные переселения. В итоге возникла полоса индоарийского расселения, простиравшаяся от Кавказа через Северо-Центральный Иран и Афганистан до рубежей Индии, которых достигли «передовые» отряды индоарийской миграции.

По дороге некоторые группы индоариев отстали от основного потока; в частности, одна из таких групп в это время очутилась на Армянском нагорье и поселилась на Верхнем Евфрате у рубежей Верхней Месопотамии, где ее и фиксируют под названием «*воины манда*» переднеазиатские источники XVIII—XVII вв. до н.э. (в науке они известны как переднеазиатские арии). Отсюда арии-«манда», взаимодействуя с хурритами, глубоко проникают в хурритский мир: из их среды в XVII—XVI вв. до н.э. вышли династы *Митанни* и некоторых царств хурритской Палестины. За верхнеевфратской областью ариев сохранилось название «Манда», и правивший ею много веков спустя армянский княжеский род назывался по ней Мандакуни. Часть индоариев так и осталась в Предкавказье и существовала там еще в античную эпоху (как показали исследования О.Н. Трубачева, реликтовыми индоариями оказались хорошо известные по античным источникам приазовские синды и меоты).

В результате во второй четверти — середине II тысячелетия до н.э. зона протоиндоарийского расселения пролегла в основном к югу от линии Кавказ—Каспий, а протоиранская — к северу от этой линии, так что между ними вклинился существенный территориальный разрыв. Именно в это время арийские языки, по данным лингвистики, разошлись окончательно. Для степи это время существования двух главных археологических культур: «многоваликовой» в степях к западу от Урала — Волги и «андроновской» на территории Казахстана; последнюю есть все основания связывать с общеиранским этнокультурным единством.

Вторая волна миграций ариев: расселение ираноязычных племен

В XVI/XV—XIV вв. до н.э. в Евразии происходит второе крупное переселение древних ариев примерно по тому же цир-

кумкаспийскому маршруту, что и первое: племена андроновской археологической культуры продвигаются из-за Волги на запад и, смешиваясь с местными племенами, образуют здесь особую срубную культуру (в то время как к востоку от Волги продолжается собственно андроновская традиция); одновременно ираноязычные племена распространяются из-за Кавказа в Северо-Западный и Северный Иран, принося с собой начало железного века и характерную серую керамику. В конце данного периода миграций ираноязычные племена продвинулись на восток вплоть до позднейшей Бактрии (само название означает по-ирански «восточная страна», так что сюда иранцы пришли с запада) и долины Амударьи включительно. Вероятно, именно под их постепенно усиливавшимся давлением индоарии и смещаются в Северную Индию в XIV—XIII вв. до н.э.

В Иране индоарии были в основном вытеснены или ассимилированы своими пришлыми ираноязычными родственниками, хотя на стыке их ареалов сохранялась широкая полоса чересполосного иранско-индоарийского существования и симбиоза, включавшая значительную часть современного Афганистана. Так, одна и та же территория с центром в позднейшем Кандагаре известна по индийским источникам как индоарийское царство Камбоджа, а по иранским — как страна с иранским названием Харахвати (античная Арахосия). По индоарийской именователю основе «камбодж-» вообще можно опознать трассу индоарийских миграций (ср. область «Камбисену» в Восточном Закавказье, упоминаемую у греческих авторов, царское имя «Камбуджия» (Камбиз) у персов и упомянутое царство Камбоджа на территории современного Афганистана, не говоря о занесении индийскими колонистами этого названия на территорию Индокитая, откуда пошло современное употребление в качестве топонима).

В итоге второго цикла арийских миграций расселение ираноязычных племен приняло следующий вид, сохранявшийся в общих чертах в конце II — начале I тысячелетия до н.э.: к востоку от Урала и Волги обитали носители андроновской культуры — предки скифо-сакских племен, известных прежде всего по античным данным, и племен «тура», о которых повествует «Авеста»; к западу от Урала и Волги степь занимали носители срубной культуры, непосредственные предки племен, которых греки обобщенно именовали «киммерийцами»; большая часть Западно-Центрального и Северного Ирана была занята общностью, из

которой позднее вышли мидийские и персидские (западноиранские) племена; при Амударье — Хильменде обособилась группа племен, известная в науке под названием «авестийских ариев» (сами себя они называли «арья», свою территорию — Арйанам-Вайджа («Простор Ариев») и Арйошйана («Страна Ариев»), и именно с ними происходили события, отраженные в «Авесте», ядро которой формировалось в их же среде.

Авестийские арии были потомками головной, дальше всего продвинувшейся на восток волны того же миграционного потока, основная часть которого, оставшаяся в Центральном Иране, была представлена мидо-персидскими племенами. Однако авестийские арии, продвигаясь на восток, оторвались от своих западноиранских родственников и оказались отделены от них областями Юго-Восточного Прикаспия (Варна в авестийской терминологии) с аборигенным иранским населением, описанным в авестийской традиции как страшные и могущественные враги, и соляной пустыней Дешт-и-Кевир. Это не позволяло авестийским ариям поддерживать контакт с ираноязычными племенами Иранского плато и привело к тому, что их история в следующие несколько веков развивалась двумя независимыми потоками.

Общество и культура древних ариев

В результате постепенной ассимиляции аборигенного населения Ирана ираноязычными племенами все пространство между Тигром, Индом и Амударьей около середины I тысячелетия до н.э. стало именоваться «Арйанам» («Арийская земля»). Поздней формой этого слова и является современное «Иран». Для ранних иранских (как и индоарийских) обществ характерна одна и та же, восходящая к общеиндоиранской практике, трехсословная организация: общество делилось на наследственные сословия жрецов, воинов и рядовых общинников — скотоводов и земледельцев. На уровне племенных союзов соответствующие роли часто присваивались целым племенам: так, в шестиплеменном союзе мидян жреческие функции были монополизированы племенем магов (откуда значение слова «маг» в европейских языках). Менталитету индоиранцев была присуща ритуально-языковая этническая самоидентификация: те, кто осуществлял правильные ритуалы на чистом языке, почитая соответствующих богов, считались этнически

«своими» независимо от кровного родства. Это существенно облегчало ассимиляцию аборигенного населения. Жрецы были наиболее почитаемым сословием, но власть вождя (впоследствии царя) в норме должен был осуществлять кто-либо из сословия воинов; вождь и рассматривался в первую очередь как глава военной организации племени.

Религиозные представления индоиранцев реконструируются по данным о верованиях отдельных индоиранских народов. Боги четко делились на два класса: дайвы и ахуры (иранск. асуры), в какой-то мере противопоставленные друг другу (такое деление известно во многих мифологиях, в том числе шумеро-аккадской). К началу II тысячелетия до н.э. у индоариев, а независимо от них и у иранцев, это деление было переосмыслено как ценностное: боги одного из классов стали рассматриваться как «добрые» (распространяющие радость, жизнь, созидание), а другого — как «злые» (насаждающие смерть, страдания и разрушения). При этом иранцы расценили ахур как добрых богов, а дайвов как злых, а индоарии наоборот. Соответственно, наиболее могущественные и однозначно благодетельные боги, как, например, Митра, бог Солнца и человеческой справедливости, охранитель клятв, зачислялся разными народами в разные категории: у иранцев Митра — ахура, у индоариев — дайва. Все индоиранцы почитали Яму (Йиму), первопредка человечества и владыку Царства мертвых, а также поклонялись Ветру, Солнцу, Луне и Огню. Исключительное значение придавалось ритуальным формулам и правильному их произнесению.

ИРАН И МИДИЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Ранние государства мидян и «авестийских ариев»

Первая половина I тысячелетия до н.э. была временем нарастающей ассимиляции аборигенного населения и на Западе, и на Востоке Ирана. На основе взаимодействия пришлых иранцев с местными кутийско-каспийскими племенами к началу IX в. до н.э. в долине реки Кызыл-Узен и сопредельных областях сложился мидийский союз племен («Мадай» ассирийских источников). Его территория рассматривалась как некий срединный, центральный ареал мира ираноязыч-

ных племен Иранского плато. Области прочих из этих племен, живших к западу, югу и востоку от мидян, получали поэтому названия от иранского корня «парс» (досл. «бок»), т.е. «Окраинная земля, Украина» по-ирански. Известно три такие иранские «Украины»: Парсуа в долине реки Дияла, Парса — Персия, лежавшая при горах Загроса, между Мидией и Эламом (именно ее население вошло в историю под именем «персов»), и Парфия в предгорьях Копетдага.

История мидян и всего Северо-Западного и Центрального Ирана в течение нескольких веков сводилась в основном к обороне от ассирийских нашествий. В 834—788 гг. до н.э. ассирийские войска систематически вторгались на территорию мидян; к концу этого периода, при «Семирамиде» (Шаммурамат) и Адад-нерари III (810—783 гг. до н.э.) Ассирии покорялись все земли региона вплоть до Каспия и Дешт-и-Кевира. Лишь резкое ослабление Ассирии в 70-х годах VIII в. до н.э. под ударами государства Урарту привело к быстрому освобождению мидян. Однако новая череда ассирийских походов (744—713 гг. до н.э.) привела к вторичному включению Мидийского союза и соседних областей в Ассирийскую державу, причем на этот раз уже в виде провинций, а не зависимых владений.

На Востоке, при Амударье — Хильменде, в начале I тысячелетия до н.э. сложилась, по-видимому, ранняя держава авестийских ариев. Ее цари носили титул «кави» (первоначально верховный жрец, руководитель общинного культа и тем самым всей общины), что обличало их связь с общинными структурами. Оседлые авестийские арии принуждены были вести постоянные оборонительные войны против совершавших на них набеги с севера кочевников «тура», потомков андроновских племен. Воспоминания о царях авестийских ариев (в науке за ними укрепилось обозначение «кейаниды», от поздней формы слова «кави») и их борьбе с туранцами образуют один из важнейших содержательных пластов «Авесты».

«Линия фронта» этой борьбы, пролежавшая между Амударьей и Сырдарьей, хорошо известна археологически: это граница между южным и северным вариантами раннего железного века Средней Азии. Авестийские арии направляли свои походы и на запад, против неиндоевропейских аборигенов Юго-Восточного Прикаспия (страна Варна в «Авесте»), но не добились здесь успеха; в конце концов эти области были иранизированы со стороны центральноиранского очага расселения иранцев.

Киммерийцы и скифы

Резкую грань в истории и запада, и востока Ирана образовала мощная волна переселений степных кочевых иранцев, начавшихся около третьей четверти VIII в. до н.э. Существенные, хотя и неполные сведения о них сообщает Геродот. В целом миграции, занявшие несколько десятилетий, были направлены с востока, от Алтая и Тянь-Шаня, на юго-запад — в Среднюю Азию, и на запад — за Волгу и на Кавказ.

Сталкивая и разбивая друг друга, словно бильярдные шары, кочевые племена с восточной окраины степного ираноязычного ареала, обобщенно именующиеся у греков «скифами», а у персов «саками», устремились в указанных двух направлениях, иногда сами раскалываясь по дороге. К их числу относились в первую очередь собственно скифы (так называемые «скифы царские», или просто «скифы» у Геродота) и массагеты. Группа «скифов», о которой сообщает Геродот, пересекла Волгу и, обрушившись на местные ираноязычные племена, известные как «киммерийцы», заставила часть из них уйти на юг от Кавказа (ок. 720 г. до н.э.), а остальную подчинила, добившись доминирования в Северном Причерноморье и Предкавказье, после чего все ираноязычные кочевники этого региона стали обобщенно именоваться по новой господствующей силе «скифами» (точно так же, как ранее они именовались «киммерийцами» по предыдущему доминирующему племени).

Ушедшие в Переднюю Азию киммерийцы, держались в Западном Закавказье и Восточной Малой Азии около 80 лет, опустошая своими набегами Анатолию от Урарту до Эгейского моря и нападая на границы Ассирии. В 675 г. до н.э. киммерийцы разрушили Фригийскую державу. Около 680 г. до н.э. часть предкавказских скифов перевалила Кавказ и основала собственное царство на северо-западном рубеже Ирана; население этого царства было позднее известно Геродоту как «прямошапочники», в то время как некие «прямошапочные саки», т.е. ветвь той же самой племенной группы скифов, о которой повествует Геродот, фиксируются надписями Ахеменидов уже на территории Средней Азии, куда они, как видно, попали, отделившись от основного маршрута своей племенной группы, описанного у «отца истории». Массагеты заняли степи между Каспием и Аралом, включая бассейн Узоя. В ходе того же цикла миграций кочевники-туранцы разгро-

мили державу авестийских ариев, распавшуюся на несколько осколков (крупнейшим из них было Бактрийское царство, считавшееся в VI в. до н.э. одной из великих держав Азии). Но и сами «тура» навсегда исчезли из истории, смененные новой, «скифо-сакской» волной ираноязычных кочевников.

Рождение Мидийского царства

О киммерийцах и скифах в Передней Азии мы знаем прежде всего по месопотамским источникам, где всех этих кочевников могли обобщающе именовать то «гимиррай» (по киммерийцам, явившимися на южные от Кавказа земли первыми), то старым термином, обозначающим варваров из-за северного края мира — «умман-манда». Появление Скифского царства на северо-западе Ирана угрожало ассирийскому могуществу и дало импульс к новому витку политогенеза у мидян. Уже в 673 г. до н.э. мидяне, подвластные Ассирии, с помощью скифов этого царства свергли ассирийское господство и сформировали самостоятельное государство со столицей в Экбатанах.

Первым его царем стал Хшатрита (ок. 673—653 гг. до н.э.). Мидия быстро объединила Северный Иран, но скифы неожиданно заключили союз с Ассирией. Когда Хшатрита в 653 г. до н.э. напал на нее, угрожая Ниневии, скифы разгромили его войска и подчинили Мидию своей власти, после чего стали главной силой на севере Передней Азии. В следующее десятилетие они контролировали большую часть Закавказья, опустошали набегами *Урарту* и просторы Малой Азии, где победили и полностью уничтожили киммерийцев (643 г. до н.э.), а затем обратились против самой Ассирии и безнаказанно разорили ее западные провинции (30-е годы VII в. до н.э.). В это время скифам никто не мог противостоять на всем Ближнем Востоке, однако могущество их оказалось эфемерным: в 625 г. до н.э. вожди скифов были истреблены во время какого-то праздника взбунтовавшимися против них местными предводителями. Впоследствии этот подвиг приписывался обычно правителю Мидии Киаксару.

Взлет Мидийского царства при Киаксаре

Все покоренные скифами страны в конце VII в. до н.э. немедленно обрели независимость, и больше всех от этого выиграла Мидия: ее правитель Киаксар (правил как независимый царь в

625—585 гг. до н.э.) организовал по ассирийскому образцу новую регулярную армию, заменив ею бывшее племенное ополчение, и приступил к собственным широкомасштабным завоеваниям. В первое же десятилетие своей власти он покорил большую часть Иранского нагорья, в том числе Персию и Элам.

Ассирия, заклятый враг мидян, в это время все больше увязала в войне с восставшей против нее Вавилонией; Киаксар вмешался в эту войну, в 615 г. до н.э. напал на Ассирию, а в 614 г. заключил антиассирийский союз с вавилонянами и разрушил древнюю столицу Ассирии Ашшур. К 605 г. до н.э. Ассирия была полностью уничтожена, а ее территория поделена между Вавилонией и Мидией, причем последняя присоединила северную полосу Верхней Месопотамии, в том числе область Ниневии и крупнейший город Верхней Месопотамии Харран. Одновременно Киаксар покорил государства Армянского нагорья, в том числе Скифское царство, *Урарту* и древнеармянское государство *Армину*. Как часто бывает, Вавилония и Мидия, разделив ассирийское наследство, вскоре оказались на грани войны друг с другом.

В 90-е годы VI в. до н.э. начались приграничные столкновения: вассал Мидии царь Элама напал на Вавилонию, но был разгромлен Навуходносором, захватившим Сузиану. Полномасштабный конфликт казался неизбежным, но обе стороны втянулись в другие войны: Вавилония с Египтом, а Мидия с Лидией. Воспользовавшись этим напряженным моментом, Лидия попыталась оспаривать у Мидии влияние на Армянском нагорье, укрыв орду скифов, взбунтовавшуюся против Киаксара, и заключив союз с Арминой; Киаксар немедленно отреагировал объявлением войны.

Решающая схватка Ирана и Месопотамии была отсрочена на полвека, а необычайно кровопролитная война Мидии с лидийцами (590—585 гг. до н.э.) шла с переменным успехом и завершилась сражением, во время которого случилось солнечное затмение. Обе стороны узрели в этом гибельное предзнаменование и изнуренные войной сочли за лучшее заключить компромиссный мир и даже союз, скрепленный браком между сыном Киаксара Астиагом и лидийской царевной. Граница между державами была проведена по реке Галис; Мидия тем самым присоединяла Каппадокию.

Киаксар оставил в наследство своему преемнику Астиагу (585—550 гг. до н.э.) огромную централизованную державу

(самую большую за всю предшествующую историю мира!), с хорошо организованным государственным аппаратом, включая корпорацию государственных жрецов-магов. Большая часть присоединенных территорий перешла под прямую власть мидийского престола, ее разделили на наместничества-сатрапии; лишь немногие области: Армина, Персия и Элам — были оставлены на вассальном положении.

Еще важнее было то, что в 613 г. до н.э. Киаксар сменил титул с «царя Мидии» на «царя народов». Об этом можно судить по тому, что в вавилонской хронике с этого года его титулуют не «царь Мидии», как ранее, а «царь умман-манда». Тем самым он выдвинул совершенно новую концепцию государства как мировой деспотии, где царская власть была принципиально неограниченна, универсальна, стояла над любыми национально-государственными традициями (в том числе собственного народа) и претендовала на весь мир. Эту концепцию от мидийских царей унаследовали Ахемениды.

«МИРОВАЯ» ДЕРЖАВА АХЕМЕНИДОВ

В горном краю между юго-восточными рубежами Мидии и Эламом еще в IX в. до н.э. сформировался союз ираноязычных племен, чья область называлась «Парсой» т.е. «Окраиной» (откуда пошла античная «Персия»). Сам этот союз вошел в историю под названием «персов». В VII в. до н.э. его возглавляли наследственные вожди из рода Ахеменидов, потомков некоего Ахемена (ок. 700 г. до н.э.), считавшегося основателем этой династии. Внук Ахемена Кир I, воспользовавшись ассирийским разгромом Элама, в 40-х годах VII в. до н.э. занял важнейшую эламскую область Анчан (античная Персида, современный Фарс) и перевел туда большую часть персов; одновременно, чтобы обезопасить свои владения, он признал себя вассалом Ассирии. Позднее Ахемениды попали в зависимость от Мидии.

В 553 г. до н.э. очередной династ Ахеменид Кир II, объединив вокруг себя все персидские племена, поднял их на мятеж против Астиага и после трех лет рискованной войны в 550 г. низверг Астиага и захватил престол Мидийской державы — отныне державы Ахеменидов. Ее государственный строй и имперская политическая концепция не претерпели особенных изменений, лишь «имперским народом» вместо мидян стали персы (впрочем, значительная часть мидийской

знати сохранила свое положение), а правящей династией — Ахемениды. Характерно, что еще три четверти века спустя, во время Греко-персидских войн, эллины обобщенно именовали население державы Ахеменидов «мидянами», а сами эти войны «Мидийскими». Мидийская столица Экбатаны осталась одной из царских резиденций державы наряду с персидскими Пасаргадами. Официальным названием всей державы стало «Царство Персии и стран», т.е. в точном смысле слова — «мировое государство». Из числа персов отныне выходила высшая знать, и они были освобождены от налогов.

Персия на взлете: экспансия и династические смуты

Захватив Мидийскую державу, Кир немедленно перешел к невиданным дотоле завоеваниям. В 549—548 гг. до н.э. были аннексированы все бывшие владения Мидии, не доставшиеся Киру во время войны с Астиагом, в том числе Элам. В 547 г. до н.э. царь Лидии *Крѐз* напал на державу Ахеменидов, но потерпел полное поражение, после чего не только Лидия, но и вся Малая Азия вместе с прибрежными греческими городами склонилась под властью персов. В следующие несколько лет Кир обратился на восток и подчинил политические образования Восточного Ирана — осколки былой общности «*авестийских ариев*», в том числе крупное царство Бактрию с его владениями в Согде, а вместе с ними ближайшее индоарийское царство — Гандхару и припамирских кочевников-«саков хаумаварга». Границы державы были доведены до Средней Сырдарьи и Верхнего Инда.

В 539 г. до н.э. Кир двинулся в поход против Вавилонии и овладел ею без особенного труда; городская верхушка Вавилона и часть знати готовы были признать в нем покровителя и освободителя от тирании собственного царя. С падением Вавилона к ногам Кира легли и все его владения вплоть до Средиземного моря. В 530 г. до н.э. Кир вернулся на восточные границы своего государства и обратился против приузбойских кочевников-массагетов, но в решающей битве потерпел полное поражение и погиб сам. По преданию, царица массагетов бросила отрубленную голову Кира в бурдюк, наполненный кровью, воскликнув: «Ты хотел крови, Кир, пей же ее досыта!».

Киру наследовал его старший сын Камбиз, который подготовил и в 525 г. до н.э. осуществил завоевание Египта. Как и

в Вавилоне, значительная часть египетской знати поддержала персов, чему не помешали жестокие казни, учиненные Камбизом во взятой вражеской столице Мемфисе. С покорением Египта соседящие с ним ливийцы и греки Киренаики также подчинились Камбизу. Тот оставался в Египте до 522 г. до н.э., когда в Персии против него была предпринята успешная попытка узурпации власти.

Возглавлял ее человек, который сам объявлял себя младшим братом Камбиза, Бардией. Камбиз двинулся против него, но внезапно скончался при загадочных обстоятельствах, а узурпатор был повсеместно признан царем и принялся проводить политику, направленную на уничтожение исключительного положения персидской знати как знати «имперского народа». Иными словами, он хотел сломить единственную силу, способную на тот момент фактически ограничивать власть царя — персидскую знать. При этом он искал опоры в завоеванных землях и покоренных народах, чья воля и возможности противостоять царю были сломлены самим фактом чужеземного завоевания и владычества (сходную политику пытались проводить цари Ассирии). Персидская знать оказала этим планам непримиримое сопротивление, и в том же 522 г. до н.э. царь был зарезан заговорщиками — представителями семи знатнейших родов персидской аристократии; по их соглашению престол достался одному из них, Дарию из младшей ветви рода Ахеменидов.

Привилегии персидской знати были восстановлены, а погибшего царя торжествующий **Дарий** (522—486 гг. до н.э.) официально объявил самозванцем, мидийцем Гауматой из племени магов, обманно выдававшим себя за Бардию; настоящий же Бардия был якобы тайно убит по приказу Камбиза еще в начале правления последнего. Скорее всего, это ложное утверждение: в трагедии Эсхила «Персы» жертву Дария сам же Дарий называет «Бардией, опозорившим трон». Такую оценку этого правителя греки могли получить только от сторонников Дария, но тогда выходит, что и последние в неофициальной обстановке признавали убитого Бардией.

После двух государственных переворотов в течение одного года и свержения Бардии, популярного в присоединенных странах, многие из них (а также и сама Персия!) отреклись от Дария и выдвинули собственных правителей. В течение года с лишним Дарий и его полководцы, действуя необычайно стремительно и

с напряжением всех сил, смогли подавить все многочисленные восстания (в иных областях они успели вспыхнуть не по одному разу). Об этом достижении Дарий составил особый манифест, содержащий официальную версию предпринятого им переворота; манифест был высечен на огромной скале (так называемая Бехистунская надпись), а в копиях разослан по всей империи.

Восстановив державу Кира и Камбиза, Дарий попытался упрочить свое положение на престоле серией новых завоеваний, подчиненных грандиозному плану захватить чуть ли не весь хорошо известный Ахеменидам мир. В 519 г. до н.э. Дарий покорил присырдарьинских «прямошапочных саков», в 517 г. до н.э. — долину Среднего и Нижнего Инда и остров Самос, ок. 516—515 гг. до н.э. — Фракию и Македонию с прилежащими греческими городами, тем самым впервые перенеся персидское оружие в Европу.

Примерно в 514 г. до н.э. Дарий с огромной армией двинулся на северо-восток от Дуная, намереваясь привести к покорности скифские племена Причерноморских степей и, видимо, возвратиться в Иран с востока, замкнув круг ахеменидских владений. Однако, дойдя до Северного Приазовья, Дарий был вынужден повернуть назад и едва смог вывести остатки своих полчищ за Дунай: воевать в бескрайних степях с неуловимой скифской конницей, не имея баз снабжения, оказалось невозможным. Впрочем, какие-то незначительные земли севернее Нижнего Дуная (на территории совр. Румынии), частично населенные скифами, остались за персами, и Дарий официально хвалился покорением «заморских саков». К 500 г. до н.э. были покорены еще и кочевники-дахи («саки засогдийские») на Нижней Сырдарье, и высокогорья в верховьях Инда. Однако начавшееся в 500 г. до н.э. восстание ионийских городов, борьба с которым завершилась их жесточайшим подавлением, но втянула персов в неудачную войну с балканскими греками, оборвало дальнейшие завоевания Дария. Борьба с греками привела к отложению большей части европейских владений персов. В 486 г. до н.э. Дарий умер, оставив в наследство своему сыну Ксерксу войну с греками.

Кир — создатель империи

Кир II являлся безусловным харизматическим лидером, гениальным государственным строителем и полководцем,

бесстрашным, динамичным и безгранично честолюбивым человеком; при этом он славился великодушием, щедростью, простотой и доступностью в общении с подданными, охотно дарил пощаду побежденным врагам. Персы еще много десятилетий спустя называли его «Отцом». Выйдя из среды племенных вождей, по отношению к персидской знати Кир в большей степени был патриархальным предводителем, чем деспотом-автократом.

Реформы Дария I: упорядочение финансов и администрации

Во внутривластной области Дарий провел серию административных реформ, которые в несколько этапов достигли той самой цели, которой Бардия пытался добиться, ограничивая и преследуя персидскую аристократию, — поставить царскую власть неизмеримо выше нее. Дарий избрал иной путь: он сохранил за персами их старые племенные привилегии, но существенно увеличил прочность и ресурсы самой царской власти, получив в итоге необходимую разность потенциалов между царем и знатью.

Дарий организовал 20 сатрапий, чьи границы не совпадали с рубежами исторически сложившихся областей, и оставил за наместниками-сатрапами только гражданские функции, отобрав у них военные полномочия и передав их особым командующим, которые подчинялись не сатрапу, а напрямую царю. Десятитысячная гвардия «бессмертных», названных так, потому что выбывшие гвардейцы тут же заменялись новыми, и много десятков тысяч воинов в других отрядах служили надежной опорой царского могущества.

Чиновный аппарат был существенно увеличен и разветвлен, причем в государственных канцеляриях дела велись по-арамейски, алфавитным письмом. Создавалась особая служба тайной полиции, включая контролеров с чрезвычайными полномочиями («глаза и уши царя»). Большое внимание в огромной державе уделялось связи и средствам общения: были проложены новые и улучшены старые дороги, налажена государственная эстафетная почта, вдоль дорог сооружены укрепленные пункты, своего рода «блок-посты».

Были упорядочены и приведены к единообразию законы, действовавшие в различных уголках империи. Особую важность

имела налоговая реформа Дария: для каждой сатрапии впервые устанавливались строго фиксированные суммы податей, не изменявшиеся до конца существования державы Ахеменидов. Хотя общая сумма податей со всей империи доходила до громадных размеров и ежегодно достигала 232 тонн серебра, из-за огромной численности населения державы в пересчете на человека она обычно оказывалась не особенно обременительной. В итоге греки, например, находили, что даже заурядные жители Персидской державы чересчур изнежены и непривычны к тяжелому труду.

Дарий ввел новую основную монету, названную по его имени, — золотой «дарик» весом 8,4 г, имевший хождение по всей империи. Его чеканка являлась государственной монополией. Государство со своей стороны жестко обеспечивало чистоту дарика (примеси в нем не превышали трех процентов). Все это давало казне огромные доходы, намного превосходившие траты на армию, строительство и двор. Излишки накапливались в царской казне в виде неисчислимых слитков драгоценных металлов.

Прочный имперский мир, установленный Ахеменидами на огромных пространствах Азии, способствовал ускоренному развитию хозяйства и торговли. Священной столицей империи при Дарии стал Персеполь, административными резиденциями Сузы, в меньшей степени Экбатаны и Вавилон, где царь пребывал летом и осенью. Реформы Дария сделали царскую власть настолько могущественной, что он мог обращаться с персидскими аристократами по своему произволу. Не случайно персидская знать недолюбливала его, отрицательно относилась к его реформам и прозвала за них Дария «торгашом».

Сам он, пожалуй, по праву писал о себе в одной из надписей: «Не таково мое желание, чтобы слабый терпел несправедливость ради сильного, но и не таково мое желание, чтобы сильный терпел несправедливость ради слабого. Мое желание — справедливость».

Держава Ахеменидов при преемниках Дария

Заложенный Дарием порядок оказался необычайно прочен. Хотя его преемник Ксеркс (486—465 гг. до н.э.), крайне малоспособный и неудачливый правитель, привел к полной катастрофе начатую было успешно кампанию в Балканской Греции (480—479 гг. до н.э.), что повлекло за собой утрату всех европейских владений персов, а затем и отказ их от

власти над греческими полисами Эгейского побережья Малой Азии по Каллиеву миру (449 г. до н.э.).

При последующих царях постепенно нарастал внутренний упадок. То и дело вспыхивали смуты и борьба за престол при пассивности царской власти, крепи своеволие и усобицы сатрапов, происходило отложение некоторых провинций, прежде всего Египта, долины Инда и саков в Средней Азии. Тем не менее границы империи почти не менялись, и на протяжении полутора веков никто не осмеливался вторгаться во внутренние области державы. Еще в середине V в. до н.э. персы, по свидетельству Геродота, чувствовали себя в полном смысле слова «имперским народом»: «По своему собственному мнению, персы во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете... Детей они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости», — констатировал «отец истории».

Для общественно-экономического строя державы Ахеменидов характерно сочетание огромного сектора царской земли, на которой сидели мелкие государственно-зависимые землепользователи и арендаторы, крупных, освобожденных от налогов вотчин, розданных царем в полную частную собственность членам династии, вельможам и т.д., и наконец, землевладения автономных городских общин и храмовых корпораций. Особняком стояли централизованные крупные царские хозяйства в Иране, где работали большими партиями бригадники-«курташ» (в основном подневольники рабского типа, но частично и наемные работники).

Частное рабовладение большой роли в производстве не играло. В крупных городских общинах бурно развивались частнособственнические и товарно-денежные отношения со своими неизбежными издержками в виде ростовщичества, долговой кабалы и долгового рабства, причем самую активную роль здесь играли крупные землевладельцы — вотчинники и сановники, жившие в городах. Частные владения таких магнатов могли быть разбросаны по всей империи.

В IV в. до н.э. держава Ахеменидов добилась некоторых политических успехов: по Анталкидову миру 387 г. до н.э. персы вернули контроль над греческими полисами Малой Азии на побережье Эгейского моря, в 343—342 гг. до н.э. энергичный Артаксеркс III (359—338 гг. до н.э.) снова захватил Египет, отпавший в 404 г. до н.э. Однако боевая сила империи к этому времени уже несколько десятилетий держалась главным обра-

зом на греческих наемниках, а население было совершенно отчуждено от правящей верхушки. Войны с греко-македонской армией Александра Македонского (334—330 гг. до н.э.) Ахемениды не выдержали не в последнюю очередь из-за личных качеств трусливого и вполне бездарного последнего ахеменидского царя Дария III (336—330 гг. до н.э.). Проиграв генеральные сражения при Иссе (333 г. до н.э.) и Гавгамелах (331 г. до н.э.), Дарий оставил Александру столицы своей империи и бежал в Северо-Восточный Иран, где был убит приближенными.

В 330—328 гг. до н.э. Александр подавил последние очаги сопротивления в восточных владениях Ахеменидов и воссоединил державу под своей властью.

Судьба «мировой державы» Азии после Ахеменидов

Исследователи недаром называют иногда Александра Македонского «последним Ахеменидом». Подобно создателю империи Киру Великому, Александр в основном сохранил государственный порядок и политическую концепцию захваченной им державы. Лишь первое место в составе «имперского народа» заняли теперь греко-македоняне, хотя и старая знать Ахеменидской державы, к неудовольствию тех, заняла почетное положение на службе нового царя, открыто покровительствовавшего ей. Была даже сфабрикована легенда о том, будто Дарий успел назначить Александра своим законным преемником. В исторических мифологемах иранской элиты Александр остался великим и справедливым национальным правителем Ирана (лишь впоследствии фанатичное зороастрийское жречество эпохи Сасанидов стало изображать его злейшим врагом Ирана и их веры, но так и не смогло искоренить традиционного образа «хорошего» Александра из иранской культуры).

Однако со смертью Александра его держава подверглась разделу между его полководцами, которые приняли царские титулы, взаимно признали друг друга, иными словами, отказались от концепции мирового владычества. Правители-диадохи («наследники») опирались на греко-македонские контингенты и взирали на местное население почти исключительно как на свою кормовую базу. Тем самым государственная традиция «мировой державы с ирано-месопотамским центром», основанная некогда мидянами и продолженная Ахеменидами, а вслед за ними и

Александром, прекратила существование. Формальным ее концом можно считать 301 г. до н.э. — год гибели Антигона, последнего претендента на империю Александра в полном объеме.

Культура и мировоззрение Древнего Ирана. Зороастризм

Иранская цивилизация была относительно молодой: так, иранцы овладели письмом лишь незадолго до создания своей «мировой» державы. С другой стороны, иранцы широко использовали возможности взаимодействия с неиндоевропейскими культурами, в чьей среде они оказались, аккумулируя их достижения. Особого размаха процесс культурного синтеза достиг в рамках мировой державы Ахеменидов. Монументальное строительство дворцовых комплексов в Пасаргадах, Сузах и особенно Персеполе (VI—V вв. до н.э.) считается наиболее ярким проявлением имперской ахеменидской культуры и демонстрирует новые скульптурные и архитектурные стили, органично сочетающие влияния разных ближневосточных цивилизаций. В ападану (парадный дворец) Дария I в Персеполе вели лестницы, украшенные рельефами с изображениями царя, его придворных, армии и представителей тридцати трех народов империи с характерными особенностями облика и подати каждого из них.

Еще более важные и при этом вполне оригинальные достижения иранской культуры были связаны с развитием мировоззрения и религиозного учения зороастризма. Его основатель Заратуштра жил на востоке Ирана, в областях былой общности «авестийских ариев» в VII в. до н.э., вскоре после крушения их племенного объединения под ударами кочевников.

К тому времени, как упоминалось, иранцы выделяли два класса богов: «ахур», защитников и строителей природного и человеческого космоса, и «дайвов», сеющих хаос и смерть. Ложь и Правда считались особыми мировыми началами, питательными стихиями, соответственно, злых и добрых божеств. Вероятно, традиционной религии иранцев принадлежит и мысль о том, что каждая из групп богов имеет верховного предводителя: Ахура-Мазда возглавлял ахур, Анхро-Манью — дайвов. Сами иранцы, как обычно, почитали богов обеих групп: добрых — чтобы те даровали им добро, злых — чтобы те не причиняли им зла или причинили зло их врагам. Именно против этой практики выступил со своей проповедью Заратуштра.

В отличие от большинства религиозных реформаторов Заратуштра не утверждал онтологических богооткровенных догм и стремился поменять не столько картину мира, существовавшую у иранцев до него, сколько их ценностную ориентацию в рамках этой картины. Согласно Заратуштре, сутью движения всей Вселенной является противоборство равных по силе Ахура-Мазды и Анхро-Манью, т.е. доброго и злого начал. Все зло и боль в мире существуют по желанию Анхро-Манью, все радости и жизнь — по воле Ахура-Мазды: «Два изначальных духа принесли: первый — жизнь, второй — разрушение жизни. Между ними дайвы сделали выбор: они выбрали духа разрушения и все вместе портят жизнь людей. Оба изначальных духа явились, как пара близнецов, добрый и злой — в мысли, в слове, в деле».

Для людей недостойно и губительно почитать из страха или ради сиюминутной выгоды всеобщих врагов — дайвов, стремящихся лишь к хаосу и разрушению. Человек должен занять свое место в битве вселенского Добра и Зла, участвуя в ней тремя орудиями: добрым словом, добрыми помыслами и добрыми делами — и признавая верховным владыкой одного лишь Ахура-Мазду, отрекаясь от всякого общения с дайвами и их почитателями; такой человек обеспечит себе воздаяние в загробном мире.

Хозяйственные занятия оседлых авестийских ариев, к миру которых принадлежал Заратуштра, и разрушительные для этого мира нашествия кочевников существенно сказались на его проповеди: прилежное занятие земледелием и бережное отношение к скоту объявлялись важными добродетелями, а кочевники дайвопоклонниками и инструментом Анхро-Манью. Зороастризм запрещал человеческие жертвы и требовал от своих адептов соблюдать жесткий принцип взаимного ненападения. В целом он был проявлением типичной для «осевого времени» тенденции к этизации картины мира и религиозной практики.

Хотя представители традиционной системы культа оказывали новому учению сопротивление (по преданию, сам Заратуштра был убит жрецом старой веры), оно победило в Иране быстро и почти бескровно. Большинство иранских обществ само отказалось от культа дайвов; Ахура-Мазда отныне почитался как их верховный бог и единственный повелитель. К середине VI в. до н.э. зороастризм распространился в Мидии, и его основными носителями на западе Ирана стали мидийские жрецы — маги. Около 520 г. до н.э. *Дарий I* возвел зороастризм в ранг государс-

твенной религии Ахеменидской державы и уже в Бехистунской надписи приписывал все свои победы воле Ахура-Мазды.

Однако этическая составляющая в понимании зороастризма при этой адаптации была быстро сокращена: если в основном тексте Бехистунской надписи Дарий заявляет, что Ахура-Мазда помогал ему, так как сам он, Дарий, был носителем правды, а его враги — обманщиками, то в приписке, добавленной к надписи через несколько лет, помощь Ахура-Мазды объясняется уже просто тем, что Дарий поддерживает культ Ахура-Мазды, а его враги — нет. Около 485 г. до н.э. его преемник Ксеркс запретил культ дайвов в одной из областей империи, где его еще практиковали (очевидно, это была недавно присоединенная страна), и составил об этом особую, так называемую «антидэвовскую» надпись. Помимо Ахура-Мазды, в Иране особо почитались Митра, считавшийся одним из его главных слуг, и повелительница рек и плодородия Ардвисура-Анахита.

«Авеста»

Священной книгой зороастризма является «Авеста». Дошедший до нас текст «Авесты» оформился во времена династии Сасанидов (III—VII вв. н.э.), но содержит фрагменты текста и традицию куда более древних эпох. Скажем, древнейшая часть «Авесты» «Гаты» — ритмические проповеди Заратуштры — восходит к текстам VII в. до н.э., если не ранее; в других частях «Авесты» встречаются реликты мифологических представлений и исторического эпоса ариев-иранцев II — начала I тысячелетия до н.э.

«Авеста» написана на особом, очень архаическом «авестийском» языке (самом древнем из письменных иранских языков). Датировка и интерпретация текстов «Авесты» составляют предмет нескончаемых споров в иранистике.

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

ДРЕВНЯЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ДОЛИНЕ ИНДА

Открытие древнейшей цивилизации Индии произошло сравнительно недавно, в 20-е годы XX в. К тому времени изучение Древней Индии имело уже длительную историю, однако основоположниками древнеиндийской цивилизации считались *арии*, расселившиеся в долине Ганга и создавшие здесь в I тысячелетии до н.э. первые государства; культура этого периода была отражена во множестве сохранившихся текстов.

Удивительные находки 20-х годов XX в. в долине Инда перевернули эти представления, показав картину развития древней цивилизации, существовавшей уже в III тысячелетии до н.э. одновременно с великими цивилизациями долины Нила и Месопотамии. Первые города этой эпохи были обнаружены индийскими археологами в 1921 г. Р.Д. Банерджи выявил эти древние слои на холме *Мохенджо-Даро*, Р.Б. Сахни нашел аналогичные слои в *Харанне*.

В те же 20-е годы прошлого столетия под руководством Дж. Маршалла были начаты широкомасштабные раскопки в Мохенджо-Даро, которые дали материал, поразивший ученый мир своей необычностью и глубокой древностью. В хо-

де дальнейших исследований был прослежен чрезвычайно широкий ареал распространения этой древней культуры, получившей название хараппской (или «культура Хараппа»; в литературе встречаются также названия «индская цивилизация», «протоиндийская цивилизация», «культура Мохенджо-Даро»). Она охватывала весь бассейн долины Инда с прилегающими территориями, вплоть до морского побережья Гуджарата; множество поселений было открыто также в долине высохшей реки Гхаггар, которая в те времена была полноводной. Была определена и хронология хараппской культуры: ранний период — 2900—2200 гг. до н. э., средний — 2200—1800, поздний период — 1800—1300 гг. до н.э.

Градостроительство протоиндийской цивилизации

Одно из наиболее ярких явлений индской цивилизации — существование крупных городских центров с высоким уровнем градостроительства. Города имели прямоугольный план и были огорожены стенами высотой 2—5 м и шириной до 7 м, выстроенными из кирпича. Индские города отличались четкой, продуманной планировкой. Главные городские здания находились на «цитадели» — высокой глинобитной платформе, также огороженной стенами. Ниже уровня цитадели располагался «нижний город», застроенный прямоугольными кварталами с широкими (до 10 м) улицами. Внутри кварталы были разделены сетью небольших улиц, также пересекавшихся под прямым углом. И большие, и малые улицы были строго ориентированы с севера на юг и с востока на запад. Здания строились из обожженного кирпича, производившегося из местной глины. Жилые дома были довольно просторными — в среднем 8×9 кв. м — и имели несколько комнат. Многие дома строились в два этажа с лестницами, ведущими наверх; стены домов, выходившие на улицу, не имели окон. Световые проемы были обращены во внутренний двор, вокруг которого и располагались комнаты. Города имели разработанную систему водоснабжения и канализации; в нижних этажах домов обязательно устраивались комнаты для омовений и туалеты; отсюда выводились трубы на улицу, где были проложены кирпичные водостоки, прикрытые сверху специальными кирпичными плитами. Та-

кой совершенной системы городских водостоков не знала ни одна древняя цивилизация. Классическим примером такого города является, конечно, *Мохенджо-Даро*; раскопками были раскрыты также такие города, как Хараппа в Пенджабе, Калибанган и Ганверивала в долине высохшей реки Гхаггар, Лотхал в приморской части Гуджарата.

Хозяйство и торговля

Хозяйство хараппской культуры было основано на земледелии. Судя по сохранившимся остаткам зерен, сельские жители выращивали пшеницу, ячмень, рис, горох, сезам, из которого выжимали масло, и хлопок. Прилегающая к городским центрам сельская территория поставляла продукты земледелия, для которого долина Инда, покрытая аллювиальными отложениями, была крайне благоприятна. Широкий ареал распространения культуры Хараппы предполагает также специфику развития земледелия в разных регионах, обладавших своими природными особенностями. В период развитой Хараппы, по-видимому, развивалось интенсивное земледелие с использованием насыпных сооружений для задержания воды и сбором урожая два раза в год. Особенным плодородием отличалась долина Инда в среднем его течении, где, собственно, и располагался город, раскопанный на холме Мохенджо-Даро; однако ежегодные разливы реки, менявшей свое русло, создавали серьезную угрозу для полей и поселений. Вместительные зернохранилища, обнаруженные в Мохенджо-Даро и Хараппе, свидетельствуют о централизованных поставках зерна в крупные города.

Хараппцы также обладали развитыми традициями скотоводства: они разводили буйволов, зебу, овец, коз, свиней, ослов; есть также сведения об одомашненных верблюдах и лошадях. На плодородной равнине Синда, как предполагают, преобладал крупный рогатый скот, мелкий скот выпасали преимущественно в периферийных районах. Судя по изображениям, домашние животные играли большую роль в культурах и ритуалах хараппской культуры, как, впрочем, и дикие звери. Охота на последних, несомненно, также являлась одним из занятий жителей этих древних поселений — здесь, в богатых растительностью влажных долинах и обширных лесах, водились слоны, носороги, тигры, олени, множество

других животных и птиц. Раскопки в некоторых приморских городах свидетельствуют об активном употреблении морских продуктов, в частности моллюсков.

Немалую роль в жизни хараппских городов играло ремесленное производство, которое достигало высокого уровня развития. Искусство древних мастеров проявлялось и в производстве таких простых вещей, как строительные материалы, в частности кирпича, который отличался высоким качеством и большим разнообразием. В зависимости от назначения построек, выделялся как необожженный, так и прекрасный обожженный кирпич для облицовки крепостных стен, зданий, водостоков и водоемов. Кирпичи имели разную форму: прямоугольные для строительства домов, плоские для перекрытия каналов, Г-образные и т.д. Развито было и керамическое производство: сосуды делали на гончарном круге и обжигали в специальных горнах; преобладает толстостенная керамика без росписи, однако есть и орнаментированные сосуды с росписью черным цветом по красному фону. Ремесленники-металлурги изготавливали предметы из меди и бронзы: топоры, тесла, ножи и кинжалы, иногда встречаются и сосуды из металла. Для бронзового литья применяли сплавы меди с оловом или свинцом. При раскопках находят значительное количество украшений из полудрагоценных камней — бусы из сердолика, халцедона и бирюзы; в качестве украшений использовали также браслеты из металла, которые во множестве надевались на руки, как это видно на изображениях. Предметы *искусства хараппской культуры* отличались особым мастерством и изяществом — это каменная и металлическая скульптура, тонкие изображения на печатях.

Торговые связи хараппской цивилизации прослеживаются на очень далекие расстояния. Показательны уже сами материалы ремесленного производства, которые доставлялись из отдаленных областей. Так, медь, из которой выделяли характерные хараппские изделия, поступала из Ирана и Афганистана, из горных же районов привозили камень для ювелирных изделий. В последнее время выявлено и северное направление сухопутной торговли — в сторону Южного Туркменистана, где есть находки хараппских печатей; особенно показательны раскопки хараппского торгового поселения Шортугай на Амударье. Активно развивалась и морская торговля с весьма далекими странами. Так, прослеживается

морской путь от устья Инда и Гуджарата до Месопотамии — здесь, в древних городах Шумера, находили характерные для Хараппы печати; имеются такие находки и в тех областях, которые лежали на пути из Индии в Месопотамию — на Бахрейнских островах и побережье Аравии. Просматриваются упоминания этой далекой страны, расположенной в долине Инда, и в клинописных текстах — под названием страны «Мелухха», откуда привозили поделочный камень, ценные породы дерева, павлинов, дорогую мебель. Как предполагают, это было каботажное мореплавание вдоль побережья к Бахрейнским островам и далее по Персидскому заливу. О морской торговле свидетельствуют и исследования в Лотхале, где при раскопках выявлены, как считают археологи, портовые сооружения.

Общество индской цивилизации

Одна из самых неясных тем, связанных с индской цивилизацией — это ее общественное устройство и политическая организация. Вырисовывается картина существования нескольких крупных городских центров, которые, по-видимому, удерживали власть над окружающими территориями и существовали за счет получения оттуда продукции сельского хозяйства и сырья. Само деление главных городов на «цитадель» и «нижний город» свидетельствует о существовании правящей верхушки, однако не выявлено выраженного «дворца правителя»; можно лишь в целом говорить о зданиях общественного или административного назначения, связанных с культовыми сооружениями, как это прослеживается в Мохенджо-Даро. Исследования хараппского общества строятся лишь на реконструкциях и предположениях, ведь, по сравнению с другими древними цивилизациями, Хараппа практически лишена письменных источников.

Несколько более содержательны наши представления о религии хараппской культуры, поскольку материал такого рода дают изображения, главным образом, на печатях, где прослеживаются мифологические сюжеты и сцены ритуалов (см. ниже). Большую ценность представляют надписи, представленные на тех же печатях, однако можно говорить лишь о том, что ученые находятся на пути к полноценному чтению этих текстов. Дешифровка хараппской письменности только

лишь разрабатывается. Трудность состоит в том, что надписи на печатях очень коротки, выполнены неизвестным дотоле письмом и на неизвестном языке. Преобладает мнение о протодравидийской принадлежности этого древнего языка.

Вопрос об этнической принадлежности хараппцев встает также в связи с обследованием антропологических материалов, выявившим разнообразие антропологических типов населения, среди которых преобладает европеоидный средиземноморский тип, но присутствует также монголоидный и протоавстралоидный. Эти данные свидетельствуют о многообразии истоков сложения хараппской общности, в которой были интегрированы различные регионы с разным типом населения.

Истоки и судьба индской цивилизации

Истоки протоиндийской цивилизации и процесс ее сложения — одна из самых дискуссионных проблем, связанных с этой эпохой. Наиболее распространено мнение о сложении хараппской культуры на основе существовавших здесь прежде раннеземледельческих культур. Выразительный в этом отношении материал дали раскопки поселения Мехргарх в Белуджистане, где прослеживается развитие культуры ранних земледельцев в период неолита и энеолита. Для последнего периода в Мехргархе характерны расписная керамика, производство медных изделий, глиняные фигурки. Интересная линия развития просматривается и на поселении Кот-Диджи, расположенном в среднем течении Инда, где представлены и дохараппские, и собственно хараппские культурные слои. Исследование ранних стадий развития протоиндийской цивилизации сильно затруднено мощными аллювиальными отложениями в долине Инда, которые значительно превышают уровень нижних культурных напластований. Так, в Мохенджо-Даро не удалось вскрыть нижние культурные горизонты из-за того, что они перекрыты грунтовыми водами.

Проблемным остается также вопрос о завершающем периоде развития протоиндийской цивилизации. Признаки ее упадка проявляются уже в первой половине II тысячелетия до н. э. и становятся отчетливо выраженными в середине тысячелетия: города теряют четкую планировку, и застройка их становится все более хаотической, появляются постройки посредине бывших широких улиц, утрачивается традиция строительства мо-

нументальных общественных зданий, исчезают большие благоустроенные дома, деградирует ремесло и сворачивается торговля. Преобладает мнение об экологических причинах упадка хараппской цивилизации. В этот период происходит иссушение долины и в особенности системы реки Гхаггар, где находились важнейшие хараппские центры. Высказывается также предположение об истощении ресурсов Индской долины, о естественном процессе «старения» цивилизации, исчерпавшей возможности своего развития. Дальнейшие судьбы населения Индской долины и в особенности Пенджаба были связаны с приходом ариев в конце II тысячелетия до н. э., которые находились на более низкой стадии общественного развития.

Мохенджо-Даро — крупнейший город протоиндийской цивилизации

Древний город на холме Мохенджо-Даро был обнаружен в 1921 г. при обследовании буддийской ступы, возвышающейся на его вершине. В 1924—1927 гг. Дж. Маршалл проводил здесь первые систематические археологические исследования. Площадь древнего города оценивается более чем в 80 га, как и большинства протоиндийских городов; его территория делится на две неравные части — «цитадель» и «нижний город». «Цитадель» Мохенджо-Даро была выстроена на массивной платформе из кирпича, которая имела пятиметровую высоту. Сооружения «цитадели» имеют очень большую площадь — некоторые более 1000 кв. м — и служили зданиями государственного значения.

Конкретное назначение этих построек трудно определить однозначно. Одно из зданий представляло собой обширный зал с параллельными рядами колонн; в литературе он фигурирует под названием «зал заседаний». Большое разделенное на отсеки сооружение, как предполагается, было государственным зернохранилищем. Уникальным сооружением «цитадели» является большой прямоугольный бассейн, выстроенный из кирпича, обмазанного водонепроницаемым материалом, и снабженный продуманной системой поступления воды и ее слива. В воду вели широкие лестницы, по периметру бассейн был окружен галереей и комплексом построек, имевших многочисленные комнаты. По-видимому, этот искусственный водоем служил для ритуальных омовений, которые совершали важные государственные лица.

Значительная часть «цитадели», однако, перекрыта той самой буддийской ступой, которая не позволяет вскрыть лежащие ниже слои. Обширное пространство «нижнего города» застроено прямоугольными кварталами, главной осью города служил широкий «проспект» около 10 м шириной. Жилые дома в период развития цивилизации имели по 5—9 комнат, большая высота их стен (до 6 м) считается результатом надстраивания, поскольку вокруг домов быстро нарастал культурный слой. Крыши домов были плоскими. Система водосточков пронизывала все улицы и дома, здесь находят глиняные трубы, соединенные муфтами, по которым вода выводилась из домов, колодцы, тщательно продуманную систему водосточков, протянувшихся вдоль улиц. Отдельно располагались ремесленные кварталы города.

В последние века существования города дома становятся меньше и планировка их приобретает более стандартный вид, нарушается стройность застройки города. Нижние слои Мохенджо-Даро не исследованы, поскольку находятся ниже уровня грунтовых вод, мощность же раскопанного культурного слоя очень велика – до 20 м.

Протоиндийская письменность

Письменность цивилизации долины Инда — центральная проблема в ее изучении. Именно отсутствие достаточно пространственных текстов является препятствием для того, чтобы составить полноценную картину жизни этого древнего общества, его общественного и политического устройства, религии и хозяйствования. Краткость и однотипность хараппских надписей препятствует, собственно, и полноценной дешифровке самой письменности. Надписи присутствуют на печатях и каменных пластинах, они предельно коротки и состоят большей частью из нескольких знаков.

В отечественной науке наиболее систематические исследования были предприняты группой Ю.В. Кнорозова, применившей к этому материалу новейшие методы лингвистики. В результате этой работы, а также опыта предшествующих исследований, были сделаны выводы об основных характеристиках письменности и языка Хараппы: направление письма справа налево, иероглифический характер письменности. Применение метода позиционной статистики позволило выявить сочетаемость слов,

позицию частей речи в тексте, что помогло составить представление о характерных особенностях языка надписей.

Было высказано предположение о том, что это был протодравидийский язык, т.е. язык, родственный современным языкам дравидов, живущих в Южной Индии. По своему содержанию надписи состоят, предположительно, из имени владельца печати и календарных обозначений.

Хараппское искусство: люди и божества

Искусство индской цивилизации известно нам по находкам печатей и скульптуры. Среди находок скульптурных изображений особенно много мелких глиняных фигурок животных и людей. Это большей частью женские фигурки, представляющие собой фронтальное изображение с симметричным расположением рук, вытянутых вдоль тела. Их головы увенчаны сложными головными уборами; глаза, губы и украшения — ожерелья и многочисленные браслеты на руках и ногах — выполнены в виде налепов. Эти фигурки типологически близки обычной глиняной пластике раннеземледельческих культур и имели сакральный смысл, отражающий культ плодородия и продолжения жизни.

Известна и бронзовая скульптура: так, великолепно выполнена фигура девушки-танцовщицы, стоящей в естественной позе, — как будто она отдыхает после танца. Левая рука ее также унизана браслетами — до самого плеча; обращает на себя внимание негроидный тип лица девушки.

Известен также небольшого размера каменный бюст, который обычно считается изображением жреца, с аккуратно подстриженными волосами и бородой, выпуклыми губами и широким прищуром глаз с опущенными веками. Его одежда перекинута через левое плечо и украшена крупными трилистниками, а волосы подвязаны лентой. Изображения животных главным образом представлены глиняными фигурками быков; имеются также глиняные модели повозок с колесами, в которые запряжены быки.

Особый жанр хараппского искусства — это гравировки на печатях, лаконичные и очень изящные, с тонкой проработкой деталей. Здесь присутствуют мифологические существа и сцены ритуалов, которые могут дать некоторое представление о религии хараппской культуры. Так, на одной из крупных

печатаей изображено мужское божество с четырьмя лицами, обращенными в четыре стороны света. Божество сидит в позе медитации со скрещенными ногами, голова его увенчана длинными изогнутыми рогами. С двух сторон к нему приближаются животные: слон, тигр, носорог, буйвол; вместе с ними присутствует и человек. Это изображение часто ассоциируют с позднейшим *Шивой* — божеством индуизма, также повелевающим животными.

На многих печатаей представлены священные животные — тур, слон, тигр — или же зооморфные мифические существа. Так же как в случае с четырехликим божеством, многие персонажи сочетают черты человека и животного — человек с рогами и хвостом, женщина со звериным телом.

Одна из излюбленных тем этих изображений — священное дерево: дерево в ограде, сцены поклонения дереву; культ дерева и в дальнейшем был широко распространен в Индии. На одной из печатаей дерево становится вместилищем божества антропоморфного облика, которое помещено внутри ствола; вокруг его образа представлен целый ритуал — другое божество с рогами на голове склонилось перед деревом. Возможно, это изображение бракосочетания божеств. Позади рогатого божества стоит тур, внизу изображения — целая вереница танцующих фигур, также с рогатыми головными уборами.

ВЕДИЙСКАЯ ЭПОХА В ИНДИИ

Во второй половине II тысячелетия до н. э. в Северной Индии началось расселение новых племен, которые пришли с северо-запада. Они называли себя *ариями* («арья»). Арии были индоевропейцами, т.е. говорили на языке (см. *Санскрит*), принадлежащем к большой индоевропейской языковой семье, которая в настоящее время охватывает обширные регионы Европы и Азии. Во II тысячелетии до н. э. происходили большие передвижения индоевропейцев, которые занимали новые территории, положив начало формированию многих древних и современных народов.

Арии, или, как говорят, индоарии, постепенно проникли в Индию и заняли район верховьев Инда и Ганга. Вопрос об отношениях ариев с прежним населением, в особенности с народом, создавшим цивилизацию долины Инда, вызывал

серьезные споры среди ученых: было ли это завоевание или же постепенное поглощение ариями иных народов? Однако предположение о завоевании хараппских городов в настоящее время снят — города к тому времени уже пришли в запустение, и процесс этот продолжался уже несколько веков.

Период истории Индии, который последовал после прихода ариев, называют **Ведийским**, поскольку все основные сведения о жизни и культуре этой эпохи мы получаем из ведийской литературы, к которой относятся в первую очередь *веды* — священные тексты древних ариев. Наиболее древним ведийским текстом была «*Ригведа*».

В эпоху «Ригведы», или **Ранневедийскую эпоху**, племена индоариев занимали сравнительно небольшую территорию верховьев Индо-Гангского междуречья (конец II — начало I тысячелетия до н.э.). Среди них, по преданию, особенно выделялось племя бхаратов («Бхарата» — самоназвание Индии, сохранившееся до настоящего времени). В так называемый **Поздневедийский период**, который охватывает приблизительно первую половину следующего, I тысячелетия до н.э., происходит освоение новых территорий с постепенным продвижением на восток вдоль долины Ганга.

Хозяйство и общество индоариев

«Ведийские» арии еще не строили городов. Они селились в деревнях, расположенных по берегам рек. Археологи обычно отождествляют с Ведийским периодом выявленные раскопками поселения с серой расписной керамикой. Исследования этой археологической культуры дают картину жизни в небольших поселениях, застроенных домами, стены которых представляли собой плетенку, обмазанную глиной. Серая расписная керамика отличалась очень хорошим качеством, была изготовлена на гончарном круге и расписана черной краской. В росписи преобладает геометрический орнамент, излюбленным мотивом ее были концентрические круги и спиралевидные ленты, встречается также свастика (символ круговращения Солнца). Среди металлических изделий выделяются медные топоры и наконечники копий, а начиная с XI в. до н. э. появляются железные предметы.

Изучение костных остатков показывает, что основным занятием населения было скотоводство, причем преобладают

кости крупного рогатого скота, также жители использовали лошадей и колесные повозки. Известно было и земледелие, судя по находкам зерен пшеницы, ячменя и риса. Наиболее объемное представление о жизни древних ариев дают, однако, ведийские тексты. Главным занятием индоарийских племен в них, действительно, предстает разведение домашних животных — количество голов скота было главным мерилем богатства и благополучия. Разводили главным образом коров, недаром образы коровы, быка, молока, масла наиболее типичны для «Ригведы». Вокруг этой темы выстраивались многочисленные обряды, эти животные фигурируют в обращениях к богам и заклинаниях.

Арии выхаживали хороших лошадей, которых очень ценили как основу своего военного превосходства. Конь — также одно из главных действующих лиц ведийских ритуалов. Для перевозки тяжелых грузов использовали волов; на волах и пахали землю. Земледелие играло немаловажную роль в жизни ведийских ариев, значительное его развитие происходит в поздневедийский период. В ведийских текстах упоминаются и многочисленные ремесленники, обеспечивавшие разнообразными изделиями как обычную повседневную жизнь жителей ведийских поселений, так и потребности знати.

Для общественного строя ведийской эпохи в первую очередь характерна большая роль семейно-родственных отношений и строгий патриархальный уклад жизни. Семьи объединялись в род — «готру»; важнейшие дела решались на советах, в которых принимали участие только мужчины — уважаемые члены общины.

В эту архаическую эпоху происходило сложение основных сословий — четырех *варн*, существование которых стало одной из главных особенностей древнеиндийского общества. Принадлежность к варне была освящена религией и строго регламентировала как обрядовое, так и бытовое поведение человека, определяла его место в обществе. Члены высших варн считали себя *дваждырожденными* — полноценными ариями, прошедшими соответствующие обряды. Для ведийского периода особенно высока была роль *брахманов* — жрецов, которые считались хранителями священного знания и посредниками между людьми и богами. Многочисленные обряды и ритуалы, которыми была охвачена вся жизнь ведийского общества, могли исполняться только брахманами; лишь сугубо домашняя повсед-

невная обрядность была подвластна главе семьи. В эту эпоху постоянных военных столкновений был чрезвычайно высок и статус воинского сословия — *кшатриев*. Знатный воин сражался на колеснице, управляемой возницей. Культ войны, боевого коня и колесницы также выражен в ведийских ритуалах.

Раджи и первые царства индоариев

Во главе арийских племен стояли «цари»-раджи, власть которых первоначально распространялась на очень небольшие территории. Власть царя была сакрализована, его физическая сила и богатство считались воплощением благополучия и процветания страны и ее жителей, правление царя сопровождалось многочисленными и длительными обрядами, среди которых первостепенное значение имели ритуалы вступления на царство, включавшие бег колесниц, стояние на шкуре тигра, посадение на трон, а также ритуал «абхишека» — помазание, связанное с идеей плодородия. При дворе царя большим влиянием пользовался придворный жрец — «пурохита», ведавший совершением ритуалов.

Раджи стремились захватить как можно большие территории; для захвата новых земель также существовали свои обряды: например, обряд «ашвамедха» длился целый год и был связан с военными столкновениями. По мере освоения долины Ганга, складывания обширных территорий, заселенных народами, которые объединяло общее самосознание, а также развития институтов власти происходило образование первых государств. Так, в среднем течении Ганга располагалось царство Кошала, далее область Каши, еще дальше последовательно Видеха, Магадха и Анга — в то время еще небольшие царства.

Политическая история этого периода теряется среди многочисленных эпических преданий, восхваляющих подвиги героев древности, которые обросли позднейшей интерпретацией и смешались с образами, воспроизводящими реальность более поздних времен. К примеру, героические предания «Махабхараты», повествующие о соперничестве кауравов и пандавов — наследников древнего рода царя Бхараты — и об их великом сражении, несомненно, дают общую картину нравов, обычаев и быта этой архаической эпохи, однако немалого проясняют ход реальных исторических событий.

Варны

В ведийской литературе большое значение придавалось делению общества на варны. Варны — четыре сословные группы Древней Индии: *брахманы*, *кшатрии*, *вайшьи* и *шудры*. Слово «варна» на *санскрите* означает «цвет», и у каждой варны был свой символический цвет. Принадлежность человека к варне передавалась по наследству, была освящена религией и строго определяла поведение человека, его одежду, его отношение к обрядовой практике, род его занятий и, в конечном счете, весь его жизненный путь.

В целях сохранения замкнутости варн осуждалась женитьба на женщине из другой варны. Особенным грехом считалось создание такой семьи, в которой жена выше по варне, а муж — ниже; в таком случае их дети становились неполноправными. В «Ригведе» имеется интересный текст, где четыре варны соотнесены с частями тела первочеловека — Пуруши, который является воплощением Вселенной: брахманы — это уста Пуруши, кшатрии — его мышцы, вайшьи — туловище, а шудры — ступни. Таким образом, существование четырех варн провозглашалось основой мироздания.

Дваждырожденные: брахманы, кшатрии и вайшьи

«Дваждырожденными» называли членов трех высших *варн*, поскольку они считались прошедшими через «второе рождение», к которому приравнивался обряд упанаяны — «приведения», т.е. посвящения в арии. Во время этого обряда, совершаемого брахманом, на мальчика надевали священный шнурок, после чего он считался полноправным членом своей варны. «Дваждырожденные» (двиджати) считали себя подлинными ариями, имеющими неизмеримо более высокий статус по сравнению с остальным населением. Лишь прошедшие упанаяну могли быть причастны к ведийской обрядности, пить *сому* и т.д.

Брахманы были представителями самой высшей *варны* и считались воплощением белого цвета — цвета чистоты, незапятнанности. Брахманы выполняли обязанности жрецов и совершали многочисленные обряды, которым в Древней Индии придавалось исключительно важное значение; они считались

представителями людей перед лицом богов, требовавших совершения жертвоприношений и произнесения заклинаний.

Брахманы были также хранителями древней учености, знатоками священных текстов, поэтому каждый брахман проходил длительное обучение — еще мальчиком отдавали его в дом учителя — *гуру*, где он проводил жизнь в труде и заучивании вед. Брахманы хранили в тайне свое священное знание. Высокое положение и замкнутость варны брахманов подчеркивалось их исключительным правом совершать обряды первостепенной важности, пить священный напиток — сому. Брахманы были свободны от уплаты податей. Убийство брахмана считалось тягчайшим преступлением.

Вторая *варна* в Древней Индии — кшатрии, воинское сословие. Им приписывали красный цвет — цвет огня, войны, решительности и энергии. Кшатрии с детства обучались владеть оружием, управляться с конем и колесницей. Главное достояние кшатрия — военные доблести и военные подвиги, которые воспевались на пирах и получили отражение в эпосе.

Необходимым элементом жизни кшатриев были также воинские состязания, среди которых особое значение имели состязания на колесницах; популярна также была игра в кости — один из ключевых эпизодов «Махабхараты» основан именно на такой игре. Жизнь кшатрия также была освящена религией, в частности, те же состязания на колесницах обретали ритуальный смысл.

Особое значение имели царские ритуалы (например, ритуал «ашвамедхи»). Ашвамедха — ведийский обряд «жертвоприношения коня», в ходе которого царь устанавливал границы своих владений. Для этого выпускали лучшего коня, позволяя ему бежать и останавливаться по своей воле. Вслед за конем устремлялись царские воины, которые в течение года следили за его передвижением. Все земли, где пройдет конь, считались теперь принадлежащими его царственному хозяину; если прежний владелец земли не хотел признать этого, то вынужден был отстаивать свои права и выставить войско. В конце года коня отлавливали и приносили в жертву.

К варне кшатриев принадлежали «цари» — раджи; собственно, кшатрии и составляли слой правителей и их аристократического окружения. Доходы «царей» и их воинской дружины составлялись из податей, которые платил «народ». Он и представлял основное податное сословие и заодно на-

иболее многочисленную варну — вайшьи («народ»). Это были земледельцы, жители деревень, подданные царя. На них лежала «почетная» обязанность возделывать поля, особенно раджей и кшатриев. Их цвет — желтый, цвет земли. Среди вайшьев, особенно в более поздние эпохи, встречались и весьма состоятельные люди.

Ашрамы

Весь жизненный путь «дваждырожденного» подчинялся строгим предписаниям. Четыре периода его жизни — четыре ашрамы — предполагали перемену образа жизни при переходе в каждую следующую возрастную категорию. Непосредственно после упанаяны (посвящения) «дваждырожденный» становился «брахмачарином», учеником. Брахмачарин должен был жить в доме учителя (гуру), изучая священные тексты и выполняя при этом работу по хозяйству.

По окончании обучения он должен был обзавестись семьей — наступала вторая ашрама, и теперь он становился «рихастхой», домохозяином. Его обязанность — неукоснительно соблюдать семейные обычаи и семейную обрядность, а также родить сыновей, которые не только обеспечат продолжение рода, но и смогут совершать поминальные обряды по смерти отца.

Дождавшись рождения внуков, арий переходил в новую ашраму и превращался в «ванапрастху» — отшельника, который питался лесными плодами. Когда же он становился немощным стариком («санъясин»), его должны были обеспечивать подаянием.

Полное соблюдение четырех ашрам практиковалось, видимо, преимущественно брахманами — в особенности это касалось первой ашрамы, периода ученичества, необходимого брахману для освоения текстовой традиции.

Шудры и «неприкасаемые»

Четвертую варну составляли шудры, обычно определяемые как «слуги». Их цветом был черный. Социально неполноправное положение шудр выражалось в первую очередь в их ритуальной нечистоте: шудры не принадлежали к числу «дваждырожденных» и были не только отстранены от обрядов, совершаемых последними, но и не имели права прика-

саться к вещам, предназначенным для жертвоприношений, совершаемым членами высших варн.

Обязанность шудры — обслуживать высшие варны, и в его поведении ценились качества верного слуги. Однако среди шудр были не только слуги, к ним относились также ремесленники, которые профессиональным трудом служили и деревенскому населению, и правителям. Не будучи «дваждырожденными», шудры не считались потомками древних ариев-завоевателей и, видимо, в значительной части были уроженцами покоренного населения.

Помимо тех, кто входил в состав четырех варн, существовали и другие категории населения. Таковыми считались чандалы — «неприкасаемые». Они не имели права жить в деревнях и селились на достаточном от них расстоянии — обычно это были бедные хижины, а хозяева их должны были заниматься самым неприятным трудом, например, уборкой нечистот.

В древнеиндийском обществе сформировалось отношение к этой категории населения как крайне нечистой в ритуальном отношении, и соответственно выработались стереотипы поведения, которые обеспечивали невозможность контактов с «неприкасаемыми»: запрещалось не только к ним прикасаться, но и слышать их голос и даже видеть — дабы не оскверниться. Со своей стороны чандалы должны были оповещать о своем приближении громким стуком деревянной колотушки.

ВЕДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Самыми ранними памятниками древнеиндийской литературы являются веды, в которых выражены верования древних ариев. Веды создавались на протяжении нескольких столетий, складываясь из тех ритуальных песнопений, которые исполнялись брахманами во время жертвоприношений, произносимых ими магических формул и заклинаний.

Чтобы удержать в памяти большое количество гимнов, ученики-брахманы запоминали их в определенном порядке, постоянно упражняя свою память, и впоследствии передавали этот устный текст своим ученикам. В стремлении сохранить разросшиеся тексты для последующих поколений среди жрецов была создана специализация; брахманы отдельной «специальности» запоминали

определенный раздел вед. Будучи впоследствии записаны, веды образовали огромные по объему письменные тексты.

Веды состоят из четырех самхит: «*Ригведа*» — сборник гимнов, «*Самаведа*» — сборник песнопений, «*Яджурведа*» — гимны, собранные в определенном порядке для совершения ритуалов, и «*Атхарваведа*», содержащая в основном магические заклинания. В поздневедийскую эпоху была создана литература, составившая как бы продолжение самхит. Таким образом, брахманы и упанишады также считаются частью ведийской литературы. Язык ведийской литературы представляет собой архаическую форму санскрита, который называют «ведийским санскритом», или «ведийским языком».

«*Ригведа*»

В «*Ригведе*», которая считается древнейшей частью вед, собраны 1028 гимнов, обращенных к ведийским божествам. Гимны записаны стихами, в которых выдержана определенная метрическая система, основанная на нескольких видах стихотворных размеров. По традиции текст «*Ригведы*» делится на десять «мандал», из которых последняя считается наиболее поздней. Создание гимнов большинства мандал приписывается древним мудрецам — «риши». Воспевающие богов стихи «*Ригведы*» являют образцы высокой поэзии. Большинство гимнов обращено к *Индре* как к могучему герою, не знающему поражений; именно в стихах «*Ригведы*», прославляющих подвиги воинственного божества, раскрывается его мифологический образ. Так, один из больших гимнов описывает его победу над *Вритрой*:

Индра убил Вритру, самого страшно врага, бесплечего,
Дубиной — великим оружием.
Как ствол дерева, ветви которого обрублены топором,
Дракон лежит, прильнув к земле.

(пер. Т.Я. Елизаренковой)

Утонченной поэзии полны стихи, обращенные к богине утренней зари — Ушас, и религиозного трепета — обращенные к *Варуне*; важнейшее значение имеют гимны, посвященные богу огня *Агни*. Один из необычных гимнов отражает совершенно жизненную ситуацию той далекой эпохи — жалобы игрока, проигравшегося в кости, страдающего, отвергнутого близкими людьми и пытающегося отделаться от опасного

пристрастия к игре. Текст «Ригведы» первичен по отношению к другим самхитам и имеет первостепенное значение для исследования ведийской эпохи, позволяя составить представление не только о религии, мифах и обрядовой практике древних ариев. Употребляемые в тексте слова и термины дают сведения об их бытовой и хозяйственной жизни, о восприятии предметного мира, упоминаемые географические названия позволяют проследить расселение древнейших ариев.

Брахманы (тексты)

Тексты брахман считаются продолжением самхит и относятся уже к позднему периоду развития ведийской литературы (первая треть I тысячелетия до н. э.). В них содержатся описания ведийских ритуалов, зачастую длительных и сложных, а также даются объяснения тех или иных обрядовых действий и произносимых жрецами формул. Так, большая по объему текста «Шатапатха-брахмана» содержит богатейший материал по царским ритуалам, в которых выражены представления древних ариев о мироздании, во многом определившие дальнейшее развитие религиозных концепций Древней Индии.

Подробные толкования ритуалов выводят авторов брахман на новый уровень религиозно-философского обобщения, для которого характерна склонность к отождествлению различных явлений и образов, созданию глубоко абстрактных представлений, из которых важнейшее значение имеет представление о высшем существе, первотворце мира — Праджапати. Образ Праджапати отождествляется с жертвой, что придает и самому жертвоприношению смысл космического акта. Брахманы содержат и мифологический материал — например, известный миф о Шунахшепе, который был предназначен для принесения в жертву.

Упанишады

Упанишады считаются завершающей частью брахман, а также всей древней ведийской литературы и потому получили также название «веданты», что значит «конец вед». В названии же «упанишады» [«к сидящему у ног (учителя)»] выражена обращенность этих текстов к слушателю-ученику, воспринимающему их сложное религиозно-философское уче-

ние. Согласно традиции, насчитывается 108 упанишад, среди которых древнейшей является «Брихадараньяка-упанишада».

Главная мысль, на которой сосредоточено внимание авторов упанишад, — существование универсального космического начала — Брахмана, создающего и одухотворяющего мир. Обосновывается также единство Брахмана и Атмана — личного начала. Представление об Атмане и Брахмане выражены через образы, которые предстают перед слушателем в притчах, зачастую имеющих форму диалога: «Принеси сюда плод дерева ньягродхи». — «Вот он, почтенный». — «Что ты видишь в нем?» — «Эти маленькие семена, почтенный». — «Разломай же одно из них». — «Оно разломано, почтенный». — «Что ты видишь в нем?» — «Ничего, почтенный». И он [учитель] сказал ему: «Поистине, дорогой, вот — тонкая сущность, которую ты не воспринимаешь, благодаря этой тонкой сущности и существует все это большое дерево. Верь этому, дорогой» (пер. А.Я. Сыркина).

Сочетая прозу и стихи, упанишады выражают достаточно сложные умозрительные идеи в образах большой художественной силы. В упанишадах сформулированы и ставшие впоследствии традиционными для индийских религий представления о бессмертии души и сансаре — круге перерождений всех существ, высказывается идея спасения.

Брахманские сутры

К собственно ведийским текстам примыкает и литература брахманских сутр, которые содержат многочисленные предписания относительно совершения обрядов, в том числе домашних, семейных обрядов, что позволяет нам представить себе подробности повседневной жизни древних индийцев, взаимоотношения сословий.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. ученые-брахманы, стремясь утвердить в жизни общества древние устои религиозного благочестия, создали на санскрите большую литературу сутр и шастр. Продолжая традиции ведийской литературы в детальной разработке обрядов и правил поведения, предписанных добропорядочным членам общества, эта литература в то же время положила начало развитию разных отраслей научного знания: права, теории языка, астрономии.

Эпическая литература Древней Индии. «Махабхарата»

Как и многие литературы мира, древнеиндийская литература имеет свой эпос, воспевающий «героическую эпоху» истории Индии. Древнеиндийский эпос представлен двумя большими поэмами, сложенными в древности, но чрезвычайно популярными в Индии и по сей день. Сказания о подвигах героев исполнялись нараспев в присутствии царей; эти сказания разрастались, объединялись друг с другом; так сложились две большие эпические поэмы: «Махабхарата» и «Рамаяна». Так же как древняя ведийская литература, они считаются священными текстами индуизма; их герои — главные действующие лица традиционного индийского театра. К эпическому жанру относят также пураны — сборники мифов и преданий.

«Махабхарата», или «Сказание о великих потомках Бхараты», — очень большая по объему эпическая поэма (около 100 000 «шлок», т.е. двустихий), посвященная событиям глубокой древности — междоусобной войне в царстве Куру. Хотя автором поэмы по традиции считается легендарный мудрец Вьяса, текст ее, очевидно, складывался в течение долгого времени и, кроме того, имеет много вставных эпизодов.

Поэма повествует о борьбе между потомками слепого царя Дхритараштры, правившего в Хастинапуре — столице Куру, и его брата Панду. Из-за своей слепоты Дхритараштра отдал трон Панду, а тот впоследствии ушел в отшельничество. Пятеро сыновей Панду (их называли пандавами) росли в Хастинапуре вместе с кауравами — сыновьями слепого царя. Кауравы возненавидели пандавов, считая их своими соперниками в борьбе за престол, и пятерым братьям пришлось покинуть столицу в поисках счастья.

В одном из царств они вступили в состязание претендентов на руку царевны Драупади. Самый отважный из пандавов, Арджуна, одержал победу, но Драупади стала женой всех пятерых братьев, которые решили жить общей судьбой. По возвращении пандавов старый царь разделил царство между ними и кауравами, но последние задумали избавиться от братьев. Произошел не вполне честный поединок между старшими братьями обоих кланов: Дурьодхана обыграл Юдхишхиту в кости, после чего кауравы снова должны были удалиться в

изгнание на 13 лет. Но и по истечении этого срока кауравы не хотели уступить.

Тогда наступило главное событие «Махабхараты» — великая битва между пандавами и кауравами, разыгравшаяся на Курукшетре — Поле племени Куру. Обе стороны, заручившись поддержкой многих царей, привели большие войска. Жестокая битва длилась 18 дней, и в живых остались только пятеро братьев и их друг *Кришна*. Пандавы вместе царствовали в Куру, а затем отправились в Гималаи, где их приняли к себе небожители.

Помимо основной сюжетной линии, «Махабхарата» включает несколько вставных эпизодов. Один из наиболее известных — сказание о Нале, который жил счастливо со своей женой царевной Дамаянти, но проиграл ее в кости; только после больших испытаний ему удалось вернуть жену. Другое сказание — о Савитри, преданной жене; она сумела вернуть своего мужа, уже схваченного богом смерти Ямой, и не побоялась вступить в разговор с этим ужасным божеством. В «Махабхарату» были включены и целые трактаты, среди них — важнейший в индийской культуре текст «*Бхагавадгиты*».

Создание «Махабхараты» нельзя отнести к какому-либо определенному времени; очевидно, что процесс сложения текста происходил в течение многих веков. Источником возникновения эпической поэмы были слагавшиеся древними сказителями песни-предания о подвигах воинов. Такого рода тексты передавались устно из поколения в поколение и, несомненно, имели множество разночтений. Создание целостного текста «Махабхараты» происходило в течение всего I тысячелетия до н.э.; окончательное же формирование поэмы в ее нынешнем виде произошло уже в первые века нашей эры, поскольку в ней есть, в частности, упоминания гуннов.

Содержание поэмы также указывает на разновременный характер отраженной в ней реальности: с одной стороны, это весьма старинные обычаи и суровые нравы, характерные для архаической ведийской эпохи, с другой — развитые города и пышные дворцы, которые могли существовать только во второй половине I тысячелетия до н.э. Тем не менее «Махабхарата» является одним из важнейших источников, свидетельствующих о воинских и родовых обычаях, религии, бытовой и обрядовой жизни ведийской эпохи, является богатейшим источником языкового и мифологического материала.

«Бхагавадгита»

В «Махабхарате» содержится большое религиозно-философское отступление — «Бхагавадгита» («Песнь о Бхагавате» — о божестве); высказанные в нем утверждения составили основу этических воззрений индуизма. Текст «Бхагавадгиты» вложен в уста одного из героев «Махабхараты» — Кришны, друга и покровителя пандавов, который произносит его как пространную речь перед битвой на Курукшетре, адресуя ее Арджуне, растерявшемуся перед сражением.

Арджуна был в смятении, увидев в войсках противника своих родственников и друзей, на которых ему предстояло поднять оружие: его чувства раздвоились между сознанием долга и человеческими привязанностями. Эта тема и послужила поводом для философских обобщений «Бхагавадгиты».

Одна из основных провозглашенных здесь ценностей — отрешение от земных привязанностей, внутренняя свобода, позволяющая действовать согласно ясно осознаваемому долгу и оставаться непоколебимым в бедствиях. «Бхагавадгита» также утверждает необходимость для человека постоянного, страстного чувства преданности божеству (см. *бхакти*), которое в таком случае неотступно покровительствует верующему.

«Рамаяна»

Вторая эпическая поэма — «Рамаяна» — повествует о подвигах царя Рама. Вынужденный удалиться в изгнание из дома своего отца, Рама жил в уединенной лесной обители вместе со своей женой Ситой. О ее красоте прослышал демон Равана, властитель Ланки. Демон принял образ странника и явился в эти леса, прихватив с собой своего сородича, воплотившегося в прекрасного оленя. Олень явился перед Рамой во время охоты, заманивая его за собой, а тем временем Равана постучался в дом к Сите, прося подаяния. Сита была схвачена похитителем и унесена на Ланку.

Равана обещал ей все земные блага, если она станет его женой, однако Сита хранила верность Рама. Рама отправился на поиски своей жены; в этом походе ему помогал царь обезьян *Хануман*. Сцепившись друг с другом, обезьяны составили живой мост, чтобы Рама со спутниками мог перебраться на остров. Произошла битва, в которой Рама помогали боги,

и демон был повержен. Сюжет «Рамаяны» стал самой излюбленной темой индийского традиционного театра, а сам Рама считается одним из земных воплощений бога *Вишну*.

Пураны

Пураны — это сборники индийских преданий о прошлом, включающие мифы о сотворении Вселенной, о богах, легенды о древних царях и мудрецах. Наиболее древние из этих сочинений — «Ваю-пурана», «Вишну-пурана» — были составлены в IV—VI вв. н.э. В пуранах сохранились и древние хроники, имеющие важное значение как исторический источник, и древние трактаты по астрономии, архитектуре и т. д.

ВЕДИЙСКАЯ РЕЛИГИЯ

Религиозные представления древних ариев были выражены в ведах, в первую очередь в «*Ригведе*», составленной из многочисленных гимнов, обращенных к божествам, а также в текстах примыкающей к ведам литературы. Религия ведийского периода отражает достаточно раннюю стадию развития религиозно-мифологических представлений. Об этом свидетельствуют и архаичность ведийских божеств, которые зачастую не имели определенного облика и во многом представляли собой дублирующие друг друга образы, и неразвитость мифологических сюжетов, и общая картина религиозно-мифологического восприятия мира, связанного с ранними формами мышления.

Ведийские божества (дэвы, асуры) олицетворяли главные стихии, которые имели первостепенное значение в жизни людей, — к ним относили не только силы природы, но и «силы» ритуала — например, *сому* — священный напиток, приносимый в жертву богам, или «вач» — речь, священное слово жрецов. Отношения между людьми и богами понимались как взаимный обмен услугами — боги получают «пищу» и восхваления от людей, люди же ожидают за это благорасположение богов.

Идея жертвоприношения стоит в центре внимания ведийской религии, через жертвоприношение не только осуществлялась связь между людьми и богами, но и обеспечивался неизменный миропорядок — смена времен года, движение светил, продолжение рода людей, плодоношение природы и т.д. Главные жертвоприношения (ритуалы *шраута*) совер-

шались жрецами — брахманами; они хранили в памяти все тонкости ритуалов, которые были весьма сложными и длительными, а также гимны и жертвенные формулы, предназначенные для произнесения в строго определенный момент обряда. Многочисленные домашние обряды совершались главой семьи и всеми членами деревенской общины; сложные предписания, которые следовало неукоснительно выполнять, составляли обряды рождения и роста ребенка, вступления в брак, похоронную обрядность.

Религия составляла нерасчленимое единство со всеми сторонами жизни ведийского общества. Сакрализованы были и сословная структура общества (*варны*), и весь жизненный цикл ария — над ним совершались обряды посвящения (второго рождения), после которого следовали периоды его жизни — *ашрамы*, также освященные последовательным совершением обрядов.

В религии ведийского периода отчетливо просматриваются общие черты с верованиями других индоевропейских народов — так, небесное божество Парджанья сопоставляется со славянским Перуном, Дьяус — с греческим Зевсом, образ братьев Ашвинов является аналогией греческих Диоскуров; большое сходство с иными индоевропейскими народами проявляется и в ведийском культе предков.

В поздневедийский период религиозные представления ариев приобрели новые черты. Древние веды обрастали большим количеством новых текстов: в одних из них (*брахманах*) содержались подробные описания и объяснения ритуалов, в других (*упанишадах*) развивались умозрительные теории. На основе древней религии вед строятся философские учения, для которых характерно, с одной стороны, мистическое начало, с другой — развитие логических построений. Центральное место в философском учении упанишад занимает учение о Брахмане — первооснове мира. Новое осмысление, выраженное в идее кармы, приобретает роль человека в мире.

Сохранение из поколения в поколение ведийской религии и в целом ведийской культуры происходило через передачу древних текстов от учителя к ученику путем заучивания их со слов учителя, поскольку в течение многих веков тексты не записывались. Роль учителя — гуру — и самой традиции ученичества была чрезвычайно важной в древнеиндийском обществе.

Ведийские боги: Индра, Варуна, Агни

Наиболее значительная часть гимнов «Ригведы» (250 гимнов) обращена к **Индре** как наиболее могущественному из божеств. Образ Индры связан с грозой, молнией. Воинственный и непобедимый, Индра мыслился одновременно как бог — покровитель царской власти и ее воплощение на небесах. Божественный царь-воин Индра мчался по небу на колеснице во время грозы во главе небесного войска — сопровождающих его марутов (ветров). Небесные воины, духи бури, маруты всегда сопровождали Индру в его военных подвигах.

В обращенных к нему гимнах Индра предстает как грозное божество, требующее множества жертв и восхвалений. Индре жертвовали главным образом *сому*; считалось, что он может выпить огромное ее количество. Главный мифологический эпизод, связанный с Индрой, — это его битва с космическим змеем Вритрой, который свернулся кольцами в горах и перекрыл реки. Когда Индра одержал победу, воды рек были освобождены и устремились вниз, орошая землю.

Другим подвигом Индры было освобождение священных коров, которые являлись олицетворением света и благополучия людей. Коровы были украдены демоном, спрятавшим их внутри горы; развалив скалу, Индра выпустил коров наружу. Сокрушительным оружием Индры считалась волшебная палица — ваджра; от удара ваджры происходили раскаты грома.

Варуна почитался как божество неба и управитель миропорядка, согласно которому своей чередой восходят небесные светила, день сменяется ночью и год сменяется новым годом, вечно следуя одному и тому же ритму. Варуну почитали всевидящим и вездесущим, беспощадно карающим людей за грехи, поэтому молитвы, обращенные к Варуне, произносились с особым благоговением. В то же время облик Варуны весьма неопределен: это образ неба с его всевидящим оком — Солнцем. Варуна также считался воплощением мировых вод, благодаря которому моря наполняются водой, а реки текут в сторону морей.

Боги-близнецы Ашвины проносятся по небу каждое утро и каждый вечер, ожидаемые богиней зари Ушас. Их представляли как братьев, стоящих в колеснице, олицетворение утренних и вечерних сумерек. Ашвины — добрые божества, благожелательные по отношению к людям, к ним обращались за помощью при недугах. На древность образа божеств-близ-

нецов указывают близкие подобия у других индоевропейских народов (греческие Диоскуры).

Важнейшее место в ведийском пантеоне занимал **Агни**, божество огня, отождествляемое и с самим огнем жертвенного костра. Агни считался посредником между людьми и богами, поскольку передавал богам жертвенную пищу: вместе с дымом она поднималась к небесам. Это божество не имело антропоморфного облика, лишь языки пламени считались «языками» Агни, пожирающими жертвоприношения.

Образ Агни теснейшим образом связан с ритуалом, во время которого происходило разжигание священного огня и совершались жертвенные возлияния. Разжигание огня рассматривалось как его «рождение» и совершалось непременно трением двух деревянных дощечек, а возлияния — как «кормление» божества.

В жертву Агни приносили главным образом масло, особым образом подготовленное и очищенное; масло выливали из специальной ложки, и тогда огонь благодарно вспыхивал. Также в огонь совершали возлияния *самой*. Во время жертвоприношений огню служили особые жрецы — хотары; лишь они могли совершать все связанные с этими ритуалами действия и произносить жертвенные формулы.

Особняком среди ведийских божеств стоит образ **Рудры**. Главные его проявления связаны с разрушительными и вредоносными силами. Если иные божества следовало просить о даровании благ, то Рудру более всего нужно было опасаться и молить о ненанесении вреда.

В то же время это был противоречивый образ: Рудра мог насыпать болезни, но вместе с тем был хранителем целебных трав; поэтому ему молились для того, чтобы уберечься от болезней и прочих бедствий. Это ведийское божество обычно сравнивают с позднейшим индуистским *Шивой*.

Солнце ведийские арии почитали в образе разных божеств. Так, Солнце-Сурью представляли мчащимся по небу на колеснице, окруженной ослепительным сиянием. А бог смерти и властелин царства мертвых Яма представлялся стариком с красными глазами и веревочной петлей в руке, которой он захватывал душу умершего и уводил ее в свои владения. Яркий образ Ямы предстает в «Махабхарате» в рассказе о верной Савитри, которая, соревнуясь с Ямой в красноречии, спасла своего мужа от смерти. Считалось, что Яма живет на юге.

Сома

Сома — ритуальный напиток, приготовляемый из сока одноименного растения, также представлялся в образе божества; ему целиком посвящена IX мандала «Ригведы». Сому (как напиток) приносили в жертву божествам; среди людей пить сому дозволялось только «дваждырожденным». Считалось, что сома придает воину несокрушимую силу в битве; именно поэтому большое количество сомы предназначалось Индре, как постоянно воспроизводящему свой подвиг победы над Вритрой.

Выпитая брахманом сома делает особенно действенными совершаемые им обряды. Приготовлением сомы были заняты специальные жрецы — «адхварью», и готовить напиток нужно было с соблюдением особых правил: выжимать сок из растения с помощью камней, смешивать с водой — и с произнесением соответствующих формул разливать в сосуды. Сома ассоциировался также с Луной.

Демоны и духи ведийской Индии

Ведийская мифология населена и многочисленными полубожественными существами. Так, гандхарвы, небесные музыканты, услаждали слух богов во время пиршеств. В качестве их возлюбленных выступают апсары — нимфы, населяющие воды и леса. Апсары живут и в земных, и в небесных реках, и на деревьях, они встречаются и с людьми. Один из мифологических сюжетов, который повторяется и в ведах, и в упанишадах — история апсары Урваши, полюбившей Пуруваса.

Демонические, устрашающие существа ракшасы, были воплощением темных сил и считались опасными для людей. Их представляли в виде разного рода уродливых существ — с когтистыми руками, клыками, с четырьмя глазами. Ракшасы владели искусством превращений и могли принимать вид как людей, так и животных, для того чтобы нанести вред людям, в особенности маленьким детям и женщинам. Для защиты от ракшасов употреблялись многочисленные заклинания.

Противники дэвов асуры несли в мир разрушение. Дэвы борются с асурами, утверждая миропорядок. Страшная битва богов и асуров имела космическое значение.

Культ предков

Сакрализация семейных отношений, почитание старших членов семьи, культ предков — важнейшие традиции древнеиндийского общества, которые сложились в ведийскую эпоху. Умершие предки-питары считались непременными членами семьи, которые покровительствовали ей и обеспечивали продолжение рода.

Общение с ними осуществлялось их потомками мужского пола, именно поэтому считалось особенно важным иметь сыновей, которые могли исполнять поминальные обряды. Особенно благоприятным временем для «кормления» питаров считался сезон дождей. В качестве «пищи» готовились шарики из вареного риса — «пинды». Похоронная обрядность к концу ведийского периода допускала лишь трупосожжение с последующим захоронением костей в сосуде.

Человек и космос в ведийской религии

Первооснова мира, всепроникающая сущность всех вещей и явлений, самого пространства и времени, которая одновременно является причиной их существования, получила свое имя — **Брахман**. Познание Брахмана считалось высшей целью мудреца. Учение о Брахмане было развито в литературе *упанишад*.

Внутреннюю сущность человека, его «Я», воплощал **атман**. Учение упанишад много внимания уделяет соотношению атмана и Брахмана, рассматривая устремление атмана к соединению с Брахманом как высшую цель мудрого человека, стремящегося к совершенству. Наивысшая степень слияния атмана и Брахмана дает человеку освобождение.

К освобождению («мокше») человеческой души от земных уз, сковывающих его в суетной жизни, стремились мудрецы, которые пытались достичь ее с помощью разных средств, главным образом — предаваясь аскетизму, т.е. подвергая себя лишениям и телесным страданиям. Аскеты давали обеты, согласно которым должно было выдерживать многодневный голод, жажду, солнечный жар, неподвижное положение в неудобной позе — вниз головой, с поднятыми руками, лежание на колючках и т.п.

Карма и дхарма

К концу поздневедийского периода сложилось связанное с представлением о «переселении душ» понятие «карма» — «рок», «судьба». Одновременно оно означало сумму добрых или дурных дел. «Перевес» кармы в ту или иную сторону определял судьбу человека после смерти, когда наступит новая жизнь и прежний человек родится в новом облике.

«Добрая карма» влекла за собой перерождение в облике высшего существа — человека более высокого сословия или даже божества. «Дурная карма» могла привести к перерождению в виде низшего существа, даже животного или камня. Закон кармы был положен в основу круговорота жизни всех существ, которые, таким образом, были связаны общей цепью перерождений.

Одним из центральных понятий древнеиндийской культуры являлась «дхарма» — добродетель, совокупность правил поведения, которых должен придерживаться человек; считалось, что их соблюдение обеспечивает ему благоприятную карму. Правилам дхармы посвящались солидные сочинения, которые положили начало созданию правовой науки в Индии (*шастры*). В буддизме и других небрахманских системах словом «дхарма» обозначали религиозный закон, учение.

Гуру и риши

Учитель — гуру — был важной фигурой в жизни древнеиндийского общества. Гуру, которому отдавали мальчика в учение, почитался наравне с родителями; его следовало беспрекословно слушаться, прислуживать ему, платить за обучение. Традиция учительства сыграла важную роль в передаче из поколения в поколение ценностей древнеиндийской культуры.

Древние мудрецы — риши — почитались святыми. Им приписывалось авторство многих священных текстов. Древние риши участвуют в событиях, о которых повествует «Махабхарата», предсказывая судьбу героев, предостерегая их от несчастий, пересказывая читателю древние предания.

ИНДИЯ В МАГАДХСКО-МАУРИЙСКИЙ («БУДДИЙСКИЙ») ПЕРИОД

В поздневедийский период происходило активное освоение людьми долины Ганга и его притоков; к VI в. до н.э. здесь складываются государства, из которых наиболее значительны были Магадха в нижнем течении Ганга, Кошала — в среднем течении, Ватса — в районе впадения Ямуны в Ганг и Аванти — в долине Ямуны. В VI—V вв. до н.э. эти государственные образования переживают подъем в своем развитии: вырастают города, окруженные стенами с башнями и воротами, усиливается власть царей, которые располагали мощными военными силами и собирали большие налоги с населения, развиваются земледелие и торговля, складывается новая городская культура, проявляются новые черты и в религии.

Предыстория империи Маурьев — первого большого и могущественного государства в долине Ганга — началось с возвышения царства *Магадхи* (V в. до н.э. — VI в. н.э.). Именно в это время, по преданию, в столице Магадхи Раджагрихе, в других ее городах, а также в соседней области Каши странствовал Будда. Буддийские тексты, которые в значительной степени были сосредоточены на этой эпохе, как эпохе жизни Будды и его ближайших последователей, проливают свет на историю этих государств и наряду с археологическими и эпиграфическими данными (особенно надписями царя Ашоки) являются важнейшим источником сведений о политической и культурной жизни магадхско-маурийского периода.

Важным фактором развития межгосударственных отношений в эпоху возвышения Магадхи и *Маурийской империи* были иноземные завоевания в Северно-Западной Индии. В VI в. до н.э. некоторые ее территории подпали под власть империи *Ахеменидов* — частью персидских владений стала Гандхара, о чем сообщает царь Дарий I в своей Бехистунской надписи, высеченной на скале в далекой Персии; в более поздних надписях упоминаются и прилегающие области Синда. В IV в. до н.э. эта часть Индии подвергается завоеваниям греко-македонских войск Александра Великого. Античные источники отражают историю взаимоотношений Александра Македонского с индийскими правителями — с *Чандрагуптой*, с правителем небольшого государства Пором, — однако индийские тексты не содержат

конкретных сведений о событиях пребывания в Индии греков, которые фигурируют здесь под общим названием «яваны».

В середине I тысячелетия до н.э. в Северной Индии сложились новые формы хозяйствования в среде сельского населения, происходил бурный рост городов и развитие городской жизни. Освоение долины Ганга, которая прежде была зоной непроходимых лесов, создало здесь обширные территории, охваченные интенсивным земледелием и благодаря плодородию почв дававшие высокие урожаи. Важнейшей сельскохозяйственной культурой становится рис, который требовал совершенно нового уровня развития полеводства и создания олаженных оросительных систем. В надписях *Ашоки* неоднократно упоминается строительство плотин и каналов — существование сильной, активно занятой хозяйствованием государственной власти способствовало экономическому развитию отдельных областей; при этом особая забота властей о сооружении дорог обеспечивала регулярное поступление в казну доходов от сельского хозяйства.

Ярким признаком этого времени стало быстрое развитие городов, которые становились не только местом средоточия властей, но также центрами ремесленного производства и оживленной торговли. Именно в этот период в городах начинается чеканка монеты. Особенно быстро выросли города на речных и сухопутных торговых путях. Крупным городом была *Паталипутра* — столица Маурьев, которая уже при Чандрагупте произвела сильное впечатление на *Мегасфена* своей величиной и основательностью городских укреплений со множеством башен и ворот. Важными торговыми городами были Праяга, находившаяся при слиянии Ганга и Ямуны, Варанаси — место первой проповеди Будды, в Северо-Западной Индии крупным городом была Такшашила.

В VI—V вв. до н.э. в городах долины Ганга происходило бурное развитие совершенно новых религиозно-философских идей. С этого времени большое влияние на умы приобрели новые взгляды, которые исходили не от ученых *брахманов*, а главным образом от выходцев из других сословий и зачастую противопоставлялись брахманским системам. Если *ведийская религия* была основана на традиции, передававшейся из поколения в поколение в строго ограниченном кругу жреческого сословия, то теперь выдвинулись достижения отдельных мыслителей, хотя, конечно, эти достижения были подготовлены длительным развитием брахманской учености.

Это были странствующие учителя, которые путем долгих размышлений выработали свое видение мира; за ними следовали группы учеников — они чтили своего наставника, воспринимали и запоминали его учение. Один из таких учителей, странствовавших по улицам городов долины Ганга — *Будда Гаутама* — проповедовал учение, которое в дальнейшем ходе истории превратилось в мировую религию — *буддизм*, охватившую многие страны Азии.

Учение Будды не принимало во внимание сословные различия в обществе и было обращено к человеческой индивидуальности. Широкое распространение буддизм приобрел в эпоху Маурьев, в особенности при царе Ашоке, который оказывал особое покровительство этой религии. Учение буддизма со временем претерпевало изменения и разделилось на секты, приверженцы которых по-разному толковали буддийский закон.

Среди других проповедников эпохи Будды большим влиянием пользовался *Вардхамана* — основатель учения джайнизма.

Правители Магадхи

Царь Магадхи Бимбисара в конце VI в. до н.э. расширил пределы своего государства на восток и на запад. Ниже по течению Ганга он завоевал царство Анга — оно охватывало небольшую территорию, но имело важное значение для развития торговых связей, поскольку давало выход к морю через столицу Анги — портовый город Чампу.

Источники рассказывают о том, что Бимбисара активно развивал дипломатические отношения с соседними странами — принимал посольство из Такшашилы, породнился с царем Кошалы. Ко времени правления Бимбисары относятся основные годы жизни и деятельности *Будды Гаутамы*; буддийские источники приписывают ему, как и его сыну Аджаташатру, приверженность учению Будды.

Аджаташатру продолжал политику завоеваний отца. Он вел войну с Кошалой (чьим правителем в то время был Прасенаджит), в результате которой значительную ее часть присоединил к своим владениям; впоследствии эта область со своей столицей Варанаси целиком вошла в состав Магадхи. Другим крупным завоеванием Аджаташатру было государственное образование

Вриджи со столицей Вайшали, представлявшее союз воинственных племен личчхавов, обитавших к северу от Ганга.

Война с личчхавами была продолжительной и полной драматических событий: Аджаташатру подослал своего человека к личчхавам, чтобы посеять среди них внутренние распри и доставлять сведения своему государю о противнике, а военные действия против отчаянно сопротивлявшихся личчхавов далеко не сразу возымели успех.

После наследников Бимбисары власть захватили магадхские цари из династии Нандов, но она имела недолгую историю в середине — третьей четверти IV в. до н.э. Изучение этого периода затруднено тем, что сведения источников о нем носят косвенный, опосредованный характер. Все источники утверждают, что Нанды имели низкое, шудрянское происхождение, были нелюбимы своим народом и пришли к власти несправедливым путем.

В то же время государство Нандов достигло большого могущества, и магадхская армия того времени славилась своей силой и непобедимостью — об этом свидетельствуют в том числе античные источники. Именно в этот период Северо-Западная Индия подверглась завоеванию войсками Александра Македонского (329 г. до н.э.), который, как утверждают античные источники, расспрашивал о государстве Нандов и был наслышан о его правителе как о могущественном государе.

Государственный строй Индии эпохи Маурьев

Государственная система эпохи Маурьев сравнительно хорошо известна, главным образом благодаря тексту «*Артхашастры*», написанному, по преданию, министром царя *Чандрагупты* Каутильей, а также свидетельствам *Мегасфена* и надписям *Ашоки*. Во главе маурийского государства стоял царь, который пользовался неограниченной властью, что подчеркивает и автор «*Артхашастры*», буквально отождествляя царя с его государством; об этом же говорят и надписи Ашоки, призванные утвердить его личную власть над всеми территориями страны. Впрочем, при царе существовал совет наиболее приближенных сановников (паришад), в котором обсуждались государственные дела и осуществлялся контроль за выполнением царских распоряжений. Особое внимание уделялось безопасности го-

сударя, который располагал штатом тайных агентов, докладывавших ему по ночам о своих наблюдениях.

Крупный аппарат государственных чиновников ведал как делами дворца, так и осуществлением власти на местах. Среди чиновников важную роль играли писцы, которые переписывали царские указы, сборщики налогов, которые действовали в разных концах государства, а также смотрители за строительством дорог, за разработкой рудников, отловом слонов в лесах и т.п. Собираемый с сельскохозяйственного населения налог составлял обычно шестую часть урожая; те селения, которые поставляли воинов или были задействованы в строительстве дорог, укреплений и т.п., освобождались от уплаты налога. Непосредственная власть царя распространялась главным образом на его исконные владения; более удаленные от центра территории находились в вассальной зависимости от царя — здесь оставались править прежние наследственные раджи, которые платили дань «великому царю».

Власть царя была по-прежнему освящена особыми царскими ритуалами; считалось, что в личности царя воплощено процветание страны, ее плодородие и благополучие подданных; как и в предыдущую эпоху, особую роль при дворе играл «пурохита» — царский жрец. Древнеиндийские цари проживали в роскошных дворцах, с большим количеством придворных и слуг. Время от времени цари совершали поездки по своей стране — в сопровождении советников, гарема и прочих придворных лиц.

В то же время в Древней Индии существовали государственные образования, в которых присутствовала монархическая власть или же она играла подчиненную роль. Это были объединения племен — они управлялись племенными советами, составленными из наиболее авторитетных и родовитых представителей племен. Власть их могла функционировать в сочетании с властью раджи, но последний был всецело подчинен воле совета. Такого рода управление существовало в государстве Вриджи, где главенствовало племя личчхавов, а также у народа шакьев, выходцем из которых был Будда.

Военные силы Индии эпохи Маурьев

Важной стороной деятельности царя считалась его роль военного предводителя. Почетным долгом царя являлось лично руководить войском, хотя при нем состоял военачаль-

ник — сенапати, который находился с царем в особо доверительных отношениях.

Древнеиндийская армия обычно описывается как состоящая из четырех родов войск: слонов, конницы, колесниц и пехоты. Судя по цифрам, которые приводят античные авторы, армии древнеиндийских царей были необыкновенно многочисленными и насчитывали сотни тысяч человек, тысячи слонов и десятки тысяч лошадей. В то же время эти армии были недостаточно маневренными — их сопровождали большие обозы, здесь же ехали семьи военачальников, а в случае присутствия царя — и весь царский двор. Эта армия была действительна в столкновениях с подобными же войсками других индийских царей, но терпела поражения от вторжений иноземцев.

Основной военной силой индийцы считали слонов, которые вступали в битву в доспехах, со специальными металлическими наконечниками на бивнях и несли на себе воинов-копейщиков. Колесницы же, которые играли главную роль в военной истории ведийского периода, теперь уступали слонам и тяжелой коннице. Пешие воины вооружались луком или мечом, лук изготавливали из бамбука или роговых пластин. Ход битвы регламентировался религиозными установлениями и сопровождался многочисленными обрядами, которые должны были способствовать победе над противником.

Держава Маурьев: от Чандрагупты Маурья до Ашоки (конец IV—II в. до н.э.)

Династия Маурьев пришла к власти после непродолжительного владычества царей из рода Нандов. Период правления Маурьев охватывает время с конца IV до начала II в. до н.э. В это время была создана огромная империя с развитой административной системой и сильной центральной властью. Главным городом этого государства становится *Паталипутра*.

Первым царем династии Маурьев стал **Чандрагупта**. Под именем Сандрокотт он был известен античным историкам, которые связывали начало его политической деятельности с именем Александра Македонского. Войска Александра в это время удерживали власть над северо-западными областями Индии. Греческий историк Плутарх утверждал, что Чандрагупта даже встречался с Александром, подговаривал его

напасть на *Магадху* и помочь ему свергнуть Нандов. Неизвестно, какая доля истины кроется в этом рассказе, однако Чандрагупта действительно отстранил последнего из Нандов и стал царем в Паталипутре.

Впоследствии Чандрагупта выступил уже как противник греков, выведя свои войска против вторгшегося в Индию Селевка Никатора — одного из диадохов Александра. В результате этого столкновения в 305 г. до н.э. был заключен мир, согласно которому греки уступали Чандрагупте большие территории, а последний подарил им 500 боевых слонов.

Чандрагупта жил в богатом дворце, построенном в Паталипутре, и пользовался неограниченной властью, к которой, однако, был причастен его советник Каутилья, отличавшийся необыкновенным умом и прославленный тем, что считался автором древнеиндийского трактата «Артхашастры» — важнейшего источника, свидетельствующего о политической системе и социальных отношениях маурийской эпохи.

Название «Артхашастра» переводится примерно как «Наука политики». Трактат составлен как наставление царю и охватывает самые разные сферы государственного управления. Хотя, как показывают исследования, текст «Артхашастры» был оформлен в более позднее время, к нему обычно обращаются, пытаясь создать представление о системе управления в империи Маурьев.

Следующим после Чандрагупты правителем из династии Маурьев был Биндусара. О нем сохранилось мало сведений, но он стал известен в связи с забавным эпизодом его переписки с Антиохом I, сирийским правителем династии Селевкидов. Биндусара просил прислать ему фиги, вино и софиста (греческого философа). Антиох прислал и фиги, и вино, но софиста прислать отказался, объяснив, что с учеными так не поступают.

Ашока — мудрый правитель

Ашока, сын Биндусары и внук Чандрагупты, стал третьим царем из династии Маурьев. Царствование Ашоки продолжалось особенно долго, как предполагается, с 269 до 232 г. до н. э. Ашока считается одним из самых прославленных правителей индийской истории; о событиях его царствования мы знаем значительно больше, чем об иных Маурьях, — главным образом, по двум причинам.

Во-первых, Ашока был одним из излюбленных персонажей буддийской литературы, а во-вторых, по его приказу во всех областях империи воздвигались каменные колонны с высеченными на них надписями; эти так называемые «эдикты Ашоки» дают ценнейшие сведения о маурийской эпохе: об отношениях центральной и местной властей и т.д. Из этих надписей мы узнаем также и о личных настроениях царя, которые претерпели изменения через несколько лет после начала его царствования.

В надписи, составленной по поводу завоевания царства Калинги, покоренного с большой жестокостью (погибли и были уведены в плен сотни тысяч ее жителей), царь выражает глубокое раскаяние в содеянном. По его словам, именно размышления над этими событиями привели его к чувству сострадания ко всем живым существам, к идее управления миром не силой, а посредством милосердия и справедливости. Ашока не только расширил пределы империи, но и проводил политику укрепления государственной власти, развития хозяйственной жизни и благоустроенности империи путем строительства дорог, гостиниц, колодцев и т.п.

Особую славу Ашоке доставило его покровительство буддизму, что, однако, не мешало ему уважительно относиться к другим вероучениям. Его поддержкой пользовались многие общины буддийских монахов. В буддийской литературе Ашока выступает как великий царь — приверженец буддизма, положивший начало распространению этого учения по всему миру: согласно одной из самых популярных легенд, Ашока повелел вскрыть хранилища мощей Будды, разделил мощи на 84 тысячи частей, чтобы развезти их по разным странам, где для них были бы построены свои святилища. Рассказывается также о том, что брат Ашоки Махендра совершил миссионерскую поездку на Цейлон, положив начало развитию буддизма на острове, который по сей день остается одним из главных буддийских центров. В конце царствования Ашоки происходит ослабление центральной власти, и при его преемниках (конец III — начало II в. до н.э.) империя Маурьев претерпевает распад.

Мегасфен

Ученый грек Мегасфен жил при дворе царя Чандрагупты в качестве посла Селевка Никатора. Мегасфен собирал све-

дения для своего труда — подробного описания Индии. Труд Мегасфена значительно расширил представления античного мира об Индии, которые прежде имели фантастический характер. К сожалению, текст Мегасфена сохранился лишь в отрывках, передаваемых другими авторами.

Паталипутра.

Архитектура и искусство в маурийский период

Начиная с IV в. до н.э. столицей Магадхи становится Паталипутра (совр. город Патна) — впоследствии столица империи Маурьев. Согласно легенде, город получил свое название потому, что его основатель был сыном дерева патали («путра» в переводе с санскрита — «сын»).

Строительство городов в долине Ганга, несомненно, предполагало развитие архитектурного искусства, однако эта архитектура была преимущественно деревянной и недолговечной — в особенности в условиях влажного индийского климата. Древнеиндийская городская архитектура известна нам главным образом по изображениям на каменных рельефах, сохранившимся в комплексах буддийских ступ (Санчи, Бхархут), а также благодаря воспроизведению конструкций деревянной архитектуры в древних сооружениях, высеченных из камня, главным образом в пещерных храмах (Аджанта, Карли).

Судя по этим источникам, дома в городах строились двух- и даже трехэтажными, характерной их чертой были изящные крыши, выполненные в виде полуцилиндра и с фронтоном в виде килевидной арки; дома имели балконы и галереи с резными колоннами. По рассказам Мегасфена, у царя Чандрагупты Маурьи был просторный дворец, состоявший из множества помещений и построенный из дерева, украшенного резьбой и позолотой. Однако царь Ашока владел уже каменным дворцом, от которого в Патне (древней Паталипутре) сохранились колонны, поддерживающие потолок большого зала. Памятниками маурийской эпохи являются монолитные, тщательно отполированные каменные колонны со скульптурными капителями. Из них наиболее известна колонна, увенчанная изображением львов, смотрящих на четыре стороны света, — эта «львиная» капитель в настоящее время стала символом Индийского государства.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ ЭПОХИ МАУРЬЕВ: НА ПУТЯХ ПОСТИЖЕНИЯ ИСТИНЫ

Ранний буддизм

Зарождение буддизма произошло в эпоху возвышения *Магадхи*, в условиях развития городской жизни в государствах, прилегавших к долине Ганга. Странствовавшие из города в город учителя-проповедники «шраманы» привлекали к себе группы учеников, которые становились их слушателями и первыми адептами новых, неортодоксальных религиозно-философских учений, противопоставленных традиционной брахманской религии.

Проповеди Будды Шакьямуни положили начало учению буддизма, которое получило развитие в последующие века, с течением времени разделилось на множество направлений и распространилось на многие страны Востока. Согласно буддийской традиции, время жизни Будды приходится на период правления магадхских царей Бимбисары и Аджаташатру (вторая половина VI — начало V в. до н.э.), однако многие исследователи буддизма склоняются к более поздним датам.

Буддизм — религиозное учение, в основе которого лежат «четыре благородные истины», открытые Буддой в момент «просветления». Началом развития своего вероучения, или «началом вращения колеса учения», буддисты считают произнесение Буддой первой проповеди в Варанаси. Четыре главных события в жизни Будды: рождение, «просветление», первую проповедь и смерть — почитают за великие события в истории мира; места, где они произошли, привлекали паломников из ближних и дальних стран.

«Дерево бодхи», под которым Будде открылась истина, — особый объект почитания; ветви дерева вывозили и высаживали в других местах, создавая новые святыни. Основной же объект почитания в буддизме — *ступы*.

Культура буддизма раннего периода его развития была связана главным образом с монастырской жизнью. Уход от мира и вступление в монашескую общину считалось важнейшим шагом на пути совершенствования буддиста. Буддийский монах — бхикшу — был обязан соблюдать правила монашеского поведения («виная»). Основной обязанностью

буддистов-мирян была помощь общине — главным образом совершение даров. Приверженность мирянина буддизму была обусловлена принятием «трех защит»: Будды, дхармы (учения) и сангхи; эта триада получила также название «трех сокровищ».

По преданию, сразу после смерти Будды произошел Первый буддийский собор в Раджагрихе, и на нем были утверждены главные священные тексты «Трипитаки». Второй собор состоялся через сто лет, и уже тогда обнаружилось расхождение среди буддистов — произошел раскол на секты. Представительные соборы созывались также при царе Ашоке и, в более позднюю эпоху, при Канишке. В первые века развития буддизма постепенно формируется и буддийская литература, о чем свидетельствуют, в частности, упоминания буддийских текстов в надписях Ашоки. Однако письменная фиксация текста буддийского канона относится к более позднему времени и произошла примерно на рубеже нашей эры, поэтому тема буддийской литературы будет рассмотрена в следующем разделе, посвященном периоду поздней древности в Индии.

Будда

Основоположник учения буддизма Сиддхартха Гаутама (употребляются оба имени по отдельности, первое — собственное, второе — родовое) родился в племени шакьев, живших к северу от Ганга. По преданию, он был сыном шакийского царя и получил воспитание, достойное царевича, почему и имел прозвище Шакьямуни.

Его рождение сопровождалось многими знаменами, указывавшими на его необыкновенное предназначение. Мать Гаутамы, царица Махамаяя, прежде чем родить наследника, увидела чудесный сон — будто явился белый слон, который нес цветок лотоса в хоботе, и вошел к ней в бок. Когда царевич родился, он сразу же сделал семь шагов и произнес: «Это мое последнее рождение». Махамаяя умерла при родах; отцу же его, царю Шуддходане, довелось выслушать речь мудреца, осмотревшего мальчика и нашедшего на его теле 32 отличительных знака, которые свидетельствовали о том, что он рожден «чакравартином». Согласно высказанному мудрецом предсказанию, мальчику суждено стать великим проповедником — после того как он узнает, что жизнь полна страданий.

Не желая, чтобы он покинул родной дом, отец с детства оградил Сиддхартху от печальных впечатлений: его жизнь проходила внутри дворцовых покоев, среди великолепных царских садов, в полной безмятежности и неведении о жизни за пределами того круга, который очертила для него заботливая семья; женой его стала красавица-царевна Яшодхара, и у него родился сын Рахула.

Однако, как и было предсказано, молодой Сиддхартха узнал о страдании, которое ему было явлено в четырех встречах, ниспосланных свыше: он встретил дряхлого старика — и узнал, что существует старость; встретил больного — и узнал, что существуют мучительные болезни; встретил похоронное шествие — и узнал о смерти. Последняя, четвертая встреча указала юноше путь, на который он должен встать: это был странник, ушедший от мира, с просветленным лицом и ясным взглядом.

Пережив потрясение, царевич принял твердое решение покинуть отцовский дом и начать новую жизнь — жизнь странника, который сам познает страдание и найдет путь избавления от страданий для всех людей. Однажды ночью он разбудил своего верного слугу и велел оседлать любимого коня, чтобы его не успели догнать. Отъехав достаточно далеко, он оставил коня, сменил царские одежды на бедное одеяние странника и ушел пешком по дороге, питаясь подаянием. Гаутама испытал жизнь отшельника, аскета, истязал свою плоть — но понял, что это не приведет его к поставленной цели. Приняв пищу — рисовую кашу, сваренную на молоке, поднесенную ему в качестве подаяния, — Гаутама Шакьямуни встал на новый путь духовного поиска, что оттолкнуло его от прежних товарищей, посчитавших его отступником.

Буддой (на санскрите Буддха — «Просветленный») стали называть Гаутаму после того, как на 35-м году его жизни произошло событие, которое буддисты почитают как «бодхи» («просветление»). Однажды, отдыхая в тени дерева пиппал (баньян), Гаутама предавался размышлениям. Осознав тщетность своих прежних усилий, он принял решение не покидать этого места до тех пор, пока не разрешит мучивший его вопрос о страдании. Под деревом он провел семь недель, не только испытывая лишения, но и подвергаясь многим искушениям, которые насылал на него коварный демон Мара. Наконец, на исходе семи недель ему открылись «четыре благородные истины» — и, таким образом, он стал «Просвет-

ленным», Буддой, который достиг высшего, непостижимого состояния нирваны.

Вскоре Будда отправился в город Варанаси; здесь в «Оленьей Роще» он произнес свою первую проповедь и обрел первых последователей, которыми стали пять его прежних товарищей-аскетов. Некогда они разочаровались в Гуатаме, но теперь, испытав потрясение от его изменившейся внешности и глубокой проповеди, навсегда стали его приверженцами. В дальнейшие годы учеников Будды становилось все больше и больше. Среди ближайших его последователей наиболее известны Ананда, Махакашьяпа и Махамаудгальяна. Странствия Будды с учениками происходили в царствах Магадха и Кошала; развивая свое учение, он вступал в диспуты с учителями, исповедовавшими другие взгляды, и неизменно одерживал верх в споре.

Проповедническая деятельность Будды охватила и его семью: посетив родной дом в Капилавасту, он обращает в буддизм своего отца, жену и сына. Предание повествует и о проповеди Будды, обращенной к его умершей матери; для этого им было совершено восхождение на небеса. Будда Шакьямуни умер в возрасте 80 лет — датой его смерти, или паринирваны, считается 494 г. до н.э. Впоследствии Будду, вошедшего в паринирвану, изображали лежащим на правом боку с вытянутой вдоль тела рукой. По преданию, правители окрестных государств захотели получить долю мощей Будды, оставшихся после кремации, и таким образом были построены первые буддийские ступы.

Образ Будды претерпел изменения с развитием различных направлений буддизма. Так, возникает представление о четырех Буддах, последовательно рождавшихся в мире (Кракучханда, Канакамуни, Кашьяпа — и лишь затем будда Шакьямуни); в поздних учениях речь идет о «тысяче Будд» и т.д.

«Четыре благородные истины» и философские основы буддизма

Основа буддийского вероучения — «четыре благородные истины». Эти истины открылись *Будде* в момент «просветления»: 1) жизнь есть страдание; 2) причиной страдания является привязанность к жизни, желания и пристрастия; 3) из-

бавление от страдания возможно через избавление от привязанности к жизни; 4) путь к избавлению от страдания лежит через следование восьми правилам («восьмеричный путь»): правильное понимание, правильное устремление, правильная речь, правильное действие, правильное поведение, правильные усилия, правильное внимание, правильное сосредоточение. «Восьмеричный путь» ведет приверженца учения Будды к главной цели — достижению состояния нирваны.

Нирвана, в свою очередь, — это состояние высшего знания и высшей безмятежности, которое нельзя объяснить или описать словами; оно достигается путем длительных духовных усилий буддиста. Нирвана может быть явлена еще при жизни человека; в таком случае его земная смерть будет считаться «паринирваной», или «окончательной нирваной». Достижение нирваны означает конец земных перерождений, конец «сансары».

Сансара же — это «круговорот перерождений», тягостное бремя, которое несет живое существо, вынужденное рождаться вновь и вновь в мире, полном страдания и подчиненном закону *кармы*. «Порвать» сансару можно лишь через достижение нирваны. Сансаре подвержены все живые существа — и люди, и животные, не избегают этой участи и божества, населяющие высшие миры. Таким образом, буддизм активно включает в свое учение общее для многих религий Индии представление о карме, воздаянии за совершенные деяния, получении «плода» в результате совершенных поступков. Однако этот круг представлений становится в подчиненное положение по отношению к представлению о нирване и касается лишь того состояния существа, которое предшествует достижению нирваны. В буддийской литературе идея сансары часто передается через образ гончара, вращающего круг.

Буддийские монахи

Одним из центральных образов буддийской литературы является «чакравартин» («вращающий колесо»). «Колесо» стало символом буддийского учения (дхармы), «вращение колеса» обозначало продолжение существования учения и его развитие, а тот, кто «вращает колесо», — великий подвижник учения, «чакравартин». Чакравартином считался и Будда, однако наиболее часто встречается образ царя-чакравартина — покровителя буддизма, способствовавшего

распространению учения. Так, чакравартином буддисты считают маурийского царя Ашоку, а из более поздних правителей – кушанского царя Канишку.

Того, кто при жизни достиг высшего состояния нирваны, называли «архатом». Стать архатом должен был стремиться каждый буддийский монах, продвигаясь все выше по ступеням совершенствования. Архатов почитали, как святых, над их мощами, так же как и над мощами Будды, возводились ступы.

Буддийские монахи — бхикшу (дословно «нищий») — оставляли мирскую жизнь, чтобы стать последователями учения Будды. Образец образа жизни бхикшу подали первые ученики Будды, которые странствовали, слушали проповеди, питались подаянием, довольствовались самой простой пищей.

Собирание милостыни не считалось в Индии предосудительным занятием; напротив, странника почитали за наделенного святостью, и подать ему пищу было религиозной заслугой для мирян. Для сбора подаяния у буддийского бхикшу имелась специальная чаша — патра, которую он всегда носил с собой; патра при этом имела и ритуальное значение.

Для бхикшу предписывалось строгое воздержание, регламентировались и количество принимаемой пищи, и ограниченный набор используемых предметов — одежды, ложа для сна и т.д. Древняя одежда буддийского монаха имела землисто-желтый цвет, что служило знаком предельной простоты. Знаком ухода от мира служила бритая голова бхикшу — подобно Будде, который обрезал волосы, когда покинул родной дом. Особым периодом в жизни бхикшу был сезон дождей, когда они собирались в одном месте, слушали проповеди и наставления.

Группы бхикшу объединялись в общины, которые со временем создали буддийские монастыри со своими уставами и обычаями. Община буддийских монахов называлась «сангха»; обычно этим словом обозначали вселенскую общину — «сангху четырех сторон света». Членом сангхи мог стать любой человек независимо от сословия; при этом он покидал мирскую жизнь, давал монашеские обеты и должен был подчиняться уставу своей общины. Одной из главных целей, стоявших перед сангхой, было возможно более широкое ее распространение на новые территории, куда отправлялись проповедники и где строились новые святыни.

По преданию, еще при жизни Будды были основаны и женские общины; таким образом, появились бхикшунни — буддийские монахини. Правила поведения буддийских монахов представляют объект пристального внимания буддийской литературы; этой теме посвящен большой раздел буддийского канона — «Виная».

Буддийские секты раннего периода

В первые столетия существования буддийского учения, в период формирования буддийских общин и распространения буддизма на территории Индии, возникли различия в понимании доктринальных основ учения, что привело к разделению буддистов на секты. Для раннего периода развития буддизма обычно насчитывают 18 сект, которые группируются по двум основным направлениям: «стхавиравада» и «махасангхика».

В названии «стхавиравада» выражено убеждение стхавиравадинов в том, что их толкование учения в наибольшей степени сохраняет приверженность первоначальному учению Будды. Среди школ сарвастивадинского направления большое влияние имели ватсипутрии, утверждавшие о существовании единой личности, а также сарвастивадинов («утверждающих о том, что все существует»), говоривших о реальном существовании всех *дхарм*. В отличие от последних, саутрантики выделяли особые категории *дхарм*, которые имеют значение лишь для процесса познания. Особое учение о сознании предложила школа махишасиков — учение о «коренном сознании», которое лежит в основе различных проявлений сознания.

Секты махасангхиков («великой общины»), в отличие от сугубо монашеского буддизма стхавиравады, допускали приобщение мирян к участию в жизни сангхи и самосовершенствованию. Среди доктринальных отличий большое значение имеет иное представление об особой природе Будды, отличной от природы человеческого существа благодаря причастности к бодхи — «просветлению». Это учение наиболее отчетливо выражала школа локоттаравадинов («утверждающих о том, что [Будда] выше мира»). Развитие школ махасангхиков в ходе дальнейшего развития буддизма привело к становлению более поздней формы буддизма — *махаяны*, о которой пойдет в речь в следующем разделе.

Ступа

Ступа — это буддийская святыня, сооружение, заключающее в себе частицу мощей Будды или одного из святых; также в ней могут сохраняться иные реликвии — вещи, принадлежавшие Будде, священные тексты. Ступа строилась в виде купола, покоящегося на основании, имеющем ступени. Купол ступы увенчан шпилем, который пронизывает семь круглых «зонтов», символизирующих ярусы высших небес. Ступу окружали оградой с воротами по четырем сторонам света. Обряд почитания ступы заключался в обходе вокруг нее и приношении даров цветами, светящимися лампами, «звуками музыки».

Активное строительство буддийских ступ в Северной Индии начинается с III в. до н.э., в эпоху царя *Ашоки*, покровительствовавшего буддизму; древнейшие каменные ступы сохранились в Бхархуте, Санчи, Амаравати. В дальнейшем, в связи с распространением буддизма на новые территории (современного Афганистана, Средней Азии), многочисленные ступы строились и в этих регионах. Археологическое изучение древних буддийских ступ и монастырей в Индии и Центральной Азии открыло перед исследователями картину культурного развития стран, охваченных влиянием буддизма в период древности.

Джайнизм

Одним из проповедников середины I тысячелетия до н.э., который создал учение, положившее начало новой религии — джайнизму, достаточно влиятельной в Индии и в наши дни, был *Вардхамана* (с момента достижения им «просветления» его называют Махавирой, или Джиной). Традиция относит время его жизни к VI в. до н.э.

Учение Махавиры, так же как проповедь *Будды*, ставило целью для человека освобождение от земных перерождений и достижение *нирваны*. Однако главными средствами для достижения этой цели джайны считали углубленное знание и соблюдение строгих правил поведения, носящих характер аскетизма. Джайнское знание, которое должны были постигать последователи Махавиры, представляло собой детально разработанную систему представлений о мироздании и о самом процессе познания его человеком.

Согласно учению джайнов, жизнь Вселенной делится на большие космические циклы; за время каждого такого цикла мир развивается из элементарного состояния, проходит стадию рождения предметов, затем живых организмов и человека; после этого мир приходит в упадок и гибнет, чтобы все повторилось сначала. Детально разработано было и джайнское учение о человеческой личности и ее психике. В своей жизни джайны стремились к чистоте, к постоянному «очищению кармы».

Джайны-монахи были обязаны соблюдать предписания, отличавшиеся особенной строгостью, — суровые посты и другие лишения; соблюдение «ахимсы» («ненанесения вреда») предполагало большое число предосторожностей, не позволяющих никаким образом, даже случайно, нанести вред живым существам. Они должны были фильтровать воду, прежде чем ее выпить, при ходьбе мести перед собой дорогу метелкой, чтобы не раздавить муравья или червяка. По вопросу об одежде и в связи с некоторыми другими расхождениями среди джайнов возникли разногласия, в соответствии с которыми они делятся на две основные секты (*дигамбары* и *шветамбары*).

Достижение нирваны, согласно учению джайнизма, возможно лишь для джайна-монаха и через двенадцать лет соблюдения суровой аскезы и упорного постижения знания. Поскольку, по представлениям джайнов, после достижения высшего совершенства у человеческого существа не оставалось возможности для дальнейшего развития, а также отпадала необходимость пребывания в мире, то существовала и практика самоубийств — через голодовку и т.п. Соответственно джайны-миряне не могли рассчитывать на достижение нирваны и должны были лишь стремиться к улучшению кармы. Джайны придавали огромное значение научному знанию, а также литературе; впоследствии из их среды вышло много известных ученых и поэтов. В связи с требованиями ахимсы для джайнов-мирян осуждается работа в тех сферах деятельности, которые связаны с материальным производством.

Одной из отличительных черт весьма рационалистической по своему характеру джайнской религии является неразвитая мифология; священные для джайнов предания включают лишь историю «тиртханкаров» — проповедников, являвшихся в мир в разные времена.

Вардхамана — последний тиртханкара

Основатель учения джайнизма, как и Будда Шакьямуни, происходил из сословия *кшатриев*. Покинув мирскую жизнь, Вардхамана стал аскетом, выдерживая суровые испытания, и, наконец, ему открылось новое знание, которое и положило начало религии джайнизма. Достигшего священного знания Вардхаману его последователи стали называть Джиной («Победителем») и Махавирой («Великим»). Его проповедническая деятельность привела к созданию общины последователей Джины — джайнов. Как считают джайны, Вардхамана явился в мир в качестве одного из тиртханкаров — учителей, возвещавших джайнское учение в разные исторические времена.

Джайны создали учение о 24 «тиртханкарах», которые рождались в мире с незапамятных времен для того, чтобы проповедовать знание. При этом появление 24-го тиртханкара — Вархаманы — рассматривается как последнее, после него тиртханкары уже не будут рождаться. Его предшественник Паршванатха, как считается, жил в VIII в. до н. э. В джайнском культе у каждого тиртханкара имеются свои символы: цвет, священное животное, созвездие.

Дигамбары и шветамбары

Приверженцы учения джайнизма делятся на две основные секты: дигамбары («одетые пространством») — они не признают ношения одежды, и шветамбары («одетые в белое») — джайны, которые носят белые одежды. Учение дигамбаров отличается большей строгостью правил аскетического поведения; важным отличием дигамбарского направления является также недопущение женщин в общину, которые, по их представлениям, не могут достичь нирваны.

Адживики

В ту же эпоху, когда было положено начало учениям буддизма и джайнизма, возникло еще одно неортодоксальное учение, первоучителем которого был Гошала Маскарипутра. В отличие от буддистов и джайнов адживики не создали системы, способной к широкому распространению, и в дальнейшем эта секта имела очень ограниченный круг последователей, прекративший свое существование еще в Средние века.

В основе учения адживиков лежала идея предопределенности всех вещей, неотвратимости судьбы, которую не способны изменить никакие усилия человека, и ему остается лишь терпеть, стойко перенося все предначертанные ему страдания. Аджививики отрицали также возможность воздействия на будущее рождение, которое не будет зависеть от праведного либо неправедного поведения; избавление от страданий, по их представлению, наступит лишь в далеком будущем, в строго определенный срок.

ИНДИЯ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ (II в. до н.э. — V в. н.э.)

Во II в. до н.э. Северо-Восточная Индия утратила свое политическое единство, и в долине Ганга соперничали несколько небольших царств. Внимание историков теперь привлекает Северо-Западная Индия. Именно здесь в это время происходят активные процессы взаимодействия разных народов, несших с собой свои языки и свою культуру. Северо-запад Индии подвергается вторжениям иноземцев. В первую очередь это были греки, которые в индийской литературе стали фигурировать под именем «яваны». Появление греческих завоевателей в пределах Индии было связано с расширением Греко-Бактрийского царства, возникшего после распада державы Александра Македонского.

Индо-греческие царства, образовавшиеся в результате этих вторжений, занимали значительные территории Северо-Западной Индии. Следующую волну завоеваний представляли саки, или, как их называли в Индии, «шаки» — восточноиранские племена, которые также закрепили свое верховенство, унаследовав владения индо-греческих правителей. Вслед за ними вторглись парфяне. Значительный след в истории Индии оставили завоеватели-кушаны, включившие Северо-Западную Индию в пределы своей империи. Кушанские цари, из которых более всего прославился *Канишка*, установили здесь сильную власть и способствовали развитию активных политических, торговых и культурных связей Индии со странами Центральной Азии, через которые пролег путь и далее — в Китай.

В IV в. н. э. вновь складывается мощная империя в долине Ганга — государство *Гуптов*. Так же как при *Маурьях*,

центром империи стала Магадха со своей прежней столицей *Паталипутрой*. Среди гуптских царей главное место принадлежит Чандрагупте II, в правление которого государство достигает наивысшего развития. Империя Гуптов — время небывалого процветания культуры, в особенности прославлена санскритская поэзия, драма, придворный театр той эпохи. Именно тогда жили поэты *Калидаса* и *Бхаса*, было создано такое прозаическое произведение, как «*Панчатантра*».

Последние правители династии Гуптов были вынуждены отражать натиск новых завоевателей — гуннов-эфталитов. Этот воинственный народ, пришедший в Северо-Западную Индию из Центральной Азии, представлял собой сокрушительную силу и в конце V — начале VI в. н.э. завладел большими территориями в Индии. Гуптская империя не выдержала изнурительных войн с гуннами и пришла в упадок, разделившись на небольшие владения. Конец державы Гуптов обычно считается завершением эпохи древности в истории Индии.

Сильное государство существовало в этот период и южнее, в Декане, главным образом в западных его областях; здесь возвышается династия Сатаваханов. Государство Сатаваханов возникло после распада Маурийской державы и просуществовало до III в. н.э.

Рассматриваемый период был временем расцвета буддизма в Индии. Расширяется буддийская сангха (община), происходит бурное развитие буддийской архитектуры, искусства, литературы, к этому времени относится и оформление буддийского канона (*Палийский канон*). В кушанское время начинается активное миссионерское движение, направленное за пределы Индии, что привело к распространению буддизма во многие другие страны Азии. С начала новой эры можно говорить и о постепенном формировании религии *индуизма*, выросшей на основе древней брахманской традиции; ко времени империи Гуптов сложился культ индуистских божеств, возникают индуистские храмы с присущими им архитектурными особенностями.

Индо-греческие царства.

Вторжение сакских племен и парфян

Индо-греческие царства возникли в Индии в результате завоевательной политики греко-бактрийских царей на

северо-западе полуострова главным образом во II в. до н.э. Иноземцы пришли из эллинистической Бактрии (располагавшейся по северную и южную сторону от Амударьи), которая к тому времени обрела независимость от государства Селевкидов и развивала свою экспансию на юго-восток.

История индо-греческих царств восстанавливается с трудом, главным образом благодаря находкам монет, которые чеканили правители Бактрии. Эти монеты имеют своеобразный вид: на одной стороне была надпись на греческом языке, на другой — на одном из индийских диалектов.

Первым бактрийским завоевателем в Индии был царь Эвтидем; его преемник Деметрий владел уже довольно большими территориями в долине Инда и в Пенджабе. После того как часть этих владений была захвачена греком Эвкратидом, потомки Эвтидема сохраняли свою власть лишь в области Пенджаба.

Среди греческих царей особую память по себе оставил Менандр, которого в Индии называли Милинда — благодаря буддийскому сочинению «Милинда-паньха» («Вопросы Милинды»). Царь оказывал покровительство ученому-буддисту Нагасене, и книга была составлена в форме вопросов Милинды и ответов Нагасены, разъясняющих царю смысл буддийского учения.

В начале I в. до н.э. начинается новое вторжение в области Северо-Западной Индии. На этот раз кочевые ираноязычные племена саков, разгромив царей Греко-Бактрии, овладели территориями индо-греческих правителей. Это завоевание стало результатом миграционных процессов, охвативших в то время Центральную Азию.

Восточноиранские племена саков были вытеснены кочевым народом юэчжей, пришедшим в движение, видимо, в результате давления со стороны Китая. После захвата Бактрии и некоторых других областей саки (в Индии их называли «шаки») проникли в Индию и обосновались на месте индо-греческих царств, продолжая выпускать монеты с греческими надписями.

Вслед за шаками, в конце I в. до н.э., здесь появились парфяне. Среди индо-парфянских царей особенно известен Гондофар. Его имя оставило след в истории в связи с тем, что, по преданию, во время его правления Индию посетил святой Фома, проповедуя здесь христианство.

Кушаны в Индии

Кушаны возглавили очередную волну завоеваний в Индии. Государство кушан возникло на развалинах Греко-Бактрийского царства, где главенствующую роль приобрел прежде кочевой народ, именовавшийся кушанами и выдвинувший своего правителя. В I в. до н.э. кушаны вели завоевательные войны, в результате которых появилось сильное государство в Центральной Азии.

Первоначально центром Кушанской державы была Бактрия, но в последующее время, после расширения ее территории и включения в нее индийских земель, столица была перенесена в долину Инда. Благодаря существованию Кушанского царства установились активные культурные и торговые связи Индии с Ираном, Средней Азией и античным миром. В кушанское время процветали буддийские монастыри, которые были особенно многочисленными; эта эпоха оставила нам многие памятники буддийского искусства.

Кушанский царь Канишка и его ступа в Пурушануре

Из всех кушанских царей наиболее известен в Индии был Канишка. В его правление владычество кушан достигло особенного размаха. Владения Канишки в Индии, помимо ее северо-западных областей, захватывали и часть долины Ганга — предположительно до Варанаси.

Время правления Канишки — один из самых спорных вопросов в истории Индии и Центральной Азии, его определяли с разницей до 200 лет: от середины I до середины III в. н.э. Но скорее всего, он царствовал в первой половине II в. н.э.

Имя Канишки так же часто упоминается в буддийских преданиях, как и имя *Ашоки*; его чтили как царственного покровителя буддизма — чакравартина — и строителя ступ. Однако в действительности, вероятнее всего, Канишка оказывал покровительство разным религиям, о чем свидетельствуют изображения на его монетах.

Столицей государства Канишки был город Пурушанура (совр. Пешавар), расположенный в Северо-Западной Индии (на территории современного Пакистана). Интересные результаты дали его археологические исследования.

В начале XX в. здесь была раскопана так называемая «ступа Канишки», описанная еще древними путешественниками-

китайцами (см. *Сюань-цзан*) как величественное сооружение и значительный культовый центр буддизма. В основании ступы археологи нашли и ларец с реликвиями, украшенный рельефными изображениями.

Династия Гуптов и ее расцвет при Чандрагупте II

В 320 г. н.э. в царстве *Магадха* к власти пришел правитель Чандрагупта, который положил начало новой династии Гуптов и известен в истории как Чандрагупта I (его не следует путать с *Чандрагуптой Маурьей*). При этом царе начинается возрождение былого могущества Магадхи, в его владения входило также и царство Кошала.

Наследник Чандрагупты I Самудрагупта значительно расширил гуптские владения, подчинив обширные области в долине Ганга; также он вел войны на юге — в Декане и на западе — с саками-шаками. При Самудрагупте столицей империи, как и во времена Маурьев, стала Паталипутра.

Вершиной расцвета Гуптской империи считается правление Чандрагупты II; его эпоха оказалась удивительно плодотворной для развития культуры, в том числе весьма утонченных форм придворной литературы и изящных искусств. **Чандрагупта II** (376—415 гг. н.э.) прославился и как удачливый завоеватель, и как разумный государственный деятель, в период правления которого поддерживалось мирное существование обширной империи. Так, он расширил границы своей державы в западном направлении, победив шаков, в результате чего гуптское государство заняло обширнейшие территории на севере Индии. Со временем Чандрагупты II связано поэтическое творчество *Калидасы*, создателя санскритских драм и поэм.

В середине V в. н.э., в годы правления Кумарагупты, его государство подверглось вторжению гуннов-эфталитов, которые продолжали одолевать Северную Индию и в последующие десятилетия. Ослабленное государство Гуптов претерпевает распад, в то время как северо-запад Индии переживал краткий, но суровый период владычества гуннов. Особенно жестоким правителем из гуннов предстает Михиракула, который в литературе описывается как тиран и гонитель буддизма.

Фа-сянь и Сюань-цзан: Индия глазами китайских паломников

Китайский буддист-паломник Фа-сянь посетил Индию в период правления **Чандрагупты II**, совершив путешествие через страны Центральной Азии, горы Гиндукуша и вернувшись в Китай морским путем на торговом корабле. Его странствия длились 16 лет и нашли отражение в составленных им записках. Фа-сянь получил очень благоприятное впечатление об империи Гуптов как о мирной, процветающей стране с гуманной властью и справедливыми законами.

«Записки о буддийских странах», составленные Фа-сянем, посвящены главным образом описанию буддийских святых, однако содержат и другие важные для историков сведения, восполняющие достаточно скудную историческую информацию, которую можно почерпнуть из собственно индийских источников.

Другой китайский паломник, Сюань-цзан, побывал в Индии в VII в. н.э., т.е. в те исторические времена, которые выходят за пределы эпохи древности. Однако «Записки» Сюань-цзана служат для историков незаменимым источником по истории Древней Индии. В своем основательном труде он не только подробно описывает различные историко-географические области Индии, но и рассказывает многочисленные предания о древних правителях, о деятелях буддизма; он дает ценные сведения о древних текстах и их авторах.

Будучи высокообразованным и начитанным человеком, Сюань-цзан знал свидетельства несохранившейся до нашего времени индийской литературы, собирал также и устные предания, в которых еще оставались сведения о древности. Кроме того, Сюань-цзан видел своими глазами многие памятники архитектуры Древней Индии, которые в его время еще пребывали в сохранности, но не дожили до наших дней; упоминает он и разрушенные архитектурные сооружения, достаточно точно указывая их местонахождение, что послужило своего рода руководством для ученых-археологов. Так, один из первых исследователей Древней Индии Александр Каннингэм совершил путешествие по Индии, пользуясь описанием Сюань-цзана, и открыл при этом много памятников истории и архитектуры. По следам Сюань-цзана были проведены и раскопки уже упоминавшейся «ступы Канишки» вблизи Пешавара.

Частная жизнь и быт древних индийцев

Сведения о семейной и общественной жизни древних индийцев сохранились и в правовой литературе — «дхармашастрах» (трактатах о дхарме), «Артхашастре», и в художественной прозе и поэзии. Положение человека в обществе определялось его принадлежностью к определенному роду. Очень большое значение имели прочные семейные связи. Для древнеиндийского общества (как и для более позднего) была характерна большая патриархальная семья, включающая три поколения по мужской линии. Таким образом, она объединяла и дядьев, и племянников; при этом женатые мужчины могли иметь по несколько жен. Авторитет главы семьи, старшего мужчины, был очень высок; ему же принадлежали практически все имущественные права.

Важнейшую объединяющую роль в семье играла обрядовая сторона жизни, в первую очередь поминальные обряды, в ходе которых укреплялось сознание преемственности с ушедшими поколениями, единства рода. При совершении поминальных обрядов происходило «кормление» умерших предков. Сохранявшиеся с ведийских времен семейные обряды, связанные с рождением и ростом ребенка, браком и повседневной бытовой жизнью, также обеспечивали прочность родовых связей и самосознание члена общества, в котором роль религии была чрезвычайно велика.

Образ жизни и быт, конечно различался у разных слоев населения. На ранних каменных рельефах можно видеть и простые хижины, в которых жили семьи из низших сословий или лесных племен, и дома богатых горожан замысловатой архитектуры. В комнатах состоятельных городских жителей, по описанию «Камасутры», можно было видеть диваны, красивые столы и кровати, множество изысканной утвари. Одежда обычно состояла из трех частей: нижнего платья, среднего и верхнего; это были широкие полосы тканей, которые определенным образом охватывали тело и были закреплены застежками и поясами.

Судя по скульптурным изображениям, лишь в кушанское время в Северо-Западной Индии входит в обычай ношение шаровар, пришедших из кочевнического быта Центральной Азии. Рассматривая древнюю скульптуру, мы также можем видеть, что и мужчины, и женщины носили украшения —

серьги, ожерелья, узорные пояса. Женщины, кроме этого, украшали волосы нитями жемчуга или других бусин, надевали ножные браслеты с бубенчиками.

Традиционная индийская пища включала искусно приготовленные похлебки из бобовых с обильным добавлением растительного масла, лепешки; мясо готовили с большим количеством приправ — в эпоху древности в Индии еще не были настолько распространены обычаи вегетарианства, как в более позднее время. В качестве питья употребляли молоко и простоквашу; употребление спиртных напитков — разных видов пива и вина из перебродивших фруктов, судя по осуждению «Артхашастры», предлагающей введение жестких ограничений, тем не менее не было редкостью.

Классическая санскритская литература

Литературным языком Древней Индии являлся санскрит. Он принадлежит к индоевропейской языковой семье. Санскрит стал известен в Европе лишь в конце XVIII в., и ученых-языковедов сразу же поразило его сходство с европейскими языками как в корнях слов, так и в грамматических формах, что показывает глубокое родство санскрита с этими языками и общность их происхождения.

Наиболее древняя форма санскрита — язык *вед*. В классическую эпоху индийской древности развивается так называемый классический санскрит, на котором записаны многие научные трактаты, сборники законов и правил поведения, философские труды, произведения художественной литературы. Особая разновидность санскрита, развившаяся в тесном контакте со среднеиндийскими языками (пракритами, пали) — так называемый гибридный санскрит, свойственный буддийским сочинениям.

Нормы классического санскрита были разработаны древнеиндийским ученым Панини, жившим еще в IV в. до н.э. и написавшим трактат по грамматике санскрита — «Восьмикнижие». Детальное описание языка и классификация языковых явлений, выполненные Панини, стали основой грамматики санскрита и не потеряли своего значения по сей день.

На классическом санскрите писали и в средневековой Индии, также и древнеиндийские тексты дошли до нас благодаря труду средневековых переписчиков и сохранились в

записи алфавитом деванагари, представляющим собой слоговое письмо. Особенно изысканный стиль литературы на санскрите выработался в произведениях высокообразованных поэтов первых веков нашей эры — это так называемая литература «кавья», достигшая наивысших вершин в гуптскую эпоху, во времена расцвета придворной культуры.

Художественную прозу на санскрите III—IV вв. н.э. представляет нам «Панчатантра» («Пять книг»). Это сборник многочисленных рассказов поучительного характера. Действующими лицами этих рассказов являются представители самых разных слоев общества, а также говорящие животные. Рассказы «Панчатантры» как бы вставлены один другой: по ходу действия какой-либо персонаж может рассказать свою историю, в его рассказе может быть вставлен рассказ и т.д.

Бхаса у истоков драматургии

Поэт и драматург Бхаса жил в III—IV вв. н.э. Им были созданы одни из самых ранних дошедших до нас пьес (после пьес поэта-буддиста Ашвагхоши, жившего несколько ранее). Пьеса «Видение Васавадатты» рассказывает о любви царя Удаяны и царевны Васавадатты. Придворная интрига воспрепятствовала их счастью, и Васавадатта была вынуждена скрываться в облике служанки во дворце Удаяны. В конце концов царь узнает ее в лицо, и их судьбы соединяются.

Вокруг приписываемых Бхасе пьес ведутся споры об их авторстве, и лишь три из них, в том числе «Видение Васавадатты», считаются бесспорно принадлежащими его перу. С творчеством Бхасы связано формирование канонов классической индийской драматургии; в его пьесах присутствуют и основные приемы построения сюжета, и расстановка персонажей, которые закрепились в последующей традиции.

Калидаса — поэт любви

Пожалуй, самым прославленным поэтом и драматургом Древней Индии был Калидаса, который жил при дворе царя *Чандрагупты II* в конце IV — первой половине V в. н.э. Сохранились четыре его поэмы, из которых наиболее известны «Времена года» и «Облако-вестник». «Облако-вестник» — это поэма-послание, чей герой — «якша», житель Гималайских

гор, который был изгнан на юг своим повелителем. Оказавшись в разлуке со своей женой, он тоскует и обращается к облаку, плывущему на север, с просьбой донести весть о нем до красавицы жены. Указывая путь к ней, он рассказывает облаку о лесах и реках, странах и городах, над которыми оно пролетит, о своей любви к супруге.

Из пьес Калидасы сохранились три: «Малавика и Агнимитра», «Мужеством обретенная Урваши» и «Узнанная Шакунтала». Шакунтала — образ верной любви. Царь Душьянта увидел ее в глухом лесу, во время охоты. Дочь отшельника, она встретила его на пороге лесной обители. После долгих мук любви Душьянта женится на Шакунтале и перед отъездом дарит ей кольцо. Однако во время разлуки вступает в силу проклятие, согласно которому царь должен забыть о Шакунтале и вспомнить только тогда, когда увидит кольцо. Приехала Шакунтала к царю — а он смотрит на нее и не узнает, несмотря на ее упреки. Кольцо же она потеряла — уронила в воду. Но произошло чудо: Душьянте принесли кольцо, которое рыбак нашел в брюхе у рыбы, и царь снова узнал свою жену.

О жизни самого Калидасы не сохранилось каких-либо достоверных сведений, и судить о нем мы можем лишь по его произведениям. Отточенный стиль стихов Калидасы, сложный язык сравнений, виртуозные сюжетные построения сделали его тексты образцом классической литературы на санскрите.

БУДДИЗМ

В ПЕРИОД II в. до н.э. — V в. н.э.

В кушанское время происходило довольно быстрое распространение буддизма в направлении Центральной и Средней Азии. Вслед за торговыми караванами, которые в условиях существования сильного государства имели возможность более свободно совершать переходы из Индии в Центральную Азию, началось продвижение буддийских проповедников. Члены буддийской общины-*сангхи* считали своей целью зародить семена вероучения на новых землях, поэтому из среды буддистов выдвигались миссионеры, отправлявшиеся в другие страны. Особенное развитие это движение получило в эпоху кушан, когда открылись новые пути в Центральную Азию и затем в Китай. Результатом этой миссионерской деятельности стало распространение буддизма на обширных

территориях современного Афганистана и в Средней Азии, где были основаны многочисленные монастыри, складывались свои традиции буддийской культуры. Археологами исследовано немалое число таких буддийских памятников, например, пещерный монастырь Кара-тепе в Южном Узбекистане, на территории Древней Бактрии.

Из Средней Азии буддийские проповедники-миссионеры достигли пределов далекого Китая. Вскоре из тех стран, где укоренилась новая религия, стали приходить паломники на родину Будды (такowymi и были *Фа-сянь*, а позднее *Сюань-цзан*). Формируется также понятие вселенской общины — «сангхи четырех сторон света», объединяющей весь буддийский мир, который охватывал все новые территории. Буддийские монастыри Индии в I тысячелетии н.э. достигли высокой степени развития, являясь центрами буддийской учености, подобно знаменитым Наландским монастырям, которые привлекали большое число монахов, желавших получить здесь образование.

В Индии первых веков нашей эры расхождения между учениями разных школ буддизма зашли так далеко, что с этого времени можно уже говорить о существовании различных вероучений, которые получили названия «большая колесница» (*махаяна*) и «малая колесница» (*хинаяна*, принято также название «тхеравада», поскольку термин «малая колесница», конечно, исходил из среды махаянистов).

Эти основные ветви буддизма в последующие века охватили своим влиянием и иные страны, причем распространение махаяны в основном продвигалось в северном направлении, а хинаяны — в южном. Получив широкое распространение во многих странах Азии, буддийское движение в Индии пришло в упадок к концу эпохи древности, когда наибольшую популярность приобретает *индуизм*.

Хинаяна, или тхеравада

Одним из ответвлений буддизма стала «малая колесница» — хинаяна, представители которого считают себя хранителями первоначального учения Будды. Важным отличием между хинаяной и махаяной было то, что первая признавала лишь монашеский путь к спасению, достижению *нирваны*, причем спасение понималось как личное, не имеющее отно-

шения к другим существам. Таким образом, только уход от мира и принятие монашеских обетов обеспечивало возможность достижения нирваны. Идеалом хинаяны становится «архат» — т.е. тот, кто достиг блаженства нирваны благодаря правильной и полной самоотречения монашеской жизни.

Хотя Будда в свое время, по преданию, отказывался отвечать на вопросы, касающиеся устройства мироздания, тем не менее эти представления были разработаны. Согласно учению хинаяны, в основе человеческого несовершенства лежит незнание, которое коварно вовлекает человека в пучину чувств, не выпускающих его из *сансары*. Познанию же подлежат: страдание, непостоянство мира и отсутствие души мира.

Последние два утверждения предполагают такое представление о мире, согласно которому он представляет собой поток мгновенных элементов («дхарм»), которые создают разные сочетания, воспринимаемые нами как предметы и явления. Даже человек в каждое следующее мгновение — уже не тот, что прежде. Именно поэтому — мир не только непостоянен, но и безличен. Буддизм в форме хинаяны утвердился, в частности, на Цейлоне; именно здесь сохранился в полном виде буддийский канон — собрание священных текстов (см. *Палийский канон*).

Махаяна

Учение «большой колесницы» — махаяны — в своих основах было более понятно широкому кругу верующих-мирян, хотя в рамках этого учения были созданы и сложные философские системы. В отличие от приверженцев *хинаяны* махаянисты провозглашали возможность спасения не только для отвергших мирскую жизнь монахов, но и для мирян, стремящихся к нравственному совершенству. Одним из центральных образов махаяны был образ *бодхисаттвы*. Бодхисаттва, собственно, и не должен был покидать мир ради личного спасения и обретения нирваны, его цель — спасение других человеческих существ. Кроме того, целью буддиста, следующего по пути совершенствования, для махаяны является не столько *нирвана*, сколько просветление, «бодхи». Совершенное и окончательное пробуждение в понимании махаяны не приравнивается к достижению нирваны и значительно выше ее.

Махаянисты считали *Гаутаму* не просто человеком-первоучителем, но земным воплощением сверхъестественного

существа. Именно в махаяне формируется представление о «трех телах» Будды. «Дхармовое тело» Будды приравнено к дхарме (учению) и к истинной реальности мира, составляя его невидимую сущность; в «теле всеблаженства» Будда наслаждается высшим состоянием созерцания, которое обретается после нирваны; «воплощенное тело» Будды было явлено миру в образе Шакьямуни, посетившего мир ради того, чтобы рассказать людям о пути спасения, провозгласить учение живущим существам. Соответственно и почитаемый образ Будды, вокруг которого строился культ, стал множественным: помимо Будды Шакьямуни, возникают представления о Будде Амитабхе — небесном существе, управляющем «страной блаженства»; также предполагалось, что некогда должен явиться в мир Будда будущего — Майтрейя. Для махаяны характерен более сложный и пышный культ, направленный на почитание будд и бодхисаттв, развитая мифология.

В рамках махаяны развивались свои школы буддийской философии, имевшие большое число приверженцев и впоследствии получившие распространение в других странах. Так, одной из важнейших школ махаянского буддизма стала мадхьямака, основателем которой был Нагарджуна, живший, как предполагают, во II в. н.э. Большое влияние имела также школа йогачара, основоположниками которой были Асанга и его последователь Васубандху (время их жизни относится к IV—V вв. н.э.).

Бодхисаттва — идеал сострадания

Согласно учению махаяны, боддхисаттвы были великодушными существами, стремящимися или уже приблизившимися к совершенству Будды, однако из сострадания оставшимися в мире людей, чтобы помогать им, спасти от гибели и в конце концов привести к просветлению. Единство мудрости, т.е. нацеленности на обретение просветления, и сострадания к живым существам лежит в основе всех устремлений бодхисаттвы. Стремясь к спасению окружающих его людей, бодхисаттва должен применять средства убеждения, доступные их пониманию, поскольку люди наивны и разум их несовершенен.

Свойственные бодхисаттве совершенства получили название «парамит», которых обычно насчитывается шесть:

щедность, терпение, усердие, соблюдение воздержаний, созерцание, высшая мудрость. Особое значение приобрела последняя парамита (праджня-парамита), которой были посвящены важнейшие тексты махаяны, а также был создан отдельный культ олицетворявшего ее женского божества.

Со временем приобретает все большую популярность культ наиболее почитаемых бодхисаттв: Авалокитешвары, образа милосердия, изображаемого с лотосом в руке; бодхисатвы Манжушри — стража добродетели с мечом в руке, а также Ваджрапани, вооруженного *ваджрой*, карающего зло и, согласно буддийскому преданию, невидимо сопровождавшего будущего Будду Гаутаму. Бодхисаттвой считался также и сам Будда в то время, когда претерпевал прежние рождения и совершал подвиги, которые и привели его к последнему воплощению (см. также *джатаки*).

Нагарджуна. Философская школа мадхьямака

Нагарджуна — основатель мадхьямаки, одной из ведущих философских школ буддизма, принадлежащих к течению «махаяны». Время жизни Нагарджуны, как предполагают, II—III вв. н.э. Легенда рассказывает о том, что в юности он ушел в буддийский монастырь после пережитого им потрясения. Некий мудрец научил его вместе с товарищами искусству становиться невидимым; молодые люди использовали это умение по-своему и стали невидимками посещать царский гарем. Узнав об этом, царь приказал казнить юношей, и лишь Нагарджуне удалось избежать этой участи.

Потрясенный гибелью молодых людей, которых погубила чувственная привязанность к миру, Нагарджуна порывает с мирской жизнью и полностью посвящает себя монашеству, постижению буддийской учености и созданию своей философской системы.

Основа его философии — учение о «пустоте», которая признается единственным существующим началом в отличие от видимого мира, который иллюзорен и нереален. Нагарджуна приходит к этому выводу, используя сложные логические построения, главным образом сосредоточившись на понятии причинности: поскольку все вещи причинно обусловлены, а цепь порождающих их причин бесконечна, то вещи не существуют сами по себе, а бесконечный поиск предшествующих им «причин» лишь обнажает эту «пустотность». «Пустыми», не

существующими, являются и все основные феномены мира, как, например, само время.

Парадоксален вывод учения мадхьямаки о «пустоте» сансары и нирваны, и, соответственно, отсутствии различий между той и другой; тем самым становится бессмысленным достижение нирваны, поскольку пребывание в сансаре приравнено к нирване, и все существа изначально являются буддами. Деятельность бодхисаттвы, стремящегося к совершенствованию, заключается таким образом в осознании «пустоты» мира, которое является высшим знанием. «Пустота» представляется высшей космической реальностью, которая непостижима обычным сознанием и не поддается словесному описанию.

Жизнеописание Нагарджуны главную суть его учения представляет в образе, явившемся ему во сне: он видит перед собой ступу, внутри нее — еще ступу, внутри той — снова ступу, и так до бесконечности, пока он не приходит к осознанию того, что первая ступа, как и все последующие, не существует.

Буддийская литература Древней Индии и Палийский канон

Буддийская литература Древней Индии создавалась как на санскрите, так и на «пали» — литературном языке буддизма, сложившемся на основе диалектов Северо-Западной Индии, но сохранившемся среди буддистов Ланки. Многие буддийские тексты Индии дошли до нас лишь в китайских и тибетских переводах. Литература индийского буддизма чрезвычайно разнообразна и по своим жанрам, и по содержанию. Это и канонические сутры, повествующие о Будде, излагающие основы вероучения, и философские трактаты, и сборники притч, легенд, исторических преданий, и стихотворные произведения. Среди жанров буддийской литературы есть необычные — например, *джатаки* или аваданы, которые создавались на основе добуддийского фольклора.

Палийский канон, или «Трипитака» (пали — «Три корзины», санскритский вариант «Трипитака»), дошел до наших дней в полном виде, сохраненный в цейлонских монастырях. Это полный сборник буддийских канонических текстов, исходящий от тхеравадинов (см. *хинаяна*). Временем окончательного оформления канона считается I в. до н.э., хотя этому, несомненно, предшествовал длительный период сложения

текстов, из которых одни были составлены ранее, а другие являются более поздними. Канон состоит из трех частей, или «корзин» (свитки с текстами хранились в корзинах).

Первая часть канона, «Винаяпитака», посвящена правилам поведения монахов, образу жизни членов общины. В свою очередь «Винаяпитака» состоит из трех частей: в первой части содержится изложение «пратимокши» — основополагающего дисциплинарного перечня, определяющего внутренний распорядок буддийской общины; вторая часть содержит рассказы («кхандаки») назидательного характера, в которых проводится обоснование тех или иных установлений; в третьей части суммируется изложенный материал.

Вторая часть канона, «Сутрапитака», наиболее разнообразна по содержанию. Это большое собрание сутр, излагающих священные предания, передающих проповеди Будды; здесь же имеются тексты, выражающие чувства и переживания «ушедших от мира». «Сутрапитака» очень велика по объему и составлена из пяти частей — «Дигханикая» («дигха» — «долгий», это собрание достаточно пространственных сутр), «Маджджиманикая» (сборник «средних» сутр), «Самьюттаникая» (сборник «связанных» сутр), «Ангуттараникая» (сборник «добавленных» сутр, которых особенно много — более двух тысяч) и «Кхуддаканикая» (собрание кратких текстов). Среди сутр, входящих в состав «Сутрапитаки», достаточно известна «Махапариниббана-сутта», рассказывающая о последних днях Будды, его паринирване (кончине) и разделении его мощей. Наиболее необычны тексты «Кхуддаканикаи»: здесь и стихи (гатхи) буддийских монахов и монахинь, чрезвычайно эмоциональные по настрою, и «Дхаммапада» — сборник кратких изречений, и большой сборник *джатак*.

Последняя часть палийского канона, «Абхидхармапитака», является собранием философских сочинений. Один из основополагающих трактатов «Абхидхармапитаки» излагает теорию дхарм — мгновенных элементов мира и человеческого восприятия, составляющих все многообразие Вселенной.

Буддийская литература Северной Индии создавалась на санскрите. Эти тексты передают главным образом учение махаянских школ; однако сохранившаяся каноническая литература на санскрите не составляет полных собраний. В центре внимания важнейших из этих текстов — Будда, его жизнь и совершаемые им чудеса.

Жизнеописанию Будды посвящена «Лалитавистара» и в значительной мере текст «Махавасту»; ярким примером махаянского восприятия образа Будды как сверхъестественного существа дает «Саддхарма-пундарика-сутра» («Сутра лотоса благого учения»).

Широкому кругу читателей были адресованы аваданы: «Сборник ста авадан» («Аваданашатака») — собрание легенд о Будде и его благородных поступках в предыдущих рождениях, а также «Дивьявадана» — большое собрание буддийских преданий, повествующих в том числе и об исторических личностях, например, о царе Ашоке и его обращении в буддизм.

Джатаки

Джатаки — один из самых занимательных для читателя жанров буддийской литературы. Собрание джаток, которое входит в состав «Сутрапитаки» (*Палийский канон*), достаточно велико — более 500. Другой сборник джаток («Гирлянда джаток») был создан на санскрите около IV в. н.э.; его автором считается Арьяшура. Джатаки рассказывают о подвигах будущего Будды, совершенных им в его прежних перерождениях, когда он жил в мире в облике разных людей или животных.

Обычно это существо совершает самопожертвование, спасающее другие жизни. Так слон, встретивший погибающих от голода людей, бросился со скалы и отдал свое тело в пищу людям. В каждой джатаке есть «рассказ о настоящем», раскрывающий обстоятельства, при которых Будда произносит «рассказ о прошлом», далее идет сам «рассказ о прошлом» — воспоминание о прежнем рождении (Будда, как считалось, обладал исключительной способностью помнить свои «прежние жизни») и в конце каждой джатаки — объяснение, кто из персонажей рассказа кем стал в последующие времена. В повествовании джаток соединены проза и стихи, каждая из них представляет собой изысканный литературный текст.

«Дхаммапада»

«Дхаммапада», или «Стихи о дхарме» (дхарме как буддийском учении, законе, добропорядочности), включена в заключительную часть «Сутрапитаки» (*Палийский канон*). Это сборник изречений, в предельно лаконичной форме выража-

ющих буддийское учение. Высказывания «Дхаммапады» афористичны и глубоко образны: «Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, мудрецы смиряют самих себя» (здесь и далее перевод с пали *В.Н. Топорова*).

Текст «Дхаммапады» поделен на главы, в каждой из которых собраны стихи, посвященные одной из тем, главным образом относящихся к сфере этики и морали («Глава о мудром», «Глава о зле», «Глава о желании»). Идеальная личность в стихах «Дхаммапады» отличается мудростью, бескорыстием и великодушием, в то время как зло и глупость беспощадно изобличаются: «К тому, кто обижает безвинного человека, чистого и безупречного человека, именно к такому глупцу возвращается зло, как тончайшая пыль, брошенная против ветра».

Поэт Ашвагхоша

В I—II вв. н.э. жил буддийский поэт Ашвагхоша, создавший высокохудожественные литературные произведения, из которых наиболее известна «Буддхачарита», поэма о жизни Будды, написанная изысканными стихами в стиле «литературы кавья» и ставшая одним из лучших образцов классической санскритской литературы.

Другая поэма Ашвагхоши «Саундаринанда» рассказывает историю обращения в буддизм Нанды, двоюродного брата Будды; Нанда тоскует по своей жене, по простым радостям жизни в миру, но сила убеждения Будды приводит его к решению принять монашеский обет.

В начале XX в. в Турфане были найдены и пьесы, принадлежавшие перу Ашвагхоши, которые положили, как считается, начало санскритской драматургии и нашли продолжение в светском творчестве поэтов *Бхасы* и *Калидасы*.

Искусство буддизма на рубеже эпох

Расцвет каменной архитектуры и скульптуры в Индии начинается со II в. до н.э. — со времени создания большого числа буддийских культовых зданий; это — *ступы*, пещерные храмы и монастыри, сохранившие прекрасные образцы буддийской скульптуры и живописи. Так, в Карли можно увидеть удивительный образец пещерного храма; он вырублен в скале вместе

с рядами изысканных по форме колонн и каменной ступой, расположенной в самой глубине искусственной пещеры. Ребристый потолок храма воспроизводит формы деревянной архитектуры. В Аджанте находятся пещерные монастыри (I в. до н.э. — VII в. н.э.), известные не только своей архитектурой и скульптурой, но и живописью, покрывающей стены многочисленных залов и выполненной с большим мастерством и вкусом. Здесь можно увидеть Будду, бодхисаттв, жизнь царского двора, сцены сельской жизни, сражения — одни картины сменяют другие в одной общей ленте изображения.

Обычай создания изображений Будды сложился не сразу и был связан в основном с формированием учения *махаяны*. Именно его представления о Будде и бодхисаттвах, приближающие их к образу божеств, открыли возможность для создания скульптурных изображений буддийских персонажей, выработанных гандхарской школой буддийского искусства.

Рельефы Бхархута

В Бхархуте сохранилась каменная ограда ступы с многочисленными рельефами, представляющими ранние образцы буддийского искусства (II в. до н.э.). Круглые медальоны на ограде заключают в себе сцены из джатак, а также эпизоды священных преданий, например, сон царицы Майи перед рождением Будды. Образ Будды на изображениях из Бхархута предстает в виде символов.

Так, один из рельефов представляет почитание Будды, который присутствует в виде отпечатков его ступней, на другом — сцена почитания Будды в образе ступы, на других рельефах мы видим почитание пустого трона Будды, почитание дерева бодхи, под которым Будда обрел просветление, почитание колеса — символа учения Будды. Изображения на рельефах представляют собой многофигурные композиции; разнообразные движения и позы человеческих фигур охвачены общим ритмом, создающим цельность художественной передачи каждой сцены.

Буддийские ступы из Санчи

В Санчи (Западный Декан) находятся, пожалуй, самые известные и хорошо сохранившиеся древние буддийские ступы.

пы. Еще при Ашоке здесь существовала деревянная ступа; в последующие века, при династии Сатаваханов, она была подвергнута перестройке — здесь выросли монументальные каменные сооружения, которые можно увидеть и в наши дни.

Во II в. до н.э. была построена древнейшая ступа в Санчи, охваченная каменной оградой; здесь сохранились рельефные изображения весьма архаичного образца. Сооружение большой ступы в Санчи относится к I в. до н.э. Большой каменный купол ступы окружен высокой оградой с четырьмя воротами по сторонам света. Архитектура ограды и ворот воспроизводит деревянные конструкции. Ворота обильно украшены скульптурой и рельефами, изображающими обряды поклонения святыням, эпизоды буддийских легенд, а также многочисленных слонов, львов, коней, птиц, *якш* и карликов.

Скульптура Гандхары

Древняя Гандхара располагалась в Северо-Западной Индии, значительная ее часть в настоящее время находится на территории Пакистана. Именно здесь в рассматриваемый период сложился особый стиль в архитектуре и скульптуре, и потому искусствоведы и историки ведут речь о гандхарском искусстве и гандхарской скульптуре.

В силу своего географического положения область Гандхары была наиболее подвержена влияниям иных, неиндийских культур: именно северо-западная часть Индии принимала на себя волны иноземных завоеваний, которые особенно активно развивались в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры.

В первую очередь это было греко-бактрийское вторжение, вследствие которого Гандхара оказалась вовлеченной в сферу влияния эллинистической культуры. Так, раскопками в древнеиндийском городе Таксиле была раскрыта как светская, так и храмовая архитектура эллинистического характера; среди находок присутствует скульптура, изображающая античных персонажей и выполненная в античных традициях.

Однако понятие «гандхарского искусства» в первую очередь подразумевает искусство буддийского содержания — изображения Будды, *бодхисаттв*, эпизодов из жизни Будды и из *джатак*. Своеобразие этой скульптуры определяется сильным влиянием эллинистической традиции, что проявляется и в расположении фигур на рельефах, и в манере воспроизведе-

дения складок одежды, облегающей фигуры персонажей, и в моделировке лица. Так, на лице Будды линия носа продолжает линию лба, что побудило некоторых авторов сравнивать эту скульптуру с античными изображениями Аполлона.

Сама традиция изображения Будды в образе человека возникает именно в ганхарской школе — в более раннем буддийском искусстве Будда присутствует лишь в виде символов — следов его ног, знака колеса и т. п. Выработанный ганхарской школой канон изображения Будды предполагает три основных типа: стоящий Будда с поднятой правой ладонью (знак доверия и доброжелательства), сидящий Будда — в позе размышления, и лежащий — «Будда в нирване». На голове Будды — выступ (знак мудрости), укрытый прической, на лице — сдержанная улыбка, фигура обычно фронтальна, лишь жесты рук и расположение складок одежды нарушают ее симметрию.

Такие статуи обычно располагались в нишах, включенных в архитектуру культовых сооружений; стены ступ и окружающих их построек также были украшены многочисленными рельефами. К примеру, на рельефе, изображающем эпизод прощания Сиддхартхи с конем Кантакой, центральное место занимает фигура коня, который лижет ноги своего хозяина, здесь же стоит огорченный слуга царевича и бодхисаттва, сопровождающий будущего Будду; окружающий эту сцену лес представлен в виде фигур древесных духов — *якш*.

Скульптура ганхарской школы достигает наивысшего развития в кушанский период, когда происходит наиболее активное распространение буддизма; в это время наблюдается и распространение традиций этого искусства в других регионах Центральной и Средней Азии, охваченных кушанским влиянием.

Индуизм

Религия индуизма формировалась примерно на рубеже нашей эры; начиная с эпохи Гуптов до нас дошли первые сохранившиеся индуистские храмы. В отличие от *буддизма* и *джайнизма*, которые возникли как религиозно-философские системы, имевшие своих основателей, индуизм вырос естественным образом из традиций *брахманской* религии в соединении с народными верованиями. Философские системы индуизма разрабатывались позднее.

В основе индуизма заложено ревностное почитание богов («пуджа») на основе страстного чувства преданности ему («бхакти» — обожание божества). В повседневной жизни предписано неуклонное выполнение своего предназначения, долга в семье и обществе, многочисленные обряды поклонения божествам, которые совершаются и поныне. К изображению божества приносят пищу, гирлянды цветов, зажигают и раскачивают светильники. В определенные дни статую божества выносят из храма для ритуального омовения, возят по улицам на высокой повозке в сопровождении праздничного шествия. Формирование религии индуизма происходило постепенно — лишь со времени империи *Гуптов* можно уже говорить о сложившемся индуистском культе.

Индуистский пантеон достаточно велик, но на первое место выдвигаются два главных божества — *Вишну* и *Шива*. Предпочтение в поклонении одному из этих двух богов породило разделение сторонников индуизма на два главных направления, или секты. Тех, кто поклоняется в первую очередь Шиве и считает прочих богов второстепенными, называют шиваитами, а тех, кто отдает первенство среди богов Вишну — вишнуитами. Многие божества оставались еще со времен ведийской религии и почитались примерно в том же образе: Сурья, Яма, Кама и другие. Помимо великих богов, в индуизме поклонялись и полубожественным существам, которые также имели древнее происхождение. Среди них почитались *гандхарвы*, *ансары*, а также многочисленные духи — такие, как *якши* и *наги*.

Священными книгами индуизма считаются как веды, так и произведения эпической литературы — «*Махабхарата*» (где особенно большое значение придается «*Бхагаватгите*») и «*Рама-яна*»; почитаются также пураны и другие тексты. Философское учение индуизма складывалось в среде ученых-брахманов и в начале нашей эры оформилось в систему «шести даршан».

Строительство индуистских храмов развернулось, по-видимому, около рубежа нашей эры, и первоначально они были деревянными. Каменное зодчество индуизма входит в пору расцвета в эпоху Гуптов. Индуистский храм возводился на цоколе; главная часть храма — святилище, заключающее в себе изображение божества; входили в храм через портик. Ранние храмы имели плоскую крышу, затем складывается традиция воздвигать над святилищем высокую башню, покрытую каменной резьбой.

Вишну — Кришна: аватары и спасение мира

Милосердное и самоотверженное божество индуизма Вишну совершает подвиги во имя своей любви к людям. Мифологический образ Вишну часто встречается на изображениях в виде лежащего божества, ложем которому служит свернувшийся кольцами огромный змей Шеша. Шеша плавает на поверхности океана, а из пупка божества тянется огромный стебель с раскрывающимся цветком лотоса, в котором появляется бог-творец Брахма.

Также бога Вишну представляют летящим верхом на мифической птице Гаруде. В мифах и изображениях Вишну предстает и в других, самых разных обликах, из которых наибольшей популярностью пользуются Кришна и Рама.

Вишну неоднократно являлся в мир земной, чтобы спасти людей от бедствий. Поэтому сложилось представление об аватарах — воплощениях милостивого бога в облике каких-либо земных существ. Насчитывают 10 основных аватар Вишну: *рыба*, которая спасла мир от потопа; *черепаха*, спасшая утонувшие в океане святыни; *вервь* и *человек-лев*, победившие демона; *карлик*, завоевавший мир; *воин* Парашурама, а также *Рама*, *Кришна*, *Будда* и *Калки* — воин на белом коне, который в будущем истребит злодеев.

Так, миф об аватаре Вишну в образе черепахи повествует о том, что во время мирового потопа утонули в океане ценности богов, из которых самая важная амрита — напиток бессмертия. Тогда самоотверженная черепаха огромных размеров опустилась на дно океана; на спину ей боги водрузили гору, а к ней привязали большого змея. Держа змея за хвост, они стали пахать океан, отчего амрита всплыла на поверхность вод.

Почитание Вишну в виде таких аватар, как Рама и Кришна, было окружено особым культом, связанным со своей мифологией и обширной литературой. Супруга Вишну, богиня счастья и красоты Лакшми, родилась из океана с цветком лотоса в руках.

Одним из главных воплощений (аватар) бога Вишну безусловно является Кришна — герой, явившийся в мир для борьбы с несправедливостью. Имя «Кришна» значит «черный», его представляют в образе красивого юноши с темно-синей кожей.

В юности Кришна жил среди пастухов, скрываясь от своего дяди-злодея, который убивал детей своей сестры, пос-

кольку ему было предсказано, что один из них уничтожит его самого. Образ Кришны-пастуха — один из самых излюбленных в индуистской мифологии.

Грозный бог Шива

Шива — грозное божество индуизма. Его представляют сидящим на горе Кайласе, погруженным в глубокое размышление. Бог одет в тигровую шкуру, у него длинные ниспадающие волосы, с которых стекают потоки воды, дающие начало Гангу; в волосах его сверкает месяц, а на лбу — третий глаз, знак мудрости. На шее у Шивы — ожерелье из черепов, руки обвиты змеями.

Образ Шивы противоречив: сидящий в покое, он олицетворяет мудрость и аскетизм, танцующий же Шива — воплощение неистовой, сокрушительной стихии; окруженный демонами и змеями, он грозит смертью — и в то же время он бог плодородия и рождения. В храмах Шивы поклоняются «лингаму» — символу его плодородия.

Божественной супругой Шивы стала Парвати, дочь бога Гималайских гор. Согласно мифу, красавица Парвати долго не могла добиться внимания Шивы, в медитации восседающего на вершине Кайласы. Лишь после того как она сама начала предаваться аскетической жизни, поселившись в горах неподалеку от него, Шива заметил ее и взял в супруги. У них родился сын Сканды, ставший воинственным божеством. Божественное животное, верхом на котором ездит Шива, — бык Нандин; его скульптурные изображения сопровождают шиваитские храмы.

Брахма. Космология индуизма

В индуизме богом-творцом считается Брахма, при этом культ Брахмы не принадлежит к числу главных, хотя в более раннее время он весьма почитался в *ведийской религии*. Важную роль играет Брахма в образе Тримурти («Трехликого») — своего рода соединении ипостасей трех божеств — Брахмы, *Вишну* и *Шивы*. Представление об этой триаде возникло во времена Гуптов. Изображение Тримурти имеет три лица, обращенных в разные стороны.

Образ Брахмы, который засыпает и бодрствует, лежит в основе индуистской космологии и ее представления о вре-

мени как о системе космических циклов. Когда Брахма не спит, — в течение «дня Брахмы» — он каждый раз заново творит Вселенную, а засыпая, снова поглощает ее.

«День» Брахмы приравнен к большому циклу — «кальпе», длительность которой составляет 4320 лет. В каждой кальпе — 1000 махаюг, и каждая махаюга, в свою очередь, делится на четыре юги, в течение которых неуклонно происходит все большая деградация человечества. Согласно этим представлениям, наше время приходится на четвертую югу — «калиюгу», т.е. на тот период, когда мир человечества близится к упадку.

Супругой Брахмы была богиня Сарасвати, которая служила воплощением реки, носившей ее имя. Сарасвати считалась покровительницей наук, искусств, литературы, музыки. Ей приписывалось изобретение письма и самого языка санскрита; изображалась она с «виной» (струнным музыкальным инструментом) и текстом в руках.

Локапалы и низшие духи: якши и наги

В индуистской и буддийской мифологии часто фигурируют якши — духи лесов и гор. Их почитали в небольших уединенных святилищах. Многочисленные изображения якш и женщин-якшини можно видеть и на буддийских рельефах, например, среди скульптуры большой ступы в Санчи.

Наги, или духи-змеи, часто изображались в виде человекоподобного существа, над головой которого, подобно капюшону, склоняется семиголовая змея. Нагов почитали как могущественных духов земли и воды, хранителей плодоносящих сил природы. Так же как и якши, наги почитались в Индии с глубокой древности. Они являются персонажами не только индуистской, но и буддийской мифологии.

По представлениям индуизма, божественные силы охраняют мир с четырех сторон. Хранителей четырех сторон света называют локапалами. Северную сторону охранял Кубера, владыка подземных драгоценностей. Считалось, что он обитает в Гималаях в мифическом городе Алаке, населенном якшами, — именно Кубера отправил в изгнание якшу, разговаривающего с облаком в поэме Калидасы. Хранитель южной стороны — Яма, владыка мертвых, восточной — *Индра*, западной — *Варуна*. Как видим, древние ведийские божества в индуизме приобрели иную роль.

Царь обезьян Хануман

Доброжелательный дух Хануман — царь обезьян, которые в индуизме считаются священными, стал одним из главных действующих лиц «*Рамаяны*», помощником бога *Рамы*. Именно благодаря храброму Хануману Раме удалось разыскать Ситу и победить грозного демона, владыку Ланки. Ханумана изображают в виде человекоподобного существа с головой обезьяны, в царской короне, с жезлом и с горой Кайласой в руках.

«Шесть даршан»

Шесть философских школ индуизма, или «шесть даршан», по традиции принято перечислять в определенном порядке: ньяя, вайшешика, санкхья, йога, миманса, веданта. Ньяя — учение о законах логики, с ней тесно связана школа вайшешики, основным утверждением которой стало существование универсальных элементов, составляющих Вселенную: комбинации этих частиц создают все вещи и живые существа.

Санкхья признает независимое существование в мире двух начал: объективной реальности «*пракрити*», развивающейся по своим внутренним законам, и духовного начала «*пуруши*».

Йога, признавая верховенство в мире высшего божества, главное значение придает самовоспитанию, постоянной тренировке тела и психики для достижения связанного с особыми способностями высшего состояния, которое открывает перед человеком путь к спасению.

Миманса и веданта составляют практически одно целое и основаны на развитии и логическом осмыслении древнего ведийского учения, выраженного в *упанишадах*.

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

На территории Китая существовали поселения еще в эпоху раннего палеолита (около 500 тысяч лет тому назад). Это показывают найденные в конце 20-х — 30-е годы XX в. китайским археологом Пэй Вэньчжуном останки *синантропа*, или Пекинского человека. Но лишь в пятом, предположительно, тысячелетии до нашей эры совершился переход от собирательства и охоты к земледелию. Это подтверждают находки, относящиеся к неолитическим культурам *Яншао* (V—IV тысячелетия до н.э.) и *Луншань* (вторая половина III тысячелетия до н.э.). Прослеживается прямая связь этой последней с культурой эпохи *Шан-Инь* (XVI—XI вв. до н.э.) бронзового века, когда зародилось классовое общество и государство и появляются письменные свидетельства. Об этом времени рассказывают многочисленные гадательные надписи на костях и черепаших панцирях, найденные археологами.

Так начинается письменная история Китая. Ее периодизация строится, по традиции, в соответствии со сменой правящих династий, принимавших одна от другой верховную власть. Согласно древним историческим текстам, эпохе Шан-Инь, документированной археологическими материалами и письменными свидетельствами, предшествовал период правления дома *Ся*, сведения о котором пока такими находками не подтверждены.

Династии Шан пришла на смену династия *Чжоу* (XI в. — 256 г. до н.э.), долгий период царствования которой состоит из эпох *Западночжоуской* (XI в. — 771 г. до н.э.), *Чуньцю* «Весен и осеней» (770—481 гг. до н.э.) и *Чжаньго* «Сражающихся царств» (480—221 гг. до н.э.). Этой последней эпохе положила конец недолговечная династия *Цинь* (221—207 гг. до н.э.), которой удалось, однако, вновь централизовать и укрепить Китайское государство.

С падением Цинь воцарилась династия *Хань* (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), история которой состоит из периодов *Западной империи Хань* (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.), короткого междуцарствия, или правления *Ван Мана* (9—23 гг. н.э.), и *Восточной империи Хань* (25—220 гг. н.э.).

В Западночжоуский период еще полностью сохранялась деревенская община и общинная собственность на землю и сельскохозяйственные угодья. Господствующий класс — верховный правитель (ван), наместники, чиновники и прочие — кормились вместе со своими родственниками (большими семьями) от податей, налагаемых государством на деревенские общины.

К концу эпохи Чуньцю, в период «Сражающихся царств», появляется частная собственность на землю. Общинная верхушка обогащается за счет массы бедных общинников. В то же время ремесло и торговля переживают расцвет, и в централизованной империи эпохи Цинь и Хань мелкий частный собственник и рядовой производитель, непосредственно зависевшие от государства и облагавшиеся налогами, составляли основу социальной структуры и организации китайского общества. Исследователи отмечают и случаи использования рабского труда в ремесленном производстве, земледелии, а также в домашнем хозяйстве.

В период Восточной Хань часть мелких собственников, а также многие влиятельные чиновники, представители императорской фамилии и главы могущественных родов обогащались, превращаясь в крупных землевладельцев. Развитие крупного землевладения привело в итоге к падению империи Хань и положило начало средневековой китайской истории.

При кажущемся или действительном противоречии между государственной и частной собственностью, первая, с момента ее возникновения и на протяжении последующей истории Китая, остается доминирующей. В этом особенность китайс-

кой истории. Другой важной ее особенностью является наличие образованного слоя чиновников, которые представляли специфический, культурно-традиционный тип государственной бюрократии.

Неолитический период: культуры Яншао и Луншань

На территории Китая древнейшие земледельцы селились в бассейне великих рек Янцзы, Хуанхэ и их притоков примерно с середины VI тысячелетия до н.э. Поселения носителей культуры Яншао состояли из круглых или прямоугольных домов, слегка углубленных в грунт и располагавшихся на лессовых речных террасах. Известно, что они держали крупный рогатый скот, разводили свиней; землю обрабатывали простыми орудиями из камня и кости, выращивали просо. Пользовались каменными шлифованными топорами, теслами и деревянными орудиями. Глиняные сосуды окрашивали в черный цвет. В керамике Луншань (ближе к морскому побережью) встречаются лощеные сосуды.

Яншо (V — IV тысячелетия до н.э.) называется китайская неолитическая культура, предметы которой впервые были обнаружены у деревни Яншаоцунь в провинции Хэнань. Эта культура, меняясь в зависимости от места и времени, распространилась в бассейне реки Хуанхэ, в верхнем и среднем ее течении, на территории Ганьсу (северо-запад Китая), где жили западные *жуны*. Для культуры *яншао* характерны керамические изделия, расписанные черной и красной красками по желтой глазури и изготовленные вручную, без помощи гончарного круга.

В орнаменте керамики присутствуют зооморфные мотивы, затем они сменяются геометрическими узорами. Известна грубая серая и красная керамика. Глиняные сосуды служили для хранения зерна, для обрядовых целей (кувшины для вина и масла); были сосуды, используемые как урны при погребении. Этот последний обряд предполагал, как правило, захоронение в длинных ямах.

На керамических сосудах **Яншао** на поверхности шейки, между верхним орнаментом в виде меандра и составленным из крючков нижним узором, пространство заполнено фигурками, поразительно похожими на некоторые архаичес-

кие пиктографические знаки. На подобных изделиях Яншао (и более поздних культур) исследователями найдены насечки, представляющие письменные знаки, отличные от иероглифических. В керамике Яншао 88 разновидностей таких знаков.

Следы культуры Луншань (вторая половина III тысячелетия до н.э.) были обнаружены при раскопках поселения Луншань в провинции Шаньдун — в районе, населенном некогда племенами *юйи*. Она распространилась в нижнем течении реки Хуанхэ. Существует множество местных и временных разновидностей этой культуры. В целом для нее характерны необработанные сосуды из серой глины, отчасти изготовленные с помощью гончарного круга, а также полированные каменные изделия. Ближе к морскому побережью встречается тончайшая чернолощеная керамика. Из кости вытачивались наконечники стрел.

Наряду с земледелием (выращивание проса) и разведением скота (свиней, крупного рогатого скота, овец, коегде — лошадей и кур), добычанию пищи служили охота и рыболовство. Деревни, сравнительно небольшие, были тем не менее укреплены. Для оборонительных сооружений использовалась утрамбованная земля.

В эту эпоху уже отправлялся культ предков и практиковалось искусство предсказания. В числе находок в этом регионе есть гадательные кости, «на которых имеются знаки, нанесенные с помощью сверления» и позволяющие предположить существование в эпоху Ся «примитивной письменности».

Из керамики луншань в разные годы найдены керамические черепки и сосуд с насечками в виде письменных знаков. Если некоторые такие находки определенно могут быть отнесены к эпохе Ся, то уже тогда существовали гадатели и жрецы («у»), регулярно совершавшие обряды жертвоприношения.

Категории и реалии китайской культуры: письменность

Если понимать культуру как совокупность форм (нравственных, эстетических и т.д.), придаваемых людьми продуктам их созидательной деятельности и присущих самой этой деятельности, то культура образует сердцевину истории китайского общества. Оно, можно сказать, существует благодаря культуре. История Китая — история созидания, на-

копления и передачи культурных ценностей от отца к сыну, от поколения к поколению. Поэтому, при всех социальных потрясениях, внутренних конфликтах и драматических соприкосновениях с внешним миром, история этой страны обладает целостностью. В ее движении есть определенное постоянство. Общественные и политические институты и идеологические построения сохраняют здесь преемственность от эпохи к эпохе, и не только на протяжении древности.

При всем многообразии культурных форм (и проявлений духовной культуры, в первую очередь), в китайской культуре имеется ядро (постепенно оно оформится как ядро конфуцианское), обеспечивающее ее преемственность. Главную роль здесь играет письменность.

Обычно китайское письмо называют иероглифическим. Правильней было бы сказать, что это письмо словесное. В нем пользуются знаками (*цзы*), обозначающими каждый отдельное слово. Сегодня, со всеми вариантами и специальными обозначениями, насчитывается примерно 50 тысяч знаков. Наиболее древние письмена, сохранившиеся в гадательных надписях шан-иньского времени, настолько сложны, что от предполагаемого момента возникновения простых знаков и до появления таких, какие дошли до нас, должно было пройти довольно много времени.

В сложных знаках могут быть выделены более простые элементы, которых сравнительно немного, видимо, несколько сотен. Исследователи считают, что они рисуночного происхождения.

В словаре «Шо вэнь» II в. н.э. все знаки, простые (*вэнь*) и сложные (*цзы*), делятся на шесть категорий: указательные, например: *шан* («верх») и *ся* («низ»); изобразительные — такие как *ма* («лошадь») и *шань* («гора»); фонетические — которые ассоциируются лишь с звучанием слова; идеографические — состоящие из сочетаний изобразительных знаков; видоизмененные — имеющие сходное написание и одинаковое значение, т.е., по сути дела, варианты; и, наконец, заимствованные — используемые для записи одинаково звучащих или близких по звучанию слов.

Выделение простых элементов иероглифа затрудняется нередким их усечением при соединении в сложном знаке. В таком усеченном, условном написании трудно определить, от какого простого знака они происходят. Поэтому мечта

европейских исследователей восточной словесности овладеть искусством разгадывания китайских иероглифов, как если бы это были ребусы, остается неосуществленной со времени ее зарождения в XVII в.

Периодически менялся стиль начертания этих знаков. Надписи на гадательных костях шан-иньского периода и бронзовых сосудах чжоуского времени выполнены «древним письмом» (*гу вэнь*), сохранявшим изобразительность и допускаявшим варьирование знаков. При этом начертания знаков на бронзе существенно отличаются от их начертаний на костях.

Позже (ок. 800—200 г. до н.э.) развивается «большое письмо для печатей» (*да чжуань*) и «малое письмо для печатей» (*сяо чжуань*, ок. 200 г. до н.э.). С употреблением кисточки (в эпоху *Чжаньго*) появляется «официальное письмо» (*ли шу*). Впрочем, само использование кисти очень древнее. Ею, возможно, расписывалась керамика *Яншао*, подкрашивались насечки на ней, а позже — знаки на гадательных костях.

Древнейший календарь

Традиция измерения времени в Китае уходит в глубь веков. При том уровне развития культуры земледелия, какой сохранился в исторической памяти китайцев об эпохе Ся, несомненно должен был уже тогда существовать календарь. Иногда, поскольку изменяются наблюдаемые положения звезд и планет, в календари вносятся поправки, но не меняется существенно принцип их составления. В традиционном историописании самый ранний сохраненный в записи календарь «Сясяочжэн» считается сяским по происхождению и принадлежности. В эпоху Шан-Инь по сочетаниям «небесных пней» и «земных ветвей» по календарю датировали гадания, что отражено в гадательных надписях. Однако следов сложения этой системы проследить невозможно. Должна была пройти не одна сотня лет еще прежде этой эпохи, чтобы такой календарь был создан и вошел в употребление. Поэтому сельскохозяйственный календарь, которым пользовались и в конце эпохи Чжоу, по-прежнему назывался сяским — «Ся сяо чжэн».

В основе китайского календаря лежит шестидесятиеричный цикл, записываемый при помощи знаков из двух последовательностей: десяти «небесных стволов» (*гань*) и двенад-

цати «земных ветвей» (чжи). Через каждые шестьдесят дней (или других календарных единиц) сочетания знаков повторяются. Нечетные знаки «стволов» сочетаются с нечетными же знаками «ветвей». Аналогичным образом дело обстоит с четными знаками той и другой последовательности. Поэтому на таблице все необходимые сочетания легко располагаются подобно шашкам на шашечной доске (см. табл.).

	<i>цзы</i>	<i>чоу</i>	<i>инь</i>	<i>мао</i>	<i>чэнь</i>	<i>сы</i>	<i>у</i>	<i>вэй</i>	<i>шэнь</i>	<i>ю</i>	<i>сюй</i>	<i>хай</i>
<i>цзя</i>	1		51		41		31		21		11	
<i>и</i>		2		52		42		32		22		12
<i>бин</i>	13		3		53		43		33		23	
<i>дин</i>		14		4		54		44		34		24
<i>у</i>	25		15		5		55		45		35	
<i>цзи</i>		26		16		6		56		46		36
<i>гэн</i>	37		27		17		7		57		47	
<i>синь</i>		38		28		18		8		58		48
<i>жэнь</i>	49		39		29		19		9		59	
<i>гуй</i>		50		40		30		20		10		60

Метод «стволов» и «ветвей» использовался не только при счете дней. «Земные ветви» применялись также при счете часов и счете месяцев, и даже лет, хотя определенно шестидесятилетний цикл появляется в поздниханьское время. Зато о лежащем в его основе двенадцатилетнем цикле Юпитера есть сведения от эпохи «Вёсен и осеней» (Чуньцю).

Производя сложнейшие вычисления при помощи стеблей тысячелистника, древние составляли понятия о больших промежутках времени, таких как «юань» (эра, созвучно греческому «эон») — до 10 800 лет; «тун» (1539 лет), «цзи» (1520 лет). Эти длительные промежутки охватывают кратные им малые периоды, а именно: «бу» (76 лет) и «чжан» (19 лет). Последний упоминается в «Книге Перемен» («И цзине»). Таким образом, вся китайская система исчисления времени может оказаться гораздо более древней, чем мы себе представляем.

Культ предков и Шанди

Почитание предков составляет основу религиозного культа в Древнем Китае. Представления о переселении души после смерти существовали здесь предположительно уже в эпоху

неолита. Обряды же, связанные с этим культом, сложились не позже шан-иньского времени. О том, что они тогда определенно существовали, свидетельствуют многочисленные гадательные надписи. Жертвы приносились Шанди, умершим правителям, их женам, министрам и т.д.

Шанди («Высочайший император») — верховное божество в государстве *Шан-Инь*. Пребывающий на небе Шанди воспринимался древними как прародитель правителя и родоначальник его дома и, будучи личным божеством, оказывал, по их представлениям, прямое влияние на судьбу своих потомков. Царствующий представитель династии посредством жертвоприношения и обращения к оракулу устанавливал связь с божеством. Когда в западночжоуский период предметом религиозного почитания все чаще становилось Небо, Шанди утратил прежнее значение, но многое из того, что считалось ему свойственным, стало приписываться Небу.

Гадания

Обращение к оракулу путем прокалывания костей и осмотра образующихся трещин прослеживается в Китае со времени культуры *Луншань*. В период *Шан-Инь* эта форма гадания достигла расцвета. Однако теперь гадания уже совершались одновременно и по панцирю черепахи, и при помощи стеблей тысячелистника. Этот последний вид гадания приобрел законченную форму в чжоуский период.

О гаданиях рассказывают надписи на гадательных костях, позволяющие также извлечь необходимые сведения об истории государства Шан-Инь. В полном виде надписи содержат дату гадания, имя гадателя, заданный оракулу вопрос, ответ на него и примечание, свершилось или нет предсказываемое событие. Пример такого текста: «В день *цзи-мао* гадатель Цзюэ задал вопрос: “Будет ли дождь?”. Ван прочел ответ: “Будет”. В день *жэнь-у* действительно пошел дождь». Большинство надписей содержат, однако, лишь часть сведений такого рода.

Древние гадали о природных явлениях (затмениях, дожде, ветре, снеге). Они обращались к оракулу, отправляясь в путь, собираясь на охоту, готовясь к военному походу; спрашивали о жертвоприношениях и т.д. Способы и символы гадания на стеблях тысячелистника в шанскую эпоху, очевидно, отличались от известных по более позднему времени, в частности, из «Книги Перемен».

Бронзовые сосуды

В эпохи Шан-Инь и Чжоу для жертвоприношений в Китае употреблялись главным образом бронзовые сосуды, чаши, блюда и т.д. Сохранившиеся в большом количестве и доныне, такие сосуды украшались великолепным орнаментом. Исходя из формы сосудов, можно выделить их различные виды: алтарные треножки (*дин* и *ли*), служившие для приготовления пищи; сосуды для проса (*гуй*) и жертвенной пищи (*доу*), сосуды для омовения (*и*), кувшины для вина (*ху*), винные чаши и кубки (*цзя*, *цзюэ*) и др.

Изготовленные в разное время, они различаются по форме и стилю, и искусствоведы выделяют три периода их эволюции: 1) с середины и до конца II тысячелетия до н.э. преобладают грубые, нескладные формы, преимущественно с животным орнаментом (особенно «таоте»), и резкий, заполняющий целиком поверхность сосуда геометрический узор; 2) в первой половине I тысячелетия до н.э. оказывается предпочтение более мягким формам; животный орнамент растворяется в геометрическом узоре, заметно больше изящества в отделке; 3) примерно с середины VI и до конца III в. до н.э. (так называемый «упадочный стиль» — *хуай цзофэн*) ярче выражены местные особенности, разнообразней и утонченней орнамент (встречается узор из сплетающихся полос). Появляются изобразительные мотивы (охота, батальные сцены, картины повседневной жизни), попадаются инкрустации из драгоценных металлов.

Позже, в эпоху Хань, бронзовые сосуды утрачивают свое значение и уступают место керамическим и лаковым сосудам. Надписи на бронзовых сосудах, из которых мы узнаем «о военных подвигах и административной деятельности тех, для кого отлиты сосуды... о передаче им территорий и зависимых людей», делают их незаменимым источником исторических сведений о чжоуской эпохе.

Надписи на бронзе

Такие надписи датируются от эпохи Шан-Инь и до ханьского времени. Те, что относятся к шанской эпохе, обычно состоят всего из нескольких знаков; чаще всего, как полагают исследователи, из родовых или фамильных символи-

ческих обозначений. Однако иногда они оказываются гадательными символами. Как правило, сосуды изготовлялись для представителей знати, чтобы ознаменовать почести или дары, оказанные и пожалованные им за службу ваном (правителем); чтобы увековечить это событие и уведомить о нем духов предков. Многие надписи касаются назначений на государственную службу, указов верховного правителя, торгового обмена, военных действий, передачи земельных владений и т.д. Иногда они рифмуются и часто бывают довольно длинными.

При всей трудности их прочтения такие надписи являются важным источником данных исторического и палеографического характера. Со времени правления династии Цинь бронзовые сосуды утрачивают прежнее значение. Надписи циньского и ханьского времени содержат большей частью лишь краткие благопожелательные формулы. Таковы, в частности, надписи на *бронзовых зеркалах*.

РАННИЙ ПЕРИОД КИТАЙСКОЙ ИСТОРИИ, ОТРАЖЕННЫЙ В ПРЕДАНИЯХ

Ранний, легендарный, или мифический период истории мы понимаем не как некую, поставленную вне исторического времени, созданную народной творческой фантазией, воспетую сказителями идеальную эпоху, исторические сведения о которой тоже основываются на преданиях, но как реально и не бесконечно глубоко в прошлом существовавшую стадию китайской истории.

Эра пяти добродетельных императоров

В Китае сохранилось предание о начальной эре, когда правили пять добродетельных императоров (*у ди*). Обычно перечисляются имена: Фуси, Шэньнун, Хуанди, Яо и Шунь. Рассказывается, что Фуси приобщил народ к охоте и земледелию и создал «восемь триграмм» (числовых символов), которые вошли затем в «Книгу Перемен» («И цзин»). В легендах Фуси выступает и часто изображается вместе с Нюйва (женским божеством), укрепившей в те незапамятные времена готовый обвалиться небесный свод.

Шэньнун («Божественный землепашец») научил людей земледелию и изобрел плуг. Он также знал лекарственные свойства растений. Миф о *Хуанди* («Желтом императоре») появляется сравнительно поздно. Этому правителю приписывается изобретение топора, лука и стрел. Он же научил людей отливать колокола, изготавливать алтарные треножники, сверлить колодцы, мастерить колесницы и выдалбливать лодки, умел делать и музыкальные инструменты. С именем Хуанди связывают иногда появление одной из таблиц «Книги Перемен» — *Хэ ту* («Схемы с реки Хуанхэ»), на которой числа (от 1 до 10) расположены попарно в центре и по сторонам света.

Яо, правивший, по преданию, сто лет, считается, по учению *Конфуция*, образцом добродетельного правителя, так же, как и Шунь, о котором сказано, что он отличался необычайным трудолюбием.

Добродетельные правители этого называемого «золотым» времени всегда соблюдали ритуал. «[Одного] того лишь, как Хуанди, Яо и Шунь одевались, было достаточно, чтобы в Поднебесной сохранялись мир и порядок», — говорится в комментарии к «Книге Перемен».

Династия Ся согласно легендам

Продолжением этой легендарной истории является правление династии Ся (по китайской исторической традиции — 2205—1766 гг. до н.э.). Основателем династии считается Ци — сын тоже ставшего легендой Юя, который усмирил воды, некогда затопившие даже высокие горы. Юй был потомком Хуанди. За 471 год царствования сменились 17 правителей дома Ся. Последнего из них, Цзе, сверг основатель династии *Шан* Чэн Тан.

Сяским традиция считает самый ранний из уцелевших китайских календарей. В «Беседах и поучениях» Конфуция мы находим высказывание об этом и двух последующих периодах: «[Установления династии] Чжоу основываются на [установлениях] двух династий [Ся и Шан]. Сколько в них благородства и утонченности! Я следую Чжоу».

Хотя сохранившаяся в преданиях память о прошлом многослойна, а порою действительно погружается в неопределенную глубину веков и иногда стягивает далеко отстоящие

друг от друга события в единую цепочку, представляется допустимым и возможным спроецировать такие сведения на время, достаточно правдоподобно отраженное в исторических документах и памятниках. Таковыми представляются сведения об эпохе Ся (конец III тысячелетия — XVI в. до н.э.). Следовательно, из легенд и преданий необходимо извлечь то, что может относиться к III тысячелетию до н.э.

Исходя из разноречивых оценок измеряемого числом поколений отстояния во времени легендарных правителей Яо, Шуня и Юя (2357—2205 гг. до н.э.) от еще более легендарного Хуанди (начало правления которого датируется 2638 г. до н.э.), можно отнести события, связываемые с именем последнего к XXVII в. до н.э., учитывая, что спектр таких событий может смещаться гораздо глубже в прошлое — к началу III тысячелетия до н.э. У этого рубежа историческая память помещает Фуси.

Племена и этногенез китайцев

В предшествовавшую периоду Ся эпоху, о которой сведения и носят характер легенд и мифов, на территории Китая проживало множество племен. К востоку находились племена *и*. Вождем одного из этих племен был Тай-хао, или Фуси. К северу и западу селились племена *жун* и *ди*. Северным племенем были предки *сюнну* — *сюньюй*. Утвердиться на центральной равнине стремилось племя *хуанди*.

Этот этноним, как и некоторые другие, такие как *шаохао* и название союзного *хуанди* племени *яньди*, образовано путем перенесения имени исторического или легендарного персонажа на племя или группу племен, которую сам теряющий реальные очертания персонаж возглавлял. Да и само имя, возможно, определено для него из будущего, ретроспективно.

Такой этноним неудобен тем, что его этимология не позволяет судить, откуда племена могли прийти туда, где их застаёт историческая память. Правда, поскольку Хуанди относят также к роду «ю-сюн» (второй знак данного этнонима означает медведя, и последний, возможно, был тотемом племени), то открывается простор для предположений, где такой тотем мог быть.

И действительно, племя хуанди первоначально обитало на северо-западе от центральной равнины, вело кочевой образ жизни в горном районе Чжолу и постепенно осело в центральном районе. Победив сначала племя «яньди» в битвах при

Баньцюань, оно в союзе с этим племенем вытеснило объединение девяти племен «цзюли» (*ли* здесь указывает на черный цвет волос как отличительный признак племени), раньше других переселившихся в центр с юга. Это столкновение получило отражение в легендах о Чи Ю и его братьях — существах, у которых были «медные головы и железные лбы» и даже рога на голове.

Утвердившись в центре, «хуанди» продолжали воевать с ушедшей на юг частью «черноволосых» и с могущественным племенем «мяо» там же. В этих столкновениях укрепился союз племен «хуанди» и «яньди», создав предпосылку для будущей государственности Ся; начался процесс этногенеза китайцев, «зародилась культура *хуася*, развившаяся впоследствии в великую и прекрасную китайскую культуру».

Хозяйство и общество раннего периода китайской истории

Люди в эту эпоху селились здесь небольшими общинами (*цю*), насчитывавшими около десятка фамилий (*син*), причем такие селения имели названия. Так Хуанди происходит из селения Сюань-юань и сам зовется этим именем. «Жители нескольких сот и тысяч становищ», — приводит выдержку из «Вэйшу» («История царства Вэй») историк Фань Вэньлань, — «составляли племя». Такой характер расселения, видимо, отражает процесс перехода от кочевого образа жизни к оседлому. Возможно, о том же говорит название родного селения Хуанди Сюань-юань (досл. «оглобля повозки»). Но Юй начал уже строить обнесенные стенами города, что, по мнению цитируемого выше китайского историка, свидетельствует о возникновении классового общества.

В означенный период и ранее население Китая занималось скотоводством и земледелием. Навыки разведения скота сохранились от кочевого образа жизни. В «Шаншу» (или «Шуцзине») в главе «Яодянь» упоминаются *цюньму* («пасущие стада», вожди скотоводческих племен). Очевидно, это были кочевники. Межплеменные войны за обладание центральными равнинными территориями в долинах рек Вэйхэ и Хуанхэ велись между обитавшими к северу кочевыми племенами и оседлыми земледельческими, каковыми были *цзюли* ко времени завоевания их племенем «хуанди».

К концу рассматриваемого периода была создана оросительная система. Она также связывается с именем Юя. Земле-

делие теперь стало основной отраслью хозяйства. Об эволюции производственных технологий в III—II тысячелетиях до н.э. позже китайские историки высказывали достаточно объективные суждения. В «Юэцзюэшу» («Истории падения царства Юэ») времени Поздней Хань говорится, что «в период Шэньнун на оружие делали из камня, в период Хуанди — из нефрита, во времена Юя — из бронзы, в период Чжаньго — из железа».

Ко времени Юя появляются признаки социального расслоения, предпосылки которого уже существовали при родоплеменном строе. В первой главе «Исторических записок» Сыма Цяня говорится, что при Хуанди были владетельные князья (*чжухоу*); очевидно, такое утверждение является наложением поздних понятий на историческое прошлое, однако приблизительно в данное время массе простого народа (*минь*) противостояла родовая аристократия *байсин* (досл. «сто родов»).

Верховная власть, которой обладали Яо, Шунь и Юй благодаря своим достоинствам и которая передавалась путем «отречения» в пользу достойного преемника и утверждалась советом вождей (*сюэ*), стала через поколение после Юя фактически наследственной.

Как следствие межплеменных войн и завоевания одних племен другими стала использоваться сила обращенных в рабство пленных, однако не в такой степени, чтобы определять характер производства. Рождается централизованное общество и государство. Форму собственности первичного классового общества в целом и в частности в Китае, очевидно, с эпохи Ся мы назовем *доминиальной* формой собственности.

Эпоха Ся: правление Юя

Этот период, сведения о котором, содержащиеся в исторических текстах, ждут подтверждения находками археологов, длился с последней трети XXI и почти до половины XVI в. до н.э. Современный китайский историк Фан Вэньлань приводит более точные, отличающиеся от традиционной хронологии, даты начала и конца этой династии: примерно с 2033 по 1562 г. до н.э. Предполагается, что *культура Луншань* принадлежит этой эпохе.

За это время сменились 17 законных правителей от Юя до Ли Гуя (Цзе). Так как подлинность приводимой в «Исто-

рических записках» генеалогии правителей эпохи Инь подтверждается гадательными надписями, есть основания полагать, что и генеалогия правителей Ся является подлинной.

Так как основателем династии называется Юй (правил согласно традиционной хронологии с 2205 г. до н.э.), его достижения отнесены к эпохе в целом, хотя подвиги его были совершены, когда он служил помощником императора Шуня. Юю принадлежат (или связываются с его именем) заслуги землеустройства и мелиорации земель и даже изменения русел великих рек. При Юе, таким образом, было, вероятно, положено начало созданию систем орошения в Китае, произведено землеописание с указанием характера почв и распределение полей по трем категориям и, в пределах этих последних, по трем разрядам. С учетом этого назначались подати.

Помимо системы податей, с учетом плодородия земель и характера почв, Юю также приписывается введение ступенчатой иерархии повинностей, в зависимости от удаленности соответствующих зон от «владения сына Неба». Система была пятичленной, и форма повинностей менялась через каждые пятьсот *ли* прямого отстояния. В пределах этих ступеней различия при необходимости устанавливались для поясов шириной в сто *ли*.

Повинности назывались, соответственно, *дянь фу* — «полевые повинности», *хоу фу* — «сторожевые повинности», *суй фу* — «повинности умиротворения подданных», *яо фу* — «принудительные повинности» и *хуан фу* — «неопределенные повинности». Эта система, представляющая, очевидно, поздний проект, не слишком убедительный и перенесенный, ради придания ему большего веса, на древнюю эпоху, заслуживает тем не менее внимания, поскольку в эпоху Шан-Инь существовала подобная же система.

Экономическая география государства Ся

Из плативших подати племен в исторических записках называются «няои» (даои), «лайи», жившие на территории Шаньдунского полуострова, «хуайи» (проживавшие в бассейне реки Хуанхэ), западные «жуны». По характеру податей можно судить о том, чем занималось и что производило население областей, носивших будто бы тогда уже названия, соответствующие девяти частям пространства, представляемого в виде правильного квадрата.

К северу и на северо-западе, в области, называвшейся Цзичжоу, занимались земледелием и охотой. В области Яньчжоу (на юго-западе современной провинции Хэбэй и северо-западе провинции Шаньдун) развивали шелководство и изготавливали лаки. В области Юйи (также на территории современной провинции Шаньдун) добывали соль, свинец, ткали полотно, выращивали скот.

Область Сяйчжоу (включавшая части современных провинций Цзянсу, Аньхуй и Шаньдун) отличалась красными глинистыми почвами. Здесь подбирали землю пяти цветов для жертвенного холма, изготавливали шелковые ткани для ритуальных одеяний, отлавливали горных фазанов. В Желтом море добывали жемчужные раковины и ловили рыбу. Из реки Сышуй доставали камни для изготовления музыкальных инструментов.

В располагавшейся южнее области Янчжоу добывали медь, возможно, серебро и золото, а также яшму и бивни слона, выращивали помпельмусы и апельсины. Область Цзинчжоу (современная провинция Хунань, части территорий провинций Хубэй, Сычуань, Гуйчжоу, Гуанси) поставляла перья птиц, бивни слонов, шкуры носорогов, металл (какой добывался и в области Янчжоу), лаковое дерево, кедр, кипарис, специальные сорта бамбука, а также крупных черепах, очевидно, ради панцирей для гаданий.

Область Юйчжоу (центральная, занимавшая примерно территорию современной провинции Хэнань, западную часть провинции Шаньдун и южную часть провинции Хэбэй) поставляла лак, шелк-сырец, волокна пуэрарии и конопли, тонкий хлопок. В области Лянчжоу (современная провинция Сычуань, западная часть провинции Хубэй, южные районы провинций Шэньси и Ганьсу), где земли были бесплодными, добывались железо и серебро, шкуры медведей, лисиц и диких кошек. В области Юнчжоу (на северо-западе) добывались яшма, самоцветы «лан» и «гань».

Упрочение династии Ся и централизация власти

Основанная Юем столица Ся называлась Янчжай. Сын Юя Ци, который принял власть через несколько лет после смерти отца, — и это воцарение произошло в пику традиции — вынужден был основать столицу в Аньи (западная часть уезда Аньи провинции Шэньси). После длительных

междоусобиц, связанных с борьбой за власть и порядок ее передачи, шестой (считая от Юя) правитель Ся Шао-кан вновь вернул столицу в Янчжай. Чжу, его сын, сделал столицей город Юань на северном берегу Хуанхэ, затем перенес ее в Лаоцю (близ уезда Чэньлю провинции Хэнань).

Тринадцатый правитель, Инь Цзя, вернулся в Сихэ (точно город хроники не указывают, но он находился недалеко от Лояна); пятнадцатый ван — Гао, также переносил столицу. Столицей последнего в династии Ся правителя Цзе служил Лоян. Столицы перемещались на восток или возвращались на запад в зависимости от ослабления или усиления могущества племен «сы» и восточных «и».

Династии Ся предстояло утвердить себя силой, и ее владычество встречало сопротивление вплоть до времени правления седьмого ее представителя — Чжу.

Линия наследования начинается от Ци, сына Юя, захватившего власть, ранее Юем переданную путем «отречения» правителя И. Этот самый И, которого еще Шунь назначил на должность «смотрителя лугов и лесов», правил не менее трех лет.

Против Ци поднял мятеж вождь родственного «ся» племени «сы» Ю Ху. Ци нанес ему поражение, но ему пришлось бороться с собственными сыновьями за право престолонаследия. Когда власть перешла к его сыну Тай Кану, ее отобрал у того вождь племен «и» Хоу И и передал затем младшему брату Тай Кана Чжун Кану. Севший на трон после отца сын Чжун Кана — Сян должен был скрываться от Хань Чжо, приближенного Хоу И, но предавшего своего господина. Лишь через несколько десятилетий сын Сяна Шао Кан вернул себе царствование, восстановив правление династии.

Так, за счет ослабления власти глав родов и вождей племен, происходило становление централизованной государственной власти, усиление правящего рода и подчинение ему прочих родов. Так что даже отцовская власть главы рода или семейства переходила в руки верховного правителя. Скрытым для нас остается процесс образования и эволюции социальной иерархии.

ЭПОХА ШАН-ИНЬ

Государство Ся просуществовало примерно до 1765 г. до н.э., когда Чэн Таном (память о котором сохранилась в «Шу цзине» и «Ши дзине») была основана династия Шан. Хотя

нет «вещественных доказательств» существования государства Ся, однако его история, охватывающая период, в который царствовали один за другим семнадцать *ванов*, продолжительность жизни которых укладывается в реальные временные рамки, не выглядит явно выдуманной. Правда, сохранилось очень немного записей о деяниях и достижениях этих правителей, не считая рассказов о тираническом правлении последнего, отличившегося жестокостью, Цзе-вана. Повествование о его беззакониях выглядит тесной параллелью достаточно достоверному и подкрепленному археологическими находками рассказу о последнем правителе Шан Чжоу-сине.

Для историков нашего времени это стало поводом считать, что царство Ся является зеркальной проекцией шанской истории (которая уже известна), способствующей тому, чтобы построить нравоучительную теорию падения династий, служившую в I в. до н.э., когда хронологически связное историописание в традиционном духе только складывалось, в качестве главного объяснения минувших событий. В равной степени возможно также, что и неприхотливое сказание об истории Ся — это передача в устной традиции подлинной генеалогии.

Царство Шан является исторической реалией, однако и пренебрежительно к ней свидетельства историографов в русле традиции не находят подтверждения до того момента, когда около 1300 г. до н.э. столица государства была перенесена на север провинции Хэннань близ Аньяна, что произошло за 273 года до падения царства.

Раскопки археологов в Аньяне позволили «заполнить» список правителей Шан (кроме двух последних, правивших после того, как эта столица была разрушена наводнением). В этом перечне обнаруживаем те же имена и в той же последовательности, которые мы находим в сказаниях традиционной историографии. Последняя, таким образом, в этом плане находит безусловное подтверждение, поскольку гадательные кости, по надписям на которых составлен вышеупомянутый список, более трех тысяч лет пролежали под землей и китайские летописцы, жившие в I в. до н.э., не имели возможности с ними сверяться. То, что правители Шан вели непрерывные войны с соседними «варварскими» племенами, также подтверждается надписями на гадательных костях, но названия этих племен расшифровать невозможно, поскольку идеограммы, которые тогда использовали, более не употребляются и

не существует контекста, который позволил бы догадаться об их произношении. По этой же причине невозможно обозначить границы царства Шан точнее, чем на основании скудных археологических свидетельств. Можно сказать лишь, что бронзовые сосуды в стиле Шан были обнаружены в средней части долины Хуанхэ и в провинции Хэнань к югу от нее, и что от Аньяна открывался доступ к морскому побережью, удаленному по меньшей мере на 160 км.

Раскопки 1974 г., которые проводились на территории дворца в Паньлуне, в селе уезда Хэнань в провинции Хубэй, расположенном примерно в 100 км к западу от города Ухань, произвели «исторический переворот». Ибо выяснилось, что эта стоянка носит черты ранней культуры Шан в отношении архитектуры зданий и керамики, бронзовой утвари и оружия такого же типа, как и найденные в Чжэнчжоу.

Смена столиц и борьба династии Шан за «место под солнцем»

Династия Шан-Инь, согласно китайской традиции, господствовала с 1766 по 1122 г. до н.э., (всего 644 года). Границы государства Шан то расширялись, то сужались и потому не могут быть определенно установлены. Ядро его территории находилось на севере нынешней провинции Хэнань.

До падения «дома Ся» и основания новой династии Шан существовало в качестве владения, и здесь, согласно «Историческим запискам», сменились четырнадцать правителей, не считая Тянь И (Тана), который был последним, пятнадцатым правителем удела, и основал затем династию. Верховный правитель (*ван*) опирался на своих сородичей и на глав племен, находившихся номинально в подчинении Шан, которым жаловались титулы *хоу*, *бо* и *цзы*.

Первым правителем удела Шан, пожалованного Шунем, был Се, сын императора Ку, правнука Хуанди. За все время существования Шан в качестве удела, или княжества, его столица, или ставка правителя, менялась восемь раз, что современные исследователи объясняют полукочевым-полуседлым образом жизни населения.

Поселения часто обносились глинобитными стенами, защищавшими их от нападений врагов и даже от наводнений. Толстая (около 6 м в основании) стена ранней иньской

столицы, раскопанной близ города Чжэнчжоу, тянулась на 2 км с севера на юг и на 1,7 км с востока на запад. Следующая по времени столица этого государства — Чаогэ, или «Великий город Шан», близ современного Аньяна — только в центральной ее части, где были открыты основания крупных зданий и храмовых комплексов, занимала 6 кв. км. Опорой таких зданий служили деревянные колонны с устойчивыми подушками, сделанными из камня или металла. Между колоннами устанавливались стены.

Социальной ячейкой была деревенская родовая община при наличии государственной и общинной собственности на землю. Основой хозяйствования являлось земледелие; возделывались рис и чумиза, были развиты охота и рыболовство. В это же время зарождается шелководство.

Столица, в которой поселился основатель династии, называлась Бо. Это место, куда Чэн-тан переселился из Шанцю, по мнению известного китайского археолога Чэнь Мэнцзя, должно было находиться к юго-западу от современного населенного пункта Гушущзи в Хэнани. Исследователь этого периода Ван Говэй полагает, что указанная ставка находилась на территории уезда Цаосянь провинции Шаньдун или поблизости.

За время правления династии сменился 21 шанский (условно) правитель и 13 правителей дома Инь (с 1401 до 1122 г. до н.э.). Гранницей двух правлений служит момент переноса столицы Пань-гэном в Инь — прежний стольный град основателя династии Чэн Тана. Последним правителем государства Шан-Инь был тиран Чжоу-синь, свергнутый чжоуским У-ваном.

В гимнах дома Шан, собранных в «Книге Песен» («Шизине»), вместе с Чэн Таном, «первым из шанских царей властелином», называется У Дин, о котором говорится, что «нет такой земли, какой он победить не мог». Готовясь к нападению на Ся, Тан покорил дружественные этому государству владения Вэй, Гу и Кунью. Решающая битва с силами Ся произошла у Минтяо (в уезде Аньи современной провинции Шаньси). Захватив власть, Тан, также получивший имя У-вана («Воинственного повелителя»), оставил сяскую знать на прежней службе.

Начиная с одиннадцатого правителя династии Чжун Дина и до девятнадцатого — Ян Цзя велась междоусобная борьба за власть, и укрепил последнюю лишь Пань-гэн, сын Ян Цзя. «Со времени Чжун Дина, — пишет Сыма Цянь, — на-

рушили законное наследование и вместо этого возводили на престол младших братьев и их сыновей». В результате не прекращались на протяжении девяти поколений смуты, и владетельные князья перестали являться ко двору.

Приходилось воевать и с соседними племенами. В обзорении «Тайпин юйланы» (977 г.), составленном в эпоху Сун, говорится об успешных походах тринадцатого правителя Хэ Дань-цзя против племен «ланьи» и «баньфан». В конце эпохи, когда близился упадок дома Инь, Ди И воевал с племенами «жэньфан».

Со времени Чэн Тана до Пань-гэна столица переносилась пять раз. Четырнадцатым правителем, Цзу И, столицей был выбран Гэн к северу от Хуанхэ (в современном уезде Цзи-сянь провинции Шаньси). Здесь сменилось пять правителей. Пань-гэн перенес ставку в Инь (то же, что и Бо), к югу от великой реки (в современном уезде Аньян провинции Хэнань). В решении перенести столицу, вероятно, из-за разлива реки и других стихийных бедствий, воспринимаемых как знаки утраты благоволения Неба, ван столкнулся, однако, с противодействием знатных семейств.

Правление Пань Гэна продолжалось с 1401 до 1374 г. до н.э. С этого времени династия стала именоваться не Шан, а Инь. Начало царствования У Дина, еще одного из наиболее заметных представителей династии, датируется приблизительно 1200 г. до н.э. Он правил пятьдесят девять лет. К этому времени относятся наиболее ранние из известных гадательных надписей. У Дину удалось укрепить государство с помощью мудрого министра Фу Юэ.

Занятия и ремесла в Китае эпохи Шан-Инь

В материальной культуре Шан-Инь заметно ее происхождение от культуры Луншань. Основным сельскохозяйственным орудием служил двузубый деревянный заступ *лэй* (похожее орудие было у басков и индейцев Центральной Америки). Сельскохозяйственные орудия, скорее всего, оставались каменными, как при династии Ся. Но в целом технические достижения позволяют отнести эту эпоху к бронзовому веку. Металл использовался частично для орудий (тесла, топоры, ножи, мотыги) и для оружия (клевцы, копья и наконечники стрел), а также для высокохудожественных, красочно орнаментиро-

ванных ритуальных сосудов. Среди мотивов орнамента встречаются маска Таоте, дракон, цикада, узор из меняющих под прямым углом направление линий (бегущий меандр). Маска чудища Таоте составлена таким образом, что может восприниматься как изображение этого зверя в фас и как симметричное изображение двух фантастических животных в профиль.

Скотоводство было очень развито и занимало в хозяйстве существенное место. Среди гадательных надписей, однако, часто встречаются относящиеся к земледелию: посеву проса, ожидаемому урожаю. На царских полях трудились различные категории земледельцев. По количеству надписей можно заключить, что земледелию придавалось большее значение, чем скотоводству. Кроме проса, сеяли пшеницу, гаолян и рис. Вероятно, пахали и на быках, впрягая их в плуг с каменным лемехом. Но основным сельскохозяйственным орудием оставалась деревянная соха.

Значительное развитие получило ремесло. Находки в Иньском городище обнаруживают мастерские, где производились каменные, бронзовые (оружие, ритуальная утварь) и ювелирные изделия, вытачивались костяные наконечники для стрел. В гадательных надписях встречаются иероглифы, относящиеся к кожевенному производству, виноделию, шелководству, ткачеству и т.д. Занимавшиеся ремеслами работники обозначаются в надписях термином «байгун» («все мастера»). Фань Вэнь-лань, будучи убежденным, что китайское общество этой эпохи было рабовладельческим, считает, что так называли байсинов, в руках которых находилось сырье и которые «распоряжались и жизнью ремесленников».

Наличие мастерских свидетельствует, однако, что характерным для этого времени было домашнее хозяйство, и, вероятно, такое же по типу хозяйство существовало в крупных владениях (уделах) на периферии. Это означает, что экономическая система эпохи Шан была доминиальной, надстраиваемой над хозяйствами деревенских общин, где имела место межевая и колодезная системы землепользования.

Если в эпоху Ся подать исчислялась с площади 50 му (1 му = 1152 м²), то при Инь действовала система «чжуфа» (чжу — отработка на общем поле). В эпоху Чжоу подать (чэ) взималась уже натурой с каждых 100 му.

Имела место торговля, где как эквивалент использовались раковины в приморских районах, в других местах — нефрит.

Социальное неравенство: байсин и минь

Основное деление проводилось между «байсин» («все семейства») и «минь» («народ», «люди»). Байсин, очевидно, отождествлялись с «чжун» («мир», «сход») или были частью последнего. Что касается знати, то в гаданиях, совершаемых по поводу угощений, устраиваемых *ваном*, выступают «дуо цзы» (князя, царевицы, номинально «сыновья» вана), «дуо инь» (старейшины родов) и *дуо шэн* (то же самое, что и байсин). Вместе с пожалованием земель удостоившиеся его получали титулы «хоу» и «бо».

Разделение труда в ремесленном производстве и в царском хозяйстве приводило к образованию соответствующей иерархии. Нити управления государственными делами и работами сосредоточивались в руках главного министра (*чжун-цзя*). Существовали должности «цзечэня» — распорядителя полевыми работами — и «мучэня», в ведении которого находились стада и выгоны. Определенные виды ремесел — гончарного, шорного, винодельного и других, вероятно, были наследственными.

Исключительно важную роль играла обрядовость — почитание предков, совершение жертвоприношений их духам и другим невидимым существам. Наиболее важные ритуалы совершались *ваном* и его доверенными лицами. Главы знатных родов приносили жертвы своим родоначальникам и предкам.

Поскольку все жизненно важные предприятия предварялись гаданиями, существовала категория гадателей (*бу* и *ши*) и ведунов (*ю*) — представителей наиболее древних профессий. Записи на костях о гадании с помощью стеблей тысячелистника чрезвычайно редки в эту эпоху. Видимо, они делались тогда, когда гадания *бу* и *ши* совершались одновременно. Зато на гадательных костях остались имена совершавших гадания гадателей: в их числе Чжэн, Кэ, Чжун, Юн, Нэй.

После религиозных (или квазирелигиозных) следуют по степени важности военные и приравняемые к ним охотничьи (когда речь идет о царской охоте) занятия. Лучники (*шэ*) и конники (*ма*) составляли сотни. В архаическую эпоху китайцы не практиковали верховой езды, конные были колесничими. Воины, вооруженные алебардами, образовывали отряды (*цзу*). Три сотни, как и три войска (*цзюнь*), подразделялись на центральные, правые и левые. Три указанных рода

войск, очевидно, относились к знати и обладали в придворной среде рангами «чэнь» или «сяо чэнь». Командные функции не отмечены в надписях особыми званиями, но сокращениями названий подразделения, каким они командовали, например, «чжун» (сокращение от *чжун цзюнь*).

Таким, скудным на детали из-за сухой и отрывочной информации специфических источников (материальные остатки и гадальные кости), предстает первичное классовое общество в Китае в эпоху Шан-Инь.

ДИНАСТИЯ ЧЖОУ

Согласно традиционным историческим источникам, вслед за династией Шан-Инь, господству которой был положен конец главой рода Чжоу У-ваном, установилась династия Чжоу. Эпоха Чжоу продолжалась с XI в. до 256 г. до н.э. Этот промежуток подразделяется на два периода: *Западное Чжоу* (XI в. — 771 г. до н.э.) и *Восточное Чжоу* (770 — 256 гг. до н.э.). Второй период называется также эпохой *Чуньцю*.

Столицей Чжоу в западножоуский период династии был город Хаоцзин. Он был расположен в долине реки Вэйхэ (в современной провинции Шэньси). Город был основан У-ваном и в 771 г. до н.э. razoren в результате нападения царства Цзэн (на территории нынешней провинции Шаньдун) и племен с общим названием «цюаньжуны». Точное местоположение города неизвестно. Вероятно он находился к юго-западу от Чанъани (современной Сиань), ставшей позднее столицей ранней империи Хань.

В Чжоу существовала и более древняя столица, Фэнъи, основанная *Вэнь-ваном* в то время, когда чжоуские владения находились еще в подчинении Шан. После падения Хаоцзина столица государства была перенесена в Лои (в районе современного Лояна) принявшим бразды правления Пинваном (770—720 до н.э.). На этом основании период истории государства Чжоу до переноса столицы и называется Западножоуским, а последующий — Восточножоуским.

Чжоу установили систему территориальных владений, число которых чуть ли не превышало тысячи (см. *система фэнцзянь*) и которые после воцарения династии раздавались представителям правящего рода и союзникам. Все владельцы

таких доменов должны были приносить дары чжоускому правителю (вану), предоставлять в его распоряжение военную силу и регулярно присутствовать при дворе. В остальном они были вполне самостоятельны. В пределах своих территориальных владений они могли передавать часть территории в управление своим подчиненным.

Основу социальной системы и хозяйственной организации составляли прежде всего деревенские общины, общинная собственность на землю, а также клановая система при тщательном разделении прав представителей главной и побочной линий. Ремесло и торговля в Западночжоуский период были тесно связаны с дворцовым хозяйством, соответственно, с хозяйством владельца территориального домена. Значительными являлись достижения (художественные и др.) бронзового литья, в котором продолжались традиции эпохи Шан-Инь.

Политическая история Чжоу отмечена непростыми отношениями с независимыми княжествами и кочевыми племенами, то и дело вторгавшимися на территорию этого государства. В Восточночжоуский период в социально-экономической и политической системе Чжоу происходят глубокие изменения.

Западное Чжоу

Период Западного Чжоу насчитывает четырнадцать царствований, включая правление «двух гунов» (*гун хэ*) после свержения одиннадцатого (считая от Вэнь-вана) правителя Ли-вана.

В период Восточного Чжоу от Пин-вана (770—720 гг. до н.э.) и до Нань-вана (314—256 гг. до н.э.) сменились двадцать пять ванов (включая убитого по восшествии на престол Дао-вана).

Родовая линия дома Чжоу возводится к эпохе правления «Пяти добродетельных императоров». Родоначальник ее Хоу-цзи (Ци) родился, по преданию, чудесным образом от Цзян Юань, жены императора Ку, после того как она скушала яйцо ласточки. По этой материнской линии племя «чжоу» восходит к прототибетскому племени «цян».

Удел, или княжество Чжоу существовало задолго до воцарения этого дома в Китае. От Хоу-цзи до Вэнь-вана историческая память насчитывает пятнадцать правителей. Владения Чжоу находились на территории нынешней провинции Шэньси. Столицы княжества, перемещаясь, не выходили за пределы этой территории. Вторая из них располагалась

в Бинь (к северо-западу от Сиани, на границе с нынешней провинцией Ганьсу). Здесь было девять правлений: от пятого правителя Цин-цзе и до тринадцатого Гу-гуна Дань Фу. Последний, будучи тесним племенами «жунов» и «ди», переселился (условно в 1327 г. до н.э.) в Чжоуянь у подножия гор Цишань (около 100 км к северо-западу от Сиани). Вэнь-ван перенес столицу на восток, в Фэн (немного к югу от Сиани). Это было шагом на пути к завоеванию государства Шан, чему предшествовал ряд совершаемых ежегодно военных походов в разных, порой противоположных направлениях.

Завоевание Шан осуществил У-ван (1169—1116 гг. до н.э.). Решающая битва произошла при Муе (в уезде Цзисянь современной провинции Хэнань). Хотя армия его противника значительно превосходила силы У-вана и его союзников, авангард ее переметнулся на сторону Чжоу, остальные бежали. Союзниками Чжоу выступали восемь царств — в их числе Юн, Шу, Вэй, Лу.

После гибели последнего вана и взятия его столицы У-ваном государство Шан еще какое-то время продолжало существовать. Чжоусцы не были готовы к объединению множества полусамостоятельных владений и племенных групп. Распределив территориальные уделы среди знатных представителей рода и глав союзных племен, У-ван положил начало системе *фэнцзянь*, просуществовавшей несколько столетий. Он пожаловал потомкам дома Инь княжеские титулы и вверил сыну последнего вана Чжоу Синя У-гэну управление землями, разделенными теперь на три части. Были также пожалованы владения потомкам Пяти императоров, представителям рода Чжоу и приближенным самого вана.

В результате успешных завоеваний государство Чжоу чрезвычайно расширило свои границы. Оно раскинулось от гор Иньшань на севере, захватывая полностью долину Хуайхэ на юге, а также озеро Тайху (Лицзэ) на границе современных провинций Цзянсу и Чжэцзян; от истоков Вэйхэ на западе и до побережья Желтого моря на протяжении от устья реки Луаньхэ до эстуария Янцзы.

У-ван, Чжоу-гун и Чэн-ван распределили не менее семидесяти владений между ближайшими родственниками и сородичами. Установление власти правящего рода на всей территории страны, зависимость надельной системы землевладения от этой линии родства способствовали образованию

централизованного унитарного государства и подчинению экономических отношений политическим интересам. Вместе с тем было ослаблено значение и влияние родовой знати, получили приоритет функциональные принципы государственного и хозяйственного управления.

После смерти У-вана, по причине несовершеннолетия посаженного на престол старшего его сына Суна (Чэн-вана), Чжоу-гун, опасаясь бунта «чжухоу», взял бразды правления в свои руки. Боясь узурпации власти, младшие братья У-вана подняли против Чжоу мятеж, в который вовлекли царства Янь и Пугу и племена «сюйи» и «хуайи». Заручившись поддержкой Чжао-гуна и глав других крупных владений, Чжоу-гун разбил армию восставших. Их вождь У-гэн был казнен, один из мятежных братьев У-вана Гуань-шу — убит. Большую часть жителей коренных земель Инь Чжао-гун пожаловал сводному брату Чжоу-синя Вэй-цзы Ци, дав ему во владение вновь образованное княжество Сун и наказав ему приносить жертвы предкам дома Инь; другую часть он выделил Кан-шу, поставив последнего правителем в Вэй. Поскольку побежденные проявляли непокорность, их называли «иньскими упрямыми» и держали в повиновении с помощью значительной военной силы.

Ко времени воцарения дома Чжоу и в период его правления его на территории Китая существовали царства Цинь, Цзинь, Цзяо, собственно удел Чжоу, княжества и царства Вэй, Сун, Ци, Цзи, Лу, Лай, Чжу, У, а также Чу, Пу, Юэ. Племена, с которыми Чжоу приходилось соприкасаться или сталкиваться, были «жуны», «ди», «сюньей», «сюньейские жуны», «цзин-мань», «ли-жун», «ю-сюн», «цюань жун», упоминаемые выше «сюйи», «хуайи» и «сишэнь».

Титулы ван и хуанди

Ван («царь») было титулом правителя в Китае времени династии Шан и Чжоу. В периоды эпох Чуньцю (770—481 гг. до н.э.) и Чжаньго (480—221 гг. до н.э.) титул вана принимали также территориальные правители, бывшие прежде подданными чжоуских ванов.

Первый правитель династии Цинь — Цинь Шихуанди (247—210 гг. до н.э.) принял поэтому титул «хуанди» (собств. «верховный владыка», «верховное божество»), переводимый обычно как «император», и предпослал ему слово *ши* — «на-

чальный», «первый», желая подчеркнуть свое высшее в сравнении с ванами прежних времен положение. С тех пор титул «хуанди» относят к верховному правителю Китая, а ванами величают членов императорской фамилии и представителей знати.

Вэнь-ван

Выходцы из дома Чжоу сумели усилиться и основать династию благодаря Вэнь-вану, отцу первого правителя этой династии — У-вана. Он создал предпосылки для свержения дома Шан-Инь. Вэнь-ван привлекал на свою сторону наиболее дальновидных и деятельных людей и опирался на них. Две трети прежде верных Шан племен перешли на сторону Вэнь-вана.

Память о нем сохранилась в одах и гимнах чжоуского времени, где говорится:

Кто совершенствует доблесть духовную, тот
Вечно пребудет достоин и воли небес,
Много получит от неба и сам он щедрот.

(пер. А.А. Штукина)

По конфуцианским представлениям, Вэнь-ван считается воплощением совершенного правителя. В конфуцианской традиции он выступает как образец основателя династии, удостоившегося мандата Неба благодаря нравственным качествам.

Система фэнцзянь

Сложившаяся в конце эпохи Шан либо в начале эпохи Чжоу система *фэнцзянь* (досл. «пожалований и возведений») представляла собой способ раздачи земельных владений родственникам и союзникам правящей династии. Она была тесно связана с родоплеменной организацией чжоуского общества и подразумевала как право семей владельцев территориальных доменов на их долю земельной собственности в государстве (даже на передачу ее части в управление своим подчиненным), так и обязанности таких собственников по отношению к правителю в виде поставки сельскохозяйственной продукции, помощи в случае военных действий, регулярного присутствия при дворе и т.д.

Существовала целая иерархия наследственных владельцев (чжухоу) территориальных доменов. Собственно «чжухоу» четырех рангов подчинялись непосредственно вану. От них зависели «дафу» — главы крупных семейно-родовых объединений, затем следовали «ши» — главы больших семей из рода «дафу», далее шли простолюдины (*шужэнь*).

Внешне такая система обнаруживает определенное сходство с ленной системой в средневековой Европе, но не является феодальной, ибо здесь продолжает сохраняться деревенская община и общинная собственность на землю. Тем не менее наличие системы фэнцзянь в столь глубокой древности иногда позволяет исследователям (например, Тао Сишэну в Китае, В. Эберхарду в Западной Европе) признавать иногда чжоуское общество феодальным. Общественный строй периода Западной Чжоу в истории Китая считал феодализмом также американский синолог Х.Г. Крил (1905—1994).

Хозяйство и налогообложение

Основатель рода Чжоу Ци почитался в Чжоу как бог земледелия Хоу Цзи («Царь Просо»). Его потомки совершенствовали навыки земледелия. Однако, согласно Сыма Цяню, при сыне Ци Бу-ку учрежденная еще императором Яо должность управителя земледелия была упразднена, ибо династия Ся ослабла и «хлебопашество забросили». Бу-ку ушел в земли кочевых племен «жунов» и «ди». Внук Бу-ку Гун-лю, живший также среди этих кочевых племен, вернулся к земледелию. Хлебопашество и скотоводство были приведены в некоторое гармоническое соотношение («у тех, кто кочевал, появились богатства, а у тех, кто жил оседло, появились запасы»), но, видимо, ненадолго, ибо только Гун-гун Дань-фу, двенадцатый потомок Ци, «вернулся к занятиям Хоу-цзи и Гун-лю ... отверг обычаи «жунов» и «ди», стал сооружать города, окруженные стенами, и предместья вокруг них».

При первых чжоуских удельных правителях существовали шелководство, прядение, ткачество, поощрялась торговля. В начале правления династии вводилась межевая и колодезная система землепользования. В виде подати вану, таким образом, поступала девятая часть урожая. Система «чэ фа»,

когда землевладельцу отдавалась десятая часть урожая в качестве налога, действовала, очевидно, еще раньше, при том что в ней усматривается элемент феодализма, позволяющий ряду исследователей считать надельную систему Чжоу феодальной, а значит и общество этой эпохи таковым.

Изготовленных из железа орудий производства в это время, скорей всего, не было. Использовались орудия из меди: лопаты, серпы, сошники и др. Ремесленники чжоуского вана славились высоким мастерством. Изделия из бронзы и яшмы в этот период получили широкое распространение. Бронзовые сосуды отливались также по заказу царских чиновников и знати. Ремесленники (*байгун*) относились к социальной категории байсин, ее низшему слою. Чжоуские правители ценили искусство шанских мастеров и использовали их труд.

Социальная иерархия

В рассматриваемую эпоху продолжала существовать родовая знать (байсин), представленная старинными фамилиями. Однако этот слой не был однородным по знатности и богатству. Самым привилегированным был род вана (фамилия Ци). Меньшими, чем у этого рода, привилегиями обладали представители некоторых древних семейств; в их числе правители княжеств Ци из рода Цзян и Сун из рода Цзы.

При династиях Шан и Чжоу количество рангов знатности было различным. Чжоу ввели пять титулов такого рода: *гун*, *хоу*, *бо*, *цзы* и *нань*. Им соответствовали пять видов уделов — *хоу*, *дянь*, *нань*, *вэй* и *цай*. Четыре из них были внешними, один (*цай*) внутренним. Эти названия восходят к делению территории страны на пять поясов.

Простой народ — *шуминь* — по степени зависимости и состоятельности был представлен тремя категориями. Верхний слой (*сяожэнь*), существовавший еще в эпоху Шан, составляли свободные. Среднему слою — тем, кто при Шан были рабами, Чжоу предоставили большую независимость. Низший слой состоял из рабов, которые в эпоху Чуньцю именовались «линун».

Военные конфликты и походы

На протяжении всего периода своего существования Западнему Чжоу приходилось вести войны с соседними пле-

менами и непокорными землями. Немало хлопот доставляли «западные жуны» и «северные ди». Предпринимались походы на «восточных и» и «южных «мань». В начале воцарения династии Чжоу-гуну пришлось усмирять на востоке мятежные царства Янь и Пугу (на территории современной провинции Шаньдун). Через некоторое время Чэн-ван, подавляя новые мятежи «хуайи» и «сюйских жунов» и предупреждая смуту, сокрушил царство Янь. Сын Чжоу-гуна Бо Цинь, который получил в удел княжество Лу, образованное на месте Янь, вынужден был обороняться от племен «хуайи» и «сюйи», и он отбилсЯ лишь, когда Чэн-ван послал ему на помощь войска.

Царство Чу, населенное племенами «мань», давшими решительный отпор чжоускому Чжао-вану (966—948 гг. до н.э.) во время его похода на них, отличалось духом независимости. Безрезультатными оставались и усилия Му-вана и потом Сюань-вана подчинить это царство. Потомки первого правителя царства Чу Сюн-и, получившего при Чэн-ване эти земли в качестве пожалования, освоили здесь леса и пустоши и покорили множество мелких соседних царств. Шестнадцатый от Сюн-и правитель Чу Сюн-тун (741—690 гг. до н.э.) официально провозгласил себя ваном под именем У-вана.

В правление Му-вана (947—928 гг. до н.э.) правитель царства Сюйи, именовавший себя Янь-ваном, объединился с племенами *цзюи* и напал на Чжоу. Му-ван признал Янь-вана, но потом подговорил правителя другого непокорного и сильного царства Чу напасть на Сюйи. Последнее потерпело при этом поражение.

Критическим для Западного Чжоу было время правления Ли-вана (857—842 гг. до н.э.), когда торговцы и ремесленники (*гожэнь* — «казенный люд») восстали под бременем непомерных поборов. В стране установилась власть знати в лице двух гунов — Чжоу и Чжао. Это правление получило название *гунхэ* — периода «взаимного согласия» (841—828 гг. до н.э.). Когда Ли-ван умер в Чжи (на территории современной провинции Шаньси), куда он бежал во время восстания, правление принял его сын Сюань-ван (827—782 гг. до н.э.), которому более чем столетие спустя после Му-вана вновь пришлось воевать с «хуайи» и «сюйи».

В чжоуский период также имело место перенесение столиц. Первой служил Хаоцзин, или Сиду («Западная столица», близ Сиани). Следующей, при Чэн-ване, стала Чэнчжоу, или Лои

(Дунду — «Восточная столица»), куда впоследствии переехал первый правитель Восточного Чжоу Пин-ван. В промежутке какое-то время столица обреталась в Цюаньцю (Хуайли).

Во время правления Ю-вана (781—771 гг. до н.э.) Западное Чжоу было разгромлено «цюань-жунами», и наследник Ю-вана Пин-ван был вынужден перенести столицу на восток, в Лои. Гибель Ю-вана, лишившегося поддержки удельных правителей, и ослабление Чжоу были чреватые такими же тяжкими последствиями, какие когда-то породили события в конце династий Ся и Инь. Как и тогда, вновь развернулась ожесточенная борьба за престолонаследие, затевались всевозможные интриги, в угоду сиюминутной выгоде бесцеремонно расторгались брачные узы.

Эпоха Чуньцю

Большую часть периода Восточного Чжоу занимает так называемая эпоха Чуньцю («Весен и осеней») (770—476 гг. до н.э.). Однако, согласно летописи под таким названием, начало ее падает на 722 г. до н.э. — год воцарения в княжестве Лу Инь-гуна, что случилось на сорок девятом году правления Пин-вана, а заканчивается она в 481 г. до н.э., в четырнадцатый год правления Ай-гуна, когда, как утверждает, было поймано мифическое животное «цилинь», или единорог, а от начала мира миновало 3 276 000 лет.

Эпоха Чуньцю заканчивается воцарением Юань-вана (476—469 гг. до н.э.), и сразу же начинается эпоха Чжаньго, которая длилась до поражения последнего чжоуского правителя (это был Нань-ван) в столкновении с Цинь при циньском Чжао-ване (306—251 гг. до н.э.) на пятьдесят первом году его правления и далее, до установления династии Цинь (разной в датировках объясняется разхождениями источников и толкования данных исторической традицией).

Наименование периода Чуньцю происходит от названия летописи «Чуньцю». Номинально в ту пору продолжала господствовать династия Чжоу, фактически же значение этого дома с VIII в. до н.э. заметно падало. В силу этого и ряда других причин эпоха Чуньцю может рассматриваться как самостоятельный отрезок истории и в тесной связи с последующей эпохой Чжаньго («Сражающихся царств»). Ослабление власти Чжоу сопровождалось усилением территориальных

правителей. Наиболее могущественные из них подчиняли себе небольшие владения, которых было множество. Крупные территориальные правители также вели друг с другом острую борьбу за власть.

Внутри деревенских общин, вплоть до западножоуского времени сохранявших целостность, происходило социальное расслоение и осуществлялся переход от общинной собственности на землю к частной. Правители территориальных уделов переходили, в свою очередь, от податей к налогообложению и системе отработок. Массы земледельцев покидали свои деревни и стремились обосноваться на ничейной земле или селились в чужих уделах.

Старая родоплеменная система и патриархальная мораль западножоуского периода постепенно рушились, и создавались предпосылки для пересмотра прежних понятий и ценностей. Этот поворотный момент в жизни китайского общества, в его духовном развитии отмечен деятельностью *Конфуция* и появлением философских школ, набравших затем силу при Чжаньго и завершивших то, что зародилось в эпоху Чуньцю.

Круговращение власти в Чжоу: ваны в борьбе за власть

Некоторые царства в составе империи Чжоу довольно рано начинали претендовать на верховную власть в стране. Так, на первом году правления Дин-вана (Юя) (606—586 гг. до н.э.) чуский Чжуан-ван был склонен завладеть символизирующими эту власть девятью треножниками. В 273 г. до н. э., не желая отдавать власть Цинь, Чжоу посулило эти жертвенные сосуды княжеству Лян, но это был всего лишь маневр. После того как Цинь действительно завладело девятью треножниками, до установления новой династии понадобилось тридцать пять лет.

Ослабление дома Чжоу при Пин-ване сопровождалось усилением княжеств Ци, Чу, Цинь и Цзинь. Первым гегемоном (*ба*) среди удельных князей стал в 679 г. до н.э. правитель Ци Хуань-гун (685—642 гг. до н.э.) на семнадцатом году правления Чжуан-вана (696—682 гг. до н.э.). Непокойным оказалось и правление пятого от Пин-вана правителя — Хуй-вана (676—652 гг. до н.э.), отобравшего сады у своих сановников, которые в отместку подняли мятеж. При поддержке со стороны княжеств Янь и Вэй ими был поставлен на трон сын

наложницы Чжуан-вана Туя, приходившийся дядей по отцу Хуй-вану, которого в 673 г. до н.э. правители княжеств Чжэн и Го вернули на престол, убив Туя.

Конфликтующие стороны прибегали к помощи кочевников «жунов» и «ди». Правивший после Хуй-вана Сян-ван (651—619 гг. до н.э.) при вторжении племен «ди» лишился власти в пользу младшего брата по отцу — Шу-дая. Но правитель царства Цзинь Вэнь-гун убил Шу-дая и вернул Сян-вана на престол. В благодарность последний сделал Вэнь-гуна гегемоном (636—628 гг. до н.э.). Это случилось в 635 г. до н.э., на семнадцатом году правления Сян-вана. В правление Вэнь-гуна царство Цзинь достигло наивысшего могущества.

После смерти Цзин-вана (Гуя) в 520 г. до н.э. между различными партиями, поддерживавшими разных сыновей покойного правителя, завязалась жестокая борьба. Был убит царевич Мэн, младший брат рано умершего наследника, носившего имя Шоу. Мэн не правил, но вошел-таки в династийную хронику, как Дао-ван. Княжество Цзинь послужило опорой царевичу Гаю, который стал править под именем Цзин-вана (Гая). Еще один претендент, царевич Чжао, дважды захватывал власть (в 519—516 и в 504—503 гг. до н.э.).

Вновь братоубийственная борьба за престолонаследие завязалась между сыновьями умершего Дин-вана (Цзе) (468—441 гг. до н.э.). К власти пришел Као-ван (440—426 гг. до н.э.). Он пожаловал младшему брату Цзе земли в Хэнани и титул Хуаньгуна. Тот сделал своей столицей Ванчэн, бывший опорой царевича Чжао и находившийся всего в двадцати пяти километрах от Чжэнчжоу — восточной столицы Чжоу. С этого времени земли Чжоу разделились на восточночжоуские и западночжоуские, что не имеет отношения к периодизации эпохи Чжоу.

На пятом году правления Сянь-вана (368—321 гг. до н.э.), через тридцать три года после того как «девять треножников покачнулись», циньский Сянь-гун был объявлен гегемоном, однако официально получил этот титул еще через двадцать один год (в 343 г. до н.э.). Но через восемнадцать лет циньский правитель стал именовать себя ваном. Его примеру последовали остальные «чжухоу».

Княжество *Цинь* явно усилилось к концу правления Чжоу. Главными соперниками Цинь были Чу, Ци и Цзинь, распавшееся затем на княжества Хань, Чжао и Вэй (403 г. до н.э.).

При последнем правителе династии Чжоу Нань-ване Восточное и Западное Чжоу стали управляться отдельно. Дошло даже до вооруженных конфликтов. Это ускорило разгром Чжоу княжеством Цинь. Когда на пятьдесят девятом году правления Нань-вана (256 г. до н.э.) правитель Западного Чжоу выступил в союзе с «чжухоу» против Цинь, желая обезопасить свой город Янчэн рядом с захваченным Цинь местечком Фушу, принадлежавшим Хань, он испугался самого нападения Цинь и подчинился. Через семь лет циньский Чжуан-сян-ван (249—247 гг. до н.э.) включил Западное и Восточное Чжоу в состав Цинь.

Разрушение целостности Чжоу, превращение удельных владений в фактически самостоятельные государственные образования сопровождалось расширением зоны земледелия, а также сферы распространения общекитайской культуры.

Племена и народности

Соседствовавшие с Китаем племена проникали на его территорию и даже селились там, образуя небольшие уделы. Признание и узаконение института гегемонии княжеств диктовалось стремлением противостоять проникновению этих племен. Княжества-гегемоны усиливались в военном отношении, и это способствовало ослаблению центральной власти.

После падения Западного Чжоу на исконной территории собственно княжества Чжоу расселились племена «жунди». Первоначально небольшое владение Цинь, боровшееся с племенами «жунов» на западе, использовало тем не менее законы «западных жунов», предусматривавшие в порядке наказания истребление по трем линиям родственников виновного.

На территории княжества Цзинь в те давние времена, когда оно называлось Тан, кочевали племена «жунди». Земля там делилась не на пахотные земли, а на пастбища. Здесь находилось более двух десятков самостоятельных владений «жунди», таких, например, как Тяо (на территории современного уезда Аньи провинции Шаньси). За время правления двух династий Чжоу они были уничтожены.

На востоке страны княжество Ци сокрушило в 567 г. до н.э. основанное племенами «дуньи» княжество Лай. На юге, кроме племен «мань» — основного этнического субстрата царства Чу в бассейне Хуанхэ, обитали племена «и». В княжестве Сюй и еще ряде мелких территориальных образований расселялись «хуайи».

Общественное производство и торговля

В период Восточного Чжоу в сельском хозяйстве стали применяться железные орудия. Вместе с использованием тягловой силы они сделали труд более производительным. Изменилась налоговая система. Впервые в княжестве Лу (Янь) в 594 г. до н.э. был введен поземельный налог. В царстве Ци эта мера была принята в правление Хуань-гуна (685—643 гг. до н.э.). Налог взимался с единицы площади (*му*). «Частные поля» (*сытянь*) — восемь полей вокруг общего поля утратили значимость. Затем последовало сосредоточение земель в одних руках.

В 590 г. до н.э. в княжестве Лу начала действовать система «цю цзя» — воинских поставок и повинностей с деревенской общины, состоявшей из четырех поселений или 128 дворов. С 483 г. до н.э. такие поставки должны были производиться с единицы площади (*тянь фу*), также с общины в целом. Внутри общины происходили процессы раздела и передела обрабатываемой земли. Такая система распространилась и на другие княжества: Чу — в 548 г., Чжэн — в 538 г. до н.э. В Цинь такие повинности и поставки были введены в 348 г. до н. э. Столь поздно потому, видимо, что более важную роль здесь играло скотоводство и родовые отношения существенно отличались от таковых на большей части территории страны. Налог взимался натурой — просом, рисом, тканью, а также компенсировался отработками и повинностями.

Техника выплавки железа, судя по древнему начертанию этого слова, пришла в Китай, вероятно, от племен «восточных и». Железо использовалось в сельском хозяйстве и в VII в. до н.э. Оружие изготовлялось по-прежнему из бронзы.

Наблюдается распространение и заметное развитие ремесла и торговли. Выполненные с большим искусством, художественным вкусом и чувством формы бронзовые изделия производятся уже не в мастерских вана, а создаются на территориях княжеств.

Еще в период Западного Чжоу центры торговли появились в таких княжествах, как Вэй, Ци и Цзинь. Ци со времени его основания было крупным торговым районом на востоке Китая. В роскоши жили и преуспевающие купцы княжества Цзинь. Примыкавшее к последнему Чжэн находилось на путях из южных земель в северные. Его правитель выразил

готовность оберегать интересы купцов, чтобы они жили в этом княжестве. Торговцы из Чжэн поставляли в Чжоу кожи, закупали в Чу шелка. Цзиньские купцы вывозили из Чу лес. Товаром служили жемчуг, яшма, слоно́вая кость, предметы всеобщего потребления. Последние производились мелкими ремесленниками и ими же продавались. Богатство позволяло купечеству сосредотачивать в своих руках обширные земли.

При том, что преобладал натуральный обмен, имели хождение металлические деньги. В Западном Чжоу употреблялись медные монеты с отверстием в середине. В Восточном Чжоу такие деньги имели форму лопаты или ножа. Более широко металлические деньги стали использоваться в конце Восточного Чжоу.

Социальное расслоение

В этот период род все более теряет силу, а кровнородственные связи — значимость. Происходит усиление власти удельного правителя, влияния сановников, а родовая аристократия утрачивает могущество. Самостоятельной хозяйственной ячейкой становится семья, владеющая теперь землей. Происходит углубление имущественного неравенства, разделение на крупных землевладельцев (*ди чжу*) и свободных земледельцев (*нун минь*).

Ослабление родовой системы совершалось постепенно. Централизация власти сопровождалась ее сосредоточением в пределах одного рода. Максимальное усиление одного рода знаменовало утрату значимости внутривидовых и межродовых отношений в социальной системе в целом.

К концу Западного Чжоу крупные роды почти полностью утратили прежнее влияние. В эпоху Восточного Чжоу аналогичный процесс происходит и в княжествах. Падение могущества царского рода (Чжоу) сопровождалось усилением влияния родов удельных правителей на их территориях. Далее власть передавалась сановникам и крупным чиновникам. При этом совершалось перераспределение земель и богатств, их концентрация в руках нескольких родов и отдельных семей.

Образовавшийся в результате довольно аморфный господствующий класс опирался на чиновное сословие (*ши*). Часть его, называемая *цзя чэнь*, сосредоточивалась в «сильных домах». Значительную долю составляли латники (*цзя ши*), поскольку военную силу удерживали в своих руках пра-

вители княжеств. Число боевых колесниц в больших княжествах, таких как Цзинь и Чу, достигало 4—5 тысяч. На каждой колеснице размещалось по три латника. Еще одна категория чиновников *ши*: (*вэнь ши*) выполняла функции мелких служащих. Весь этот слой существовал за счет кормлений с отведенных им в качестве вознаграждения за службу земель.

Армия в целом формировалась на основе воинской повинности. Так, в княжестве Ци каждая семья для несения воинской службы выставляла одного человека. Первичным подразделением войска была «пятерка». Ею командовал *гуй чжан*. Пятьдесят человек составляли «малую колесницу» (*сяо тун*), двести человек — «корпус» (*цзу*), 2000 — «бригаду» (*люй*); а пять этих самых крупных соединений формировали армию (*цзюнь*). В княжестве насчитывалось три армии.

Массы престолярства и бедноты отличались неоднородностью. От пятого колена их пополняли потомки родовой аристократии по боковым линиям, а также лица утратившие род. Таковыми оказались представители родов Фань-ши и Чжунхан княжества Цзинь, побежденных Чжао Яном, который был приближенным цзиньского Дин-гуна и боролся с «сильными домами» и «чжухоу». Некоторые выходцы из такой прослойки сумели сосредоточить в своем владении значительные пахотные земли и остаться землевладельцами либо, напротив, стать ими. Основные же тяготы несли земледельцы на пожалованных сановникам и другим представителям имущих классов землях, так называемым *ди чжо* или *ту чжо*.

Вследствие столь вольного обращения с землями образовался достаточно многочисленный слой обезземеленных крестьян, называемых *пу линь*, вынужденных наниматься для работы на неосвоенных полях, а также бродячего люда (*инь минь*). Существовало и несколько категорий рабов, используемых в хозяйствах знатных людей.

Летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени»)

Так называется летопись княжества Лу, в которой кратко перечислены важнейшие в этом княжестве события за период с 722 по 481 г. до н.э. Принятое в китайской традиции утверждение, что «Чуньцю» редактировалась самим Конфуцием, в новых исследованиях ставится под сомнение.

Обычно этот текст сопровождается комментарием к нему, имеющим название «Цзо чжуань» и составленным современником Конфуция Цзо Цю-мином не ранее 468 г. до н.э. Однако есть и другие известные комментарии.

«Цзо чжуань» служит важным источником по истории древних китайских княжеств, а также позволяет составить полное представление о раннем конфуцианстве. «Чуньцю» являлся наиболее древней из дошедших до нас китайских летописей.

«Пять гегемонов»

«Пятью гегемонами» (*у ба*) именовали сменявших друг друга предводителей союза, заключенного княжествами эпохи Чуньцю ради порядка в стране и для защиты от внешних нападений. Число «пять» в данном случае имеет не буквальный, но, скорее, метафизический смысл. Соперничающие правители олицетворяют влияние на судьбу государства пяти природных стихий (см. *у син*). Поэтому в различных древних текстах называются разные правители, оспаривавшие первенство.

В сборнике трактатов «Сюнь-цзы» (названном по имени конфуцианского философа и составленном в III в. до н.э.) к пяти гегемонам причисляются Хуань-гун княжества Ци (685—643 до н.э.), Вэнь-гун княжества Цзинь (636—628 до н.э.), Чжуан-ван царства Чу (606—591 до н.э.). Хэ Люй княжества У (515—496 до н.э.) и Гоу Цзянь царства Юэ (ум. в 465 до н.э.). С этим списком расходятся перечни других источников.

«Мандат Неба»

По крайней мере со времени основания династии Чжоу оправданию верховной власти в Китае служила теория «небесного мандата» (*тянь мин*), который предоставляло Небо верховному правителю («Сыну Неба»), наделяя его таким образом определенной харизмой. Подтверждением наличия мандата служила победа над предшествующей династией, как, например, победа дома Чжоу над династией Шан-Инь, о чем говорится в «Шуцзине»: «...Инь утратило повеление Неба; мы же, чжоусцы, его обрели».

Падение династии свидетельствовало об утрате ею мандата (*гэ мин*). Согласно позднейшим конфуцианским теори-

ям, небесного мандата заслуживал только достойный правитель, заботящийся о благе народа. Забывающий о долге правитель лишался мандата. Эти положения часто служили обоснованием справедливости народных восстаний, добивавшихся свержения правящей династии.

ФИЛОСОФСКИЕ ШКОЛЫ ЭПОХИ ЧУНЬЦЮ

Множество направлений философской и общественно-политической мысли в Китае, так называемые «сто школ» (*бай цзя*), соперничали в эпохи Чуньцю — Чжаньго. Среди них наибольшее значение приобрели *конфуцианство*, *даосизм*, *легизм*; последователи учений о *инь* и *ян*, о Пяти Началах (*у син*), а также *моизм* и др. Большая часть развивавшихся тогда направлений некоторое время спустя прекратили свое существование или растворились в сохранивших влияние других течениях.

Конфуцианство

Одной из трех (наряду с *даосизмом* и *буддизмом*) главных религиозно-философских традиций в Китае стало конфуцианство, развивающее учение Конфуция. Корни конфуцианства уходят в более глубокую древность, нежели время жизни самого Конфуция. До правления ханьского императора У-ди конфуцианство (*жу цзя*) было одной из многих философских школ («ста школ»). Затем (в 136 г. до н.э.) оно превратилось в государственную философию и идеологию Китая, носящую отчетливо выраженный религиозный оттенок, и сохраняло этот статус вплоть до падения маньчжурской династии в начале XX в. н.э. (в 1911 г.).

Не раз за всю свою историю конфуцианству приходилось приспособливаться к условиям и изменяться самому, впитывая элементы других учений. Подобные изменения тем не менее не затрагивали его сути, а в ряде других стран (Корея, Японии, Вьетнаме) на протяжении столетий оно также оказывало сильное влияние на местные политические системы и идеологию.

В самом Китае, когда конфуцианство получило официальное признание в ханьскую эпоху, оно отличалось от учения, излагавшегося самим Конфуцием. На первый план выносилось реальное социальное содержание таких понятий,

как *цзюнь цзы* и *сяо жэнь*; нравственные категории, которые раскрывал Конфуций, подчинялись нормам, регулирующим социальное поведение. Исключительное значение приобретают закрепление традиции в канонических текстах (см. *Пять канонов* и *Четверокнижие*) и буквальное следование ей, а также перенос естественно-философских представлений на социальные процессы и явления.

В качестве высшего божественного начала признается Небо. Император называется «Сыном Неба» (*тянь цзы*). Считается, что благодаря мудрому правлению устанавливается гармония между Небом, Землей и людьми. Как для человека, так и для общества обязательны моральные и поведенческие принципы (*ли*). Соблюдение пяти фундаментальных принципов, или «пяти установлений» (*у цзяо*) способствовали сохранению, по существу или по форме, патриархального уклада. Пять установлений — это отцовские и сыновние родственные чувства, исполнение долга государем и подданными, распределение обязанностей между мужем и женой, уважение младших к старшим, искренность среди друзей.

Со времени императора У-ди конфуцианская образованность служила условием для назначения чиновников на государственные должности и присвоения им рангов. Подчеркивалась также необходимость заботы государства о народе и принципиальное признание права народа свергать не исполняющих долга правителей.

Как философское и морально политическое учение конфуцианство продолжает существовать и ныне. На Тайване оно остается государственной идеологией.

Конфуций

Имя крупнейшего древнекитайского мыслителя — Конфуций — представляет собой латинизированную форму от Кун Фу-цзы (чаще, Кун-цзы), т.е. «учитель Кун»; настоящее же имя его — Кун Цю. Древнекитайский философ, основоположник нравственно-политического учения родился в селении Цзоу княжества Лу (современный город Цюйфу провинции Шаньдун), в семействе, переселившемся сюда из царства Сун и ведущем свое происхождение от дома Шан. Подробности его биографии по большей части не являются достаточно достоверными.

Большая часть жизни Конфуция (551—479 гг. до н.э.) совпала по времени с правлением императоров Цзин-вана по имени Гуй (544—520 гг. до н.э.) и Цзин-вана (в написании эти титулы различаются) по имени Гай (519—477 гг. до н.э.). По-видимому, он рос в стесненных условиях и потому накопил глубокие и основательные знания почти самостоятельно. Сменив несколько должностей, доступных для него на родине, он был вынужден в 498 г. до н.э. по политическим причинам отправиться в изгнание и в сопровождении учеников объехал многие княжества, а в 484 г. до н.э. вновь вернулся в Лу.

Последние годы жизни Конфуций посвятил целиком наставительным беседам с учениками, которых у него было много. Ни одно из сочинений, автором коих его считает традиция, не является вполне определенно написанным лично им. Сам философ видел свою задачу в сохранении и передаче древней традиции и занимался собиранием, редактированием и комментированием литературного и духовного наследия прошлого и прежде всего «Шуцзина» и «Шицзина». Древность была идеалом Конфуция, и «совершенномудрых» ее правителей — Юя, Яо и Шуня — он считал в делах государственных образцами для подражания.

Современные исследователи и биографы Конфуция опираются главным образом на «Луньюй» («Поучения и беседы») — собрание высказываний самого учителя, записанных его учениками и их последователями. Стержнем учения является вопрос о надлежащем поведении образованного и воспитанного (благородного) человека в обществе и государстве. Атмосфере морального упадка своего времени Конфуций противопоставлял идеал «благородного мужа» (*цзюнь цзы*) с присущими ему нравственными достоинствами, такими как человечность (*жэнь*), сознание долга (*и*), умение соблюсти ритуал (*ли*) и способность совершенствовать знание (*чжи*). Конфуций не ставит знатность и богатство выше всего; главным он считает нравственное достоинство, достигаемое благодаря собственным усилиям. Не стремящиеся к такому идеалу, относятся к роду людей недостойных (*сяо жэнь*). От правителей же и их министров следует требовать, по убеждению Конфуция, высшей степени нравственного совершенства.

Конфуций приводил в пример Чжоу-гуна (брата основателя чжоуской династии У-вана), который и был воплощением

настоящего «благородного мужа». Относительно предметов религиозной веры философ высказывался предельно сдержанно, считая Небо высшей над людьми силой. Учение Конфуция выражает неизменно консервативный характер китайской культурной и политической традиции, демонстрирует ее способность приспособлять выверенные веками понятия и ценности к историческим условиям. Эта черта присуща конфуцианству в целом, наряду со всеми особенностями, приносимыми каждой эпохой. Последующие носители этого «вечного» учения, не одно тысячелетие служившего китайской государственной идеологией, продолжали чтить его основателя. Были воздвигнуты храмы и учрежден официальный культ Конфуция.

Канонические книги

Древние тексты, образующие основу конфуцианского канона, были отредактированы, как считает традиция, Конфуцием. Кандидаты на ученые степени, начиная с ханьского времени, заучивали эти книги наизусть и должны были продемонстрировать их знание на экзаменах. В число пяти канонических книг (у цзин) входят «Шуцзин», «Шицзин», «Ицзин». «Лицзи» и «Чуньцю».

«Шуцзин» («Книга исторических документов») представляет собой записи преданий, мифов и исторических событий, уложения (дянь) легендарных правителей, речи представителей династий Инь и Чжоу и т.д. Первоначально в книге было 100 глав. После сожжения в эпоху Цинь конфуцианских сочинений, восстановления «Шуцзина» по памяти, его утраты вновь и вторичного восстановления осталось всего 58 глав; из них 33 действительно древние, а 25 были составлены позже.

В «Шуцзине», по словам выдающегося китаевода В.М. Алексеева, представлено «целостное мировоззрение, тесно связанное с идеей государства»; в нем также нашли отражение культ предков, представления о влиянии неба на судьбы людей и народов, о гармонии (хэ) между природой и обществом и др. Эта книга остается ценным источником сведений по истории эпохи Чжоу.

305 стихотворений «Шицзина» («Книга песен», или «Книга стихов») были созданы в первой половине I тысячелетия до н.э. Половина всех стихов — народные, «простые песни

древних удельных поселян». Прочие представляют собой праздничные и культовые песнопения — «пышные оды царедворцев и правящей аристократии и ... торжественные гимны обожественному царю, распеваемые в храме предков». Собранная Конфуцием, эта книга легла в основу всей будущей китайской литературы и образования на два с половиной тысячелетия.

Самый древний из текстов чжоуского времени — «И цзин» («Книга Перемен»). Набор же гадательных символов-чисел, составленных из двух видов черт (прерванной и целой) и насчитывающих либо по три черты (8 триграмм), либо по шесть черт (64 гексаграммы), вероятно, существовал гораздо раньше, и такие символы записывались по определенным правилам в разной последовательности. Некоторые гадательные формулы книги существовали и прежде и могли быть восприняты от гадателей эпохи Шан-Инь.

«Книга Перемен» оказала глубокое влияние на философию, науку, духовную культуру Китая.

При ханьской династии были составлены «Ли цзи» («Записи об обрядах»). Это произведение содержит самые разные тексты, в которых рассматриваются, например, правила благопристойного поведения, говорится о траурных церемониях и погребальных обрядах, объясняется территориально-административное деление страны и выстраивается система рангов знатности чжоуской аристократии; особое место занимают обряды, совершаемые императором, перечисляются различные жертвоприношения. Специальный интерес представляют главы о земледельческом календаре и о музыке. Две главы — «Да сюэ» («Великое учение») и «Чжунъюн» («Срединное и неизменное») — вошли позднее в виде отдельных произведений в суммирующее конфуцианское учение «Четверокнижие».

Мэн-цзы (Мэн Кэ)

Конфуцианский философ Мэн-цзы (?372—289 гг. до н.э.) родился в небольшом княжестве Цзоу (ныне Цзоусянь в провинции Шаньдун). Он постигал философию Конфуция у учеников внука Конфуция Цзы Сы, без особого успеха пытался получить место на службе у кого-либо из правителей различных княжеств. Его воззрения изложены в трактате «Мэн-цзы». Центральными здесь являются размышления о возвышении

и падении государств. Необходимым условием разумного государственного устройства является, с точки зрения Мэн-цзы, наличие достойного правителя, который думает о народе и строит политику на нравственных основаниях.

Для Мэн-цзы неприемлема признающая лишь силу и выражающая лишь интересы правителя и угодных ему лиц политика — такого правителя народ вправе свергнуть. Напротив, при достойном правителе, который заботится об улучшении условий жизни народа, развиваются добрые от природы склонности людей. Права управлять государством заслуживают лишь «благородные мужи» (*цзюнь цзы*). Философия Мэн-цзы оказала сильное влияние на последующее развитие конфуцианства. В ряду авторитетных представителей этой традиции он стоит сразу после Конфуция.

Даосизм

Вторым важнейшим религиозно-философским течением в Китае стал даосизм, получивший название от главного его понятия — «дао» (основное значение — «путь»). Истоки даосизма, вероятно, уходят в глубины родоплеменного строя и в шаманистические верования и потому остаются, по существу, неясными. Традиционная точка зрения, согласно которой основателем учения является *Лао-цзы* (VI в. до н.э.), а его продолжателем *Чжуан-цзы* (IV в. до н.э.), подвергается большому сомнению.

В китайских источниках о даосизме как философской школе встречаются упоминания лишь начиная с I в. до н.э. Даосские воззрения, однако, можно проследить, углубляясь в прошлое, по крайней мере, до эпохи *Чжаньго*. Не исключено, что само учение является еще более древним, поскольку частично то, о чем повествуется в «Даодэ цзине», встречается намного раньше. Тем не менее «Даодэ цзин» и сочинение *Чжуан-цзы*, остаются самыми древними и главнейшими текстами по этой философии, вобравшей затем еще и некоторые понятия из других философских школ (учения об *инь-ян*, *пяти началах* и др.).

«Дао» понимается здесь как изначальный принцип всего сущего и как нечто, не имеющее формы и не мыслящее; в себе покоящееся и охватывающее все на свете вещи, не

постижимое в понятиях и неопишное словами. Оно предполагает непрерывные изменения, переход вещей в их противоположности. Поскольку даосизм пользуется парными понятиями (добро — зло, жизнь — смерть, твердое — мягкое, полное — пустое и др.), причем переходящими в зависимости от конкретных условий и меры одно в другое, он содержит в себе начала диалектики.

Человек, по этому учению, должен жить согласно «дао». При этом прежде всего имеются в виду простота, скромность и естественность (*цзы жань*), непротивление естественному порядку вещей (*у вэй* — «недеяние»). Как идеология даосизм выражал неприятие расколотого на классы и сословия общества эпохи «Сражающихся царств», осуждал угнетение простого народа богатыми и знатными, провозглашал утопический идеал первобытного строя, при котором существовало равенство. В сочинении Чжуан-цзы, кроме того, содержится идея полного отречения от мира и мистического единения с природой.

Конфуцианские философские и общественно-политические теории, оправдывающие социальные отношения неравенства и напоминающие об обязанностях индивида перед государством, подвергались в даосизме резкой критике и осмеянию. Тем не менее в ранний его период это учение нельзя рассматривать лишь как выражение протеста угнетенного класса. Оно — одно из течений общественной мысли эпохи Чжаньго, отражающее обеднение прежней родовой аристократии и появление нового богатящегося слоя.

В обращении даосизма к природе имелись определенные предпосылки, которые могли способствовать накоплению естественнонаучных знаний. Позднее, однако, особенно с ханьского времени, благодаря поискам способов достижения долголетия и приготовления «эликсира бессмертия», в нем усиливались мистические тенденции.

С проникновением в Китай буддизма (I в. до н.э. — I в. н.э.) появился религиозный даосизм, который в противостоянии этому новому учению сам утверждался как церковь и утративал сходство с философским даосизмом раннего периода. Разновидностью подобного рода течений являются даосские «ереси» II в. н.э., например «Дао великого благоденствия» Чжан Цзяо, ставшее идеологией восстания «Желтых повязок» и сыгравшее важную роль при свержении династии Хань.

Лао-цзы

По китайской традиции Лао-цзы (552—475 гг. до н.э.) был автором книги под названием «Даодэ цзин» и стал основателем учения *даосизма*. По имеющимся в «Исторических записках» *Сыма Цяня* (145 или 135 — ок. 68 гг. до н.э.) сведениям он носил родовое имя Ли, собственное имя — Эр, второе имя — Бо-ян и посмертное имя — Дань. Говорится, что он занимал должность хранителя архива при чжоуском дворе в Лои и встречался с Конфуцием.

Когда династия пришла в упадок, он покинул Чжоу в намерении провести остаток жизни в уединении. Минуя западную заставу Саньгуань, он изложил по просьбе ее начальника Инь Си свое учение в виде книги. О дальнейшей его судьбе более ничего не известно. Утверждение, будто Лао-цзы жил в одно время с Конфуцием, не считается достоверным.

Несмотря на все усилия разрешить загадку, связанную с личностью этого философа, из-за скудности записей о нем все остается только на уровне предположений. Мнения о причастности Лао-цзы к составлению «Даодэ цзина» расходятся между собой по широкому кругу — от признания его автором этого сочинения до отрицания какой-либо связи между ним и книгой.

Моизм

Учение китайского философа Мо Ди (ок. 480 — ок. 390 гг. до н.э.) стало основой школы моизма, названного по его имени (*Мо цзя*). Источником сведений о моизме для нас является главным образом трактат «Мо-цзы» — подборка различных текстов, составленных в V—III вв. до н.э. и отражающих ряд ступеней развития этого учения. С самого начала моизм находился в прямом противостоянии конфуцианству и в какой-то мере выражал интересы производительных слоев (крестьян, ремесленников, а также торговцев). Высказывания моистов были направлены против господствовавшей родовой знати эпох Чуньцю и Чжаньго и против ее идеологии. Мо Ди предлагал заменить аристократию, обладающую наследственной властью, и поручить государственное управление наиболее способным и деятельным людям. Высшей инстанцией, по учению моистов, является Небо, одинаково любящее все сущее и справедливо распределяющее награды и наказания

между людьми. Люди в свою очередь обязаны следовать «небесному образцу» и относиться друг к другу равно с любовью, независимо от социального положения, которому конфуцианцы придавали столь большое значение. Они должны старательно трудиться и быть бережливыми. Осуждая роскошь нарядов, отличавшую знатных, расточительность похорон и даже обрядовую музыку, Мо Ди и его последователи выступали против как аристократии, так и конфуцианцев, особенно ценивших ритуал. Моисты протестовали против захватнических и крайне разорительных войн, но считали оправданными войны оборонительные.

Школа Мо Ди отличалась прочной организацией, тем не менее расколовшейся после смерти учителя на множество ответвлений. К концу периода Чжаньго их влияние распространилось повсеместно. Их воззрения получили развитие в философии *легизма* и, возможно, нашли отражение в идеологии народных восстаний в конце правления династии *Цинь*. К сожалению, к началу эпохи Хань традиция прервалась, и элементы учения, которые могли бы оказаться плодотворными при накоплении естественных и научных знаний (логика, теория познания), не получили дальнейшего развития.

ПЕРИОД ЧЖАНЬГО, ИЛИ «СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ»

Эпоха Чжанго (403—221 гг. до н.э.) начинается от времени распада княжества Цзинь (в 403 г. до н.э.) и выделения уделов Хань, Чжао и Вэй в самостоятельные образования, когда на семнадцатом году правления цзиньского Ле-гуна чжоуский Вэй-ле-ван пожаловал главам названных владений титул «чжухоу». Таким образом, это событие является концом правления фактически уже утратившей могущество *династии Чжоу*.

В 376 г. до н.э. правители вэйский У-хоу, ханьский Ай-хоу и чжаоский Цзин-хоу уничтожили потомков дома Цзинь и поделили между собой все земли этого княжества. В этот период завершились процессы, начавшиеся еще в эпоху *Чуньцю* и создавшие предпосылки для последующего развития древнекитайского общества и государства. Наблюдается резкий подъем в развитии производительных сил. Широкое

распространение и разнообразное применение получают изготовленные из железа орудия производства. В пахоте используется плуг, в качестве тягловой силы — крупный рогатый скот (до этого обрабатывали землю двузубым заступом и мотыгой). Вводятся искусственные оросительные приспособления и другие новшества.

От дворцового хозяйства и домашнего хозяйства местных правителей полностью отделились ремесло и торговля, ставшие чрезвычайно прибыльными занятиями (особенно это относится к обработке железа и добыче соли). В городах, прежде являвшихся лишь административными центрами, возникли открытые рынки и металлические монеты получили признание как всеобщий эквивалент при обмене.

Из большого числа крупных и мелких территориальных единиц западножоуского времени выделились путем интриг и завоеваний семь главных государств и княжеств (Цинь, Чу, Янь, Хань, Вэй, Чжао и Ци), которым немногие остававшиеся еще самостоятельными не столь великие княжества уже не могли противостоять. Внутри некоторых из перечисленных «сильных» государств родовая знать была вынуждена уступить власть и влияние узурпаторам. Централизованные формы управления на основе кодифицированного права и при помощи профессиональной бюрократии, введение государством системы налогов и отработок вытеснили прежние правовые отношения, основанные на родоплеменных связях, традициях и обычаях.

Сильные государства продолжали вести друг с другом бесконечные войны, стремясь расширить или сохранить свои территории. В течение 182 лет не прекращались междоусобицы, в которых участвовали названные семь княжеств: Цинь, Ци, Чу, Янь, Хань, Чжао и Вэй. В этой борьбе усиливалось и наращивало экспансию княжество Цинь, создавшее в конечном итоге централизованную империю.

Обороняющиеся княжества использовали стратегию «вертикального согласия» («Хэцзун»), разработанную яньским советником Су Цинем, при которой в случае нападения Цинь на одно из княжеств предусматривались действия остальных, оказывавших ему материальную и моральную поддержку. Цинь этой стратегии с успехом противопоставляло «союз по горизонтали» («Ляньхэн») с одним из слабых княжеств, играя на противоречиях между участниками вертикальной коали-

ции. В конце концов постепенно и оно подчинило себе все другие государства, в том числе (в 256 г. до н.э.) остававшуюся за Чжоу территорию в районе Лояна, и объединило в 221 г. до н.э. под своим господством Китай, основав новую династию *Цинь*.

Эпоха Чжаньго не только оказывается поворотным этапом в социально-политическом развитии Древнего Китая, но и представляет собой один из любопытнейших (в духовном и культурном отношении) периодов истории Восточной Азии. Перелом в общественных отношениях и образование ряда самостоятельных культурно-хозяйственных центров в этом пространстве породили множество течений общественно-политической и философской мысли («сто школ»), представители которых принадлежали чаще всего к обедневшим линиям знатных родов и искали покровительства правителей в надежде получить место на государственной службе. Сочинения этих школ, и в первую очередь конфуцианства, легли затем в основу литературного образования в Китае.

Художественные изделия эпохи Чжаньго, в особенности из бронзы и лака (а также из золота, серебра, драгоценных камней и т.д.), отличаются мягкостью форм, изяществом украшений и разнообразием видов.

«Сражающиеся царства»: территории и границы

Обширное княжество Вэй граничило на северо-западе с Цинь, где была воздвигнута стена для защиты от этого соседа. В 328 г. до н.э. земли к западу от Вэйхэ отошли к Цинь. Правитель Вэй Сян-ван (335—319 гг. до н.э.) поднес в дар Цинь 15 уездов области Шанцзюнь. На севере Вэй граничило с Чжао. На востоке проходила граница с княжествами Сун и Ци. На юге между Вэй и Чу располагалось княжество Хань. Еще в 340 г. до н.э. вэйский Хуй-ван перенес столицу из Аньи в Далян.

Небольшое по размерам и по населенности княжество Хань подвергалось давлению со стороны Цинь на западе через горный проход Ханьгугуань и со стороны Вэй на востоке. До 375 г. до н.э. столица Хань находилась в Пинъяне (на территории современного уезда Линьфэнь провинции Шаньси). Ханьский правитель Ай-хоу перенес ее в Синьчжэн — столицу побежденного им княжества Чжэн. Он же переместил

ее позднее в Янчжай (город Юйсянь современной провинции Хэнань).

Княжество Чжао на юго-западе граничило с Вэй, на северо-западе была построена длинная стена, отделявшая это княжество от территорий, населенных «сюнну», племенами «лоуфань» и «линьху». На северо-востоке граница шла с Янь, на востоке — с Ци, на юго-востоке — с Сун. Столицей Чжао был город Ханьдань. Чжаоский У Лин-ван расширил территорию княжества к северу.

Царство Чу хотя и не отличалось большой силой, постоянно воевало, стремясь расшириться. В 334 г. до н.э. чуский Вэй-ван (339—329 гг. до н.э.) захватил земли княжества Юэ к западу от реки Чжэцзян (Цяньтанцзян). Военачальник Чжуан Цяо занял город Дяньчи в области Дянь и территорию в несколько тысяч *ли* (по левому берегу реки Юаньцзян).

На севере Чу граничило с Хань, Вэй, Сун и Ци, на западе — с Ба и Цинь. Древней столицей Чу был город Ин, впоследствии ее перенесли в город Жо (504 г. до н.э.), затем в город Чэнь и в 241 г. до н.э. — в Шоучунь, сохраняя прежнее название Ин. При том что население Чу не было в этническом отношении однородным, территориальная целостность и цельность культуры этого крупнейшего из китайских княжеств явилась важным фактором последующего объединения страны.

Княжество Ци занимало большую часть Шаньдунского полуострова и почти примыкало к Хуанхэ в нижнем ее течении, где проходили граница с Чжао. На юге Ци граничило с Сун, Лу и Чу. Благодаря удаленности оно могло не опасаться вторжения Цинь. Столицей был город Линьцзы. Циский правитель Сюань-ван (342—324 гг. до н.э.) собирал здесь ученых, поэтов и писателей со всех концов Поднебесной и создавал для них необходимые условия. Линьцзы являлся крупным культурным центром Китая периода Чжаньго.

Княжество Янь находилось с северной стороны Бохайского и Ляодунского заливов, отделившись стеной от племен «дунху», «линьху» и «лоуфань» на севере. Оно подвергалось также нападениям «шаньжунов». Западным соседом его было Чжао. По границе с Ци тоже была построена длинная стена. Столица княжества находилась в Цзи (район Пекина). Янь старалось расшириться в бассейне реки Ляохэ, впадающей в Ляодунский залив.

К началу эпохи Чжаньго княжество Цинь было мало значащим государством, уступавшим Цзинь и Чу по размерам территории. Северной Цинь располагалась область Шанцзюнь, принадлежавшая Вэй, на востоке — река Хуанхэ и проход Ханьгугуань (южной излучины Хуанхэ в среднем ее течении, недалеко от современного города Лаотунгуань). К югу лежали уделы Ба и Шу. На северо-западе и западе в районе озера Кукунор граница, видимо, была условной. На западе находились районы кочевий *цянов* и *жунов*, такие как Гуй и Ци.

Наиболее древней столицей княжества служил город Цюаньцю при слиянии рек Цяньшуй и Вэйхэ. Под давлением племен «жунов» (в 776 г. до н.э. Цюаньцю был окружен ими) ставку пришлось перенести, и она разместилась на пожалованных циньскому князю Сян-гуну (777—766 гг. до н.э.) чжоуским правителем Пин-ваном землях к западу от гор Цишань. В 763 г. до н.э. шестой правитель Цинь Вэнь-гун построил город Фэйцю там, где должен был бы находиться Цюаньцю. В 714 г. до н.э. Нин-гун (715—704 гг. до н.э.) переехал в Пинъян. С 677 г. до н.э. столицей становится Юнчэн (на левом берегу Вэйхэ), где поселился Дэ-гун, правивший всего два года. Сянь-гун (384—362 гг. до н.э.) перенес правление в Лиян (в современном уезде Линьтун провинции Шэньси). После 350 г. до н.э., во время правления Сяо-гуна (361—338 гг. до н.э.), столицей стал Сяньян (чуть ниже Фэйцю по течению Вэйхэ). В целом перенесения столицы носили наступательный характер.

Краткая летопись междоусобиц «Сражающихся царств» и экспансия Цинь

Территориальные споры между Цинь и Цзинь были давними. В указанную же эпоху циньский правитель Сяо-гун (361—338 гг. до н.э.) прямо приступил к расширению своих владений. В 354 г. до н.э. он сразился с войсками княжества Вэй в Юаньли (современный уезд Дэнчэн провинции Шэньси). Двумя годами позже советник Сяо-гуна Вэй Ян (Шан Ян) (390—338 гг. до н.э.) осадил столичный город Вэй Аньи. В 340 г. до н.э. Вэй Ян снова напал на Вэй. Через два года после этого, согласно Сыма Цяню, у Яньмэня произошло новое сражение. В 330 г. до н.э. Вэй отдало Цинь земли к западу от Хуанхэ, которые Цинь считало своими исконными.

В 329 г. до н.э. Цинь захватило вэйские города Фэньинь и Пиши, а также Цзяо, бывшее чжоуским владением. Через год Цинь возвратило Вэй Цзяо и, видимо, одновременно с ним захваченный пункт Цюйво. Чуть раньше правитель Вэй, как уже сказано, поднес Цинь пятнадцать уездов области Шанцзюнь к северу от Вэй, населенных кочевыми племенами, преимущественно «байди». С 327 г. до н.э. в течение двадцати двух лет Цинь покоряло небольшое жунское царство Ицзюй (в современной провинции Ганьсу).

В 318 г. до н.э. участники «вертикального согласия», княжества Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци, совместно с племенами «сюнну» напали на Цинь, но были разбиты. В 316 г. до н.э. циньский полководец Сыма Цо разгромил юго-западное царство Шу, населенное племенами «и» и «цян». Это было шагом к последующему наступлению на Чу. В тот же год и три последующих Цинь шаг за шагом захватывало города княжеств Хань, Чжао и Вэй и укрепленные поселения царства Ицзюй.

В 312 г. до н.э. произошло столкновение с войсками Чу, которое увенчалось пленением их командующего, при этом было уничтожено несколько десятков тысяч человек. О предыдущих нападениях Цинь на восточные княжества в источниках приводятся цифры такого же порядка. В указанный год Цинь отобрало у Чу шестьсот *ли* земли в области Ханьчжун. К 310 г. до н.э. правители Хань, Вэй, Ци и Чу выразили готовность повиновения Цинь. Однако в 307 г. до н.э. был взят принадлежавший Хань город-крепость Иян. Затем в 304 г. до н.э. циньский Чжао-сян-ван отдал Чу земли в Шанъюне (в современном уезде Чжушань на западе провинции Хубэй). В 303 г. до н.э. было захвачено три вэйских пункта, правда, один из них, Пуфань, через год был возвращен Вэй. Тогда же был предпринят поход Цинь с участием войск Хань, Вэй и Ци на его стороне против Чу. В 299 г. до н.э. повторились нападения на Чу с участием тех же княжеств. В 298 г. до н.э. были взяты восемь чуских городов и убит чуский полководец Цзин Куай.

В 296 г. до н.э. княжества Ци, Хань, Вэй и другие предприняли попытку наступления на Цинь. Последнее отдало княжествам Вэй и Хань некоторые земли к северу от Хуанхэ. В следующем году оно выделило Чу 50 тысяч *даней* (1500 т) зерна. В 294 г. до н.э. было совершено нападение на Хань. В 293 г. до н.э. произошла битва при Ицюэ (уезд Лоян сов-

ременной провинции Хэнань), в которой армии Хань и Вэй потерпели сокрушительное поражение, потеряв 240 тысяч человек и сдав пять городов. Победа позволила Цинь сосредоточить главные силы и направить их против Чу, продолжая при этом воевать с Вэй и отнимать у него города.

В 286 г. до н.э. правитель Вэй поднес циньскому вану прежнюю столицу этого княжества Аньи. Циньцы выселили ее жителей и заселили прилегающие земли своими подданными. В течение двух последующих лет удары наносились по княжеству Ци. Цинь объединилось на этот раз с тремя цзиньскими домами и княжеством Янь. В 283 г. до н.э. циньские войска снова двинулись на Вэй и дошли до Даляна, следующей после Аньи столицы княжества. Янь и Чжао пришли на помощь Вэй, и армия Цинь отступила. В 282 г. до н.э. были захвачены два города княжества Чжао. В захватываемые города переселялись помилованные преступники. После нападения на Чу в 280 г. до н.э. таковые были переселены в принадлежавший Хань Наньян.

В 278 г. до н.э. была взята столица Чу Ин. В 277 г. до н.э. Цинь вновь напало на Чу, захватив пункт южнее Янцзы и область Цяньчжун (в районе г. Юаньлин современной провинции Хунань). На следующий год чуский Цинсян-ван собрал более ста тысяч воинов в восточных землях и занял пятнадцать крупных поселений вдоль Янцзы, укрепившись здесь для отражения нападений со стороны Цинь. В 273 г. до н.э. этот правитель послал тридцатитысячную армию на помощь Хань, Вэй и Чжао при нападении на Янь и заключил с Цинь соглашение о мире.

В 257 г. до н.э. чуские войска вынудили Цинь снять осаду чжаоского города Ханьдана и отступить. В 247 г. до н.э. вэйский княжич У Цзи, возглавив силы Янь, Чжао, Хань, Вэй и Чу, нанес поражение циньской армии, которой командовал Мэн Ао, и циньцы отступили за Хуанхэ. Но союзные войска не воспользовались плодами победы. В том же году у власти в Цинь встал Чжэн-ван — будущий император Цинь Шихуан.

В 246 г. до н.э. в принадлежавшем Чжао и, видимо, ранее захваченном Цзиньяне (в верхнем течении реки Фэньшуй) произошло восстание, но было подавлено Мэн Ао. Тот же полководец захватил в 244 г. до н.э. более десятка городов княжества Хань и вторгся в Вэй, где через год взял двадцать городов по фронту в 200 км с севера на юг. Была образована область Дунцзюнь. В 241 г. до н.э. было предпринято совместно с чжухоу неудачное нападение Чу на Цинь. Чуский дом

перенес столицу к северо-востоку от прежней, в Шоучунь, дав ей название предыдущей. В 239 г. до н.э. младший брат циньского вана Чэн Цзяо вошел с войсками в Чжао и поднял в Туньлю восстание, которое было жестоко подавлено. В том же году Лао Ай, влиятельный придворный, готовил мятеж в столичном округе. В бою под Сяньном было убито несколько сот восставших. Последовали расправы, казни, ссылки.

В 236 г. до н.э. трое циньских военачальников захватили в Чжао и Вэй ряд городов, расположенных по реке Чжаншуй, но не удержали их. В 235 г. до н.э. Цинь и Вэй вместе напали на Чу. В 234 г. до н.э. один из упомянутых трех, Хуань Ци, атаковал чжаоский Пинъян, убил чжаоского военачальника и казнил 100 тысяч человек. На следующий год он вновь атаковал этот и занял другой город — Иань, слолив здесь оборону; усмирил города Пинъян и Учэн.

В том же году циньцы были разбиты чжаоской армией, которой командовал полководец Ли Му, у городов Иань и Чили. В 232 г. до н.э. силы Цинь при нападении вновь потерпели поражение под городом Панъу на правом берегу реки Хутошуй. На других же направлениях, там где оно ранее добивалось успеха, Цинь продолжало наступать. В 230 г. до н.э. был взят в плен ханьский ван Ань. В 228 г. до н.э. циньские войска полностью утвердились на землях Чжао и пленили чжаоского вана. На следующий год рукою Цзин Кэ и по инициативе наследника правителя княжества Янь было совершено неудавшееся покушение на циньского вана, и в результате произошло фактическое падение княжества Янь.

В 226 г. до н.э. чуская армия потерпела тяжелое поражение от Цинь, потеряв более десятка укрепленных городов. В 225 г. до н.э. Цинь полностью захватило земли княжества Вэй. Через два года оно сокрушило царство Чу. При введении в империи Цинь нового административно-территориального деления на 36 областей в Чу были учреждены области Цзюцзян, Чжанцзюнь и Гуйцзи.

В 222 г. до н.э. военачальник Ван Бэнь напал на яньский Ляодун и взял в плен вана, ушедшего туда в 226 г. до н.э., когда войска Цинь заняли укрепленную столицу Янь. Возвращаясь, Ван Бэнь напал на Дай, где в 228 г. до н.э. провозгласил себя Дай-ваном Цзя, сын плененного тогда правителя Чжао, вступивший в союз с княжеством Янь. Ван Бэнь взял

в плен дайского вана, усмирил чуские земли к югу от Янцзы, заставил сдать правителя княжества Юэ.

В 221 г. до н.э. правитель княжества Ци мобилизовал войска, готовясь к обороне, и прервал сношения с Цинь. Ван Бэнь напал на Ци и пленил циского вана. На этом закончилось объединение Китая, достигнутое путем непрерывных завоеваний.

Общественное производство и изменения в социальной структуре. Реформы Шан Яна

В период «Сражающихся царств» широкое применение в хозяйстве получило железо. Из него изготавливались сельскохозяйственные орудия — сохи, серпы, косы, мотыги; плотничьи инструменты — топоры, пилы, сверла, долота, даже шила и иглы. Железо шло и на вооружение: из него делали кольчуги, булавы, пики. Известно так называемое «твердое железо» (*лоу*), очевидно, сталь. Ее стали плавить в княжествах У и Юэ раньше, чем в других. Из У особый метод выплавки перешел затем в Чу. В княжестве Хань путем закалки выделявали особенно острые и прочные мечи, называвшиеся по месту изготовления «лунъюаньскими».

Использование тягловой силы животных при обработке пахотной земли получило в эту эпоху заметное развитие как следствие укрупнения землевладения и сосредоточения земель в отдельных руках. Огромное влияние на развитие частного землевладения оказали реформы Шан Яна, трезвого и расчетливого политика на службе циньского гуна и одного из основоположников философской школы *легизма*.

Считая земледелие и изготовление тканей главным делом, Цинь опередило в этом отношении остальные княжества. Отличающиеся от колодезных границы полей были узаконены в Цинь в ходе реформ Шан Яна. Однако дороги, разделявшие поля при колодезной системе, уже распахивались во всех восточных княжествах.

Унифицировав систему мер и весов, Шан Ян увеличил меры длины и площади. По сравнению с чжоуским *му* в 100 квадратных шагов циньское *му* равнялось 240 квадратным шагам. В восточных княжествах по-прежнему пользовались чжоуским *му*. Шан Ян привел в соответствие с этим и налоговую систему, введя налог «фу».

До реформ Шан Яна в Цинь, как и в других княжествах, главенствующую роль в государственных делах и в общественной жизни играла родовая аристократия. Союзы между княжествами издавна скреплялись родственными узами. Такими связями обеспечивалась поддержка в военных конфликтах. Нередко они же определяли исход споров о престолонаследовании.

Способствовавшие экономическому укреплению Цинь реформы Шан Яна были направлены также на усиление его военной мощи, что привело к возникновению привилегированного военно-административного слоя населения. Иерархия знатности согласно новой табели о рангах состояла из двадцати разрядов. Начиная с девятой ступени шли собственно чиновные звания (*гуаньцзюэ*). При этом Шан Ян лишил знать права наследования административных постов.

Подобные меры вели к ослаблению родовой аристократии и наталкивались на ее яростное сопротивление. После смерти Сяо-гуна, советником которого был Шан Ян, реформатора казнили. Но его преобразования в конечном счете способствовали сосредоточению земель в частных руках и превращению знати в частных землевладельцев.

Легизм

В эпоху «*Сражающихся царств*» и при династии Цинь в Древнем Китае сложилась особая политико-философская школа — легизм (*Фа цзя*). В противоположность конфуцианству, исходившему из нравственных принципов, легизм настаивал на необходимости строгих законов при управлении государством. Кодифицированное право, дифференцированная система поощрений и наказаний; способствующие развитию сельского хозяйства меры, ограничение торговли, связанные с военной службой привилегии и т.д. должны были способствовать укреплению государства и усилению личной власти правителя.

Наиболее выдающимся теоретиком легизма был Хань Фэй-цзы (288—233 гг. до н.э.). Однако еще раньше такие политические деятели, как Цзы Чань (ум. в 522 г. до н.э.) и Шан Ян (390—338 гг. до н.э.) осуществляли практические шаги и реформы, основываясь на тех же принципах. После объединения Китая государством Цинь в 221 г. до н.э. на всей территории страны было введено построенное в соответствии с

этой теорией управление. В результате, жестокое угнетение народа привело в 209 г. до н.э. к крупному народному восстанию, предводителями которого были *Чэнь Шэн* и *У Гуан*. В конце концов династия Цинь пала. При ханьском императоре У-ди умеренные теории легизма были интегрированы в государственную конфуцианскую идеологию.

Гунсунь Лун

Гунсунь Лун — китайский философ-диалектик (ок. 320—250 гг. до н.э.). Сохранились лишь части известного в ханьское время трактата под его именем «Гунсунь Лунцзы». Гунсунь Лун высказывался против войн и проповедовал взаимную любовь между людьми и человечность. В его учениях содержатся элементы как конфуцианства, так и даосизма. Известны его парадоксальные изречения, например: «Белая лошадь не есть лошадь» (т.е. сочетание двух понятий: «белое» и «лошадь» не тождественно понятию «лошадь»).

ИМПЕРИЯ ЦИНЬ

Династия Цинь (221—207 гг. до н.э.) как таковая была основана Цинь Шихуаном (247—210 гг. до н.э.) после завоевания государств, существовавших в период *Чжаньго*. В 221 г. до н.э. циньский Чжэн-ван провозгласил себя императором и вошел в историю как Цинь Шихуан. Он ввел новую систему административно-территориального управления объединенной державой. По своему характеру империя являлась военно-административным государством. Некоторые территориальные единицы, такие как Дунцзюнь и Гуй-ци, были образованы еще в ходе завоевания княжеств (соответственно в 244 и 222 гг. до н.э.). Число подобных областей, или округов, сначала достигло тридцати шести. Позднее на юге были учреждены еще четыре области, три из них — в 214 г. до н.э.

Столицей новой и неделимой империи стал главный город царства Цинь — Сяньян (на территории нынешней провинции Шэньси). С помощью своего главного советника Ли Сы император Цинь Шихуан создал основанную на принципах *легизма* систему централизованного управления и полного подчинения каждого подданного государству.

Помимо ряда мер, направленных на развитие экономики и укрепление государственной власти, таких как унификация мер и весов, введение единой денежной системы, стандартизация письма и многое другое, по приказу императора возводились дорогостоящие дворцовые и погребальные комплексы, в 214 г. до н.э. была заложена *Великая Китайская стена*, предпринимались разорительные для народа военные походы.

Каждой территорией империи Цинь управляли три должностных лица: начальник области (*цзюньшоу*), воевода (*цзюнь вэй*) и цензор (*цзюнь цзянь*). Учрежденная система могла, очевидно, функционировать благодаря военному присутствию Цинь, и если оно было в состоянии разместить на управляемых территориях необходимое количество гарнизонов. Однако лишь столичный гарнизон в Сяньяне при следующем после Цинь Шихуана императоре был полностью укомплектован.

Области делились на уезды, управляемые уездными чиновниками. Система налогообложения не была отлажена; столица государства кормилась с простирающихся вокруг нее на 300 ли земель. При этом зерно изымалось у населения полностью.

Уже Эр-ши, поставленный у власти после смерти Цинь Шихуана убедился, что созданная вновь чиновно-бюрократическая прослойка, в которой оказалось немало представителей местной аристократии, ему неподвластна. В княжествах росло и ширилось сопротивление диктату Цинь. Карательные меры лишь способствовали разжиганию конфликта.

Ликвидируя административно-хозяйственные центры государств периода Чжаньго или перенося их на задворки, запретив процветавшие некогда философские школы, циньский император породил сильное недовольство представителей господствующего класса и образованного слоя. Народное возмущение переросло в открытое сопротивление и достигло высшей точки в восстании *Чэнь Шэна* и *У Гуана*. Конечным результатом этой борьбы явилось свержение циньской династии и воцарение *династии Хань*.

Великая Китайская стена

Одним из «чудес света» и символом величия китайской цивилизации на все времена стала Великая Китайская стена, заложенная по приказу императора Цинь Шихуана. Это оборонительное сооружение восходило к укреплениям, возводив-

шимся в периоды Чуньцю и Чжаньго на северных рубежах княжеств Чжао и Янь для защиты от кочевников Центральной Азии. Среди них были, вероятно, тунгусо-маньчжурские, народности «ухани» и «сяньби», носившие общее название «дунху» («восточные варвары»). Тогда даже центральные китайские удельные княжества ограждались стенами, прикрывавшими их границы.

После объединения Китая государством Цинь эти внутренние укрепления становились ненужными. Воздвигнутые же вдоль северной границы стены были достроены, расширены и соединены друг с другом. Вытянувшаяся теперь от местечка Линьтао в провинции Ганьсу и до побережья Ляодунского залива стена была сложена из каменных плит, пересыпанных утрамбованным лессом. Она проходила несколько иначе, чем более поздняя, сохранившаяся с XV—XVI вв. и доныне каменно-кирпичная стена. Как показывает история Китая, эффективность такого рода сооружений была невелика. В периоды политического ослабления Китай не мог защититься от набегов кочевников.

Сожжение книг

По указу императора Цинь Шихуана в 213 г. до н.э. все литературные произведения, исторические, философские и другие книги надлежало передавать государственным инстанциям, которым предписывалось сжигать их. Сохранялись только гадательные тексты, книги по медицине, фармакологии и сельскому хозяйству. Уцелели памятники, находившиеся в государственных архивах. Лицам, не выполнявшим указ в течение месяца, и их семьям грозили жестокие наказания. Многие ученые-конфуцианцы были казнены.

Эти меры, предложенные советником Цинь Шихуана Ли Сы, призваны были подавить сопротивление аристократии и способствовать распространению легистских идей. Указанное распоряжение было официально отменено в 191 г. до н.э. В огне, однако, погибла большая часть древних источников по истории и литературе Китая. Образовавшиеся в результате лакуны в письменной традиции открыли в дальнейшем простор для измышлений и подделок. Этим объясняется критическое отношение исследователей к источникам периода древности.

Уничтоженные или утраченные в правление Цинь Шихуана книги были во II в. до н.э. вновь записаны «уставным письмом»

(ли шу). При императоре У-ди особое значение знанию этих текстов придавал в частности Дун Чжун-шу, а их комментаторов стали затем называть последователями школы «новых текстов» (т.е. текстов, записанных «новыми письменами»). В I в. до н.э. появилась соперничающая с названной школа «старых текстов», будто бы замурованных сохранности ради в стене дома Конфуция в княжестве Лу и переданных по обнаружении потомку Конфуция Кун Аньго. Согласно традиции этой школы он и положил начало изучению «старых текстов». Представителями школы «старых текстов» были *Ян Сюн и Ван Чун*.

Восстание Чэнь Шэна и У Гуана

Угнетательский режим империи Цинь породил волну возмущения среди задавленного поборами обездоленного населения державы Цинь Шиухана. В конце эпохи Цинь (в 209 г. до н.э.) вспыхнуло народное восстание. Его предводителем стал выходец из беднейших слоев деревни Чэнь Шэн, он был взят на военную службу и поставлен командиром отряда новобранцев на северной границе Китая. Во время одного из переходов отряда разразилась сильная гроза, и воины были вынуждены остановиться. За опоздание неминуемо следовало бы жестокое наказание. В столь отчаянном положении отряд, возглавленный Чэнь Шэном и У Гуаном, отказался подчиниться приказу командования.

К мятежу немедленно примкнули массы недовольных крестьян, доведенных до нищеты циньским режимом и не видевших для себя иного выхода. Восстание было направлено против центральной власти и представителей императорской администрации. В нем приняли участие выходцы из прежней, лишившейся привилегий знати, в том числе группа конфуцианцев из царства Лу, родины Конфуция, вместе с прямым потомком великого философа Кун Цзя. Однако в результате разногласий между вождями ширившегося движения Чэнь Шэн, провозглашенный императором, был убит (208 г. до н.э.).

Оппозиция царства Чу и возвышение Лю Бана

Главной силой, которая сумела нанести поражение Цинь, явилось княжество Чу. Во главе его войск стояли военачальники Сян Юй и Пэй-гун (Лю Бан).

Весной 206 г. до н.э. ваном-гегемоном Западного Чу объявил себя Сян Юй, управляя девятью областями в землях Чу и Лян со ставкой в Пэнчэне при слиянии рек Сышуй и Даньшуй южнее города Пэй. Титул Пэй-гун Лю Бана он изменил на Хань-ван и дал в управление Лю Бану районы Ба, Шу и Ханьчжун с резиденцией в Наньчжэне (на левом берегу реки Ханьшуй). Прибыв в Наньчжэн с норовившими возвратиться домой на восток солдатами, Лю Бан последовал совету своего соратника Хань Синя выступить в этом направлении и постараться захватить власть.

Он нанес поражение войску бывшего циньского военачальника Чжан Ханя (получившего от Сян Юя в управление часть Гауаньчжуна) при Чэньцане (на реке Вэйхэ, к северу от Наньчжэна), а также у Хаочжи (близ современного уездного города Цяньсянь провинции Шэньси). Чжан Хань бежал в Фэйцю (западной Сяньяна по реке Вэйхэ). Летом 204 г. до н.э. этот город сдался Хань-вану, и Чжан Хань покончил с собой. Ранее же Хань-ван двинулся на восток, раздавая там титулы, учреждая области или подтверждая их статус, однако потерпел серьезное поражение в Пэнчэне и на реке Суйшуй, восточней города Линби.

Бежав на запад, Хань-ван тем не менее провозгласил своего сына наследником престола. Но номинально императором и правителем Поднебесной признавался И-ди (Хуай-ван). Под этим именем чуский аристократ Сян Лян, дядя Сян Юя, возвел на престол в Чу внука Хуай-вана (Сюн-хуая) (328—298 гг. до н.э.) по имени Синь. Вместе с первым советником Чэнь Ином И-ди обосновался в Сюйи (территория княжества У). В 206 г. до н.э. Сян Юй приказал переселить И-ди в уезд Чэньсянь области Чанша, где также по его приказу этого законного правителя царства Чу убили.

С тех пор как Сян Юй расправился с третьим и последним представителем династии Цинь Ин-ди (Цзы-ином) (на что не пошел Лю Бан, первым занявший циньскую столицу), эти два вождя антициньского восстания вступили в длительную (продолжавшуюся четыре года) и разорительную для страны борьбу друг с другом. Война, как и в эпоху «Сражающихся царств», шла между Западом и Востоком Китая, между востоком Чу в первую очередь и не имевшей постоянных границ территорией южнее Цинь — той, которую Сян Юй дал в управление Лю Бану, получившему в соответствии с названием области титул Хань-вана. На том основании, что, вопреки

договоренности, Сян Юй не уступил ему область Гуаньчжун, где располагались коренные земли Цинь, Хань-ван отказался ему подчиниться.

В 203 г. до н.э. соперниками было достигнуто соглашение о разделе страны на западную и восточную части по линии от Хуанхэ на юг (восточнее Инъяна, находившегося на территории современной провинции Хэнань). Однако приближенные Лю Бана убедили его нарушить договор и продолжить наступление. Сян Юй, неся великие потери отступал на юг. Окончательное поражение он потерпел в 202 г. до н.э. под Гайся (на северо-востоке современной провинции Аньхой, уезд Линби). Оставшись с горсткой воинов на берегу Янцзы, правитель отказался переправиться через реку и погиб.

ИМПЕРИЯ ХАНЬ

Правление династии Хань охватывает период китайской истории с 206 г. до н.э. по 220 г. н.э. Кратким промежуточным правлением Ван Мана (9—23 гг. н.э.) он делится на раннюю, или Западноханьскую (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.), и позднюю, или Восточноханьскую (25—220 гг. н.э.), эпохи. Столицей Западной империи Хань стал город Чанъянь (ныне Сиань, провинции Шэньси). Правители же Восточной Хань переселились в Лоян. Основателем династии был Лю Бан (Гао-цзу, 206—195 гг. до н.э.). Одержав в 202 г. до н.э. победу над своим соперником Сян Юем, Лю Бан отменил наиболее жесткие наказания, применявшиеся в империи Цинь.

Носителям высших рангов знатности, участвовавшим в восстании, предоставлялось право сбора налогов с небольших территорий. Многим руководителям повстанческих отрядов были пожалованы наследственные владения в соответствии с системой «*фэнцзянь*» чжоуского времени. При императоре У-ди (141—87 гг. до н.э.) эта система была ослаблена и во всем государстве восстановлена централизованная форма управления. Центральному правительству, состоявшему из различных ведомств, подчинялись области, в которые, в свою очередь, входили округа, затем уезды и волости.

Основным источником государственных доходов служили налоги, взимаемые с крестьян-землевладельцев и ремесленников. При первых ханьских императорах, не забывавших об

участи предыдущей династии, размеры налогов и нормы отработок были незначительны; так что земледелие, ремесло и торговля смогли быстро восстановить свой потенциал. Но при У-ди накопленные прежде ресурсы были исчерпаны в ходе длительных военных действий против гуннов и в результате разорительных войн в различных примыкающих к Китаю краях.

Правившим вслед за У-ди императорам более не удавалось добиться той же полноты власти. При дворе усилилось влияние евнухов и родственников жен императоров. К концу I в. до н.э. в границах империи обострились социальные трения. Несколько раз вспыхивали восстания бедных и беднейших слоев населения. Сталкивались интересы крупных землевладельцев («сильных домов») и образованного «служилого» сословия (*шэньши*).

В 9 г. н.э. некая группа сановников совершила государственный переворот и возвела на престол Ван Мана, родственника жены одного из предыдущих императоров Юаньди (48—33 гг. до н.э.). Неотлаженное правление Ван Мана привело к крупному народному восстанию (восстание «*Красных бровей*») и продолжительной гражданской войне, принесшей победу Лю Сю (6—57 гг. н.э.), члену императорской фамилии. Приняв имя Гуан У-ди, он восстановил династию Хань. Благодаря рвению военачальника и дипломата Бань Чао империя значительней, чем когда-либо, расширила свои пределы.

Особенностью Восточноханьского периода стал рост крупного землевладения, что снизило уровень государственных доходов. Наряду с непрерывной борьбой клик при дворе, это привело к ослаблению центральной власти. Положение стоившего под двойным гнетом (со стороны государства и крупных землевладельцев) народа постоянно усугублялось непрерывными стихийными бедствиями. Как результат, в 184 г. н.э. вспыхнуло восстание «*Желтых повязок*». Последующая гражданская война привела в 220 г. н.э. к падению династии.

Просуществовавшая благодаря централизованной системе государственного управления более четырех столетий Ханьская империя стала в этом отношении образцом для последующих эпох. Невозможно переоценить и ее влияние на дальнейшее развитие китайской духовной культуры. Помимо возведения конфуцианства в ранг государственной идеологии, следует отметить значительные достижения в области историографии, географии, медицины, математики и литературного творчества.

Ранняя Хань. Правление Гао-цзу (Лю Бана)

В день «цзя у» 202 г. до н.э. (приходящийся на 28 февраля) Лю Бан вступил на императорский престол. На этом шаге настаивали ради подтверждения легитимности полученных ими от Лю Бана титулов и пожалований чжухоу — военачальники и советники. Столицей новой империи он сделал Лоян; правда, ненадолго: его убедили перенести ее в Гуаньчжун.

Начало царствования Лю Бана было омрачено восстанием прежнего правителя области Линьцзян (Наньцзюнь при правлении Цинь) Вэя, сына Гун Ао (последнему тот же титул был пожалован Сян Юем).

В 200 г. до н.э. поднял мятеж в Тайюани Хань-ван (Синь), сговорившись с «сюнну». Затем восстал яньский ван Цзян Ту, которому титул также был пожалован Сян Юем. Даже пленение вана не остановило восстания. Мятежи и заговоры не прекращались до конца жизни императора, который умер в день «цзя-чэнь», приходящийся на 1 июня 195 г. до н.э.

Преемники Лю Бана: смертельная борьба за власть

После кончины Гао-цзу на престол был возведен его старший сын Лю Ин (Сяо-хуй ди, 194—188 гг. до н.э.). В действительности же вплоть до своей кончины правила вдовствующая императрица Люй Чжи (Люй-тайхоу).

После смерти Сяо-хуй ди его супруга взяла в качестве наследника сына одной из наложниц покойного императора. Ни его имя, ни имя его убитой матери в исторических документах не сохранились. Когда малолетний император подрос и проведал о своем происхождении и судьбе собственной матери, он опрометчиво высказал намерение по возмужании принять необходимые меры. Поэтому его немедленно объявили больным, изолировали от мира, а затем низложили. Люй-тайхоу тайно умертвила его. Эти годы царствования отмечены как годы правления Гао-хоу (Люй Чжи). Указы и декреты за этот период исходили от ее имени.

В 184 г., в день *бин-чэнь* (15 июня) императором был поставлен сын Сяо-хуй ди Шань, которому вдовствующей императрицей был ранее пожалован титул Сянчэн-хоу, а затем

Чаншань-вана (И). При воцарении он получил имя Хун. По смерти вдовствующей императрицы, в чье фактическое правление род Люй всеми силами стремился вытеснить род Лю, был совершен дворцовый переворот. Императора Хуна вывезли из дворца и поставили на царство Лю Хэна, сына Гао-ди от вдовствующей императрицы Бо. Малолетний император Хун и еще три «ненастоящих» сына Сяо-хуй ди были убиты.

Лю Хэн (его посмертный титул — Сяо-вэнь ди) правил с 179 по 157 г. до н.э. Однако, истолковав надпись на найденном в 163 г. до н.э. яшмовом кубке, видимо, как предостережение, он повел счет годов своего правления с начала. Так что оно делится на два периода — начальный и заключительный.

Император отменил закон о наказании родственников и представителей рода виновного вместе с самим совершившим преступление. Позже он упразднил наказания за порицание правителя и нелицеприятные слова в его адрес, затем запретил некоторые суровые телесные наказания. Ради поощрения земледелия и предпочтения этого занятия ремеслу и торговле было объявлено об отмене оброка и налогов с пахотных земель. Указ действовал почти десять лет, и в 156 г. до н.э. повинности вновь были введены, но лишь в половинном размере.

Хотя Сяо-вэнь ди щедро одаривал титулами, землями и золотом сановников, чиновников и членов собственной фамилии, среди них оказались такие, кто не замедлил выступить против него. Летом 177 г. до н.э., когда император был обеспокоен вторжениями кочевников «сюнну», внук Лю Бана Син-цзюй (его отца, старшего сына от наложницы основатель династии хотел оставить наследником), которому были пожалованы земли на северо-западе бывшего княжества Ци, направил войска на Инъян (на юго-востоке княжества Хань). Однако осенью армия Цзибэй-вана (Син-цзюя) была разбита.

Правление императора Сяо-цзина (Лю Ци) (157—141 гг. до н.э.) делится на три периода; причем третий, заключительный, оказался самым коротким (чуть более двух лет). Это сравнительно мягкое правление ознаменовалось тремя амнистиями и дважды помилованием преступников, которые были заняты на строительстве императорской усыпальницы.

Однако зимой 154 г. до н.э. семь князей, чьи владения находились в землях бывших княжеств Ци, Чжао, Чу и У, объединились и подняли восстание. Все эти ваны принадлежали к фамилии Лю. Чжао-ван (Лю Суй) приходился даже

внуком императора Гао-ди. Данное выступление вполне соответствует тактике «вертикального согласия». Оплотом правящего теперь дома оставалась та же область Гуаньчжун, которая обеспечивала максимальную безопасность дома Цинь. Летом того же года восстание было подавлено.

Велась борьба за престолонаследие. Первый наследник — Жун, рожденный от матери, принадлежавшей к роду Ли, был объявлен в 153 г. до н.э. Другой сын императора (от наложницы Ван-фужэнь) был тогда же пожалован титулом Цзяодун-вана (владение Цзяодун также находилось на территории княжества Ци). Через два года (в 150 г. до н.э.) Жун был лишен прав наследника престола и получил титул Линьцзян-вана. Цзяодун-ван Чэ, напротив, стал наследником престола и в 141 г. до н.э. вступил на него. Он вошел в историю под именем *У-ди*, родился же в 156 г. до н.э., на первом году правления Цзин-ди. Следовательно, когда он стал править, ему было шестнадцать лет.

«Сюнну»

На обширной территории у северных границ Китая в древности расселялись кочевые племена, которые создали объединение. В китайских исторических источниках они называются «сюнну» и упоминаются под этим названием в записи, относящейся к 318 г. до н.э., когда принимали участие в походе княжеств Хань, Вэй и Чжао против Цинь.

Племена «сюнну» постоянно тревожили пограничные районы Китая и даже совершали рейды в глубь китайской территории. В 215—214 гг. до н.э. эти племена были оттеснены полководцем Мэн Тянем. Для защиты от их нападений были соединены и образовали *Великую Китайскую стену* пограничные валы периода *Чжэньго*. В начале правления династии Хань «сюнну» под предводительством их верховного правителя (шаньюя) Маодуня (ум. в 174 г. до н.э.) создали крупное государственное объединение. Подчинив себе другие племена, они усилили давление на Китай и потребовали выплаты ежегодной дани шелком, рисом, вином и т.д. Лишь при императоре *У-ди* китайскому военачальнику Хо Цюй-бину (ок. 140—117 гг. до н.э.) удалось разбить неугомонных соседей.

Дорогостоящие походы ослабили династию. После недолгого замирения и стараний укрепить брачными узами

китайских княжон и *шаньюев* добрые отношения с «сюнну» нападения этих племен на Китай (к началу правления Ван Мана) возобновились. Прекратились они лишь в результате раскола союза «сюнну», подчинения части этих племен («южных сюнну») Китаю и их расселения к концу III в. н.э. в северных районах страны. «Северные сюнну», не добившись победы в долгих сражениях с силами Хань, в середине II в. н.э. покинули Центральную Азию и ушли на запад. Пока нет точных доказательств предполагаемого родства «северных сюнну» с известными из истории Европы гуннами.

С начала правления династии Хань вторжения «сюнну» доставили правящему дому немало хлопот. В 177 г. до н.э. эти племена вторглись в область Бэйди (северо-восток провинции Ганьсу и часть Автономного района Внутренняя Монголия) и остановились южнее реки Хуанхэ (в районе Ордоса). Против них были посланы войска к пограничному тогда городу Гаону (близ современного города Яньань в провинции Шэньси).

Зимой 159 г. до н.э. два тридцатитысячных отряда «сюнну» вторглись в области Шанцзюнь и Юньчжун. В ответ были выставлены заслоны в горных проходах и у ключевых пунктов на северных рубежах, а также гарнизоны на подступах к столице — Чанъани. Спустя несколько месяцев силы кочевников отступили. Подобные напряжения возникали, несмотря на все попытки замирения воинственных соседей, ценные подарки их князьям, установления родственных отношений.

Весной 148 г. до н.э. «сюнну» вторглись в земли княжества Янь. Через год некоторые князья этих племен признали власть китайского императора и все получили высший ранг знатности. В 142 г. до н.э., также весной, имело место еще одно вторжение кочевников, на этот раз в Яньмэнь (на севере современной провинции Шаньси).

Правление императора У-ди и борьба с кочевыми племенами

Одним из наиболее ярких представителей династии Хань стал император У-ди (141—87 гг. до н.э.). В его правление значительно усилилась центральная власть. У-ди удалось подчинить княжества, фактически независимые с начала царствования династии. Чтобы повысить производительность сельского хозяйства, он заботился об улучшении и широком

внедрении оросительных систем, возведении дамб и т.д. Благодаря тому что при нем было официально принято учение Дун Чжун-шу и *конфуцианство* стало государственной идеологией, власть императора еще более укрепилась.

Взросшую силу китайского государства У-ди использовал как в борьбе с внешними противниками, и прежде всего с «сюнну», успешно отбитыми военачальником Хо Цюй-бином, так и для проникновения в Восточный Туркестан. Точные сведения об этом крае доставил в 126—125 гг. до н. э. посланец императора Чжан Цянь, после этого туда вошли китайские войска, чтобы захватить торговые пути из Китая на Запад. В 109—108 гг. до н.э. было покорено древнекорейское государство Чосон. Активные завоевательные действия велись к югу от Китая и в Юго-Восточной Азии. Постоянные войны привели к истощению государственных ресурсов. У-ди был вынужден пополнять казну с помощью введения государственной монополии на торговлю солью, железом и вином, на отливку монет, а также вводя дополнительные налоги.

Обременение народа военными повинностями, поборами и принудительными работами стало в конце правления У-ди причиной многих народных восстаний, не прекращавшихся и позже. В целом же этот период был временем высшего экономического развития и политического могущества империи Хань. Последующие правители Китая не раз следовали в своих преобразованиях примеру У-ди.

В правление У-ди дом Хань оказался вовлеченным в конфликты южных племен «юэ», в частности в столкновение между царствами Миньюэ и Дуньюэ. Дуньюэ-ван, принимавший в 154 г. до н.э. участие в восстании семи князей и убивший затем уского вана, сам, когда его окружили «юэ» из Минь, попросил помощи у Хань и вместе с 40 тысячами соплеменников пришел под ее защиту. Беженцев поселили севернее покинутых мест, в Луцзянцзюне. В 135 г. до н.э. восстал Юэ-ван в Миньюэ. В 130 г. до н.э. истребили семью военачальника Гуань-фу, выказавшего в боях с княжеством У необыкновенную храбрость, но обладавшего чрезвычайно вспыльчивым характером. Причиной расправы стала ссора полководца с братом императрицы Ван-фужэнь, *чэнсяном* Тянь Фэнем. Тогда же был казнен состоявший в родстве с императорской фамилией Вэйци-хоу Доу Ин, покровительствовавший Гуань-фу и бывший некогда наставником наследника престола Ли

(Жуна), отстраненного в 150 г. до н.э. Вэйци был обвинен в подделке указов предыдущего императора, от которых сохранились только копии с печатью Вэйци.

По восшествии на престол У-ди подтвердил скрепленный узами родства мирный договор с «сюнну» и отправил им щедрые дары. Однако в 133 г. до н.э. мир был нарушен Хань, которое спровоцировало нападение «сюнну» на богатый торговый город Май (близ истоков реки Чжишуй). Сюннуский шаньюй разгадал маневр и отвел войска. Кочевники расторгли мирный договор и стали совершать набеги на пограничные земли. При этом продолжалась оживленная торговля на пограничных заставах.

В 129 г. до н.э. император направил четыре десятитысячных отряда для нападения на «сюнну» в пограничных пунктах. Лишь один из четырех военачальников достиг некоторого успеха, трое остальных потерпели поражение. В этом и следующем году «сюнну» совершили ряд нападений, более всего на район Юйяна, к северо-востоку от Цзи (на месте Пекина), а также на область Яньмэнь (где был расположен и город Май). Ханьские военачальники Вэй Цин, успешно воевавший в 129 г. до н.э., и Ли Си продвинулись в их владения на западе, в области Юньчжун, и построили город Шофан в северной излучине Хуанхэ на правом берегу реки, где и закрепились. Часть уездов к северо-западу от Цзи, в среднем течении Чжишуй, дом Хань уступил кочевникам.

В последующие несколько лет успех был на стороне «сюнну». В 122 г. до н.э. Хуайнань-ваном Анем и Хэншань-ваном Сы (оба принадлежали к роду Лю) была предпринята неудачная попытка мятежа. На следующий год восстание поднял Цзянду-ван Лю Цзянь (владение Цзянду находилось на территории современной провинции Цзянсу).

В 121 г. до н.э. значительные потери терпели «сюнну». Двое их военачальников, Хуньсе-ван и Сючу-ван, боясь гнева шаньюя Ичжисе, решили перейти на сторону Хань. Хуньсе-ван убил Сючу-вана и, присоединив его отряд, сдался Хань, после чего набеги на северо-западе значительно сократились.

В 119 г. до н.э. ханьские войска атаковали «сюнну» к северу от пустыни Алашань. Они окружили шаньюя, но тому удалось вырваться из кольца и бежать. Отборные силы «сюнну» понесли большой урон, ханьские же войска прошли далеко на север. Поражение кочевникам было нанесено и за область Дай, в направлении Гоби; было убито более 70 ты-

сяч хусцев. Теперь уже стали осваиваться земли на левом берегу Хуанхэ, к северо-западу от Шофана.

В течение ряда лет у Хань не было достаточно сил, чтобы продолжить покорение или вытеснение «сюнну». В 112 и 111 гг. до н.э. были предприняты карательные походы на восставшие княжества Южное и Восточное Юэ. В обоих случаях был задействован флот. Будучи снова готовым применить силу против «сюнну», ханьский император отправил к их шаньюю посла с требованием признания подданства. Разгневанный шаньюй Увэй сослал дипломата по имени Го Цзи к берегам озера Бэйхай (Байкал).

Тем временем Срединная империя продолжала расширяться. На востоке она захватила царство восточных «и» Хуйло, а также Чаосянь (на Корейском полуострове). На западе была образована область Цзюцюань (к востоку от Дуньхуана), чтобы перерезать сообщение между «ху» и «цянами». Еще западней Хань установила связи с их «юэчжи» (кушанами) и Дася (Бактрией).

В районе озера Иссык-Куль находилось сильное племенное образование «усуней» (сарматов). Хань предпринимала дипломатические шаги к установлению союза с ними, ради ослабления «сюнну». В жены правителю «усуней» отдали китайскую княжну, однако другая супруга, дочь сюннуского шаньюя была поставлена «усунями» выше китайской. Все же Хань расширили пахотные земли на территорию «усуней».

В 105 г. до н.э. было совершено нападение на княжество Давань (Фергану), и в 102 г. до н.э. этот же военачальник Ли Гуанли обезглавил правителя княжества. Подчинение ферганского ханства произвело устрашающий эффект на Западные земли, на которые Хань и рассчитывала, предпринимая этот поход.

В 97 г. до н.э. против «сюнну» выступили более 200 тысяч всадников и пехотинцев. Главными силами командовал Ли Гуанли. Встреча произошла у реки Сюйюйшуй, где китайские войска, несмотря на большой численный перевес, были разбиты. Теперь, незадолго уже до смерти У-ди, требования «сюнну» приняли ультимативный характер. Шаньюй Хулугу мог позволить себе диктовать условия безопасности северных китайских границ.

Правление Чжао-ди

В 87 г. до н.э. на престол Хань вступил объявленный наследником перед самой кончиной императора его сын Лю

Фу-лин (Чжао-ди), рожденный от матери — Чжао Цзя-юй. Провозглашение нового императора лежало целиком на ответственности начальника военного приказа Хо Гуана и двух других сановников (один из них, Цзинь Ми-ди, был выходцем из «сюнну»).

Еще в 122 г. до н.э. наследником был объявлен Лю Цзюй, сын У-ди от императрицы Вэй. Семейство Вэй до последних лет правления У-ди занимало ключевые позиции в государстве. В 91 г. до н.э., когда обнаружилось, насколько диктуемая сверху хозяйственная политика была разорительной, разразился династический кризис. Клан Ли всеми силами старался лишить семейство Вэй благосклонности императора. На улицах Чанъани вспыхнули столкновения между законным наследником престола, которого поддерживали лишенные какого-либо социального положения слои населения, и столичными войсками, верными императору, но непримиримыми к клану Вэй и сочувствовавшими клану Ли; император же укрылся в летней резиденции Ганьцюани. Записи об этом инциденте полны намеков на колдовские действия в высоких кругах и по всей столице. В этой резне погибли десятки тысяч жителей, а императрица и наследник покончили с собой. Семейство Вэй было большей частью уничтожено, но и восторжествовавший клан Ли оказался обреченным, когда Ли Гуан-ли сдался «сюнну» и двое его братьев, и сын были казнены.

В правление Чжао-ди имели место две попытки переворота, предпринятые Лю-данем, сыном У-ди от Ли Фужэнь. В 117 г. до н.э. ему был пожалован титул Янь-вана. В 86 г. до н.э. он устроил заговор с целью захватить престол силой, но избежал наказания, возложив вину на одного из своих родственников. В 80 г. до н.э. была пресечена вторая попытка, и Янь-ван покончил с собой. В заговоре были замешаны Шан-гуань Цзя — один из трех сановников, возводивших на престол Лю Фу-лина, Сан Хун-ян, который был хозяйственным советником У-ди, и Шан-гуань Ань, тесть Чжао-ди.

Максимальной полнотой власти при Чжао-ди и даже после смерти двадцатидвухлетнего императора в 74 г. до н.э. обладал глава военного ведомства Хо Гуан.

По смерти Чжао-ди вновь вспыхнула вражда кланов Вэй и Ли. На императорский престол был приглашен внук Ли Фужэнь Лю Хэ, владевший Чанъи (на севере бывшего княжества Сун; город стоял на правом берегу реки Сышуй в

верхнем ее течении). Двадцатилетний наследник с крайней поспешностью прибыл в Чанъань и 18 июля 74 г. до н.э. был возведен на престол, чтобы менее чем через месяц (14 августа) быть низложенным. На трон посадили Лю Бин-и, внука Лю Цзюя, совершившего самоубийство после неудавшейся попытки захватить власть.

Правление Сюань-ди и дробление удельных княжеств в I в. до н.э.

В роковой для рода Вэй год Лю Бин-и, которому не исполнилось тогда, вероятно, и года, уберегли. 10 сентября 74 г. до н.э. он стал императором и правил в течение двадцати пяти лет, войдя в историю под именем Сюань-ди.

Воссев на престол, император оставил решение государственных дел на усмотрение могущественного Хо Гуана, члены семейства которого занимали важные посты. Еще не будучи императором, Лю Бин-и женился на Сюй Пин-цзюнь, дочери Сюй Гуан-ханя, приближенного У-ди. Лю Ши, сын Лю Бин-и и Сюй Пин-цзюнь, родившийся в год восшествия отца на престол, станет императором после него. В 74 г. до н.э. Сюй Пин-цзюнь была поименована императрицей (Сюй-хоу) вопреки возражениям Хо Гуана. Жена этого вельможи Хо Сянь отравила императрицу. В 71 г. до н.э. этот сан стала носить дочь Хо Гуана. Когда тот в 68 г. до н.э. умер, семейство впало в немилость, а после попытки свергнуть императора императрица Хо была низложена и удалена из дворца.

Практика дробления владений и пожалования мелких уделов способствовала укреплению централизованной власти. Когда в 80 г. до н.э. после мятежа Лю Даня было упразднено княжество Янь, образовались области Бохай, Чжо и Янь. Там же в 73 г. до н.э. было создано маленькое княжество Гуан-хань и другие подобные ему: Гао-ми (в том же году), Хуай-ян (в 63 г. до н.э.) и Дун-пин (в 52 г. до н.э.). Они просуществовали до конца Ранней династии Хань. Княжество Пин-гань существовало с 91 до 56 г., до н.э. а Дин-тао — всего около четырех лет (52—49 гг. до н.э.), но было воссоздано в 25 г. до н.э., оставаясь таковым до 5 г. н.э. Оно было пожаловано Лю Кану, сыну императора Юаньди (49—33 гг. до н.э.), и передано в 22 г. до н.э. сыну Лю Кана Лю Синю, будущему императору Ай-ди (7—1 гг. до н.э.). Княжества Чжун-шань и Гуан-лин,

упраздненные в 55 и 54 гг. до н.э. были воссозданы — первое в 42 г. до н.э., второе в 47 г. до н.э. Гуан-лин сохранялось затем до конца Ранней Хань. Княжество Цзи-бэй (часть бывшего крупного княжества Ци) прекратило свое существование в 87 г. до н.э. Княжество Цин-хэ (между реками Хуанхэ и Циншуй), учрежденное в 147 г. до н.э. также на территории княжества Ци, было упразднено в 65 г., до н.э. затем на короткое время (с 47 по 43 г. до н.э.) восстановлено.

Колонизация Западных земель продолжалась и после У-ди. Хань основывала там военные поселения и распахивала поля (*тунь тянь*) с целью обеспечить продовольствием войска, торговые и дипломатические представительства, посылаемые в эти края. Первые такие поселения были основаны в Бугуре (Лунь-тай) и Корла (Цюй-ли). Оба оазиса находились к востоку от Кучи (Цю-цзы).

При Чжэн Цзи, занимавшем в 59—49 гг. до н.э. пост наместника (*ду ху*), число военных поселенцев в Корла достигло 1500. Выращиваемое на отведенных полях зерно потреблялось во время походов на Турфан (Цзюй-ши), бывший под властью «сюнну». Заняв эту впадину, Чжэн Цзи сразу создал там колонии, ликвидации которых требовали «сюнну», принявшие несколько попыток вернуть область. В 77 г. до н.э. правитель царства Лоу-лань (Крорайна) предложил Хань плодородные земли Мирана (И-сюнь). Здесь, как и в Лунь-тай, была сооружена система орошения.

Великий шелковый путь

На протяжении многих веков караваны верблюдов, груженые дорогими товарами, выходили через западные ворота города Чанъань — столицы времен китайской династии Тан — и устремлялись за шесть тысяч километров в Европу. Самым главным товаром в этом опасном путешествии по пустыням, степям и горным тропам Центральной Азии был шелк — ценнейшая ткань, технологию производства которой тысячелетиями хранили в тайне китайские мастера. Именно это и побудило немецкого географа и геолога XIX в. Фердинанда фон Рихтгофена назвать караванные пути, связывавшие Восток и Запад, «Шелковыми путями».

Однако караваны везли не только шелк. Веками с Запада на Восток и с Востока на Запад они переправляли большое

количество сырья и других товаров: бронзу, фарфор, шерсть, кобальт. Кроме того, Шелковые пути, простиравшиеся по морю и по суше на запад вплоть до Рима, Венеции и Кадиса, а на восток до Нары (Япония), служили каналом распространения идей, технологий, искусств и религий, способствуя взаимообогащению культур.

Внешние отношения. Усиление племен «цзянов»

Территории вдоль западных и юго-западных границ империи Хань населяли племена «цзян». Хотя преимущественно эти народности концентрировались на нагорьях Тибета и Кукунора, диаспора существовала в Западных краях, Ганьсу, Юньнани, Сычуани. Миграция этих племен с северо-запада на юго-запад была значительной задолго до эпохи Цинь. Ко времени Хань здесь обитали не менее 150 больших и малых племен «цзянь». Одно большое племя Цан-и находилось по соседству с царством Шу и к 94 г. н. э. насчитывало более полумиллиона человек. Еще одно племя, Чжун, обитавшее в области Лунси (на территории современной провинции Ганьсу) по величине было сопоставимо с Цан-и. В совокупности «цзянов», вероятно, было больше, чем «сюнну», но в отличие от последних они не стремились образовать племенной союз; напротив, обнаруживали склонность дробиться и воевали друг с другом.

Ханьский военачальник Чжао Чун-го, много лет прослуживший в Центральной Азии и воевавший с «сюнну», полагал, что в силу обособленности племен «цзянов», пусть они и воинственны, их легко подчинить. Ему же принадлежит идея образования постоянных сельскохозяйственных поселений в целях усиления китайского влияния. Этой задаче служило учреждение поста наместника в Западных землях, на котором находится Чжэн Цзи. Что касается «цзянов», то они, занимаясь ранее скотоводством, научились у китайцев земледелию и выращивали на пограничных землях, в частности в районе Юйгу (на территории современного хошуна Эцзинани провинции Ганьсу), пшеницу.

При императоре У-ди были созданы пограничные области Дуньхуан, Цю-цюань и Чжаньи, с тем чтобы отсечь от «сюнну» «правое крыло» — племя Эрцян (на территории современного Синцзян-Уйгурского Автономного района, к юго-

востоку от Лобнора). К середине I в. н.э. Эрцян как государственное образование утратило былое значение, но в период Ранней Хань поле их влияния простиралось от Дуньхуана на востоке до Памира на западе.

Наиболее раннее документально засвидетельствованное поселение «цянов» на территории Хань относится ко времени правления Сяо Цзин-ди (156—141 гг. до н. э.). Тогда племя «янь», чей вождь носил имя Лю-хэ, испросило позволения охранять границу области Лун-си. Получив разрешение, племя поселилось в пяти уездах области. В правление *Сюань-ди* часть племени Сянь-лин также переправилась через Хуанхэ в Ганьсу и поселилась там, хотя Хань пыталась этому помешать. С конца правления *Ван Мана* масштабы переселения заметно возрастут.

В III г. до н.э. после усмирения крупного восстания «цянов» в Лун-си и в области Цзинь-чэн (к северо-западу от Лун-си), образованной из ряда уездов областей Лун-си, Чжань-и и Тянь-шуй, учредили пост «ху цян сяо-вэя» (коменданта, охраняющего Цян), уполномоченного решать дела, касающиеся «цянов». Он также был обязан рассматривать жалобы своих подопечных, выяснять их нужды на местах, ради безопасности границ поддерживать контакты с внешними цянами. На него же возлагалось образование военных поселений, могущих отражать нападения и гасить волнения. Штат этого чиновника состоял обыкновенно из двух помощников, двух старших писарей, двух военачальников и нескольких переводчиков.

Следующей по значимости являлась должность «шуго дувэя» — военного инспектора зависимых территорий, таких как Шан цзюнь (на территории Ордоса), Чжань-и и Аньдин (на территории Ганьсу), Гуанхань и Цзянь-вэй (в Сычуани). По мере усиления контроля над означенными территориями функции «шуго дувэя» приближаются к функциям генерал-губернатора. Содержание данного чиновника и его штата и сохранение таким способом даннической системы были делом довольно дорогостоящим. Дань, получаемая с Западных земель, символизировала в глазах ханьского двора признание политической зависимости, не представляя реальной экономической выгоды. Для самих же территориальных образований приносимая ими дань служила прежде всего официальным прикрытием торговли. Кашмирские купцы, при том что это княжество не охватывалось даннической системой Хань,

часто снаряжали при императоре Чэн-ди (32—7 гг. до н. э.) посланцев с «данью» в Китай. Тогда и Согдиана (Кан-цзюй), удаленная более чем на 5 тысяч км от Чанъани, добивалась вхождения в эту систему.

«Мягкие» правления Юань-ди и Чэн-ди

Императора Сюань-ди сменил на троне его сын Лю Ши, или Юань-ди (49—33 гг. до н.э.), родившийся от Сюй Пин-цзюнь. Он был объявлен наследником в 67 г. до н.э., когда семейство Хо Гуана было отстранено от государственных дел после смерти этого могущественного сановника.

В правление *У-ди* пожалования производились как вознаграждения за исключительные заслуги. Чжао-ди и Сюань-ди большей частью руководствовались семейно-родственными чувствами. С 82 по 50 г. до н.э. 74 удела «хоу» были пожалованы сыновьям императоров и ванов. В 65—62 гг. до н.э. разыскивали наследников пожалованных в начале правления основателя династии Хань Гао-ди наделов. При несении государственной службы они пользовались определенными привилегиями. При Юань-ди и трех последующих его преемниках был восстановлен ряд княжеств. Владения «хоу» жаловались по большей части сыновьям императоров и ванов. Тремя императорами, включая Юань-ди, было произведено до ста этого рода пожалований, тогда как в награду за службу их было выделено всего шесть и двадцать пять — родственникам жен императоров.

В годы правления Сюань-ди и Юань-ди при дворе стали приобретать влияние и занимать ответственные посты евнухи. Сяо Ван-чжи, советника императора в 59—56 гг. до н.э., резко выступавшего против этого заведения и тем более против приближения его представителей к императору, заставили в 46 г. покончить с собой. Лишь первому советнику императора в 36—30 гг. до н.э. Куан Хэну и другим удалось добиться отстранения евнухов от государственных дел.

В законодательной области Юань-ди и после него Чэн-ди приняли меры по смягчению системы наказаний. С 48 по 7 г. до н.э. восемнадцать раз объявлялась амнистия. В 47—46 гг. и 32 г. до н.э. необходимость амнистии объяснялась желанием императора, вняв небесным знамениям, восстановить космическое равновесие, нарушенное из-за его ошибок. В 34 г. до н.э.

было велено упростить ведение судебных дел и сократить сроки их рассмотрения. В 62 г. Сяо Ван-чжи и в 44 г. до н.э. Гун Юй возражали против предложений заменять откуп от суровых наказаний участием в подавлении восстаний «цянов» на западе.

Чэн-ди (Лю Ао), который родился в 51 г. до н.э., был сыном Юань-ди и императрицы Ван Чжэн-цзюнь. Вскоре после смерти своего деда императора Сюань-ди он был объявлен наследником нового императора. При восшествии на трон ему шел девятнадцатый год.

С определением же его наследника возникали почти непреодолимые трудности. Дети (по крайней мере, мужского пола) от его первой жены Сюй-хоу (недальней родственницы матери Юань-ди, которая была отравлена) рано умирали. Чжао Фэй-янь — фаворитка императора — и ее сестра добились (в 18 г. до н.э.) низложения императрицы Сюй. Через год Чжао Фэй-янь была объявлена императрицей, однако и ей не было суждено произвести на свет ребенка мужского пола. Из двух вероятных претендентов наследником был провозглашен в 8 г. до н.э. внук Юань-ди и его супруги Фу Чжао-и Лю Синь, которому в 22 г. до н.э. был пожалован титул Динтао-вана. Как император он известен под именем Ай-ди и правил с мая 7 г. по август 1 г. до н.э.

Культ и обряды

В правление Чэн-ди были значительно упрощены религиозные обряды. Количество храмов и мест поклонения сократилось до минимума: близ старинного города Юн (у горы Цишань) — от 203 до 15; в провинциях из 683 мест отправления культа осталось 208. Для жертвоприношений с участием императора были воздвигнуты с северной и южной стороны Чаньани храмы Неба и Земли, так что отпала необходимость посещения удаленных от столицы святых мест, таких как Юн, Гань-цюань и Фэнь-инь. Драгоценную утварь заменили крайне неприязнительными глиняными и изготовленными из тыквы сосудами. Ранее (до 40 г. до н.э.) было упразднено совершение обрядов примерно в 200 их 343 столичных и провинциальных храмов предков и мест их почитания.

Для ухода за гробницами императоров принудительно переселялись богатые и знатные семейства. В эпоху Ранней Хань таких переселений почти не наблюдалось. В 20 г. до н.э. Чэн-ди, заботясь о собственной гробнице, распорядился об

указанного рода переселении. Через четыре года переселения были снова отменены.

Правление Чэн-ди ознаменовалось предсказаниями астрологов Гань Чжун-кэ и Ся Хэ-ляна конца времени правления дома Лю.

Хозяйство и государственный аппарат Западной Хань

Вскоре после воцарения *Юань-ди* императоры отказались от чрезмерной роскоши дворцов и пышности выездов, уменьшили количество заповедных парковых зон и озер, сократили личный состав дворцовой охраны. Чиновникам урезали их личные расходы. В 44 г. до н.э. на некоторое время отменили государственную монополию на соль и железо, снизили расходы на императорские угощения.

Пример рачительного хозяйствования показывал Шао Синь-чэнь, бывший губернатором (тай-шоу) Наньяна и пользовавшийся авторитетом при дворе. Он сам не чурался работы на поле, совершал поездки, проверяя наличие запасов воды и поправляя оросительные приспособления. Его старания заметно помогали росту производства продуктов земледелия в области и накоплению запасов зерна. Ему удалось добиться бережливого использования водных ресурсов и предупредить земельные споры, поставив на полях камни с ограничительными надписями. Назначенный в 33 г. до н.э. на должность «шао фу» — начальника налогового ведомства, он настоял на проведении ряда мер по сокращению расходов на содержание двора и экономному ведению дворцового хозяйства.

Другой сторонник хозяйственных реформ Гун Юй, ставший императорским советником в 44 г. до н.э., категорически выступал против государственной мобилизации работников на рудники и на монетные дворы. Он заботился при этом о крестьянах, которым приходилось бы кормить и одевать такую армию из расчета 100 тысяч рабочих дней. По его инициативе в 44 г. до н.э. была отменена государственная монополия на соль и железо, однако ее восстановили через три года. Он добивался даже упразднения денежного обращения, находя в нем источник соблазна для крестьян оставить земледелие, и предлагал взимать налог натурой — зерном и полотном. Чиновники однако не были согласны получать жалование натурой, и отменить денежное обращение не удалось.

К сторонникам реформ принадлежал и занимавший с 7 г. до н.э. пост начальника военного приказа Ши Дань. Он рассчитывал свести к минимуму имущественное неравенство между богатыми и бедными и так же, как ранее философ-конфуцианец Дун Чжуншу, видел способ осуществить это в перераспределении земельных наделов, ограничении их размеров и количества подневольных работников. Данные предложения после их обсуждения были приняты, но влиятельные кланы, такие как Фу и Дин, к которым принадлежали жены императора и чьи интересы здесь затрагивались, выступили против, и реформа не была осуществлена.

В 109 г. до н.э. ремонтировали плотины на Хуанхэ. В 95—66 гг. до н.э. принимались меры по уменьшению напора воды, однако в 39 и 29 г. до н.э. случились крупные прорывы, а в 30 г. до н.э. сильные наводнения вызвали панику в столице. Вина при этом была возложена на императорского советника Инь Чжуна, поплатившегося в результате жизнью. Тогда население опасных районов эвакуировали по воде. Построили ряд новых плотин с отведением воды в запасное русло. По этому случаю 28—25-е годы до н.э. в правление императора Чэн-ди получили название «эры Усмирения реки».

Последние правители династии Западной Хань

Конец правления династии Западной Хань был омрачен ожесточенной борьбой за престол различных группировок приближенных к императору лиц. Интриги и козни, инициируемые из женской половины дворца ради благополучия семейств императорских жен и наложниц, в какой-то мере касались и престолонаследия. После Чэн-ди царствовал Ай-ди (Лю Ин, 6—1 гг. до н.э.), который известен указом об ограничении земельных владений в одних руках 30 *цин* (ок. 138 га) и числа рабов, которое зависело от статуса владельца: сановникам позволялось держать до 200 рабов, мелким служащим и «простолюдинам» — несколько десятков. Но попытка провести указ в жизнь встретила решительное сопротивление крупных землевладельцев, и императорским же декретом действие его было приостановлено.

Другой претендент на императорский трон — Лю Син, сын Юань-ди и Фу Чжао-и (ему в 23 г. до н.э. было пожало-

вано княжество Чжуншань) умер в сентябре 8 г. до н.э., но сын его Лю Цзи-цзы стал через недолгое время императором Пин-ди (1 г. до н.э. — 6 г. н.э.).

На решение государственных дел в правление Чэн-ди все более оказывал влияние род Ван со стороны вдовствующей императрицы Ван-тайхоу, брат которой Ван Фэн в 32 г. до н.э. был назначен главнокомандующим (*да сима*), ведающим также императорской канцелярией. В этой функции Ван Фэна по очереди сменили четыре представителя семейства Ван. Последним из них был Ван Ман, племянник императрицы Ван Чжэн-цзюнь, вступивший на высокий пост за несколько месяцев до смерти Чэн-ди.

В отношении направленности внутренней политики следует отметить влияние сановников Куан Хэна, который убеждал вступившего на престол императора подражать лучшим представителям династии Чжоу, и Ши Даня, назначенного в 7 г. до н.э. главнокомандующим. Именно он попытался ввести ограничения на размеры собственности. В том же ключе было предложено сократить промышленное производство на государственных предприятиях.

Что касается внешних отношений, в последние пять десятилетий Ранней эпохи Хань не осуществлялось экспансии. «Сюнну» также не представляли угрозы. Правители соседних и дальних княжеств время от времени навещали Чанъань. Князь Кучи бывал здесь и при Чэн-ди, и при Ай-ди. Вместе с сюннским шаньюем приезжал к ханьскому двору правитель племен «усуней». Военные поселения в Центральной Азии, однако, сохранялись, так же как и пост коменданта (*сяо вэя*) в Турфани, открытой для проникновения «сюнну».

ФИЛОСОФСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ РАННЕЙ ХАНЬ

Дун Чжун-шу

Философ-конфуцианец ханьской эпохи Дун Чжун-шу (ок. 176—104 гг. до н.э.), занимаясь комментированием летописи «Чуньцю», извлек из этого текста собственную теорию взаимного соответствия природных и социальных явлений. По учению Дун Чжун-шу, все возникает из «первоначала»

(юань), образуется из энергетической субстанции *ци* и следует *дао* (Пути-принципу). Учение о *инь* и *ян* (полярных силах) и теорию «Пяти начал» (*у син*) он ввел в конфуцианство. Природной силе *ян* (светлой, положительной, деятельной) соответствует нравственная сила *дэ*; силе *инь* (скрытой, отрицательной, пассивной) соответствуют наказания.

Катастрофические природные явления и процессы в обществе связаны причинно-следственным образом. Стихийные бедствия вызываются безнравственными поступками людей либо служат предостережением от ошибочных действий. Всю историю человеческого общества Дун Чжун-шу рассматривает как непрерывность смены «трех правлений», символизируемых тремя цветами (черным, белым и красным), и тремя нравственными качествами — верностью (*чжун*), почтительностью (*сяо*) и образованностью (*вэнь*). При каждом правлении следовало отдавать предпочтение соответствующему цвету одежд.

По предложению Дун Чжун-шу была основана первая государственная академия, призванная готовить управленческие кадры, а его сочинения способствовали превращению конфуцианства в государственную идеологию.

Инь и ян

Инь и ян суть две главные и всеохватывающие космические и природные силы согласно китайской философии. *Инь* — там, где тень, сумрак, холод, влага, женское, внутреннее; *ян* — где свет, солнце, тепло, сухость, мужское, внешнее. Благодаря смене и постоянному взаимодействованию этих двух сил возникают и исчезают все вещи.

Впервые упоминания об *инь* и *ян* встречаются в текстах, относящихся к IV в. до н.э., но несомненно эти представления существовали гораздо раньше. Они оказали всестороннее влияние на философские, естественнонаучные, космологические и медицинские теории в Китае. Вместе с учением о «Пяти началах» положения об *инь* и *ян* были восприняты как конфуцианством, так и даосизмом.

«Пять начал»

Принятое в китайской философии представление о дереве, огне, земле, металле и воде как универсальных

сущностях нашло воплощение в понятии «Пять начал», (кит. у син — «пять перемещений»). Теория «Пяти начал» возникла не позднее IV в. до н.э. В отличие от античной теории пяти стихий в китайской философии делается акцент не на самих субстанциях, а на существующих между ними отношениях. Последние бывают чрезвычайно многообразными.

Одно начало «порождает» другое: дерево — огонь, огонь — землю (после сгорания остается зола), земля порождает металл (добываемый из горных пород), металл — воду (ночью на металлических предметах оседает роса; плавясь, металл становится жидким), вода порождает дерево (поскольку способствует росту растений). Начала вступают также в отношения взаимопреодоления: дерево побеждает землю (например, при ее вскапывании деревянным заступом «лэй»), металл побеждает (рубит) дерево, огонь побеждает (плавит) металл, вода побеждает (гасит) огонь, земля побеждает воду (образуя дамбу).

«Пять начал» выступают также в роли классификационной матрицы. Они приводятся в соответствие со сторонами света, временами года, запахами, музыкальными и цветовыми тонами, с нашими внутренними органами и т.д. К ним прибегают при объяснении и обосновании всего, что происходит в природе, обществе и человеке. В эпоху Хань теория «Пяти начал» стала частью конфуцианской философии (например, у Дун Чжун-шу). До сих пор она применяется в традиционной китайской медицине, сочетаясь с теорией инь и ян.

Бай-ди

Бай-ди (Белый император) — божество, которому поклонялись в царстве Цинь и совершались жертвоприношения на алтаре Фучжи. Бай-ди — один из пяти небесных императоров, олицетворяющих, согласно утвердившимся к концу I тысячелетия до н.э. представлениям, космический порядок. Правление Бай-ди соотносится с господством стихии металла и планетой Венера. Другое имя «Белого императора» — Шаохао. Данная концепция смены правления *Пяти императоров*, очевидно, и сложилась в царстве Цинь, но приобрела законченную форму в эпоху Хань.

Сыма Цянь

Китайский историк Сыма Цянь (145? — ок. 86 гг. до н.э.) родился в семье придворного историографа Сыма Тяня в Сяйне (близ современного города Ханьчэн провинции Шэньси). Он рано получил широкое образование (учился у *Дун Чжун-шу* и у потомка Конфуция Кун Ань-го), затем совершил длительное путешествие, побывав в разных районах Китая. Умирая, отец Сыма Цяня завещал ему завершить труды, не оконченные им самим. Сын унаследовал должность отца и написал, помимо других сочинений, свой главный труд — «Исторические записки» («Ши цзи»), объемлющие историю Китая от ее сохранившихся в преданиях истоков и до царствования ханьского императора У-ди.

В 99 г. до н. э. Сыма Цянь заступился за впавшего в немилость военачальника (Ли Лина), который потерпел поражение от «сюнну», и тем самым навлек на себя гнев императора, был брошен в тюрьму и оскотлен. Несмотря на пережитый позор, он по освобождении продолжил работу над «Историческими записками». Сыма Цянь является создателем жанра династийных историй, а его сочинение, будучи ценнейшим историческим источником, отличается также высокими литературными достоинствами.

Ян Сюн

Ян Сюн (53 г. до н.э. — 18 г. н.э.) являлся ярким выразителем неортодоксального конфуцианства. Его философия состоит из причудливого переплетения элементов *даосизма* и *конфуцианства*. Его основные сочинения: трактат «Фа янь» («Образцовые изречения»), где он критиковал воззрения школы «*инь — янь*», и «Тайсюань цзин» (Канон Великого Сокровенного), построенный, как и «И цзин», на толковании древних чисел-символов. Их в сочинении Ян Сюна — 81, поскольку они состоят из трех типов черт (*инь, ян и ци*), по четыре в каждом символе.

Понятие *дао* Ян Сюн понимал скорее материалистически: «естественное *дао*» всего сущего таково, что имеет начало и конец. В этике и конфуцианском понимании «пяти установлений» он был последовательным конфуцианцем, однако полагал, что добро и зло равно присущи человеческой природе и характер человека определяется более воспитанием, чем какими-либо врожденными качествами.

Бань Гу

Бань Гу — китайский историограф (32—92 гг. н.э.), брат полководца Бань Чжао. Еще в раннем возрасте Бань Гу обнаружил ярко выраженные склонности к занятиям литературой и историей. Будучи в должности императорского историографа, он взял на себя труд продолжения и завершения начатой его отцом (Бань Бяо) «Истории периода Западной Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.)» — «Ханьшу». Этой работе он посвятил более двадцати лет жизни.

Наряду с этим главным сочинением, упоминаются также некоторые литературные его произведения, в частности, «Бо ху тун», или «Бо ху тун и» («Подробные разъяснения из Зала Белого Тигра»). Это сочинение восходит к спору, который вели ученые-конфуцианцы в 79 г. н.э. в «Зале Белого Тигра» во дворце императоров династии Хань и который должен был разъяснить различия во взглядах на классические конфуцианские тексты. «Бо ху тун» содержит главным образом объяснения специальных терминов, употребляемых в классических китайских текстах.

Ван Чун

Ван Чун (27 — ок. 100 гг. до н.э.) был философом-конфуцианцем, с ярко выраженным материалистическим мышлением. Происходил из простой и небогатой семьи, жившей в уезде Шаньюй области Гуйцзи (современная провинция Чжэцзян). Должности, которые занимал Ван Чун у себя на родине, были незначительны. После обучения в столичной Высшей школе в Лояне он оставил службу, чтобы целиком отдаться работе над философским трактатом, получившим название «Лунь хэн» («Критические рассуждения») и ставшим главным его сочинением. Другие его труды, перечисленные в «Хоу Хань шу» («Истории поздней династии Хань», составленной в первой половине V в. н.э. историком Фань Е), утрачены.

Ван Чун резко критиковал официальное конфуцианство и господствовавшие в его время религиозные представления. Он отклонял понимание неба как божества и объяснял существование природы самой природой. По его теории, все возни-

кает из взаимодействия сил *инь* и *ян* и в результате сгущения энергетической субстанции *ци*, обладающей определенными свойствами. Рождение и смерть представляют собой естественные процессы. Душа человека умирает вместе с ним, поэтому бессмертие и существование духов невозможны.

Наше знание зависит от ощущений и является результатом работы ума. Врожденного знания не существует. Также и Конфуций не обладал каким-либо сверхъестественным даром. Решающую роль в судьбе государства играет материальное положение народа. Его бедствия приводят к восстанию и смутам. Материализм Ван Чуна был, однако, окрашен элементами фатализма.

ЗАКАТ ЗАПАДНОЙ ХАНЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

После кончины императора Ай-ди на престол в 1 г. до н.э. был возведен сын Лю Сина Лю Цзи-цзы, родившийся в 9 г. до н.э. и вошедший в историю под именем Пин-ди. Он умер в 6 г. н.э., будучи женат на дочери Ван Мана. Поскольку по линии Юань-ди иных наследников не оказалось, выбор правящей элиты пал на двухлетнего праправнука Сюань-ди Лю Ина. В апреле 6 г. н.э. он был объявлен наследником и получил довольно необычный титул «жу цзы», ничего, кроме младенческого возраста его носителя, по-видимому, не означающий.

Ван Ман

В 9 г. н.э. группа сановников совершила государственный переворот и возвела на престол Ван Мана — родственника жены одного из предыдущих императоров Юань-ди (48—33 гг. до н.э.). В китайской историографии Ван Ман выступает в качестве узурпатора престола китайских императоров (9—23 гг. н.э.). Он получил конфуцианское образование, но пробил себе дорогу с помощью интриг и устранения своих противников.

В свое время дед Ван Мана Ван Хэ занимал незначительный пост в канцелярии главы столичного судебного приказа. Его дочь Ван Чжэн-цзюнь, родившаяся в 71 г. до н.э., хотя и была взята в 54 г. до н.э. в гарем Сюань-ди, вскоре оказалась переведена в «задние покои» наследника, будущего

императора Юань-ди. Чжэн-цзюнь родила в 51 г. до н.э. Лю Ао (впоследствии императора Чэн-ди) и 12 апреля 48 г. до н.э. стала императрицей. Вероятно, Ван Ману не довелось бы занять императорский трон, если бы ее жизнь не оказалась долгой (она скончалась 3 февраля 13 г. н.э.). Отцу Ван Чжэн-цзюнь в апреле 48 г. до н.э. был пожалован титул «хоу». Ван Ман родился в 45 г. до н.э. Его отец Ван Вань приходился братом императрице, но он умер, не успев возвыситься, как другие его братья. Дядя Ван Мана Ван Фэн занял пост главнокомандующего, переходивший по очереди к его двоюродному брату Ван Иню и родному брату Ван Шану. Затем этот пост занял другой брат, Ван Гэнь, который оставил его в ноябре 8 г. до н.э. Тогда главнокомандующим был назначен Ван Ман, прежде просто занимавший различные почетные должности.

При императоре Ай-ди, когда род Ван Мана оказался в немилости, уступая влияние родам Дин и Фу матери и бабки императора, Ван Ману пришлось уйти в отставку и удалиться от двора. Во 2 г. до н.э. Ай-ди позволил ему вернуться в столицу. После же смерти Ай-ди, когда обеих соперниц Ван-тайхоу также уже не было в живых, Ван Ман вернулся во дворец.

В октябре 1 г. до н.э. на престол был возведен Лю Цзицзы (9 г. до н.э. — 6 г. н.э.). Обладая фактической властью, Ван Ман развил кипучую деятельность. Он проявил заботу об образовании в провинции, расширил Академию, собрал в столице ученых, где они обсуждали классические тексты, природу небесных явлений и предзнаменований, характеристики музыкальных тонов и звучащих трубок, языковые и стилистические проблемы. По его распоряжению была проложена дорога от долины Вэйхэ сквозь горные хребты на юг до Сычуань. Было обеспечено спокойствие границ. В марте 4 г. н.э. дочь Ван Мана стала супругой императора. В 6 г. н.э. Ван Ман занял положение регента при посаженном им же на трон малолетнем наследнике Лю Ине. Лю Инь не был официально провозглашен императором, и в течение трех лет Ван Ман оставался регентом (*цзюй шэ*). Через два года он сместил и этого последнего представителя династии Западной Хань и занял императорский трон. Свое решение занять престол он обосновывал тем, что господство стихии Огня, под знаком которой правил дом Хань, закончилось, и что династия, которой он сам будет основателем, воцарится под знаком Земли.

Вдовствующая императрица Ван издала указ, именующий Ван Мана *да цзянцзюнем* — главнокомандующим, фактически регентом, а через три месяца ему был присвоен титул исполняющего обязанности императора. Расценив это как узурпацию власти, против выступили представители царствующей фамилии. Однако предпринятое малыми силами в начале лета 6 г. н.э. восстание было подавлено.

В октябре 7 г. н.э. выступление возглавил Чжай И, сын известного тогда государственного деятеля. Он провозгласил императором одного из представителей рода Лю, назначил сановников и обвинил Ван Мана в отравлении Пин-ди. Кроме того, вспыхнуло восстание близ столицы. Ван Ман поспешил заявить, что по достижении наследником совершеннолетия, он передаст бразды правления ему. В течение трех месяцев восстание было ликвидировано. Затем, 10 января 9 г. н.э. узурпатор объявил о конце династии Хань, сам воссел на престол, положив начало новой династии Синь («Обновление»).

Ван Ман держал под неусыпным надзором деятельность административного аппарата и в отношении соблюдения законов не делал снисхождения и своим сыновьям. Власть его казалась прочной, за 10—20-е годы н.э. не было отмечено ни одного заговора. Однако на короткий период его регентства и правления пришлось крупные природные и затем социальные катаклизмы.

Река Хуанхэ в своем течении несет большое количество лёсса, который, когда река достигает Великой равнины, оседает на дно, — и за несколько столетий оно подымается выше уровня местности. Между 3 и 5 гг. н.э. Хуанхэ прорвала плотины и разделилась на два рукава, продолжая течь на север (где она впадала в Бохайский залив в районе современного Тяньцзиня) и направив еще один мощный рукав на юго-восток к Хуайхэ. В 11 г. н.э. река полностью покинула прежнее северное русло и перенесла рукав туда, где находится ее нынешнее русло северней Шаньдунского полуострова. Новый, южный рукав, удастся отсечь лишь в 70 г.

Количество жертв двух случившихся наводнений было несомненно огромным. Те, кто остался в живых, устремились за пределы районов бедствия. На Шаньдунском полуострове, запруженном вследствие этого исхода, люди оказались зажатыми между двумя рукавами реки и обреченными на голод.

Лишенные также крова, они объединялись в группы, количество которых стремительно росло. Постепенно они слились в громадную, плохо организованную, но почти неодолимую армию, движущуюся подобно лавине по полуострову, учиняя разбой и творя насилие. Приказ Ван Мана в 18 г. о мобилизации войск для усмирения этой «стихии» не возымел действия. В 21 г. император снарядил крупную армию, которая вошла зимой в Шаньдун, но подверглась разгрому со стороны повстанцев, именуемых позже «краснобровыми».

Реформы Ван Мана

Будучи императором, Ван Ман проводил реставрационную политику с заметно выраженными утопическими оттенками, причем за образец он взял «Чжоускую книгу обрядов» («Чжоули»). Так, он пытался вернуть вместо принятых тогда топонимов и обозначений рангов знатности те, которые употреблялись в эпоху Чжоу; ввести опять монеты Чжоуской династии; обеспечить путем расширения государственной монополии львиную долю хозяйственных доходов государству.

В числе преобразований, к которым приступил Ван Ман, придя к власти в 9 г. н.э., были передача земли в собственность государства, запрет торговли землей и рабами, превращение частных рабов в лично-зависимых работников (*сы шу*). Он попытался также восстановить древнюю систему общинного землепользования «цзин тянь» («колодезных полей»), при которой площадь пахотной земли в 900 му (54 га) делилась на 9 равных участков по 100 му (6 га) таким образом, что длинные межи участков, пересекаясь, образовывали большой знак цзин («колодец»). Такая площадь отводилась на 8 семей, по одному участку каждой семье. Центральный участок, урожай с которого шел в счет налога государству, обрабатывался всеми вместе. В этой реформе Ван Ман потерпел неудачу, как и в денежной, состоявшей в понижении стоимости денежных знаков и в том, что представители знати от «хоу» и ниже были обязаны обменивать золото на деньги меньшей стоимости. Главным образом по этой причине Ван Ман не удержался на троне.

При Ван Мане была перестроена административная система и введены новые звания. В 10 г. была установлена государственная монополия на торговлю крепкими напитками, соль и

железные орудия, на монетную чеканку и доходы с «гор и болот». Последнего рода поборы, взимаемые с рыбаков, охотников и дровосеков, являлись личной прерогативой императора.

Цены на основные предметы потребления — зерно, полотняные ткани и шелк — регулировались через механизм государственных продаж и закупок. Для этой цели были устроены правительственные склады в пяти крупных городах. Охотники, шелководы, ремесленники и представители разных профессий должны были платить налог в размере десятой части доходов. Наконец, в 16 г. н.э. были изданы постановления об увеличении или уменьшении жалования чиновников в зависимости от урожая года.

Все эти меры не были совершенно новыми и для эпохи Хань, действуя в той или иной форме. Политика Ван Мана ввергла страну в экономический и политический хаос и встретила массовое противодействие. В результате Ван Ман был свергнут в 23 г. народным восстанием «Красных бровей», а его реформы были отменены в 22 г., не будучи осуществлены в условиях гражданской войны и смуты.

Внешние отношения в правление Ван Мана

В 12 г. н.э. народности, населявшие область Цзан-гэ, взбунтовались, и был убит китайский губернатор. Через два года местные племена восстали в области И-чжоу (Юньнань). Ван Ман назначил здесь нового губернатора, который постепенно восстановил спокойствие.

Сюннуский правитель-шаньюй Хуханья, нанесший в 33 г. до н.э. третий визит к императорскому двору (ранее он бывал там в 51 и 49 гг. до н.э.), принял тогда в подарок от китайского императора пять красавиц из его гарема. В их числе была Ван Чжао-цзюнь, которая родила двух сыновей. Один из них, Итучжия-ши, стал затем шаньюем. От преемника Хуханьи, женой которого она стала по обычаю «сюнну», Чжао Цзюнь родила двух дочерей. Одну из них звали Юнь, и Ван Ман привез ее во 2 г. н. э. в Китай, приблизив к вдовствующей императрице Ван. К «сюнну» она возвратилась убежденной сторонницей китайского влияния, как и ее муж, влиятельный представитель местной знати, и ее сводный брат Итучжия-ши.

Правивший же в это время шаньюй племен «сюнну» был настроен против Китая, с которым в 9 г. «сюнну» возобно-

вили войну. Ван Ман мобилизовал 300-тысячную армию, набрав солдат из областей вдоль северной границы, и этого было достаточно, чтобы кочевники воздерживались от крупных нападений. Китайский император оказал денежную поддержку сводному брату правившего шаньюя Сяню, который был в 11 г. объявлен шаньюем в пику законному правителю, вызвав тем самым раскол в лагере «сюнну». Одолеть правившего шаньюя он не смог, но остался наследником престола.

В 12 г. «сюнну» вновь стали предпринимать мелкие нападения. Ван Ман казнил тогда сюннуского княжича, пребывавшего в Чанъани в качестве заложника. На следующий год Сянь сел править степной империей, и до его смерти в 18 г. сохранялся мир. Новый шаньюй убил Итучжия-ши, которому предстояло стать шаньюем после него. В 19 г. был совершен очередной набег, военные действия, однако, не возобновились. Очередной дипломатический маневр Ван Мана противопоставить одному правителю другого, которым теперь стал муж упомянутой выше Юнь, ни к чему не привел, ибо тот вскоре умер.

В 13 г. к западу от Турфани по Шелковому пути восстал Карашахр (Яньци). Там убили «ду ху» — главнокомандующего Западных земель. В 16 г. в этот оазис отправили карательную экспедицию, и хотя китайские войска понесли значительный урон, оставшиеся силы атаковали город и истребили часть населения.

Западные земли империя Хань утратила во время гражданской войны, уже после смерти Ван Мана, которому ранее удалось расширить китайскую территорию в направлении Кукунора. На востоке он разбил в 12 г. государство Когурё (Гао-гоу-ли) на Корейском полуострове.

Восстание «Красных бровей»

Такое название получило мощное народное восстание в Китае в 18—27 гг. под предводительством Фань Чуна по отличительному знаку повстанцев, окрасивших в решительной битве свои брови в красный цвет. По этому опознавательному знаку повстанцев стали называть «краснобровыми» (*чи мэй*). Других знаков отличия у них не было. Вожди присваивали себе те ранги низших чиновников, какие знали. Главным очагом возмущения стала нынешняя провинция

Шаньдун, откуда восстание охватило весь Северный Китай. К восставшим примкнули большие отряды из других местностей. В 21 г. повстанцы Фань Чуна разбили правительственные войска, высланные на их усмирение. Неимоверно разросшаяся армия повстанцев распалась на несколько соединений, самостоятельно орудовавших и постепенно приближавшихся к благополучному в сельскохозяйственном отношении Наньяну, расположенному между горами Циньлин и Хуай (Дабешань). Здесь сосредотачивались владения около двух десятков знатных местных родов и несколько ответвлений многочисленного рода Лю, происходивших от Сяо Цзинди. Сюда также хлынул после сильнейшего наводнения поток беженцев с Великой равнины, и землевладельческие кланы, дабы пережить смутное время, укрывались за стенами укрепленных местечек, обороняясь от набегов при поддержке своих сторонников.

В начале 22 г. обстановка в Наньяне была относительно спокойной, но к югу от этой области действовали вооруженные группы воодушевленных успехами крестьян, так называемые «отряды из Синь-ши (*Синь-ши бин*)», и отряды с Нижней Янцзы. Этими соединениями командовали несколько неграмотных или полуграмотных предводителей и горстка землевладельцев.

Летом того же года отряды из Синь-ши пришли на территорию Наньяна. На юге области крестьянские вожаки сформировали свои отряды, именуемые «отрядами из Пин-линя». Среди них находился представитель рода Лю в Наньяне Лю Сюань. Именно в Наньяне не удалось из-за отсутствия массовой поддержки возбудить возмущение против Ван Мана в 6 г. н.э. Ныне же с востока вот-вот должны были подоспеть «краснобровые». Уцелеть под напором множества голодных полчищ землевладельцы могли, лишь направив этот натиск, массовое недовольство в целом против Ван Мана.

В 23 г. отряд представителя ханьской императорской фамилии Лю Сюаня, объявленного императором, занял город Чанъань — столицу империи. *Ван Ман* был казнен, но «краснобровые» отказались признать Лю Сюаня и в 25 г. завладели Чанъанью. Однако через год их выгнал оттуда голод. В ожесточенных боях войска еще одного представителя императорского дома Лю Сю (Гуан У-ди) нанесли повстанцам решающие удары. Окончательно народная война закончилась поражением восставших в 28 г.

Лю Бо-шэн

Непререкаемым авторитетом среди недовольных в Наньяне пользовался Лю Янь, или, как его уважительно называли, Лю Бо-шэн, потомок Сяо Цзин-ди в шестом колене. Ветвь эта, однако, была захудалой: отец Лю Яня дослужился лишь до чина уездного начальника, мать принадлежала к состоятельному землевладельческому роду в Наньяне. Из двух младших братьев по имени Чжун и Сю последнему суждено будет стать основателем Поздней династии Хань.

Лю Бо-шэна в его намерении поддержал влиятельный в области род Ли. Осенью 22 г. поднялись крестьяне в ряде деревень, объединив затем силы. Лю Бо-шэн связался с отрядами из Синь-ши и Пин-линя. Теперь его поддержали несколько землевладельческих семейств в Наньяне. При небезуспешном поначалу выступлении на север области он столкнулся с местными подразделениями на службе Ван Ману и был разбит. Однако положение удалось спасти, убедив предводителей вступивших в Наньян отрядов Нижней Янцзы примкнуть к наступающим. Зимой 23 г. объединенными усилиями Лю Бо-шэн одержал решительную победу над войсками Ван Мана, а затем еще одну, и наконец большая часть области оказалась в руках повстанцев. Теперь Лю Бо-шэн готовился приступить к осаде главного ее города Вань. По всей стране разослали глашатаев, доказывавших необходимость свержения Ван Мана и перечислявших его «преступления». Момент представлялся удобным для провозглашения нового императора и узаконения восстания.

Но предводители крестьянских отрядов опасались, что, посадив на престол Лю Бо-шэна, они утратят собственное влияние. Выгодней казалось выставить своего претендента. Было решено объявить императором командовавшего одним из отрядов Пин-линя Лю Сюаня, и 11 марта 23 г. тот воссел на трон. Первый правитель династии после ее возрождения, он не стал тем не менее ее основателем, не получил посмертного имени и остался в истории под именем Гэншиди — «императора Эры обновления».

Лю Бо-шэна, которому был отведен пост «дасыту» — главного советника по делам воспитания и образования, бывшие сторонники постепенно покинули. Осажденный главный город Наньяна весной 23 г. взят еще не был, однако повстанцы

ввели в соседний Инчуань на северо-востоке экспедиционный корпус, с которым отправился Лю Сю, оставшийся в живых брат Лю Бо-шэна. Хотя для него и была определена должность начальника обрядового приказа (*тай-чана*), его военный пост оставался не слишком высоким.

Падение Ван Мана

Ван Ман сосредоточил под Лояном значительные силы, которые вошли в Инчуань с севера, оттеснили войска Хань назад в Куньян и осадили этот город. Лю Сю с частью подчиненных удалось ночью выбраться из окружения и срочно набрать солдат в ближайших уездах. Эти и оставшиеся в Куньяне силы нанесли в начале июля войскам Ван Мана полное поражение. Через три дня был взят Вань, и Гэнши-ди вошел в этот город. Против *Лю Бо-шэна*, чье соперничество казалось Лю Сюаню опасным, были сфабрикованы обвинения, и его казнили в Наньяне.

Положение Ван Мана стало критическим. Представители высшей администрации, в числе которых находился советник Ван Мана Лю Синь, сын Лю Сяна (79—8 гг. до н.э.), способствовавшего в правление Юань-ди разнообразным реформам, готовили заговор. Этот заговор был предупрежден, однако в областях чиновники стали переходить на сторону Гэнши-ди. Мелкие восстания вспыхивали на северо-западе, в Сычуани, по нижнему течению реки Ханьшуй, на Нижней Янцзы и на севере Великой равнины.

Когда войска Хань подходили к Чанъани, крупные кланы в ближайших к столице уездах вместе со своими сторонниками взяли ее в кольцо. 4 октября разношерстные толпы ворвались через северные ворота у восточной стены и, преодолевая сопротивление, приблизились к дворцу Вэй-ян. На следующий день к восставшим присоединились жители столицы и ворвались во дворец. Сторонники императора, оборонявшие его на «Омываемой Водами Террасе» были смяты толпой и убиты на месте, как и сам Ван Ман.

Правление Гэнши-ди и его падение

Вскоре пал Лоян, который стал столицей Гэнши-ди, не оправдавший, однако, надежд вождей «краснобровых». В новой

столице им пожаловали титулы «хоу», и так как более не обращали никакого внимания, вожди вернулись к своим отрядам.

Между тем Гэнши-ди решил перенести столицу в Чанъань, к чему его подталкивала аристократическая прослойка Наньяна, намереваясь отдалить императора от крестьянских вождей и усилить свое влияние. Те же выступали против перенесения столицы в такое место, откуда невозможно отступить в случае вторжения противника.

В марте 24 г. Гэнши-ди осуществил задуманное и позволил аристократической верхушке под предлогом изменения системы управления ошутимо ограничить полномочия вождей повстанцев и удалить их из столицы. Хотя они по-прежнему командовали императорскими войсками, к императору их не допускали. В самой аристократической прослойке тоже возникли разногласия и образовались две соперничающие партии.

В конечном счете Гэнши-ди утратил власть над большей частью охваченной восстанием территории. Лю Сю при этом собрал армию и, владея плодородной северной частью Великой равнины, прервал отношения с Гэнши-ди. «Краснобровые», со своей стороны, возобновили наступление. Разделясь на три отряда, разными маршрутами они поднялись к Гуаньчжуну, соединились на возвышенности и стали подступать к столице, нанося поражения императорским войскам.

Вожди «краснобровых» и небольшая часть аристократии сговорились поставить своего императора и так узаконить собственное положение. Из трех потомков Гао-ди, захваченных ими в Шаньдуне, они выбрали, бросив жребий, малолетнего Лю Пэнь-цзы и в июле или августе 25 г. возвели его на престол.

Армия, отправленная Лю Сю, тоже подошла к Чанъани, где противоречия между предводителями крестьян и аристократией привели к открытому столкновению. Вожди с остатками отрядов были выбиты из столицы и примкнули к «краснобровым». Последние в октябре вошли в столицу. Гэнши-ди ускакал верхом, но был схвачен одним из прежде служивших ему и ~~возвращен~~ возвращен в Чанъань. Отрекшись от престола, он передал императорские печати Лю Пэнь-цзы и был пожалован титулом вана. 5 августа 25 г., намереваясь войти в Лоян, Лю Сю объявил себя императором. В ноябре 27 г. он вступил в этот город и сделал его своей столицей. Став основателем *Поздней династии Хань*, Лю Сю вошел в историю под именем *Гуан У-ди*.

Поражение «Красных бровей» и окончание гражданской войны

«Краснобровые» к весне 26 г. израсходовали продовольственные запасы в Чанъани и были вынуждены снова отправиться в странствия по чужим и бесприютным местам. Разграбив и частью спалив город, они вскрыли императорские гробницы, извлекли оттуда все, что могли, и ушли на запад в малолюдные негостеприимные края к северу от верховьев Вэйшуй. Ослабленные суровыми испытаниями, повстанцы были разбиты военачальником Вэй Ао, полным хозяином юго-восточной части нынешней провинции Ганьсу, и сотнями гибли из-за рано наступивших морозов и снежных бурь. Повернув обратно, «краснобровые» снова вошли в Чанъань, но покинули эту столицу в январе 27 г., надеясь опять овладеть Великой равниной. При выходе из горного ущелья, в марте, они были встречены превосходящими силами Гуан У-ди и через два дня сдались без боя.

Гуан У-ди же предстояло утвердиться на троне. В северной части Великой равнины вновь вспыхнули восстания, продолжавшиеся до 29 г. Потребовалось не менее пяти лет (с 26 по 30 г.) регулярных походов, чтобы захватить южную часть этой области и Шаньдунский полуостров. Горячие битвы шли за Наньян, родной край императора. Долина реки Ханьшуй в нижнем течении была усмирена лишь к 29 г. После многих побед Гуан У-ди признали Сыном Неба правители разного уровня к югу от Янцзы. Еще дольше отстаивал независимость Вэй Ао на востоке Ганьсу. Император объединился против него с Доу Жуном, удерживавшим северо-западный коридор этой провинции. Боевые действия продолжались до 34 г.

Самым сильным потенциальным противником ханьского императора был Гунсунь Шу, поставленный Ван Маном правителем области на территории Сычуани и провозгласивший себя в 24 г. Шу-ваном, а на следующий год — императором. Территория под его властью была значительной — от гор Циньлин на севере до Янцзы на юге, от юго-восточной окраины Тибета на западе до ущелий в среднем течении Янцзы на востоке. В момент, который мог оказаться благоприятным, Гунсунь Шу не решился выступить против Гуан У-ди. Тот же проявлял крайнюю осторожность в обращении со своим соперником, но в 34 г., когда остальная часть Китая

была подчинена, ханьский император приступил к завоеванию этой южной территории.

Весной 35 г. военные суда Хань подошли против течения к теснине Янцзы, где в целях обороны был наведен плавучий мост с башнями, соединявший укрепления на обоих берегах реки. Мост легко оказалось поджечь и, когда он разрушился, путь на территорию Шу по воде и по суше был открыт. Продвижение по пересеченной местности было медленным, и к столице Шу Чэнду ханьские войска подошли только в декабре 36 г., когда продовольствия оставалось всего на неделю. Командующий силами собирался уже отказаться от наступления и отойти, как Гунсунь Шу предпринял 24 декабря вылазку, был ранен в бою и ночью скончался. На следующий день город сдался.

Правление Гуан У-ди. Начало Поздней Хань

Вступив на престол, Гуан У-ди (26—56 гг.) стал восстанавливать уделы, упраздненные Ван Маном. Необходимо было разыскать их владельцев, низведенных до положения простых общинников, либо наследников. К 37 г. количество владений «хоу» достигло 137. В это число вошли вновь созданные специально для родственников императора уделы, и все же восстановлено было менее половины от существовавших прежде. Сначала император воссоздал и многие из прежних княжеств (*ван го*), коих в 5 г. н.э. насчитывалось 23, а также образовал семь новых — для родственников.

По окончании же гражданской войны, не имея более нужды в постоянной поддержке со стороны отпрысков ранее правившего дома, он упразднил княжества, понизив их владельцев до ранга «хоу», за исключением трех уделов, пожалованных Лю Ляну, его дяде и двум своим племянникам, Лю Чжану и Лю Сину, сыновьям Лю Бо-шэна. Им был оставлен титул «гуна». Эти три удела в 43 г. вновь стали княжествами. Император возвысил также своих сыновей, пожаловав в 39 г. им титулы «гуна», и дочерей, сделав их княжнами. Сестры же его еще ранее стали княгинями.

Со стороны *ванов* императоры и их окружение опасались, однако, соперничества и попыток отнять власть, прибегая при этом даже к колдовству. После смерти Гуан У-ди трое его сыновей будут обвинены в измене и два из них покончат с собой.

После того как Лю Бо-шэн был устранен, сильные землевладельческие кланы Наньяна из претендентов на престол поддерживали Гэнши. Они встали на сторону Гуан У-ди, после того как он, опираясь на мелких землевладельцев округа Инчуань, стал императором, а Гэнши потерпел поражение. Позже к Гуан У-ди присоединились две фигуры, обладавшие весьма значительной силой. Одной из них был полководец Ма Юань (1 г. до н.э. — 49 г. н.э.), при Ван Мане назначенный начальником округа Синьчэн. К Гуан У-ди он примкнул в 28 г., дав понять, что делает выбор по собственной воле.

Другой не менее сильной фигурой был военачальник Доу Жун, господствовавший с 24 г. в коридоре Ганьсу. В 29 г. он признал Гуан У-ди императором, получив от него письмо с признанием, что «чаша весов» в военной ситуации на западе Китая находится в руках «цзянцзюня». Доу Жун напомнил, в свою очередь, императору об их родстве по линии императрицы Доу, супруги императора Вэнь-ди.

К 36 г. инчуаньская группировка постепенно распалась. Три оставшиеся партии соперничали, и противоречия между Ма и Доу были особенно острыми. Клань северной равнины, оказавшись в отдалении от императора, чувствовали себя обделенными. Еще в начале 26 г. там вот-вот готово было вспыхнуть восстание. Напряжение спало, когда представительницу одного из влиятельных родов, носившую имя Го Шэн-тун и взятую в 24 г. в гарем будущего императора, он сделал своей супругой, а ее старшего сына Лю Цяна объявил наследником.

По окончании гражданской войны, когда влияние аристократии Наньяна усилилось, эта партия настояла на смене императрицы. В конце 41 г. император отдалил от себя Го Шэн-тун и возвысил принадлежавшую к знатному роду в Наньяне Инь Ли-хуа и летом 43 г. провозгласил ее старшего сына Лю Яна (Лю Чжуана) наследником, а предыдущему наследнику дал титул Дунхай-вана.

Из двух соперничавших группировок — Ма Юаня и Доу Жуна первая занимала в основном военные посты, вторая — гражданские. Однако она провела своих сторонников в стан Ма Юаня, и им удалось опорочить прославленного многими походами полководца. Его сторонники утратили влияние. Сам Ма Юань был посмертно уже низведен из «хоу» в простолюдины, и только при Мин-ди партия Ма стала вновь набирать силу.

Китай и сопредельные народы в правление Гуан У-ди

«Сюнну» принимали деятельное участие в гражданской войне, оказывая поддержку какому-либо претенденту на императорский престол. Гуан У-ди придерживался оборонительной стратегии, в то время как у Хань по окончании войны было достаточно силы, чтобы наступать. В 36 г. были воздвигнуты дополнительные укрепления, преграждающие путь обычного вторжения кочевников в Шаньси, затем еще ряд укрепленных линий, друг за другом уходящих в глубь северо-западной китайской территории.

«Сюнну», между тем, продолжали совершать набеги, и китайские крестьяне оставляли пограничные земли. Кочевники же там селились, оказываясь преобладающими в количественном отношении.

В стане «сюнну» также происходила борьба ради наследования верховной власти. После смерти в 46 г. шаньюя Худуэрши, непримиримого противника Китая, и его поставленного шаньюем сына верховным правителем стал младший брат последнего Пуну, хотя законное право занять престол имел Би, сын шаньюя Учжулю жоти (8 г. до н.э. — 13 г. н.э.), поскольку Худуэрши убил своего младшего брата Итучжияши. Би отправил бывшего у него на службе китайца по имени Го Хэн к начальнику округа Сихэ с выражением готовности его и подвластных ему людей принять ханьское подданство. Он собрал в 47 г. около 50 тысяч воинов, намереваясь обороняться от шаньюя.

В 48 г. вожди кочевий, подчиненных Би, решили возвести его на престол и дать ему титул шаньюя Хуханья, какой был у его деда, установившего с помощью Хань мир в объединении племен. На границе округа Уюань Би вновь объявил о своем желании покориться и оборонять северные границы империи. Зимой 49 г. он провозгласил себя шаньюем. Весной 50 г., публично и в присутствии двух посланцев императора совершив простирая, он принял императорскую печать и дорогие подарки. Для ставки ему был отведен уезд Мэйцзи на северо-востоке Ордоса. Восемь подчиненных племен расселились на севере Шаньси, в Ордосе и на севере Ганьсу. На этих ранее им принадлежавших землях они снова могли теперь кочевать. Так «сюнну» разделились на северных

и южных, между которыми сразу начались столкновения, в которых южные уступали в силе.

У Хань появилась возможность в союзе с «южными сюнну» напасть на северных и вытеснить их с территорий к северу от Гоби, куда ушли бы затем «южные сюнну», а Китай вернул бы северо-западные пограничные области. На этом настаивали многие военачальники, но император считал достаточным, что «сюнну» были разделены.

В ставку шаньюя в Мэйцзи был назначен китайский чиновник в ранге «начальника дворцовой стражи при сюнну» (*сюнну чжун ланцзян*) с довольно большим штатом и несколькими военными подразделениями. Один из сыновей шаньюя оставался до конца года при императорском дворе заложником, потом его сменял другой. Эскортировавший совместно с китайским чиновником очередного заложника посланник шаньюя присутствовал при совершении новогодних церемоний в Лояне и возвращался в сопровождении китайских чиновников с подарками шаньюю, его женам, членам семьи и представителям высшей знати. Первый шаньюю «южных сюнну» при императорском дворе не бывал. Позже два его преемника наносили (в 107 и 216 гг.) официальные визиты.

Гуан У-ди не стремился вернуть Западные земли. Посланцам шестнадцати из этих княжеств не удалось в 45 г. добиться от императора восстановления китайского протектората над ними. Господство над Таримским бассейном поделили над западной частью Яркенд и на востоке «северные сюнну». И только начиная с 73 г. при императорах Мин-ди, *Чжан-ди* и Хэ-ди удалось, благодаря усилиям военачальника Бань Чао, укрепиться в этом регионе.

Бань Чао (32—102 гг.) был братом историографа Бань Гу. Он прославился походами против народностей и городов-оазисов в Восточном Туркестане, предпринятыми в 73—91 гг. и подчинившими эти края китайскому владычеству. Благодаря этим военным успехам империя периода Восточной Хань (25—220 гг.) максимально расширила на какое-то время свои границы.

Дополнительным источником напряжения на северо-западе и в горных округах к северу от Великой равнины были пущенные туда с 49 г. «ухуани». На западе, более всего в долину реки Вэй, вторгались «цяны».

Одними китайцами на севере были населены Великая равнина, Шаньдун, юг Шаньси и бассейн Наньяна. Прочие области здесь им приходилось делить с иными племенами. На юге же китайцы повсюду обитали совместно с коренным населением, но в результате иммиграции их число увеличивалось, и они преобладали везде, за исключением юго-восточной части.

Восстание лаквьетов

В начале 40-х годов н.э. в дельте Красной реки произошло восстание лаквьетов (*лоюэ*) под предводительством Чынг Чак и Чынг Ни (Чжэн Цэ и Чжэн Эр) из знатного лакского рода. Повстанцы разгромили в нескольких десятках укрепленных пунктах ханьские гарнизоны. Объединив три округа в королевство, Чынг Чак объявила себя его правительницей. В 44 г. Ма Юань жестоко подавил восстание, потеряв при этом почти половину своих солдат. Только в округе Цзючжэнь были казнены более 5 тысяч лаквьетских воинов и несколько сотен предводителей восстания. Десятки тысяч пали в боях. Сестры Чынг были схвачены и обезглавлены.

Главной причиной многочисленных восстаний на юге империи, которых к началу и во время Поздней Хань было не менее двадцати, явилась миграция китайцев с севера и захват ими плодородных земель в долинах рек.

«СПОКОЙНЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ»

Положение бюрократии и ее функционирование

Начиная с эпохи Чжоу высшая государственная власть находилась в руках трех лиц (*саньгун*). В эпоху Хань это были глава военного ведомства (*дасыма*), управитель гражданских дел и воспитания (*дасыту*) и распорядитель общественными работами (*дасыкун*). Хотя основатель Поздней Хань Гуан У-ди не отказался от этого принципа, реальные полномочия он передал своей канцелярии. Властью при этом пользовались родственники жен императора, и их приверженцы приобретали влияние как в центре, так и на местах. Должности раздавались без всяких заслуг и даже покупались. Такие

чиновники старались выжать все, что можно, из населения, прибегая к чрезвычайно жестоким способам.

Положение еще более ухудшилось с восшествием на трон преемника Гуан У-ди Мин-ди, или Сяо-мина, отличавшегося узостью мышления и склонностью к передаче конфиденциальной информации. Представители административной верхушки и даже лица, приближенные к императору, становились жертвой клеветы. При дворе царила атмосфера страха в сочетании с усердием в отношении наказаний. Около пяти-сот чиновников из подозреваемых в пособничестве Лю Ину, правившему княжеством Чу и будто бы готовившему захват власти с помощью колдовства, были посажены и почти половина запероты до смерти.

И все же находились и добросовестные, порядочные государственные мужи, которые, следуя лучшим китайским традициям, увещевали и предупреждали императоров. Такой доклад по поводу строительства Северного дворца в столице представил в 60 г. Чжунли И, чиновник из императорской канцелярии, указавший, что строительство дворца во время засухи «отрывает народ от полевых работ» и что следует его прекратить. Император прислушался к данному совету чиновника, но не внял позже его же жалобам на суровость начальства при выборе наказаний для провинившихся.

На жестокость и деспотизм новой административной системы ссылался и назначенный в 75 г. на пост распорядителя общественных работ Ди У-лунь. Он считал, что меры, к которым прибегал Гуан У-ди в период войны и разрухи, недопустимо применять по привычке и в силу инерции.

Однако и после восшествия на престол императора Чжанди (75—88 гг.) формы наказания оставались столь же жесткими. Советник императора Чэнь Чун подал доклад, в котором ратовал об их смягчении и жаловался на злоупотребления чиновников служебным положением в их личных интересах. Соответствующий указ был выпущен лишь в 84 г. Какое-то внимание назначению чиновников и продвижению их по службе исходя из их достоинств все же уделялось. Император Мин-ди даже отказал своей сестре в просьбе назначить ее сына на должность, для которой, как ответил император, тот мало подходил.

Примером бескорыстного и добросовестного служения был названный выше Ди У-лунь. В бытность свою начальником

округа Шу он выдвигал людей честных и достойных. Многие из них заняли затем высокие государственные посты.

Периодически раздавались также призывы к представителям знатных и приближенных к трону семейств быть бережливыми. Мин-ди по примеру правившего более чем за два столетия до него Вэнь-ди счел подобающим для себя скромное захоронение рядом с его матерью. Его супруга, императрица Ма в указе 77 г. осуждала излишнюю роскошь аристократии и ставила себя в пример бережливости. Позже, однако, двое представителей рода Ма порицались за то, что кичились богатством. Император несколько раз выразил по этому поводу неудовольствие, и род этот вновь стал клониться к упадку.

В 89 г. проявилось недовольство привлечением несущих трудовые повинности работников к строительству пышных хором для членов семейства Доу. Чиновник императорской канцелярии Хэ Чан счел недопустимой расточительность фаворитов двора, когда страна воюет с «сюнну» и в казне нет денег.

К концу правления Чжан-ди внимание двора было направлено на совершенствование правил подобающего поведения (*ли*). Конфуцианец Цао Бао из княжества Лу полагал, что для ритуала Хань прежние правила и церемонии должны быть видоизменены. Император поручил ученому составить соответствующее руководство. Оно было подготовлено, но пользовались им лишь с 91 по 93 г.

Водные пути

Делом первостепенной важности для Поздней Хань оставалась борьба с наводнениями. В 69 г. н.э. были начаты масштабные работы по проекту Ван Цзина с привлечением нескольких сотен тысяч труженников. Чинились дамбы, делались водоотводы, и через каждые 10 *ли* от Синъяна в округе Цяньчэн и до морского побережья строились шлюзы. Расходы были неимоверными. Тем не менее указанный год характеризуется историками как чрезвычайно благополучный.

В правление Мин-ди для облегчения перевозок зерна от Шаньдуна в хранилище Янчан близ Тайюаня были предприняты попытки наладить водные коммуникации. И это потребовало огромных затрат человеческих сил при высокой смертнос-

ти и с малыми результатами. По предложению Дэн Сюня (сына Дэн Юя, бывшего военачальником при Гуан У-ди и наставником наследника престола при Мин-ди) в 78 г. отказались от использования рабочих рук, заменив их животной силой.

При императоре Чжан-ди установили сухопутные пути сообщения на юге страны. Ранее грузы из Цзяочжи и еще шести округов отправлялись морем. Суда по пути могли заходить лишь в один совершенно заброшенный пункт Дунье в Фуцзяни. Далее их ожидали бури и вероятные кораблекрушения. В 83 г. начальником земледельческого приказа («дасынун») был назначен Чжэн Хун, уроженец округа Куайцзи. Он предложил провести дорогу по суше через горы и округа Линмин и Гуэйян. Эта дорога действовала по крайней мере до V в. н.э.

Возвышение Доу Сяня. Падение рода Доу

В апреле 88 г. на престол был посажен девятилетний Лю Чжао (Хэ-ди), сын супруги императора Лян, выданный императрицей Доу за собственного сына. Род Доу, подвергавшийся более двадцати лет опале, восстановил, благодаря императрице, влияние. Поскольку император не достиг совершеннолетия, вдовствующая императрица взяла бразды правления в собственные руки. Часть власти она передала Доу Сяню, старшему из ее братьев, который стал ее главным советником. В 89 г. Доу Сянь предпринял большой поход против «северных сюнну». Против кампании выступили несколько сановников, в их числе управитель общественных работ Жэнь Вэй и хранитель казны («дасыту») Юань Ань. Их поддержал Лу Гун, придворный летописец («шиюйши»), ссылаясь на начальника земледельческого приказа, предупреждавшего, что запасов зерна недостаточно для обеспечения войск продовольствием. Также розыски «сюнну» на обширных пространствах, полагал Лу Гун, потребуют несоизмеримых с результатами усилий. В этой же связи помощник хранителя императорских архивов Хэ Чан выражал протест по поводу возведения роскошных палат для представителей семейства Доу. Не лучше ли было бы подать пример бережливости, когда приходится воевать с «сюнну», и денег в казне не хватает?!

По возвращении из похода осенью 89 г. Доу Сянь был назначен начальником военного приказа. С этого момента подобного титула удостаивались регенты в период Поздней

Хань. Летом 90 г. Доу Сянь снова отправился на север следить за уничтожением «сюнну». Однако по возвращении через два года он был неожиданно лишен всех регалий и обвинен в намерении убить императора. Сам Доу Сянь и трое его братьев покончили с собой. Многих сторонников рода Доу, включая историка Бань Гу, казнили. Вдовствующую императрицу не тронули. Она умерла в октябре 97 г.

Воцарение Ань-ди.

Регентство вдовствующей императрицы Дэн

Скончавшийся в 106 г. император Хэ-ди не успел объявить наследника, и его царственная супруга Дэн Суй посадила на престол Лю Луна, которому едва ли было больше года от рождения и который умер через четыре месяца «правления», войдя в летописи под именем Шан-ди. Императрица Дэн и два ее брата провозгласили теперь императором тринадцатилетнего Лю Юя, известного как Ань-ди (106—125 гг.). Фактически до своей смерти в 121 г. правила вдовствующая императрица. Но с этого момента род Дэн подвергся преследованию со стороны кормилицы императора Ван Шэн и евнуха Ли Жуня. Одновременно, благодаря назначению военачальником регентом Гэн Бао, усилился род Гэн, идущий от соратника У-ди Гэн Гуана.

Незаслуженное влияние, каким пользовалась молочная сестра императора Ван Бо-жун, вызвало недовольство многих должностных лиц, таких как императорский казначей Ян Чжэнь и инспектор канцелярии Чэнь Чжун. Высокомерие и заносчивость Ван Бо-жун находили подражателей. Не без ее участия были случаи взяточничества и подкупа. Обращаясь с докладом к императору, Ян Чжэнь ради укрепления морали в системе управления просил удалить из дворца Ван Шэн и ее дочь. Чэнь Чжун настаивал на необходимости соблюдения иерархии прерогатив власти, когда император доверил Ван Бо-жун совершение необходимых обрядов у гробницы его родителей. По дороге знатную особу встречали с большим подобострашием, как встретили бы самого императора.

В целях упрочения нравственной основы государственной власти всеми служащими должен был соблюдаться конфуцианский принцип сыновней почтительности. Проявлением последней служил трехгодичный траур после смерти роди-

теля. На этот период чиновник должен был оставить службу. На практике, однако, от высших чинов и управляющих округами не требовалось и даже не допускалось, чтобы они слагали с себя во время траура служебные обязанности. Прочие также перестали исполнять сыновний долг. В 116 г. вдовствующая императрица Дэн потребовала, чтобы высшие чины полностью соблюдали траур в указанный период.

В мае 120 г. император Ань-ди объявил наследником престола Лю Бао, который родился в 115 г. от супруги императора, принадлежавшей к роду Ли. Императрица Янь отправила мать этого единственного сына императора вскоре после его рождения, а осенью 124 г. добилась его низложения. После смерти Ань-ди 30 апреля 125 г. императрица и ее брат Янь Сянь, решая, кого возвести на престол, остановили свой выбор на внуке Чжан-ди. Коронация имела место 18 мая 125 г., но в декабре того же года царственный отрок умер. Евнух Сунь Чэн устроил заговор, чтобы посадить на трон прежнего наследника Лю Бао. Он и стал править под именем *Шунь-ди*.

Хань и «сюнну»: извечный спор

В период Поздней Хань вопрос об экономии не раз поднимался не только в связи с кампанией против северных «сюнну», но и при обсуждении целесообразности сохранения контроля над северо-западными территориями, более всего тревожимыми «цзянами», представлявшими угрозу для китайских поселений. Транспорт, снабжение, обеспечение этих колоний живой силой требовали значительных затрат.

В 110 г. Пан Цань, тогда императорский посланник, предложил как выход из положения урезать эти убыточные статьи и уйти из Лянчжоу, эвакуировав в столичный округ не способных самостоятельно выжить на северо-западе поселенцев. Такая мера, полагал он, позволила бы усилить охрану границ.

С этой позицией не соглашался Юй Сюй, занимавший пост «ланчжуна» в штате начальника военного приказа Ли Сю. Он убеждал, что при отсутствии надежного контроля над северо-западом бывшая столичная область и захоронения императоров останутся незащищенными. Вынужденные же покинуть земли жители будут относиться к Хань скорей неприязненно, чем лояльно.

Эти доводы оказались весомей аргументов Пан Цаня, но тот же вопрос возник через девять лет, когда возросло давление «сюнну» на западные княжества, особенно на находившихся на огибающих пустыню Такламакан путях, такие как Чжэрчжэнь. Их просьбы о помощи не встретили отклика. Некоторые из высших представителей чиновной иерархии предложили закрыть Яшмовую заставу (Юймынь) близ Дуньхуана. Бань Юн, служивший в этом регионе, утверждал, что Китай не готов теперь воевать с «сюнну» и важней укрепить несколько таких, как Дуньхуан, поселений, позволяющих контролировать пути сообщения. Для некоторых из оазисов, чтобы они не оказались в руках «сюнну» и не подверглись опасности расположенные южнее китайские города, он считал достаточным назначить чиновников в должности «сяовэя». Тщательный их отбор гарантирует лояльность западных княжеств и избавит от больших расходов. Следует лишь предоставлять этим государствам при необходимости запасы продовольствия.

Совету Бань Юна последовали и разместили в Дуньхуане гарнизон. Были установлены контакты с землями западней Чжэрчжэня (Крорайны) и Турфана.

Образование и экзамены для чиновников в I—II вв. н.э.

В 101 г. в империи Хань были внесены изменения в систему подготовки кандидатов на государственные должности и в порядок проведения экзаменов. Теперь при назначении на должности больше мест отводилось представителям малонаселенных областей севера, северо-запада и северо-востока, чем прочим.

Количество кандидатов на государственные должности из учащихся столичной школы (*тайсюэ*) во II в. н.э. неуклонно возрастало и достигло 30 тысяч.

Занявший в 102 г. пост распорядителя общественными работами Сюй Фан настаивал на необходимости разъяснения буквального смысла классических текстов, чтобы не было расхождений в их толковании, и это его предложение было принято.

Утрата тяги к образованию была отмечена в 106 г., в период, когда вдовствующая императрица Дэн имела при дво-

ре наибольший вес. Желая исправить ситуацию, служитель императорской канцелярии Фань Чжунь ставил в пример прежних императоров и даже сюннуского правителя, который брался за учебу, посещая императорский двор в Лояне. Недостаток образования, полагал Фань Чжунь, является одной из причин жестокого управления.

Позже и *вдовствующая императрица Дэн* позаботилась, чтобы племянники и племянницы покойного императора, а также дети ее ближайших родственников получили достойное образование. Она сама следила за ходом экзаменов, на которых эти ученики должны были продемонстрировать знание изученных ими под руководством опытных наставников конфуцианских текстов. Правление Мин-ди императрица считала образцовым в отношении образования и, следовательно, нравственного совершенствования.

Чжан Хэн

Чжан Хэн, философ, поэт, астроном, математик, географ (78—139 гг.), происходил из обедневшей семьи служащего и получил обширные по своему времени знания сначала благодаря самообразованию, затем, обучаясь в императорской академии. В юности он отличился блестящими опытами в жанре фу («воспеваний»; иногда этот термин переводят как «рапсодия»), но позже на посту придворного астролога (*тайши лин*) занялся математико-астрономическими исследованиями. В его философско-поэтическом сочинении «Сы сюань фу» («Дума о сокровенном») прослеживается влияние Ян Сюна. Сохранились лишь фрагменты произведений Чжан Хэна.

Вычисляя соотношение окружности Земли и ее диаметра, он получил определенные значения числа π (3,04132 или 3,17241). Он был сторонником теории так называемого «круглого неба» (*хун тянь*) и первым китайским астрономом, признавшим лунный свет отражением солнечного.

В 117 г. Чжан Хэн изобрел сейсмограф и создал прибор «Армиллярная сфера» (*хун тянь*), имевший несколько внешних и внутренних медных колец, вращавшихся вокруг оси. Они фиксировали эклиптику и небесный экватор, имели обозначения 24 сезонных периодов года, 28 лунных зодиакальных созвездий (лунных стоянок), Солнца, Луны и пяти планет Солнечной системы. Прибор позволял вести непрерывные

наблюдения за небосводом. Похожие старинные астрономические инструменты можно и ныне видеть в качестве музейных экспонатов.

От Шунь-ди до Хуань-ди: «расцвет» фаворитизма и клановость

Взойдя на престол, новый император Шунь-ди (125—144 гг.), осыпал милостями сделавших его императором евнухов, пожаловав титул «хоу» девятнадцати из них. Свою кормилицу Сун Э он наградил по тому же случаю почетным званием владительницы княжества Шаньян (Шаньян цзюнь).

С падением рода Янь возобновилось возвышение семейства Лян. В 128 г. в гарем императора была взята праправнучка Лян Туна Лян На. Через четыре года она стала императрицей. Ее отца Лян Шана Шунь-ди в 135 г. назначил регентом, и на этом посту его сменил в 141 г. старший сын Лян Цзи.

Единственный же сын императора Лю Бин, родившийся от супруги Юй в 143 г., летом 144 г. был объявлен наследником. Посаженный на престол 20 сентября указанного года (в день смерти отца) ребенок (император Шао-ди) через несколько месяцев умер. Вдовствующая императрица Лян и Лян Цзи, ее брат, решили на этот раз сделать императором Лю Цзуаня, праправнука Чжан-ди. Родившийся в 138 г. и возведенный на трон весной 145 г. этот ребенок, ставший известным под именем Чжи-ди, правил немногим более года и в июле 146 г. скончался.

Теперь находящиеся на вершине власти сестра и брат Ляны остановили выбор на правнучке Чжан-ди Лю Чжи, родившемся в 132 г. Он взшел на престол в августе 146 г. На следующий год он сочетался с Лян Нюй-ин, младшей сестрой вдовствующей императрицы Лян На. Так что и после смерти последней весной 150 г. род Лян не утратил влияния, и Лян Цзи, будучи регентом, не позволял императору проявить самостоятельность.

Лишь после смерти Лян Нюй-ин в августе 159 г. Лян Цзи остался без опоры, лишился поста и вместе с женой покончил с собой. Многих сторонников и представителей этого клана казнили, и род Лян более не смог уже подняться. Лю Чжи (Хуань-ди) правил далее без регента.

Следующей царственной супругой императора Хуань-ди стала в 159 г. Дэн Мэн-нью. Жена Хэ-ди, императрица Дэн Суй, приходилась двоюродной сестрой ее отцу. Император недолго благоволил к новой императрице, весной 165 г. она была отстранена, заключена по обвинению в колдовстве и пьянстве в дворцовую тюрьму и вынуждена была покончить с собой. Родственников ее казнили либо лишили титулов, и род Дэн утратил значимость.

Третьей императрицей при Хуань-ди была Доу Мяо, принадлежавшая к издавна враждовавшему с только что захиревшим роду. Супруга Чжан-ди из той же фамилии была двоюродной сестрой деда этой императрицы.

Власть и бюрократия при Шунь-ди и Хуань-ди

В период Поздней империи Хань влияние бюрократии можно сопоставить с разветвленностью административной системы империи Цинь, открывавшей определенные возможности для продвижения по ступеням иерархической лестницы выходцам из простых семейств и незнатных родов. Государственная бюрократия в истории Китая играет не менее важную роль, чем наследственная аристократия (ранее эпохи абсолютизма) в Европе. Бюрократия Цинь опирается на кодифицированное право — на законы и уложения, систематизированные *легистами (фа цзя)*, и является бюрократией *формально-рационального* типа (что позволило такому выдающемуся представителю европейской общественно-политической мысли, как Макс Вебер (1864 — 1920), счесть систему управления в Китае эпохи Цинь, и только этого периода, бюрократической). Ханьская же бюрократия, которая хотя и может рассматриваться как в значительной мере продукт синтеза конфуцианства и легизма, представляет собой, однако, культурно-традиционный тип бюрократии, для которой важнее обычай и ритуал, чем закон.

Ожесточенная борьба между бюрократами и евнухами (особенность поздних ханьского времени) разгорается в результате старания кланов усилиться или не потерять влияние, установить с этой целью родственные связи с императорской фамилией, с одной стороны, и стремлением бюрократии сохранить равновесие власти, ее легитимность, даже легитимность власти императора — с другой.

В 126 г. Юй Сюй, назначенный на должность инспектора столичной области (*сули сяовэй*) жаловался на произвол в управлении. Он заявлял, что правовые ограничения ухудшают условия жизни населения, а наказания применяются, чтобы обуздать народ. Более того, те и другие используются чиновниками ради собственной выгоды. С той и другой стороны были выдвинуты самые разные обвинения, в том числе относящиеся к злоупотреблениям властью и случаям взятия под стражу невиновных. Дело касалось ряда высоких чинов и евнухов. Юй Сюю, которому при дознании советовали покончить жизнь самоубийством, хватило мужества отстаивать свою правоту. Он был готов даже пойти на казнь. В результате его оправдали и сделали помощником хранителя императорской печати (*шаншу пу е*).

В 132 г. заведующий императорской канцелярией (*шаншу лин*) Цзо Сюн высказал протест по поводу порочной практики кратковременных назначений чиновников и бесконтрольного отсутствия их по месту службы. Недолговременность исполнения обязанностей, по его мнению, является причиной произвольного определения наказаний и взимания непомерно высоких налогов. *Шаншулин* отмечал, что начальство не уделяет внимания предупреждению коррупции и не умеет ценить достоинств подчиненных. Поэтому бывают незаслуженные продвижения. Цзо Сюн предлагал покончить с бесконечными перемещениями чиновников и не позволять им отлучаться от места службы.

В том же 132 г. поступило распоряжение назначать кандидатов из провинций на должности не ранее чем им исполнится сорок лет. От них также требовалось буквальное знание рекомендуемых к изучению текстов и умение составлять записки императору. У молодых людей с исключительными способностями их возраст не считался препятствием.

В 133 г. Ли Гу, сын главного советника по делам просвещения и воспитания Ли Хэ, не занимая еще никакого положения, обратил внимание двора на недопустимость назначения младших офицеров на постоянную должность без прохождения требуемого годичного испытательного срока. В свою очередь Цзо Сюн выразил протест против наказания розгами высокопоставленного чиновника, начальника земледельческого приказа. Подобные нарушения субординации, напомнил Цзо Сюн, за всю историю Хань

были допущены лишь при императоре Мин-ди. Благодаря заступничеству Цзо Сюна чиновник избежал унижительного наказания, которое в подобных случаях не применялось и позже.

Конфуцианец Лан И, точно предсказывавший события, связывал разрушительные природные явления, небесные и прочие предзнаменования с недостатками в системе управления. Свои доводы он изложил в докладе императору.

Случившееся тогда же сильное землетрясение, от которого пострадала столица, стало поводом к тому, чтобы император Шунь-ди прислушался к мнениям ученых мужей о причинах бедствия и о том, чего можно далее ожидать. Ли Гу изложил свое видение ситуации и ее предыстории с чрезвычайной подробностью и предостерег императора от потворства его кормилице Сун Э, обретшей огромную власть, сравнив ее поведение с действиями кормилицы императора Ань-ди Ван Шэн и других его фаворитов. Он видел опасность также в возрастании влияния семейства Лян. Зная о причастности кормилицы к заговору евнухов, Шунь-ди был готов согласиться с доводами Ли Гу, и Сун Э отослали в ее резиденцию.

Такие поборники справедливости, как Ли Гу и Чжан Ган, выступивший против засилья евнухов и, в частности, против предоставления им права усыновления ради передачи по наследству титулов и привилегий, вызвали враждебность к ним слугителей «боковых покоев». Тем не менее сохранялось равновесие влияния чиновников и евнухов.

По случаю засухи 134 г. слугитель канцелярии Чжоу Цзюй упрекал императора в нежелании следовать примеру Вэнь-ди и Гуан У-ди и в любви к излишней роскоши. Он советовал на деле, а не для видимости совершенствовать управление. Помимо прочего, он требовал сокращения расходов на императорский стол.

Восьми чиновникам в 142 г. было поручено совершить инспекционную поездку по стране, уделяя главное внимание стилю управления и условиям жизни в провинции. Положение дел в столице изучал Чжан Ган. Он обвинил семейство Лян в необузданности притязаний, жадности, в потворстве льстецам. Слова Чжан Гана не привели к желаемому результату, но возмущение семейством Лян выражалось и позже.

Цуй Ши и Лю Тао: призывы к благоразумию и справедливости

В 151 г. вновь произошло землетрясение и было позволено высказываться о происходящем в общественной жизни и политике. В числе приглашенных сделать это был Цуй Ши, управляющий округом Уюань (на территории современного Автономного района Внутренней Монголии), позже занимавший пост хранителя императорской печати (*шаншу*). Сославшись на нездоровье, он сразу отказался обсуждать набравшие вопросы, но изложил затем свои взгляды в трактате «Чжэн лунь» («Об управлении»), отрывок из которого сохранился.

Неспособность осуществлять эффективное управление Цуй ши связывал с постепенным, но при этом не менее опасным падением нравов и отсутствием интереса и прилежания в государственных делах. Доверенные чиновники, боясь лишиться положения и дохода, молчали, к словам же опальных деятелей не прислушивались. Превратно понимался и принцип опоры на прошлое. Оттуда брали хорошее и плохое. Цуй призывал повернуться лицом к текущим делам, использовать соответствующие времени приемы. Он предлагал с большей последовательностью и действенностью применять законы, ссылаясь на успешность такой политики в правление Сюань-ди (74—49 гг. до н.э.) и отмечая ослабление государства и отсутствие авторитета при Юань-ди (49—33 гг. до н.э.) по причине излишней мягкости. Хотя считается, что Вэнь-ди отменил существовавшие при Цинь суровые наказания, новые законы позволяли прибегать к жестоким мерам, и благодаря этому установился мир. Законы, однако, не могут быть действенными, если отсутствуют необходимые условия жизни. «Устрашить людей наказаниями», — полагал Цуй Ши, — «возможно, если одежда и пища в достатке». Если нет необходимого для жизни, «разве под силу государю держать в строгости своих чиновников?». Чтобы чиновники добросовестно относились к своим обязанностям, Цуй Ши считал необходимым обеспечить их достаточно высоким жалованием.

В 155 г. подал голос учащийся столичной конфуцианской школы Лю Тао, возложивший вину за происходящее и на императора, живущего в изоляции, отстраненного от реальной действительности, не ведающего, что угнетение равно испытывают

и богатые, и бедные. «Тигры и пантеры лежат в своих логовах там, где резвятся оленята», — писал Лю Тао. — «Волки и шакалы кормятся в садах, где цветут весенние цветы». Он призвал императора вспомнить о судьбе Цинь, постигшей эту династию по причине отстранения императора от дел. Нечто похожее происходило и при последних правителях Ранней Хань — Ай-ди и Пин-ди. Лю Тао назвал ряд достойных, с его точки зрения, имен чиновников, на которых могла бы опереться центральная власть. Его призывы, однако, не возымели действия.

Когда Лоян в 156 г. опять испытал землетрясение, а на следующий год вслед за солнечным затмением случилось нашествие саранчи, да еще и в округе Хэдун чувствовались подземные толчки, было предложено провести реформу в денежном обращении и выпустить крупные монеты. Лю Тао выразил сомнение, что эти меры принесут пользу тогда, когда необходимо распахать новые поля.

Чэнь Фань: сановник в борьбе за экономию и справедливость

Примером беззаветного служения государству для этого времени являлся Чэнь Фань, занимавший должность правителя округа Цяньчэн. Впоследствии он вошел в состав императорской канцелярии, но потом за поданный в прямолинейной форме совет был переведен в южный округ Юйчжан, фактически в ссылку. Некоторое время спустя его назначили начальником посольского приказа (*дахунлу*). Заступившись в 167 г. за подвергнутых суровой опале чиновников, он был уволен; однако позже поставлен начальником охраны внутренних дворцовых ворот (*гуанлусюнь*). На этой должности он следил за тщательностью испытания на экзаменах кандидатов на государственные должности, за тем, чтобы не было поблажек отпрыскам могущественных и богатых семейств.

В 159 г. Чэнь Фань выступил против обыкновения раздавать в виде вознаграждения фаворитов без разбору титулы «хоу». Кроме того, он пожаловался на содержание во дворце слишком большого количества женщин, требующее солидных казенных расходов. Раздача титулов не прекратилась, но не менее пятисот особ женского пола отослали из дворца.

В 163 г. неугомонный сановник протестовал против императорской охоты и других дорогостоящих развлечений, от-

влекающих силы от сельскохозяйственных работ, когда государственные зернохранилища пустели.

Приняв в 165 г. назначение на пост главы военного ведомства, Чэнь Фань подал прошение императору в защиту от прямых и встречных несправедливых обвинений ряда чиновников. Этим он привел в ярость евнухов, но открыто выступить против него те не осмеливались.

После смерти Хуань-ди в 168 г. Чэнь Фань был, благодаря вдовствующей императрице Доу Мяо и ее отцу Доу У, регенту, назначен наставником наследника престола (*тайфу*), одновременно он заведовал канцелярией. Наследника еще предстояло выбрать, и ситуация могла повернуться в любую сторону, так что многие служители канцелярии под видом болезни отстранились от исполнения обязанностей. Не одобряя такого поведения, Чэнь Фань заставлял их заниматься делами. Сам же, по восшествии на престол Лин-ди, упорно не хотел принимать жалуемый ему титул «хоу».

Чиновники нередко отказывались от службы. В 159 г. не согласились служить пять рекомендованных Чэнь Фанем кандидатов, в том числе Сюй Чжи из округа Юйчжан (на территории современной провинции Цзянси) и Цзян Гун из Пэнчэна (город при слиянии рек Даньшуй и Суйшуй). Также отказывался неоднократно приглашаемый Вэй Хуань, не надеясь и на высоком посту справиться с злоупотреблениями и быть полезным землякам, убеждавшим его принять назначение.

Массовые выступления

В эти годы не обошлось без волнений, имевших место в Жинани и некоторых других южных округах. Предложение собрать в центральных областях 40 тысяч человек для подавления этих очагов возмущения встретило возражения Ли Гу. Этот шаг, полагал он, ослабит такие области, как Чанша и Гуйян, а дальний поход при неопределенном времени возвращения вызовет новые вспышки недовольства. В условиях тропического климата до половины людей погибнут при переходе, боеспособность остальных окажется низкой. Крайне дорогостоящими будут обеспечение продовольствием, амуницией и их доставка.

Ли Гу предложил послать в район Цзяо-чжи в качестве провинциальных чиновников военных высокого ранга, эвакуи-

ировать временно жителей из беспокойных районов и привлечь, пообещав им денежное вознаграждение либо титулы «хоу», некоторое количество представителей местных племен к подавлению восставших. Ли Гу сам подобрал подходящие кандидатуры, и рекомендованные им военные установили спокойствие в мятежных областях.

При Хуань-ди восстание 154 г. в Шаньдуне, в ходе которого были казнены несколько местных чиновников, возглавил Гунсунь Цзюй. Восстание неуклонно ширилось, и количество вовлеченных достигало 30 тысяч. В 156 г. оно было подавлено, но на другой год восстали местные племена в округе Цзючжэнь. Волнения вспыхивали и в 160 г. Они происходили также в Чанша, Гуйяне и Линлине, не утихая до 165 г.

В правление Шунь-ди были частично возвращены северо-западные территории в областях Лунси, Аньдин, Бэйди и Шанцзюнь.

Правление Лин-ди и ослабление династии: борьба евнухов и сановников империи

Император Хуань-ди скончался 25 января 168 г., не имея сыновей и не назначив наследника. Его супруга Доу Мяо, третья по счету императрица, ради благополучия своего клана сделала своего отца Доу У регентом. Поставить императором они решили праправнука императора Чжан-ди Лю Хуна, который родился в 156 г. Он и стал новым правителем, войдя в историю под именем **Лин-ди** (168—189 гг.). Его наставником был начальник дворцовой канцелярии *Чэнь Фэнь*.

Когда Доу У, потерпев поражение в свахтке с евнухами, покончил с собой, а вдовствующую императрицу Доу заперли в Южном дворце, Лин-ди послал за матерью и закрепил за нею титул Дун-тайхоу — вдовствующей императрицы Дун. Первая царственная супруга императора Сун, ставшая в 171 г. императрицей и отставленная в 178 г., когда и умерла, принадлежала к не очень знатному роду. Вторая его жена, Хэ — императрица с начала 181 г. до осени 189 г. — была дочерью мясника и взята в гарем за деньги. От нее родился первенец императора Лю Бянь (176—190 гг.). Другого сына, получившего имя Лю Се (181—234 гг.), родила супруга императора Ван, которую императрица Хэ отравила. Ребенка же взяла под защиту мать Лин-ди. Император, однако, так и не решил, кто должен стать наследником.

Влияние служителей гарема достигло в эти десятилетия апогея. При основании династии их число не превышало четырнадцати. К концу же правления Лин-ди оно достигло двух тысяч. Более того, внутри этого специфического корпуса не утихали раздоры между евнухами по ведомству императрицы-матери и теми, которые находились в распоряжении императрицы-супруги.

Однако наиболее острым оставался конфликт между евнухами и административной верхушкой. Первые стремились использовать авторитет императора в собственных корпоративных интересах, фактически — монопольно распоряжаться императорской властью. Император же выдвигал евнухов на высокие государственные должности, чтобы воспрепятствовать усилению власти Хэ Цзиня, брата императрицы, который занимал пост главнокомандующего (*да цзян цюня*), дававший широкие полномочия в чрезвычайных условиях.

Такие условия сложились к началу восстания «Желтых повязок» в 184 г., и Лин-ди противопоставил Хэ Цзиню евнуха Цзянь Ши, назначив его командующим армией «Западного сада», созданной для обороны от «Желтых повязок». При этом Хэ Цзинь оказался под началом Цзянь Ши.

Назначение Цзянь Ши на военный пост было не единственным из подобных постыдных назначений. Так, евнух Цао Цзе, низложивший Доу У, дважды занимал должность командующего колесницами и конницей (*цзюйцзи цзянцзюня*). Да и само подавление восстания «Желтых повязок» было поставлено в заслугу двенадцати евнухам, и всем из них в 185 г. присвоили ранги знатности.

Нападки евнухов на государственных мужей происходили под девизом «запрещения группировок» (*дан гу*), продолжаясь с 169 по 184 г. Восемь сановников были обвинены в формировании клики, будто бы посягнувшей на авторитет императора, и уничтожены. Вслед за тем истребили до ста человек их сторонников, сыновей и родственников. Жен и малолетних детей высылали подальше на север либо в сырые южные районы. Евнухи составили «черный» список лиц, которым не позволялось занимать какие-либо должности. Этот запрет распространялся на всех родственников до четвертого колена и коснулся всех, имевших отношение к входившим в «клик» (он потерял силу лишь с началом восстания «Желтых повязок»). Высокие посты стали продаваться предлагав-

шим за них максимально крупную денежную сумму. Пока сохранялся запрет, на должности в центре и на местах принимались подопечные, родственники и прочие сторонники евнухов, образуя широкую сферу их влияния. Даже будучи при смерти, Лин-ди поручил заботу о своем младшем сыне Лю Се евнуху Цзянь Ши.

Нарастание волнений некитайских народностей

Положение на рубежах и внутри страны после 168 г. (года воцарения императора *Лин-ди*) было далеко не спокойным. Набеги на относительно процветающие китайские города регулярно совершали «ухуани» и «сяньби», но лишь однажды, в 177 г., двор снарядил крупную экспедицию против «варваров». В ней участвовала и конница «сюнну». Но рейд оказался неудачным.

Часть «сюнну» обитала по китайскую сторону Великой стены, и к концу правления Лин-ди среди «сюнну» вновь возникли разногласия по поводу престолонаследия. Обойденная сторона безуспешно обращалась к императору за помощью, и примкнула затем к повстанцам.

В отличие от «сюнну» племена «цянов» теперь явно проявляли воинственность. В смуте восстания «Желтых повязок» они вместе с недовольной частью китайского населения выступили против Хань.

В 178—181 гг. и позже приходилось воевать с племенами «мань». Лишь ко времени кончины императора обстановка здесь, на юге, стала сравнительно спокойной.

ВОССТАНИЕ «ЖЕЛТЫХ ПОВЯЗОК» И ГИБЕЛЬ ПОЗДНЕЙ ХАНЬ

Восстания крестьян и служилых людей, а также выступления претендентов на императорский титул нередко принимали ярко выраженную религиозную окраску и характеризовались в донесениях с мест как «сектантские», или «еретические» (*ядзэй*). Несомненно религиозную форму приняла народная война «Желтых повязок». Она вошла в историю под этим названием по опознавательному знаку повстанцев — головной повязке желтого цвета. Восстание вспыхнуло в 184 г. в

ответ на усиление эксплуатации крестьян и горожан крайне коррумпированной центральной властью Восточноханьской империи и крупными земельными собственниками. В условиях непрерывных стихийных бедствий положение крестьян стало еще более невыносимым. Многие из них покидали деревни, превращаясь в бродяг и бездомных, и занимались разбоем.

В этой среде пустило корни «еретическое» в даосизме учение — «Путь всеобщего благоденствия» (*Тайпин дао*), проповедуемое даосом и руководителем секты целителей Чжан Цзюэ (Цзяо), который постепенно пришел к мысли, что ему предстоит основать новую династию. Для этой цели он вербовал последователей и сторонников, обещая скорое наступление счастливой «Эры Великого спокойствия» уже с началом очередного шестидесятилетнего цикла в 184 г.

Сотни тысяч бедняков и нищих стали его сторонниками. Чжан Цзюэ организовал их в отряды и определил путем гадания дату восстания, чтобы свергнуть династию Хань. Еще тремя годами ранее его начала один из министров предупредил императора о вероятности восстания последователей «Тайпин дао». А незадолго до условленного дня восстания представитель окружения Чжан Цзюэ информировал двор о деталях заговора. Император приказал расследовать дело. Чжан Цзюэ пришлось выступить ранее назначенного срока, что отрицательно сказалось на согласованности выступления.

Движение, охватившее весь Восточный Китай — от южной части нынешней провинции Хэбэй и до среднего и нижнего течения Янцзы, сразу полыхнуло широкой полосой не менее чем в шестнадцати округах к югу, востоку и северо-востоку от столицы. Повстанцы занимали города, изгоняли или убивали чиновников, поджигали административные здания. Хэ Цзинь, сводный брат императрицы, принял в звании «да цзянцзюня» командование постоянной армией и дворцовой стражей. Южней столицы были образованы восемь новых округов и создана тем самым линия обороны. Против повстанцев были двинуты войска под командованием Лу Чжи и дополнительные, которыми командовали Хуанфу Сун и Ван Юнь. Одно из подразделений выступило на север и два — на юг. Спешно собранные правительством войска, включая ополчения, сколоченные крупными землевладельцами, в течение года истребили значительную часть восставших.

В марте 184 г. восстание началось, а в феврале следующего было подавлено. Отдельные выступления, однако, продолжались. Некоторые их участники все еще именовали себя «Желтыми повязками», другие назывались «отрядами из Хэйшани» (на территории Хэбэя и Хэнани) или «посланцами Седых волн» (Бай бо). Не в силах справиться с первыми, правительство предложило им чиновничьи должности. Такая мера оказалась недостаточной, и пришлось воспользоваться услугами «независимого военачальника».

Волнения в разных концах страны не прекращались, и в ноябре 188 г., принимая парад войск, император объявил себя генералиссимусом (*ушан цзянцзюнем*). В 188 г. крупное восстание случилось в Сычуани. Предводитель относил себя и своих сторонников к «Желтым повязкам» и объявил себя Сыном Неба. Борьбу с ними вели также «независимые военачальники», вышедшие из назначенных в том же году по совету Лю Яня новых губернаторов округов (*чжоу му*). В их числе были Юань Шао, Юань Шу и Цао Цао.

Пока восстание снова набирало силу, прежняя столица Чанъань дважды (в 185 и 187 гг.) оказывалась под угрозой оккупации. В марте 189 г. двор одержал, можно сказать, победу над объединенными силами «цянов» и китайцев. Повстанцы после этого разделились на три группировки. Один из китайских предводителей объявил себя *ваном* и в течение тридцати лет сохранял независимость.

Регенство императрицы Хэ. Истребление евнухов и действия Юань Шао и Дун Чжо

15 мая 189 г. на престол Восточно-Ханьской империи был возведен старший сын покойного императора Лю Бянь (Шао-ди), царствовавший менее полугода (до 28 сентября 189 г.). При нем вдовствующая императрица Хэ целиком взяла на себя регентство. Старшим наставником императора был поставлен Юань Вэй. Ему и сводному брату императрицы Хэ Цзиню была подчинена также императорская канцелярия. Младшего сына Лин-ди Лю Се — предмет заботы его бабки Дун-тайхоу — отобрали у евнуха Цзянь Ши, которому Лин-ди доверил Лю Се и который все еще командовал армией «Западного сада». Когда евнух попытался устроить заговор против Хэ Цзиня, его арестовали и 27 мая упомянутого года казнили.

Обретя полноту власти, семейство Хэ перешло к наступлению на свою соперницу Дун-тайхоу. Племянника ее, командующего конницей, заставили покончить с собой. Сама вдовствующая императрица умерла (7 июля 189 г.) в горе и безысходности.

Евнухи могли рассчитывать только на поддержку вдовствующей императрицы Хэ. «Независимый военачальник» Юань Шао, который стал в этой ситуации ключевой фигурой, убеждал Хэ Цзиня разделаться со служителями гарема. С одобрения того он подговорил других независимых военных губернаторов подвести военные силы к столице. Хэ Цзинь предложил командовавшему войсками пограничной области Дун Чжэ, расположившемуся со своими силами в 80 милях к северо-западу от столицы еще перед смертью *Линди*, приблизиться к Лояну, а также отправил отряд устроить беспорядки в ближайших деревнях.

Вдовствующая императрица отказывалась прогонять евнухов. Брат Хэ Цзиня тоже уговаривал его не вступать с ними в конфликт. Колеблющийся Хэ Цзинь попросил Дун Чжо остановить наступление, что было выполнено крайне неохотно. В то же время он назначил Юань Шао на пост, предоставлявший тому судебные полномочия в столичном округе, и по его инициативе Дун Чжо и другие военачальники посылали одно за другим донесения с обвинениями в адрес евнухов.

22 сентября 189 г., на утреннем приеме у императрицы ее сводный брат и главнокомандующий Хэ Цзинь попросил казнить всех евнухов, о чем тех не приминули сразу же уведомить. Императрица отказала, а когда ее брат покидал дворец, его вернули, будто бы по ее просьбе. Пока Хэ Цзинь ожидал в передней, главный евнух Чжан Жан принял извиняться за себя и остальных. Он напомнил также, что семейство Хэ должно быть признательно им за поддержку в 181 г. императрицы, которая иначе была бы низложена. И в тот же момент сидевшему на полу и ничего не подозревавшему Хэ Цзиню отсекли голову. Был заготовлен указ о смещении Юань Шао. Но тот, узнав о гибели Хэ Цзиня, сначала убил назначенного евнухами на его место, затем двинул войска на Северный дворец.

В свою очередь его сводный брат Юань Шу атаковал обороняемый евнухами Южный дворец. Бой продолжался до захода солнца, когда военачальник поджег этот дворец. Оборонявшиеся устремились по переходу во дворец напро-

тив, уводя с собой вдовствующую императрицу, несовершеннолетнего императора и его сводного брата. В сутолоке императрица бежала, не зная еще, что второй ее сводный брат, командовавший колесницами и конницей, только что был убит с позволения Юань Шао перед Северным дворцом. Бой за последний, где находились теперь император и его брат, шел три дня. Юань Шао пробился во дворец, приказав солдатам убивать всех евнухов подряд, и их тут же истребили более двух тысяч. Глава евнухов Чжан Жан сумел бежать с обоими царственными детьми. У Хуанхэ его настигли, и прыгнув в воду, он утопился.

Ожидавший неподалеку от столицы с момента кончины Лин-ди, как повернутся события, Дун Чжо увидел теперь издали зарево пожара в Лояне и поспешил с войсками, чтобы не упустить свою долю добычи. 25 сентября он ворвался в город. Узнав, что императора увезли в горы к северу от столицы, он, захватив против их воли несколько высокопоставленных лиц, устремился на его поиски. При состоявшейся в конце концов аудиенции, император, испуганный, видимо, присутствием войск, на расспросы Дун Чжо о случившемся внятного ответа не дал. Младший же брат рассказал, что они пробирались пешком всю ночь, нашли открытую повозку на крестьянском дворе и приехали на ней на эту встречу. Вернувшись с царственными детьми в Лоян и не имея официального положения при дворе (да и армия его была не слишком значительной), Дун Чжо прибегнул к хитрости и запугиванию.

Юань Шао, кажется, действительно испугался и 26 сентября бежал. Представители ученого сословия (среди них Цай Юн) согласились, движимые страхом, войти в формируемое правительство. Дун Чжо занял официальный пост распорядителя общественными работами. Так как Лю Бянь в роли правителя не произвел на него достаточного впечатления, он решил посадить на трон Лю Се, заставив вдовствующую императрицу низложить 28 сентября действующего императора и возвести на трон его младшего брата, после чего императрицу увезли из дворца и 30 сентября умертвили.

Оппозиция диктату Дун Чжо

Бежавшие из столицы в разное время военачальники Юань Шао, его сводный брат Юань Шу и командовавший одним

из подразделений армии «Западного сада» Цао Цао (155—220 гг.) исполнились решимости покарать Дун Чжо, поступившего столь бесцеремонно в отношении престолонаследия. К ним присоединилось немало командиров местных гарнизонов, множество наемников, чиновников, бывших или еще находившихся на государственной службе. Очевидно, они имели намерение восстановить на престоле низложенного императора. Предвидя подобное, Дун Чжо убил того 3 марта 190 г. и в мае взялся за семейство Юань, предав казни не покинувшего столицу главного наставника императора Юань Вэя и оставшихся в живых представителей семейства.

Оппозиция активизировалась. Диктатор же не смел отлучиться из Лояна, который могли при этом захватить. Но и пребывание в столице развязывало его противникам руки. Дун Чжо принял решение отослать императора на запад, где было сравнительно спокойно и где сам он имел более всего сторонников. Несогласных он сокрушил, и в начале апреля малолетний император отправился в бывшую прежде столицей Чанъань. Тысячи жителей Лояна последовали за ним без какой-либо возможности вернуться, ибо Дун Чжо сжег этот город дотла. Уходившие разрезали шелковые свитки из императорской библиотеки, чтобы шить мешки и балдахины. Большая часть уцелевших после этого документов была в суматохе утеряна.

Удаление императора из столицы ослабило решимость оппозиции. Предложения мира чередовались с внезапными атаками. Велись разговоры об избрании собственного императора, и состав участников постепенно редел. Их боевитость вынудила, однако, Дун Чжо отступить на запад, и в мае 191 г. он присоединился к императору, создав теперь в Чанъани обстановку террора.

В мае 193 г. Дун Чжо был убит своим телохранителем, которого подослал сановник Ван Юнь. Последнего, наряду с еще несколькими представителями чиновной оппозиции евнухам, Дун Чжо против воли поставил на службу себе. Вскоре после гибели Дун Чжо трое подчинявшихся ему командиров явились в город и казнили многих из свиты императора. Один из трех, Ли Цзюэ, сжег императорский дворец, захватив самого императора. Лишь через два года император Лю Се (Сянь-ди) и его сановники, натерпевшись страха и унижения, уговорили враждовавших друг с другом военных

отпустить их назад в Лоян. Двор отправился в весьма опасное странствие в сентябре 195 г., и примерно через год путники добрались до разоренной и разрушенной столицы.

Период многовластия. Усиление Цао Цао

В конце II в. н.э. Китай оказался поделен на восемь частей между независимыми правителями. На северо-востоке, в нижней излучине Хуанхэ, хозяйничал Юань Шао; к югу от него и ближе к левому берегу этой реки располагался Цао Цао; южнее Лояна властвовал Юань Шу; южней Юань Шу и Цао Цао, в среднем течении Янцзы, правил Лю Бяо (144—208 гг., назначенный еще Дун Чжо); на юго-востоке Китая, где некогда находилось царство Юэ, управлял молодой и талантливый Сунь Цэ (175—200 гг.).

В западной части страны, на севере в Лянчжоу распоряжались выступившие в 184 г. против Лин-ди повстанцы; на юге, по правому берегу Янцзы, правил Лю Чжан (ум. ок. 223 г.), чей отец был назначен в 188 г. Лин-ди на должность *чжоу-му*. Между Лю Чжаном и мятежниками Лянчжоу на территории округа Ханьчжун образовал самостоятельное государство глава даосской секты «Пяти доу риса» Чжан Лу, поставленный в свое время губернатором Ичжоу Лю Янем управлять здесь. Между даосским правителем и Лю Чжаном назревал конфликт. Юань Шао, Цао Цао и Юань Шу были настроены непримиримо по отношению дру к другу.

Из правителей ближайших к столице округов никому не пришло в голову снабжать двор продовольствием и всем необходимым. Между тем, дальнейшая судьба династии служила предметом домыслов и пересудов. Одни говорили, что императором станет первый, кому улыбнется судьба. Другие допускали возможность мирной передачи власти основателю новой династии. Третьи уповали на возрождение династии Хань в еще большем блеске.

Как бы то ни было, Юань Шао, Цао Цао и Юань Шу имели свои соображения в отношении действующего императора. Поразмыслив, первый решил не принимать Сюань-ди в своем стане, поскольку, как его убедили, это создаст больше неудобств, чем преимуществ. Цао Цао считал наоборот, и когда император и императрица Фу Шоу (возведенная в этот сан 20 мая 195 г.) прибыли в августе 196 г. в Лоян, Цао

Цао склонил двор разместиться в его опорном пункте, городе Сюй, где приглашенная сторона и остановилась.

Видя, что его обошли и что Цао Цао не выпустит императора из рук, Юань Шу попытался в 197 г. провозгласить собственную династию, и наиболее верные его сторонники стали покидать его. Перед смертью (в 199 г.), без гроша за душой, он уговаривал Юань Шао купить его титул, но тот отказался.

Цао Цао поправил на своей территории финансовое положение, наделяя солдат земельными участками для их возделывания и при условии постоянной платы зерном. Благодаря моральному авторитету императора и регулярному поступлению продовольствия его влияние постепенно возрастало, вплоть до решающей битвы с Юань Шао под Гуаньду в 200 г.

Лю Бяо и Сунь Цэ были заняты в это время заключением союзов по очереди с Цао Цао и Юань Шао. При этом Лю Бяо удавалось сохранять относительную свободу действий, и столица его владения Сянъян превратилась в центр культуры и процветания. Сунь Цэ шаг за шагом укреплял свою власть на юго-востоке, но как раз перед тем как состоялось крупное сражение между Цао Цао и Юань Шао, он умер двадцати пяти лет от роду. Ему наследовал его брат Сунь Цюань (182—252 гг.). В западной части Китая теократическое государство, управляемое Чжан Лу, расширилось за счет части владений Лю Чжана.

В битве при Гуаньду Цао Цао обратил противника в бегство. После смерти Юань Шао в 202 г. двое его сыновей не могли поделить наследство, и Цао Цао установил контроль над всей принадлежавшей последним представителям аристократической фамилии Юань территорией. В 207 г. Цао Цао отправился в поход далее на север и разбил конницу племени «ухуаней», подчинив таким образом весь северо-восток страны.

На юге Сунь Цюань и Лю Бяо сохраняли видимость лояльности императору и тем самым Цао Цао. Это кажущееся спокойствие оказалось под угрозой, когда в 208 г. Лю Бяо занемог, не найдя себе преемника, которого бы счел достойным. Его территория могла отойти к Цао Цао либо к Сунь Цюаню. Ею мог завладеть еще и Лю Бэй, помогавший то одному, то другому военачальнику. Торопя события, Цао Цао вынудил сына Лю Бяо отдать земли ему, тогда Лю Бэй

и Сунь Цюань заключили друг с другом союз. Когда же неугомонный полководец двинулся по воде к югу, временные союзники сожгли его корабли и разбили его в месте, называвшемся Красные скалы. Южные земли отныне были предоставлены сами себе.

Цао Цао лишился, таким образом, части земель Лю Бяо, но укрепился на северо-западе и упрочил свое положение при императоре. Кроме того, он добился лояльности лиц, составлявших окружение Лю Бяо. Ряд ученых и поэтов из этого окружения вошли в административный аппарат, реорганизованный Цао Цао. Последним были произведены существенные перемены на верху служебной лестницы: упразднены посты трех «гунов» и заменены двумя — первого советника императора (этот пост он занял сам) и хранителя императорской печати (*шаншу*).

До 208 г. Цао Цао избегал громких титулов; в 196 г. он получил пост распорядителя общественными работами и исполнял обязанности командующего колесницами и конницей. Эту должность он, видимо, в 199 г. упразднил, а в 204 г. взял еще один титул — правителя округа (*чжоу му*), которым фактически и являлся.

Окружение императора составляли люди с консервативными убеждениями, преданные династии. Теория временного упадка ее правления нашла здесь себе горячих сторонников. Каноновед Синь Юэ (148—209 гг.) представил в 200 г. свой труд «Летописи Хань» («Хань цзи») с главной идеей возрождения династии после смутного периода.

Так совпало, что в том же году при дворе готовился заговор, ставивший целью расправиться с Цао Цао. Заговор расстроился, и в 203 г. Цао Цао установил наблюдение над приближенными к императору бюрократами. Начиная с 208 г. он уже показывал свою власть над находившимся у него в плену двором. Ему было позволено, не торопясь, приближаться к государю, что являлось привилегией сановников преклонного возраста. На следующий год ему был пожалован титул «Вэй-гуна» и оказаны исключительные почести. Со своей стороны, он вручил императору трех своих дочерей. В 214 г. ему вновь были оказаны почести. Он же добился низложения императрицы Фу и убил двух рожденных к этому времени сыновей императора. Лю Бэй по этой причине облачился в траур, как бы предостерегая диктатора от

дальнейших посягательств на императорскую семью. В 215 г. дочь Цао Цао стала императрицей. На другой год он взял титул «Вэй-вана», преступив неписаное правило награждения титулом вана лишь представителей правящего рода. В 217 г. ему снова были оказаны почести, и только смерть 15 марта 220 г. помешала ему, по мнению историков, провозгласить себя императором.

После того как в 211 г. окружающие Чанъань территории были покорены и пойман, наконец, в 214 г. на дальнем западе самопровозглашенный *ван*, а глава секты «Пяти доу риса» Чжан Лу сдался, страна оказалась поделенной между Цао Цао, Лю Бэем, хитростью отобравшим владения у Лю Чжана (некогда губернатора Ичжоу) и Сунь Цюанем.

В 218 г. верные сторонники правящего дома вновь устраивали заговор против Цао Цао, и опять он оказался неудачным. В следующем году Лю Бэй отобрал у Цао Цао бывшую под властью Чжан Лу территорию и присвоил себе титул вана, а Сунь Цюань расширил свои владения на север. Так обстояли дела в Китае к моменту смерти Цао Цао.

Конец империи Хань

Сын Цао Цао Цао Пи унаследовал все титулы и посты отца. Не удосужась соблюсти траур сколько приличествует по времени, он предпринял путешествие по южной части доставшейся ему территории, желая показать соперникам власть свою и силу. Сунь Цюань изъявил готовность подчиниться. Его примеру последовали имевший вес и авторитет военачальник из служивших у Лю Бэя, а также глава племени, обитавшего вдоль границы владений Лю Бэя и Цао Пи. Все это было истолковано как подтверждение предсказания царствования Цао Пи. О пророчестве было известно одному из придворных императора. После оживленной дискуссии, в которой все стороны пришли к согласию, последний ханьский император 11 декабря 220 г. отрекся в пользу Цао Пи.

Лю Бэй, узнав о случившемся, объявил, что император убит, и облачился в траур. У его окружения не было недостатка в доказательствах перехода к этому представителю правившего рода «небесного мандата». Такого же мнения был и блестящий полководец периода «Троецарствия» Чжугэ Лян (181—234), наиболее могущественный приверженец Лю Бэя,

чья поддержка подтолкнула того объявить себя 15 мая 221 г. императором Хань. Правление этой династии продолжалось, таким образом, на юго-западе Китая.

Сунь Цюань, признавший основанную Цао Пи династию Вэй на севере, тем не менее ввел в 222 г. у себя собственный календарь, и лишь несколько лет спустя, в 229 г., он сделался первым императором династии У. Наступила эпоха «Трех царств», которые воевали друг с другом на протяжении полувека, ставшего рубежом между древностью и средневековьем в истории Китая.

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

- Авеста / Пер. И. Стеблин-Каменского. М., 1993.
- Антология древнекитайской философии. Т. 1—2. М., 1972—1973.
- Антология китайской поэзии / Пер. под общей редакцией Го Можо и Н.Т. Федоренко. М., 1957. Т.1
- Арриан*. Поход Александра / Пер. М.Е. Сергеевко. М., 1963 (Серия «Литературные памятники»; переизд. с сокращенным научным аппаратом. М., 1993).
- Артхашастра / Пер. А.И. Вострикова и др. М., Л., 1959.
- Артхашастра, или наука политики. М., Л., 1959.
- Атхарваведа. Избранное / Пер. Т.Я. Елизаренковой. М., 1976, 1996.
- Бамбуковые страницы: антология древнекитайской литературы / Сост. и коммент. И.С. Лисевича. М., 1994.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—2. М., Л., 1950. Т. 3. М., Л., 1953.
- Брихадараньяка упанишада / Пер. А.Я. Сыркина. М., 1964.
- Ветхий Завет (любое издание).
- Геродот*. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. М., Л., 1972 (Серия «Памятники исторической мысли», репр. изд. 1993).
- Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме / Введ. и коммент. М. Штерна. Рус. изд. под ред. Н.В. Брагинской. Т. 1: От Геродота до Плутарха. М.; Иерусалим, 1997 («Библиотека Флавиана», 5).
- Да услышат меня земля и небо: из ведийской поэзии. М., 1984.
- Джатаки / Пер. с пали Б.А. Захарьина. М., 1979.
- Диодор Сицилийский*. Диодора Сицилийского историческая библиотека / Пер. И. Алексеева. Ч. 1—6. СПб., 1774—1775.
- Древнекитайская философия. Т. 1—2. М., 1972.
- Древнекитайская философия. Эпоха Хань: антология / Сост. Ян Хиншун. М., 1990.
- Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и коммент. В.Н. Топорова. М., 1960.
- Дьяконов И.М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2—3.
- Дьяконов И.М.* Законы Вавилонии. Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 3—4.

- Дьяконов И.М.* Урартские письма и документы. М., Л., 1963.
- Египетская Книга Мертвых. Папирус Ани Британского музея / Пер., введ. и коммент. Э.А. Уолиса Баджа; Пер. с англ. С.В. Архиповой. М., 2003.
- Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, пров. и испр. Г. Ф. Ильиным. М., 1960.
- Иванов В.В.* Луна, упавшая с неба: древняя литература Малой Азии / Пер. и коммент. В.В. Иванова. М., 1977.
- Из книги мудрецов: Проза древнего Китая. М., 1987.
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности / Пер. Г.Г. Генкеля. Т. 1—2. СПб, 1900 (переизд. Минск, 1994).
- Иосиф Флавий.* О древности иудейского народа. Против Апиона / Пер. и коммент. А.В. Вдовиченко // Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О древности иудейского народа. Против Апиона. М., Иерусалим, 1994 («Библиотека Флавиана», 3).
- История Африки в древних и средневековых источниках: хрестоматия / Сост. С.Я. Берзина и Л.Е. Куббель. М., 1979 (1-е изд.), 1990 (2-е изд.).
- История и культура древней Индии: тексты / Сост. А.А. Вигасин. М., 1990.
- И цзин. «Книга Перемен» и ее канонические комментарии / Пер. с кит., предисл. и примеч. В.М. Яковлева. М.: Янус-К, 1998.
- «И цзин — Чжоу и» (Система Перемен — циклические перемены) / Пер. с кит. Б.Б. Виноградского. М.: «Северный Ковш», 1999.
- Камасутра / Пер. А.Я. Сыркина. М., 1993.
- Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского: с приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Под ред. А.А. Вигасина. М., 1993.
- Классическая драма древней Индии / Сост. и ред. Г. Зограф. Л., 1984.
- Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР: письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н.э. / Автограф, копии, транскрипция, пер., ввод. ст. и коммент. Н.Б. Янковской. М., 1968.
- Книга правителя области Шин / Пер. и коммент. Л.С. Переломова. М., 1968.
- Коростовцев М.А.* Декрет Сети I в Наури // Исторический архив. 1939. № 2.
- Коростовцев М.А.* Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., 1960.

Ксенофонт. Анабасис / Пер. и коммент. М.И. Максимовой. М., Л., 1951 (Серия «Литературные памятники», репр. изд. М., 1994).

Ксенофонт. Киропедия / Изд. подгот. В.Г. Борухович и Э.Д. Фролов. М., 1977 (Серия «Литературные памятники», репр. изд., 1993).

Латышев В.В. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1; 1949; № 4; 1950. № 4; 1952. № 2.

Лирика древнего Египта / Пер. А. Ахматовой и В. Потаповой; сост. И.С. Кацнельсона. М., 1965.

Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977.

«Лунь юй» / Пер. В.А. Кривцова // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., 1972. С. 139—174.

Лурье И.М. Иммунитетные грамоты Древнего царства // Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока. Вып. 1. Л., 1939.

Лурье И.М. Юридические документы по социально-экономической истории древнего Египта в период Нового царства // ВДИ. 1952. № 1.

Махабхарата / Пер. В.И. Кальянова и др. Т. 1—5, 7—11. М., Л. (СПб.), 1950—1992.

Махабхарата / Пер. С. Липкина. Рамаяна / Пер. В. Потаповой: Эпические поэмы. М., 1974 (Библиотека всемирной литературы).

Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

Николай Дамасский. История / Пер. под ред. Е.Б. Веселаго // ВДИ. 1960. № 3—4.

От начала начал: антология шумерской поэзии / Пер. и коммент. В.К. Афанасьевой. СПб., 1997.

Панчатантра / Пер. А.Я. Сыркина. М., 1958., 1972:

Плутарх. Об Исиде и Осирисе / Пер. Н.Н. Трухиной // ВДИ. 1977. № 3—4.

Повесть Петеисе III: древнеегипетская проза / Пер. и коммент. М.А. Коростовцева. М., 1978.

Ригведа: избранные гимны / Пер., коммент. и вступ. слово Т.Я. Елизаренковой. М., 1972, 1977.

Рифтин А.П. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М., Л., 1937.

Сказки древнего Египта. М., 1998.

Сказки и повести древнего Египта / Пер. и коммент. И.Г. Лившица. Л., 1979 (Серия «Литературные памятники»; репр. изд. 2004).

Столепестковый лотос: антология древнеиндийской литературы / Сост. И.Д. Серебряков. М., 1996.

Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратоновского. М., 1964 (Серия «Памятники исторической мысли»; репр. изд. 1994).

Сыма Цянь. Избранное / Пер. В. Панасюка. М., Гослитиздат, 1956.

Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М.: Наука, 1972. Т. I.

Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М.: Наука, 1983. Т. IV. Гл. 26. Ли шу. «Трактат о календаре».

Тексты Пирамид / Под ред. А.С. Четверухина. СПб., 2000.

Угаритский эпос / Пер. и коммент. И.Ш. Шифмана. М., 1993.

Упанишады / Пер. А.Я. Сыркина. М., 1967.

Урартские клинообразные надписи. Открытия и публикации (1954—1970) / Публ., пер. и коммент. Г.А. Меликишвили // ВДИ. 1971. N. 3—4.

Учение: Пятикнижие Моисеево (От Бытия до Откровения) / Пер. и коммент. И.Ш. Шифмана. М., 1993.

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая / Пер. с кит. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Фараон Хуфу и чародеи: сказки, повести, поучения древнего Египта / Пер. и коммент. И.С. Кацнельсона. М., 1958.

Франк-Каменецкий И.Г. Памятники египетской религии в фиванский период. Вып. 1—2. М., 1917—1918 (Серия «Культурно-исторические памятники древнего Востока». Вып. 5—6).

Шицзин. Книга песен. Избранное. М., 1986.

Шицзин / Изд. подгот. А.А. Штукин и Н.Т. Федоренко. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Шилейко В.К. Вотивные надписи шумерских правителей. Пг., 1915.

Шудрака. Глиняная повозка / Пер. и предисл. В.С. Воробьева-Десятовского. М., 1956.

Шумерский героический эпос / Транскрипция, пер., коммент. и ввод. ст. И.Т. Каневой // ВДИ. 1964. № 3—4.

Эламские хозяйственные документы из Суз / Транскрипция, пер. и коммент. Ю.Б. Юсифова // ВДИ. 1963. № 2—3.

Эпос о Гильгамаше (О все видавшем) / Пер. и коммент. И.М. Дьяконова. М., Л., 1961 (Серия «Литературные памятники»).

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» / Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского; под ред. М.Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. 1954. № 2—4; 1955. № 1.

Я открою тебе сокровенное слово...: литература древней Месопотамии / Сост. И.М. Дьяконов и В.К. Афанасьева. М., 1981.

ХРЕСТОМАТИИ

Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1—2. М.: Мысль, 1972, 1973.

Древний мир в памятниках его письменности / Сост. Д.А. Жаринов. Н.М. Никольский. М., 1915. Ч. 1: Восток.

Древний мир: сборник документов по культурной истории Востока, Греции и Рима / Под ред. Б.А. Тураева и И.Н. Бороздина. М., 1915. Ч. 1: Восток.

История Древнего Востока. Тексты и документы: учеб. пособие / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа. 2002.

История и культура Древней Индии. Тексты. М., 1990.

Лирическая поэзия древнего Востока / Сост. И.М. Дьяконов. М., 1984.

Литература древнего Востока: Иран, Индия, Китай. Тексты / Сост. Ю.М. Алиханова, В.Б. Никитина, Л.Е. Померанцева. М., 1984.

Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973 (Библиотека всемирной литературы).

Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. II. Раздел IV. Индия (Г.Ф. Ильин и А.А. Вигасин). М., 1980.

Хрестоматия по истории древнего Востока / Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963.

Хрестоматия по истории древнего Востока / Сост. и коммент. А.А. Вигасина. М., 1997.

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В.В. Струве. М., 1950. Ч. 1: Восток.

Хрестоматия по истории древнего Востока / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузищина. Т. 1—2. М., 1980.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

История Древнего Востока : учеб. для вузов / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1979 (1-е изд.); 1988 (2-е изд.); 1999 (3-е изд. и стереотипные допечатки).

История Древнего Востока: материалы по историографии / Под ред. В.И. Кузищина, А.А. Вигасина. М., 1991.

История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. 2-е изд., испр. Кн. 1—3. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983.

История древнего мира / И.А. Ладынин, А.А. Немировский, С.В. Новиков, В.О. Никишин, М., 2004; 2005 (стереотипная допечатка).

Источниковедение истории древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1984.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Археология Зарубежной Азии. М., 1985.

Археология Старого и Нового Света: сб. ст. М., 1966, 1982.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.

Вигасин А.А., Дандамаев М.А., Крюков М.М. и др. История древнего Востока. Раздел IV. Южная Азия в древности. М., 1988.

Всемирная история. Т. 1, 2. М., 1955, 1956.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока: IV тысячелетие — IV в. до н.э. М., 1993.

Государство и социальные структуры на древнем Востоке: Сб. ст. М., 1989.

Дьяконов И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1.

Дьяконов И.М. Проблемы собственности: о структуре общества древнего Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н.э. // ВДИ. 1967. № 4.

Дьяконов И.М. Проблемы экономики: о структуре общества древнего Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н.э. // ВДИ. 1968. № 3. 4.

Дьяконов И.М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 4.

Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских языков // ВДИ. 1982. № 3—4.

Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», полисы и империи: проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2.

Древний Восток: этнокультурные связи: сб. ст. М., 1988.

Древние цивилизации / Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1989.

Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности (От первых поселений до персидского завоевания). М., 1989.

Зельин К.К. Принципы морфологической классификации форм зависимости // *Зельин К.К., Трофимова М.К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969. С. 11—51.

Илюшечкин В.П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986.

Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования), М., 1990.

- История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983.
- История Востока. Т. 1: Восток в древности. М., 1997.
- История древнего Востока: зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия. М., 1983. Ч. 2: Передняя Азия, Египет, М., 1988.
- История Древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.
- История Китая : учеб. / Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Климишин И.А.* Календарь и хронология. 3-е изд. М., 1990.
- Конрад Н.И.* Запад и Восток. М., 1972.
- Коростовцев М.А.* О понятии «древний Восток» / ВДИ. 1970. № 1.
- Коростовцев М.А.* О характере древневосточного общества // Народы Азии и Африки. 1966. № 3.
- Культурное наследие Востока: проблемы, поиски, суждения (К 75-летию Б.Б. Пиотровского). Л., 1985.
- История древнего мира. Т. 1: Ранняя древность. Т. 2: Расцвет древних обществ. Т. 3: Упадок древних обществ / Под ред. И.М. Дьяконова, И.С. Свенцицкой, В.Д. Нероновой. М., 1982 (1-е изд.), 1983 (2-е изд.), 1989 (3-е изд.).
- Коростовцев М.А.* О понятии «древний восток» // ВДИ. 1970. № 1.
- Ламберг-Карловски К., Саблов Дж.* Древние цивилизации: Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992.
- Матье М.Э., Афанасьева В.К., Дьяконов И.М., Луконин В.Г.* Искусство древнего Востока. М., 1968 (Серия «Памятники мирового искусства»).
- Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987.
- Меликишвили Г.А.* К вопросу о характере древнейших классовых обществ // Вопросы истории. 1966. № 11.
- Меликишвили Г.А.* Характер социально-экономического строя на древнем Востоке (Опыт стадийно-типологической классификации древних обществ) // Народы Азии и Африки. 1972. № 4.
- Меликишвили Г.А.* Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества // ВДИ. 1985. № 4.
- Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
- Мифологии древнего мира / Пер. с англ., предисл. И.М. Дьяконова. М., 1977.
- Пучков П.И.* Некоторые вопросы протоэтногенеза // Исчезнувшие народы. М., 1988.

Сафронов В.А. Прародина индоевропейцев. Горький, 1989.

Струве В.В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока. М., 1934 (Известия Государственной академии истории материальной культуры, 77).

Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб., 2000.

Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. 1—2. М., Л., 1935—1936 (а также современные переиздания).

Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии: духовные искания древнего человека. М., 1984.

Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М., 1991.

Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (Штысячелетие до н.э.): сб. ст. М., 1981.

Языки Азии и Африки. Т. 1: Индоевропейские языки (Хетто-лувийские языки. Армянский язык. Индоиранские языки). М., 1976.

Т. IV: Афразийские языки. Кн. 1: Семитские языки. М., 1991.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ I

Авдиев В.И. Военная история древнего Египта. Т. 1—2. М., 1948—1959.

Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999.

Берлев О.Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978.

Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.

Берлев О.Д., Ходжаш С.И. Скульптура древнего Египта в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2004.

Богословский Е.С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц (к социальной истории Египта XVI—XIV вв. до н.э.). М., 1979.

Богословский Е.С. Древнеегипетские мастера: по материалам из Дер-эль-Медина. М., 1983.

Богословский Е.С. О системе древнеегипетского общества второй половины II тысячелетия до н.э. // Восток (Oriens). 1991. № 6.

Богословский Е.С. Повседневная жизнь в древнем Египте // Восток (Oriens). 1995. № 4.

Большаков А.О. Изображение и текст: два языка древнеегипетской культуры // ВДИ. 2003. № 4.

Большаков А.О. Человек и его двойник: изобразительность и мировоззрение в Египте Среднего царства. СПб., 2000.

Большаков А.О., Суцневский А.Г. Герой и общество в древнем Египте // ВДИ. 1991. № 3.

Демидчик А.И. Безымянная пирамида: государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005.

Кацнельсон И.С. Напата и Мероэ — древние царства Судана. М., 1970.

Картер Г. Гробница Тутанхамона. М., 1959.

Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян / Пер. И.В. Богданова. СПб., 2005.

Кинк Х.А. Египет до фараонов. М., 1964.

Кормышева Э.Е. Религия Куша. М., 1984.

Кормышева Э.Е. Мир богов Мероэ. М., 2000.

Коростовцев М.А. Писцы древнего Египта. М., 1962 (переизд. СПб., 2001).

Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976.

Культура древнего Египта. М., 1976.

Лурье И.М. Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н.э. Л., 1960.

Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. Л., 1956.

Матье М.Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. М., 1996.

Матье М.Э. Искусство древнего Египта. СПб., 2001.

Павлова О.И. Амон Фиванский: ранняя история культа. М., 1984.

Перепелкин Ю.Я. Частная собственность в представлениях египтян Старого царства. М., Л., 1966 [Палестинский сборник. Вып. 16 (79)].

Перепелкин Ю.Я. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 1. М., 1967. Ч. 2. М., 1984.

Перепелкин Ю.Я. Кейэ и Сенмехкерэ: к исходу солнцепоклоннического переворота в древнем Египте. М., 1979.

Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988.

Перепелкин Ю.Я. История древнего Египта. СПб., 2000.

Пиотровский Б.Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи. М., 1983.

Савельева Т.Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971.

Савельева Т.Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III—VIII династии). М., 1992.

Стучевский И.А. Земледельцы государственного хозяйственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982.

Стучевский И.А. Рамсес II и Херихор: из истории древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984.

Стучевский И.А. Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта. М., 1962.

Тураев Б.А. Бог Тот. Лейпциг, 1898 (переизд. СПб., 2001).

Тураев Б.А. Египетская литература. СПб., 2000.

Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавите. М., 1950.

Эмери У.Б. Архаический Египет. СПб., 2001.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ II

Афанасьева В.К. Гильгамеш и Энкиду: эпические образы в искусстве. М., 1979.

Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980.

Белявский В.А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.

Бибби Дж. В поисках Дильмуна. М., 1984.

Винклер Г. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913.

Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961.

Грибов Р.А. Земельные отношения в Мари // ВДИ. 1970. № 2.

Грибов Р.А. Воинская и трудовая повинность в Мари // ВДИ. 1972. № 3.

Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н.э. М., 1974.

Дандамаев М.А. Вавилонские писцы. М., 1983.

Делич Ф. Библия и Вавилон. СПб., 1912.

Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья (Шумер). М., 1959.

Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990.

Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.

Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2003.

Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. Очерки. М., 1983.

Козырева Н.В. Древняя Ларса: очерки хозяйственной жизни. М., 1988.

Кленгель-Брандт Э. Вавилонская башня: легенда и история. М., 1991.

Клима И. Общество и культура Двуречья. Прага, 1947.

Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М., 1965, 1992 (2-е изд.).

Кьера Э. Они писали на глине. М., 1984.

Ллойд С. Археология Месопотамии. 2-е изд. М., 1984.

Мартirosян А.А. Деловой дом Эгиби: Вавилония, VI в. до н.э. Ереван, 1989.

Никольский Н.М. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. Минск, 1948.

Оппенхейм А.Л. Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации. М., 1990.

Садаев Д.Ч. История древней Ассирии. М., 1979.

Струве В.В. Государство Лагаш: борьба за расширение гражданского права в Лагаше XXV—XXIV вв. до н.э. М., 1961.

Струве В.В. Ономастика раннединастического Лагаша. М., 1984.

Тюменев А.А. Государственное хозяйство древнего Шумера. М., Л., 1956.

Флиттнер Н.Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М., Л., 1958.

Якобсен Т. Сокровища тьмы: история месопотамской религии. М., 1995.

Якобсон В.А. Возникновение писанного права в древней Месопотамии // ВДИ. 1981. № 4.

Янковская Н.Б. Международное торговое объединение Каниша // ВДИ. 1965. № 3.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ III

Аветисян Г.М. Государство Митанни (Военно-политическая история XVII—XIII вв. до н.э.). Ереван, 1984.

Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

Арутюнян Н.В. Биайнили (Урарту): военно-политическая история и вопросы топонимики. Ереван, 1970.

Арутюнян Н.В. Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван, 1985.

Вильгельм Г. Древний народ хурриты: очерки истории и культуры. М., 1992.

Герни О.Р. Хетты. М., 1987.

Гиндин Л.А. Население гомеровской Трои: историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. М., 1993.

Гиндин Л.А., Цимбурский В.Л. Гомер в истории Восточного Средиземноморья. М., 1996.

Гиоргадзе Г.Г. Вопросы общественного строя хеттов. Тбилиси, 1991.

Гиоргадзе Г.Г. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, 1973.

Довгяло Г.И. К возникновению царской власти у хеттов. Минск, 1965.

Древние языки Малой Азии : Сб. ст. / Под ред. И.М. Дьяконова и В.В. Иванова. М., 1980.

Древняя Анатолия: сб. ст. М., 1985.

Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа (История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне). Ереван, 1968.

Дьяконов И.М. Малая Азия и Армения ок. 600 г. до н.э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. № 2.

Кавказ и цивилизации древнего Востока [Материалы всесоюз. научн. конференции] / Под ред. И.М. Дьяконова и др. Орджоникидзе, 1989.

Маккуин Дж. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

Меликишвили Г.А. Древневосточные материалы из истории народов Закавказья. I: Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.

Меликишвили Г.А. Возникновение Хеттского царства и проблемы древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. 1965. № 1.

Менабде Э.А. Хеттское общество. Тбилиси, 1965.

Моисеева Т.А. Царская власть у фригийцев // ВДИ. 1982. № 1.

Периханян А.Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959.

Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Пиотровский Б.Б. Царство Урарту VIII—VI вв. до н.э. Л., 1962.

Саркисян Д.Н. Страна Шубрия. Ереван, 1989.

Соловьева С.С. Лидия при Гигесе и ее взаимоотношения с Ассирией // Древний Восток. Вып. 1. М., 1975.

Янковская Н.Б. Хурритская Аррапха // ВДИ. 1957. № 1.

Янковская Н.Б. Хурриты в Канише (Малая Азия XIX в. до н.э.) // Кавказско-ближневосточный сборник. Вып. 8. Тбилиси, 1988.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ IV

Амусин И.Д. Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тысячелетие до н.э.) по библейским источникам. М., 1993.

- Бернхардт К.-Х.* Древний Ливан. М., 1982.
- Вулли Л.* Забытое царство. М., 1986.
- Гельцер М.Л.* Некоторые вопросы политической и социальной истории древнего Алалаха // ВДИ. 1956. № 3.
- Гельцер М.Л.* Материалы к изучению социального строя древнего Угарита // ВДИ. 1954. № 2.
- Гельцер М.Л.* Финикия на рубеже VII—VI вв. до н.э. // Краткие сообщения Института народов Азии. 1962. Вып. 46.
- Древняя Аравия (Материалы и сообщения) / Отв. ред. А.Г. Лундин. М., 1973.
- Древняя Эбла (раскопки в Сирии) / Сост. П. Маттиэ; под ред. И.М. Дьяконова. М., 1985.
- Коротаев А.В.* Сабейские этюды: некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997.
- Косидовский З.* Библейские сказания. М., 1987.
- Лундин А.Г.* Государство мукаррибов Саба. М., 1971.
- Лурье С.* Антисемитизм в древнем мире, попытки объяснения его в науке и его причины. Пг., 1922 (переизд. в: Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О древности иудейского народа. Против Апиона. М., Иерусалим, 1994 («Библиотека Флавиана», 3).
- Мерпет Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. М., 2000.
- Немировский А.А.* У истоков древнееврейского этногенеза: ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 2001.
- Струве В.В.* Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики. Пг., 1919.
- Тураев Б.А.* Остатки финикийской литературы. СПб., 1903 (Сообщения Российского Палестинского общества. Т. 13).
- Циркин Ю.Б.* Карфаген и его культура. М., 1986.
- Циркин Ю.Б.* Финикийская культура в Испании. М., 1976.
- Циркин Ю.Б.* История библейских стран. М., 2003.
- Циркин Ю.Б.* От Ханаана до Карфагена. М., 2001.
- Шифман И.Ш.* Ветхий Завет и его мир. М., 1988.
- Шифман И.Ш.* Возникновение Карфагенской державы. М., Л., 1963.
- Шифман И.Ш.* Земельные отношения в Палестине в первой половине I тысячелетия до н.э. // ВДИ. 1965. № 4.
- Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита. М., 1987.
- Шифман И.Ш.* Набатейское государство и его культура: из истории культуры доисламской Аравии. М., 1976.

Шифман И.Ш. Угаритское общество XIV—XIII вв. до н.э. М., 1982.

Шифман И.Ш. Финикийские мореходы. М., 1965.

Шпигельберг В. Пребывание Израиля в Египте в свете египетских источников. СПб., 1908.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ V

Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских племен // Древний Восток и античный мир. М., 1972.

Абаев В.И. Пятый столбец Бехистунской надписи и антидэвовская надпись Ксеркса // ВДИ. 1963. № 3.

Алиев И. История Мидии. Баку, 1960.

Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. М., 1987.

Бонгард-Левин Г.М. К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (индоарии и местные субстраты) // ВДИ. 1979. № 1.

Бонгард-Левин Г.М. Некоторые проблемы этнокультурной истории народов Индостана в III—I тысячелетиях до н.э. // Узловые проблемы истории Индии. М., 1981.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. М., 1984.

Грантовский Э.А. Происхождение мидийского государства (политика и идеология) // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М., 1988.

Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Средней Азии. М., 1970.

Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.

Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Дандамаев М.А. Имперская идеология и частная жизнь в Ахеменидской державе // ВДИ. 1998. № 1

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Дьяконов И.М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н.э. М., Л., 1956.

Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. М., 1971.

Дьяконов И.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.

Иванчик А.И. Каммерийцы: древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VI вв. до н.э. М., 1996.

- Кашкай С.М.* Из истории Маннейского царства. Баку, 1977.
- Лелеков Л.А.* Авеста в современной науке. М., 1992.
- Луконин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран: очерки истории культуры. М., 1987.
- Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Массон В.М.* Средняя Азия и древний Восток. М., Л., 1966.
- Меликишвили Г.А.* Некоторые вопросы истории Маннейского царства // ВДИ. 1949. № 1.
- Новиков С.В.* Юго-Западный Иран в античное время. М., 1989.
- Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский период. М., 1983.
- Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992.
- Пьянков И.В.* Образование державы Ахеменидов по данным античных источников // История Иранского государства и культуры. М., 1971.
- Пьянков И.В.* Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени // ВДИ. 1996. № 3.
- Рак И.В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб., 1998.
- Струве В.В.* Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I // ВДИ. 1948. № 3.
- Струве В.В.* Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1944. Т. 1. № 3.
- Тюрин В.О.* Социальное положение курташ по документам из «Сокровищницы» Персеполя // ВДИ. 1951. № 3.
- Уилбер Д.* Персеполь: археологические раскопки резиденции персидских царей. М., 1977.
- Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972.
- Хинц В.* Государство Элам. М., 1976.
- Юсифов Ю.Б.* Элам: социально-экономическая история. М., 1968.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ VI

- Альбедиль М.Ф.* Забытая цивилизация в долине Инда. СПб., 1991.
- Альбедиль М.Ф.* Протоиндийская цивилизация: очерки культуры. М., 1994.
- Бонгард-Левин Г.М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1972.

Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. 2-е изд. М., 1993.

Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М., 2002.

Бонгард-Левин Г.М., Герасимов А.В. Мудрецы и философы древней Индии. М., 1977.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 2001.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977.

Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. М., 1984.

Вертоградова В.В. Праkritы. М., 2002.

Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. М., 1976.

Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. М., 1999.

Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2004.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит. М., 1960.

Ильин Г.Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958.

Культура древней Индии. М., 1975.

Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.

Маламут Ш. Испечь мир. Ритуал и мысль в древней Индии. М., 2005.

Пандей Р.П. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1982.

Тюлина Е.В. Гаруда-пурана. Человек и мир. М., 2005.

Три великих сказания древней Индии. Литературное изложение. М., 1978.

Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ VII

Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.

Быков Ф.С. Учение о первоэлементах в учении Дун Чжун-шу (К проблеме становления неоконфуцианства) // Китай. Япония. История и филология. М., 1961. С. 117.

Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН. М., 1998.

Гоа Мин. О насечках на керамике и об истоках китайской иероглифической письменности. — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. М.: Прогресс. 1989. С. 303—304.

Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.

История Китая с древних времен до наших дней. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974.

Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994.

Климишин И.А. Календарь и хронология. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1990.

Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб.: «Евразия», 2001.

Крюков М.В. и др. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983.

Крюков В.М. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М., (Серия «Памятники исторической мысли»). 2000.

Куликов В.С. Китайцы о себе. М., 1989.

Малявин В.В. Гибель древней империи. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983.

Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 1. Сюнну. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.

Старцев П.А. Очерки истории астрономии в Китае. М., 1961.

Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985.

Шмидт П.П. Китайские классические книги // «Известия Восточного Института». Т. 2. Вып. 3. Владивосток, 1901.

Шуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга Перемен». М.: Изд-во восточной литературы (2-е изд. 1993).

The Cambridge History of China. Vol. I. The Ch'in and Han Empires, 221 B.C.—A.D. 220. Cambridge University Press, Cambridge a.e., 1986.

Willets, W. Das Buch der Chinesischen Kunst. Leipzig. VEB E. A. Seemann Verlag, 1970. Foundations of Chinese Art. London. Thames & Hudson Ltd, 1965.

Учебное издание

**Александрова Наталия Владимировна,
Ладынин Иван Андреевич,
Немировский Александр Аркадьевич,
Яковлев Виктор Михайлович**

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Учебное пособие для вузов

Руководитель проекта —
академик РАН А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакция «Образовательные проекты»

Ответственный редактор *С.А. Юшина*
Художественный редактор *Т.Н. Войткевич*
Технический редактор *А.Л. Шелудченко*
Корректор *И.Н. Мокина*

Оригинал-макет подготовлен
ООО «БЕТА-ФРЕЙМ»

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953005 — литература учебная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, пр. Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
170002, РФ, Тверская обл., г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса: www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

По вопросам приобретения книг обращаться по адресу:
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7 этаж
Отдел реализации учебной литературы

«Издательство группы АСТ»
Справки по телефону: (495) 615-53-10, факс 232-17-04

Древний Восток

Учебное пособие для вузов

Учебное пособие «Древний Восток» посвящено становлению, развитию и особенностям первых в мире цивилизаций, история которых начинается с IV тысячелетия до нашей эры.

Пособие состоит из 7 глав: «Древний Египет», «Древняя Месопотамия», «Малая Азия и Закавказье в древности», «Восточное Средиземноморье и Аравия», «Древний Иран», «Древняя Индия» и «Древний Китай».

Каждая глава имеет четкую структуру, облегчающую поиск нужного материала. Приводятся объяснения основных исторических терминов и понятий изучаемого периода.

Авторы книги — ведущие специалисты Института всеобщей истории РАН, Института востоковедения РАН, преподаватели Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета.

Для студентов высших учебных заведений, преподавателей и всех, интересующихся историей.

ISBN 978-5-17-045827-1

9 785170 458271